

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 517. Август

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 517. August

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Айзикова И.А., Смольянинов А.В. Проблемы типологизации художественных текстов и модели их трансформации в обусловленности технологическими и социокультурными изменениями современного цифрового общества	5
Дмитриев А.В. Топонимия Ингерманландии: эволюция методов научного описания	17
Жданов С.С., Федотова Н.В. Образ Нью-Йорка в русских травелогах 60-х гг. XIX в.	33
Камилова С.Э., Юлдашева О.Б. От множественности трактовок к синтезу: как определить русскоязычную литературу?	45
Резанова З.И., Коршунова И.С. Актуальный языковой опыт билингва как фактор влияния на восприятие перцептивной семантики	53
Романов Д.А., Кучерова М.А. Поэтика воплощения образа простого человека в «малой прозе» Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича: лингвостилистический аспект	62
Сухих Е.В. Поэтика сонета-портрета в «Книге песен» Ф. Петрарки	69

ФИЛОСОФИЯ

Довгаленко Н.В. Роль неопределенности и трансформация методологии в технонаучной сфере	77
Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Эллен) Сюрреализм: поиск свободы за пределами сознания	83
Фаритов В.Т. Онтология музыки и кризис классической метафизики	94

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Нехода Е.В., Недоспасова О.П., Демидова Д.К. Как обеспечить достойный труд для «новых» занятых	100
Шарыпова С.Ю., Гордеева С.С. Ценность здоровья в оценках жителей мегаполисов России постпандемийного периода: неконгруэнтность между намерением и поведением	117

ИСТОРИЯ

Алексеев Т.В. Начальный этап истории огнестрельного оружия в России: состояние проблемы в отечественной историографии	128
Гасилин В.В., Креминская Е.А., Бачура О.П., Новиков А.В. Жертвенные животные у южных хантов (по материалам святилища XVII–XIX вв. Нялинское-1)	137
Дилекова С.Д. Язык как маркер этнической идентичности алтайской молодежи	146
Головинов А.В. Политическая мысль позднего областника Н.Н. Козьмина (на материалах публицистики начала XX века)	152
Коновалов И.А. Институт уездной полицейской стражи в Сибири в начале XX в.	159
Рычков А.В. Использование зарубежного научно-производственного опыта в сельском хозяйстве СССР в период «оттепели»	164
Тухель А.А. Государственно-идеологические воздействия на топонимическую систему Притомья в 20–80-е гг. XX в.	171

ПЕДАГОГИКА

Булатбаева К.Н., Фахрутдинова Г.Ж., Галиахметова А.Т. Моделирование системы развития глобальных компетенций студентов в вузе	178
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGY

Ayzikova I.A., Smolianinov A.V. Problems of typologizing literary texts and models of their transformation as conditioned by technological and sociocultural changes in contemporary digital society	5
Dmitriev A.V. Toponymy of Ingermanland: Evolution of scientific description methods	17
Zhdanov S.S., Fedotova N.V. The image of New York in Russian travelogues of the 1860s	33
Kamilova S.E., Yuldasheva O.B. From multiple interpretations to synthesis: How to define "Russian-language literature"?	45
Rezanova Z.I., Korshunova I.S. Actual language experience of a bilingual as a factor influencing the perception of perceptual semantics	53
Romanov D.A., Kucheroval M.A. The poetics of embodying the image of the common man in Leo Tolstoy's and Dmitry Grigorovich's "short prose": A linguo-stylistic aspect	62
Sukhikh E.V. The poetics of the sonnet portrait in Petrarch's <i>Canzoniere</i>	69

PHILOSOPHY

Dovgalenko N.V. Uncertainty and the transformation of methodology in the technoscientific field	77
Ioganson E.N. (Martin-Ioganson E.) Surrealism: The search for freedom beyond consciousness	83
Faritov V.T. Ontology of music and the crisis of classical metaphysics	94

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Nekhoda E.V., Nedospasova O.P., Demidova D.K. How to ensure decent work for the "newly" employed	100
Sharypova S.Yu., Gordeeva S.S. The value of health in the assessments of Russian megacity residents in the post-pandemic period: The incongruence between intention and behavior	117

HISTORY

Alekseev T.V. The initial stage of the history of firearms in Russia: The state of the problem in Russian historiography	128
Gasilin V.V., Kreminskaya E.A., Bachura O.P., Novikov A.V. Sacrificial animals at the Southern Khanty Nyalinskoye-1 sanctuary (17th–19th centuries)	137
Dilekova S.D. Language as a marker of ethnic identity for Altai youth	146
Golovinov A.V. Political thought of the late regionalist Nikolai Kozmin (based on materials from the journalism of the early 20th century)	152
Kononov I.A. The institution of the district police guard in Siberia in the early 20th century	159
Rychkov A.V. The use of foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period	164
Tukhel A.A. State-ideological Influences on the toponymic system of Pritom'e in the 1920s–1980s	171

PEDAGOGICS

Bulatbayeva K.N., Fahrutdinova G.Zh., Galiakhmetova A.T. Modeling a system for developing global competencies in university students	178
--	-----

Евдокимова М.Г. На пути к трансфессионально ориентированному обучению иностранным языкам в инженерных вузах	188	Evdokimova M.G. On the way to transfession-oriented teaching of foreign languages at engineering universities	188
Игнатов А.А. Периодизация спортивной тренировки как способ комплексного развития физических качеств студентов военных учебных центров при вузах	195	Ignatov A.A. Periodization of sports training as a method for complex development of students' physical abilities at university-based military training center	195
Ливенцова Е.Ю., Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Толстова М.А. Особенности восприятия ценностно-ориентированного контента студентами университета	207	Liventsova E.Yu., Gorchakova O.Yu., Larionova A.V., Tolstova M.A. Peculiarities of university students' perception of value-oriented content	207
Гальскова Н.Д., Орешкова Н.Л., Шабанова В.П., Ефимова О.Г. Аксиологический аспект содержания подготовки учителя иностранных языков как медиатора поликультурного пространства	215	Galskova N.D., Oreshkova N.L., Shabanova V.P., Efimova O.G. The axiological aspect of training the future foreign language teacher as a mediator of a polycultural space	215
Савченко И.А., Кремнёв Е.В., Кузнецова О.В. Адаптационные стратегии университетов в фокусе иноязычного образования в городах КНР	225	Savchenko I.A., Kremnev E.V., Kuznetsova O.V. Adaptation strategies of universities in the focus of foreign language education in Chinese cities	225

ПРАВО

Агабекян А.Л., Тихонова В.В. Пробация в Германии	233	Agabekyan A.L., Tikhonova V.V. Probation in Germany	233
Ахмедшин Р.Л. Тактические приемы назначения исследовательских следственных действий	241	Akhmedshin R.L. Tactical methods of assigning investigative actions	241
Синяева М.И. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде	249	Sinyayeva M.I. Some problems of criminal-legal qualification of speech aggression of young people in the digital environment	249
Сынтин А.В. Защищённые лица как субъекты уголовно-правовой охраны	256	Syntin A.V. Protected persons as subjects of criminal law protection	256

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-1/-9
doi: 10.17223/15617793/517/1

Проблемы типологизации художественных текстов и модели их трансформации в обусловленности технологическими и социокультурными изменениями современного цифрового общества

Ирина Александровна Айзикова¹, Артем Витальевич Смольянинов²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ wand2004@mail.ru

² smoart2@gmail.com

Аннотация. Рассматривается динамика развития художественного текста, сохраняющего некоторые традиционные признаки, но претерпевающего трансформации в плане создания, хранения, распространения и восприятия, обусловленные социокультурными и технологическими изменениями. Предлагается типология текстов по четырем критериям: способ создания и представления, структура, способ взаимодействия читателя с текстом, количество и взаимодействие семиотических кодов и знаковых систем.

Ключевые слова: художественный текст, типология текстов, цифровой текст, электронный текст, сетевой текст, гипертекст

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект No FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Айзикова И.А., Смольянинов А.В. Проблемы типологизации художественных текстов и модели их трансформации в обусловленности технологическими и социокультурными изменениями современного цифрового общества // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 5–16. doi: 10.17223/15617793/517/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/1

Problems of typologizing literary texts and models of their transformation as conditioned by technological and sociocultural changes in contemporary digital society

Irina A. Ayzikova¹, Artem V. Smolianinov²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ wand2004@mail.ru

² smoart2@gmail.com

Abstract. The study focuses on developing a typology of literary texts that are undergoing transformation under the influence of technological and sociocultural factors of the digital age. It aims to overcome terminological ambiguity and offers a systematized framework for analyzing both traditional and emerging forms of textuality. Its theoretical foundation is informed by works in text theory and philosophy by M.M. Bakhtin, key tenets of poststructuralist critical and philosophical theory (J. Derrida, J. Kristeva, G. Genette, J. Baudrillard, M. Foucault, R. Barthes), as well as research on electronic (hyper-)text (E. Aarseth, R. Simanowski, E. Schmidt, M. Wiesel, T. Nelson, O.V. Dedova, S.A. Kuchina, among others). The primary methods employed include comparative analysis, systematization, and typologization. In light of the terminological inconsistency prevalent in digital text studies, a typology based on four criteria is proposed. According to the mode of creation and presentation, texts are classified into paper, digitized (static digital copies of printed originals), and digital. The latter is further subdivided into electronic (e-books), networked (existing within and utilizing online infrastructure), and virtual (operating in VR/AR environments). Based on structure, texts are categorized as linear and non-linear (hypertexts), with the latter distinguished into electronic (classical) and networked (contemporary) hypertexts. Regarding the mode of reader-text interaction, three types are identified: passive, collaborative (formed through collective reader creativity), and generative (text produced by AI algorithms in dialogue with the user). Finally, based on the number and interaction of semiotic codes and sign systems, along with the nature of reader perception, texts are classified as monocodal, polycodal, and multimedia. The proposed typology enables a systematic description of the evolution of the literary text from a static artifact to a dynamic, processual, and interactive phenomenon. It demonstrates that the technological specificities of text creation and functioning (primary factors) are

interrelated with new sociocultural practices of reading and co-authorship (secondary factors). Constructed in this manner, the typology can serve as a foundation for further in-depth study of the sociocultural aspects of text existence in the digital age, when criteria such as the degree of interactivity, semantic depth, functional capacity, type of reader reception, and mode of presentation may come to the forefront.

Keywords: literary text, text typology, digital text, electronic text, network text, hypertext

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2025-0016.

For citation: Ayzikova, I.A. & Smolianinov, A.V. (2025) Problems of typologizing literary texts and models of their transformation as conditioned by technological and sociocultural changes in contemporary digital society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/1

Динамика современных социокультурных и технологических сдвигов обуславливает стремительное развитие художественного текста (и, соответственно, художественной литературы)¹. С одной стороны, он сохраняет ряд своих отличительных типовидовых свойств (как авторский, письменный, образный, оказывающий эстетическое воздействие на читателя, имеющий социальное значение), а также универсальные характеристики любого текста (целостность, связность, информативность, закреплённость на носителе); с другой – эти признаки претерпевают принципиальные трансформации наряду со способами создания, хранения, распространения, предъявления текста читателю, что влияет на саму его природу.

Одной из самых актуальных проблем осмысления данного феномена является множественность его формальных и содержательных особенностей, выходящих за границы ключевых (до недавнего времени) в литературе категорий *жанр*, *художественное направление*, *художественный метод*. Она определяет необходимость базовой типологизации рассматриваемого объекта, что и является целью предлагаемой статьи. В исследовании использованы методы сравнения, типологизации и систематизации. Его теоретическую основу определяют работы по теории и философии текста М.М. Бахтина, общие положения критической и философской теорий постструктурализма (Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Женетт, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Р. Барт) и электронного (гипер-)текста (Э. Аарсет, Р. Симановски, Э. Шмидт, М. Визель, Т. Нельсон, О.В. Дедова, С.А. Кучина и др.). Новизна исследования заключается в том, что заявленная проблема, уже несколько десятилетий активно изучаемая зарубежными и отечественными исследователями в лингвистическом аспекте, в литературоведении ограничивается традиционными решениями, распространяющимися только на бумажные тексты, и немногочисленными попытками, принимаемыми в связи с отдельными исследовательскими задачами в отношении художественных текстов в цифровой среде.

Приступая к анализу проблемы, следует подчеркнуть неустойчивость терминологического аппарата, применяемого исследователями для определения интересующих нас объектов. В научном дискурсе встречаются такие понятия, как «электронный», «цифровой», «оцифрованный», «дигитальный», «дигитализированный», «сетевой», «виртуальный», «генеративный», «интерактивный», «мультимедийный», «кибертекст»,

«гипертекст» и др. Соответственно, ученые пишут о таких же видах художественной литературы, нередко характеризуя их через категорию *жанра* (например, гипертекстовую литературу называют жанром электронной). Довольно часто разные термины с разной степенью обоснованности используют как синонимы: например, «дигитальная литература» как синоним «цифровой литературы» – на том основании, что обе создаются и предъявляются читателю в цифровой форме (добавим, что синонимия обоснована еще и транскрибированием англоязычного слова digital («цифровой»)). При попытке же разведения этих понятий нередко происходит подмена дигитальной литературы дигитализированной (термин-транскрипция английского digitalising – «оцифровка»), что, в нашем представлении, является ошибкой (см. об этом ниже). В одном ряде случаев «оцифрованная» литература оказывается тождественна «цифровой», в другом – характеризуется либо как самостоятельный вид, либо как разновидность последней. Легко выявляемая бессистемность практики использования терминов (вплоть до противоречий в их толкованиях), отсутствие упорядоченных критериев группирования объектов на основе обобщающей модели (типа) крайне усложняют типологизацию художественного текста и, соответственно, художественной литературы в связи с социокультурными и технологическими факторами их бытования.

С.А. Кучина в своем учебном пособии, суммирующем опыт изучения текстов в цифровой среде, отмечает, что «среди исследователей нет согласованности в трактовке понятия электронного текста, а также не разработан категориальный аппарат для его характеристики» [4. С. 10]. Весьма неоднозначной исследовательница считает грань между определениями «электронный» (electronic) и «цифровой» (digital) художественный текст (и, соответственно, добавим, «электронная» и «цифровая» художественная литература). Соглашаясь с тем, что «в некоторых контекстах эти два термина могут выступать синонимами, поскольку оба обозначают отношение определяемого предмета/объекта к реалиям компьютерных технологий», исследовательница все же указывает на разницу в определениях из академических словарей, где значение слова «цифровой» привязывается «к характеристике типа сигнала и формата данных в электронике, который использует дискретные состояния. Данные в этом случае (слова, изображения, звуки) представляются в виде набора цифр в двоичной системе (1 и 0). В определении

же слова “электронный” акцентируется соотносительность цифровых данных непосредственно с их носителем (глобальной или локальной сетью, компьютером, планшетом, смартфоном и пр.). С ее точки зрения, «для обозначения электронных художественных текстов... представляется важным выделить не техническую специфику формата данных, а непосредственную соотносительность (связанность) этих данных с особым типом носителя информации – электронным устройством». Кроме того, «в международной исследовательской практике в этой связи преимущественно используется термин “электронный”» [4. С. 11–12], что также закреплено на сайте «Электронная литературная организация» (Electronic Literature Organization; ELO).

Э. Шмидт один из разделов своей статьи «Буквальная (не)движимость. Дигитальная поэзия в РуЛиНете» называет «Разветвления терминологии: сетевая или дигитальная литература». В нем она приводит «типичное», по ее оценке, определение сетевой литературы, отраженное в частной характеристике сетевой поэзии: «Сетевая поэзия – это поэзия, опубликованная в сети Интернет, читаемая и рецензируемая пользователями Сети и обладающая литературными достоинствами с точки зрения пользователей Сети. Это субкультура» [5. Р. 428]. Э. Шмидт оспаривает его, поскольку, по ее мнению, оно «не учитывает медиальные особенности и рассматривает литературные жанры в сети на фоне канонических норм “оффлайна”» [5. Р. 428–429]. Исследовательница представляет «альтернативную категоризацию проявлений литературы в сети, которая основывается именно на медиальных особенностях» [5. Р. 428]. Следуя подходу немецкого исследователя цифровой литературы Р. Симановски [6], она предлагает различать три вида художественной литературы (и, соответственно, художественного текста), встречающихся в Интернете: дигитализированная, дигитальная и сетевая. «Если первая, – утверждает исследовательница, – изначально была написана на и для бумаги, то вторая по определению “непечатная” и порывает с некоторыми формами и параметрами бумажной литературы. А третья (то есть собственно сетевые жанры) нуждается непосредственно в Интернете, ибо основана функционально и эстетически на принципе интерактивности». Кроме этого, Э. Шмидт выделяет «жанр “компьютерной литературы” в более узком смысле, который ориентирован скорее на производство литературного текста посредством вычислительной и дигитальной техники, чем на его чтение и восприятие на компьютере. Такая компьютерная литература представляет собой некую литературу или поэзию случайностей, которая затрагивает вопросы “автоматизации” литературного языка с точки зрения “авторства” и “оригинальности” художественного творчества» [5. Р. 428–429].

Не претендуя на полное и окончательное решение продемонстрированных нами выше терминологических проблем, напрямую связанных с типологизацией и выявлением ее критериев, сформулируем собственную позицию. Возникшая новая культура художественного текста и его восприятия позволяет сегодня

говорить о нескольких (их количество зависит от критерия типологизации) его видах, имеющих, как указано выше, общие универсальные черты, но отличающихся присущими только каждому из них свойствами. Исходя по преимуществу из технологических особенностей создания и функционирования современных художественных текстов (как первичных), но при этом беря в расчет и некоторые социокультурные аспекты чтения, находящиеся в корреляции с ними (как вторичные), предлагается типологизировать их по следующим критериям:

- 1) способ создания и представления;
- 2) структура;
- 3) способ взаимодействия читателя с текстом;
- 4) количество и взаимодействие семиотических кодов и знаковых систем текста и характер его восприятия читателем.

Так, по способу создания и представления (1)² художественного текста читателю предлагается выделить следующие его виды: 1) бумажный; 2) оцифрованный; 3) цифровой. Первый создается (закрепляется) с помощью писчих и печатных инструментов (разновидности – рукописный/печатный) и бумаги (ранее это были глиняные таблички, пергамент, папирус и другие физические носители). Фиксируя его в нашей типологии, мы обращаемся к нему как к материалу для сравнения с другими видами художественного текста – в силу того что *бумажные* художественные тексты давно, плодотворно и активно исследуются в отечественной и зарубежной филологии. Поэтому подробнее остановимся на оцифрованном и цифровом форматах художественного текста.

Любой *оцифрованный* текст – изначально бумажный, возникающий как текст нового формата только в результате копирования (с помощью сканирующего устройства) внешнего вида физического оригинала и переноса его формы («облика») на электронное устройство. По сути, это статические цифровые копии традиционных, закрепленных на бумажном носителе текстов³. Природа текста при техническом преобразовании, позволяющем закрепить его на электронном носителе, не приобретает принципиально новых характеристик по сравнению с печатным текстом. Сохраняя ряд универсальных свойств любого текста (в частности текста художественного), повторяя общую типологию печатной художественной литературы (ее деление на литературные роды, жанры, поэзию и прозу и т.д.), оцифрованный текст требует дополнительной ручной обработки лишь для улучшения его удобочитаемости после сканирования бумажного источника. Так, В.А. Пржигоцкий указывает, что «если книга сканировалась разворотами, то необходимо осуществить разрезку страниц (если это не происходит автоматически); 2) при необходимости, следует провести компенсацию наклона, то есть выпрямить страницы, если в результате ручной подачи образовались отклонения», «обрезку полей», «цветокоррекцию». Оцифровка без распознавания символов, т.е. «сохранение и представление изданий в графических форматах», дает, по словам исследователя, низкофункциональные тексты с не-

четким изображением и множеством ошибок. Оцифровка с распознаванием символов (OCR), более сложная и дорогая, предоставляет множество важных опций для работы с текстами: поиск, редактирование и т.д. [7. С. 20]. Особенности оцифрованного текста определяются исключительно форматом электронных документов (TXT, PDF, DjVu и пр.).

Электронные копии художественной литературы изначально собирались в электронные библиотеки и распространялись в Интернете. Так, еще в 1971 г. был запущен проект «Гутенберг», положивший начало оцифровке книжного наследия человечества и старейшей электронной библиотеки. В 1994 г. начала свою работу популярная «Библиотека Максима Мошкова», в состав которой входила оцифрованная русская классика и современная художественная литература. В 2003 г. возникла Национальная электронная библиотеки Российской Федерации. В 2004 г. началась разработка амбициозного проекта «Google Книги», направленного на то, чтобы сделать доступными для поиска и чтения все когда-либо напечатанные издания, в том числе и литературно-художественные. В 2008 г. появилась Европейская электронная библиотека (Europeana). Примеры можно продолжать, так как оцифровка художественных текстов до сих пор весьма актуальна во всем мире.

*Цифровой*⁴ текст, в отличие от бумажного и оцифрованного, изначально создается, хранится и распространяется в цифровой среде в виде машиночитаемого кода, обусловленного, как пишет Е.М. Северина, логикой «компьютерной организации работы с информацией» [8. С. 69] и требующего обязательного использования электронных устройств как неотъемлемого условия своего существования и функционирования. Процесс его написания характеризуется интерактивностью: автор взаимодействует с цифровой средой посредством интерфейса, используя возможности поиска, копирования, вставки, автоматической коррекции и других функций редактирования, что свидетельствует о принципиально иной практике текстопорождения. Кроме того, вербальный компонент может свободно интегрироваться в поливалентную семиотическую структуру, элементы которой образуют единое смысловое мультимодальное поле.

Зависимость цифрового текста от программно-аппаратных платформ порождает феномен медиаспецифичности и платформенной детерминированности. Кодировка, верстка, адаптивность под различные электронные устройства становятся неотъемлемыми элементами текстовой структуры, влияющими на семантическое наполнение и прагматический потенциал произведения. Социокультурные факторы цифровой коммуникации, такие как интерактивность, коллаборативность и демократизация публикационных процессов, трансформируют традиционные модели авторства и рецепции, создавая условия для формирования партиципативной культуры текстопроизводства.

Репрезентативные особенности цифрового текста проявляются в его способности к динамической адаптации под контекст восприятия и пользовательские предпочтения. Алгоритмическая персонализация контента, внедренная в структуру современных цифровых

платформ, обуславливает вариативность текстуального представления, что изменяет классические представления о фиксированности и воспроизводимости текста и создает его новую онтологию как интерактивного процесса, а не статичного артефакта культуры. Иными словами, в отличие от традиционного бумажного текста, который после публикации приобретает неизменную форму (не считая ситуации переиздания или повторной публикации, которую, однако, следует рассматривать с учетом конкретной издательской практики), цифровой текст может подвергаться потенциально неограниченным изменениям.

Несмотря на описанные выше общие свойства цифровых текстов, развитие технологий и появление вследствие этого новых социокультурных практик, касающихся способов информационного обмена, в том числе в плане творческой переработки, позволяют выделить три их разновидности по тому же критерию создания и представления, а именно электронные, сетевые и виртуальные тексты.

*Электронный*⁵ художественный текст, сохраняя ряд универсальных свойств текста, в том числе художественного (целостность, связность, информативность, образность, авторство и др.), приобретает ряд новых, детерминированных возможностями конкретного электронного носителя. Рассмотрим в этом отношении феномен электронной книги в качестве наиболее распространенного и репрезентативного примера. Потенциал ее текста ограничивается программным обеспечением и техническими характеристиками электронных устройств чтения (компьютер, планшет, мобильный телефон). Они позволяют читателю перелистывать страницы с помощью навигационных кнопок, свободно перемещаться по тексту внутри одной страницы и между страницами всего текста (такая навигация является своего рода способом управления текстом и одновременно его «чтением»). Специальные программы, устанавливаемые на устройство, дают читателю возможность настраивать шрифт, отступы и другие элементы оформления страницы, масштабировать текст, выделять отдельные фрагменты разными способами, отображать на экране одну страницу или весь разворот, осуществлять поиск по нужным словам и т.д. Однако разные устройства обладают разной скоростью загрузки и качеством отображения вербального и изотекста на экране, а также разными возможностями и функциями в плане интерактивности. Например, не во всех электронных книгах воссоздается эффект перелистывания бумажных страниц, и далеко не все устройства поддерживают аудио- и видеоформаты. Форматы файлов (электронных документов) определяют структуру электронного текста, его разбивку на главы, принцип размещения рисунков, фотографий, таблиц и прочих графических элементов, и только новейший из них, EPUB 3, пока мало распространенный в России, предоставляет широкие возможности для создания мультимедийных художественных текстов, включая анимацию, возможность выбора читателем финала, введения новых сюжетных линий и так далее в процессе чтения текста на электронном устройстве.

Что касается *сетевых* художественных текстов, то принципиальное различие между ними и электронными видится в степени интеграции с интернет-инфраструктурой и коллективными практиками тексто- и смыслопорождения. Электронный текст, являясь цифровой формой, как правило, сохраняет или моделирует структурные особенности печатного (чаще всего в его книжном представлении), адаптируясь к возможностям электронных устройств и / или программ для просмотра в рамках индивидуализированного чтения. Сетевой текст изначально функционирует по правилам онлайн-среды и в соответствии с сетевыми коммуникативными практиками, бросая вызов традиционным представлениям о «писательстве» и чтении путем организации сложного взаимодействия между нарративом, интернет-технологиями и принципами партиципативности, что ложится в основу поэтики сетевой литературы. Об этом же пишет Э. Шмидт, утверждая, что «сетевая литература использует специфические коммуникационные технологии и стратегии (интерактивность) Интернета в качестве основного жанрового и эстетического принципа» [5. Р. 428].

Сетевой художественный текст представляет собой динамическую систему, в которой алгоритмы, интерфейсы, пользовательские действия и онлайн-коммуникация становятся конститутивными элементами поэтики и эстетики. Дискретная и одновременно интерконнективная природа сетевого текста обуславливает его открытость и способность к расширению через внешние источники данных, что отличает его от электронного текста. В отличие от относительно замкнутой структуры последнего, сетевой текст может агрегировать информацию из социальных сетей, баз данных, API различных сервисов, создавая связь между художественным миром и глобальной цифровой экосистемой. Репрезентативными в данном отношении являются тексты, задействующие спутниковые системы навигации и интерактивные онлайн-карты для построения многослойных историй о различных физических местах (в документальном и в художественном ключе), — так называемые локативные нарративы (*locative narratives*), в которых, согласно С.А. Кучиной, «читатель исследует цифровую карту любого пространства (не только географического, природного, но и в том числе пространства искусственного, созданного человеком), произвольно останавливает свой выбор в определенной точке локуса и выбирает интерактивный компонент карты, который объективирует повествовательную составляющую (на экране монитора появляется текст как фрагмент или законченный элемент сюжетной конструкции)» [9. С. 24].

Сетевые произведения могут существовать не как автономные объекты, а как своеобразные узлы в глобальной информационной сети или элементы распределенной системы. Каждое взаимодействие пользователя с сетевым текстом генерирует данные, которые могут быть «возвращены» обратно в произведение в новом качестве, создавая эффект рефлексивной обратной связи и формируя коллективную текстуальность. Подобный подход реализован, например, в веб-проекте «Сад расходящихся хокку» (1997–2025), который

в онлайн-режиме интегрирует пользовательские вклады в единый массив текстов, демонстрируя специфику именно сетевого, а не просто электронного функционирования цифрового произведения. Также ярким и многослойным образцом сетевого текста можно назвать трансмедийный проект Ильи Мазо «ШХД: Зима», в котором происходит активная деконструкция традиционных литературных форм через интеграцию цифровых технологий и визуальной поэзии, а читатель становится активным интерпретатором смыслов, навигируя между традиционными поэтическими формами и экспериментальными структурами (проект представляет собой метанарративное единство, изначально основанное на принципах общения в социальных сетях, а ныне получившее развитие в форматах книги, короткометражного фильма, компьютерной игры, анимационных видео, музыкального альбома и творческих коллабораций).

Новейшей разновидностью цифрового текста выступает виртуальный текст, появившийся благодаря распространению VR- и AR-технологий (виртуальной (*virtual*) и дополненной (*augmented*) реальности соответственно) и воспринимаемый как часть искусственно созданного окружения. Виртуальный текст, будучи 3D-объектом, не ограничен плоскостью экрана, а размещается в трехмерном виртуальном пространстве, где его фрагменты могут находиться на разных уровнях, пересекаться, вращаться, изменять масштаб и положение относительно пользователя. Такое устройство позволяет формировать сложные текстовые структуры, где пространственные отношения становятся частью смысла. Соответственно, пользователь может фактически напрямую контактировать с текстом, манипулировать им, «проходить» сквозь текстовые блоки, изменять их расположение и влиять на содержимое посредством различных интерфейсных средств (например, VR-очков, манипуляторов, сенсорных экранов). Восприятие текста в 3D-пространстве приближено к восприятию объектов реального мира, что способствует формированию новых способов понимания и интерпретации текстовой информации. Виртуальный текст может быть не только прочитан, но и «пережит» как особый мультимодальный опыт, включающий визуальные, аудиальные и тактильные компоненты. В качестве примера можно назвать приложение «*tractatus infinitus VR*» Йорга Пирингера, моделирующее физическое взаимодействие с текстуальным пространством «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна. Упоминания заслуживает и феномен голопоэзии⁶, представляющей собой специфическую форму цифровой поэзии, в которой стихи тоже организованы нелинейно в трехмерном пространстве и изменяются по мере контактного взаимодействия с читателем.

Но все же окончательное решение о типологическом статусе виртуального художественного текста требует дальнейших исследований, учитывающих не только технологические, но и когнитивные, семиотические и коммуникативные аспекты его функционирования. В настоящее время вряд ли можно говорить о полностью самостоятельных и целостных произведениях художественной литературы, представленных в

подобном виде не столько как инновационный эксперимент или арт-инсталляция, сколько как законченное эстетическое высказывание, однако темпы технологического развития позволяют предполагать появление и распространение первых в ближайшем будущем.

Продолжая типологизацию художественного текста – по структуре (2), – выделим линейные и нелинейные тексты. Первые отличаются последовательностью нарратива: читатель идет по тексту за автором (в соотношении с предыдущим критерием таковыми обычно, но не всегда являются традиционные бумажные и оцифрованные тексты). Нелинейные тексты имеют ветвящуюся структуру, объединяющую в себе разными типами связи множество текстов или их фрагментов, развиваются по предлагаемым автором параллельным, циклическим или лабиринтным вариантам сюжета и нарратива⁷. По способу создания это могут быть преимущественно (но, как и в случае с ранее названными видами, не исключительно) цифровые тексты.

Если линейность и нелинейность художественных текстов ряд исследователей считают внешними характеристиками их структуры, то ее внутренней, имманентной характеристикой называют гипертекстуальность, под которой понимают «совокупность специфических особенностей... в изложении, структурировании и организации доступа к информации» [11. С. 32]. М.В. Масалова, полагая, что гипертекстуальность может быть присуща традиционным бумажным и цифровым текстам, выделяет, по степени актуализации гипертекстуальности в тексте, гипертекстуальность потенциальную (наблюдается в линейно организованных бумажных, оцифрованных и цифровых текстах, которые «разбиты на фрагменты таким образом, что это дает возможность читать их в любом порядке») и реализованную (линейность и нелинейность расположения фрагментов относительно друг друга сочетаются особым образом и реализуются только в цифровом нелинейном тексте). Исследовательница предлагает также выделять по характеру элементов текстуального образования два уровня гипертекстуальности: внутри- и межтекстовый, по степени выраженности – от максимальной до нулевой [12. С. 65]⁸. Мы же в своей типологии по структуре выделяем в отдельные группы тексты, не обладающие (линейные) и обладающие (нелинейные) гипертекстуальностью, а последние, в свою очередь, по среде функционирования и организации доступа делим на электронные и сетевые гипертексты. На характеристике двух последних остановимся подробнее в силу их широкой распространенности и отметим, что электронный гипертекст принято называть классическим, а сетевой – современным, логично развивающим идею электронного гипертекста в новых технологических условиях.

В своей докторской диссертации «Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета)» О.В. Дедова подробно рассматривает историю существования *электронного гипертекста*, в ходе которой последний, отражая технологические и социокультурные особенности эпохи, философские и филологические концепции второй половины XX в. (прежде всего, теорию диалога

М.М. Бахтина), структуралистские и постструктуралистские теории текста (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Женетт, Ж. Бодрийяр, М. Фуко и др.), концепции деятелей компьютерной науки (В. Буш, Д. Энгельбарт, Т. Нельсон, Т. Бернерс-Ли и др.), «превратился из абстрактной модели компьютерного представления письменной информации в конкретную (и весьма специфическую) практику порождения и восприятия текста» [14. С. 41]. Основными характеристиками электронного гипертекста, в том числе и художественного, исследовательница называет его нелинейность, фрагментарность, неоднородность (полиmodalность, поликодовость), «композиционная нестабильность», интерактивность и вытекающие отсюда новые типы текстового времени и пространства, целостности и связности гипертекста⁹, отношений его автора и читателя, их активности в создании и восприятии гипертекста¹⁰. В ее работе гипертекстуальность понимается как обозначения «специфических изменений, которые претерпел письменный текст, перемещенный сначала на экран монитора, а затем попавший в “электронные сети”», и делается важный вывод о том, что «в полном объеме гипертекстуальность реализуема исключительно в пределах компьютерного дискурса» (другими словами – в сетевом гипертексте). В качестве термина, обозначающего присутствие специфических гипертекстовых черт (как стилистических, так и структурных) в произведениях художественной литературы, О.В. Дедовой предлагается «квазигипертекстуальность» [14. С. 42]¹¹.

Монография Дж. О’Салливана «Towards a Digital Poetics: Electronic Literature and Literary Games» [16] также посвящена особенностям формальной и содержательной структуры электронных художественных текстов. Электронную литературу он определяет, согласно рецензии С.А. Кучиной, «как один из важнейших эстетических феноменов современности, обобщающий в своей полисемиотической природе технологические, нарративные и концептуальные тенденции современного литературного процесса» [17]. Если генезис электронной литературы ученый, как и многие исследователи, рассматривает в контексте модернистской и постмодернистской эстетики, то современную электронную литературу он предлагает «вписать в рамки существующей литературной традиции, сделать ее одним из этапов общемирового литературного процесса и попыткой анализировать и описывать электронные художественные тексты как абсолютно инновационные культурные практики. Любое произведение электронной литературы содержит в себе множество элементов поэтики, обычных для традиционной печатной литературы, но при этом часть структуры электронного текста является абсолютно новой» [17].

Важнейшими характеристиками электронной художественной литературы О’Салливан называет нелинейность (являющуюся следствием гипертекстуальности) и вариативность (возводимую к теории кибертекста и эргодической литературы, выдвинутой в 1997 г. Э. Аарсетом, предполагающей создание текста как конструирование произведения с помощью программных средств и формирование собственного варианта

текста из выбранных повествовательных элементов – текстонов)¹². Кроме того, электронный художественный текст, по Салливану, характеризуется гибридной (мультимодальностью), возникающей в связи с технологиями включения в вербальный электронный художественный текст элементов разных семиотических систем. Именно с появлением электронной литературы Салливан связывает «возникновение нового типа автора, сидящего по “обе стороны экрана” и являющегося создателем не только самого текста, но и способа его репрезентации на экране» [17].

Отдельное внимание при изучении электронных гипертекстов ученые уделяют «ее величеству гиперссылке», которая, как пишет В. Курицын, как раз и позволяет «мгновенно связывать между собой тексты или его части. <...> Тем самым воплощена широко известная заветная мечта многих авторов: нелинейный текст» [19]. В результате гипертекст становится, по выражению Т. Нельсона, которому принадлежит авторство данного термина, «ветвящимся и выполняющим действия по запросу», подвижным, расширяющимся, «живым», многомерно отражающим действительность, организуя взаимодействие читателя со множеством других текстов. Процесс чтения начинает выстраиваться в иной логике, предполагая фрагментарное восприятие текста¹³. Классическим примером электронного художественного гипертекста является «Полдень»¹⁴ М. Джойса (1990) – один из первых гипертекстовых романов, созданный с использованием программной среды Storyspace. Произведение представляет собой нелинейную структуру из взаимосвязанных текстовых блоков, навигация между которыми осуществляется через гиперссылки, позволяя читателю самостоятельно выстраивать их последовательность и, таким образом, получать разные вариации сюжета – не конституированного автором, а порожденного читательскими рецепцией и решениями. Последнее как предусмотренная авторским замыслом возможность становится основополагающим принципом поэтики и эстетики электронного художественного гипертекста.

Добавим также, что еще одно важное свойство текста в теории постструктурализма – интертекстуальность – в электронном гипертексте максимально раскрывает свой потенциал благодаря техническим возможностям. Как отмечает Г.Р. Касимова, анализируя «Полдень» М. Джойса, «гипертекстовая организация повествования позволяет автору романа “Полдень” соединить множество интертекстуальных пластов на сюжетно-мотивном и образном уровнях, а также органично вплести в текст отсылки к произведениям литературы экфразистические элементы... При каждом новом прочтении элементы интертекста складываются определенным образом, наподобие калейдоскопа, где набор одних и тех же стекол создает совершенно разные и никогда не повторяющиеся узоры» [25. С. 84].

Хотя ряд работ посвящен проблеме типологизации электронного художественного гипертекста, следует учитывать отмеченный ранее факт неразличения или неполного различия исследователями электронного и сетевого гипертекста. К тому же до сих пор не сняты

проблемы поиска оснований для типологизации¹⁵, поэтому попытку их разделения можно назвать весьма зыбкой, но в то же время необходимой – по аналогии с тем, как исследователи указывают на разницу в реализации гипертекста в бумажном и электронном форматах.

Исходя из природы сетевого текста и выделенных нами его отличий от текста электронного, можно говорить о том, что типологические особенности первого в его гипертекстовом представлении проявляются прежде всего в глубоко интерактивном и алгоритмическом характере, т.е. он способен к постоянной трансформации в процессе взаимодействия с читателем. Это окончательно дестабилизирует статус традиционной двухсубъектной ролевой модели в литературе и обуславливает полную размытость, неопределенность структуры, объема, семантического и коммуникационного потенциала такого текста.

Важное свойство сетевого художественного гипертекста – процессуальность, т.е. способность существовать как континуальный объект, находящийся в процессе становления. Каждое взаимодействие с таким текстом создает его новую версию, причем эти версии могут быть не только простыми вариациями изначальной структуры, но и представлять собой полноценные художественные реализации с собственной эстетической ценностью. Это свойство, рассматриваемое нами в потенциальном ключе, отличает сетевой гипертекст от электронного, который, несмотря на отдельные интерактивные и гипертекстовые возможности, по большей части остается репрезентацией фиксированного автором содержания. В этом смысле сетевой гипертекст можно определить как технологически модифицированную форму электронного гипертекста, воплощающую в себе наиболее смелые тезисы постструктуралистской философии. Художественная литература, создающаяся таким образом, представляет собой, по утверждению К.В. Зейналовой, «повествовательное полотно, способное разветвляться, а точка, являющаяся началом повествования, условно является таковой, так как рамки произведения определяются в процессе чтения, а не закладываются автором как некая композиционно-структурная константа. Бесконечность текста определяет и бесконечность смыслов» [31. С. 144].

Архитектура сетевого гипертекста предполагает не только множественность точек «входа» и отсутствие единого «правильного» способа чтения, но и принципиальную открытость к внешним воздействиям и коллективным модификациям. Если электронная книга, представленная как гипертекст, обычно сохраняет иерархическую структуру (обложка, оглавление, главы и т.д.)¹⁶ или как минимум стремится к ее подобию, то сетевой гипертекст нередко организован ризоматически, имеет множество внешних связей: любой фрагмент может стать началом, серединой или концом повествования в зависимости от траектории пользователя, но также может быть дополнен, переосмыслен или трансформирован через интернет-взаимодействие. Это формирует особый тип читательского опыта, где традиционные категории композиции и текстовой навигации теряют свою определенность, уступая место

коллективным практикам смыслопорождения и распределенному авторству.

По способу взаимодействия читателя с текстом (3) можно выделить пассивные, коллаборативные и генеративные тексты. Первые представляют собой традиционную модель коммуникации, где автор создает законченное произведение с фиксированным содержанием и структурой, а читатель выступает в роли реципиента, воспринимающего информацию в том виде, в каком она преподносится создателем. Такие тексты характеризуются стабильностью содержания и односторонней направленностью коммуникативного процесса от автора к читателю. Последний, разумеется, может «проживать» текст, эмоционально реагировать на него, давать ту или иную интерпретацию, но при этом не имеет возможности, к примеру, менять ход повествования или дописывать недостающие фрагменты.

Коллаборативные тексты меняют эту парадигму, предполагая активное участие читателя в формировании итогового смысла и даже всего содержания произведения. Здесь возникает многосторонняя коммуникация, где границы между автором и читателем размываются, создавая пространство для коллективного творчества. В их наиболее свободном представлении (но не единственном, так как границы интерактивности подвижны) читатель получает возможность, к примеру, комментировать, редактировать, дополнять текст, влияя на его окончательный вид. Автор коллаборативного художественного текста инициирует творческий процесс, предлагает начальную, базовую форму произведения, но дальнейшие сюжетные развилки, стилистические детали, развитие мира и прочие элементы определяются читателем (или группой читателей). Сетевая фанфик-платформа с коллективным написанием глав, гипертекстовая новелла с комментариями, влияющими на следующую публикацию, настольная ролевая игра – все они существуют как своеобразные «приглашения» к сотворчеству.

Генеративные тексты строятся на возможностях нейросетей и программных скриптов¹⁷ и характеризуются взаимодействием естественного и искусственного интеллекта (машинных алгоритмов). Они предполагают динамическую вербализацию, или диалог, в котором алгоритм играет роль соавтора, а читатель становится оператором процесса. При этом результат появляется не как заранее прописанный вариант, а как контекстно-зависимый отклик, возникший на пересечении параметров используемой модели и конкретных пользовательских данных. В таком режиме каждая сгенерированная версия текста, будь то стихотворение или партиципативный рассказ, является уникальной: повторное обращение с тем же запросом, но в другой момент времени может привести к совсем иному словесному решению из-за стохастической природы машинных вычислений.

При этом важно подчеркнуть, что само свойство «генеративности» здесь определяется не простым ветвлением готовых фрагментов, как в классическом гипертексте, а непрерывным производством новых последовательностей знаков, которые не существовали до акта взаимодействия. В конечном счете мы имеем

дело не с единым завершенным артефактом, а с потенциально бесконечной серией версий, которая сохраняет актуальность ровно столько, сколько длится конкретная сессия общения человека и программы. Поэтому природа художественных текстов, созданных с использованием нейросетей, требует отдельного осмысления в литературоведческом, литературно-критическом и философском аспектах.

Говоря о типологии текста по количеству и взаимодействию семиотических кодов и знаковых систем текста и по характеру его восприятия читателем (4), предлагаем выделять художественные *моно-, поликодовые* (состоят их элементов одного или разных семиотических кодов, из которых один – доминирующий)¹⁸ и *мультимедийные* тексты (объединяющие различные равноправные знаковые системы), чем определяются особенности их текстовой природы. Эти тексты воспринимаются, соответственно, посредством одного или нескольких каналов, а в последнем случае – их симультанной интеграции. При этом паттерн восприятия будет один, характерный для любого художественного текста: образное моделирование отраженного в нем объекта. По способу создания и представления первые два вида текста могут быть бумажными, оцифрованными и цифровыми, а последние – только цифровыми. По структуре все они могут быть линейными и нелинейными. По взаимодействию читателя с текстом моно- и поликодовые, будучи бумажными или оцифрованными, могут отличаться пассивным восприятием; будучи цифровыми, все три вида текстов могут быть пассивными, коллаборативными и генеративными.

В заключение отметим, что многие ученые заостряют свое внимание не только на технологических факторах трансформации современного художественного текста, которые были положены в основу настоящей типологии как первичные. Так, следуя за Р. Симановски и Э. Шмидт, С.А. Кучина в статье «Электронный художественный текст в рамках текстологии постструктурализма» пишет о «социально-философских, информационно-технологических, художественно-эстетических» факторах, определяющих появление и бытование электронной и цифровой художественной литературы, художественного гипертекста. Особую роль в этом ряду автор, как и ряд других, называвшихся выше, отводит постструктуралистской философии и эстетике, «нацеленным на семиотическое определение окружающей действительности, изучение природы знака и аспектов соотношения элементов его внутренней структуры (означаемого и означающего)» [41. С. 821]¹⁹. Объект своего исследования ученый рассматривает в аспекте «феномена деконструкции», предполагающего, как известно, «разрушение всех готовых (актуализированных ранее) интерпретационных моделей при анализе того или иного культурного явления, вследствие чего происходит включение изучаемого объекта в необъятный контекст других явлений культуры, социума, литературы» [41. С. 822].

И.Р. Купер, осмысливающая в своей кандидатской диссертации гипертекст (включая художественный) как форму организации социального знания, пишет о

том, что «отношение “текст – гипертекст” не исчерпывается отношением “бумажный – электронный”, в определенной мере оно проистекает из феномена “текстуализации” общества». Выводя свое исследование на уровень социокультурных факторов создания и бытования гипертекста, она указывает на то, что «долгое время гипертекст рассматривался как класс сложных информационных систем, требующих только технологических решений» и что «попытки эксплицировать различия между бумажными и электронными текстами дают мало нового, поскольку не учитывают социальную природу изменений». Со временем, пишет И.Р. Купер, исследователи, идущие по указанному пути, столкнулись с тем, что особенности гипертекста «не поддаются научной систематизации», и «в поисках теоретической основы для гуманитарных исследований ученые обращаются к литературоведческому, философскому, социологическим концепциям», ориентированным прежде всего на проблемы коммуникации, которая в цифровом обществе тоже перестает быть «серией последовательных актов... переходит в состояние одновременности» [42. С. 5].

В связи с этим возможна иная типология художественного текста в контексте развития цифрового общества: на основе его понимания как феномена коммуникации, где на первый план будут выдвинуты (окажутся первичными) именно социокультурные, а не технологические факторы (но по-прежнему без отрицания их взаимосвязи). Важными критериями типологизации в ней могут стать степень интерактивности, глубина смыслового наполнения, функциональность текста, тип читательского восприятия, манера подачи и др.

Таким образом, представленная типология позволяет систематизировать художественные тексты исходя из влияния на них цифровых технологий: 1) по способу создания и представления; 2) структуре; 3) способу взаимодействия читателя с текстом; 4) количеству и взаимодействию семиотических кодов и знаковых систем текста и характеру его восприятия читателем. Такой подход помогает структурировать исследование цифровых и традиционных художественных текстов, а также выявлять их эволюцию в современной цифровой культуре. Он может быть положен в основу дальнейших исследований объекта, сосредоточенных на его социокультурных особенностях.

Примечания

¹ Соотношение понятий «художественный текст» и «литературно-художественное произведение» являет собой сложную проблему, во многом по-разному решаемую в лингвистике и литературоведении. В последнем, как правило, выделяются два основных подхода: М.М. Бахтина (традиционный) и Р. Барта (постструктуралистский). С точки зрения Бахтина, «текст является... непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания» [1. С. 306]. «В концепции постструктуралиста Р. Барта, тоже не строго лингвистической, – пишет Д.Л. Лакербай, – характеристика и значимость текста и произведения выглядят “асимметрично-зеркально” бахтинским» [2. С. 29]. И цитирует Р. Барта: «Произведение есть вещественный фрагмент <...> может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе <...> Текст не может неподвижно застыть... он по природе своей должен двигаться что-то двигаться – например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений <...> Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому <...> все произведение в целом функционирует как знак» [3. С. 415–416]. Не претендуя на решение проблемы, согласимся с утверждением автора процитированной статьи о том, что «текст и произведение – асимметричная пара терминов, в разных толкованиях и в различных аспектах синонимичных, антонимичных, пересекающихся, коррелирующих своим содержанием» [2. С. 22].

² Под способом создания подразумевается придание тексту – с помощью конкретных инструментов – формы, доступной для чувственного восприятия (фиксации), позволяющей обеспечить его упорядоченное, объективированное существование и функционирование как в физической, так и в цифровой среде.

³ Заметим, что сегодня большинство бумажных текстов – печатные, изначально являющиеся цифровыми, так как сначала они создаются на электронном устройстве (обычно на компьютере) и лишь затем печатаются на принтере. Однако для обеспечения самой возможности выделения конкретного типа необходимо рассматривать либо конечный, не хронологически первый результат создания текста, либо такую манипуляцию с ним, в ходе которой он переходит в новый формат и/или обретает новую версию вследствие данного перехода. Соответственно, с учетом данной возможности технологической смены формата, отдельным объектом типологического описания по первому критерию может выступать как оригинал, так и его версии с различной степенью трансформации исходных характеристик.

⁴ Э. Шмидт называет такой текст дигитальным, С.А. Кучина – электронным. В первом случае имеет место транскрибирование, во втором – отдается предпочтение наиболее частотному англоязычному определению. При этом обе исследовательницы берут в качестве первичного признака зависимость таких текстов от электронных устройств. Мы же, наоборот, отталкиваемся именно от формы их существования, определенной методом создания, что отвечает выделенному критерию и дает единое основание для противопоставления бумажных и оцифрованных текстов.

⁵ К электронным художественным текстам С.А. Кучина, в отличие от Р. Симановски и Э. Шмидт, относит «цифровые копии печатных художественных текстов, размещаемые в различных электронных библиотеках» [4. С. 12]. С этим трудно согласиться, если подойти к типологизации с точки зрения способа создания, где оцифрованный художественный текст будет представлять собой все же отдельный вид (наряду с бумажным и цифровым). При этом принципиальное различие исследовательница проводит между понятиями «компьютерный» и «электронный» текст и дискурс. Термины «сетевой дискурс» / «интернет-дискурс», по ее мнению, «соотносимы с понятиями «компьютерный дискурс» / «электронный дискурс» как категории частное/общее, где сетевой / интернет-дискурс представляет собой один из вариантов реализации компьютерного / электронного дискурса, который предполагает коммуникацию не только в рамках сетевой среды, но и любую другую коммуникацию посредством компьютерных, портативных (планшеты/tablets) или мобильных электронных устройств (смартфоны/smartphones), из чего следует, что сетевой художественный текст исследовательница предлагает рассматривать как разновидность электронного. В нашей типологии мы, как уже было отмечено, считаем его отдельным подвидом цифрового текста.

⁶ Термин румынского литературоведа Г. Родики, поэмаизмованный, вероятно, у Р. Симановски, который в статье «Голопоэзия, биопоэзия и цифровая литература» указывает, что в тексте голопоэзии литературное начало «неотделимо от природы его медиума и перформативного представления, которым становятся, в первую очередь, представления визуальные» (цит. по: [10. С. 238]).

⁷ К бумажным, традиционным литературным текстам тоже применимо понятие нелинейных, однако под этим понимается нарушение хронологической последовательности повествования, наличие множества сюжетных линий, что задается авторским замыслом. Особенно в данном отношении показательны экспериментальные постмодернистские тексты, где и в бумажном формате возможен слом линейности.

⁸ Свою классификацию гипертекстуальности по степени нелинейности предлагает Э. Аарсет, выделяя четыре типа: простой нелинейный текст – фрагменты статичны, открыты и поддаются исследованию читателя; непродолжаемый линейный текст, по которому можно передвигаться с помощью эксплицитных ссылок между фрагментами; детерминированный кибертекст – объединение фрагментов предсказуемо, но обусловлено и содержит элементы ролевой игры; недетерминированный гипертекст – фрагменты динамичны и непредсказуемы (например,

чат) – цитируем по статье О.В. Соболевой «К проблеме определения понятия “гипертекстуальность”, которую автор заканчивает следующим выводом: «Гипертекстуальность формируется такими текстовыми категориями, как интерактивность, нелинейность и мультимедийность. Совокупность данных категорий приводит к изменению функций авторской деятельности. Приобретаются новые возможности: включение в текст изображений, видео, звука, межтекстовых переходов. Гипертекстуальность – это обозначение особых изменений, которые претерпел письменный текст, перемещенный в электронную среду» [13. С. 74].

⁹ Кроме того, О.В. Дедовой выделяется ряд единиц электронного гипертекста: название, гиперссылки, «первая страница», фрейм, меню. С.А. Стройков называет иные структурные единицы: гиперкаркас, информационные единицы, в структуру которых входят вербальные элементы и элементы параграфемики, заголовки и гипертекстовые ссылки, служащие средством (ин)когезии и средством обеспечения (ин)когерентности, обеспечивающие нелинейность, интерактивность» электронного гипертекста [15. С. 12].

¹⁰ С.А. Стройков уточняет положение О.В. Дедовой: «Гипертекст в определенной степени трансформирует взаимоотношения его автора и читателя: а) роль автора редуцируется, однако она не полностью нивелирована; б) читатель получает больше свободы и прав, имеет место большее сотрудничество между ним и автором, границы между ними диффузны и нечетки. Степень изменения их взаимоотношений пропорциональна степени гипертекстуализации произведения, которая изменяется от меньшей к большей в следующей последовательности: книжный художественный гипертекст – книжный гипертекст – электронный художественный гипертекст – электронный гипертекст» [15. С. 5].

¹¹ Как показывает анализ ряда научных статей и монографий о художественном гипертексте, их авторы нередко не разводят понятия «электронный гипертекст» и «сетевой гипертекст». Так, С.А. Стройков в указанной работе к характеристикам электронного гипертекста О.В. Дедовой присоединяет ряд других, среди которых большинство мы бы могли назвать специфичными именно для сетевого гипертекста: антропоцентричность, виртуальность, голографичность, демократичность, децентрализованность (или децентрированность), дистантность, доступность, изоморфизм (как содержательный, так и структурный), информационную экстраполяцию, креолизованность, максимальную приближенность к процессу порождения высказывания, многовекторность, неограниченность форматом.

¹² Исходя из того что текстоны и скриптоны (возможные комбинации текстонов) могут комбинироваться читателем на основе различных моделей, Э. Аарсет осуществил попытку выделить 7 основных типов моделей и их подкатегорий (и соответствующих типов текстов на их основе), из которых возможно создать 576 продуктивных моделей текстов [18]. Активно используемыми в литературе являются, по его словам, не более 10.

¹³ «Под словом “гипертекст” я понимаю непоследовательное письмо – ветвящийся текст, который дает читателю выбор и который лучше всего читать с помощью интерактивного экрана» (см.: [20, 21]). Это точное определение ложится в основу интерпретации художественного гипертекста многими российскими исследователями. Так, в «Словаре культуры 20 века» известный семиотик, филолог, культуролог и философ В.П. Руднев дает близкое этому определение: «Гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [22. С. 69]. Потенциально это – бесконечный «нелинейный, открытый, подвижный текст», который распадается на фрагменты, «предусмотренные его собственной стратегией интерпретации», – указывает С.В. Черненко, рассуждая об электронном гипертексте в перспективе появления сетевого [23. С. 59]. Электронный гипертекст, по сути, начинает реализовывать постмодернистскую идею «смерти» автора, принцип деконструкции текста (чтения-письма) Р. Барта путем «материальной интервенции» читателя в текст, который постепенно превращается в его потребителя и одновременно создателя. М. Цветкова в связи с этим предсказывает скорый конец электронной книге, поскольку она превращает чтение в игру, «в открытый канал для текущего, непостоянного (оперативного) содержания», в «нелинейную медийную услугу по заказу», в «некнигу», «самоубивающуюся книгу» [24. Р. 469, 474]. Свои перспективы намечает в этой области Э. Шмидт, призывает осмыслить в литературоведческом аспекте технологические свойства и эффекты электронного гипертекста: гиперссылки, интерактивность, мультимодальность и мультимедийность, навигацию, анимацию гипертекста предлагается рассмотреть с точки зрения их «семантической и эстетической значимости» [5. Р. 430].

¹⁴ В оригинале – «afternoon, a story» (со строчной буквы).

¹⁵ Сошлемся на указанные работы С.А. Кучиной, О.В. Дедовой, С.А. Стройкова, Р. Симановски и не указанные ранее исследования С.С. Панфиловой [26], А.С. Махова [27], Е.Ю. Соболев [28], Е.А. Чувильской [29], а также О.В. Барст, которая, кроме типологии текстообразующих логико-семантических связей художественного электронного гипернарратива, предлагает, вероятно, первую методику его литературоведческого анализа и результаты ее применения [30].

¹⁶ С развитием электронных устройств и эстетических концепций в цифровом искусстве все чаще стали встречаться ситуации, когда организация текста по книжным принципам может сознательно нарушаться (или не предполагаться вовсе), что обуславливается замыслом художника, который закладывает в опыт взаимодействия пользователя и текста элементы игры и случайности. В таком случае электронные и сетевые тексты становятся весьма схожими по своим структурным особенностям. Ярким примером служит творчество австрийского музыканта и «цифрового поэта» (как он называет себя сам) Йорга Пирингера, который создает как электронные (в виде мобильных приложений), так и сетевые (веб-страницы) произведения. Деконструкция, динамическая трансформация и медитативные манипуляции с фрагментами текстов обоих форматов выступают в них не просто формальными приемами, но необходимыми условиями рождения смысла. Э. Шмидт, ссылаясь на Т. Иконена, называет это «поэтикой текстового движения» [5. Р. 429], лежащей в основе кинетической поэзии. В ней, как отмечает С.А. Кучина, «оптическая мутация текста, слов и букв является основным принципом построения художественного мира» [32. С. 158], задающим темпоральность, невозможную в статичном тексте.

¹⁷ Как, например, в веб-проекте Sea and Spar Between С. Стрикленд и Н. Монтфорта, который генерирует потенциально бесконечное количество стихотворений на основе текстов Э. Дикинсон и Г. Мелвилла.

¹⁸ См.: [33–40].

¹⁹ Об этом же пишут в указанных работах Э. Шмидт, В. Курицын, О.В. Дедова и др.

Список источников

- Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Собрание сочинений : в 7 т. М., 1997. Т. 5. 482 с.
- Лакербай Д.Л. О терминах «текст» и «произведение» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 22–33.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. 616 с.
- Кучина С.А. Электронный художественный текст: понятие, категории, лингвосомиотическая специфика. Новосибирск, 2019. 160 с.
- Шмидт Э. Буквальная (не)движимость. Дигитальная поэзия в РуЛиНе // Russian Literature. 2005. Vol. LVI. P. 423–440.
- Simanowski R. Interfictions. Vom Schreiben im Netz. Frankfurt am Main, 2002. 200 s.
- Пржигоцкий В.А. Применение цифровых технологий в сохранении и распространении книжного наследия : магистерская диссертация. Томск, 2018. 108 с.
- Северина Е.М. Цифровой текст в пространстве современной культуры // Человек и культура. 2019. № 5. С. 65–72.
- Кучина С.А. Локативы: жанровая и структурная специфика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (58). С. 23–27.
- Родика Г. Эргодический текст и его влияние на концепцию литературы : дис. ... д-ра филол. наук. Кишинев, 2022. 205 с.
- Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008. 284 с.
- Масалова М.В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика. Ульяновск, 2003. 123 с.
- Соболева О.В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 72–75.

14. Дедова О.В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 50 с.
15. Стройков С.А. Англоязычный электронный гипертекст как объект лингвосомиотического исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2024. 42 с.
16. O'Sullivan J. Towards a Digital Poetics: Electronic Literature and Literary Games. Cham, 2019. XVIII, 146 p.
17. Кучина С.А. Электронная литература и цифровая поэтика в контексте современных культурных практик // Новое литературное обозрение. 2021. № 1. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23160/
18. Aarseth E.J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore, 1997. 203 p.
19. Курицын В. Сон о сети. Литература как предчувствие интернета // Сетевая словесность. 2001. URL: www.netsliva.ru/teirija/son.html
20. Nelson T.H. Literary Machines. Sausalito, CA, 1987. 263 p.
21. Nelson T.H. Computer Lib: Dream Machines. Redmond, 1987. 336 p.
22. Руднев В.П. Словарь культуры 20 века. М., 1999. 384 с.
23. Черненко С.В. Текст в цифровом пространстве культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3 (27). С. 58–63.
24. Tsvetkova M. Genesis and Foreword of Digital Books // European Researcher. 2016. Vol. 109 (8). P. 468–477.
25. Касимова Г.Р. Поэтика интертекстуальности в интерактивном романе Майкла Джойса «Полдень» // Вестник ВятГУ. 2015. № 6. С. 80–84.
26. Панфилова С.С. Смысловая структура англоязычного художественного текста в аспекте гипертекстуальности : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 211 с.
27. Махов А.С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
28. Соболев Е.Ю. Невербальные компоненты текстовой информации (на материале английской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.
29. Чувильская Е.А. Структура и семантика литературного гипернарратива (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 26 с.
30. Барст О.В. Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива (на материале гиперромана М. Джойса *Twelve Blue*) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.
31. Зейналова К.В. Гипертекстовая литература сквозь призму постструктуралистской теории // Гуманитарный вектор. 2024. № 1. С. 142–148.
32. Кучина С.А. Кинетические электронные поэтические тексты: структура и лексико-стилистические особенности // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 157–169.
33. Боровая А.Ю. Функционирование нарративного квеста в трансмедийном пространстве // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2015. № 2. С. 14–20.
34. Оболкина С.В. Кибертекст как экспериментальная онтология // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 38–46. doi: 10.17223/1998863X/50/4
35. Овчинников В.М. Феномен компьютерной игры: историографический аспект // Журнал Института наследия. 2022. № 4 (31). URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/61/547.html>
36. Дегайренко К.А., Ермаков Т.К. Концепция «фантоматики» С. Лема в контексте соотношений кибертекста и искусственного интеллекта // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 516–525.
37. Айзикова И.А., Воробьева Т.Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 37–57. doi: 10.17223/23062061/30/3
38. Айзикова И.А., Горенинцев В.Н. Поликодовые тексты в вузовском учебном чтении: методология исследования востребованности и эффективности использования. Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 91–114. doi: 10.17223/23062061/33/6
39. Айзикова И.А., Горенинцев В.Н. Поликодовые тексты в вузовском учебном чтении: методология исследования востребованности и эффективности использования. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 35. С. 92–109. doi: 10.17223/23062061/35/6
40. Айзикова И.А., Рожнева Ж.А., Казакевич О.А., Смольянинов А.В., Гарина А.В. Мультимодальные тексты в образовании: исследования в зарубежной гуманитаристике (2019–2023 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 5–22. doi: 10.17223/15617793/509/1
41. Кучина С.А. Электронный художественный текст в рамках текстологии постструктурализма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. 21(3). С. 821–829.
42. Купер И.Р. Гипертекст как форма организации социального знания : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001. 20 с.

References

1. Bakhtin, M.M. (1997) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
2. Lakerbay, D.L. (2020) O terminakh "tekst" i "proizvedenie" [On the Terms "Text" and "Work"]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 22–33
3. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
4. Kuchina, S.A. (2019) *Elektronnyy khudozhestvennyy tekst: ponyatie, kategorii, lingvosemioticheskaya spetsifika* [Electronic Fiction: Concept, Categories, Linguistic Semiotic Specificity]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
5. Shmidt, E. (2005) Bukval'naya (ne)dvizhimost'. Digital'naya poeziya v RuLiNete [Literal (Im)movability. Digital Poetry on RuLiNet]. *Russian Literature*. LV1. pp. 423–440
6. Simanowski, R. (2002) *Interfictions. Vom Schreiben im Netz*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
7. Przhigotskiy, V.A. (2018) *Primenenie tsifrovyykh tekhnologiy v sokhraneni i rasprostraneni knizhnogo naslediya* [Application of digital technologies in the preservation and dissemination of book heritage]. Master's thesis. Tomsk.
8. Severina, E.M. (2019) Tsifrovoy tekst v prostranstve sovremennoy kul'tury [Digital text in the space of contemporary culture]. *Chelovek i kul'tura*. 5. pp. 65–72.
9. Kuchina, S.A. (2016) Lokativy: zhanrovaya i strukturnaya spetsifika [Locatives: genre and structural specificity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 4-1(58). pp. 23–27
10. Rodika, G. (2022) *Ergodicheskiy tekst i ego vliyanie na kontseptsuyu literatury* [Ergodic text and its influence on the concept of literature]. Philology Dr. Diss. Kishinev.
11. Dedova, O.V. (2008) *Teoriya giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runete* [Hypertext Theory and Hypertext Practices in RuNet]. Moscow: MAKSS Press.
12. Masalova, M.V. (2003) *Gipertekstual'nost' kak immanentnaya tekstovaya kharakteristika* [Hypertextuality as an immanent text characteristic]. Philology Cand. Diss. Ulyanovsk.
13. Soboleva, O.V. (2014) K probleme opredeleniya ponyatiya "gipertekstual'nost'" [On the problem of defining the concept of "hypertextuality"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (336). Filologiya. Iskuststvovedenie. 89. pp. 72–75.
14. Dedova, O.V. (2006) *Lingvosemioticheskiy analiz elektronnoy giperteksta (na materiale russkoyazychnogo Interneta)* [Semio-linguistic analysis of electronic hypertext (based on the Russian-language Internet)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

15. Stroykov, S.A. (2024) *Angloyazychnyy elektronnyy gipertekst kak ob"ekt lingvosemioticheskogo issledovaniya* [English-language electronic hypertext as an object of linguosemiotic research]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
16. O'Sullivan, J. (2019) *Towards a Digital Poetics: Electronic Literature and Literary Games*. Cham: Palgrave Macmillan.
17. Kuchina, S.A. (2021) Elektronnyaya literatura i tsifrovaya poetika v kontekste sovremennykh kul'turnykh praktik [Electronic literature and digital poetics in the context of contemporary cultural practices]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23160/.
18. Aarseth, E.J. (1997) *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
19. Kuritsyn, V. (2001) Son o seti. Literatura kak predchuvstvie interneta [The dream of the network: literature as a premonition of the Internet]. *Setevaya slovesnost'* [Network Literature]. [Online] Available from: www.netsliva.ru/teirija/son.html.
20. Nelson, T.H. (1987) *Literary Machines*. Sausalito, CA: [s.n.].
21. Nelson, T.H. (1987) *Computer Lib: Dream Machines*. Redmond: Microsoft Press.
22. Rudnev, V.P. (1999) *Slovar' kul'tury 20 veka* [Dictionary of 20th-Century Culture]. Moscow: Agraf.
23. Chernen'kaya, S.V. (2018) Tekst v tsifrovom prostranstve kul'tury [Text in the digital space of culture]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 3 (27). pp. 58–63.
24. Tsvetkova, M. (2016) Genesis and foredoom of digital books. *European Researcher*. 8 (109). pp. 468–477.
25. Kasimova, G.R. (2015) Poetika intertekstual'nosti v interaktivnom romane Maykla Dzhoysa "Polden'" [Poetics of intertextuality in Michael Joyce's interactive novel Afternoon]. *Vestnik VyatGU*. 6. pp. 80–84.
26. Panfilova, S.S. (2009) *Smyslovaya struktura angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta v aspekte gipertekstual'nosti* [Semantic structure of English-language fiction in the aspect of hypertextuality]. Philology Cand. Diss. Moscow.
27. Makhov, A.S. (2010) *Tipologiya khudozhestvennykh gipertekstov na osnove nemetskoyazychnykh internet-saytov* [Typology of fiction hypertexts based on German-language Internet sites]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
28. Sobol', E.Yu. (2009) *Neverbal'nye komponenty tekstovoy informatsii (na materiale angliyskoy literatury)* [Non-verbal components of textual information (based on English literature)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
29. Chuvil'skaya, E.A. (2009) *Struktura i semantika literaturnogo gipernarrativa (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Structure and semantics of literary hypernarrative (based on Russian and German)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
30. Barst, O.V. (2005) *Strukturno-semanticheskie osobennosti organizatsii gipertekstovogo narrativa (na materiale giperromana M. Dzhoysa Twelve Blue)* [Structural and semantic features of hypertext narrative organization (based on M. Joyce's hypernovel Twelve Blue)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
31. Zeynalova, K.V. (2024) Gipertekstovaya literatura skvoz' prizmu poststrukturalistskoy teorii [Hypertext literature through the prism of poststructuralist theory]. *Gumanitarnyy vektor*. 1. pp. 142–148.
32. Kuchina, S.A. (2016) Kineticheskie elektronnye poeticheskie teksty: struktura i leksiko-stilisticheskie osobennosti [Kinetic electronic poetic texts: structure and lexical-stylistic features]. *Nauchnyy dialog*. 10 (58). pp. 157–169.
33. Borovaya, A.Yu. (2015) Funktsionirovanie narrativnogo kvesta v transmedial'nom prostranstve [Functioning of narrative quest in transmedial space]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsiy*. 2. pp. 14–20.
34. Obolkina, S.V. (2019) Cybertext as an experimental ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 38–46. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/50/4
35. Ovchinnikov, V.M. (2022) Fenomen komp'yuternoy igry: istoriograficheskiy aspekt [The phenomenon of computer games: a historiographic aspect]. *Zhurnal Instituta naslediya*. 4 (31). [Online] Available from: <https://nasledie-journal.ru/journals/61/547.html>.
36. Degtyarenko, K.A. & Ermakov, T.K. (2025) Kontseptsiya "fantomatiki" S. Lema v kontekste sootnosheniy kiberteksta i iskusstvennogo intellekta [Stanislaw Lem's concept of "phantomatics" in the context of the relationship between cybertext and artificial intelligence]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 516–525.
37. Ayzikova, I.A. & Vorob'eva, T.L. (2022) Perception of pictorial text: Problematization, actualization, new methodological approaches. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 30. pp. 37–57. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/30/3
38. Ayzikova, I.A. & Gorenintseva, V.N. (2023) Polycode texts in university educational reading: Methodology for demand and effectiveness analysis (Article I). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 91–114. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/6
39. Ayzikova, I.A. & Gorenintseva, V.N. (2024) Polycode texts in university educational reading: Methodology for demand and effectiveness analysis (Article II). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 35. pp. 92–109. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/35/6
40. Ayzikova, I.A. et al. (2024) Multimodal texts in education: Research in the English-language humanities (2019–2023). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/1
41. Kuchina, S.A. (2019) Elektronnyy khudozhestvennyy tekst v ramkakh tekstologii poststrukturalizma [Electronic fiction text within the framework of poststructuralist textology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (21). pp. 821–829.
42. Kuper, I.R. (2001) *Gipertekst kak forma organizatsii sotsial'nogo znaniya* [Hypertext as a form of social knowledge organization]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Смольянинов А.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smoart2@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail

A.V. Smolianinov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smoart2@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025;
одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 05.07.2025;
approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 81'373.21
doi: 10.17223/15617793/517/2

Топонимия Ингерманландии: эволюция методов научного описания

Александр Владиславович Дмитриев¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, avd84@list.ru

Аннотация. Исследование представляет первый систематический анализ развития топонимических исследований Ингерманландии с XIX в. до современности. На основе обширного теоретического материала прослежена эволюция научных подходов от картографических работ Й.Ф. Бергенгейма и лингвистических исследований А.И. Гиппинга до современных цифровых методов и ГИС-технологий. Выявлены ключевые этапы развития топонимических исследований Ингерманландии, проанализированы основные методологические подходы российских, финских, эстонских и шведских исследователей. Работа создает основу для дальнейшего изучения региональной топонимики.

Ключевые слова: Ингерманландия, топонимика, ономастика, историческая география, финно-угроведение, славистика, картография, цифровые гуманитарные науки

Для цитирования: Дмитриев А.В. Топонимия Ингерманландии: эволюция методов научного описания // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 17–32. doi: 10.17223/15617793/517/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/2

Toponymy of Ingermanland: Evolution of scientific description methods

Aleksandr V. Dmitriev¹

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation, avd84@list.ru

Abstract. The article addresses a critical gap in toponymic studies by providing the first systematic review and analysis of research materials on Ingermanland toponymy from the 19th century to the present. The study's primary objective is to systematize the accumulated theoretical and practical experience in the field of Ingermanland toponymic research, which has never been comprehensively reviewed before. The research is based on extensive source materials, including historical maps, archival documents, field research data, academic publications, and bibliographies spanning over two centuries. The methodology combines historical-bibliographic analysis with comparative and systematic approaches. The author employs both diachronic and synchronic methods to trace the evolution of toponymic research in the region. The study systematically analyzes research paradigms, methodological frameworks, and theoretical foundations developed by different scholarly traditions – Russian, Finnish, Estonian, and Swedish – in their investigation of Ingermanland toponymy. The chronological analysis reveals distinct stages in the development of Ingermanland toponymic research. The early period of the 19th century was marked by the initial cartographic interpretation of toponyms by J.F. Bergenheim in 1827, the first linguistic analysis of Ingermanland toponymy by A.I. Hipping, and significant contributions by P.I. Köppen to the ethnic geography of the region. This period also saw the first systematic analysis of Finno-Ugric anthroponymy. The early 20th century brought the development of systematic approaches to studying settlement structures, integration of parish registers and church records into toponymic research, and the emergence of comparative linguistic analysis methods. By the mid-20th century, the field had witnessed the establishment of regional toponymic schools, development of field research methods, and creation of the first toponymic card indexes. The contemporary period has been characterized by the implementation of digital methods and GIS approaches, development of automated toponymic databases, and integration of multilingual and cross-cultural perspectives in research methodology. The study's findings reveal several key contributions to the field. First, it establishes a clear periodization of Ingermanland toponymic research development. Second, it identifies and analyzes major theoretical and methodological approaches that have shaped the field. Third, it demonstrates how research methods have evolved from simple etymological studies to complex interdisciplinary investigations. Fourth, it highlights the significant role of digital technologies and GIS methods in modern toponymic research of the region. The research concludes by presenting a structured framework for understanding the historical development of Ingermanland toponymic studies and identifying areas requiring further investigation. The paper's practical significance lies in its comprehensive systematization of research approaches and methods, which can serve as a foundation for future studies in regional toponymy.

Keywords: Ingermanland, toponymy, onomastics, historical geography, Finno-Ugric studies, Slavic studies, cartography, digital humanities

For citation: Dmitriev, A.V. (2025) Toponymy of Ingermanland: Evolution of scientific description methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 17–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/2

Введение

В современной региональной топонимике накоплен достаточно широкий теоретико-методологический арсенал средств для описания топонимов в онтологическом смысле, а также рассмотрения когнитивных процессов функционирования, восприятия и организации топонимов. К настоящему времени в отечественной традиции сформирован богатый опыт исследования топонимов, представленный в работах А.В. Суперанской, Ф.П. Сороколетова, Ю.А. Карпенко, Л.Е. Кириллова, В.А. Никонова, А.К. Матвеева и других исследователей. Особую роль играют сформировавшиеся региональные топонимические школы со своими локальными традициями и подходами, яркими представителями которых являются А.С. Герд (Петербургская), А.Л. Шилов (Московская), Ю.И. Чайкина (Вологодская), И.И. Муллонен, Д.В. Кузьмин, Н.Н. Мамонтова (Карельская), А.К. Матвеев и Е.Л. Березович (Екатеринбургская/Уральская), М.Г. Атаманов (Удмуртская), А.Н. Куклин (Марийская), И.К. Инжеватов (Мордовская), А.Г. Мусанов (Коми).

Актуальность исследования обусловлена отсутствием до настоящего времени комплексного анализа и систематизации научно-теоретического материала по топонимии Ингерманландии.

Ингерманландия – это этнокультурный и исторический регион площадью в 15 000 км² на прибалтийско-финском пространстве Русского Севера, расположенный между р. Наровой, южным берегом Финского залива и юго-западным побережьем Ладожского озера, имеющий фиксированные границы, установленные Столбовским мирным договором 27 февраля 1617 г. и сохранивший неофициальное церковное деление на 27 лютеранских приходов. Многие из них были утверждены шведским правительством в период с 1611 по 1685 г. Сегодня Ингерманландия инкорпорирована в Ленинградскую область и покрывает преимущественно ее западные районы, а именно: Кингисеппский, Ломоносовский, Волосовский, Гатчинский, Тосненский, Всеволожский и часть Кировского района до реки Лава.

Ингерманландия – древнейшая зона контакта русских и финнов. Она формировалась в результате взаимодействия дофинно-угорской, финской и русско-финской культур. Костяк топонимической системы Ингерманландии составляют названия прибалтийско-финского происхождения, однако не менее распространены также названия славянского корня. Имеется некоторое количество названий субстратного происхождения, которые не поддаются этимологизации средствами славянских и прибалтийско-финских языков. Кроме того, проблемой является также то, что у одного объекта могут быть дублирующие названия.

Географические названия этого региона до сих пор остаются без должного систематического рассмотрения, учитывающего все аспекты – историко-географические, картографические, полевые, краеведческие, историко-этимологические.

Целью данного исследования является обобщение и систематизация накопленного опыта в области исследования топонимов Ленинградской области и в

частности Ингерманландии начиная с первых работ XIX в. до современности. К задачам исследования можно отнести анализ эволюции подходов к изучению топонимии региона; выявление основных этапов развития топонимических исследований; определение вклада различных научных школ и традиций; проследивание развития методологического инструментария; систематизацию накопленных научных данных.

Методология исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем историко-библиографический анализ, сравнительно-исторический метод, системный анализ источников, картографический метод, этимологический анализ. Соответственно, источниковую базу исследования составили исторические карты и картографические материалы, архивные документы, результаты полевых исследований, научные публикации XIX–XXI вв., а также библиографические указатели. С большинством источников автор самостоятельно работал в архивах Швеции, Финляндии и России.

В свое время вышло две библиографии по ономастике Ингерманландии, которые были использованы в настоящей статье. Первая – это «Inkerin bibliografia», составленная Я. Эломаа в 1981 г. [1]. Вторая библиография вышла в 2000-х гг. и явилась обновлением библиографии Я. Эломаа. Она была составлена эстонской исследовательницей М. Йоалайд и отразила исследования 1990-х гг., в том числе русскоязычные. Остальной материал был дополнен автором более поздними работами, вплоть до 2020-х гг., по этой теме.

Ранний период изучения топонимии Ингерманландии

По всей видимости, первый опыт осмысления топонимического содержания исторических карт Ингерманландии принадлежит Й.Ф. Бергенгейму, автору «Карты бывших губерний Иван-города, Яма, Капорья, Нотэборга» [2].

Значимым этапом в развитии картографических исследований Ингерманландии стала дипломатическая передача Российской империи 5 февраля 1825 г. комплекса шведских картографических материалов XVII–XVIII столетий, ранее хранившихся в архивах Стокгольма. Данное событие послужило катализатором для активизации научно-исследовательской деятельности в области исторической картографии региона. Военно-топографическое депо департамента Генерального Штаба под руководством Ф.Ф. Шуберта инициировало масштабный проект по систематизации и научной обработке полученных картографических источников с целью создания актуализированного картографического материала. Результатом этой работы, согласно официальному отчету Ф.Ф. Шуберта 1827 г., стало создание реконструированной карты Ингерманландии, отражающей историческое состояние территории по состоянию на 1676 г. [3. С. 14].

В процессе реализации картографического проекта его непосредственный исполнитель, Й.Ф. Бергенгейм, действовавший по поручению руководителя Военно-топографического депо Ф.Ф. Шуберта, зафиксировал значительный массив топонимических данных, атрибуция которых средствами шведских картографических источников XVII столетия представляет существенную научную проблему.

Данное обстоятельство создает отдельное исследовательское поле в области исторической картографии и топонимики Ингерманландии: «Карта не является в полном смысле копией с конкретной шведской генеральной карты Ингерманландии. Она включает реконструктивные элементы, уже не существовавшие во 2-ой половине XVII века» [3. С. 14]¹. Это связано с тем, что Й.Ф. Бергенгейм взял, очевидно, за основу для своей карты сразу несколько шведских карт, составленных в 1670-е гг. по результатам генеральной земельной ревизии Ингерманландии. Оригиналы этих карт хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве: «Геометрическое разделение Копорского лена, как оно было произведено при генеральной земельной ревизии Ингерманландии в 1677–1678 гг.»²; «Разрозненные генеральные и дозорные карты Ингерманландии и Алентаки»³; «Сводные карты погостов Ивангородского, Ямского и Копорского ленов, а также Дудергофского погоста, 1679 г.»⁴.

Несмотря на ошибки и неточности на карте Й.Ф. Бергенгейма, этот опыт можно считать первой попыткой картографического и историко-географического осмысления и представления топонимического ландшафта допетровской Ингерманландии на карте. Эта карта и сегодня пользуется популярностью среди ученых-ономастов.

Фундаментальные основы лингвистического исследования топонимической системы Ингерманландии были заложены в научных трудах А.И. Гиппинга, который впервые в историографии осуществил структурно-формантный анализ топонимического материала, зафиксированного в историко-картографических источниках региона: локализация деревни (*-la/-lä, -sta*), деревня при ручье (*-oja*), реке (*-joki*), озере (*-järvi*), в лесу (*-korpi*) и т.д. [4]. Картографический метод (т.е. использование исторических карт) в совокупности с формантным, очевидно, заложили основу для изучения топонимической системы региона.

Благодаря трудам академика П.И. Кёппена стало известно о том, в каких местах Санкт-Петербургской губернии были расселены водь, ижора, савакот и эвримейсы в середине XIX в., что также послужило хорошей практической базой для топонимического анализа в дальнейшем, ведь П.И. Кёппен записал названия поселений в двух вариантах – прибалтийско-финском и русском, зафиксировав, таким образом, дублетный характер ойконимов и картографировав полученные результаты [5, 6].

Одно из первых наблюдений в области прибалтийско-финской антропонимики Ингерманландии относится к 1857 г., когда вышла статья финского врача и переводчика В. Килпинена, который рассмотрел некоторые фамилии финских жителей юго-восточного ингерманландского прихода Лииссиля (Liissilä), находящегося в историческом Ижорском погосте. Среди его жителей были носители таких интересных и древних финских фамилий, как *Lorvi, Malkki, Susi, Kekäle, Törö, Kirppu, Pukki, Kiuru, Väärä, Kupri, Repo* и не только. По замечанию В. Килпинена, эти имена являли собой древнее наследие финского народа в дохристианскую эпоху и в старину подвергались уничтожению или

трансформациям со стороны священников и военных, особенно в эпоху шведского владычества [7].

В 1859 г., как известно, Археографическая комиссия начинает масштабный проект по публикации новгородских писцовых книг, что становится предметом живого обсуждения и материалом для новых научных изысканий, и к концу XIX в. ученые получают «в руки» документацию сразу по трем пятинам: в 1859 и 1862 гг. – по Деревской; в 1868 г. – по Водской; в 1886 г. – по Шелонской.

Издание этих книг не заставило себя долго ждать, и в 1898 г. вышел труд эстонского филолога, этнографа и историка Ю.Ю. Трусмана «Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Ч. 1. Пятины Водская, Деревская и Шелонская». Автор представил географическую номенклатуру этих пятин в виде словаря (А–Я), с указанием гипотетической этимологии и привязки к погостам. Довольно много в словаре и антропонимов – имен и фамилий налогоплательщиков. Далеко не все предложенные Ю.Ю. Трусманом этимологии могут быть использованы сегодня в прибалтийско-финской ономастике⁵, однако это была, по сути, первая попытка комплексного анализа топонимической системы северо-западных рубежей Московского царства конца XV–XVI вв., включая уезды и погосты на территории исторической Ингерманландии [8].

После этой работы, как ожидалось, должны были бы выйти в свет подобные ей труды критического характера, с полемикой и возражениями против некоторых этимологических гипотез Ю.Ю. Трусмана, однако на какое-то время наступило затишье, а в печать выходили в основном эссе, касающиеся отдельно взятых названий.

Например, историк Р. Саксен в конце XIX в. опубликовал заметку о гидронимах *Нарова* и *Нева*, где одним из первых предложил скандинавскую версию происхождения этих названий, ссылаясь на однокоренные топонимы и антропонимы, распространенные (и бытовавшие в древности) в Швеции и Норвегии. Он считал, что происхождение *Narvi* ведет свою историю из древне-шведского *Narfi* (или *Nörfi* из исландского), который позже был адаптирован в шведской топонимике. При этом он связал с этой группой имена с ясным вокализмом *Närpes, Närva, Närvi*, где чередование *a/ä* встречается как в скандинавской, так и в финской областях [9. С. 62]⁶.

Этимологии названия *Дудергоф* коснулся Я. Миккола, связав его германизированную топооснову *duderp-* с финским этимологом *tuutari (tunturi)*, который, по мнению ученого, имеет восточно-саамское происхождение и прослеживается в заимствованном в русский язык слове *тундра* [10. С. 100].

В 1903 г. последовал ответ российского филолога Н.М. Тулицова, который составил словарь древнерусских личных имен – по сути, первый антропонимикон, – опираясь на обширный документальный фонд. Он рассмотрел отдельно мужские и женские имена, а также отчества. Его работа содержит огромное количество выявленных в документах христианских, дохристианских имен и различных прозвищ. Уделено внимание тому, как отличать личные имена и прозвища (в

том числе фамильные), приводятся примеры антропонимов, в составе которых личное имя и прозвище и т.д. [11].

Первые системные исследования ономастикона Ингерманландии в начале XX в.

В 1906 г. вышла в свет работа «Налоговая книга Водской пятины Новгорода 1500 г. и карельское поселение того времени» Я.В. Ронимуса, финского преподавателя истории, географии и финского языка. Он обратился к писцовым материалам по Корельскому уезду Водской пятины, сделал перевод документа на финский язык и в качестве научного комментария дал описание состава населения, его занятий и промыслов, вероисповедания, истории торговых отношений. Его труд стал первым исследованием, в котором была предпринята попытка системного анализа поселенческой структуры Карелии.

Ученый подсчитал количество деревень и хозяйств. Всего им было выявлено 943 ойконима и 42 названия пустошей в 7 погостах Корельского уезда Водской пятины. Для большинства русскоязычных ойконимов Я.В. Ронимус дал их современные финноязычные эквиваленты, варианты из шведской писцовой документации XVII в., а также относительные координаты: *Гуттоево на Палговаль = Hytinlahti в Ряйсяля у Уннункоскелла; Корола = Kaarlahti в Кауколасса; в описи земель 1678 года: Karenlax* [12. С. 21]. Многие ойконимы снабжены этимологической трактовкой. В работе Ронимус поднимает также проблему славянских заимствований в прибалтийско-финский ономастикон.

Труд Я.В. Ронимуса послужил точкой отсчета в системном изучении прибалтийско-финской топонимии и антропонимии за пределами Карелии, так как ученый показал номенклатуру названий, многие из которых, как оказалось, имеют тесные структурно-этимологические корреляции с топоосновами и антропонимами, характерными для Ингерманландии.

В полемику с Я.В. Ронимусом позже вступил Х. Оянсуу, который рассмотрел семь сравнительных комбинаций из диссертации Я.В. Ронимуса (*Соболinna < 'соболь'; Saapru < Заборье; Salitsanrannan < Зальсье; Saaris < Заргъче; Рорикьярва < Рюрикиярва, Ulahta < Вулахте; Pataksele < pato 'место, где есть плотина'*) и подверг сомнению его этимологии. Х. Оянсуу обратил внимание прежде всего на те этимологии, которые Я.В. Ронимус вывел из русской апеллятивной лексики. Например, упомянутое выше *Salitsanranta*, по мнению Х. Оянсуу, следует возводить к основе *sali*, которая широко представлена в восточной и западной Финляндии, – *Sali, Salia, Salikka, Salinen, Salittu*, а саму форму имени *Salitsa* можно сравнить с такими формами имен, как *Vari ~ Varitsala* (в современном разговорном языке *Vartala*) и др. [13. С. 115–116].

Саамский след в топонимии восточной части Ингерманландии попытался доказать П. Тойкка, который рассмотрел древнерусский летописный хороним *Лопь* (*Лопца*), сравнив его с параллельным названием *Lippia* в папских буллах XIII в., и однокоренные с ним названия *Малая Лопца, Егорьевский Лопский погост* Водской пятины, *Лопская сторона*, придя к заключению,

что все эти онимы демонстрируют былое присутствие саамов в этой части Ингерманландии [14. С. 47–49].

Следует отметить, что среди первых исследователей топонимии Ингерманландии была также особая группа людей без специального филологического образования, чьи наблюдения над изменяющейся демографической, религиозной и этнической ситуацией в крае послужили некоторым толчком к научному обоснованию этих процессов в дальнейшем. Речь идет о лютеранских пасторах, имевших богословское образование, которые интересовались историей своего и соседних приходов, вели дневники, а приходские метрики служили для них не просто статистическим отчетом, но и материалом для собственных наблюдений исторического и лингвистического характера.

Например, таковы работы пастора А. Аавикко, который в период с 1910 по 1911 г. временно исполнял обязанности пастора в трех приходах Ингерманландии – Котлы (*Kattila*), Новоселки (*Novasolka*) и Сойкино (*Soikkola*). Это объясняет, почему он был хорошо знаком с ситуацией в этих приходах и мог подробно описать процесс перехода ингерманландских финнов из лютеранства в православие.

Он привлек церковные книги 1778, 1888, 1900, 1910 гг. по этим трем приходам и обратил внимание в первую очередь на то, как именно были записаны названия деревень. Несмотря на то что главной задачей исследователя было проследить с 1778 по 1910 гг. численную динамику лютеранского населения (сведением статистики по жителям мужского и женского пола), А. Аавикко заметил, что если в книге 1778 г. все названия деревень написаны на «финский» манер (например, в Котельском приходе – *Kattiala, Korowais, Matautio, Namaster, Pummolitz, Pihlala, Rannala, Rassi, Tytitzä, Wolgonitz, Wiertewä, Willika, Rättilä, Kaipala, Koskolof, Habala*), то с 1888 г. рядом с финскими названиями стали подписывать русские, а к 1910 г. в церковных книгах и вовсе стали писать русские названия деревень. Причиной этому, полагает А. Аавикко, являются браки с православными и также прямой переход в православную церковь. К 1911 г. число лютеран во многих местах настолько уменьшилось, что прибалтийско-финские названия деревень больше не упоминались в церковных книгах [15. С. 137–139]. К слову сказать, у А. Аавикко есть аналогичная статья, посвященная поселениям прихода Губаницы [16].

Параллельно с этим продолжались исследования прибалтийско-финских антропонимов. Так, на основе проработки церковных документов О. Лоухелайнен представил список фамилий постоянных прихожан лютеранских приходов Ингерманландии в период русской администрации с 1721 по 1912 г. Он проанализировал, какие фамилии были в употреблении в XVIII – начале XIX в. и какие из них исчезли на начало XX в. Несмотря на то что исследование О. Лоухелайнен относительно далеко от собственно ономастического, его работа стала стартом в генеалогическом поиске и составлении родословной ингерманландских финнов [17].

Дальнейшее развитие методологии и ранние полевые исследования

Очень плодотворным периодом для изучения ингерманландской ономастики стали 1930-е гг., когда были исследованы новые ареалы прибалтийских финнов и получены новые диалектные данные (Я.Я. Ленсу), собран первый экспедиционный топонимический материал по водской ономастике (П. Аристе), введены в научный оборот новые документы (Я. Миккола) и не только.

Так, в 1932 г. финским лингвистом Я. Миккола был опубликован «Дневник» Иоганна Гезелиуса (*Diarium Visitationis Ingro-wadiacae Anno 1684*), нарвского суперинтенданта, который в 1684 г. посетил западно-ингерманландские деревни с целью проведения сегрегации, заключающейся в ограничении прав православных священников, а также с целью борьбы с местными дохристианскими культами среди водско-ижорского населения и его последующей катехизации. В дневнике Гезелиус указал, в каких населенных пунктах проживали водь и ижора. Я. Миккола составил карту (с указанием маршрута путешествия суперинтенданта) тех поселений, в которых побывал Гезелиус, и сделал, таким образом, «Дневник» доступным для широкой научной аудитории [18]. Следует отметить, что по части картографии исследование Я. Микколы коррелирует с работой Ю. Мустонена [19].

Особого внимания заслуживает работа Ю. Мустонена по фамилиям ингерманландских жителей, опубликованная в 1938 г. В ней исследователь обращается к фамилиям, выявленным в церковных книгах лютеранских приходов Ингерманландии (к сожалению, без указания приходов и деревень). Православное население края не затрагивается. Из 3000 выявленных фамилий подавляющее большинство имеют финское происхождение (*Suomalainen, Inkeroinen, Pyoriainen, Käkönen, Rokka, Eversti, Nokelainen, Kämärä* и др.), порядка 200 – шведское (*Adamsson, Ahlman, Dubbelman, Erikson* и др.), примерно 80 – немецко-эстонское (*Aavik, Artman, Albrecht, Braks, Dickman* и др.), около 50 – русское (*Aleksei, Flantsus, Levoska, Musikka, Musakka* и др.)⁷. Ю. Мустонен классифицировал все эти фамилии по различным лексико-семантическим группам: национальность (*Suomalainen* ‘финн’), географическое происхождение (*Karjalainen* ‘карельский’), названия животных (более 50 фамилий, такие, как *Karhu* ‘медведь’), птиц (*Kiuru* ‘жаворонок’), хозяйственную утварь (около 130 фамилий, например *Kirves* ‘топор’), профессии (более 80 фамилий, как *Mylläri* ‘мельник’), физические характеристики (*Mustonen* ‘черный’) и христианские имена (более 200 фамилий). Особенно много фамилий (более 500) происходит из региона Саво, что указывает на значительную миграцию оттуда. Ученый заметил также, что западно-финские фамилии встречаются чаще всего в финских деревнях прихода Косемкина в Западной Ингерманландии. Автор подчеркивает тесную связь финского населения Ингерманландии с Финляндией, отмечая общность национальности, веры, языка, обычаев и мента-

литет и приходит к выводу, что «финны Ингерманландии являются отпрысками финского народа, свежей и живой ветвью финского рода» [20].

Одной из важных и фундаментальных работ, вышедших до войны, стала докторская диссертация В. Ниссиля по названиям поселений в бассейне р. Вуоксы [21]. После нее стал расти интерес к изучению прибалтийско-финской гидронимии.

Во время войны снова вышло несколько работ по антропонимам ингерманландцев. В одной из них финским преподавателем и журналистом Э. Хиетакари рассматриваются личные имена ингерманландских финнов как свидетельство их финской идентичности. Всего Э. Хиетакари рассмотрел 179 фамилий, из которых в целом 148, или 82,68%, являются исключительно финскими. Кроме того, в выборку попали 12 таких фамилий, происхождение которых явно иностранное, в основном шведское или немецкое, но которые в течение веков адаптировались к финскому произношению. В этом случае доля таких имен составила 6,70%. Явно германских (шведских или немецких) было найдено только 10, или 5,59%. Э. Хиетакари считает, что если бы ингерманландские финны в большей степени русифицировались, их фамилии явно указывали бы на это. Русских или, точнее сказать, славянских фамилий в группе только 9, или 5,03%, т.е. меньше всего. Чисто финских или финизированных фамилий у ингерманландских финнов, согласно этой статистике, всего 89,38%. Доля иностранных фамилий (10,62%) среди ингерманландских финнов настолько низка, что в этом отношении даже финны Финляндии уступают им. Э. Хиетакари также проанализировал 535 личных имен и пришел к выводу, что такие имена, как *Aila, Aili, Oiva, Rauha, Sirkka, Valma, Inkeri, Sinikka, Viljo* и другие, являются более новым слоем финских крестильных имен, хотя и не настолько частотны среди населения [22].

Не теряет актуальности и работа В. Ниссиля по антропонимии сойкинских ижорцев (Nissilä 1943). Другие работы по топонимам Ингерманландии продолжали оставаться сугубо локальными, и если посвящены этимологическому разбору, то только отдельно взятых названий [23, 24].

Говоря о послевоенных исследованиях, касающихся имен, фамилий и прозвищ жителей Ингерманландии, нельзя не упомянуть фундаментальный труд С.С. Гадзяцкого «Ижорская земля в начале XVII в.», в котором он коснулся и прибалтийско-финской антропонимии. Подсчеты автора неславянских антропонимов позволили ему определить приблизительное соотношение славянского и прибалтийско-финского населения и прийти к выводу, что в XVI в. водь и ижора жили компактными островками среди славянского населения, преимущественно в погостах по южному побережью Финского залива [25. С. 4].

Попытку проследить общие ойконимические и гидронимические корреляции между Ингерманландией и Финляндией предпринял Э.А. Тункело. На материале некоторых отдельно взятых топонимических единиц (*Inkeroinen, Inkerilä, Laukaa, Laukaanjärvi, Haapavatia, Vatiäjärvi, Vatiala*), распространенных в восточной,

центральной и южной частях Финляндии, он попытался показать некогда имевшие место миграционные процессы ижоры и води с территории Ингерманландии в Финляндию. Так, название *Inkeroinen* (изначально деревни) в финском приходе Сиппола, по его мнению, указывает на то, что ижорское население Ингерманландии когда-то в прошлом переселилось жить на берега лососевых рек в приход Кюми. Э.А. Тункело конкретизирует даже место выхода этого населения – приход Хэваа, поскольку этноним «ингеройсы» (*inkeroiset*), как писал В. Поркка [26. С. 2], зафиксирован именно в том ареале ижорцев, а также на Сойкинском полуострове и в бассейне Нижней Луги. На Ингерманландию и западно-ингерманландских ижорцев указывает также ойконим *Inkerilä* в приходе Валкеала (деревня находится в водном бассейне верхнего течения р. Кюмийоки). Небезынтересна корреляция названия обширного древнего прихода Лаукаа (*Laukaa*), которое также встречается в приходе Куопио в составном названии озера *Laukaanjärvi*, и названия нижнего течения р. Луги – *Laukaanjoki*. Э.А. Тункело полагает, что некоторые из первопоселенцев древнего поселения Лаукаа в Центральной Финляндии были родом с берегов р. Нижней Луги в Ингерманландии, а Сойкинский мыс, например, назывался долгое время *Laukaanpuoli*. Здесь же интересен один из консонантных вариантов *Lavassaari*, бытовавший во времена В. Поркка на островах Финского залива, южном побережье материковой Финляндии и не берегу нижнего течения р. Луги. Более древний вариант этого онима – *Lavvassari*, который использовался на северном побережье Ингерманландии⁸ [27].

В 1956 г. вышла объемная статья В. Ниссиля «Slaavilaisia aineksia nimistöissä» [28], в которой ученый обратился к проблеме славяно-финских топонимических контактов, рассмотрев это не на примере изолированных названий, а целых топонимических гнезд, определенных конкретными ареалами в Финляндии, Восточной Карелии, Ингерманландии и не только.

В. Ниссиля проанализировал славянские заимствования в прибалтийско-финской топонимике, демонстрируя их широкое распространение в финском, водском, ижорском, вепском и карельском языках. Автор заметил, что особенно много русской топонимической лексики встречается в Восточной Карелии, на территории проживания вепсов и в Ингерманландии. В. Ниссиля выделил несколько основных групп заимствованных апеллятивов: транспортные (*poru* ‘паром’, *jaama* ‘дорога’), географические (*guba* ‘губа’, *luosa* ‘лужа’), религиозные (*kelja* ‘келья’, *sässönä* ‘часовня’), хозяйственные (*mellitsa* ‘мельница’, *sarain* ‘сарай’), профессиональные (*konovala* ‘коновал’, *korotniekka* ‘коробейник’) и др.

Особую ценность представляет анализ топонимических дублетов, помогающий прояснить происхождение «затемненных» финских названий. Например, название деревни *Pärspää* в Ингерманландии стало понятным благодаря его русскому соответствию *Lipova* (‘липа’). Ученый также исследовал дохристианские прозвища с суффиксами *-ska* и *-nainen* (например, *Miska*, *Iivanainen*), что позволило сделать выводы о характере заселения Финляндии в восточно-западном направлении.

Статья В. Ниссиля положила начало разностороннему, мультиязыковому рассмотрению прибалтийско-финских топонимов в аспекте языкового контактирования и интерференции и оказала влияние на последующие исследования, в том числе и топонимии Ингерманландии.

Становление научных школ, расширение полевых исследований и каталогизация ономастического материала

Примерно в это же время финскими лингвистами, историками и этнографами были предприняты первые попытки создания картотеки топонимов Ингерманландии, которая хранится сейчас в «Топонимическом архиве» Финляндии (*Nimiarkisto*). Самые ранние карточки по западно-ингерманландским приходам датируются 1953 г. за авторством П. Виртанта. Позже картотеку обновляли П. Хакулинен (1958), М. Савела (1960), О. Химиляйнен (1964), В. Ниссиля (1973). Начиная с 1990-х гг. вклад стали вносить и отечественные исследователи – Н.О. Кирсанов и А.В. Крюков, которые дополнили базу микротопонимами (названия домов, колодцев, полей, лугов, лесов и т.д.). Такой ономастический пласт, как микротопонимия, сделал картотеку в каком-то смысле уникальной, поскольку топонимические сведения были получены от информантов, родившихся еще до революции и запомнивших старые водские, ижорские и финские онимы.

С 1960-х гг. интерес ономастов все больше стала привлекать Западная Ингерманландия, а именно ареалы води и смешанного водско-ижорского и водско-ижорско-финского населения. Соответственно в этой части региона стали проводиться активные системные полевые топонимические исследования преимущественно эстонскими финно-угроведами. Об этом свидетельствуют две топонимические коллекции, сохранившиеся в Институте эстонского языка в Таллине. Первая из них (639 карточек с названиями) представляет собой анонимный сборник Института эстонского языка, датируемый, вероятно, 1960-ми гг. и содержащий материалы всех диалектов водского языка, в том числе топонимы, взятые из опубликованных водских устных текстов. Вторая – это сборник «Emakeele Seltsi» (Общество родного языка). Эта коллекция состоит из 317 записей, полученных из деревни Маттия и всего ареала *vai-pooli*. Записи были составлены А. Лыхмусом летом 1972 г. В той или иной степени водская топонимия рассмотрена в работе И. Талве [29] и затронута в многотомном «Словаре водского языка» [30]. Наиболее богатыми на топонимы являются словари водского диалекта деревень Куровицы [31], Подмошье [32] и Краколье [33]. Некоторые названия деревень водского происхождения можно встретить в словаре ижорских диалектов Р. Нирви [34]. Рукописный 23-томный сборник П. Аристе «Этнология води», состоящий из 5 369 страниц текста с указателями, дневниками, предметами материальной культуры, стал впоследствии картотекой из 44 100 карточек, также содержит множество топонимов.

Водскую топонимию для науки «открыл» П. Аристе. Его известный труд «*Vadja kohanimedest*», вышедший в 1965 г., касается анализа «водского» следа в топонимии Эстонии и Эстонской Ингерманландии [35], хотя материал по диалектам воды П. Аристе собирал начиная еще с 1930-х гг.

Одной из важных заслуг П. Аристе является систематизация и ареальная дистрибуция водских поселений в соответствии с микрогеографическими областями, населенными водью в середине XX в. Центральной работой здесь можно назвать «*Über Wotische Ortsnahmen*» [36], которая является продолжением и расширением предыдущего исследования [35] и в которой П. Аристе постарался дать всесторонний обзор как самих водских ойконимов, так и ономастологических принципов номинации географических реалий водскими жителями. Кроме того, ученый продолжил исследования П.И. Кёппена и спустя более чем 120 лет представил новые данные по ареалам водского народа. Таким образом, П. Аристе, со слов самих местных жителей, были выделены следующие области «водского мира»: *maa-pooli*, *orko*, *vadda-pooli* (*vai-pooli*), *julä-pooli*, *ranta-pooli*. Наряду с географическим расположением водских селений ученый проанализировал многие языковые особенности водских топонимов: их грамматические категории (падеж и число), альтернативные варианты, морфемно-морфологическую структуру, а также привел примеры водских имен собственных рек, озер, холмов, лесов и болот внутри и вокруг «водского мира» [36].

В 1960–1970-е гг. выходит серия статей В. Ниссиля, в которых он более подробно освещает структурно-семантические особенности топонимов Ингерманландии. Так, в одной из работ он проанализировал некоторые топонимы северной, западной и восточной частей края, имеющие германское происхождение, связанное с присутствием варягов в этих краях и, соответственно, скандинавского языкового следа в топонимии. К известным летописным названиям, таким как *Варяжское море* (т.е. Ладожское озеро), упоминаемое в 859 г., и *Варяжская улица*, зафиксированная в 1500 г. в связи со Старой Ладогой, В. Ниссиля добавляет еще ряд других. Например, в ареале северной Ингерманландии (по всей видимости, нынешний Токсовский район Ленинградской области⁹), который носил когда-то название *Tamma-Karjala* (рус. «кобылицкая карела»), группировались такие деревни, как *Кобылицы*, в *Варягове*, *Варягово на Кобылицах*, *Кобылий Хребет Межуево* (фин. *Tammaharju*, в Келтушском погосте); *Варягова на Неве*, в *Варягове на Неве* (в Городенском погосте), которые находились в северной Ингерманландии. Финское слово *tamma*, по мнению В. Ниссиля, следует возводить к германскому слову *tam* ‘домашний’, что говорит о том, что к XIV в. карела уже практиковала разведение лошадей, что отпечаталось в ойконимии, и понятие «кобылицкая карела», следовательно, связано с варягами¹⁰. Из всех этих названий в этом ареале осталось только одно – *Vaarakkala* (рус. Варково), что, как считает В. Ниссиля, является закономерным заимствованием из русского языка [38. С. 213–214].

Еще одним любопытным свидетельством о присутствии некогда скандинавского следа в топонимии Ингерманландии, по крайней мере, ее самой северной части, является, по мнению В. Ниссиля, непосредственная связь одного из скандинавских имен, упомянутых в древнерусских летописных хрониках¹¹ – имени *Дир*, т.е. *Dir* (сканд. *Dýri*, *Diuri*, *Tiuri*, *Turi*) – с ойконимами Карельского перешейка, в частности в бассейне р. Вуоксы. В. Ниссиля приводит следующие примеры: деревня *Tiuri*, название порога *Tiurinkoski* на Вуоксе, рядом с которым была построена в доисторические времена крепость, называемая *Tiurinlinna*¹², основателем которой, возможно, был варяжский вождь по имени *Diuri*. Это название появляется впервые в 1500 г. в писцовой книге Водской пятины: *деревня Тивра на реце на Тивре на Немецком рубеже; Тивры пустошь Торголаша на Немецком рубеже*. Позже встречаются *Tiurinkoski*, *Tiurikkäkily* 1589, *Tiuraby* 1590. Более вероятно, что это же скандинавское имя встречается в названии большого острова Тиури (*Tiurinsaari*), который находится напротив Койвисто к востоку от Финского залива (современный г. Приморск); это имя засвидетельствовано в древних документах: *Biscopszö Tiurlax by* 1584, *Biscopsö Tiurlas* 1585, *Tiurlax* 1586¹³ [38. С. 221].

В этом ряду стоит имя *Альвад* (сканд. *Alvad* < *Haleigh/Halyard*), упомянутое в Лаврентьевской летописи, которое свидетельствует о том, что вдоль древнего морского пути варягов располагались объекты, названия которых были деантропонимными: название полуострова *Alvattiniemi*, который далеко вдается в Финский залив, а также название деревни *Alvatti/Alvatikyhi/Alvattila* (Koivisto), *Aluatti by Biscopszö* 1586; *Aluatti* 1587; *Biscopszö Aluattila* 1588, 1589, 1590; *Aluattilaby* 1593; *Aluattila* 1608, 1610 [38. С. 222].

Значимой вехой в развитии топонимических исследований стала публикация в 1970 г. фундаментального компендиума «*Ethnologisches Ortschafts- und Dorffregister des finnischen Sprachgebietes in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola*», представляющего собой систематизированный корпус прибалтийско-финской топонимии. Данный труд, подготовленный коллективом исследователей (Nissilä, Sarmela, Sinisalo), содержит исчерпывающую документацию топонимического ландшафта Ингерманландии начала XX столетия, включая реестр топонимов, сохранивших свою актуальность в современной номенклатуре региона. Работа представляет особую ценность как источник *verificatum* для компаративных диахронических исследований топонимической системы исследуемой территории. По сути, этот труд стал первым топонимическим регистром, который в системном виде отразил топонимический ландшафт Ингерманландии, актуальный в середине XX в. [39].

В дальнейшем с опорой на этот регистр в 1992 г. Р. Рандефельтом была составлена мультязычная «Карта автодорог Ингерманландии» (*Inkeri. Tiekartta*) с отмеченными на ней исчезнувшими во время войны и позже населенными пунктами и с указанием, помимо финского и русского языков, водских, ижорских, эстонских и даже немецких топонимических вариантов

[40]. Позже на основе этого регистра Н.О. Кирсановым был проведен статистический анализ формантной структуры топонимов Ингерманландии, что позволило исследователю прийти к выводу, что самыми частотными формантами являются *-tsa* | *-tsä*, *-la* | *-lä* и *-si*, и этот порядок не зависит от этнографического состава населения, а самым редким – формант *-sto*; с ним названий деревень в Ингерманландии всего три: *Hu-malisto* (приход Мартышкино), *Nurmisto* (приход Копорье), *Someristo* (приход Славянка) [41].

Эволюция отечественных исследований в области ингерманландской ономастики характеризовалась пролонгированным периодом методологической дискретности и отсутствием системного подхода, что сохранялось даже после публикации фундаментальных трудов П. Аристе и В. Ниссиля. Существенной вехой в развитии российской топонимической школы стала публикация в 1969 г. исследования З.М. Дубровиной «Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области», ознаменовавшая начало систематического изучения топонимического субстрата данного сегмента Русского Севера в отечественной науке. Тем не менее методологический аппарат и теоретические положения данной работы ограничивались преимущественно обобщенными наблюдениями без детальной стратификации топонимического материала [42].

Значительный вклад в изучение топонимической стратиграфии Ленинградской области внес А.И. Попов, осуществивший комплексное диахроническое исследование региональной топонимии с особым акцентом на анализ номинативных единиц финно-угорского происхождения. А.И. Попов тем не менее коснулся этимологии только отдельно взятых названий и вскользь затронул вопрос о формантной структуре топонимов, посвятив большую часть анализа форманту *-la*, при этом практически обойдя стороной другие не менее важные форманты, продуктивные при оформлении названий (*-mäki*, *-kylä*, *-saari* и не только) [43].

Систематический интерес к топонимическому наследию Ленинградской области со стороны российских исследователей открылся только в конце 1970-х гг. с началом топонимических экспедиций, инициированных кафедрой математической лингвистики филологического факультета ЛГУ им. Жданова и их руководителем проф. А.С. Гердом. Основной упор делался на сбор микротопонимии. Студенческие отряды уже до этого собирали полевой материал в Карелии (Медвежьегорский и Пудожский районы) и Вологодской области, а в 1979 г. начались постоянные экспедиции в Ленинградскую область. В период до 1989 г. осуществлялись систематические полевые исследования топонимического ландшафта ряда административно-территориальных единиц (Подпорожский, Волховский, Тихвинский, Лодейнопольский районы). Результатом этих экспедиционных изысканий стала публикация фундаментального лексикографического труда «Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)», подготовленного коллективом исследователей петербургской лингвистической школы А.С. Гердом и И.В. Азаровой в соавторстве со специалистом в области карело-вепской топонимике

И.И. Муллонен. Данный труд, основанный на обширном корпусе гидронимического материала восточного сегмента Ленинградской области и южной части Карелии, представляет собой первый опыт комплексной систематизации гидронимии указанного ареала [44].

С 1991 г. внимание привлек Кингисеппский район, а именно его северная часть – Сойкинский и Кургальский полуострова. Здесь в период с 1991 по 1993 г. были обследованы такие поселения Западной Ингерманландии, как Югантово, Вистино, Старое Гарколово, Стремление, Урмизно, Нежново, Конново, Тисколово, Гакково, Курголово и многие другие прилегающие к ним деревни и села. Впоследствии экспедиции в Западную Ингерманландию приняли постоянный характер. В 2000-х гг. подключилась центральная часть Ингерманландии – Волосовский район. В 2003 и 2004 гг. автором данной статьи проводился сбор микротопонимии в Клопицком, Губаницком сельских поселениях Волосовского района и Котельском сельском поселении Кингисеппского района. К 2015 г. кафедральная картотека насчитывала свыше 30 тыс. единиц хранения, собранных за 35 лет экспедиционной работы сотрудниками и студентами кафедры [45].

Междисциплинарные исследования ономастикона Ингерманландии, цифровые методы и ГИС-технологии

По результатам топонимических экспедиций авторским коллективом кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета были подготовлены статьи, посвященные не только систематизации топонимов Ингерманландии, но и созданию автоматизированной топонимической базы данных [46, 47]. Вместе с этим шла работа по созданию научно-исследовательского веб-ресурса по топонимии Ингерманландии [48, 49] и обработка топонимической картотеки с целью формирования корпуса топонимов в электронном виде с функциями навигации и поиска. С 2012 г. ведется исследование по разработке историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии, и к сегодняшнему дню уже подготовлена первая часть обработанных названий [50–54].

Все же оба проекта – база данных и веб-ресурс – не нашли своего дальнейшего развития, не смогли выйти за рамки внутрикафедрального исполнения и со временем перестали полноценно функционировать.

Наряду с коллективными экспедициями проходили и индивидуальные. С середины 1980 гг. начался сбор материала по финским населенным пунктам Ленинградской области, в том числе по топонимии и микротопонимии, энтузиастом-исследователем А.В. Крюковым [55], который, как уже говорилось выше, обогатил своими результатами топонимическую картотеку *Nim-iarkisto*. Исследователь провел фундаментальную работу с более чем 1 тыс. информантов, среди которых было немало людей 1900–1930 гг. рождения и которые проживали в разных районах Ингерманландии. На основе собранных полевых данных А.В. Крюковым были написаны статьи по микрохоронимии Западной Ингерманландии [56], водской и ижорской антропонимике

[57], соматической лексики в топонимии Ингерманландии [58], а его недавние статьи посвящены вопросам лингвистических трансформаций в ойконимии северной Ингерманландии (Всеволожский район) в период с 1900 по 2022 гг. [59], а также проблеме топонимической трансоимизации на материале Всеволожского, Гатчинского, Кировского и Тосненского районов Ленинградской области [60].

Помимо А.В. Крюкова сбором полевого материала занимался еще один петербургский исследователь и на тот момент докторант отделения финского языка, финно-угорских и скандинавских языков и литератур Университета Хельсинки – Н.О. Кирсанов, который начал ездить к ингерманландским финнам, а затем к води и ижоре, в 1998–2001 гг., в результате чего им было собрано около 2000 основных вариантов названий населенных пунктов в приходах Копорье, Котлы, Малые Колпаны, Кобринно, Губаницы, Молосковицы, Нарва, Новоселки, Жеребятки, Скворицы, Сойкино, Шпаньково, Мартышкино и Славянка. На основе этих полевых материалов, а также архивных источников им была защищена диссертация на тему «Länsi-Inkerin asutuspaikkojen nimet». Н.О. Кирсанов провел фонетический и морфологический анализ названий и через эти структурные морфонологические свойства топонимов и процессы звукообразования показал особенности этноязыкового контактирования прибалтийских финнов и русских в этих приходах в определенные промежутки времени.

В сущности, Н.О. Кирсанов первым из отечественных ономастов поднял вопрос о морфонологическом параллелизме в структуре топонимов Ингерманландии. Им были рассмотрены некоторые фонетические процессы в прибалтийско-финских, русских и шведских формантах, например: пбф. *-tsa* | *-tsä* → рус. *-цы* | *-ца* | *-зи*; рус. *-цы* → пбф. *-si* | *-nen*; пбф. *-si* → рус. *-зи* | *-ши* | *-щина*; пбф. *-tsa* | *-tsä* → шв. *-tz(a)* | *-ts(a)*; шв. *-tz* → пфн. *-si* [60]. В контексте изучения топонимической системы Ингерманландии особое внимание исследователя было сфокусировано на просодических характеристиках русскоязычного топонимического пласта. Им сформулирована оригинальная концепция реверсивного заимствования топонимов, получившая название «бумеранговая теория». Согласно данной гипотезе, топонимические единицы, первоначально интегрированные из восточнославянских диалектов в прибалтийско-финскую языковую среду, впоследствии подверглись процессу обратного заимствования в восточнославянские диалекты, что обусловило формирование их специфических просодических особенностей [41, 61].

Эта идея была позже развита Н.О. Кирсановым в очередной статье, в которой он предположил, что контакты славянского и прибалтийско-финского населения на территории (Западной) Ингерманландии могли происходить уже начиная с V в. н.э. В качестве примеров ученым приведены параллели, доказывающие бумеранговые заимствования: например, появление ойконима *Колтуши* в цепочке (раннепротослав. **geltu* 'желтый' > фин. ап. *kelta* 'желтый' > фин. *Keltto* > рус. *Колтуши*), по мнению Н.О. Кирсанова, есть

следствие языкового контакта до первой палатализации (V–VI вв.). Исходная добумеранговая славянская форма этого названия, как считает лингвист, должна выглядеть как ***Желтое*, а бумеранг произошел до перехода ударного *e* перед несмягченным согласным в *o* (XIV–XVI вв.). Исходной формой ойконима *Корново/Керново* в цепочке (раннепротослав. **kir(s)nu* 'черный' > фин. ап. *kirnu* (*kärnä*) 'маслобойка' > фин. *Kirnu* > рус. *Корново/Керново*) должна быть форма ***Черное*, которая вошла в прибалтийско-финские языки вследствие контакта до первой палатализации (V–VI вв.), а бумеранг произошел еще до падения редуцированных (X–XII вв.). Не менее интересны и другие приводимые исследователем примеры: новг. слав. **mūsikā* > ап. **muksika* 'мышка' > фин. *Muiskola* > рус. *Мышкино*; новг. слав. **kūpēti* > ап. **kuipēti* 'кипеть' > фин. *Kuippina* > рус. *Кипень* и т.д. [62].

Всегда актуальными для ингерманландской ономастики остаются труды финского ученого С. Кепсу. Его первый капитальный труд по допетровскому топонимическому ландшафту Санкт-Петербурга «*Pietari ennen Pietaria*» (1995), переведенный в 2000 г. на русский язык («Петербург до Петербурга»), ознаменовал собой очередной этап в исследовании топонимии Ингерманландии с опорой на картографические материалы. Его фундаментальное лингвокартографическое исследование базируется на комплексном анализе широкого корпуса исторических источников, включающего шведские картографические материалы XVII в., русские и шведские кадастровые документы, а также судебнопросессуальные акты. Исследователем осуществлена масштабная реконструкция топонимического ландшафта территории современного Санкт-Петербурга в хронологическом диапазоне с 1500 г. до завершения периода шведского административного управления. На основе систематизации топонимического материала автором произведена периодизация колонизационных процессов и выявлены демографические трансформации, обусловленные военно-политическими факторами. Значительным методологическим достижением работы является создание структурированных топонимических рядов, интегрирующих все значимые документально зафиксированные формы номинаций, включая картографические варианты, что позволило проследить диахронические модификации исторических форм топонимов [63].

Существенный вклад в компаративное изучение топонимической системы Ингерманландии внесли исследования Д.С. Рябова, основанные на диахроническом сопоставлении картографических источников XVII столетия шведского происхождения с современными картографическими материалами. На основе детального сравнительно-лингвистического анализа исследователем была верифицирована гипотеза о минимальном влиянии германского субстрата на прибалтийско-финскую топонимическую систему региона, несмотря на 85-летний период шведского административного доминирования. Особое внимание в работах уделено процессам нормализации топонимического материала в условиях финско-русского языкового вза-

имедействия с акцентом на анализ фонетико-морфологических и просодических параметров адаптации топонимов в различных языковых средах [64].

Совсем недавний труд С. Кепсу «Inkerin pogostat» по исторической ойконимии северной, восточной и северо-западной Ингерманландии – летописной Ижорской земли – явился продолжением предыдущих работ и подвел итоги более чем сорокалетней работы ученого. С опорой на богатый архивный материал им было проанализировано около 3 300 названий, извлеченных из документов до 1700 г. Это названия существующих и исчезнувших поселений, входивших в Введенский Дудоровский, Никольский Ижорский, Никольский Ярво-сольский, Егорьевский Лопский, Ильинский Келтушский, Спасский Городенский, Ивановский Куйвошский и Воздвиженский Корбосельский погосты Ореховского уезда Водской пятины. Помимо названий деревень, были исследованы названия погостов и волостей. Основной фокус работы – старейшая местная географическая номенклатура прибалтийско-финского и славянского происхождения, которая сформировалась до массового переселения на территорию Ингерманландии финнов и карел, т.е. до 1656 г. Целью исследования было выяснить местонахождение и происхождение ингерманландских поселений, а также изучить пути миграции местного населения с опорой на топонимический каркас, однако, как признает сам С. Кепсу, для многих ойконимов как локализацию, так и происхождение, установить не удалось. Общий объем труда – 938 страниц, из которых 800 страниц текста занимает топонимический словарь (Nimiainesto), в котором для каждого названия указаны его архивные варианты (в орфографии старых документов), устные варианты (записанные со слов местного населения), а также толкование и местоположение. Кроме того, С. Кепсу предлагает реконструированные формы для многих названий, т.е. те формы, которые гипотетически могли иметь свой тот или иной первоначальный вид, но в документах отсутствуют: например, *Ahtova* | *Achtoua ödhe* < **Ahti(a)la* [65].

В первом десятилетии XXI в. значимый вклад в сравнительно-историческое исследование топонимической системы Ингерманландии внесла шведская школа славистики, среди представителей которой особого внимания заслуживает П. Амбросиани. Диапазон научных интересов исследователя охватывает широкий спектр топонимических категорий региона: от ойконимического и гидронимического пластов до хоронимической номенклатуры, причем особую научную ценность представляет исследование топонимии погостов Водской пятины, ранее не становившихся объектом специального научного анализа [66, 67].

Методологический аппарат исследований П. Амбросиани базируется на сравнительно-историческом подходе с привлечением обширного корпуса документальных источников, среди которых доминируют историко-картографические материалы. Принципиально новым в его исследовательской парадигме является разработка проблематики параллельного топонимобразования в прибалтийско-финской и русской ойконимических системах Ингерманландии. Исследователем

впервые в историографии предложена типология корреляционных моделей между компонентами разноязычных топонимических пар, включающая как моносемантические соответствия, так и сложные полисемантические корреляции [68].

Новый этап в историко-этимологическом изучении топонимов Западной Ингерманландии начался с работ эстонского исследователя Э. Эрнитса [69–72]. Он продолжил исследования, начатые еще П. Аристе, и представил системное описание топонимов современного Кингисеппского района (по историческим очагам проживания воды) с подробным объяснением этимологии каждого названия. Э. Эрнитс привлекает материал не только по ойконимии (названия поселений), но и по хоронимии, урбанонимии, ойкодомонимии (названия мыз, поместий, домов), экклезионимии (названия церквей, часовен), некронимии (названия кладбищ), дромонимии (названия дорог, улиц) и не только. В сферу интересов исследователя входит также микротопонимия. В статьях Э. Эрнитс рассмотрел и классифицировал более сотни топонимов Кингисеппского района водского и русского происхождения. Помимо этимологии, для каждого названия дается список его исторических вариантов начиная с наиболее раннего и также диалектные варианты, записанные в XX в.

Не угасает интерес ономастов и к изучению антропонимов. В одной из своих работ эстонская исследовательница Э. Саар использует материал по водским и ижорским антропонимам за последние 100 лет, в частности списки неофициальных имен жителей деревень Котлы, Маттия и Ундово, записанных В. Алава в ходе экспедиции в 1901 г. (Alava XII, Votica. Suomen Kirjallisuuden Seuran Arkisto), а также материал, собранный Э. Саар в ходе нескольких полевых работ, проведенных в 1997–1999 гг. в деревнях Краколье, Лужицы и Пески, и в период с 1998 по 2015 г. в деревнях Вистино, Валяницы, Логи, Горки, Глинки, Сменково, Дубки, Югантово и Краколье. Она проанализировала большой корпус различных гипокористиков, делая упор на фонетический и морфонологический аспекты адаптации водских и ижорских личных имен в русском языке, рассматривая переходы $a > o$, $e > a$, $e > o$ ($> u$), $e > o > \ddot{o} > \ddot{y}$ и др., преобразования в консонантных кластерах и специфику адаптации антропонимных суффиксов $-oi$, $-o$, $-u$, $-(i)kko$, $-kko$, $-kki$ на почве русского языка [73].

Похожие аспекты рассмотрели ранее М. Йоалайд [74] и Ф.И. Рожанский [75]. М. Йоалайд проанализировала тенденции именования в прибалтийско-финском ономастиконе, приводя примеры из водского и ижорского языков, а Ф.И. Рожанский сконцентрировался на водском именослове и привел 75 форм имен (36 женских и 39 мужских) из водского антропонимикона – наиболее распространенных и частотных, записанных им в 2003–2014 гг. от пяти носителей песочко-лужичского диалекта водского языка, и в результате сравнения обратил внимание, что доля имен на $-o$ и $-u$ существенно превалирует над антропонимными формами с финалью $-i$ и $-e$, причем женских имен на $-u$ больше, чем мужских на $-o$, что, как считает Рожанский, может быть обусловлено пока неизвестными нам гендерными принципами имяназвания в водском языке [75. С. 307–308, 310].

С помощью цифровых методов и ГИС-подходов финские исследователи Я. Раунамаа и А. Каннер попытались проанализировать древние личные имена прибалтийско-финского населения Водской пятины. В своей работе, носящей больше верификационный характер, они показали, что отличия в тенденциях именования можно измерить с помощью двух процедур кластеризации: одна основана на коэффициенте Жаккара, а другая – на метрике евклидова расстояния с использованием метода минимума дисперсии Уорда. В целом авторами было обработано 35 726 имен, а количество индивидуальных вариантов имен составило 2 748. Почти все наиболее распространенные имена имеют христианское происхождение. Имена, содержащие прибалтийско-финские черты, составляют меньшинство, примерно 2% от общего количества. Меры расстояния и результаты кластеризации оказались полезными для изучения принципов древнего именования. В более широком масштабе результаты обеих метрик в основном соответствуют предыдущим исследованиям: к концу XV в. южный регион уже был славянизирован, тогда как в северных частях все еще проживало значительное количество финского населения [76].

Вообще следует отметить, что в связи с активным развитием компьютерных технологий и их сопряжением с гуманитарными областями исследователи все чаще обращаются к вопросу автоматизации географической информации, в том числе на базе ГИС-технологий. В современной исследовательской практике топонимических изысканий наблюдается активное внедрение цифрового инструментария, представленного широким спектром электронных ресурсов. В их числе особую методологическую значимость приобретают специализированные информационные порталы, лексикографические онлайн-системы топонимического профиля, цифровые картографические платформы, библиометрические и наукометрические базы данных, геоинформационные системы и программные средства лингвистического перевода [77]. Данный инструментальный комплекс существенно расширяет возможности научного анализа топонимического материала и способствует интенсификации исследовательских процессов в области ономастики.

При этом разработка региональных автоматизированных топонимических ресурсов находится на начальной стадии своего развития. Лидируют здесь карельские ученые из КарНЦ, которые создали локальную ИАС «Топонимия Карелии» 2003–2010 гг., ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» и не только. Имеются и другие региональные разработки: по Костромской области [78], Республике Башкортостан [79], Тверской области [80, 81]. Все эти ресурсы пока не являются «открытыми» и доступными для любых пользователей, как, например, знаменитый тематический web-сайт по топонимии Европейского Севера России TORIS [82].

Нельзя обойти стороной и электронные топонимические словари, разработанные нашими европейскими коллегами. В них содержится богатый ономастический, в том числе топонимический, материал по Западной Ингерманландии. Это, например, такой ресурс, как

«Eesti kohanimeraamat» [83], созданный в 2016 г. в Институте эстонского языка.

Выводы

Проведенное исследование представляет собой первый в историографии комплексный анализ эволюции научных подходов к изучению топонимии Ингерманландии от XIX в. до современности. Работа демонстрирует трансформацию методологического инструментария: от первичных картографических интерпретаций и простых этимологических разборов до современных междисциплинарных исследований с применением геоинформационных систем и цифровых технологий. Особую ценность представляет выявленная периодизация развития топонимических исследований региона, отражающая постепенное усложнение и обогащение методологического аппарата: от работ Й.Ф. Бергенгейма и А.И. Гиппинга, заложивших основы картографического и лингвистического анализа, через формирование региональных топонимических школ и развитие полевых исследований, до современных комплексных подходов, интегрирующих достижения различных научных дисциплин.

Принципиально важным достижением является систематизация вклада различных национальных научных традиций – российской, финской, эстонской и шведской – в развитие топонимических исследований региона. Это позволило не только проследить эволюцию методологических подходов, но и выявить специфику формирования различных исследовательских парадигм. Работа наглядно демонстрирует, как постепенное накопление эмпирического материала и теоретических наработок привело к формированию целостного понимания топонимической системы Ингерманландии как сложного многослойного феномена, отражающего многовековую историю межэтнических и межъязыковых контактов.

Исследование убедительно показывает качественный скачок в развитии методологии: от изолированного рассмотрения отдельных топонимов к системному анализу целых топонимических комплексов, от простой фиксации названий к глубокому изучению механизмов их формирования и трансформации. Особо значимым представляется выявление роли цифровых технологий и ГИС-методов в современных топонимических исследованиях, открывающих принципиально новые возможности для анализа и визуализации пространственно-временных характеристик топонимических систем.

Проведенная работа имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, создавая надежную методологическую основу для дальнейших исследований в области региональной топонимики. Систематизированный опыт изучения топонимии Ингерманландии может служить моделью для аналогичных исследований других историко-культурных регионов, характеризующихся сложной этноязыковой историей. Более того, выявленные закономерности и методологические принципы могут быть использованы при разработке комплексных подходов к сохранению

и изучению историко-культурного наследия регионов со сложной этнолингвистической структурой.

Таким образом, данное исследование не только заполняет существенный пробел в историографии топонимических исследований, но и открывает новые перспективы для дальнейшего развития региональной ономастики, создавая прочный фундамент для будущих междисциплинарных исследований в этой области.

Заключение

Перспективы дальнейших исследований топонимического ландшафта Ингерманландии видятся в нескольких ключевых направлениях.

Первоочередной задачей представляется создание единой цифровой платформы для интеграции разрозненных топонимических данных, накопленных различными научными школами. Такая платформа могла бы объединить картографические материалы, полевые записи, архивные документы и современные исследования, обеспечивая исследователям доступ к комплексной базе данных с возможностями многоаспектного поиска и анализа.

Перспективным направлением является разработка методологии автоматизированного распознавания этимологических связей между топонимами на основе машинного обучения. Это позволило бы не только ускорить процесс обработки больших массивов данных, но и выявить неочевидные закономерности в формировании топонимических систем контактных зон.

Важным направлением видится разработка методов реконструкции исторической фонетики топонимов на основе сопоставления их современных форм с архивными данными. Это позволило бы глубже понять механизмы фонетической адаптации географических названий в условиях межъязыковых контактов и проследить эволюцию произносительных норм.

Особого внимания заслуживает изучение психолингвистических аспектов восприятия топонимов носителями разных языков, что могло бы пролить свет на когнитивные механизмы формирования топонимических систем в полиэтнических регионах.

Необходима также разработка методологии прогнозирования развития топонимических систем с учетом современных социолингвистических процессов. Это позволило бы не только предсказывать возможные изменения в топонимическом ландшафте, но и выработать рекомендации по сохранению историко-культурного наследия региона.

Результаты подобных исследований могли бы найти применение не только в теоретической ономастике, но и в практической деятельности по территориальному планированию, сохранению культурного наследия и развитию туристической инфраструктуры региона. Междисциплинарный характер топонимических исследований открывает широкие возможности для интеграции методов и подходов различных научных дисциплин – от лингвистики и истории до геоинформатики и когнитивных наук.

Примечания

¹ Например, на карте Й.Ф. Бергенгейма можно увидеть крепость Ландскрону (*Landskrona*) и город Иоханнисдаль (*Johannisdahl*). Ландскрона была разрушена в 1301 г. и больше не восстанавливалась. О планах строительства города Иоханнисдаля и почти о полной готовности возводимой в нем церкви упоминает в 1634 г. Адам Олеарий. Этот город мог быть действительно зафиксирован только на шведских картах первой половины XVII в., поскольку ни на одной из достоверных карт второй половины XVII в. город или вышеупомянутая церковь не показаны. По-видимому, строения были разрушены во время военных действий 1656 г. [3].

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18340. Ч. 3. КК 2.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18340. Ч. 4. КК 7.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18340. Ч. 9. КК 3.

⁵ Среди них очень много явно натянутых, учитывая, что Ю.Ю. Трусман везде пытался увидеть прибалтийско-финский или балтийский след в происхождении названия, в том числе и на исконно славянских землях Новгорода.

⁶ Позднее более основательно этимологию гидронима *Нарова* разобрал В. Ниссиля, затронув, в частности, и предложенную Р. Саксенон гипотезу [38. С. 219].

⁷ Носители этих фамилий, вероятно, были лютеранами карельского или ижорского происхождения. Среди них есть такие фамилии, о которых трудно сказать, к какой языковой группе они принадлежат.

⁸ Еще В. Поркка писал, что все эти онимы образует целое гнездо *Lavvas*-имен [26].

⁹ С.И. Кочуркина полагает, что «кобылицкая корела», возможно, обитала либо на юге Карельского перешейка, либо в юго-восточной части Финляндии, на территории Саво [37. С. 75].

¹⁰ В. Войонмаа и К. Вилкуна полагали, что «кобылицкая корела» обязана своим названием «роду Тамма» («кобыла», «кобылица»). К. Вилкуна происхождение названия «кобылицкая корела» ставил в прямую зависимость от занятий коневодством в бассейне р. Вуоксы [37. С. 75].

¹¹ В древних новгородских хрониках встречается множество личных топонимов варяжского происхождения, со скандинавскими именами, например: *Akun/Jakun* (сканд. *Häkun*), *Alvard/Alvad* (сканд. *Hallvard*), *Amund* (сканд. *Amundr*), *Arfast* (сканд. *Arnfastr*), *Askold/Oskold* (сканд. *Hösköldr*), *Amund* (сканд. *Asmundr*), *Bryny* (сканд. *Brüni*), *Budy* (сканд. *Bóndi*, *Bondi*, *Bunda*), *Dir* (сканд. *Dýri*, *Diuri*, *Tiuri*, *Turi*), *Gunaf* (сканд. *Gunnarr*), *Ingeld* (сканд. *Ingjaldr*), *Ivor* (сканд. *Ivarr*), *Kol* (сканд. *Kolir*), *Oleg* (сканд. *Helgi*), *Olga* (сканд. *Helga*), *Rogvolod* (сканд. *Ragnvaldr*), *Tuku* (сканд. *Tüki*, *Tüki*), *Turd* (сканд. *Thórdr*), *Veremud* (сканд. *Vermundr*) и т.д., начиная с IX в.

¹² В древнерусских хрониках – Тиверское городище, остатки древнерусского укрепления поселения карелов и новгородцев. Расположено примерно в 4 км южнее от поселка Васильево (Приозерский район Ленинградской области).

¹³ Та же деревня была также обозначена следующими именами, которые, вероятно, восходят к шведскому имени Thore, но были искажены писцами: *Torisær* 1572, 1574, 1575, *Torsari by* 1576, 1577, *Tärisari* 1578, *Torisari by* 1585, 1587, *Tärisari by* 1588, *Tärisar* 1589, *Tärisari by* 1590, 1591, *Tärisari by* 1608 – имена, засвидетельствованные на протяжении всего XVII в. Фамилии типа *Tiuro*, *Tiuri*, *Tiurinen*, *Tiuranen* все еще используются в Финляндии [38. С. 221].

Список источников

1. Elomaa J. Inkerin bibliografia. Helsinki, 1981.
2. Карта бывших губерний Ивана-города, Яма, Капорья, Нотэборга, составленная по масштабу 1:210 000 1827-го года, показывающая разделение и состояние одного края в 1676 г.: из материалов, найденных в Шведских Архивах, под присмотром генерал-майора Шуберта, Генерального Штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-ым.

3. Горбатенко С.Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII в. в Швеции и России // Краеведческие записки: исследования и материалы. 1997. № 5. С. 9–37.
4. Hipping A.J. Neva och Nyenskans. Helsingfors, 1836.
5. Кёппен П.И. Водь и Вотская пятина // Журнал министерства народного просвещения. LXX. Отделение II. № 5 и 6. СПб., 1851. С. 41–67, 100–146.
6. Кёппен П.И. Селения, обитаемые ижорами Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и II отделениям, 6. СПб., 1849. С. 112–222.
7. Kilpinen W. Vähän suomalaisista suku-nimistä // Suomi. 1857. № 1. С. 15–17.
8. Трусман Ю.Ю. Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Часть первая. Пятины Водьская, Деревская, Шелонская. Ревель: Типография Г. Матизена, 1898.
9. Saxén R. Några språkliga fornminnen // Finskt Museum. № 6. Helsingfors, 1899. С. 60–62.
10. Mikkola J.J. Muutamia paikannimistä // Virittäjä. 1901. № 5. С. 100–101.
11. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография Н.Н. Скорородова, 1903.
12. Ronimus J.V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus: Yliopistollinen väitöskirja. Joensuu, 1906.
13. Ojansuu H. Muutamia paikannimien selityksiä // Virittäjä. 1907. № 11. С. 115–116.
14. Toikka P. Lappo vaiko Loppia? // Historiallinen aikakauskirja. 1911. № 9. С. 47–49.
15. Aavikko A. Muutamia inkeriläisiä kylän nimiä ennen ja nyt sekä tietoja niiden asukkaista // Kotiseutu. 1913. С. 137–139.
16. Aavikko A. Kupanitsan Luumitsan kylän entisyydestä Inkerinmaalla // Kotiseutu. 1911. С. 185–187.
17. Louhelainen O.A. Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana noin vv. 1721–1912. Viipuri, 1913.
18. Mikkola J.J. Muutamia tietoja vatjalais- ja inkerikkökylistä 1600-luvun lopulta // Virittäjä. 1932. № 36. С. 26–31.
19. Mustonen J. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931.
20. Mustonen J. Inkerin sukunimistöä // Inkerin liiton. 1938. № 7. С. 44–45.
21. Nissilä V. Vuoksen paikannimistö // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 214. Helsinki, 1939.
22. Hietakari E. Suku- ja ristimänimet inkeriläisten suomalaisuuden todistajina // Heimokansa. 1944. С. 107–111.
23. Grönroos S. Inkerin Kattilan seurakunnan Pihlaalan kylän nimestä // Postitorvi. Suomen Postiyhdistyksen äänenkannattaja. Porvoo, 1942. С. 65–68.
24. Aarnio N. Seiskarin nimen synty // Hakkapeliitta. 1943. С. 908.
25. Гадзяцкий С.С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. 1940. № 6. С. 100–148.
26. Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors : J.C. Frenckell & Soh, 1885.
27. Tunkelo E.A. Eräistä inkeriläisperäisistä suomen paikannimistä // Kalevalaseuran vuosikirja. 1951. № 31. С. 138–144.
28. Nissilä V. Slaavilaisia aineksia nimistösämme // Virittäjä. 1956. № 60. С. 49–70.
29. Talve I. Vatjalaista kansankulttuuria. (= Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 179). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1981.
30. Vadja keele sõnaraamat. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. С. Грюнберг. Tallinn, 2013.
31. Posti L. Vatjan kielen Kukkosen murteen sanakirja. Painokuntoon toimittanut Seppo Suhonen Lauri Postin avustamana. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1980.
32. Kettunen L. Vatjan kielen Mahun murteensanasto / toim. J. Elomaa, E. Koponen, L. Silfverberg. (= Castrenianumin toimitteita, 27). Helsinki, 1986.
33. Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto / toim. J. Laakso. Helsinki, 1995.
34. Nirvi R.E. Inkeröismurteiden sanakirja. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18.) Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971.
35. Ariste P. Vadja kohanimesdes // Slaavi-läänemeresoo suhete ajaloo / toim. H. Moora, L. Jaanits. Tallinn : Eesti Raamat, 1965. С. 91–106.
36. Ariste P. Über wotische Ortsnamen // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsingiae habitus, 23–28.08.1965. T. 2. Helsinki, 1967. С. 24–30.
37. Кочуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982.
38. Nissilä V. Éléments varègues dans la toponymie de l'Est du Golf de Finlande // Études finno-ougriennes. 1971. Vol. VIII. P. 213–222.
39. Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. Ethnologisches Ortschaffts- und Dorfregister der finnischen Sprachgebiets in Finnland, Kareliden, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola (=Studia Fennica 15). Helsinki, 1970.
40. Inkeri Tiekartta [1:200 000] / Toim. R. Randefelt. Ingriainfo oy 1992.
41. Кирсанов Н.О. Названия ингерманландских деревень, содержащих сибиланты и аффрикаты // Bulletin des Phonetischen Fonds der Russischen Sprache. 2004. № 9. С. 65–77.
42. Дубровина З.М. Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // Ученые записки Ленинградского университета. 1969. № 71. С. 76–87.
43. Попов А.И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
44. Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
45. Николаев И.С., Герд А.С. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 112–119.
46. Николаев И.С., Азарова И.В., Дмитриев А.В., Герд А.С., Федоров С.А. Типовые запросы в базе данных по топонимии Ингерманландии и их практическая реализация // Материалы XXXVI международной филологической конференции. СПб., 2007. С. 74–84.
47. Герд А.С., Азарова И.В., Федоров С.А., Николаев И.С., Дмитриев А.В. Автоматизированная база данных по топонимии Ингерманландии как основа модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / сост. И.И. Муллонен. 2007. С. 143–154.
48. Герд А.С., Дмитриев А.В., Николаев И.С., Столяров Д.А. Научно-образовательный веб-ресурс «Топонимия Ингерманландии (Ленинградская область)»: перспективы исследования // Структурная и прикладная лингвистика. 2012. № 9. С. 148–158.
49. Nikolaev I., Stolyarov D. Linguistic information system of multicultural Russian-Fennic region of Ingermanland // International multidisciplinary scientific conferences of social sciences and arts. Sofia, 2014. С. 131–138.
50. Дмитриев А.В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии // Linguistica Uralica. 2020. № LVI. С. 241–257.
51. Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы А–Е) // Севернорусские говоры. 2021. № 20. С. 143–167.
52. Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы З–М) // Севернорусские говоры. 2022. № 21. С. 250–279.
53. Дмитриев А.В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии (Часть II) // Linguistica Uralica. 2022. № 58(3). С. 199–235.
54. Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы Н–Я) // Севернорусские говоры. 2023. № 22. С. 192–221.
55. Krjukov A. Inkerinmaa ja inkeriläiset // Punalippu. 1987. № 8. С. 123–130.

56. Крюков А.В. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика : дополн. материалы Междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Секция «Общественные и гуманитарные науки». Подсекция «Новые методы исследования в гуманитарных науках» (школа молодых исследователей «Бубриховские чтения»). Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 225–227.
57. Крюков А.В. О фамилиях води и ижор. Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 122–142.
58. Крюков А.В. Соматическая лексика в финской географической терминологии и топонимии Ингерманландии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. № VIII (1). С. 289–330.
59. Крюков А.В. Новые топонимы и новая топонимическая реальность (на материале топонимии Всеволожского района Ленинградской области) // Севернорусские говоры. 2022. № 21. С. 280–308.
60. Крюков А.В. К вопросу о перемещении топонимов (на материале ойконимов Ленинградской области) // Севернорусские говоры. 2021. № 20. С. 168–188.
61. Кирсанов Н.О. Просодические особенности русских топонимов Ингерманландии как свидетельство этнической истории края // V межведомственная научная конференция аспирантов и студентов «Этнографическое изучение Северо-запада России (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях)». СПб., 2000. С. 28–29.
62. Кирсанов Н.О. Предшественники в русской топонимии Ингерманландии // Linguistica Uralica. 2007. № XLIII. С. 211–217.
63. Кепсу С. Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.
64. Рябов Д.С. Топонимия южной части Ингерманландии в XVII веке // Новый топонимический журнал. 2007. № 4. С. 33–46.
65. Kepsu S. Inkerin pogostat. Vanha nimistö ja asutus. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2020.
66. Амбросиани П. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August. Lund, 2003. С. 7–20.
67. Амбросиани П. Историческая топонимика Новгородской земли: названия погостов Водской пятины // Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists (Ohrid, 10–16 September 2008). Umea: Umea University, Department of Language Studies, 2009. С. 9–18.
68. Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83–92.
69. Ernits E. Vadja asustusnimed // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2019. № 65. С. 23–62.
70. Ernits E. Vadja loodus- ja viljelusnimedest // Esuka – Jeful. 2020. № 11–1. С. 163–211.
71. Ernits E. Eesti-Ingeri viljelusnimed // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2020. № 66. С. 64–90.
72. Ernits E. Vadja väliskohanimest 1: Eesti, Soome ja Venemaa // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2023. № 69. С. 35–55.
73. Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2015. № 61. С. 167–186.
74. Joalaid M. Balto-finnic personal name suffixes // Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic Contact. Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences, August 17–22, 2008. Toronto : York University, 2009. P. 532–541.
75. Рожанский Ф.И. О форме личных имен в водском языке. От Бикина до Бамбаломы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2014. С. 302–316.
76. Raunamaa J., Kanner A. Clustering Names of Medieval Novgorod: Geographical variation of personal names attested in the census book of Vodskaja pjatina // Linguistica Uralica. 2022. № 58. С. 241–274.
77. Мартыненко И.А. Электронные ресурсы как инструменты топонимических исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 114–126.
78. Мищенко О.В. Электронная база данных «Топонимия Костромской области»: обработка и систематизация полевого материала // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 89–104.
79. Абсаямов Ю.М., Сиразитдинов З.А. Создание базы топонимических данных Республики Башкортостан для географических информационных систем // Tiltanum. 2022. № 1 (85). С. 123–140.
80. Веб-ГИС «Исторический атлас Бежецкой пятины (Тверской половины) конца XV – XVII в.в.» // Лаборатория исторической геоинформатики ИВИ РАН. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/1/ (дата обращения: 23.11.2024).
81. Веб-ГИС «Торопецкий уезд в XVI-XVII вв.» // Лаборатория исторической геоинформатики ИВИ РАН. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/ (дата обращения: 23.11.2024).
82. Тематический web-сайт по топонимии Европейского Севера России TORIS. URL: <http://toris.krc.karelia.ru/papers/source/spb2004/index.ru.phtml> (дата обращения: 23.11.2024).
83. Eesti kohanimeraamat. URL: <https://www.eki.ee/dict/knr/> (дата обращения: 23.11.2024).

References

1. Elomaa, J. (1981) *Inkerin bibliografia*. Helsinki: [s.n.].
2. Russian Geographical Society. (1827) *Karta byvshikh guberniy Ivana-goroda, Yama, Kapor'ya, Noteborga, sostavlenaya po masshtabu 1:210 000 1827-go goda, pokazyvayushchaya razdelenie i sostoyanie onogo kraia v 1676 g.: iz materialov, naydennykh v Shvedskikh Arkhivakh, pod prismotrom general-mayora Shuberta, General'nago Shtaba shtabs-kapitanom Bergengeymom I-ym* [Map of the former provinces of Ivanogorod, Yam, Kaporye, Nöteborg, compiled at a scale of 1:210,000 in 1827, showing the division and state of the said region in 1676: from materials found in the Swedish Archives by Staff Captain of General Staff Bergenheim I, under the supervision of Major General Schubert]. Moscow: [s.n.].
3. Gorbatenko, S.B. (1997) *Karty Ingermanlandii i Karelii XVII v. v Shvetsii i Rossii* [Maps of Ingria and Karelia in the 17th century in Sweden and Russia]. *Kraevedcheskie zapiski: issledovaniya i materialy*. 5. pp. 9–37.
4. Hipping, A.J. (1836) *Neva och Nyenskans*. Helsingfors: [s.n.].
5. Keppen, P.I. (1851) *Vod' i Votskaya pyatina* [Vod and the Votskaya Pyatina]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. LXX. Section II. 5 & 6. pp. 41–67, 100–146.
6. Keppen, P.I. (1849) *Seleniya, obitaemye izhorami Sankt-Peterburgskoy gubernii* [Settlements inhabited by the Izhorians of the Saint Petersburg Province]. *Uchenye zapiski Imperatorskoy Akademii nauk po I i II otdeleniyam*. 6. pp. 112–222.
7. Kilpinen, W. (1857) *Väghen suomalaisista suku-nimistä*. *Suomi*. 1. pp. 15–17.
8. Trusman, Yu.Yu. (1898) *Chudsko-litovskie elementy v Novgorodskikh pyatinakh. Chast' pervaya. Pyatiny Vod'skaya, Derevskaya, Shelonskaya* [Peipus-Lithuanian Elements in the Novgorod Pyatinas. Part One. Pyatina Vodskaya, Derevskaya, Shelonskaya]. Revel: Tipografiya G. Matizena.
9. Saxén, R. (1899) *Några språkliga fornminnen*. *Finskt Museum*. 6. pp. 60–62.
10. Mikkola, J.J. (1901) *Muutamista paikannimistä*. *Virittäjä*. 5. pp. 100–101.
11. Tupikov, N.M. (1903) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Proper Names]. Saint Petersburg: Tipografiya N.N. Skorokhodova.
12. Ronimus, J.V. (1906) *Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus: Yliopistollinen väitöskirja*. Joensuu: [s.n.].
13. Ojansuu, H. (1907) *Muutamia paikannimien selityksiä*. *Virittäjä*. 11. pp. 115–116.

14. Toikka, P. (1911) Lappo vai ko Loppia? *Historiallinen aikakauskirja*. 9. pp. 47–49.
15. Aavikko, A. (1913) Muutampia inkeriläisiä kylän nimiä ennen ja nyt sekä tietoja niiden asukkaista. *Kotiseutu*. pp. 137–139.
16. Aavikko, A. (1911) Kupanitsan Luumitsan kylän entisyydestä Inkerinmaalla. *Kotiseutu*. pp. 185–187.
17. Louhelainen, O.A. (1913) *Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana noin vv. 1721–1912*. Viipuri: [s.n.].
18. Mikkola, J.J. (1932) Muutampia tietoja vatjalais- ja inkerikkökylästä 1600-luvun lopulta. *Virittäjä*. 36. pp. 26–31.
19. Mustonen, J. (1931) *Inkerin suomalaiset seurakunnat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
20. Mustonen, J. (1938) Inkerin sukunimistöä. *Inkerin liiton*. 7. pp. 44–45.
21. Nissilä, V. (1939) Vuoksen paikannimistö. In: *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 214*. Helsinki: Helsingin Yliopiston.
22. Hietakari, E. (1944) Suku- ja ristimänimet inkeriläisten suomalaisuuden todistajina. *Heimokansa*. pp. 107–111.
23. Grönroos, S. (1942) Inkerin Kattilan seurakunnan Pihlaalan kylän nimestä. *Postitorvi. Suomen Postiyhdistyksen äänenkannattaja*. pp. 65–68.
24. Aarnio, N. (1943) Seiskarin nimen synty. *Hakkapeliitta*. P. 908.
25. Gadzyatskiy, S.S. (1940) Votskaya i Izhorskaya zemli Novgorodskogo gosudarstva [Votskaya and Izhora lands of the Novgorod state]. *Istoricheskie zapiski*. 6. pp. 100–148.
26. Porkka, V. (1885) *Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte*. Helsingfors: J.C. Frenckell & Soh.
27. Tunkelo, E.A. (1951) Eräistä inkeriläisperäisistä suomen paikannimistä. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 31. pp. 138–144.
28. Nissilä, V. (1956) Slaavilaisia aineksia nimistösamme. *Virittäjä*. 60. pp. 49–70.
29. Talve, I. (1981) *Vatjalaista kansankulttuuria. (=Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 179)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
30. Gryunberg, S. (ed.) (2013) *Vadja keele sõnaraamat*. 2nd ed. Tallinn: [s.n.].
31. Posti, L. (1980) *Vatjan kielen Kukkosen murteen sanakirja. Painokuntoon toimittanut Seppo Suhonen Lauri Postin avustamana. (=Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
32. Kettunen, L. (1986) *Vatjan kielen murteensanasto. (=Castrenianumin toimitteita, 27)*. Helsinki: [s.n.].
33. Tsvetkov, D. (1995) *Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
34. Nirvi, R.E. (1971) *Inkerimurteiden sanakirja. (=Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
35. Ariste, P. (1965) Vadja kohanimesed. In: Moora, H. & Jaanits, L. (eds) *Slaavi-läänemeresoomesuhete ajaloo*. Tallinn: Eesti Raamat. pp. 91–106.
36. Ariste, P. (1967) [Über wotische Ortsnamen]. *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Helsinki. 23–28 August 1965. Helsinki: Societas Fenno-Ugrica. pp. 24–30.
37. Kochkurkina, S.I. (1982) *Drevnyaya korela* [Ancient Korela]. Leningrad: Nauka.
38. Nissilä, V. (1971) Éléments varégués dans la toponymie de l'Est du Golf de Finlande. *Études finno-ougriennes*. 8. pp. 213–222.
39. Nissilä, V., Sarmela, M. & Sinisalo, A. (1970) *Ethnologisches Ortschafts- und Dorfbregister der finnischen Sprachgebiete in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola (=Studia Fennica 15)*. Helsinki: [s.n.].
40. Randefelt, R. (ed.) (1992) *Inkeri Tiekartta [1:200 000]*. Ingriainfo oy: [s.n.].
41. Kirsanov, N.O. (2004) Nazvaniya ingermanlandskikh dereven', soderzhashchikh sibilyanty i affrikaty [Names of Ingrian villages containing sibilants and affricates]. *Bulletin des Phonetischen Fonds der Russischen Sprache*. 9. pp. 65–77.
42. Dubrovina, Z.M. (1969) Pribaltiysko-finskii elementy v toponimike Leningradskoy oblasti [Baltic-Finnic elements in the toponymy of the Leningrad region]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. 71. pp. 76–87.
43. Popov, A.I. (1981) *Sledy vremen minuvshikh: Iz istorii geograficheskikh nazvaniy Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastey* [Traces of Times Past: From the history of geographical names of the Leningrad, Pskov, and Novgorod regions]. Leningrad: Nauka.
44. Mullonen, I.L., Azarova, I.V. & Gerd, A.S. (1997) *Slovar' gidronimov Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya (basseyn reki Svir')* [Dictionary of hydronyms of the southeastern Ladoga region (the Svir River basin)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
45. Nikolaev, I.S. & Gerd, A.S. (2015) Slovar' toponimii i mikrotoponimii Ingermanlandii. *Severnorusskie govory*. 14. pp. 112–119.
46. Nikolaev I.S. et al. (2007) [Typical queries in the Ingria toponymy database and their practical implementation]. *Proceedings of the 36th International Conference*. Saint Petersburg. 12–17 March 2007. Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 74–84. (In Russian).
47. Gerd, A.S. et al. (2007) [Automated database of Ingria toponymy as a basis for a model of formation of the historical and cultural landscape of Ingria]. *Finno-ugorskaya toponimiya v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect]. Proceedings of the Symposium. Petrozavodsk. 25–26 April 2007. Petrozavodsk: Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS. pp. 143–154. (In Russian).
48. Gerd, A.S. et al. (2012) Nauchno-obrazovatel'nyy veb-resurs "Toponimiya Ingermanlandii (Leningradskaya oblast)": perspektivy issledovaniya [Scientific and educational web resource Toponymy of Ingria (Leningrad region): research prospects]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*. 9. pp. 148–158.
49. Nikolaev, I. & Stolyarov, D. (2014) [Linguistic information system of multicultural Russian-Fennic region of Ingermanland]. *International Multidisciplinary Scientific Conferences of Social Sciences and Arts*. Albena. 2–7 September 2014. Sofia: STEF92 Technology Ltd. pp. 131–138.
50. Dmitriev, A.V. (2020) Strukturirovanie toponimicheskikh dannykh v svete razrabotki istoriko-toponimicheskogo slovarya Zapadnoy Ingermanlandii [Structuring toponymic data in light of the development of a historical and toponymic dictionary of Western Ingria]. *Linguistica Uralica*. 56. pp. 241–257.
51. Dmitriev, A.V. (2021) Slavyanskaya oykonimiya Zapadnoy Ingermanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyy komponent istoriko-toponimicheskogo slovarya (bukvy A–E) [Slavic oikonymy of Western Ingria in the 16th–17th centuries as a structural component of a historical and toponymic dictionary (letters A–E)]. *Severnorusskie govory*. 20. pp. 143–167.
52. Dmitriev, A.V. (2022) Slavyanskaya oykonimiya Zapadnoy Ingermanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyy komponent istoriko-toponimicheskogo slovarya (bukvy Z–M) [Slavic oikonymy of Western Ingria in the 16th–17th centuries as a structural component of a historical and toponymic dictionary (letters Z–M)]. *Severnorusskie govory*. 21. pp. 250–279.
53. Dmitriev, A.V. (2022) Strukturirovanie toponimicheskikh dannykh v svete razrabotki istoriko-toponimicheskogo slovarya Zapadnoy Ingermanlandii (Chast' II) [Structuring toponymic data through the development of the historical and toponymic dictionary of Western Ingria (Part 2)]. *Linguistica Uralica*. 58 (3). pp. 199–235.
54. Dmitriev, A.V. (2023) Slavyanskaya oykonimiya Zapadnoy Ingermanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyy komponent istoriko-toponimicheskogo slovarya (bukvy N–Ya) [Slavic oikonymy of Western Ingria in the 16th–17th centuries as a structural component of the historical and toponymic dictionary (letters N–Ya)]. *Severnorusskie govory*. 22. pp. 192–221.
55. Krjukov, A. (1987) Inkerinmaa ja inkeriläiset. *Punalippu*. 8. pp. 123–130.
56. Kryukov, A.V. (2006) [Western Ingria: Ethnic History in the Mirror of Toponymy]. *Severnaya Evropa v XXI veke: priroda, kul'tura, ekonomika* [Northern Europe in the 21st Century: Nature, Culture, Economy]. Additional Proceedings of the International Conference. Petrozavodsk. 24–27 October 2006. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS. pp. 225–227. (In Russian).
57. Kryukov, A.V. (2007) [On the surnames of the Vods and Izhorians]. *Finno-ugorskaya toponimiya v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect]. Proceedings of the Symposium. Petrozavodsk. 25–26 April 2007. Petrozavodsk: Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS. pp. 122–142. (In Russian).
58. Kryukov, A.V. (2012) Somaticheskaya leksika v finskoy geograficheskoy terminologii i toponimii Ingermanlandii [Somatic lexicon in Finnish geographical terminology and toponymy of Ingria]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 8 (1). pp. 289–330.

59. Kryukov, A.V. (2022) Novye toponimy i novaya toponimicheskaya real'nost' (na materiale toponimii Vsevolzhskogo rayona Leningradskoy oblasti) [New toponyms and new toponymic reality (based on the toponymy of the Vsevolzhsk District of the Leningrad Region)]. *Severnorusskie govory*. 21. pp. 280–308.
60. Kryukov, A.V. (2021) K voprosu o peremeshchenii toponimov (na materiale oykonimov Leningradskoy oblasti) [On the issue of toponym movement (based on the Oikonims of the Leningrad Region)]. *Severnorusskie govory*. 20. pp. 168–188.
61. Kirsanov, N.O. (2000) [Prosodic features of Russian toponyms of Ingria as evidence of the ethnic history of the region]. *Etnograficheskoe izuchenie Severo-zapada Rossii (itogi polevykh issledovaniy 2000 g. v Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastiakh)* [Ethnographic Study of Northwest Russia (Results of Field Research in 2000 in the Leningrad, Pskov, and Novgorod Regions)]. Proceedings of the 5th Regional Conference. Saint Petersburg. 17–18 November 2000. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 28–29. (In Russian).
62. Kirsanov, N.O. (2007) Predshestvenniki y v russkoy toponimii Ingermanlandii [Predecessors of 'y' in the Russian Toponymy of Ingria]. *Linguistica Uralica*. 43. pp. 211–217.
63. Kepsu, S. (2000) *Peterburg do Peterburga: Istoriya ust'ya Nevy do osnovaniya goroda Petra* [Petersburg to Petersburg: The History of the Mouth of the Neva to the Foundation of the City of Peter the Great]. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom.
64. Ryabov, D.S. (2007) Toponimiya yuzhnoy chasti Ingermanlandii v XVII veke [Toponymy of the southern part of Ingria in the 17th century]. *Novyy toponimicheskii zhurnal*. 4. pp. 33–46.
65. Kepsu, S. (2020) *Inkerin pogostat. Vanha nimistö ja asutus*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus.
66. Ambrosiani, P. (2003) Toponimika Novgorodskoy zemli v Novgorodskom okkupatsionnom arkhive g. Stokgol'ma: Dudorovskiy pogost [Toponymy of the Novgorod land in the Novgorod occupation archive in Stockholm: Dudorovsky pogost]. *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Ljubljana. 15–21 August. Lund: Lund University. pp. 7–20. (In Russian).
67. Ambrosiani, P. (2009) [Historical toponymy of the Novgorod Land: names of the pogosts of the Vodskaya Pyatina]. *Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists*. Ohrid. 10–16 September 2008. Umea: Umea University, Department of Language Studies. pp. 9–18. (In Russian).
68. Ambrosiani, P. (2008) Parallel'nye nazvaniya v pribaltiysko-finskoy i russkoy oykonimii Ingermanlandii [Parallel names in the Baltic-Finnic and Russian oikonimy of Ingria]. *Voprosy onomastiki*. 6. pp. 83–92.
69. Ernits, E. (2019) Vadja asustusnimed. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 65. pp. 23–62.
70. Ernits, E. (2020) Vadja loodus- ja viljelusnimedest. *Esuka – Jeful*. 11–1. pp. 163–211.
71. Ernits, E. (2020) Eesti-Ingeri viljelusnimed. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 66. pp. 64–90.
72. Ernits, E. (2023) Vadja väliskohanimedest 1: Eesti, Soome ja Venemaa. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 69. pp. 35–55.
73. Saar, E. (2015) Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 61. pp. 167–186.
74. Joalaid, M. (2009) [Balto-finnic personal name suffixes]. *Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic Contact*. Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences. Toronto. 17–22 August 2008. Toronto: York University. pp. 532–541.
75. Rozhanskiy, F.I. (2014) O forme lichnykh imen v vodskom yazyke [On the form of personal names in the Votic language]. In: *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki. Ekspeditsionnye etyudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoy* [From Bikin to Bambaluma, from the Varangians to the Greeks. Expeditionary Studies in Honour of Elena Vsevolodovna Perekhval'skaya]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of RAS. pp. 302–316.
76. Raunamaa, J. & Kanner, A. (2022) Clustering names of medieval Novgorod: geographical variation of personal names attested in the census book of Vodskaya pyatina. *Linguistica Uralica*. 58. pp. 241–274.
77. Martynenko, I.A. (2020) Elektronnye resursy kak instrumenty toponimicheskikh issledovaniy [Electronic resources as tools for toponymic research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (211). pp. 114–126.
78. Mishchenko, O.V. (2011) Elektronnyaya baza dannykh "Toponimiya Kostromskoy oblasti": obrabotka i sistematizatsiya polevogo materiala [Electronic database "toponymy of the Kostroma region": Processing and systematization of field material]. *Voprosy onomastiki*. 2 (11). pp. 89–104.
79. Absalyamov, Yu.M. & Sirazitdinov, Z.A. (2022) Sozdanie bazy toponimicheskikh dannykh Respubliki Bashkortostan dlya geograficheskikh informatsionnykh sistem [Creation of a toponymic database of the Republic of Bashkortostan for geographic information systems]. *Tiltanym*. 1 (85). pp. 123–140.
80. Laboratory of Historical Geoinformatics of Institute of World History RAS. (n.d.) *Veb-GIS "Istoricheskiy atlas Bezhetskoy pyatiny (Tverskoy poloviny) kontsa XV–XVII v."* [Web GIS "Historical atlas of the Bezhetskaya Pyatina (Tver half) from the end of the 15th – 17th centuries"]. [Online] Available from: https://histgeo.ru/our_projects/project/1/. (Accessed: 23.11.2024).
81. Laboratory of Historical Geoinformatics of Institute of World History RAS. (n.d.) *Veb-GIS "Toropetskiy uезд v XVI–XVII vv."* [Web GIS "Toropetsky district in the 16th – 17th centuries"]. [Online] Available from: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/. (Accessed: 23.11.2024).
82. *TORIS Toponymic Research Information System*. (n.d.) [Online] Available from: <http://toris.krc.karelia.ru/papers/source/spb2004/index.ru.phtml>. (Accessed: 23.11.2024). (In Russian).
83. *Eesti kohanimeramat*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.eki.ee/dict/knr/>. (Accessed: 23.11.2024).

Информация об авторе:

Дмитриев А.В. – канд. филол. наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: avd84@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Dmitriev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: avd84@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2024;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 23.11.2024;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/517/3

Образ Нью-Йорка в русских травелогах 60-х гг. XIX в.

Сергей Сергеевич Жданов^{1, 2}, Наталья Владимировна Федотова^{3, 4}

^{1, 4} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

^{3, 4} nf2363@gmail.com

Аннотация. Рассматривается репрезентация американских городов в русских травелогах 60-х гг. XIX в., написанных Г.Ф. Армфельтом и Д. Романовым. Центральным в этих произведениях выступает образ Нью-Йорка, маркированный масштабностью, утилитарностью, торговостью. Констатируется, что мотив привлекательности города ярче выражен Армфельтом, Романов акцентирует непривлекательно-коммерческую сторону Нью-Йорка. Отмечены частые сравнения пространств Европы и Нового Света в рамках семиотизации / культурного освоения американского топоса.

Ключевые слова: имагология, травелог, пространство, Соединенные Штаты Америки, Нью-Йорк, Олбани, Вашингтон, образ города, Г.Ф. Армфельт, Д. Романов

Для цитирования: Жданов С.С., Федотова Н.В. Образ Нью-Йорка в русских травелогах 60-х гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 33–44. doi: 10.17223/15617793/517/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/3

The image of New York in Russian travelogues of the 1860s

Sergey S. Zhdanov^{1, 2}, Natalya V. Fedotova^{3, 4}

^{1, 4} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

^{3, 4} nf2363@gmail.com

Abstract. The article deals with representation of American urban spaces in the Russian travelogues "Hudson River" and "Montreal" by D. Romanov, as well as "Corvette 'Varyag'" by G.F. Armfelt, written in the 1860s. The central space in these texts is a representation of New York City. The common elements are also the factual manner of narration and a number of motifs that characterize the American urban space: gigantism, fullness of movement and people, money, commercialism, industrialism, technical civilization, service, utilitarian rationality, combined with the motif of lack of culture and manners of Yankees, which, in turn, actualizes the motifs of uninterest/boredom/mediocrity, manifested, when describing provincial urban topoi and, in general, cultural loci of museums, theaters, etc. In addition, Russian authors often use methods of comparison, defamiliarization and travesty when fixing Americanness as more Foreign (the embodiment of the New World space) relative to less Foreign (Western Europeaness) and their Own (Russianness), which are spatial variants of the Old World territory. At the same time, there is a number of differences in Romanov's and Armfelt's depiction of American cities. The first one emphasizes the representation of the "non-glamorous" part of New York, embodied in the harbor locus, which is marked by motifs of unattractiveness, commercialism, utilitarianism, and mud. The harbor image also combines the values of mediation and at the same time the boundary between the inner (urban) and outer spaces. Broadway in this context acts as a mediation place, connecting the business loci of the City and Wall Street with the harbor within the topos. Armfelt, on the contrary, describes more the "ceremonial" New York, fixed in the central loci of Broadway, avenues and "named" streets, marked by features of attractiveness, luxury, wealth and partially commerce (in shops description). However, the New York spatiality in "Corvette 'Varyag'" is also ambivalent and contrasting, which is embodied in local manifestations of the motifs of attractiveness and unattractiveness, wealth and poverty in the whole area of the city. At the same time, Armfelt's descriptions of charitable institutions are characterized by motifs of cleanliness and orderliness, which marks New York by the denial of beggarism. In Romanov's text, the motifs of novelty and frontier are more vividly manifested in the depiction of New York neighborhoods. In general, town space of the USA, unlike New York, is poorly described by both authors. Romanov more often emphasizes an idyllic demi-naturalness of these places. Armfelt's representation of the American urban province is more critical, with more entropic, negative features, including those related to the war

space in the American North. On the other hand, Romanov, albeit weakly, depicts the American space of historical memory. In Armfelt's text it is virtually absent.

Keywords: *imagology, travelogue, space, United States of America, New York, Albany, Washington, city image, G.F. Armfelt, D. Romanov*

For citation: Zhdanov, S.S. & Fedotova, N.V. (2025) The image of New York in Russian travelogues of the 1860s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 33–44. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/3

Образы Чужого, которыми занимается имагология, чрезвычайно важны в любой культуре, поскольку интенсифицируют механизмы культурной самоидентификации, позволяют через сравнение, противопоставление и обнаружение сходства конструировать образы Своего. Активный диалог культур, в который русская культура вступает с иными культурами в XIX в., находит отражение во множестве отечественных произведений, в частности, в травелогической литературе, породившей в том числе целый пласт городских текстов, что является закономерным, если учесть важность урбанистических образов как семиотически значимых пространств, центров антропности, концентрирующих в себе смыслы, обусловленные оппозицией «Свое – Чужое».

Отечественное литературоведение имеет давнюю традицию изучения городских текстов, в частности петербургского [1–3]. Освоенное русской словесностью урбанистическое пространство Чужого анализировалось в работах по репрезентации Венеции [4], Неаполя [5], Парижа [6], Берлина [7], Лондона [8]. Разумеется, не были обойдены вниманием и городские тексты Нового Света и, в частности, интересующих нас в данной статье Соединенных Штатов Америки, пространство которых активно семиотизировалось в русской культуре в XIX в. и далее. Примерами литературоведческих работ по этой проблематике могут служить исследования образности американских городов в путевой прозе П.П. Свинына [9], П.С. Алексеева [10], в творчестве авторов XX столетия И. Ильфа и Е. Петрова [11], И.Г. Эренбурга и В.П. Некрасова [12], И.В. Елагина [13] и многих других [14, 15].

Но в исследовании образов городов США еще имеется немало лакун. Так, насколько нам известно, до настоящего времени за рамками внимания литературоведов оставались следующие травелоги 60-х гг. XIX в.: два из них, «Река Гудзон» [16] и «Монреаль» [17], представляющие собой единое повествование, были опубликованы Д. Романовым в «Морском сборнике» в 1862 г., а третий, «Корвет “Варяг”: Воспоминания из кругосветного плавания. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 гг.» Г.Ф. Армфельта [18], был издан в 1867 г. Атрибуция последнего автора вполне определена. Это Густав Федорович Армфельт, который после окончания Морского кадетского корпуса был произведен в гардемарины, а по завершении кругосветного плавания на «Варяге» – в мичманы. Сложнее определить, кем является Д. Романов. Но ряд косвенных свидетельств позволяет предположить, что это инженер-полковник, географ, этнограф Дмитрий Иванович Романов. Во-первых, он действительно совершал путешествие по Северной Америке, кроме того, печатался в том числе в «Морском сборнике», а также писал об армии Соединенных Штатов. Во-вторых, в сферу интересов

данного автора входили железные дороги, описанию которых в Америке уделено существенное внимание в «Реке Гудзон» и «Монреале». Таким образом, оба автора имеют отношение к российской военной элите, что, как будет показано далее, отражается в их ироническом отношении к американским буржуа, участвовавшим в войне Севера и Юга.

Целью нашей статьи, соответственно, выступает имагологический анализ городского пространства севера США (и прежде всего Нью-Йорка). Для выявления смыслового ядра рассматриваемого топоса в текстах, а также отдельных авторских вариантов авторы работы прибегают к методам мотивного анализа и семиотики пространства в русле характерного для современного литературоведения тренда на *spatial turn*, поскольку «пространствоцентричный подход» [19. Р. 111] полагается нами весьма значимым и еще не до конца реализовавшим свой потенциал инструментарием литературоведческой имагологии.

Следует заметить, что тексты Армфельта и Романова, выступающие в качестве материала нашего исследования, относятся к одному периоду в истории Америки – гражданской войне между Севером и Югом – и имеют центром своего повествования по большей части одинаковые топосы, а именно образ Нью-Йорка с его окрестностями и реки Гудзон. Общим для травелогов Романова и Армфельта является также достаточно безыскусный, фактографический нарратив, в рамках которого представлена американская пространственная образность. В то же время тексты имеют и ряд отличий.

Так, Романов выстраивает свою репрезентацию Нью-Йорка исходя из образа гавани и практически игнорируя локус фешенебельного центра города – Бродвея, столь значимый не только в тексте Армфельта, но и в более раннем травелогике П.П. Свинына [9. С. 102]. Соответственно, это остраивает нью-йоркский образ в романовском произведении, акцентируя то, что центр города, его «витрина», едва намеченная общими штрихами и маркированная мотивами упорядоченности и чистоты, является лишь медиационно-транзитным локусом и «надстройкой» над экономическим «базисом», представленным деловыми пространствами гавани, а также Сити и Уолл-стрита: «...только Бродвей, 5-ая Авеню и другие из новых улиц почище и вымощены тесаным камнем: но ведь надобно же хотя где-нибудь иметь возможность ездить в Сити, в Wall-street и т.п., обрабатывать дела, торговать и наживать деньги»¹ [16. С. 187]. Усиливая эффект остраивания, автор выстраивает репрезентацию Нью-Йорка через отталкивание от образов городов Старого Света, в том числе от образов русских городов как элемента «своего» пространства.

В частности, если локусы Петербурга и Одессы характеризуются привлекательностью, щегольством, то для Нью-Йорка, следуя логике обратности, свойственны непривлекательность²: «...ни одна из его длинных набережных, протягивающихся на десятки миль, не имеет такого красивого и щегольского вида, к которому мы так привыкли в Петербурге или в Одессе» [16. С. 185].

Непривлекательность города объясняется как следствие утилитарности нью-йоркского пространства, устроенного рационально с целью облегчения производственно-торговой деятельности, что подается в целом в качестве типажной черты американскости: в Нью-Йорке, «также как и во всех американских городах, от берегов вытянуты в реку деревянные пристани, разгораживающие всю набережную на небольшие бассейны, ковши, или, пожалуй, стойла, сплошь набитые кораблями, барками, пароходами и т.п. Нельзя отрицать, что это чрезвычайно удобно для загрузки и выгрузки <...> этими поперечными пристанями увеличивается в несколько раз общая длина всей набережной, суда избавляются от необходимости размещаться вдоль набережной в несколько линий, каждое имеет свое сообщение с берегом, не перепрыгивая с одного судна на другое, и может отойти от берега, не дожидаясь очереди и не тревожа соседей» [16. С. 185–186]. Мотив утилитарности по отношению к размещению в пространстве отличает локус нью-йоркского порта от петербургского и гамбургского: «суда <...> не занимают по длине ее много места, как, например, в Петербурге или Гамбурге» [16. С. 186]. С данным американским пространством тесно связаны также мотивы активности и наполненности этого места (движением, людьми, различными техническими артефактами, относящимися к производственно-торговой деятельности): «Эти пристани обыкновенно заставлены телегами, привозящими и отвозящими грузы; на многих из них вы увидите краны, железные дороги, даже настоящие станции железных дорог; все кипит жизнью и деятельностью, все это убеждает вас в громадном развитии торговли»; «пристани и доки с их бесконечным движением» [16. С. 186]; река, «испещренная судами, снующими взад и вперед перевозными пароходами (Ferry-boats)»; [16. С. 188]. В тексте Армфельта мотив наполненности движением, более проявленный в Нью-Йорке, чем в петербургском пространстве Своего («что за движение на улицах после Петербурга!» [18. С. 18]), связывается уже с мотивом ретардации, затрудненности движения: «Быстрое движение... пассажирских пароходов <...> во все концы, и ferry вместо мостов между Нью-Йорком и Jersey-city... делают проезд с рейда на берег весьма затруднительным» [18. С. 16–17]; «East-river мало отличается от North-river; те же ferry, бесчисленное множество пароходов с буксирами и без них... страшно затрудняют переезд через реку на шлюпке» [18. С. 49]. В самом городе мотив движения выражен градуально (в наибольшей степени – в центре): авеню «мене оживлены» [18. С. 15] по сравнению с Бродвеем: «легче ходить по тротуарам, на которых по Broadway подчас придется и проталкиваться» [18.

С. 16]. В то же время «по всем улицам движется огромное количество дилижансов» [18. С. 16]. Кроме того, непрерывность движения подчеркнута связана с деловитостью/утилитарностью: «Проследите за каким-нибудь прохожим, куда он шагает в своих плосконосых сапогах? Если он идет из дома в “business”, вы его не поймаете» [18. С. 18].

У Романова оборотной стороной американской утилитарности, как уже было сказано, является визуальная и ольфакторная непривлекательность нью-йоркского пространства, игнорирование эстетического элемента, что также усилено мотивами грязи и затрудненного движения, роднящими нью-йоркские локусы с их петербургскими периферийными аналогами, противопоставленными центральным локусам русской столицы и других городов Старого Света – Одессы, Триеста, Женева: «...все это те же <...> петербургские сальные, сельдяные, пеньковые и прочие буяны, или Рожковская пристань у Невской лавры, или рыбинская набережная в развале навигации. Та же грязь и вонь, те же непроезжаемые мостовые, та же невозможность протолкаться между толпами всякого сброда, между лошадьми и телегами, отнимающими здесь у пешеходов даже и последнее их убежище – тротуары» [16. С. 186]; «вам хотелось бы погулять, как гуляют по Дворцовой и Английской набережным в Петербурге, по бульвару в Одессе, или по набережным в Триесте и Женеве. Но не трудитесь искать этого в Нью-Йорке, или в каком бы то ни было американском городе» [16. С. 187]. Мотив грязи последовательно повторяется нарратором при описании коммерческого Нью-Йорка, подчеркивая утилитарность и торговость пространства: «картина с сопровождающей ее вонью и грязью»; «Одно еще вы встретите здесь, – так же, как и на прочих улицах Нью-Йорка, – чего не встретите ни в Петербурге, ни в Архангельске, ни в Одессе: это полуразвалившиеся деревянные ящики, выставленные на тротуарах и наполненные всяким сором и нечистотами, которые выбрасываются в них всеми обитателями соседних домов. Какая нужда, что эта грязь и вонь вредят общественному здоровью, что проходящие задыхаются от вони и пачкают свое платье... all right! Это не мешает торговле, а потому никто и не обращает на это ни малейшего внимания» [16. С. 186]; «все десятки миль набережных заняты только пристанями, доками, – этими своего рода буянами, с их вонью, грязью, непроходимыми тротуарами, не проезжаемыми мостовыми. Это бордюр, окружающий Нью-Йорк с трех сторон. Загляните внутрь города: та же грязь, те же ужасные мостовые, те же сорные и помойные ящики на тротуарах <...> торговля великое дело: но все-таки я бы очень пожалел, если бы наши Английскую и Дворцовую набережные обратили в сальные и сельдяные буяны, или если бы срыли московские бульвары для учреждения толкучего рынка или пудретного заведения» [16. С. 187].

В отличие от Романова, Армфельт больше внимания уделяет описанию «парадной» части Нью-Йорка, хотя и в его тексте встречаем негативное изображение локуса пристани, маркированного непривлекательностью, неупорядоченностью («отвратительная пристань... с каким-нибудь скверным деревянным трапом» [18. С. 17]). Отсюда – подчеркивание мотивов

привлекательности³, богатства и упорядоченности в репрезентации городских локусов: «удивительно правильно выстроенный... великолепный город»; «великолепная улица – Broadway», которая «совершенно переполнена богатыми магазинами» [18. С. 15]; «великолепный магазин готового платья»; «По обе стороны (Бродвея. – *Авт.*) роскошные отели, великолепные магазины» [18. С. 17]. Этим обусловлен также выбор локуса Своего, выбранный для сравнения. Если у Романа это малопривлекательные рабочие пристани, то Армфельт уподобляет Бродвей Невскому проспекту: «Broadway – это Невский проспект»; ее магазинам «немного уступят магазины Невского проспекта» [18. С. 15]. С исчезновением мотива торговости уменьшается, однако, и привлекательность армфельтовского Нью-Йорка: менее оживленные авеню «уж не переполнены магазинами» [18. С. 15]. Не имеющие же названий, а просто пронумерованные (следствие американской утилитарности) улицы маркированы мотивами нероскошности, непривлекательности и грязи, что соответствует романовской репрезентации: «...уж совершенно простые улицы, гораздо грязнее, уже и некрасивее Петербургских улиц, и чем дальше от устья, тем хуже и хуже» [18. С. 16]. В этом контрасте, т.е., по сути, неравномерном распределении привлекательности в городском пространстве, Нью-Йорк отличается, по мнению Армфельта, от Петербурга: «...если Невский проспект и уступает немного Broadway, зато Петербург гораздо ровнее: хороших улиц больше, и большинство улиц гораздо лучше, и не так видна разница, как между Broadway и какою-нибудь Greenwich Street» [18. С. 16]. В то же время в Нью-Йорке Армфельта отрицается мотив нищеты: «...только изредка увидишь старика на улице в цилиндре, на котором роковая надпись “I am blind” дает ему обильное дневное пропитание; в другом виде вы не встретите нищеты» [18. С. 23]. Локусы же нью-йоркских богоугодных заведений («госпитали, тюрьмы, рабочие дома, сиротские дома и сумасшедший дом» [18. С. 22–23]) маркированы мотивами чистоты, упорядоченности и утилитарности: «Все эти здания удивительно чисты <...> Когда мы проходили в сиротских домах, несколько сот мальчиков белых и черных пели гимны. С каким сочувствием смотришь на эти заведения! последний нищий и выучится, и будет полезен» [18. С. 23].

Соответственно, связанные с мотивом утилитарности мотивы денег и коммерции являются определяющими в романовской характеристике города и американского пространства вообще: «но все это только для торговли, – как весь Нью-Йорк, как все Соединенные Штаты созданы для торговли»; «Нью-Йорк действительно... торговый город» [16. С. 186]; «Здесь не гуляют⁴, а торгуют, набивают карманы, составляют капиталы; поэтому здесь все только к этому и приспособлено»; «Деньги здесь все: – все, что дышит, возвращается, существует, – все это торгует, наживается, лопается, и ничего не хочет знать, кроме денег и торговли» [16. С. 187]. Более того, сфера коммерции вторгается в природное пространство через мотив рекламы, травестирующий и остраивающий описания дикой природы: «Гудзон... непохож на другие реки Старого света еще

и тем, что по берегам его на каждом гладком утесе или большом камне вы заметите огромные надписи: объявления и адреса разных фабрик и магазинов Нью-Йорка и других городов. Подходя в West-Point, вы еще издали примечаете с парохода огромные письма на огромном отвесном утесе, как будто нарочно для того обтесанном. Вы воображаете, что это какая-нибудь историческая надпись, но, подходя ближе, читаете со середины реки, что это адрес какого-то магазина в Нью-Йорке – Broadway № такой-то» [16. С. 195]. Соответственно, граница между коммерческим/утилитарным и естественным/неутилитарным в романовском американском хронотопе стерта, причем это стирание тотально и гипертрофированно-гротескно: «Эта любовь к выставке всякого рода объявлений и афиш развита у американцев до совершенства, или вернее до сумасбродства. В Нью-Йорке вы увидите афиши ходячие, на спинах посвятивших себя этому ношению джентльменов, ездящие, или возимые на особых экипажах, у которых ими оклеены все стороны кузова; вы увидите их нарисованные на боковых стенах домов, приставленные к фонарным столбам на тротуарах, вывешенные на флагах поперек улиц, наклеенные на всех заборах, на куче кирпичей возле строящегося дома, на телеграфном столбе, на приступках лестниц, на ступеньках тротуара, при переходах поперечных улиц и даже сбоку тротуарной канавки. Вы найдете их и вне города <...> по гудзоновской железной дороге: пред вами замелькают надписи, окрашенные или нацарапанные на больших камнях и на береговых скалах» [16. С. 195–196].

В известном смысле, с мотивом рекламы связан и мотив американского национализма, воплощенный в образе американского флага как товара и одновременно средства продвижения американскости, утверждения ее в пространстве. Это уже реклама не столько коммерческая, сколько политическая, но обладающая свойством той же тотальности охвата, что и предложения промышленных товаров. Здесь Романовым выстроена восходящая прогрессия в маркировании пространств этим травестийным мотивом, где для России типична минимальная выраженность пристрастия к государственным символам, Европа представляет собой промежуточный вариант, а США маркирован национализмом наиболее явственно: «...знамена и флаги союза – это слабость американцев. У нас не в обычае выставки подобного рода официальных атрибутов, но посмотрели бы, как они распространены в Европе, где все, начиная с парламента и кончая бочкой, поливающей улицы, не может обойтись без гербов, без флагов, без надписей, всякого рода высокопарных титулов, пускающих пыль в глаза, афиш и объявлений. Что же сказать... об Америке, где одноглавые орлы и полосатые флаги не дают вам прохода. Флаги американского союза вывешены на улицах, на отелях, у дверей и в окнах магазинов; они продаются для детской забавы в игрушечных лавках; они нарисованы на всех омнибусах, на обертках конфет, на конвертах для писем, выставлены у трубы паровоза, у типографского станка, у говядины на мясном рынке, у орехов и яиц в мелочной лавке» [16. С. 199].

Травестия, на наш взгляд, обусловлена непривычным для русской культуры того времени смешением политической пропаганды и проявлений национальной гордости, которая, с точки зрения автора, товаром (или брендом, говоря современным языком) не является, а продвигаемая как товар становится осмеиваемой. Характерно в данном смысле соположение «высокого» и «низкого» образов (например, «флага» и «говядины») в едином месте коммерческой сферы, когда это соположение остраивает и снижает «высокий» контекст. Следовательно, мотив национализма как товара актуализирует мотив игры (с коннотациями наигранности, условности и ребячливости, т.е. игры как занятия детей), что, в свою очередь, переносится на образ гражданской войны между Севером и Югом как театральности, игры в войну северян⁵: «...флагами играют и дети, и взрослые; теперь ими играет и войско, которое имеет по несколько флагов и знамен и в укреплениях, и в лагерях, и в батальонах, и в ротах, и на всех пушечных лафетах. Их не повесили еще на лошадей, хотя к этому шаг уже сделан: на многих экипажах в Нью-Йорке вы увидите нарисованных лошадей, держащих в ноге флаг союза. Американские флаги весьма красивы, гораздо красивее самого войска» [16. С. 200].

Если мотивы американских рекламы и национализма показаны гротескно-комически, то мотивы цивилизованности, удобства и техницистской упорядоченности пространства Нью-Йорка и его окрестностей относятся к положительным проявлениям общей американской утилитарности, что проявляется в описании различных техносферных локусов в травелоге, например, Кротоновского водохранилища и нью-йоркской системы водоснабжения: «Один из таких акведуков, замечательный по величине и по сооружению, перекинут у самого Нью-Йорка, через Гарлемскую реку... и называется High bridge (Высокий мост)» [16. С. 190]; «чудный мост»; «Среди такой живописной местности Высокий мост (High bridge) поражает не столько своею громадною, сколько простотою и солидностью постройки» [16. С. 191]. Особо подчеркнута коммерческая сторона проекта, а именно затраченные на строительство гигантские суммы, уникальные по своим размерам: «Такие громадные и монументальные сооружения обошлись около 18 миллионов руб. (до 14 000 000 долларов) и... не имеют ничего на свете себе подобного» [16. С. 191]. Здесь вновь акцентирован мотив рациональной утилитарности американцев, которые посчитали разумным посредством вложения капитала и инженерных (технических) усилий⁶ удовлетворить потребность города в воде, что отличает пространство США от Старого Света в его европейском и русском вариантах: «...все эти баснословные издержки для одного только и... весьма простого и обыкновенного дела – снабдить город водою <...> Затрата подобных капиталов на такое обыкновенное дело в Европе покажется смешною, а в России совершенно дикою: ведь живем же мы 150 лет на берегу чистой невиской воды да пьем же вместе со всем полумиллионным населением Петербурга гнилую воду из каналов? И ничего: слава Богу здоровствуем. А о других русских городах и говорить нечего» [16. С. 191–192]. Изображение нью-йоркской системы

водоснабжения как части американской техносферы и – шире – как проявление мотива цивилизованности жизни, впрочем, подвергается остраиванию и травестии. В этом смысле русская нецивилизованность, т.е. неразвитость техносферы, внезапно подается как достоинство, следуя той логике, что чем сложнее техника, тем больше она подвержена влиянию энтропии, а простые системы, наоборот, более надежны в противостоянии вторжению хаоса в антропный топос. В результате поломки водопровода Нью-Йорк уподоблен антиантропному пространству Аравийской пустыни; Петербургу же, не имеющему такой системы, подобная опасность не грозит: «Здесь... нет ни ведер, ни бочек, ни водовозов: всякий привык видеть в своей квартире кран с водою, торчащий и в кухне, и над ванной, и над умывальным столиком, и над клозетом. Вдруг все остановилось: десятки тысяч жителей без воды, как в Аравийской пустыне. <...> Не правда ли, как это все диво для нас, русских? В городе лопнула какая-то труба, а они кричат об этом как будто Бог знает о каком общественном несчастье <...> Выходит, что слава Богу, что у нас в Петербурге сохранились еще до сих пор водовозы, водоносы, ушаты, шайки, ведра с их необходимыми атрибутами – грязными лестницами, обледенелыми ступенями, портомойными прорубями и скользкими пристанями...» [16. С. 192]. О техницистской цивилизованности нью-йоркского пространства свидетельствует и система добычи льда из «небольшого озера Rockland» для нужд города: «Пилка льда производится особыми машинами, которые <...> работают гораздо успешнее и отчетливее, чем наши пешни, багры и дровни» [16. С. 193]. Ср. также размышления о рациональном производстве «земледельческих машин» в Америке: «Дороговизна рабочей платы породила здесь бездну всякого рода машин, приспособленных ко всем отраслям хозяйства, но машин несложных, дешевых, которые поэтому и распространены везде, начиная с самой бедной фермы» [16. С. 202–203].

Наконец, мотив цивилизованности американских городов⁷ актуализирован в романовском описании развитого гостиничного бизнеса Нью-Йорка и Ольбани как следствия их торговли, т.е. в связи с мотивом коммерции: «Здесь, в Delavan House (в Ольбани. – Авт.), также, как и в Нью-Йорке, за 2½ доллара в день, отведут вам комнату с газом, водою, бархатными коврами и безукоризненно чистой кроватью. В столовой, в передней, в парлорах (гостиных) вы встретите такую же толпу леди и джентльменов, как и в Нью-Йорке; словом, нет признака провинции, даже число номеров в отелях доходит до нескольких сот» [17. С. 189–190]. Тот же мотив цивилизованности (сервиса) как частного случая упорядоченности пространства встречаем в армфельтовском изображении нью-йоркских гостиниц: «Отели Нью-Йорка не даром пользуются всемирною известностью – это действительно верх совершенства – благоустройство доведено до *non plus ultra*» [18. С. 16]. Сублокус отельного ресторана в Нью-Йорке также маркирован мотивами роскоши («бархатные диваны», «мраморный стол») и удобства: «...по окончании завтрака или ужина является на стол картонный билетик с печатным номером вроде 5.20, по которому

вы платите <...> тут... виден янки: все просто и удобно; ваше дело сесть, сказать или показать пальцем на название какого-нибудь блюда, а прочее делается как-то само» [18. С. 17]. Также мотив сервиса, как и в романовском тексте, характерен для пространства не только для Нью-Йорка, но и относительно «провинциального» Балтимора («отели великолепны» [18. С. 40]; «Страшное развитие отельной жизни... объясняет то, что отели в таких городах доведены до замечательного совершенства» [18. С. 40–41]) и Олбани («великолепная гостиница» [18. С. 24]).

В то же время, подчеркивая мотив цивилизованности (в техницистском смысле) американского пространства, Романов отрицает в последнем наличие мотивов культурности, в смысле неутилитарной деятельности, воспитанности и эстетичности. Нью-Йорк и Олбани ориентированы на торговлю и уступают топосу Европы в проявлениях искусства, что актуализировано в описании культурных локусов: «В Олбани, как и в других американских городах, есть своего рода коллегии, институты, библиотеки, но, нагнав себя на все это в Европе, здесь не стоит терять время на осмотр их. Все эти отрасли, как и все искусства, литература, словом все так называемые изящные искусства стоят в Америке далеко ниже Европы, потому что все население ударило только в торговлю и в способы нажива денег» [16. С. 202]. Мотив американской неразвитой культуры у Армфельта проявлен в репрезентации локуса нью-йоркского театра, где пространство Нового Света противопоставлено Старому как более культурно развитому: «...в чем Петербург бесконечно превосходит Нью-Йорк – это театрами; смешно было бы сравнивать американские театры с французскими, немецкими, а уж подавно с Петербургскими, превосходящими как говорят даже итальянские и Лондонские» [18. С. 16]. Из этой «некультурности» США проистекает мотив скуки, характеризующий американское городское пространство (Балтимора): «провели время довольно скучно. Интересного ничего нет» [18. С. 41]. Мотивом безвкусицы/пошлости маркировано музыкальное (относящееся, по идее, к сфере искусства) сопровождение романовского плавания по Гудзону на пароходе, которое, однако, нравится неискушенным американцам: «С пристани несутся звуки музыки: это большой, – и надо добавить плохой, – орган, который янки поставил на своем пароходе и приделал к нему привод от паровой машины, которая, таким образом, вертит и орган, и колеса парохода (здесь мотив утилитарности подавляет мотив искусства. – *Авт.*). <...> вместе с ним укрывается невидимый господин, играющий по клавишам его как на фортепиано, – и надо прибавить, играющий весьма фальшиво. <...> А публика ловится на эту приманку; значит, янки верно рассчитал на ее вкус, купивши старый церковный орган» [16. С. 187]. Кроме того, Романов неоднократно упоминает невоспитанных янки, которые сидят, поставив ноги в сапогах (часто грязных) на стол, всюду плюются жевательным табаком. Мотив невоспитанности американцев встречаем и в тексте Армфельта при описании локуса отеля: «Кругом огромного количества столов расселись янки; кто сидит просто и читает газету, отплевываясь в обе стороны, и задравши ноги выше головы

<...>; кто заливает завтрак стаканом brandy-and-water и проч.» [18. С. 17].

Еще одним важным свойством нью-йоркского топоса и его окрестностей является мотив гигантизма, в том числе превосходящего масштабность пространств Старого Света. Так, пристани Нью-Йорка – это «помноженные на несколько тысяч раз» рабочие пристани Петербурга. При этом нью-йоркская образность континирована не только с европейскими пространствами (среди которых автором мыслится и российское), но и с «ориенталистскими» топосами. Помимо вышеупомянутого контекстного уподобления города Аравийской пустыне, в изображении строящегося локуса нового большого водохранилища в Центральном парке Нью-Йорка мы встречаем сравнение данного резервуара с древнеегипетским озером Мерида по признаку масштабности: «Теперь в Центральном парке... создается огромное – чуть ли не новое Меридово озеро, которое будет служить новым резервуаром... Кротоновского водопровода» [16. С. 192]. В целом мотивы масштабности и густонаселенности встречаем на всем протяжении описания нью-йоркского пространства и его окрестностей: «Нью-Йорк действительно громадный... город» [16. С. 186]; «стотысячные города Бруклин, Нью-Джерсей, раскинувшиеся на их берегах напротив Нью-Йорка» [16. С. 186–187]; «ширина ее (реки Гудзон. – *Авт.*) здесь, как две наши Невы у Петропавловской крепости; на одном берегу раскидывается необозримый Нью-Йорк, которого видны только крыши домов, верхи церквей, а прочее все закрыто лесом мачт; с другой стороны Jersey, Hoboken, Weehawken, – целые наши губернские города с 20-ти тысячным населением⁸, а здесь не более как предместья, исчезающие пред громадностью Нью-Йорка»; «обширная панорама широкой реки, испещренной судами, снующими взад и вперед перевозными пароходами (Ferry-boats)» [16. С. 188]; «Кротоновский водопровод есть гигантское, и едва ли не величайшее в свете сооружение для снабжения города водою»; «огромная подземная труба в 40 миль (60 верст) длиною» (акведук) [16. С. 190]; «массивные каменные стены в виде огромного четырехугольника» (Большой Приемный резервуар); Раздельный резервуар «есть... целый квартал... окруженный высокими и массивными гранитными стенами в египетском стиле» (вновь маркер египетскости в американском пространстве в связи с водностью. – *Авт.*); «Такие громадные и монументальные сооружения... не имеют ничего на свете себе подобного» [16. С. 191]; «Американцы, смеясь, говорят, что для катанья по этому озеру они выстроят на нем винтовой стопушечный корабль; теперь же все их катанья по великолепным бассейнам и озерам Центрального парка ограничиваются пока простыми шлюпками. Надо видеть эти гигантские работы на самом месте <...> чтобы судить о громадности их» [16. С. 193].

Мотив гигантизма, связанного, в свою очередь, с мотивом уникальности, т.е. стремление построить все самое большое в целом свете, находим и у Армфельта в описании Центрального парка Нью-Йорка, остранившегося, однако, сравнением с русским парковым локусом, превосходящим американский по масштабности:

«громадный парк (Central Park) по уверениям жителей наибольший в свете (что... совершенная нелепость – наш царско-сельский парк гораздо больше)» [18. С. 16]. Мотив вертикальной и горизонтальной масштабности выражен в уличном пространстве центральной части Нью-Йорка: «Огромные 5-и, 6-и этажные дома ее, имеющие по этажу или по 2 под землею, тянут ее на расстоянии 4½ миль. Почти параллельно ей идут Avenue 1-е, 2-е и т.д.; из них некоторые, напр. 5-е немного уступают Broadway по зданиям» [18. С. 15].

Иные города в травелоге Романова описаны в общих чертах, сливаясь, по сути, в единый демиприродный ландшафт по берегам Гудзона, где локусы городков, деревень, ферм, парков, промышленных объектов фактически объединены как предместья Нью-Йорка. Это пространство отмечено мотивами привлекательности, уюта и упорядоченности как следствия вмешательства антропоности: «Они (скалы. – *Авт.*) составляют ряд холмов уже обделанных, прикрашенных рукою человека; они оживлены дачами, фермами, фабриками, деревнями и городами; по скатам их стелются приветливые лужайки парков и садов, в лощинах вырезаются белые струйки пара и облака густого дыма, вырывающиеся из высокой трубы фабрики или завода; у подошвы лепится у самой воды гудзоновская железная дорога, а выше эти скаты прорезываются водопроводом, снабжающим водою весь Нью-Йорк из кротоновского резервуара» [16. С. 189]; «серые и угрюмые скалы <...> весьма приветливо оживляются виллами и фермами, разбросанными по берегам. Это дачи Нью-Йорка» [16. С. 191]; «следуют один за другим уютные деревни, или городки – Naverstraw, Peakskill...» [16. С. 193]; «Все это оживлено дачами, деревнями, городами, которые виднеются здесь весьма часто» [16. С. 196]; «окрестности их (городков. – *Авт.*) служат любимым летним убежищем нью-йоркских жителей» [16. С. 198]. При этом нью-йоркский топос показан в становлении, маркирован постоянным расширением⁹. «Всепоглощающий» [17. С. 189] город осваивает все большие пространства дикой природы, причем по плану, следуя целерациональной логике развития: «...южный... берег... принадлежит уже к самому городу: купивши план Нью-Йорка, вы увидите на этом месте длинные авеню... и поперечные улицы 200 нумеров, правильно распланированные, но на месте не найдете ничего, кроме скал и леса. Но городу предположено распространиться до сих мест <...> и все планы заранее уже отпечатаны в ожидании этого распространения» [16. С. 191]. Соответственно, демиприродное окружение Нью-Йорка (как часть Нового Света) характеризуется меньшей упорядоченностью, большей дикостью в сравнении с ландшафтами Западной Европы. Здесь явственнее выражена фронтирность¹⁰ через мотив борьбы человека с природой: «...это не Рейн и не Саксонская Швейцария; в Америке вы вообще не встретите этой выглаженной, выбритой, подстриженной и припомаженной немецкой природы. Здесь везде, на каждом шагу, все вам указывает, что пространства еще преодолевают человека, что он не принужден еще обращать свое поле в сад или огород и что ему еще некогда подстригать свои сады и заборы и приглаживать свои луга и посевы» [16. С. 196].

В тексте Армфельта схожесть Гудзона и Рейна, наоборот, подчеркивается, вероятно, на основании мотивов живописности и масштабности речных топосов: «Живописны для художника берега этого американского Рейна!» [18. С. 18].

Несколько антропных топосов, впрочем, отмечены в романовском тексте особо. Это, например, Вест-Пойнт, «замечательный пункт» [16. С. 195], маркируемый стратегической значимостью («всегда бывший и до сих пор остающийся ключом Гудзона»), наличием военной академии («военная академия – единственное и образцовое в своем роде учреждение в Соединенных Штатах» [16. С. 194]) и привлекательностью расположения («великолепное местоположение» [16. С. 195]). Город Гудзон отмечен медиационностью, торговостью («оконечный пункт бостонской железной дороги», «большое участие в речном судоходстве и торговле» [16. С. 198]) и индустриальностью («до 70 фабричных заведений разного рода» [16. С. 198–199]). Репрезентации Пукепси (Покепси) присущи мотивы демиприродной рекреационности («Пукепси, окруженное множеством всякого рода дач, садов и парков и наиболее предпочитаемое нью-йоркскими жителями»), а также, несмотря на малый размер, цивилизованности, выраженной в образах четырех банков и трех или четырех газет, что отличает его от русского провинциального пространства: «И у нас есть города в 15 000 жителей, отстоящие на 75 миль от Петербурга или Москвы, а сколько в них считается банков и издается газет???...» [16. С. 199]. Чуть более подробна характеристика Ольбани, маркированного прежде всего торговостью и медиационностью («в Ольбани малые суда выходят из каналов в Гудзон и по нему буксируются пароходами в Нью-Йорк» [16. С. 201]; «стоит в начале морского судоходства» [16. С. 201–202]; «центр главнейших железных дорог к Нью-Йорку, Бостону, в Канаду, к большим озерам, к Чикаго и на дальний запад (West), так что все эти условия делают из него пункт огромной важности, замечательный развитием своей огромной торговли» [16. С. 202]; «Пункт этот есть средоточие нескольких железных дорог и водяных путей. <...> вся торговля больших озер и вся масса хлеба с дальнего запада, отправляющиеся к Нью-Йорку водою, непременно проходят чрез Ольбани» [17. С. 189]), а также столичностью («столица Нью-Йоркского штата» [16. С. 201]), обусловленными торговостью, масштабностью и быстрым развитием («Этим объясняется огромное развитие этого города <...> этим также объясняется 60 000-ное население Ольбани» [17. С. 189]), индустриальностью («в Ольбани одно из интереснейших заведений есть фабрика земледельческих машин и орудий братьев Емери» [16. С. 202]; «В ряду этих фабрикаций заведение братьев Емери в Ольбани занимает видное место и снабжает своими машинами наш Департамент Сельского хозяйства» [16. С. 203]). По признакам расположения на реке и грязи Ольбани напоминает Романову то ли Шлиссельбург, то ли Рыбинск, что выражено, впрочем, довольно косноязычно, поскольку аналогия, по мнению самого автора, неполная: «Я бы и самый Ольбани сравнил с Рыбинском, но тут нет аналогии¹¹ <...> Это скорее наш Шлиссельбург, в котором, однако, шлиссельбургского или рыбинского вы только и

найдете, что одну подобную же грязь на пристани и улицах; прочее все непохоже» [16. С. 201].

В то же время, напомним, пространству Покепси не хватает культурности и воспитанности, что проявляется не только в неинтересности для нарратора посещения местных учреждений культуры, но и в устройстве местной железной дороги с минимальным сервисом, грубостью¹², но дешевизной (проявление американской утилитарности): «У вагона <...> примут под открытым небом вашу поклажу, если вы догадаетесь принести ее; в одном из сараев <...> выдадут вам билеты, если вы догадаетесь отыскать это окно и подойти к нему; наконец, подойдет машина, прицепится к вагонам и потащит их, а с ними и вас, если вы заблаговременно сядете в эти вагоны, не дожидаясь ни звонков, ни криков, ни приглашений. <...> Хотелось бы спросить обо всем кондуктора, да его нельзя отличить от обыкновенных смертных; он одет так же, как и все пассажиры. Спросите в кассе (Ticket office), вам не ответят – некогда, там выдают билеты; спросите у багажа, там, после трех вопросов, если и проворчат что-нибудь, то так грубо, что вам сделается неприятно, а иногда и так неопределенно, что вы все-таки ничего не поймете. Говорят <...> так и следует быть на железных дорогах, чтобы они могли быть дешевы. О дешевизне не спорю, но для пассажиров-иностранцев, привыкших к европейским железным дорогам, это крайне неприятно [17. С. 190]. Также отметим мотив грязи как проявления деловой утилитарности «непарадного» пространства («внутри... грязь») и острающую деталь – прохождение железной дороги через город вследствие опять же утилитарности этого решения с игнорированием опасности для горожан: «Здесь нигде не стесняются проложить чутунки чрез города, по улицам; ни застав, ни часовых нет, только надписи на столбах, предупреждающие остерегаться идущего поезда. Паровоз по улицам идет тихо, останавливается, если видит препятствие и звонит все время в большой колокол, привешенный сверху его. Все это делается, чтобы не стеснять городского движения» [17. С. 190]. Наконец, в локусе железной дороги находит отражение мотив американской самостоятельности/независимости: «Здесь... ничего нет, и никого нет, чтобы спросить <...> Вам нужно ехать, и потому действуйте сами: отыскивайте кассу, вагоны, поклажу... а указывать вам, нянчиться с вами никто не будет» [17. С. 190]; «благостный этот предупреждает всех об опасности, а если затем вам угодно быть смятым, суньтесь под паровоз, и никто вам не скажет ни слова, потому что вы хозяин своей кожи» [17. С. 190–191].

Образы провинциальных городов в тексте Армфельта более амбивалентны. Здесь мы встречаем относительно положительно, при этом кратко охарактеризованные топосы Буффало («довольно значительный город»), Олбани («небольшой, но красивый город» [18. С. 24]), Балтимор («Город великолепно и правильно выстроен и может иметь смелость сравниваться с Нью-Йорком (конечно не по величине: он втрое меньше). Главная улица Baltimore-Street полна прекрасными магазинами и чиста» [18. С. 40]. Иные места охарактеризованы негативно – мотивами непривлекательности, незначительности: «Эльмира в сравнении с Альбани и

Буффало – просто дрянь» [18. С. 27]; «Местечко у форта Монроэ (Old Point) имеет вид деревни, очень небольшой и некрасивой» [18. С. 36]. Отрицательные свойства пространства усилены контекстом войны за независимость, способствующей разрушению, росту энтропии: «В единственном store'е можно достать все, чем прилично торговать в подобном месте, где главное народонаселение – солдаты» (о Монро) [18. С. 36]; «Город вообще скверный: грязь везде солдаты <...> зданий-то порядочных очень мало. <...> нас повезли осматривать развалины Navy-Yard, наибольшего адмиралтейства в свете. Действительно, судя по выжженным огромным зданиям видно, что тут успешно работали тысячи рук. <...> общий вид его весьма печален; даже частью гранит, встречающийся в постройках, полопался от жару. Оно было выжжено в 1861 году южанами <...> остались только развалины, а от огромных складов дерева и металлов – одни воспоминания» (о Норфолке) [18. С. 36–37]. Следует подчеркнуть, что пространство войны вообще сильнее проявлено в тексте Армфельта, чем Романова, что, вероятно, обусловлено временным разрывом между написанием травелогов. Для последнего автора противостояние Севера и Юга еще во многом иллюзорно, окрашено театральностью и слабо выражено. Для Армфельта, который воочию наблюдает разрушения, причиненные войной, та более реальна. При этом у него происходит своего рода дихотомизация, когда «театрально-парадная» сторона войны оказывается закрепленной за пространством Нью-Йорка, а энтропийно-мortalная – за иными американскими городскими топосами. Наконец, Армфельт как член экипажа русской военной эскадры сильнее Романова вовлечен в военный социально-исторический контекст: само появление эскадры в Нью-Йорке есть свидетельство косвенного вмешательства российской империи в американскую политику на стороне северян.

Двойственность проявлена в описаниях Александрии, маркированной немасштабностью («маленький городок»), частично упорядоченностью («одна порядочная улица наполнена магазинами», частично военной энтропией («все улицы перегорожены баррикадами, и на каждом шагу встречаются солдаты»; «пьяные солдаты по ночам шатаются по улицам и бесчинствуют»), непривлекательностью («такой урод» [18. С. 33]), а также Анаполиса, отмеченного как привлекательностью, так и непривлекательностью, пустотой, незначительностью, заурядностью, старостью: «С рейда город весьма красив <...> как столица Мэрилендского штата имеет капитоль, здание которого, впрочем, весьма обыкновенное <...> Площадь <...> самое чистое место города; семь небольших двухэтажных, совершенно одинаковых, кирпичных домов (госпиталь) – стоят... у задней изгороди площади; по ней тянутся кирпичные тротуары; затем, кроме каких-то сараев и двух монументов <...> она пуста. <...> город едва ли не хуже Александрии; по его строениям видно, что он принадлежит к числу самых старых городов Соединенных Штатов; улицы грязны (конечно, есть исключения), лавки хотя и есть порядочные, но в общем тоже дрянь; две-три гостиницы, построенные, должно

быть, в прошлом столетии, рынок тоже довольно некрасивый, и ни одного порядочного здания» [18. С. 39–40]. Вообще, Армфельт подчеркивает острающую деталь, характерную для пространства США, где столицы штатов могут выглядеть хуже, чем нестоличные городские топосы: «...американские столицы не лучшие города, потому что столицы и не столицы, потому что лучшие города, а потому что в них резиденции правительства. Поэтому и Albany столица Соединенных Штатов» [18. С. 33]. В образе Вашингтона этот мотив нестолично выглядящей столицы подчеркнут особо в сравнении со столичными пространствами Старого Света: «Если бы вы, только что кончившие путешествие по Европе, приехали бы в Нью-Йорк и, ничего не зная, поехали бы в Вашингтон, вы бы от него ждали того же, что от Петербурга после Ревеля, или от Парижа после Бреста» [18. С. 33]. Но нью-йоркский топос явно превосходит по всем параметрам вашингтонский. В описании последнего немного маркированных привлекательностью, масштабностью и значительностью локусов («великолепное здание капитоли, строящийся памятник великому основателю республики» [18. С. 32]; «несколько интересных зданий» [18. С. 33]; «великолепное колоссальное здание американского конгресса, действительно поражает громадностью и великолепием архитектуры. Оно окружено парком, <...> летом, должно быть, порядочным» [18. С. 34]). Превалируют же негативные мотивы, характерные для репрезентации американской провинции у Армфельта – неприглядности, грязи, заурядности: «...я б никому не советовал ездить туда. Улицы уродливы и грязны, магазины те же что в Александрии, те же что в Петербурге на Васильевском острове. Город весь набит солдатами, улицы пусты» [18. С. 34], в данном случае американская столица сравнивается с «непарадным» пространством Своего – Васильевским островом, а не Невским проспектом, аналогом нью-йоркского Бродвея. Сходно остранено и описание локуса президентской резиденции, маркированной немасштабностью и заурядностью (наряду с умеренной привлекательностью): «Что же в нем особенного? думал я, когда увидел маленький красивый дом, окруженный парком, и пришел к тому заключению, что ровно ничего; только то, что тут живут президенты Соединенных Штатов» [18. С. 34]. Мотив простоты/демократичности проявлен и в открытости пространства дома (президента) внешнему влиянию: «по пятницам янки имеет право прийти к Президенту и протянуть ему руку» [18. С. 34].

Пространство исторической памяти в романовском травелоге выражено слабее, чем у Свинына [9. С. 101]. В фактографической манере сообщается лишь, что река Гудзон «была открыта в 1609 году датским мореплавателем Генрихом Гудзоном» [16. С. 194], Олбани же как «ровесник Нью-Йорка... основан вместе с ним голландцами в 1614 году, т.е. чрез 7 лет после первого плавания Генриха Гудзона по этой реке <...> Нью-Йорк назывался тогда Новый Амстердам, а Олбани был заложен сначала на острове <...> но чрез 9 лет на матером берегу был основан форт Orange, превратившийся потом в город Олбани» [16. С. 189]. Кроме

того, особо отмечен Вест-Пойнт как место, «около которого совершались все главные операции войны за независимость» [16. С. 194]. Здесь пространство исторической памяти зафиксировано в репрезентации целого ряда локусов: «остатки старинных фортов, “Сад Костюшко” с монументом в честь него, дом бывшего коменданта и проч.» [16. С. 194]. В тексте Армфельта пространство исторической памяти и вовсе отсутствует.

Таким образом, в рассмотренных нами русских травелогах 60-х гг. XIX в. пространственным центром является репрезентация Нью-Йорка. Общими элементами для текстов выступают также фактографическая манера повествования и ряд мотивов, характеризующих американское городское пространство в произведениях, а именно мотивы гигантизма, где именно масштаб локуса, например системы водоснабжения, служит отличительным признаком, делающим его уникальным в целом свете, а также наполненности движением и людьми, денег, торговли, индустриальности, техницисткой цивилизованности, сервиса (особенно при изображении гостиничных локусов), утилитарной целерациональности, сочетающиеся с мотивом некультурности, невоспитанности янки, что, в свою очередь, актуализирует мотивы неинтересности/скуки/заурядности, проявленные при описании провинциальных урбанистических топосов, культурных локусов музеев, театров и т.п. Кроме того, русские авторы часто прибегают к приемам сравнения, остранения и травестики при изображении американскости как более Чужого (воплощения пространства Нового Света) относительно менее Чужого (западноевропейскости как освоенного Чужого) и Своего (русскости), являющихся пространственными вариантами территории Старого Света. В связи с этим отметим, что особенно остранены и травестированы мотивы тотальной, всепроникающей рекламы, связанной с мотивом торговли, а также американского национализма/патриотизма и войны (как кажимости/наигранности/театральности).

В то же время существует ряд различий в изображении американских городов Романовым и Армфельтом. Первый делает акцент на репрезентации «непарадной» части Нью-Йорка, воплощенной в локусе гавани, который маркирован мотивами непривлекательности, торговли, утилитарности, грязи. Пространства деловых Сити и Уолл-стрит, а также роскошного Бродвея лишь обозначены в тексте. Также образ гавани соединяет в себе значения медиационности (посредством речной океанской и речной коммерции) и одновременно границы-«бордюра» внутреннего городского и внешнего пространств. Бродвей в данном контексте выступает также медиационным локусом, но уже в рамках самого топоса, соединяя деловые локусы Сити и Уолл-стрит с гаванью. Армфельт, напротив, больше описывает не техницистский и коммерческий, а «парадный» Нью-Йорк, зафиксированный в центральных локусах Бродвея, авеню и «именных» стритов. Они отмечены чертами привлекательности, роскоши, богатства и частично торговли (в описании локусов магазинов). Впрочем, нью-йоркская пространственность в

тексте «Корвета “Варяг”...» также амбивалентна и контрастна, что зафиксировано в локальных проявлениях мотивов привлекательности и непривлекательности, богатства и бедности в общем пространстве города. В целом, этот контраст в данном тексте выражен в репрезентации Нью-Йорка сильнее, чем в образе Петербурга. При этом мотивами чистоты и упорядоченности отмечены армфельтовские описания богоугодных заведений, не зафиксированных Романовым, что позволяет Армфельту маркировать Нью-Йорк отрицанием мотива нищеты. В романовском же тексте ярче проявлены мотивы новизны и фронта в изображении нью-йоркских окрестностей.

В целом, провинциальные городские топосы США, в отличие от Нью-Йорка, описаны обоими авторами слабо, составляя малоинтересную для них, семиотически не значимую периферию репрезентации американского урбанистического пространства, что порождает значительный нарративный дисбаланс. Романов делает

большой акцент на идиллической демиприродности подобных мест, представленных в общих чертах и сохраняющих связь с нью-йоркской пространственностью, т.е. образ Нью-Йорка довлеет над иными образами и примешивается к ним. Армфельт в своих описаниях чуть более подробен, при этом его репрезентации американской городской провинции критичней, в ней больше энтропийных, отрицательных черт (грязь, непривлекательность, заурядность, скука), в том числе связанных с вторжением пространства войны в жизнь американского Севера. С другой стороны, Романов, пусть отдельными чертами, но изображает американское пространство исторической памяти. В тексте же Армфельта оно фактически отсутствует, что соответствует русским культурным представлениям XIX в. о неисторичности или слабой историчности пространства США как своего рода *tabula rasa* Нового Света, которое, прежде всего, связано с современным нарратору темпоральным слоем.

Примечания

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источников приближены к современным. — *Авт.*

² Мотив привлекательности Нью-Йорка (а не его окружения) встречается у Романова единожды («Вид на реку здесь великолепен» [16. С. 188]), но при этом акцентировано не урбанистическое, а природное (речное) пространство.

³ Нью-Йоркский фрагмент текста Армфельта вообще несколько экспрессивнее, чем романовский травелог. Еще плывя в Америку нарратор предвкушает «приход в эту блаженную страну, в Нью-Йорк» [18. С. 9], что вносит в повествование мифопоэтические «райские» коннотации. Сцена расставания с городом носит намек на ониризм, перенесение в пространство грез о прошлом: «Я не уходил сверху пока мы не вышли из New-York-bay, и воспоминания дней, проведенных в Америке и уже потерянных безвозвратно, не переставали тревожить мое воображение. Я следил за скрывающимся берегом, пока он не утонул в горизонте, и никак не мог войти в свое настоящее положение: мне все казалось, что мы скоро вернемся в Нью-Йорк...» [18. С. 50]. В то же время пафос попадания в «блаженную страну» частично снижен глоттонией: наряду с предвкушением «удовольствий впереди: посмотреть Нью-Йорк, познакомиться с Новым светом», Армфельт ожидает пополнения скудных корабельных припасов: «солонина с макаронами, и макароны с солониной, да горох и капуста, да по праздникам кусочек поросенка в продолжении 50 дней, как хотите, надоест даже самому терпеливому немцу, а не только нам» [18. С. 10].

⁴ Таким образом, в пространстве Нью-Йорка отрицается всякая неутилитарность, в том числе гуляние ради удовольствия, как акт эстетического созерцания действительности и праздного времяпрепровождения.

⁵ Ср. гипертрофированную, гротескную образность американского флага в сочетании с «низкими», комическими образами знаменосца-северянина и знамени-одеяла: «...джентльмен с помятой физиономией, в форменном кепи, в кашне и коричневом пальто, нес такое большое знамя Американского Союза, что оно, наверное, могло бы служить одеялом всем 42 Soldiers» [16. С. 199]. В целом, войны-северяне, встречаемые нарратором, показаны травестийно-негативно: «кучка американского воинства» [16. С. 199]. В описании акцентированы мотивы игры-наигранности и фальши: «Музыка затянула фальшивый мотив, что-то среднее между полькой и маршем, из толпы выступило воинство» [16. С. 199]; «Многие, не расставаясь со своими ружьями <...> выделяли ими всякие штуки пред публикою, спускали курки (незаряженные), словом с полным самодовольством играли этой новой для них вещью пред всеми, как дети играют новыми игрушками. Многие принимали живописный и, как они, вероятно, воображали, воинственный вид, рисуясь у колонны или развалясь в кресле. Музыка... к всеобщему удовольствию публики несколько раз принималась играть Yankee Doodle, фальшивая немилосердно» [16. С. 200]. Образ янки у Армфельта также комически-остранен, снабжен мотивом кажимости, игры на публику, что подчеркнуто в травестийном описании локуса парикмахерской, где важность вида (внешне-телесное) скрывает внутреннее содержание или его отсутствие: «Посмотрите на этого янки, что уселся в углу на высочайшем кресле, и, задрав ноги к потолку, на нарочно устроенных подставах, превратно смотрит в зеркало; попробуйте угадать об чем он думает? занят ли он чем, решает ли он может быть судьбу Америки, мечтает ли он себя президентом, или он ни о чем не думает» [18. С. 18]. Встречаем у Армфельта и травестийные образы северян-военных, начиная с упоминания батальона, состоящего «из миллионеров и капиталистов» [18. С. 22] и заканчивая изображением «милиции»: «Говорить ли об этих войсках? как-то не хочется; <...> когда какой-то господин, прошедший... в восторг и от этой невидаль, обратился ко мне с наивным вопросом: видал ли я когда-нибудь такие полки, я <...> улыбнулся» [18. С. 21]. Трагикомично изображение ополчения, «пушечного и ружейного корма», отправляющегося на войну: «старый джентльмен в брыжах и цилиндре идет около того мальчишки с барабаном и вперил полубессмысленно глаза в кривобокого соседа с другой стороны» [18. С. 29]. В тексте Армфельта сильнее, чем у Романова, проявляются антивоенные настроения, показано отрицательное влияние войны, расчеловечивающей и искажающей принципы американского государства как пространства свободы и равенства: «Торжество республиканской партии, фактически доказанное избранием благородного Линкольна, хоть и доказывает, что эта великая идея одержала верх, но посмотрите, какими средствами оно должно торжествовать!» [18. С. 28]. Здесь же актуализирован и мотив театральности, т.е. войны как зрелища: рекрутов «ведут во Broadway напоказ публике» [18. С. 28–29].

⁶ Американская практичность означает не только умение проектировать инженерные сооружения, но и быстро создавать их, т.е. трансформировать пространство под свои нужды: «предвидимый недостаток воды породил уже новые... не проекты, а работы» [16. С. 192].

⁷ Америка вообще изображена Романовым как пространство техницистски-утилитарное и практически ориентированное, тяготеющее к упорядоченности и системности: «если что достойно изучения в Америке, так это система тюремного заключения, не говоря уже о практическом применении всех чистых наук к общежитию» [16. С. 201]. Кстати, автор особо упоминает тюремный локус: «на противоположном берегу Sing-Sing, где на берегу реки весьма заметна тюрьма Нью-Йоркского штата» [16. С. 190].

⁸ Ср. у Армфельта: «Brooklyn и Jersey можно назвать предместьями Нью-Йорка, хотя они каждый отдельно огромные города» [18. С. 15].

⁹ Мотив новизны встречаем и в армфельтовском описании Центрального парка как «еще только начинающего свое существование» [18. С. 16].

¹⁰ По меньшей мере, частично из фронтирности, недоупорядоченности, по Романову, проистекает сходство американского и русского пространств. Причем русскость выступает часто в вариантах сибирскости (русский восточный фронтир) или волжскости: «берег <...> окаймлен таким же русским или сибирским лесом» [16. С. 189]; «В американской сельской природе вы найдете больше сходства с Россией, чем с остальной Европой. Так и здесь: берега Гудзона в этом месте скорее напомнят вам родную Волгу в Ярославской и Костромской губерниях, чем европейские реки» [16. С. 196]; «река <...> у Ольбани... имеет вид Волги у Рыбинска» [16. С. 201].

¹¹ Ср. с фрагментом об одновременных похожести и непохожести Волги на Гудзон: «этим я нисколько не думаю уверять, что верхняя Волга похожа на Гудзон, который здесь в два или три раза шире ее. Но воспоминание о Волге делается еще сильнее, глядя на эту вереницу судов и пароходов, встречающихся по Гудзону, которую вы не увидите ни на одной из европейских рек – кроме Волги. Но надобно видеть какие гиганты-пароходы плавают здесь, в сравнении с судами нашей Волги» [16. С. 196].

¹² Единственной сферой, где американец изображен относительным джентльменом – это пространство дороги, что мы встречаем и у Свиньи [9. С. 99], и у Армфельта при описании нью-йоркского транспорта: «Вот леди какая-нибудь переходит улицу; ее ведет полисмен под руку, с палочкой в руке, и свистком останавливает все – и воз с товарами, обещанными к сроку, и дилижанс с нетерпеливыми пассажирами <...> этого нигде не увидите, кроме Америки. <...> входит леди, но уже как нарочно места нет; ближайший кавалер встает и, держась за поручни, простаивает всю дорогу; да еще леди ему дает 10 сентов, и он обязан прождать у колокольчика пока дадут сдачи. <...> выходит джентльмен – он (стежд-дилижанс. – Авт.) только поедет немного тише, выходит леди – опять full stop – что ни шаг – везде виден янки» [18. С. 18–19].

Список источников

1. Анциферов Н.П. Радость жизни былой... Проблема урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Новосибирск : Свинин и сыновья, 2014. 656 с.
2. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург ; Тарту, 1984. С. 30–45.
3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство–СПб, 2003. 617 с.
4. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : НГУ, 1999. 392 с.
5. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 436 с.
6. Рудикова Н.А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв. : диалог культур : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 222 с.
7. Жданов С.С. «Военно-ученый» Берлин: идеализированный образ прусской монархии в травелоге Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/489/1
8. Воробьева Л.В. Лондонский текст в творчестве Е.И. Замыatina как смоделированное пространство // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 15–19.
9. Жданов С.С., Федотова Н.В. Образ Нью-Йорка в путевой прозе П.П. Свиньи // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск : сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопропространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». Новосибирск: СГУГиТ, 2024. С. 97–104. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-97-104
10. Федотова Н.В. Образ американских городов в травелоге «По Америке. Поездка в Канаду и Соединенные Штаты» П.С. Алексеева // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск : УГУ, 2023. С. 306–309.
11. Головкин Э.М. Жанр путешествия в литературе первой половины XX века: образ Нью-Йорка в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского. Молодые ученые : сб. докл. Вып. 22. Благовещенск : БГПУ, 2022. С. 170–173.
12. Набилкина Л.Н. Американский город глазами Ильи Эренбурга и Виктора Некрасова // Приволжский научный вестник. 2013. № 8-2 (24). С. 119–123.
13. Аразова М.А. «Нью-Йорк – Питсбург» как итоговая поэма Ивана Елагина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2018. № 5. С. 63–71.
14. Набилкина Л.Н. Образ Нью-Йорка: гуманистический и отчужденный // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3 (28). С. 71–74.
15. Бутенина Е.М. Нью-йоркский текст современной русско-американской прозы // Studia litterarum. 2019. № 3. С. 158–171.
16. Романов Д. Река Гудзон // Морской сборник. 1862. Т. LVIII, № 3. С. 185–203.
17. Романов Д. Монреаль // Морской сборник. 1862. Т. LXI, № 8. С. 189–211.
18. Армфельт Г.Ф. Корвет «Варяг»: Воспоминания из кругосветного плавания. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 гг. СПб. : Тип. В. Веллингга, 1867. 267 с.
19. Westphal B. Geocriticism. Real and Fictional Spaces. London : Palgrave Macmillan, 2011. 192 p.

References

1. Antsiferov, N.P. (2014) *Radost' zhizni byloy... Problema urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy* [The Joy of Life Past... The Problem of Urbanism in Russian Fiction. An Attempt to Construct the Image of the City – Dostoevsky's Petersburg – Based on an Analysis of Literary Traditions]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya.
2. Lotman, Yu.M. (1984) *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The symbolism of Petersburg and the problems of urban semiotics]. *Uchenye zapiski Tartusko gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*. 18. pp. 30–45.
3. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPB.
4. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Salerno: Collana di Europa Orientalis.
6. Rudikova, N.A. (2011) *Obrazy Parizha v russkoy i frantsuzskoy literaturakh kontsa XVIII – serediny XIX vv.: dialog kul'tur* [Images of Paris in Russian and French literatures of the late 18th – mid-19th centuries: dialogue of cultures]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Zhdanov, S.S. (2023) "Military-scholar" Berlin: An idealized image of the Prussian monarchy in Nikolay Gertsch's travelogue "Real Journey to Germany in 1835". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/1
8. Vorob'eva, L.V. (2008) *Londonskiy tekst v tvorchestve E.I. Zamyatina kak smodelirovannoe prostranstvo* [The London text in the works of E.I. Zamyatin as a modeled space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 15–19.
9. Zhdanov, S.S. & Fedotova, N.V. (2024) [The Image of New York in the Travel Prose of P.P. Svinin]. *Interekspo GEO-Sibir'* [Inter Expo GEO-Siberia]. 20th International Congress. Vol. 5. Novosibirsk. 15–17 May 2024. Novosibirsk: Siberian State University of Geosystems and Technologies. pp. 97–104. (In Russian). doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-97-104
10. Fedotova, N.V. (2023) [The image of American cities in the travelogue Across America. A trip to Canada and the United States by P.S. Alekseev]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v kontekste mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva: opyt i perspektivy* [Strategies for Intercultural Interaction in the Context of the Global Educational Space: Experience and Prospects]. Proceedings of the 10th International Conference. Izhevsk. 21–22 November 2023. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 306–309. (In Russian).

11. Golovko, E.M (2022) [The genre of travel in the literature of the first half of the 20th century: the image of New York in the work of I. Ilf and E. Petrov One-Storied America]. *Chleniya pamyati professora Evgeniya Petrovicha Sychevskogo. Molodye uchenye* [Readings in Memory of Professor Evgeny Petrovich Sychevsky. Young Researchers]. Proceedings of the Conference. Vol. 22. Blagoveshchensk. 1 March 2022. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 170–173. (In Russian).
 12. Nabilkina, L.N (2013) Amerikanskiy gorod glazami Il'i Erenburga i Viktora Nekrasova [The American city through the eyes of Ilya Ehrenburg and Viktor Nekrasov]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 8-2 (24). pp. 119–123.
 13. Arazova, M.A (2018) "N'yu-York – Pittsburgh" kak itogovaya poema Ivana Elagina ["New York – Pittsburgh" as Ivan Elagin's Final Poem]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 5. pp. 63–71.
 14. Nabilkina, L.N (2011) Obraz N'yu-Yorka: gumanisticheskiy i otchuzhdennyy [The image of New York: humanistic and alienated]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (28). pp. 71–74.
 15. Butenina, E.M (2019) N'yu-yorkskiy tekst sovremennoy russko-amerikanskoy prozy [The New York text of contemporary Russian-American prose]. *Studia litterarum*. 3. pp. 158–171.
 16. Romanov, D (1862) Reka Gudzon [The Hudson River]. *Morskoy sbornik*. 3 (58). pp. 185–203.
 17. Romanov, D (1862) Monreal' [Montreal]. *Morskoy sbornik*. 8 (61). pp. 189–211.
 18. Armfel't, G.F (1867) *Korvet "Varyag": Vospominaniya iz krugosvetnogo plavaniya. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 gg.* [Corvette Varyag: Memories from a Round-the-World Voyage. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867]. Saint Petersburg: Tip. V. Vellinga.
- Westphal, B (2011) *Geocriticism. Real and Fictional Spaces*. London: Palgrave Macmillan.

Информация об авторах:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Федотова Н.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: nf2363@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

N.V. Fedotova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nf2363@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 03.03.2025;
approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.17223/15617793/517/4

От множественности трактовок к синтезу: как определить русскоязычную литературу?

Саодат Эргашевна Камилова¹, Охида Бахтиёровна Юлдашева²

^{1,2} Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

¹ saodatkame@mail.ru

² ohishka15@mail.ru

Аннотация. Исследуется понятие «русскоязычная литература» как культурный, институциональный и художественный феномен. Акцент сделан на сопоставлении теоретических подходов, анализ институциональной представленности и критическом рассмотрении терминологических моделей. Вводится авторская классификация русскоязычной литературы на основе геокультурного, институционального и жанрового признаков. Также рассматриваются примеры художественных произведений, демонстрирующих транскультурную специфику, и проводится сопоставление с другими п-язычными литературными системами (англоязычной, франкоязычной и др.).

Ключевые слова: русскоязычная литература, транскультурализм, институционализация, п-язычная литература, литературная политика, транснациональность

Для цитирования: Камилова С.Э., Юлдашева О.Б. От множественности трактовок к синтезу: как определить русскоязычную литературу? // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 45–52. doi: 10.17223/15617793/517/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/4

From multiple interpretations to synthesis: How to define "Russian-language literature"?

Saodat E. Kamilova¹, Ohida B. Yuldasheva²

^{1,2} National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

¹ saodatkame@mail.ru

² ohishka15@mail.ru

Abstract. The article explores the complexity of Russian-language literature in the context of globalization and intercultural interaction. The authors aim to integrate various approaches into a comprehensive concept that reflects the multifaceted nature of cultural identities and literary traditions. The relevance of this study lies in the growing importance of the Russian language as a mediator between cultures in the post-Soviet space. The research is based on Russian-language literary texts authored by writers of diverse nationalities, including those from Russia, Central Asia, and other regions. These works illustrate how national traditions, globalization, and personal identities intertwine to form a rich and diverse literary landscape. In this context, the Russian language functions not only as a means of communication but also as a symbol of cultural synthesis. The research methods applied in the study include typological, comparative-analytical, and hermeneutic approaches. Particular attention is paid to the evolution of terminology and the concepts related to transculturalism and identity. The study also discusses how social and historical transformations influence the self-identification of Russian-language authors and their literary characters. The research process traces the evolution of perspectives on Russian-language literature – from its perception as a phenomenon of diaspora to its recognition as an independent literary tradition. Examples from literary texts demonstrate how the themes of globalization, internal conflicts, and identity searches are reflected in the narratives. The authors reveal the connection between individual experiences and social contexts, emphasizing the significance of cultural memory. As a result, the authors conclude that Russian-language literature represents a hybrid cultural phenomenon combining national and global elements. It serves as a crucial tool for intercultural dialogue and creates a unique literary space where tradition and innovation intersect. The study highlights the importance of adopting a comprehensive approach to the analysis of Russian-language literature, taking into account cultural diversity and historical dynamics. The overall conclusion emphasizes that Russian-language literature is not only a literary phenomenon but also a reflection of broader social and cultural processes. The authors argue that this literature contributes to a deeper understanding of the relationship between identity, language, and culture in the context of globalization.

Keywords: Russian-language literature, national literature, term, transculturalism

For citation: Kamilova, S.E. & Yuldasheva, O.B. (2025) From multiple interpretations to synthesis: How to define "Russian-language literature"? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 45–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/4

В условиях глобализации и активных межкультурных взаимодействий вопрос определения русскоязычной литературы приобретает особую значимость. Русскоязычная литература, будучи результатом сложного синтеза культурных, исторических и национальных традиций, выходит за рамки одной национальной культуры, отражая многообразие идентичностей и транснациональных связей. В постсоветский период термин «русскоязычная литература» стал не только предметом активных дискуссий, но и важной категорией для понимания современной литературной картины, охватывающей как Россию, так и страны ближнего и дальнего зарубежья.

Актуальность данного исследования обусловлена неоднозначностью и многоаспектностью трактовок этого термина в литературоведении. Русскоязычная литература включает в себя произведения авторов различных национальностей, культур и социальных контекстов, что порождает вопросы о границах, идентичности и принадлежности этих текстов. Являясь продуктом поликультурного диалога, эта литература формирует уникальное художественное пространство, где сочетаются элементы национального и универсального, локального и глобального.

Важность изучения данного явления также связана с его влиянием на формирование современных литературных процессов. Исследование русскоязычной литературы позволяет выявить, каким образом язык становится не только средством выражения, но и носителем культурной памяти, идентичности и мировоззрения авторов. Кроме того, анализ терминологических подходов к определению данного понятия способствует более глубокому пониманию межкультурных взаимодействий, трансформации жанров и восприятия культурных кодов в современном литературном процессе.

Таким образом, обращение к понятию «русскоязычная литература» как к предмету исследования необходимо не только для уточнения теоретических рамок, но и для осмысления механизмов культурной коммуникации, художественного производства и институциональной поддержки.

Цель статьи – не столько определить термин, сколько исследовать его функционирование в различных национальных, культурных и институциональных контекстах, а также предложить авторскую модель понимания русскоязычной литературы.

История появления термина «русскоязычная литература» тесно связана со спецификой государственного устройства России. Дело в том, что Россия издревле представляла собой национальный микс, многообразие народностей: «В новое время (с XVIII века) наиболее пестрым по этническому составу государственным образованием была Россия: на ее просторах волею истории сошлись славянские, тюркские, финно-угорские, кавказские народы и масса малых народностей, здесь была самая крупная в мире часть еврейской диаспоры» [1. С. 19]. Взаимосвязь между этническими культурами внутри одной страны осуществлялась как через русскую культуру, так и через свою национальную. До середины XIX в. вопрос о принадлежности к русской литературе произведений национальных меньшинств в России практически не ставился и

только, в конце XIX в., как утверждает Ш. Маркиш, «появляется русско-еврейская литература, хронологически первая нерусская ветвь в российской словесности для разграничения от русской литературы (исконно русской литературы)» [2. С. 4–5].

После образования СССР (1922 г.) формируется межкультурная общность, именуемая «советская литература». Именно в это время в братских республиках сначала появляется русская литература, за счёт тех писателей и поэтов, которые переехали из России и остались поднимать национальную литературу на должный уровень, а затем сформировалась целая плеяда художников слова, которые, будучи не русскими по национальности, создавали художественные тексты на русском языке. В советское время таких писателей и поэтов (только их, но и всех) называли «советский писатель/поэт/драматург». Поэтому термин «русскоязычная литература» и связанные с ним понятия «русскоязычный писатель/поэт/драматург» появились после развала Советского Союза. Следует отметить, что словосочетания «русскоязычная литература» и «русскоязычный писатель» были употреблены В. Курицыным при характеристике первого русского постмодерниста В. Набокова [3. С. 226]. Затем в статье К. Парте «Что делает писателя «русским»?» [4. С. 83–120], они уже используются как термины. При этом К. Парте считает, что «термин русскоязычный сам временами становится проблематичным» [4. С. 83–120].

На рубеже XX–XXI вв. вопрос идентификации писателей становится актуальным. В литературоведении наряду с термином «русскоязычная литература» репрезентируются понятия «транскультурная литература», «литература русофонии», «мультикультурная литература».

Так, по мнению А.Н. Набиуллиной [5], З.Ж. Пардаевой [6], Ж.В. Бурцевой [7], Д.Н. Новохатского [8] и других, «транскультурная литература имеет точки соприкосновения с “национальной” литературой и в то же время отличается от нее, поскольку отражает причастность автора к разным национальным и культурным традициям. Транскультурная литература соотносится и с понятием “региональная (или зональная) литература”, поскольку в ней проявляются общие закономерности и тенденции этого варианта историко-литературного процесса, действующие в рамках того или иного межлитературного объединения силы притяжения и отталкивания. В то же время транскультурная литература является уникальной составляющей мировой литературы» [5. С. 10]. Данная концепция видится перспективной, в силу того что, согласно логике исследователей, транскультурная литература – объемное понятие, включающее в себя культуру-доминанта и национальную культуру страны проживания. В данном контексте русскоязычная литература – это разновидность транскультурной литературы, где доминантой будет русская литература.

«Литература русофонии», согласно концепции Н.Б. Кэффи, есть художественные тексты, написанные на русском языке, к которым относятся «а) русскоязычные тексты, написанные авторами, которые не относят себя к русским; ко второй – относятся русскоязычные тексты, написанные и опубликованные за

пределами Российской Федерации авторами любой национальности (в том числе русскими); третья – включает двуязычное или многоязычное письмо и автоперевод (self-translation)» [9. С. 472–473]. Примечательно то, что схожую классификацию даёт В.И. Шульженко «литературе на русском языке»:

«– россияне, не являющимися по национальности русскими;

– русскими по происхождению, проживающими вне своей исторической родины;

– мигранты из бывших Союзных республик (русские и не русские);

– их соплеменники, оставшиеся жить в места своего рождения за пределами Российской Федерации;

– нерусские граждане этих новых государственных образований» [10. С. 79–80].

При этом для исследователя литература на русском языке и русскоязычная литература являются синонимичными понятиями.

Следует подчеркнуть, что институциональное оформление русскоязычной литературы отстаёт от литературных реалий. В отличие от англоязычной и франкоязычной литературы, которая поддерживается фондами (Commonwealth Foundation, Organisation internationale de la Francophonie), премиями (Booker Prize, Prix Goncourt) и специализированными журналами, в русскоязычном пространстве наблюдается фрагментарная поддержка. «Русская премия», «Дар», платформа «Проза.ру» и инициативы журналов «Дружба народов», «Интерпоэзия» играют важную роль, но не охватывают весь спектр русскоязычного литературного производства за рубежом.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что литература русофонии синонимична русскоязычной литературе и литературе на русском языке. На это указывает и Н.И. Нефёдова: «К литературе русофонии можно относить тексты, написанные на русском языке нерусскими по национальной, этнической или гражданской принадлежности авторами» [9. С. 474–475]. Что касается термина «мультикультурная литература», то М.В. Тлостанова причисляет к данному понятию как русскоязычную литературу, так и литературу народов России. В России мультикультурная модель активно реализуется в словесном искусстве. Так, литература малых народов, населяющих Российскую Федерацию, русскоязычная литература наряду с исконно русской является приметой сегодняшнего дня [11].

Таким образом, транскультурная литература, мультикультурная литература, литература русофонии тесно связаны с понятием «русскоязычная литература». И можно сделать предположение, что исторически первым является именно термин «русскоязычная литература».

Для уточнения исследовательской позиции предлагаем рабочую типологию русскоязычной литературы:

– по геокультурному признаку: внутрироссийская, постсоветская, дальнезарубежная;

– по институциональному: интегрированная в национальную литературную систему (например, в Узбекистане или Казахстане), частично признанная, маргинализируемая;

– по жанровому: мейнстримная, региональная, экспериментальная (в том числе билингвальная литература и авто-переводы).

Эта классификация позволяет более гибко подойти к анализу художественных текстов и их положения в литературном процессе.

Толкование данного термина в литературоведении носит полемический характер. Так, по мнению австралийского ученого Т. Бонч-Осмоловской [12], эстонских исследователей О. Майера, В. Ильяшевича [13] «русскоязычная литература» как понятия нет. Иными словами, произведения, созданные вне исторической родины, представляют собой литературу эмиграции. В частности, произведения эмигрировавших писателей и поэтов, пишущих на русском языке, называют русской литературой Австралии или русской литературой Эстонии, основываясь на языковом факторе бытования данной литературы.

Немецкий ученый Е. Зейферт, анализируя творчество писателей, живущих в Германии и пишущих на русском языке, подразделяет их на три группы. К первой группе он относит творчество эмигрантских авторов, использующих русский язык как рабочий, но не перечисляющих себя ни к русской, ни к другой культуре; ко второй группе – художников, не утративших тесную связь с русской культурой и литературой, но вынужденно оказавшихся на чужбине. Писателей данной группы ученый называет «единичными русскоязычными авторами» [14]. К третьей группе относится большая часть писателей, коренных немцев, живших долгое время на территории России, и затем вернувшихся в Германию. Писателей данной группы исследователь называет «двуязычные авторы», так как они пишут как на русском, так и на немецком языках.

Т.В. Цивьян считает, что «русскоязычный художественный текст – всегда пограничная литература, это всегда сплав русской и иной национальной культуры» [15. С. 21].

Израильские литературоведы Д. Маркиш, Б. Львов-Рогачевский предпочитают термин «русская литература Израиля», а русскоязычный писатель А. Иличевский, проживающий в Израиле, не причисляет себя к какой-либо определённой литературе и считает, что его творчество – «для всего мира обо всем мире» [16].

Таким образом, как справедливо отмечает А.М. Балтабаева, в западноевропейском научном дискурсе «литература на русском языке на территории дальнего зарубежья не представляет сколько-нибудь самостоятельного явления и отличается лишь языком написания» [17. С. 32].

Наибольшую актуализацию термин «русскоязычная литература» получил в постсоветском литературоведении.

Так, армянский филолог Е. Шуваева-Петросян [18], белорусские ученые и писатели О. Лавшук, Е. Крикливец, А. Аврутин [19], А. Андреев [20], украинский переводчик и писатель С. Курганов [21], исследователи дагестанской литературы Ш.А. Мазанов, М. Муслимов [22], якутский исследователь Ж.В. Бурцева [23], российский писатель И. Панин [22] считают, что «русскоязычная литература – это пограничная литература,

являющаяся частью литературного процесса как русской литературы, так и национальной литературы». Следует отметить, что выделяют только один критерий – язык художественного произведения.

Казахский писатель С. Муминов [22], казахстанский филолог М.А. Логинова [23. С. 24], белорусский литературовед У.Ю. Верина [24. С. 84] считают, что это сплав русской и национальной литературы – репрезентация национальной литературы через призму традиций русской литературы и культуры. А.В. Подобрый считает, что «русскоязычная литература – одна из ветвей “пограничных” национальных литератур, созданная для исследования поликультурных текстов, написанных на русском языке, и отказывается от понятий “русско-украинская”, “русско-еврейская” литература, считая, что “русскоязычная литература” – понятие более широкое, включающее в себя все “инокультурные” литературные ветви на русском языке». При этом исследователь выделяет два маркера: «...язык, на котором написан текст, – это базовое понятие, а те культуры, на которые язык ориентирован, это видовое понятие» [25. С. 84]. Профессор В. Гниломедов [26. С. 84] считает, что в основе терминов «русская литература» и «русскоязычная литература» лежит одна языковая сущность (лексема), и предлагает считать данные термины синонимами, а исследователи У.В. Овченко, И.В. Манисова полагают, что «к русскоязычным относятся писатели-билингвы, то есть этнические казахи, пишущие на русском языке, а к русским – этнические русские, пишущие на своем родном языке» [27. С. 234–235]. Данное утверждение является спорным, так как писатели, русские по происхождению, не живущие в России, не вовлечены в русский литературный процесс, с их творчеством мало знаком российский читатель, о них не пишет русская литературная критика.

Примером транскультурной русскоязычной прозы может служить роман Сухбата Афлатуни «Ташкентский роман». В этом тексте соединяются исламские культурные коды, советская урбанистика и модернистская игра с текстом. Язык как будто держит равновесие между персидской миниатюрой и московским метром. Именно так можно метафорически точно отразить двойную принадлежность текста. Автор использует архетипы и топосы родного города, но в конструкции русского литературного языка, демонстрируя полную реализацию «русскоязычного ренессанса».

Таким образом, исследователи постсоветского пространства активно используют термин «русскоязычная литература» выделяя его пограничный характер, языковую принадлежность, связь с русской литературной традицией.

Вопрос дифференциации понятий «русская литература» и «русскоязычная литература» ставит в своей статье Н.Л. Лейдерман [1], где исторический экскурс позволил ученому дать полную характеристику не только термина «русскоязычная литература», но и методики изучения данной художественной системы. Так, согласно точке зрения Н.Л. Лейдермана, «любое “русскоязычное” произведение диалогично по существу: по меньшей мере, в нем происходит диалог одной национальной культуры, которая непосредственно запечатлена в предметном мире, в сюжетно-композиционной системе произведения, с другой – национальной

культурой, которая присутствует как бы в снятом виде – в формах речи, корректирующих работу художественного сознания. Поэтому “русскоязычный” художественный текст – это всегда пограничная литература, это всегда сплав русской и иной национальных культур» [1. С. 20]. При этом Лейдерман выделяет принципы создания русскоязычного текста, базирующегося на макроуровне и микроуровне: «Макроуровень – это уровень художественного образа мира, который является наглядно-чувственным воплощением авторской эстетической концепции действительности. А микроуровень – это уровень образных ассоциаций, на основании которых строится подсистема выразительных средств (прежде всего – тропов)» [1. С. 21]. Также Н.Л. Лейдерман выделяет ряд разнообразных способов конструирования «синкретической» модели мира в русскоязычной прозе, таких как «использование “инонациональных” вставных жанров; своеобразный обмен (рокировка) национальных сюжетных архетипов; диалогическое соотношение между национальным топосом и топосом всей страны; соположение национальных архетипических символов; контаминация русского литературного и инонационального фольклорного жанра» [1. С. 23].

При всей ценности концепции Н.Л. Лейдермана, фокус на бинарности русской и иной национальной культуры предполагает, что автор все время внутренне расколот между двумя идентичностями, что не всегда отражает реальные творческие стратегии современных писателей. Например, тексты авторов нового поколения (в том числе в Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане и Казахстане) нередко демонстрируют синтез идентичностей, не поддающийся простому дихотомическому делению. Кроме того, концепция «пограничности» может затемнять случаи, когда русскоязычный автор абсолютно интегрирован в национальный литературный процесс и не ощущает себя участником «двойного» диалога. Таким образом, подход Лейдермана представляется продуктивным, но нуждающимся в уточнении и дополнении с учётом социокультурной динамики последних десятилетий.

В отличие от обобщающих подходов Н.Л. Лейдермана, настоящая статья сосредоточивается на детализации многообразия русскоязычной литературы и предлагает операциональную модель анализа: через сочетание географического, институционального и художественно-стилевого уровней. Таким образом, статья расширяет предыдущие концепции, уточняя, как литературный текст может быть русскоязычным» но не входить в русскую литературу.

В узбекском литературоведении интерес к русскоязычной литературе начиная с середины XX в. достаточно устойчив, поскольку «русскоязычие – это осознанный выбор языка самовыражения независимо от того, родной он или нет» [28. С. 156]. Следует отметить, что единого мнения среди узбекистанских ученых относительно термина «русскоязычная литература» до сих пор нет. Так, Б. Голендер отвергает понятие «русскоязычная литература» [29]. Он выделяет только три термина: 1) «российская литература» как политический термин; 2) «русская литература» как термин искусства и

русская литература определенной страны, где она существует. Например, русская литература в Казахстане или русская литература Казахстана.

Узбекистанский писатель С. Афлатуни (Е. Абдуллаев) [30] тоже отвергает понятие «русскоязычная литература» и считает этот термин неудачным и относит русскоязычную литературу к русской литературе Узбекистана.

В отличие от Б. Голендера и С. Афлатуни К. Султанов считает, что русскоязычная литература – это одна из ветвей русской литературы, и рассматривает русскоязычную литературу как культурный феномен: «Мы рассматриваем русскоязычную национальную, т.е. нерусскую, литературу или русскоязычный текст этнически нерусского автора, опираясь на два основополагающих тезиса: принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения» [28. С. 155]. По мнению исследователя, «принципиальный признак русскоязычия – единственность языка творчества» [28. С. 156]. Также в статье вводится понятие «русскоязычный ренессанс», который, согласно точке зрения автора, заявил о себе в постсоветский период, «когда никому ничего не навязывал, когда утратили смысл разговоры на местах о добровольно-принудительном изучении русского языка. Активизация русскоязычной литературной практики за пределами России – самое, может быть, выразительное свидетельство многозначительного несовпадения культурных границ с границами государственными, что само по себе становится проблемой первостепенной важности» [28. С. 160].

Поэт В. Муратханов отвергает термин «русская литература» по отношению к произведениям авторов, которые не являются русскими по происхождению, но используют русский язык в своем творчестве: «Шамшад Абдуллаев, Ахунов, Афлатуни – представляют собой новую формацию литераторов; они пишут на русском, но то, как и о чем они пишут, трудно отнести к русской литературе и по стилистике, и по духу, и по ментальности» [31. С. 117, 120, 202].

Э.Ф. Шафранская русскоязычную литературу считает «частью всемирного литературного процесса, которая требует нового подхода и осмысления» [32. С. 35], и указывает на языковой и культурный признак данной литературы.

М.П. Жигалова вслед за другими учёными, характеризуя термин «русскоязычная литература», даёт следующее определение: «...говоря о русскоязычной литературе <...> мы имеем в виду литературу писателей, принадлежащих ко многим этносам, в силу жизненных обстоятельств живущих в разных странах, но пишущих и издающих свои произведения на русском языке» [33. С. 108].

Г.Т. Гарипова, исследуя современный литературный процесс Узбекистана, утверждает, что «“русскоязычная литература Узбекистана”, существовала всегда в рамках узбекского литературного процесса XX в. (примером приводит творчество С. Бородин, З. Тумановой, Н. Красильникова и пр.)» [34].

Исследованием русскоязычной прозы занимаются ученые С.Э. Камилова, О.Н. Гибралтарская, Е.М. Каминская, З.Ж. Пардаева, которые считают, что русскоязычная литература представляет собой массив художественных текстов, написанных на русском языке писателями и поэтами, проживающими на территории современного Узбекистана [35], и выделяют в современном литературном процессе Узбекистана еще один признак как составляющую часть русскоязычной литературы – «проблемы перевода художественной прозы с узбекского на русский язык» [36].

А.М. Балтабаева в диссертации «Развитие жанра повести в русскоязычной литературе Узбекистана», опираясь на исследования указанных ученых, дает свое рабочее определение: «Русскоязычная литература Узбекистана – это литературный феномен, возникший на советском, а сформировавшийся как литературная школа на постсоветском пространстве в силу специфических социокультурных, политических, общественных процессов и синтезировавший традиции русской и узбекской литератур. Русскоязычная литература Узбекистана – это наднациональное понятие, главными критериями его являются язык создания художественного текста, место проживания автора (а следовательно, и создания произведения) независимо от его национальной принадлежности, особый тип авторского художественного самосознания, определяющего его творческий почерк. Русскоязычная литература Узбекистана развивается в литературном пространстве страны» [17. С. 40]. Следует полностью согласиться с данным определением и добавить, что русскоязычная литература имеет зональный характер (согласно концепции И.Г. Неупокоевой) [37], в частности, русскоязычная литература Средней Азии иллюстрирует как общие закономерности, так и отличительные особенности.

Таким образом, русскоязычная литература Средней Азии – это зональная литература, вбирающая в себя традиции русской и среднеазиатской (восточной) литературы. Русскоязычными среднеазиатскими писателями являются художники слова, которые вне зависимости от этноса, вероисповедания создали книги на русском языке на момент проживания в Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан).

Таким образом, проведенный анализ научных подходов позволяет определить русскоязычную литературу как многомерное явление, возникшее на пересечении культурных, языковых и национальных традиций. Это не просто совокупность текстов на русском языке, а особая художественная система, формирующаяся в условиях диалога между различными культурными мирами. Появление термина связано с постсоветской эпохой, когда литература, создаваемая на русском языке за пределами России, требовала новой идентификации. Русский язык здесь становится не только средством выражения, но и инструментом культурной самоидентификации для авторов, интегрирующих в свои произведения локальные ментальные коды, этнические архетипы и специфику национального мировосприятия. Ключевой особенностью русскоязычной литературы является её пограничная природа – существование на стыке русской культуры и культур

стран, где создаются тексты. Это порождает транскультурный синтез, где универсальное взаимодействует с уникальным. В Средней Азии, например, такая литература отражает как общие закономерности развития словесности, так и региональную специфику, формируемую историей, традициями и социальным контекстом.

Таким образом, русскоязычная литература – явление, в равной мере принадлежащее как русской литературной традиции, так и национальным культурам стран ближнего зарубежья; она не периферия «большой» русской традиции, но лаборатория новой антропологии, где переосмысливаются границы между национальным и транскультурным. Её эволюция в XXI в. подтверждает: это динамичная система, где язык становится пространством смыслопорождения, а не этнической маркировкой. Её изучение требует учёта множества факторов: от историко-политических процессов до социолингвистических особенностей.

Русскоязычная литература отличается от других н-язычных систем, прежде всего, отсутствием централизованной институциональной поддержки, что делает её развитие зависимым от индивидуальных стратегий авторов и локальных инициатив. В отличие от латинской или арабоязычной литературы прошлого, где язык служил наднациональной парадигмой власти, русскоязычная литература XXI в. – это платформа художественного выбора, межкультурной игры и культурного синтеза. Необходимо пересмотреть литературную политику по отношению к русскоязычным авторам за пределами России, включая их в образовательный, издательский и медийный дискурс. Только тогда русскоязычная литература сможет обрести устойчивый статус не как переходный этап, а как полноценный сегмент мировой словесности. Термин сохраняет актуальность, эволюционируя вместе с меняющимися реалиями глобального культурного диалога.

Список источников

1. Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 19–24.
2. Маркиш Ш. О русскоязычии и русскоязычных // Литературная газета. 1990. С. 4–5.
3. Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. 1992. № 2. С. 225–232.
4. Парте К. Что делает писателя «русским»? («Русификация» русской литературы после 1985 года) // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 83–120.
5. Набиуллина А.Н. Феномен транскulturации в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абуязрова, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина, А. Хаирова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 24 с.
6. Пардаева З. Вопросы транскультурной парадигмы в мировой литературе // Актуальное в филологии. 2020. № 3. С. 27–36.
7. Бурцева Ж.В. Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2008. 26 с.
8. Новохатский Д.Н. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Eslavo. 2019. № 18. С. 74–91.
9. Нефёдова Н.И. Литература русофонии // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. № 3. С. 468–476.
10. Шульженко В.И. Современная литература на русском языке в контексте традиций отечественной классики и межкультурной интеграции в XXI веке // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 79–88.
11. Глостанова М.В. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 1. С. 106–123.
12. Бонч-Осмаловская Т. На краю красной пустыни // Знамя. 2008. № 6. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3617>
13. Майер О., Ильяшевич В. Русская литература Эстонии сегодня. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2016/2/russkaya-literatura-estonii-segodnya.html>
14. Зейферт Е. Литература российских немцев в германии: особенности современного развития. URL: <http://rd-zeitung.eu/ru/литература-российских-немцев-в-герма/>
15. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. 210 с.
16. Мамедов А. Рубина, Иличевский, Маркиш, Юдсон, Шехтер – о русскоязычной израильской литературе // Лабиринт. URL: <https://www.labyrinth.ru/now/o-russkoyazychnoy-izraiskoy-literature-mamedov/>
17. Балтабаева А.М. Развитие жанра повести в русскоязычной литературе Узбекистана : автореф. дис. ... д-ра философии PhD. Ташкент, 2020. 28 с.
18. Шуваева-Петросян Е. Не в изгнании, а в гармонии. О русскоязычной литературе Армении. URL: <https://www.shuvaeva.info/search/label/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8>
19. Сердюкова Е.И. Русскоязычная литература Беларуси: история и логика развития. Проблема периодизации // Вестник МДПУ имі І.П. Шамякіна. Минск, 2014. С. 134–138.
20. Андреев А. Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления // ЛитКритика.by / Белорусский литературный портал. URL: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>
21. Булкина И. Русская литература: вчера, сегодня, завтра // Гефтер. 09.03.2016. URL: <http://gefter.ru/archive/17745>
22. «Форма духа» или «диктат языка»? Круглый стол о русскоязычной литературе // День и ночь. 2012. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/din/2012/3/forma-duha-ili-diktat-yazyka.html>
23. Логинова М.А. Этнокультурный хронотоп малой русскоязычной прозы писателей Казахстана конца XX – начала XXI века : дис. ... канд. филол. наук. Урал, 2018. 160 с.
24. Верина У.Ю. Русскоязычная поэзия Беларуси: территория умолчания, повторения, творения // Уральский филологический вестник. 2013. № 2. С. 129–142.
25. Подобрий А.В. К вопросу о понятиях «Русскоязычная литература» и «Национальная атрибуция писателя» // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. С. 82–84.
26. Гниломедов В. На рубеже времен: русскоязычная поэзия Беларуси. Минск, 2013. 175 с.
27. Овченко У.В., Монисова И.В. Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25, № 2. С. 234–246. doi: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
28. Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Ломоносовские чтения : междунар. конф. 2016. С. 154–162. URL: http://stephanos.ru/izd/2016/11_2016_17-2.pdf

29. Кудряшов А. Русская литература Центральной Азии: пути и перспективы. Материалы круглого стола. Ташкент, 2003. URL: <https://www.fergananews.com/articles/2413>
30. Абдуллаев Е. Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения // Вопросы литературы. 2006. № 3. URL: <https://voplit.ru/article/sovremennaya-russkaya-literatura-sredney-azii-sluchaj-mnogosloynnog-o-otrazheniya/>
31. Муратханов В. К вопросу о «Школе» // Малый шелковый путь : Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент : Фан, 2004. С. 117–202.
32. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика инокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв. : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 482 с.
33. Жигалова М.П. Этнокультурность и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов белорусско-польского пограничья // Русская культура в системе межкультурных коммуникаций XXI века : современное состояние и перспективы развития. Ташкент, 2013. С. 106–124.
34. Гарипова Г.Т. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI веков. URL: <https://ziyouz.uz/ru/2012-09-02-11-30-49/49-2012-09-02-10-46-12/977-i->
35. Русскоязычная литература Узбекистана / под общ. ред. С.Э. Камиловой. Нижний Новгород : НИЦ «Открытое знание», 2022. 133 с.
36. Гибралтарская О.Н., Камилова С.Э. Специфика передачи индивидуального стиля писателя при переводе художественной прозы с узбекского на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 12 (805). С. 116–125.
37. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М. : Наука, 1976. 360 с.

References

1. Leyderman, N.L. (2015) Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur [Russian-language literature – a crossroads of cultures]. *Filologicheskii klass.* 3 (41). pp. 19–24.
2. Markish, Sh. (1990) O russkoyazychii i russkoyazychnykh [On the Russian language and Russian-speakers]. *Literaturnaya gazeta*. 12 December. pp. 4–5.
3. Kuritsyn, V. (1992) Postmodernizm: novaya pervobytnaya kul'tura [Postmodernism: a new primitive culture]. *Novyy mir*. 2. pp. 225–232.
4. Parte, K. (1996) Chto delaet pisatelya "russkim"? ("Russifikatsiya" russkoy literatury posle 1985 goda) [What makes a writer "Russian"? ("Russification" of Russian literature after 1985)]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 83–120.
5. Nabiullina, A.N. (2023) *Fenomen transkul'turatsii v sovremennoy russkoyazychnoy proze (na materiale proizvedeniy I. Abuzyarova, G. Yakhinoy, Sh. Idiatullina, A. Khairova)* [The phenomenon of transculturation in contemporary Russian-language prose (based on the works of I. Abuzyarov, G. Yakhina, Sh. Idiatullin, A. Khairov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
6. Pardaeva, Z. (2020) Voprosy transkul'turnoy paradigmy v mirovoy literature [Issues of the Transcultural Paradigm in World Literature]. *Aktual'noe v filologii*. 3. pp. 27–36.
7. Burtseva, Zh.V. (2008) *Transkul'turnaya model' yakutskoy russkoyazychnoy literatury: khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [Transcultural model of Yakut Russian-language literature: artistic and aesthetic features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yakutsk.
8. Novokhatskiy, D.N. (2019) Transkul'turnyy tekst i tendentsii russkogo literaturnogo meynstrima: "Tashkentskiy roman" Sukhbata Aflatuni [Transcultural text and trends of the Russian literary mainstream: Sukhbat Aflatuni's Tashkent Novel]. *Mundo Eslavo*. 18. pp. 74–91.
9. Nefedova, N.I. (2022) Literatura rusofonii [Literature of the Russophonia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 3. pp. 468–476.
10. Shul'zhenko, V.I. (2018) Sovremennaya literatura na russkom yazyke v kontekste traditsiy otechestvennoy klassiki i mezhkul'turnoy integratsii v XXI veke [Contemporary literature in Russian in the context of the traditions of Russian classics and intercultural integration in the 21st century]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 79–88.
11. Tlostanova, M.V. (2006) Multikul'turalizm: porozhdenie ili al'ternativa globalizatsii? [Multiculturalism: A product of or an alternative to globalization?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*. 1. pp. 106–123.
12. Bonch-Osmalovskaya, T. (2008) Na krayu krasnoy pustyni [On the edge of the red desert]. *Znamya*. 6. [Online] Available from: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3617>.
13. Mayer, O. & Illyashevich, V. (2016) *Russkaya literatura Estonii segodnya* [Russian Literature of Estonia Today]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2016/2/russkaya-literatura-estonii-segodnya.html>.
14. Zeyfert, E. (n.d.) Literatura rossiyskikh nemtsev v germanii: osobennosti sovremennoy razvitiya [Literature of Russian Germans in Germany: features of modern development]. [Online] Available from: <http://rd-zeitung.eu/ru/literatura-rossiyskikh-nemtsev-v-germa/>.
15. Tsv'yan, T.V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoy modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Moscow: Nauka.
16. Mamedov, A. (n.d.) Rubina, Ilichevskiy, Markish, Yudson, Shekhter – o russkoyazychnoy izrail'skoy literature [Rubina, Ilichevsky, Markish, Yudson, Schechter – on Russian-language Israeli literature]. *Labirint*. [Online] Available from: <https://www.labirint.ru/now/o-russkoyazychnoy-izrail'skoy-literature-mamedov/>.
17. Baltabaeva, A.M. (2020) *Razvitie zhanra povesti v russkoyazychnoy literature Uzbekistana* [Development of the novella genre in Russian-language literature of Uzbekistan]. Abstract of PhD Diss. Tashkent.
18. Shuvaeva-Petrosyan, E. (n.d.) *Ne v izgnanii, a v garmonii. O russkoyazychnoy literature Armenii* [Not in Exile, but in Harmony. On Russian-language Literature of Armenia]. [Online] Available from: <https://www.shuvaeva.info/search/label/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8>.
19. Serdyukova, E.I. (2014) Russkoyazychnaya literatura Belorusi: istoriya i logika razvitiya. Problema periodizatsii [Russian-Language literature of Belarus: history and logic of development. The problem of periodization]. *Vestnik MDPU imi I.P. Shamyakina*. 3 (44). pp. 134–138.
20. Andreev, A. Russkaya (russkoyazychnaya) literatura Belorusi: problemy stanovleniya [Russian (Russian-language) literature of Belarus: problems of formation]. *LitKritika.by*. [Online] Available from: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>.
21. Bulkina, I. (2016) Russkaya literatura: vchera, segodnya, zavtra [Russian literature: Yesterday, today, tomorrow]. *Gefter*. 9 March. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/17745>.
22. Gor'kiy Media. (2012) "Forma dukha" ili "diktat yazyka"? [Form of the Spirit or "Dictatus of Language"? Round Table on Russian-Language Literature]. *Den' i noch'*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/din/2012/3/forma-duha-ili-diktat-yazyka.html>.
23. Loginova, M.A. (2018) *Etnokul'turnyy khronotop maloy russkoyazychnoy prozy pisateley Kazakhstana kontsa XX – nachala XXI veka* [Ethnocultural chronotope of short Russian-language prose by Kazakhstan writers of the late 20th – early 21st centuries]. Philology Cand. Diss. Ural.
24. Verina, U.Yu. (2013) Russkoyazychnaya poeziya Belorusi: territoriya umolchaniya, povtoreniya, tvoreniya [Russian-language poetry of Belarus: the territory of silence, repetition, creation]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik*. 2. pp. 129–142.
25. Podobriy, A.V. (2009) K voprosu o ponyatiyakh "Russkoyazychnaya literatura" i "Natsional'naya atributsiya pisatelya" [On the issue of the concepts of "Russian-language literature" and "National attribution of a writer"]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 4. pp. 82–84.
26. Gnilomedov, V. (2013) *Na rubezhe vremen: russkoyazychnaya poeziya Belorusi* [At the Turn of Times: Russian-Language Poetry of Belarus]. Minsk: Galiyafy.

27. Ovchenko, U.V. & Monisova, I.V. (2020) Russkaya i russkoyazychnaya proza v situatsii multikul'turnosti: opyt Kazakhstana [Russian and Russian-language prose in a multicultural situation: the experience of Kazakhstan]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2 (25). pp. 234–246. doi: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
28. Sultanov, K.K. (2016) [Russian-language literature as a cultural phenomenon and an object of research]. *Lomonosovskie chteniya* [Lomonosov Readings]. Proceedings of the International Conference. Moscow. April 2016. Moscow: Stephanos. pp. 154–162. [Online] Available from: http://stephanos.ru/izd/2016/11_2016_17-2.pdf. (In Russian).
29. Kudryashov, A. (2003) *Russkaya literatura Tsentral'noy Azii: puti i perspektivy* [Russian Literature of Central Asia: Paths and Prospects]. [Online] Available from: <https://www.fergananews.com/articles/2413>.
30. Abdullaev, E. (2006) Sovremennaya russkaya literatura Sredney Azii: sluchay mnogoslownogo otazheniya [Contemporary Russian literature of Central Asia: a case of multilayered reflection]. *Voprosy literatury*. 3. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/sovremennaya-russkaya-literatura-srednej-azii-sluchaj-mnogoslownogo-otazheniya/>.
31. Muratkhanov, V. (2004) K voprosu o "Shkole" [On the issue of the "school"]. In: *Malye shelkovyy put': Novyy al'manakh poezii* [The Little Silk Road: New Almanac of Poetry]. Vol. 5. Tashkent: Fan. pp. 117–202.
32. Shafranskaya, E.F. (2008) *Mifopoeitika inokul'turnogo teksta v russkoy proze XX–XXI vv.* [Mythopoeitics of a foreign-cultural text in Russian prose of the 20th–21st centuries]. Philology Dr. Diss. Moscow.
33. Zhigalova, M.P. (2013) Etnovital'nost' i multikul'turnost' v tvorchestve russkoyazychnykh poetov belorussko-pol'skogo pogranich'ya [Ethnovitality and multiculturalism in the works of Russian-speaking poets of the Belarusian-Polish borderland]. In: *Russkaya kul'tura v sisteme mezhkul'turnykh kommunikatsiy XXI veka: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Russian Culture in the System of Intercultural Communications of the 21st Century: Current State and Development Prospects]. Tashkent: [s.n.]. pp. 106–124.
34. Garipova, G.T. (2012) *Kontseptual'nye tendentsii razvitiya uzbekskoy literatury kontsa XX – nachala XXI vekov* [Conceptual Trends in the Development of Uzbek Literature of the Late 20th – Early 21st Centuries]. [Online] Available from: <https://ziyouz.uz/ru/2012-09-02-11-30-49/49-2012-09-02-10-46-12/977-i->.
35. Kamilova, S.E. (ed.) (2022) *Russkoyazychnaya literatura Uzbekistana* [Russian-Language Literature of Uzbekistan]. Nizhniy Novgorod: NITs "Otkrytoe znanie".
36. Gibraltarskaya, O.N. & Kamilova, S.E. (2018) Spetsifika peredachi individual'nogo stilya pisatelya pri perevode khudozhestvennoy prozy s uzbekskogo na russkiy yazyk [Specifics of conveying a writer's individual style in translating fiction from Uzbek into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 12 (805). pp. 116–125.
37. Neupokoeva, I.G. (1976) *Istoriya vsemirnoy literatury. Problemy sistemnogo i sravnitel'nogo analiza* [History of World Literature. Problems of Systemic and Comparative Analysis]. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Камилова С.Э. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского литературоведения Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E- mail: saodatkame@mail.ru

Юлдашева О.Б. – PhD, старший преподаватель кафедры русского литературоведения Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E- mail: ohishka15@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.E. Kamilova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Literary Criticism, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E- mail: saodatkame@mail.ru

O.B. Yuldasheva, PhD, senior lecturer, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E- mail: ohishka15@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 28.03.2025;
approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 81'23
doi: 10.17223/15617793/517/5

Актуальный языковой опыт билингва как фактор влияния на восприятие перцептивной семантики

Зоя Ивановна Резанова¹, Ирина Сергеевна Коршунова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *rezanovazi@mail.ru*

² *korshunova-61818@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты решения исследовательского вопроса, входящего в проблемное поле теории воплощенного познания, в которой утверждается идея значимости перцептивного опыта человека для формирования символических образов, в том числе языковых. Использованы методы анкетирования на этапе сбора материала и статистические методы – на этапе анализа. Подтверждены гипотезы о влиянии на восприятие перцептивных компонентов лексической семантики не только фактора билингвизма, но и вариативности языкового опыта билингва.

Ключевые слова: нормативные данные, перцептивная семантика, узбекско-русский билингвизм, учебный билингвизм, несбалансированный билингвизм

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00525.

Для цитирования: Резанова З.И., Коршунова И.С. Актуальный языковой опыт билингва как фактор влияния на восприятие перцептивной семантики // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 53–61. doi: 10.17223/15617793/517/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/5

Actual language experience of a bilingual as a factor influencing the perception of perceptual semantics

Zoya I. Rezanova¹, Irina S. Korshunova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *rezanovazi@mail.ru*

² *korshunova-61818@mail.ru*

Abstract. This article presents the results of an investigation into a research question situated within the problem field of embodied cognition theory, which posits the significance of human perceptual experience for the formation of symbolic images, including linguistic ones. A currently relevant and significant issue is the problem of variability in how speakers of a single language assess the contribution of perceptual experience to word semantics, influenced by differences in their individual linguistic backgrounds as reflected in the characteristics of their mental lexicon. In this context, the influence of monolingual versus bilingual linguistic consciousness is a paramount factor. This article details the findings of a study examining whether the relative active use of a bilingual's first (native) and second (acquired) language affects their perception of perceptual semantics. The research question is addressed using data from databases developed by the Laboratory of Linguistic Anthropology at TSU: the Psycholinguistic Database UzRusWordPerception: Assessments of Uzbek and Russian Words by Modalities of Perception, which contains data on the perceived contributions of olfaction, touch, sight, and tactile and visual perception to the semantics of 196 Uzbek nouns, 200 adjectives, and 200 verbs, as provided by native Uzbek speakers, as well as ratings for corresponding Russian words by Uzbek-Russian bilinguals (comprising 1,019,160 respondent responses). Additionally, data were drawn from the Psycholinguistic Database RuWordPerception, featuring 600,000 ratings from native Russian speakers on the contribution of perceptual modalities to the semantics of 600 Russian words, and the Sociolinguistic Database UzRusSocLing: Assessments of Linguistic and Social Experience of Uzbek-Russian Bilinguals, which consolidates 15,744 responses from 125 Uzbek-Russian bilinguals. The ratings for the contribution of perceptual modalities were correlated with information about the languages dominant in the speech practices of the Uzbek-Russian respondents during a given life period. Within the group of Uzbek-Russian bilinguals, subsets of respondents were identified and contrasted based on their active use of their first versus second language. The perceptual modality ratings from these groups were then compared with analogous ratings from native Russian and native Uzbek speakers using methods of descriptive statistics and correlation analysis. As a result, the hypothesis was confirmed, indicating that not only the

factor of bilingualism itself but also the variability within a bilingual's specific linguistic experience influences the perception of perceptual components in lexical semantics.

Keywords: normative data, perceptual semantics, Uzbek-Russian bilingualism, educational bilingualism, unbalanced bilingualism

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00525.

For citation: Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2025) Actual language experience of a bilingual as a factor influencing the perception of perceptual semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 53–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/5

Постановка проблемы и теоретические основания анализа

Одно из наиболее значимых направлений в исследовании взаимодействия языка и сознания в когнитивной лингвистике в настоящее время представлено в работах, выполненных на методологической основе теории воплощенного познания. В рамках направления сформулирована идея о значимости перцептивного опыта человека для формирования всех уровней сознания, в том числе языкового. В настоящее время эта теория может быть с полным правом отнесена к числу разработанных. Доказательством этого является наличие обобщающих теорий и их вариантов, не опровергающих ядерные постулаты, но предлагающих вариативные интерпретации, касающиеся прежде всего степени влияния перцептивного опыта на когнитивные процессы в противопоставлении амодальным концепциям: от сильного до слабого [1, 2].

В пользу утверждения о том, что теория воплощенного познания может быть отнесена к числу развитых, является, на наш взгляд, и накопление значительного объема экспериментальных доказательств теоретических постулатов. В настоящее время собраны обширные объемы данных, полученные на материале значительного количества языков, которые свидетельствуют как об осознании наличия перцептивных компонентов в семантике слова носителями этих языков (см., например, [3–6]), так и о неосознаваемом влиянии перцептивных компонентов семантики на скорость когнитивной обработки слов (см., например, [3, 5, 7]).

В рамках теории выявлены также общие закономерности актуализации перцептивной семантики: доминирование зрительной перцепции в когнитивных основах значения слов и, напротив, маргинальность обонятельной и вкусовой, наличие более сильных положительных корреляций между этими перцепциями по сравнению с другими (см. далее).

В период, когда основные контуры теории воплощенного познания определились и выявлены основные закономерности анализируемых процессов, развитие идей продолжается в двух основных направлениях: накопление данных по все большему количеству языков и соотнесение основных постулатов с другими смежными концепциями.

В движении по первому направлению сторонники теории переходят от ее проверки на материале европейских языков к исследованиям на материале других полноресурсных и малоресурсных неевропейских языков, что реализуется прежде всего через создание баз данных (БД). Примером БД первого типа является

Affective Norms for English Words (ANEW) – набор слов английского языка, которые характеризуются по измерениям валентности, возбудимости и доминированию, адаптированным для испанского, европейского варианта португальского и других языков ([8], см. также: [9, 10]). В качестве БД второго типа назовем созданные в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ базы данных с привлечением материалов татарского, хакасского и узбекского языков [11–13].

При развитии концепции по второму направлению устанавливается влияние разнопорядковых факторов (прежде всего, этнокультурных и когнитивных) на формирование норм модальностей восприятия у носителей языков.

На материале опубликованных БД проводятся сравнительные исследования норм вклада модальностей восприятия в семантику слов в разных языках: устанавливается характер соотношения общих закономерностей и степени их вариативности, обусловленной отражением этнокультурного, этноязыкового опыта носителей языка. Так, например, сравнительный анализ русского и узбекского языков, проведенный У.Р. Махмудовым, выявил, что общность нормативных данных по модальностям восприятия проявилась «в более высоких значениях рейтингов зрительной модальности при оценке существительных и прилагательных по сравнению с глаголами, в то время как «основной “вклад” в рейтинг аудиальной модальности делается глаголом», но «основная часть глаголов оценивается субмодально». Различия же проявились в следующем: «В то время как в русском языке высокие рейтинги осязательной и аудиальной модальностей формируются за счет “большого вклада”» существительных в общую среднюю оценку, в узбекском языке – за счет прилагательных и глаголов» [14. С. 16]. Сравнительный анализ с акцентированием внимания не общих тенденциях в рейтингах модальностей восприятия, свидетельствующих, по мнению авторов, скорее об общих когнитивных закономерностях перцептивного отражения, а на различиях в проявлении общих тенденций только начал. Соотнесение данных отличий с этнокультурно обусловленными моделями восприятия, сформированными на основе применения других методов когнитивной лингвистики, на наш взгляд, дело будущего.

Вместе с тем теоретики концепции воплощенного познания обращаются к анализу вариативности в оценках вклада перцептивного опыта в семантику слов одного языка его носителями под влиянием различий моно- и билингвального языкового опыта. Такая постановка вопроса связана с более общими проблемами

усвоения второго языка, в том числе способов концептуализации на втором языке. Дискутируется вопрос о влиянии сенсорного опыта закреплённого в семантических структурах первого языка на его освоение при изучении второго языка. Обнаруживается ли прямое или опосредствованное влияние концептуализации перцептивного опыта, объективированной в единицах первого языка, на отражение опыта сенсорного восприятия во втором языке? Нормативные данные о вкладе модальностей восприятия в семантику слов в интерпретации носителей языка и билингвов могут быть использованы при обосновании той или иной из конкурирующих теорий: теории двуязычной интерактивной активации, предполагающей наличие общей концептуальной системы двух языков в билингвальном сознании [15], или теории, утверждающей наличие общих и различных концептуальных зон перекрытия в первом и втором языках [16].

При изучении воздействий фактора билингвизма на оценки вклада модальностей восприятия также получены первые результаты, например, в зоне тюркско-русского языкового взаимодействия [17]. В работах этого направления проводится сравнение как на общих выборках носителей языка как родного и билингвов (см., например, [18–20]), так и с дифференциацией носителей билингвизма в зависимости от своеобразия их билингвального опыта. Было проведено сравнение средних оценок вклада модальностей восприятия, данных носителями узбекско-русского билингвизма, противопоставленных по времени усвоения второго языка: раннее усвоение – до 6 лет, среднее – 7–11, позднее – 12–21. Авторы пришли к выводу о том, что «средние оценки билингвов раннего возраста усвоения русского языка ближе всего к оценкам носителей русского как родного»; в то же время «корреляционный анализ Спирмена выявил значительную обособленность оценок группы респондентов с поздним периодом усвоения русского языка: есть высокая корреляция между вкусовой и обонятельной модальностями у 1-й и 2-й групп респондентов и умеренная корреляция у 3-й группы. Из общей картины выбиваются оценки по осязательной модальности восприятия у 3-й группы респондентов» [21. С. 267–268]. Исследования такой направленности, на наш взгляд, вносят вклад в систему доказательств общего влияния фактора билингвизма, в то же время демонстрируя сложность и неоднозначность таких влияний.

В данной статье представлены результаты исследования, направленного на проверку гипотезы о возможном влиянии активности использования первого (материнского) и второго (усваиваемого) языка на восприятие перцептивной семантики слов усваиваемого языка билингвами. Нашей гипотезой является предположение о том, что активность первого и второго языков может повлиять на сдвиг в оценках перцептивных модальностей в семантике одних и тех же слов, что может быть обусловлено опосредствованной актуализацией концептуальных систем первого vs. второго языка в активных речевых практиках. Данный вопрос решается на материале, полученном при анкетировании узбекско-русских учебных билингвов.

Материал и методы исследования

Решая данный вопрос, мы обращаемся к материалам двух типов баз данных, разработанных в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ: психолингвистических и социолингвистической.

Психолингвистические БД включают информацию об оценках вклада модальностей восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) в семантику существительных, прилагательных и глаголов русского и узбекского языков, данных носителями этих языков как родных и билингвами. «Психолингвистическая база данных UzRusWordPerception: оценки слов узбекских и русских слов по модальностям восприятия» [22] (далее – UzRusWordPerception) включает оценки вклада перцепций обоняния, осязания, вкусового, тактильного и зрительного восприятия в семантику узбекских слов: 196 существительных, 200 прилагательных, 200 глаголов узбекского языка. Оценки узбекских слов даны носителями узбекского языка как родного, а также соответствующих слов русского языка – носителями узбекско-русского билингвизма. Объем базы данных – 1 019 160 реакций респондентов на предъявляемые стимулы.

Группировка слов трех частей речи в БД UzRusWordPerception повторяет набор слов «Психолингвистической базы данных оценок слов русского языка RuWordPerception» [23] (далее – RuWordPerception). Словник БД RuWordPerception отбирался с учетом грамматического, лексико-грамматического, лексико-семантического и деривационного разнообразия лексикона русского языка. В его состав включены слова трех частей речи – существительных, прилагательных и глаголов, принадлежащих к разным лексико-грамматическим рядам. Так, существительные представлены лексемами одушевленными (*автор, беглец*) и неодушевленными (*бар, боль*), конкретными (*боксер, белка*) и абстрактными (*борьба, вечер*), собирательными (*внутренности, посуда*) и вещественными (*мазь, ржавчина*); глаголы – словами разных способов действия, совершенного (*дослушать, замерзнуть*) и несовершенного вида (*верить, жить*); прилагательные – качественными (*бордовый, ветвистый*), относительными (*бумажный, квадратный*) и притяжательными (*звериный*). Слова всех трех частей речи отбирались с учетом разнообразия лексико-семантических групп, например, *human* – *возмущаться, взбесить*, *place* – *рельефный, степной*, *activity* – *акробатика, бег* (сохраняем обозначения, принятые в БД). В словник БД включены как непроеизводные лексемы (*вихрь, груша, лукавый, знать*), так и лексемы, образованные с разными способами словообразования (*выслуживаться, гаснуть, проигрывать, самолюбивый*). Такой отбор лексики позволил, по мнению авторов баз данных, представить некую усредненную картину, исключаящую доминирование слов, формально или формально-семантически специфичных.

При переводе слов на узбекский язык авторы БД UzRusWordPerception учитывали степень известности (*familiarity*) и частотность переводных эквивалентов, вхождение их в состав исконных слов, наличие однословного переводного эквивалента (подробнее см.: [24. С. 69–70]).

В табл. 1 приведены примеры переводных соответствий слов русского и узбекского языков, которые оценивались респондентами.

Таблица 1
Примеры оцениваемых по вкладу модальностей восприятия слов русского и узбекского языков

Существительные	
Узбекский язык	Русский язык
тўппонча	пистолет
ошпаз	повар
фен	фен
совутгич	холодильник
олов	огонь
йиқилиш	падение
Глаголы	
емок	есть
ковурмок	жарить
чайнамok	жевать
қайнатмок	варить
чопмок	рубить
артмок	стирать
Прилагательные	
ёмғирли	дождливый
суюқ	жидкий
картошкали	картофельный
қулубнайли	клубничный
денгиз	морской
серғўшт	мясистый

При решении поставленной задачи было привлечено 101 320 оценок вклада модальностей восприятия в семантику русских слов, данных узбекско-русскими билингвами с доминированием второго, приобретенного русского языка; 122 180 оценок вклада модальностей восприятия в семантику русских слов, данных узбекско-русскими билингвами, с доминированием родного узбекского языка; 25 032 оценки от носителей узбекского как родного и 300 000 реакций респондентов, носителей русского языка как родного.

Оценки вклада модальностей собирались авторами проекта в соответствии с разработанной в данном направлении исследований методикой анкетирования с применением шкал Ликерта. Респондентам предлагалось оценить по семичленной шкале (где 1 означает наименьшую степень связи, а 7 – высшую), насколько слово связано с каждым из пяти видов восприятия – зрением, осязанием, обонянием, вкусом, слухом.

Второй тип данных, используемых при решении поставленной исследовательской задачи, – информация о языковом опыте билингва. Эти данные извлекались из «Социолингвистической базы данных UzRusSocLing: оценки языкового и социального опыта узбекско-русских билингвов» [25], которая включает 15 744 ответов респондентов, данных 125 носителями узбекско-русского билингвизма. База данных включает социально значимые характеристики респондентов – возраст, пол, место рождения и проживания, уровень образования и направление деятельности, а также информацию о национальности, первом и втором используемом языке; об оценках языкового, культурного и социального опыта, опосредованного родным и приобретенным языками; о характере их усвоения, уровне владения ими; об использовании языков в различные

периоды жизни, в разных коммуникативных ситуациях; о мотивации к использованию языков.

Материалы для баз данных собирались с привлечением практически совпадающего круга респондентов. При решении исследовательской задачи, представленной в данной статье, данные извлекались по идентификационным номерам респондентов и соотносились (при их совпадении). Были соотнесены данные об оценках вклада модальностей восприятия и информации о языках, которые доминируют в речевых практиках респондентов во время проведения анкетирования.

Сбалансированность использования языков при реализации разных видов речевой деятельности (первичных vs вторичных, активных vs пассивных) в разных видах коммуникативных ситуаций является одним из значимых параметров билингвизма при выделении его типов [26]. При этом исследователи отмечают динамизм данной характеристики: доминирование использования каждого из языков в разных типах речевой деятельности и коммуникативных ситуациях может меняться на определенном этапе жизни, становиться в определенной степени независимым от возраста и порядка усвоения языков, наполняя вариативным конкретным смыслом противопоставление активного и пассивного билингвизма [27]. В социолингвистических анкетах и анкетах языкового опыта вопросы обращали респондентов к оценке использования языков в разные периоды жизни. Данное исследование выстраивается на анализе ответов респондентов, которые оценивали свой языковой опыт в актуальное время проведения анкетирования. К анализу привлекались ответы на прямой вопрос: «Укажите порядок доминирования ваших языков (первым укажите, которым вы пользуетесь больше всего)», с предлагаемыми вариантами ответов: «узбекский», «русский», «третий язык».

В результате были сформированы четыре группы респондентов, ответы которых, представленные в психолингвистической и социолингвистической БД, были соотнесены:

- узбекско-русские билингвы с доминированием родного узбекского языка – 50 человек;
- узбекско-русские билингвы с доминированием второго, приобретенного русского языка – 34 человека;
- узбекско-русские сбалансированные билингвы – 15 человек;
- полилингвы с доминирующим третьим языком – 5 человек.

Ответы последних двух групп респондентов были исключены из анализа вследствие малочисленности, препятствующей проведению статистического анализа.

Далее для верификации состава полученных группы мы соотнесли ответы на первый вопрос с ответами на еще два вопроса социолингвистической анкеты: 1) «Пожалуйста, оцените по шкале от 1 до 10 уровень владения навыками говорения на данном языке»; 2) «Пожалуйста, оцените по шкале от 1 до 10 уровень владения навыками понимания устной речи». Каждый вопрос был задан дважды: относительно узбекского и русского языков.

В том случае, если ответы на вопросы противоречили друг другу, они исключались из анализа. Из группы респондентов, отметивших доминирование узбекского языка, было исключено 9 человек, так как они оценили развитость навыков говорения или понимания от 1 до 4 (из 10). Из группы респондентов, отметивших доминирование русского языка, никто не был исключен вследствие согласованности ответов. В результате были сформированы выборки респондентов, оценки вклада модальностей восприятия в семантику русских и узбекских переводных эквивалентов которых вошли в анализ:

– узбекско-русские билингвы с доминированием родного узбекского языка – 41 человек (122 180 реакций);

– узбекско-русские билингвы с доминированием второго, приобретенного русского языка – 34 человека (101 320 реакций).

Результаты и обсуждение

Для проверки гипотезы о влиянии на оценки вклада модальностей восприятия доминирования первого или второго языка мы усреднили оценки, полученные от респондентов двух выделенных групп по каждому слову, и соотнесли их. Так, в группе узбекско-русских билингвов

с доминированием русского языка каждое из 596 слов было оценено по пяти модальностям 34 раза, что дало 101 320 реакций. Далее для каждого слова по каждой модальности было рассчитано среднее значение из 34 оценок. Такие же расчеты были произведены в группе оценок, данных узбекско-русскими билингвами с доминированием узбекского языка: было вычислено среднее значение из 41 оценки для каждого слова по пяти модальностям восприятия. В результате было получено по 2 980 (596 слов по пяти модальностям восприятия) данным для каждой из двух групп. Далее было определено среднее для каждой из пяти модальностей. Данные представлены во втором и третьем столбцах (средние оценки) и в четвертом столбце (коэффициенты статистической значимости различий между группами) табл. 2.

Ожидаемо при анализе полученных результатов проявились общие тенденции в соотношении средних оценок вклада пяти модальностей восприятия в семантику русских слов, отмеченные на материале разных языков и в ситуациях оценивания носителями языков как родных (L1) или вторых (L2), освоенных: наиболее высокие средние оценки вклада визуальной модальности и более низкие – обонятельной и вкусовой. И в то же время данные свидетельствуют о различии средних оценок вклада всех пяти модальностей восприятия в двух группах билингвов.

Таблица 2

Рейтинги оценок вклада модальностей восприятия в семантику русских слов носителями узбекско-русского билингвизма

Модальность восприятия	Узбекско-русские билингвы с доминированием русского языка	Узбекско-русские билингвы с доминированием узбекского языка	p-value по тесту Данна / хи-квадрат
Осязание	3,15	3,24	0,0055* / 13,239
Слух	2,68	2,76	0,0000* / 6,6731
Вкус	2,22	2,17	0,3012 / 1,0966
Зрение	3,93	4,18	0,0011* / 39,011
Запах	2,51	2,40	0,0006* / 15,198

Далее мы проверили статистическую значимость различий оценок по каждой модальности восприятия между четырьмя группами респондентов. Нами был проведен тест Данна – непараметрический статистический тест, используемый для сравнения нескольких групп друг с другом.

В табл. 2 в 4-м столбце и в табл. 3 в 3-м и 5-м столбцах обозначен уровень статистической значимости различий в медианных значениях оценок вклада той или иной перцепции при формировании семантики слов русского языка (p-value). Помимо p-value мы добавили значение по критерию хи-квадрата (уровень значимости альфа 0,05 и степень свободы = 1), значение больше 3,841 свидетельствует о статистически значимом различии между группами.

Как можно видеть в приведенных в таблице данных, оценки вклада модальностей восприятия, данные двумя группами билингвов, значимо различаются ($p < 0,05$), кроме оценок вклада вкусовой модальности ($p = 0,3$). При этом также можно отметить, что анализ

свидетельствует об очень высоком p-value, значительно превышающем рубежный показатель $p < 0,05$, а также то, что значимость отличий оценок слуховой модальности ниже остальных, где показатель в целом достигает статистической значимости.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась, активность использования родного или второго осваиваемого языка влияет на оценки вклада модальностей восприятия одних и тех же слов, приводя к сдвигу средних значений оценок. Однако данные показывают, что закономерность действует не абсолютно, проявляясь различным образом относительно оценки вклада конкретных модальностей в семантику одного набора лексических единиц.

Выявленный высокий уровень статистической значимости различий в оценках четырех из пяти модальностей восприятия дал основание выдвинуть и проверить гипотезу о том, что оценки билингвов, активно использующих русский язык, будут ближе к оценкам, данным носителями русского языка как родного, и, напротив, билингвы,

которые более активно используют родной язык, будут давать оценки, близкие данным носителями узбекского языка как родного. Такая закономерность, по нашему предположению, должна была проявиться в отсутствии статистической значимости при сравнении рейтингов модальности, полученных при анкетировании двух противопоставленных групп респондентов.

Далее мы сравнили оценки вклада модальностей восприятия, данные узбекско-русскими билингвами двух выборок с оценками носителей русского и узбекского языков как родных. Для этого мы привлекли материалы

БД «UzRuWordPerception», в которой содержатся, как было отмечено, оценки русских слов по модальностям восприятия носителями узбекско-русского билингвизма и переводных эквивалентов русских слов носителями узбекского языка как родного. Второй привлеченный источник – БД «RuWordPerception», в которой представлены оценки вклада модальностей восприятия носителями русского языка как родного. Полученные результаты сравнения средних значений и статистической значимости в различиях медианных значений оценок вклада пяти перцепций восприятия представлены в табл. 3.

Таблица 3

Рейтинги оценок вклада модальностей восприятия в семантику узбекских и русских слов носителями языков как родных и узбекско-русскими билингвами

Модальность восприятия	Узбекско-русские билингвы с доминированием русского языка vs носители русского языка (среднее значение)	p-value / хи-квадрат	Узбекско-русские билингвы с доминированием узбекского языка vs носители узбекского языка как родного (среднее значение)	p-value / хи-квадрат
Осязание	3,15VS 2,80	0,0143* / 36,315	3,24VS 3,23	0,0000* / 70,989
Слух	2,68VS 2,69	0,0000* / 35,745	2,76VS 2,99	0,0000* / 12,299
Вкус	2,22VS 2,08	0,0000* / 246,11	2,17VS 2,60	0,0004* / 114,51
Зрение	3,93VS 3,39	0,0000* / 14,379	4,18VS 3,80	0,0000* / 88,941
Запах	2,51VS 2,29	0,0000* / 161,94	2,40VS 2,75	0,0000* / 111,48

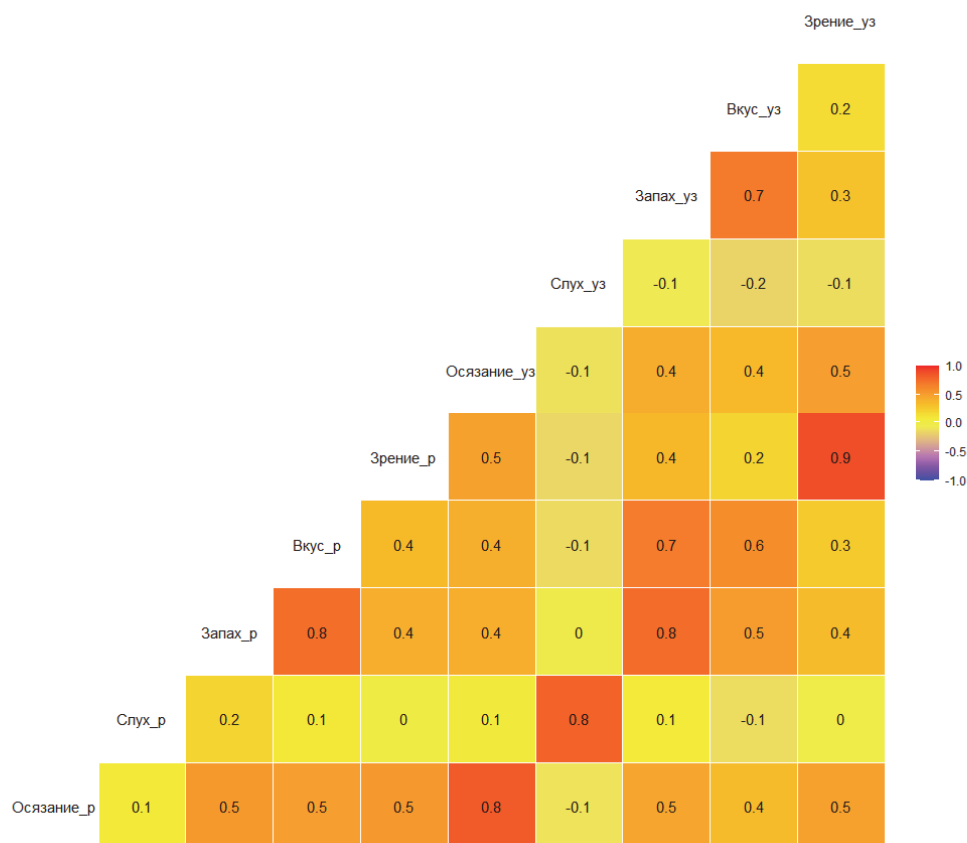

Рис. 1. Корреляционный анализ оценок вклада пяти модальностей восприятия в семантику русских слов двумя группами узбекско-русских билингвов

Однако, как можно видеть из данных таблицы, гипотеза не подтвердилась: была выявлена очень высокая статистическая значимость ($p < 0,001$) различий медианных значений между оценками групп носителей русского языка как родного и узбекско-русских билингвов с доминированием второго, приобретенного русского языка по всем модальностям восприятия. Отметим, что на фоне общего высокого уровня статистической значимости различий выделяется слуховая модальность с $p < 0,01$. И между оценками групп носителей узбекского языка как родного и узбекско-русских билингвов с доминированием узбекского языка была выявлена очень высокая статистическая значимость по всем модальностям восприятия.

Однако нашла подтверждение показанная в предыдущих исследованиях закономерность – билингвальный опыт приводит к смещению рейтингов модальностей восприятия по отношению к аналогичным рейтингам, которые фиксируются по данным оценок носителей языков как родных. Но природа таких смещений, закономерности в их направленности требуют проведения дополнительных исследований.

Об этом свидетельствуют, на наш взгляд, и результаты проведенного далее корреляционного анализа Спирмена¹, результаты которого представлены на рис. 1, где применялись следующие обозначения: модальность восприятия + $\underline{p}$ (узбекско-русские билингвы, у которых доминирует русский язык) и модальность восприятия + $\underline{uz}$ (узбекско-русские билингвы, у которых доминирует узбекский язык).

По результатам анализа не было выявлено высоких отрицательных коэффициентов. При этом мы можем видеть крайне высокий коэффициент положительной корреляции (0,9) оценок вклада визуальной модальности, полученных от билингвальных групп респондентов с вариантами доминирования первого и второго языков. Полагаем, что установленное в многочисленных исследованиях и интуитивно понимаемое доминирование визуальной модальности в системе перцепции человека во многом обуславливает столь высокий уровень корреляций оценок по данному параметру. Что касается остальных четырех модальностей восприятия, мы наблюдаем следующее: оценки трех модальностей – осязание, слух, запах – двумя группами билингвов имеют высокие коэффициенты корреляции (0,8), а оценки по параметру зна-

чимости вкусовой модальности обнаруживают умеренную корреляцию (0,6). Таким образом, результаты корреляционного анализа высвечивают другой аспект актуализации соотношения оценок вклада сенсорного опыта: высокий уровень согласованности в оценках вклада пяти модальностей восприятия относительно друг друга.

Заключение

Таким образом, мы видим, что статистический анализ обнаруживает разнонаправленные тенденции при сравнении рейтингов пяти модальностей восприятия в исследуемых группах респондентов.

Мы полагаем, что полученные данные могут свидетельствовать и о том, что близость оценок может иметь природу не только языковую, но и непосредственно когнитивную: высокая степень положительной корреляции оценок вклада модальностей восприятия может поддерживаться и общностью собственно перцептивного опыта носителей двух языков. Выявленные факты влияния на оценки билингвами отражения перцептивного опыта в семантике под влиянием различий в его актуализации в речевых практиках являются одним из фактов, которые свидетельствуют в пользу теорий, доказывающих влияние опыта концептуализации на первом языке на аналогичные процессы во втором языке [16].

Вместе с тем результаты нашего анализа свидетельствуют скорее в пользу перекрывающихся концептуальных систем первого и второго языков [17]. Полученные доказательства снижения роли перцептивных смыслов во втором языке с использованием других методов (поведенческие эксперименты с фиксацией скорости обработки стимула, в том числе с применением технологий прайминга и другие, как, например, в [28, 29]) при использовании примененных в нашей работе методов не нашли подтверждения. Этот аспект взаимодействия когнитивного опыта и навыков владения первым и вторым языками требует дальнейшего изучения – применения наряду с использованными нами других подходов, включая не только проведение психолингвистических поведенческих экспериментов, но и анализ текстовых данных с использованием методов автоматической обработки (NLP), что рассматривается нами как перспектива исследования.

Примечание

¹ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена – это количественная оценка статистического изучения связи между явлениями. Он позволяет определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи. Положительное значение коэффициента обозначает следующее отношение: увеличение значения одной переменной вызывает тенденцию к увеличению другой, между ними прямая взаимосвязь; отрицательное значение коэффициента отражает обратную связь: увеличение значения одной переменной вызывает тенденцию к уменьшению другой, между ними обратная взаимосвязь. При использовании коэффициента ранговой корреляции условно оценивают силу зависимости между признаками следующим образом: $p < 0,3$ – слабая зависимость; $0,3 \leq p < 0,7$ – умеренная зависимость; $p \geq 0,7$ – сильная зависимость.

Список источников

1. Wilson M. Six views of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2002. Vol. 9, № 4. P. 625–636.
2. Meteyard L., Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G. Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics // *Cortex*. 2012. Vol. 48, № 7. P. 788–804. doi: 10.1016/j.cortex.2010.11.002
3. Vergallito A., Petilli M.A., Marelli M. Perceptual modality norms for 1,121 Italian words: A comparison with concreteness and imageability scores and an analysis of their impact in word processing tasks // *Behavior Research Methods*. 2020. Vol. 52. P. 1599–1616. doi: 10.3758/s13428-019-01337-8
4. Chedid G., Brambati S.M., Bedetti C. et al. Visual and auditory perceptual strength norms for 3,596 French nouns and their relationship with other psycholinguistic variables // *Behavior Research Methods*. 2019. Vol. 51. P. 2094–2105. doi: 10.3758/s13428-019-01254-w

5. Speed L.J., Brybaert M. Dutch sensory modality norms // *Behavior Research Methods*. 2022. Vol. 54. P. 1306–1318. doi: 10.3758/s13428-021-01656-9
6. Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2018. Vol. 47, № 3. P. 641–661.
7. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 5 (43). С. 71–92. doi: 10.17223/19986645/43/6
8. Bradley M.M., Lang P.J. Affective Norms for English Words (ANEW): Stimuli, instruction manual, and affective ratings (Tech. Report C-1). Gainesville: University of Florida, Center for Research in Psychophysiology, 1999.
9. Soares A.P., Comesaña M., Pinheiro A.P. et al. The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for European Portuguese // *Behavior Research Methods*. 2012. Vol. 44. P. 256–269. doi: 10.3758/s13428-011-0131-7
10. Redondo J., Fraga I., Padrón I. et al. The Spanish adaptation of ANEW (Affective Norms for English Words) // *Behavior Research Methods*. 2007. Vol. 39. P. 600–605. doi: 10.3758/BF03193031
11. Махмудов У.Р. Перцептивные компоненты семантики существительных, прилагательных, глаголов узбекского языка: нормативные данные // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 490. С. 45–52. doi: 10.17223/15617793/490/5
12. Резанова З.И., Владимиров В.Е. Рейтинги вклада модальностей восприятия в семантику слов в отношении к частям речи и лексико-грамматическим разрядам // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 487. С. 30–41. doi: 10.17223/15617793/487/4
13. Владимиров В.Е., Коршунова И.С., Резанова З.И. База данных RuTurkPsychLing как специализированный лексикографический источник: нормы оценок психофизиологического и эмоционального опыта // *Вопросы лексикографии*. 2023. № 29. С. 87–105. doi: 10.17223/22274200/29/5
14. Махмудов У.Р. Восприятие перцептивной семантики под влиянием билингвального опыта (узбекско-русское языковое взаимодействие) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2025. 26 с.
15. Dijkstra T., Van Heuven W.J. The architecture of the bilingual word recognition system: From identification to decision // *Bilingualism: Language and cognition*. 2002. Vol. 5 (3). P. 175–197. doi: 10.1017/S1366728902003012
16. De Groot A.M. Bilingual lexical representation: A closer look at conceptual representations // *Advances in psychology*. 1992. Vol. 94. P. 389–412. doi: 10.1016/S0166-4115(08)62805-8
17. Foroni F. Do we embody second language? Evidence for ‘partial’ simulation during processing of a second language // *Brain and Cognition*. 2015. Vol. 99. P. 8–16. doi: 10.1016/j.bandc.2015.06.006
18. Dudschig C., De La Vega I., Kaup B. Embodiment and second-language: Automatic activation of motor responses during processing spatially associated L2 words and emotion L2 words in a vertical Stroop paradigm // *Brain and Language*. 2014. Vol. 132. P. 14–21. doi: 10.1016/j.bandl.2014.02.002
19. Buccino G., Marino B.F., Bulgarelli C., Mezzadri M. Fluent Speakers of a Second Language Process Graspable Nouns Expressed in L2 Like in Their Native Language // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Art. No. 1306. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01306
20. Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (Психолингвистическая база данных RuWordPerception) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 450. С. 49–57. doi: 10.17223/15617793/450/6
21. Коршунова И.С., Махмудов У.Р. Влияние социальных факторов на оценки билингвами вклада перцептивных компонентов в семантику слова (узбекско-русский билингвизм) // *Казанская наука*. 2024. № 7. С. 266–268.
22. Психолингвистическая база данных UzRusWordPerception: оценки слов узбекских и русских слов по модальностям восприятия / В.Е. Владимиров, И.С. Коршунова, У.Р. Махмудов, З.И. Резанова. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023623166, 20.09.2023. Заявка № 2023623005 от 19.09.2023
23. Психолингвистическая база данных оценок слов русского языка RuWordPerception / Е.Д. Артеменко, А.С. Буб, Д.К. Гнетов [и др.]. Свидетельство о государственной регистрации базы данных RU 2021622890, 10.12.2021. Заявка № 2021622722 от 30.11.2021.
24. Махмудов У.Р. Восприятие перцептивной семантики под влиянием билингвального опыта (узбекско-русское языковое взаимодействие) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2025. 240 с.
25. Социолингвистическая база данных UzRusSocLing: оценки языкового и социального опыта узбекско-русских билингвов / В.С. Диброва, У.Р. Махмудов, З.И. Резанова. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023623352, 05.10.2023. Заявка от 28.09.2023.
26. Moradi H. An Investigation through Different Types of Bilinguals and Bilingualism // *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2014. Vol. I, № II. P. 107–112.
27. Herdina P., Jessner U. Dynamic systems theory and multilingualism // *The Cambridge handbook of language learning*. Cambridge University Press, 2023. P. 145–168.
28. Pecher D., Zeelenberg R., Barsalou L.W. Verifying different-modality properties for concepts produces switching costs // *Psychological science*. 2003. Vol. 14(2). P. 119–124. doi: 10.1111/1467-9280.t01-1-01429
29. Finkbeiner M., Forster K., Nicol J., Nakamura K. The role of polysemy in masked semantic and translation priming // *Journal of memory and language*. 2004. Vol. 51 (1). P. 1–22. doi: 10.1016/j.jml.2004.01.004

References

1. Wilson, M. (2002) Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin & Review*. 4 (9). pp. 625–636.
2. Meteyard, L. et al. (2012) Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*. 7 (48). pp. 788–804. doi: 10.1016/j.cortex.2010.11.002
3. Vergallito, A., Petilli, M.A. & Marelli, M. (2020) Perceptual modality norms for 1,121 Italian words: A comparison with concreteness and imageability scores and an analysis of their impact in word processing tasks. *Behavior Research Methods*. 52. pp. 1599–1616. doi: 10.3758/s13428-019-01337-8
4. Chedid, G. et al. (2019) Visual and auditory perceptual strength norms for 3,596 French nouns and their relationship with other psycholinguistic variables. *Behavior Research Methods*. 51. pp. 2094–2105. doi: 10.3758/s13428-019-01254-w
5. Speed, L.J. & Brybaert, M. (2022) Dutch sensory modality norms. *Behavior Research Methods*. 54. pp. 1306–1318. doi: 10.3758/s13428-021-01656-9
6. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual experience norms for 506 Russian nouns: modality rating, spatial localization, manipulability, imageability and other variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 3 (47). pp. 641–661.
7. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/43/6
8. Bradley, M.M. & Lang, P.J. (1999) *Affective Norms for English Words (ANEW): Stimuli, instruction manual, and affective ratings (Tech. Report C-1)*. Gainesville: University of Florida, Center for Research in Psychophysiology.
9. Soares, A.P. et al. (2012) The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for European Portuguese. *Behavior Research Methods*. 44. pp. 256–269. doi: 10.3758/s13428-011-0131-7

10. Redondo, J. et al. (2007) The Spanish adaptation of ANEW (Affective Norms for English Words). *Behavior Research Methods*. 39. pp. 600–605. doi: 10.3758/BF03193031
11. Makhmudov, U.R. (2023) Perceptual components of the semantics of nouns, adjectives and verbs of the Uzbek language: Normative data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 490. pp. 45–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/490/5
12. Rezanova, Z.I. & Vladimirova, V.E. (2023) Ratings of the perceptual modalities contribution to the semantics of words in relation to parts of speech and lexico-grammatical categories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 30–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/4
13. Vladimirova, V.E., Korshunova, I.S. & Rezanova, Z.I. (2023) Baza dannykh RuTurkPsychLing kak spetsializirovannyi leksikograficheskiy istochnik: normy otsenok psikhofiziologicheskogo i emotsional'nogo opyta [The RuTurkPsychLing database as a specialized lexicographic source: norms for assessing psychophysiological and emotional experience]. *Voprosy leksikografii*. 29. pp. 87–105. doi: 10.17223/22274200/29/5
14. Makhmudov, U.R. (2025) *Vospriyatie pertseptivnoy semantiki pod vliyaniem bilingval'nogo opyta (uzbeksko-russkoe yazykovoe vzaimodeystvie)* [Perception of perceptual semantics under the influence of bilingual experience (Uzbek-Russian language interaction)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
15. Dijkstra, T. & Van Heuven, W.J. (2002) The architecture of the bilingual word recognition system: From identification to decision. *Bilingualism: Language and cognition*. 5 (3). pp. 175–197. doi: 10.1017/S1366728902003012
16. De Groot, A.M. (1992) Bilingual lexical representation: A closer look at conceptual representations. *Advances in Psychology*. 94. pp. 389–412. doi: 10.1016/S0166-4115(08)62805-8
17. Foroni, F. (2015) Do we embody second language? Evidence for 'partial' simulation during processing of a second language. *Brain and Cognition*. 99. pp. 8–16. doi: 10.1016/j.bandc.2015.06.006
18. Dudschig, C., De La Vega, I. & Kaup, B. (2014) Embodiment and second-language: Automatic activation of motor responses during processing spatially associated L2 words and emotion L2 words in a vertical Stroop paradigm. *Brain and Language*. 132. pp. 14–21. doi: 10.1016/j.bandl.2014.02.002
19. Buccino, G. et al. (2017) Fluent speakers of a second language process graspable nouns expressed in L2 like in their native language. *Frontiers in Psychology*. 8. Art. 1306. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01306
20. Rezanova, Z.I., Mashanlo, T.E. & Stepanenko, A.A. (2020) A bilingual perspective on the perceptual component of word semantics in Russian: The RuWordPerception psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 49–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/6
21. Korshunova, I.S. & Makhmudov, U.R. (2024) Vliyaniye sotsial'nykh faktorov na otsenki bilingvami vklada pertseptivnykh komponentov v semantiku slova (uzbeksko-russkiy bilingvizm) [The influence of social factors on bilinguals' assessments of the contribution of perceptual components to the semantics of a word (Uzbek-Russian bilingualism)]. *Kazanskaya nauka*. 7. pp. 266–268.
22. Vladimirova, V.E. et al. (2023) *Psikholingvisticheskaya baza dannykh UzRusWordPerception: otsenki slov uzbekskikh i russkikh slov po modal'nostyam vospriyatiya. Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2023623166, 20.09.2023. Zayavka № 2023623005 ot 19.09.2023* [Psycholinguistic database UzRusWordPerception: ratings of Uzbek and Russian words by modalities of perception. Database registration certificate RU 2023623166, 20.09.2023. Application No. 2023623005 of September 19, 2023].
23. Artemenko, E.D. et al. (2021) *Psikholingvisticheskaya baza dannykh otsenok slov russkogo yazyka RuWordPerception. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh RU 2021622890, 10.12.2021. Zayavka № 2021622722 ot 30.11.2021* [Psycholinguistic database of Russian language word ratings RuWordPerception. Database state registration certificate RU 2021622890, 10.12.2021. Application No. 2021622722 of November 30, 2021].
24. Makhmudov, U.R. (2025) *Vospriyatie pertseptivnoy semantiki pod vliyaniem bilingval'nogo opyta (uzbeksko-russkoe yazykovoe vzaimodeystvie)* [Perception of perceptual semantics under the influence of bilingual experience (Uzbek-Russian language interaction)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
25. Dibrova, V.S., Makhmudov, U.R. & Rezanova, Z.I. (2023) *Sotsiolingvisticheskaya baza dannykh UzRusSocLing: otsenki yazykovogo i sotsial'nogo opyta uzbeksko-russkikh bilingvov. Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2023623352, 05.10.2023. Zayavka ot 28.09.2023* [Sociolinguistic database UzRusSocLing: assessments of the linguistic and social experience of Uzbek-Russian bilinguals. Database registration certificate RU 2023623352, 05.10.2023. Application of September 28, 2023].
26. Moradi, H. (2014) An investigation through different types of bilinguals and bilingualism. *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2 (1). pp. 107–112.
27. Herdina, P. & Jessner, U. (2023) Dynamic systems theory and multilingualism. In: *The Cambridge Handbook of Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 145–168.
28. Pecher, D., Zeelenberg, R. & Barsalou, L.W. (2003) Verifying different-modality properties for concepts produces switching costs. *Psychological Science*. 2 (14). pp. 119–124. doi: 10.1111/1467-9280.t01-1-01429
29. Finkbeiner, M. et al. (2004) The role of polysemy in masked semantic and translation priming. *Journal of Memory and Language*. 1 (51). pp. 1–22. doi: 10.1016/j.jml.2004.01.004

Информация об авторах:

Резанова З.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Коршунова И.С. – ассистент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия). E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

I.S. Korshunova, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: korshunova-61818@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025;
одобрена после рецензирования 05.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 25.04.2025;
approved after reviewing 05.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/517/6

Поэтика воплощения образа простого человека в «малой прозе» Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича: лингвостилистический аспект

Дмитрий Анатольевич Романов¹, Мария Александровна Кучерова²

^{1,2} Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

¹ kafrus@rambler.ru

² merismus@mail.ru

Аннотация. Исследуются лингвопоэтические и стилистические подходы Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича к воплощению образа крестьянина. Основное внимание уделяется анализу лексико-семантических, синтаксических и стилистических средств, используемых авторами для воплощения социальных и нравственных характеристик персонажей. Установлено, что Толстой и Григорович, несмотря на различия в творческих подходах, используют сходные лингвостилистические приемы (лексические повторы, антонимические конструкции, оценочную лексику) для акцентуации нравственных качеств простого человека.

Ключевые слова: художественный текст, поэтика, «малая проза», Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович, нравственные категории, лексическая семантика, реализм, художественный образ

Источник финансирования: исследование выполнено в ТГПУ им. Л.Н. Толстого за счет средств гранта Правительства Тульской области (проект ««Малая проза» Л.Н. Толстого начала XX века: язык и стиль»; ДС/160).

Для цитирования: Романов Д.А., Кучерова М.А. Поэтика воплощения образа простого человека в «малой прозе» Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича: лингвостилистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 62–68. doi: 10.17223/15617793/517/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/6

The poetics of embodying the image of the common man in Leo Tolstoy's and Dmitry Grigorovich's "short prose": A linguo-stylistic aspect

Dmitry A. Romanov¹, Maria A. Kucheroва²

^{1,2} Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation

¹ kafrus@rambler.ru

² merismus@mail.ru

Abstract. This article investigates the linguo-poetic and stylistic approaches employed by Leo Tolstoy and Dmitry Grigorovich in embodying the material and social world of their literary works, particularly concerning the image of the peasant. The analysis is conducted on the understudied yet highly illustrative corpus of their "short prose," a genre that provides detailed insight not only into the realities of a specific historical epoch but also into the specifics of each author's worldview and its linguistic interpretation. Using general philological and linguistic textual methodologies, the study determines the expressive and evaluative potential of the linguistic variants (primarily lexical and syntactic) used by Grigorovich and Tolstoy to detail their portrayal of the common man. A contrast is traced between the laboring people and the high society that reaps the fruits of this labor. For Grigorovich, as one of the founders of the "Natural School," this is done with utmost clarity, whereas in the stories of Tolstoy from the 1900s–1910s, the emphasis shifts from differences between social groups to those qualities which, regardless of social standing, are capable of uniting the Russian people. One characteristic of the common man is his perception of himself as part of a larger whole, as evidenced by the peasants' traditional use of the pronoun "we" for self-identification (see examples in Tolstoy's story "Conversation with a Passerby"). This same characteristic is often incorporated into the structure of the common man's image in the artistic world of Grigorovich's works as well. Representatives of the nobility are portrayed by both authors as being somewhat "isolated" from one another. The paucity of forms of communicative contact and their indifference to the lives of others attest to the absence of a unified world within high society. Both writers assert that the common man inherently prioritizes the spiritual over the material. In "Conversation with a Passerby," the literary portrait plays a significant role in embodying this idea. A readiness for selfless mutual aid is observed in the heroes of many works by the aforementioned authors (e.g., Olgushka in Tolstoy's "Berries," Vasilisa and Alexei in Grigorovich's "The Passerby"). Tolstoy's story "The Strength of Childhood," completed in 1908, is particularly indicative in this regard. A child's compassion compels an angry mob to instantly forgive a man towards whom everyone initially felt hatred. One notable ideological and compositional feature of the story is the conscious downplaying of the opposition between

the people and the authorities. A lexical analysis of the descriptions of the policeman's emotional state reveals a semantic contrast used by the author to characterize the transformation that occurs within the character.

Keywords: literary text, poetics, late prose by Leo Tolstoy, Dmitry Grigorovich, moral categories, lexical semantics, realism, literary image

Financial support: The research was carried out at the Tolstoy State Pedagogical University at the expense of a grant from the Government of the Tula region (the project "Small Prose" by Leo Tolstoy at the beginning of the 20th century: Language and Style"; DS/160).

For citation: Romanov, D.A. & Kucheroва, M.A. (2025) The poetics of embodying the image of the common man in Leo Tolstoy's and Dmitry Grigorovich's "short prose": A linguo-stylistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 62–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/6

Введение

Как известно, одной из ключевых задач, которые ставила перед собой реалистическая литература в целом и литература второй половины XIX – начала XX в. в частности, являлось достоверное воспроизведение реальности, в том числе «отображение человеческой личности в ее многообразных отношениях к действительности» [1. С. 19]. В связи с этим центральным звеном поэтики художественных произведений названного периода, как правило, становились образы представителей различных социальных сословий, в частности взаимоотношения между помещиком и крестьянином. И в творчестве Д.В. Григорovichа, и в творчестве Л.Н. Толстого обнаруживается особый интерес к изображению простого человека, который нередко становится выразителем общечеловеческих ценностей, составляющих основу русской ментальности, актуализация которой видится особенно важной в том числе в современных политических условиях, когда российская национальная идентичность как совокупность социальных норм, моделей поведения, нравственных ориентиров оказалась в критическом состоянии. Для обоих авторов этот образ является одним из центральных, над которым они работали не одно десятилетие. В творчестве Толстого он исследован достаточно подробно, в творчестве Григорovichа – далеко не полностью. Однако сопоставительный аспект предложен в данной работе впервые и содержит элементы научной новизны уже самой постановкой проблемы. Кроме того, особо подчеркивается, что оба писателя поднимают нехарактерный зрелому критическому реализму XIX в. вопрос о духовно-нравственных и религиозных исканиях простого человека, представляя его в своеобразных формах авторского идиостиля. Целью данной работы является определение ключевых лингвостилистических приемов, используемых Григорovichем и Толстым для воссоздания в индивидуальной творческой манере образа простого человека именно как носителя высших духовных идеалов русского народа.

Материалы и методы

В качестве литературного материала для лингвостилистического анализа привлекаются следующие произведения, традиционно относимые к жанру «малой прозы»: «Прохожий» (1854), «Пахатник и бархатник» (1857) Д.В. Григорovichа и «Ягоды» (1905), «Сила

детства» (1908), «Разговор с прохожим» (1909) Л.Н. Толстого.

В методологической основе работы лежит лингвостилистический анализ, который представляет собой комплексный подход к изучению языковых средств художественного текста (преимущественно лексических, синтаксических и собственно стилистических – выразительных) с учетом их эстетической и смысловой нагрузки. Метод лингвостилистического анализа позволяет выявить взаимосвязь между формой и содержанием произведения, раскрывая авторский замысел через анализ 1) лексики (определение ключевых слов и их коннотаций, анализ оценочной лексики и авторских неологизмов), 2) синтаксических средств языка (рассмотрение структурных особенностей предложений, инфинитивных и парцелированных конструкций) и 3) стилистических приемов (выявление тропов (метонимия, оксюморон, сравнение), фигур речи (градация, антитеза) и интерпретация их роли в создании образа простого человека). По справедливому замечанию А.А. Липгарта, именно лингвостилистикой «был разработан метод трехуровневого анализа текста, позволивший... последовательно и с максимальной степенью полноты подойти к проблеме понимания идейно-художественного содержания» [2. С. 48]. Важным дополнением к аспектам трехуровневого анализа литературного текста является, с нашей точки зрения, установка на целостность его идейного и эмоционального представления, на «показ тех лингвистических средств, с помощью которых выражается смысловое и связанное с ним эмоциональное содержание литературного произведения» [3. С. 97]. Таким образом, цель лингвостилистического анализа (в том числе и в настоящей работе) – это комплексная идейно-эмоциональная интерпретация языковых средств трех обозначенных выше уровней.

Необходимо также заметить, что, согласно общепринятой идее В.В. Виноградова, художественное произведение «должно изучаться, с одной стороны, как процесс воплощения и становления конкретного идейно-творческого замысла автора и с другой – как исторический факт...» [4. С. 170–171].

В связи с этим реализация сопоставительного аспекта при трехуровневом анализе требует обращения к специфике идиостилистических показателей, сложившихся в творчестве обоих писателей и являющихся их своеобразным «лингвостилистическим паспортом».

Результаты

Творчество Д.В. Григоровича как одного из родоначальников «натуральной школы» развивалось в контексте широкой дискуссии о проблемах крепостного права и крестьянской жизни. Григорович, активно развивая жанр физиологического очерка, целью которого было прежде всего изображение человека как «носителя определённых групповых, коллективных нравственных качеств» [5. С. 15], стремился показать крестьянство как жертву крепостнических отношений и при этом «выявлять нравственное достоинство простого человека, отыскивать богатые задатки, таящиеся в русском характере» [6. С. 48]. В его произведениях вопросы социального неравенства ставятся особенно остро, и, соответственно, контраст между трудящимся народом и высшим обществом, бездумно и легкомысленно пожинающим плоды крестьянского труда, прослеживается с предельной отчетливостью. Такова, например, композиционная организация повести «Пахатник и бархатник», состоящей из двух глав: первая глава посвящена детальному изображению уклада жизни простого человека (его тяжелого труда), во второй же главе повествуется о том, какой образ жизни ведут светские люди, имеющие власть над крестьянами и способные изменять судьбы целых крестьянских семей.

Уже на первых страницах повести изображается трудовой день крестьян, которые, несмотря на удушливый зной и жажду, занимаются тяжелой работой: «...всюду над морем колосьев мелькали, то опускаясь, то поднимаясь, белые рубашки баб; перегнув в три погибели спину, прикрытую мокрой сорочкой, они вязали снопы; мужья их, отцы и братья выступали между тем один за другим, звонко размахивая косами» (здесь и далее в цитатах выделено курсивом нами. – Д.Р., М.К.) [7. С. 231]. Автор выводит на передний план изображения одного из крестьян, Карпа, чтобы на примере конкретного образа продемонстрировать сущностные черты человека из народа, состоящие преимущественно в **трудолюбии** и **мастеровитости** («Карп не осиливал только с избою; все остальное, что зависело от его рук и средств, смотрело как нельзя пригляднее и обличало домовитого, деятельного хозяина» [7. С. 243]), **ответственности** и **порядочности** («Карп лет уже семь освобожден был, за старостью, от всякой работы: он постоянно, однакож, ходил в поле и исполнял все мирские и господские повинности» [7. С. 244]) (здесь и далее в цитатах выделено полужирным курсивом нами. – Д.Р., М.К.). Вместе с тем частям повести, которые посвящены изображению бытового уклада крестьян, свойственна определенная степень обобщенности: сталкиваясь с трудностями, каждый отдельный человек выступает как часть общества (крестьянского мира), готового к совместному поиску решений общих проблем, одной из которых становится уплата оброка.

Во второй главе, значительно уступающей по объему первой, однако не менее детальной в социальных подробностях, повествуется о богатых людях, представленных как легковесные кутилы («Кто усаживался, укладывая удобно ноги на соседнее кресло, кто попросту разваливался на кушетке против пылающего камина, кто расхаживал взад и вперед, пуская

кверху дым...» [7. С. 285]), думающие только о развлечениях, безупречности внешнего облика, сословной репутации и не имеющие истинного представления о тяжелой работе («...во всей фигуре его [Слободского], начиная с маленьких, красивых ушей и кончая белой, нежной кистью руки, было что-то женственное, изнеженное. Он казался усталым, хотя всего час назад вышел из постели...» [7. С. 285]). Этим людям чужды трудности, связанные с материальным обеспечением семейства, что специально акцентируется Григоровичем, когда, к примеру, характеризуются подарки, подносимые поклонниками театральной актрисе: «...к ногам ее упала целая дюжина букетов, брошенных из знакомой литературной ложи; в числе букетов особенно бросались в глаза два из белых камелий, стоившие пятьдесят рублей, – кто знает, может быть те самые пятьдесят рублей, добытые которых произвело...целую драму в семействе старого Карпа...» [7. С. 304].

Само название повести «Пахатник и бархатник» содержит две антропонимические характеристики с обобщающей семантикой, которые приобретают в идейном плане контекстуальную антонимичность. Лексема *пахатник* в значении ‘пахарь, земледелец, труженик’ известна русскому языку со средних веков [8. С. 178]; первые зафиксированные её употребления относятся к XVI в. Слово *бархатник* – авторский неологизм Григоровича, созданный по активной в языке словообразовательной модели и задействующий популярную во второй половине XIX в. производящую основу *бархат* (тогда же возникли слова *бархатность*, *бархатно*, *бархатистый* и т.п.) [9. С. 400–401]. Д.В. Григорович придал существованию семантику ‘изнеженный бездельник’. Антонимия подчеркивается и средством связи слов в заглавии повести: союз *и* в данном случае «обозначает противопоставление, часто эксплуатируемое литературой» [10. С. 234]). Название произведения указывает на антитетический характер образов человека трудящегося и человека, пожинающего плоды крестьянского труда.

В рассказе Л.Н. Толстого «Ягоды» представлена сходная коллизия, имеющая, в отличие от повести Д.В. Григоровича, обратный порядок расположения главных композиционных частей. Несмотря на то что текст рассказа не имеет поглавного членения, в его построении отчетливо прослеживаются две сюжетные линии, точкой соприкосновения которых становятся собранные ягоды. Открывает его линия представителей светской аристократии, которая связана с легкомысленным и неблагодарным поглощением плодов чужого труда («Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды... повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром» [11. С. 218]). Вводимая следом сюжетная линия раскрывает, сколько усилий было приложено селянами для сбора урожая.

Характеризуя деятельность крестьян, Толстой использует ряды однородных сказуемых, выраженных интенсивными глаголами лексико-семантической группы «Труд»: «Крестьяне **доделывают** постройки, **возят** навоз... Ребята **стерегут** лошадей по дорогам и обрезают. Бабы **таскают** из леса мешки травы, девки

и девочки вперегонку друг с другом... **собирают** ягоды и **носят** подавать дачникам» [11. С. 217]. Подчеркивая контраст между сословиями, в рассказ о помещиках Толстой также включает ряд однородных членов, однако представленных глаголами с противоположной, экстенсивной семантикой лексической группы «Отдых»: «*Дачники, в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками, в легких, чистых, дорожных одеждах по усыпанным песком дорожкам или сидят в тени деревьев, беседок, у крашенных столиков и, томясь от жары, пьют чай или прохладительные напитки*» [11. С. 217].

Немаловажной характеристикой простого человека в творческом наследии Д.В. Григоровича и Л.Н. Толстого становится восприятие им себя как части целого народа. Показательно в этом отношении традиционное для крестьян употребление местоимения *мы* в качестве самоидентификатора: «...**мы** нездеиные... *Калуцкие мы*» [12. С. 306] (рассказ «Разговор с прохожим»). Далее в этом рассказе прохожий подчеркивает свою принадлежность ко всему трудящемуся народу, о чем говорит с гордостью: «*Одного русского человека почти никогда нет... А то семья – мы, артель – мы, общество – мы*» [12. С. 306].

Восприятие себя как части целого нередко включается в структуру образа простого человека и в художественном мире произведений Д.В. Григоровича. Можно вспомнить, например, рассказ «Прохожий», в котором попавший в непогоду умирающий человек находит приют у бедной пожилой женщины Василисы и ее сына Алексея. Он благодарит их следующими словами: «...*ты и парень твой... не отогнали меня... пустили как родного... чую – смерть пришла... спасибо вам... ох... не дали помереть на улице... будьте же до конца родными мне...*» [13. С. 49]. Обращает на себя внимание субстантив *родной* (*родные*), обладающий высокой степенью мелиоративности. Эту форму прохожий использует применительно к незнакомым ему людям, проявившим участие к его судьбе, подчеркивая тем самым то человеческое, что сближает и объединяет людей. Стоит заметить, что именно контраст между безучастностью и отзывчивостью ложится в основу идейного содержания рассказа.

В свою очередь, представители дворянства показаны как бы «изолированными» друг от друга: несмотря на то что они общаются, ведут оживленные беседы и полемику, участвуют в совместных выездах в театры, на прогулки, в музеи, каждый из них, оставаясь равнодушным к судьбе ближнего, предстает как одинокий человек. Д.В. Григорович в повести «Пахатник и бархатник» наглядно показывает разобщенность высшего общества, давая князю Слободскому следующую характеристику: «...*в голосе его и во взглядах проглядывало однакож полнейшее равнодушие, если не всегда к предмету беседы, то всегда почти к собеседнику*» [7. С. 285]). И в целом повседневные занятия гостей князя Григорович изображает как последовательность действий, не предполагающих межличностное взаимодействие: «...*посетители... являлись, впрочем, минут только на пять; спешно выкулив папиросу,*

повертевшись перед камином, они так же скоро исчезали» [7. С. 285]). Скудость форм коммуникативного соприкосновения и безучастность к чужой жизни свидетельствуют об отсутствии в высшем свете единого мира, который обнаруживается в крестьянском обществе.

В обоих произведениях («Разговор с прохожим» и «Прохожий») авторы не наделяют героя-прохожего именем собственным. В рассказе Григоровича прохожий остается единственным безымянным персонажем, несмотря на то, что является центральным лицом повествования. Принципиальным отсутствием антропонима в данном случае достигается эффект точки зрения «представителя общества в целом», русского мира, что и закреплено в названии произведений. И в рассказе Толстого, и в рассказе Григоровича в образе одинокого прохожего воплощаются черты, которые, по мнению авторов, свойственны русскому народу вообще.

Одной из таких черт становится предпочтение духовного материальному, которое обязательно, по мнению обоих писателей, свойственно простому человеку.

В «Разговоре с прохожим» большую роль при воплощении этой идеи играет портрет. Рассказчик, описывая рабочего, отмечает, что лицо его «добродушно-шутливое, бойкое, краснобайное», становится «внимательным, серьезным», как только тема беседы переключается на моральный выбор, в чем проявляется сосредоточенность простого человека на действительно значимых для него вопросах. Более того, когда рабочий осознает правоту рассказчика, утверждающего, что «*о душе подумаешь и все глупости оставишь*» [12. С. 307], его лицо становится «*еще добрее и серьезнее*». Он не спорит со старичком, не сердится за попытку назидания, а напротив, искренне благодарит его и радуется тому, что рассказчик помог ему прийти к осознанию определенных истин относительно ценностных установок и приоритетов личности.

Повествование Толстой завершает риторическим вопросом рассказчика, покинувшего рабочего «с умиленным чувством»: «*Да как же не радоваться, живя среди такого народа, как же не ждать всего самого прекрасного от такого народа?*» [12. С. 307]. Обратим внимание, что риторический вопрос состоит из двух синтаксически параллельных конструкций, одна из которых выражает чувство повествователя в настоящем, а другая транслирует надежду, веру в русский народ, устремленную в будущее, подкрепленную, казалось бы, лишь непродолжительным разговором с одним из представителей русского народа.

Вера в другого человека характерна и для персонажей произведений Д.В. Григоровича. Так, например, его прохожий, герой одноименного рассказа, заблудившись в метели, настолько отчаялся быть спасенным, что «*медленно опустился в сугроб и трепетною рукою сотворил крестное знамение*» [13. С. 8]. Примечательно здесь упоминание христианского литургического жеста, традиционно интерпретирующегося как символ единения верующего человека с Богом. Крестное знамение, совершаемое прохожим, демонстрирует его безоговорочное смирение, принятие своей трагической судьбы как Божьей воли. Однако,

когда прохожий услышал лай собаки, свидетельствовавший о близости какого-то жилья, *«застывшее сердце старика встrepенулось; он рванулся вперед, простер руки и пошел на слух... и вскоре из-за угла мелькнули перед ним приветливые огоньки избышек»* [13. С. 8–9]. Как видно из приведенного фрагмента, даже надежда на близость другого человека действует на прохожего так сильно, что, уже приготовившись умирать, он оказывается способным найти в себе силы, чтобы продолжить путь. Обращает на себя внимание и мелиоративный эпитет в словосочетании *приветливые огоньки избышек*, выражающий отношение прохожего к жителям деревни, которых он не знает, однако безоговорочно веря в человеческое добросердечие, уже оценивает положительно.

Такие характеристики-слагаемые образа простого человека в текстах Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича, как приведенные выше участие в судьбе ближнего и сострадание, являются, по мнению А.Е. Варнаевой, «специфически русской чертой» [14. С. 199].

Готовность к бескорыстной взаимопомощи наблюдается у героев многих произведений названных авторов. Так, к примеру, в рассказе Толстого «Ягоды» крестьянская девочка Ольгушка, вышедшая собирать урожай, *«вскочила и пошла с Грушкой искать»* заплутавшего в лесу сына Акулины, *«не переставая звонкими голосами кликая Мишку»* [11. С. 225]. Таковыми являются и Василиса и Алексей в рассказе Григоровича «Прохожий», приютившие у себя прохожего (*«...ведь не убудет у нас... к тому же не помирять ему взаимную правду на улице...»* [13. С. 45]) и накормившие его ужином (*«...разунься, да подь к столу, я чай, с пути-то поспедасть хочешь... – и, не дожидаясь ответа, она [Василиса] придвинула к столу лучину и начала хлопотать подле горшков»* [13. С. 46]). Обратим внимание, что и в том и в другом произведении герои оказывают поддержку ближнему, не задумываясь, воспринимая такое проявление человечности как само собой разумеющееся.

Показателен в отношении проявления участия к чужой судьбе и рассказ Толстого «Сила детства», оконченный в 1908 г. Главным героем здесь является шестилетний мальчик, чистота и искренняя любовь к отцу, наивность и вера в людей которого пробуждают отклик в крестьянах, ведущих на расправу городского. Сострадательность ребенка заставляет разгневанную толпу в одночасье простить человека, к которому изначально все испытывают ненависть настолько сильную, что готовы «тут и застрелить негодяя».

Примечательна в этом отношении динамика эмоционального фона рассказа, которая эксплицируется благодаря использованию Толстым характерного для его творчества приема психологизма. В отличие от Д.В. Григоровича, Толстой изображает не противостояние между представителями социальных классов, а диалектику души человека, поставленного в ситуацию морального выбора, в которой может оказаться не только крестьянин, но и помещик, дворянин, держатель власти (городовой в рассказе «Сила детства»). Так, эмоциональный фон анализируемого произведения однозначно негативен в стремительной завязке

произведения, о чем свидетельствуют речевые высказывания (выкрики), которыми народ сопровождает городского на «казнь». Рассказ начинается со следующих слов: *«Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить!»* [15. С. 302], оформленных как ряд повторяющихся инфинитивных предложений, семантическое наполнение которых не предполагает пощады, чем подчеркивается безусловность, беспелляционная решимость толпы. Однако настроение крестьян резко изменяется, когда они становятся свидетелями проявления любви ребенка к отцу и отца к ребенку. Мальчик, «всхлипывая» от отчаяния и страха за жизнь пленника – своего отца, бесстрашно «втискивается в толпу» и, более того, пытается вызвать к ней (*«Что вы с батей хотите делать?»* [15. С. 303]). Ребенок отказывается покидать место происхождения без родного человека, находящегося в опасности: *«Без тебя не пойду... Они прибудут тебя...»* [15. С. 303]. Пленный отец, в свою очередь, также проявляет искреннюю заботу о сыне, он находит в себе силы просить самих «судей» о помощи, веря в их милосердие по отношению к невинному ребенку и не заботясь о собственной судьбе: *«Послушайте, – сказал он, – убивайте меня, как и где хотите, но только не при нем, – он показал на мальчика. – Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мне приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте, как хотите...»* [15. С. 304]. И его вера полностью оправдывается: предводитель толпы действительно проявляет великодушные и к чувствам ребенка, и к чувствам отца.

Именно эта сцена, демонстрирующая «диалог сердец» отца и сына и составляющая кульминацию рассказа, оказывает сильнейшее воздействие на чувства крестьянской массы, заставляет посмотреть на пленника не как на врага, а как на человека, способного любить и заботиться о близких. Развязка произведения, в которой читатель наблюдает пробуждение в ожесточенных людях человеческих чувств, происходит стремительно и оформлена всего тремя репликами:

«– А знаете что. Пустить бы его.»

– И то, бог с ним, – сказал ещё кто-то. – Отпустить.»

– Отпустить, отпустить! – загремела толпа...» [15. С. 304]

Одной из примечательных идейно-композиционных особенностей рассказа Л.Н. Толстого «Сила детства» является сознательное нивелирование противопоставления народа и власти. Когда помилованный городской осознает величие народного духа, он, прежде проявлявший исключительное презрение к толпе, теперь испытывает стыд за свое предубеждение относительно этих людей: *«И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его...»* [15. С. 304]. Здесь особенно важен семантический контраст, который используется автором для характеристики произошедшей в герое перемены. Этот контраст выражен в противопоставлении лексем: *гордый – виноватый; безжалостный – зарыдал*. Заострение подобного противопоставления

наглядно демонстрирует одну из идей анализируемого произведения – способность людей к исправлению, дающую возможность единения всех сословий русского народа.

Обсуждение результатов

Изображая простой народ в произведениях малой эпической формы, Л.Н. Толстой и Д.В. Григорович в реалистических формах репрезентируют уклад жизни, деятельность, ценностные установки героев. В творчестве Григоровича нередко образы героев более высоких социальных сословий (мещанин Федот, грустящий над бедностью крестьянина Карпа в повести «Пахатник и бархатник», староста и старостиха в рассказе «Прохожий», прогнавшие нуждающегося в помощи) оказываются резко противопоставленными образами крестьян. Писатель подчеркивает страдания и лишения крестьянина, изображая его жизнь полной тяжелого труда и социальной несправедливости. Так, Григорович стремится к реалистичности, акцентируя внимание на внешних обстоятельствах, которые разрушают индивидуальность простых людей, лишают их голоса, что является характерным для произведений «натуральной школы». В противоположность этому Л.Н. Толстой делает акцент на внутреннем мире человека, представляя его прежде всего как носителя высокой нравственности и духовной силы. Простой человек у Толстого не только и не столько страдает, сколько восстает против обстоятельств, демонстрируя стойкость духа и готовность к борьбе.

Такое различие в восприятии человеческих взаимоотношений отражает не только идиостилистические особенности обоих писателей, но и различные художественные традиции, которые они представляют. Григорович, борясь с социальной несправедливостью, глубоко погружается в социальный контекст, в связи с чем

заостряет контраст между представителями разных сословий, выводя на передний план положительные качества крестьян как класса. Толстой, в свою очередь, привносит в социально ориентированную «малую прозу» второй половины XIX в. элементы психологизма, размышления на нравственные темы, приближая реалистические произведения подобного типа к жанру психологического рассказа. Писатель стремится показать, как именно простые люди могут проявлять духовную силу, и тем самым снимает ортодоксальное понимание крестьянства как угнетенного класса, ставя акцент прежде всего на общечеловеческие идеалы, объединяющие русский народ. В этом отношении Толстой, с одной стороны, выступает как новатор, воплощающий универсальные идеи в новых, более лаконичных формах [16. С. 7], с другой стороны, избегая излишней типизации, последовательно продолжает традиции русской классической литературы, стремящейся к трансляции вечных человеческих ценностей.

Заключение

Несмотря на различные творческие манеры, почти полувекую разницу в социально-культурной ситуации, в контексте которой создавались анализируемые произведения, ключевым аспектом, в котором стили изображения Григоровичем и Толстым русского народа сближаются, остаются базовые общечеловеческие идеалы. Простой человек в произведениях обоих писателей наделен не только трудолюбием, ответственностью, организованностью (как это было показано реалистами 40–50-х гг. XIX в.), но и высшими нравственными чертами, составляющими опору русской ментальности: человеколюбием, отзывчивостью и духовностью. Моральные ценности представляют собой, по мнению Толстого и Григоровича, главные черты русского мира – уникального явления в истории цивилизации.

Список источников

1. Севостьянов Д.А. Реализм в искусстве: анализ явления // Культурное наследие России. 2024. № 4 (47). С. 19–24.
2. Липгарт А.А. Лингвопоэтика и лингвостилистика // Основы лингвопоэтики. М. : Книжный дом «Либроком», 2021. С. 35–74.
3. Шерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Избранные работы по русскому языку. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 97–109.
4. Виноградов В.В. О языке художественной литературы // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык художественной литературы. М. : Наука, 1991. С. 170–171.
5. Гусева Е.А. Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе // Вопросы русской литературы. 2012. № 20 (77). С. 14–16.
6. Филимонова Н.Ю. Н.С. Лесков и его предшественники (аспекты сопоставительного изучения народной темы) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 2, № 2. С. 46–55.
7. Григорович Д.В. Пахатник и бархатник // Полное собрание сочинений : в 12 т. 3-е изд.. СПб. : Изд-во А.Ф. Маркса, 1896. Т. 8. С. 230–309.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М. : Наука, 1988. 315 с.
9. Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М. ; СПб. : Наука, 2004. 661 с.
10. Шкловский В.Б. О статье Романа Якобсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Новые следы // Тетива. О несходстве сходного. М. : Сов. писатель, 1970. С. 233–238.
11. Толстой Л.Н. Ягоды // Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 217–227.
12. Толстой Л.Н. Разговор с прохожим // Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 306–307.
13. Григорович Д.В. Прохожий // Полное собрание сочинений : в 12 т. 3-е изд. СПб. : Изд-во А.Ф. Маркса, 1896. Т. 7. С. 5–54.
14. Варнаева А.Е. Русский язык о духовно-нравственных ценностях своего народа // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 197–201.
15. Толстой Л.Н. Сила детства // Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 302–304.
16. Кочешкова Л.Е. Художественная философия и поэтика «малой» прозы Л.Н. Толстого в свете проблемы целостности (от повести «Казак» к рассказу «Алеша Горшок») : автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.

References

1. Sevost'yanov, D.A. (2024) Realizm v iskusstve: analiz yavleniya [Realism in art: an analysis of the phenomenon]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 4 (47). pp. 19–24.
2. Lipgart, A.A. (2021) *Osnovy lingvopoetiki* [Fundamentals of Lingvopoetics]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom". pp. 35–74.
3. Shcherba, L.V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR. pp. 97–109.
4. Vinogradov, V.V. (1991) *Izbrannye trudy. Yazyk khudozhestvennoy literatury* [Selected Works. The Language of Fiction]. Moscow: Nauka. pp. 170–171.
5. Guseva, E.A. (2012) Stanovlenie i razvitie fiziologicheskogo ocherka v russkoy literature [Formation and development of the physiological essay in Russian literature]. *Voprosy russkoy literatury*. 20 (77). pp. 14–16.
6. Filimonova, N.Yu. (2022) N.S. Leskov i ego predshestvenniki (aspekty sopostavitel'nogo izucheniya narodnoy temy) [N.S. Leskov and his predecessors (aspects of a comparative study of the folk theme)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2 (2). pp. 46–55.
7. Grigorovich, D.V. (1896) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 3rd ed. Vol. 8. Saint Petersburg: Izd-vo A.F. Marksa. pp. 230–309.
8. Barkhudarov, S.G. (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 14. Moscow: Nauka.
9. Balakhonova, L.I. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
10. Shklovskiy, V.B. (1970) *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo* [Bowstring. On the Dissimilarity of the Similar]. Moscow: Sovetskii pisatel'. pp. 233–238.
11. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 217–227.
12. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 306–307.
13. Grigorovich, D.V. (1896) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 3rd ed. Vol. 7. Saint Petersburg: Izd-vo A.F. Marksa. pp. 5–54.
14. Varnaeva, A.E. (2023) Russkiy yazyk o dukhovno-nravstvennykh tsennostyakh svoego naroda [The Russian language on the spiritual and moral values of its people]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 4. pp. 197–201.
15. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 302–304.
16. Kocheshkova, L.E. (2005) *Khudozhestvennaya filosofiya i poetika "maloy" prozy L.N. Tolstogo v svete problemy tselostnosti (ot povesti "Kazaki" k rasskazu "Alesha Gorshok")* [Artistic philosophy and poetics of Leo Tolstoy's "small" prose through the problem of integrity (from the novel The Cossacks to the story Alyosha the Pot)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

Информация об авторах:

Романов Д.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). E-mail: kafrus@rambler.ru

Кучерова М.А. – ассистент кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). E-mail: merismus@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Romanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Tolstoy Tula State Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: kafrus@rambler.ru

M.A. Kucheroval, teaching assistant, Tolstoy Tula State Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: merismus@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 23.03.2025;
approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 82.02/.09
doi: 10.17223/15617793/517/7

Поэтика сонета-портрета в «Книге песен» Ф. Петрарки

Екатерина Витальевна Сухих¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, e.v.belikova@bk.ru

Аннотация. Рассматривается малоизученный вопрос о типе сонета-портрета в «Книге песен» Ф. Петрарки. Особое внимание уделено принципам репрезентации облика Лауры, восходящим к куртуазной традиции трубадуров и итальянской поэзии XIII–XIV вв. Выделяются и описываются такие характерные особенности петраркистского портрета, как световой и цветовой символизм, «поэтика отсутствия», мотивы созерцания, элементы платоновской философии и эстетики Невыразимого. Сделанные выводы позволяют расширить представления о типе портрета-сонета и понимании красоты в «Книге песен» Ф. Петрарки и ренессансной любовной лирике в целом.

Ключевые слова: сонет, сонет-портрет, Ф. Петрарка, «Книга песен», Лаура, петраркизм

Для цитирования: Сухих Е.В. Поэтика сонета-портрета в «Книге песен» Ф. Петрарки // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 69–76. doi: 10.17223/15617793/517/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/7

The poetics of the sonnet portrait in Petrarch's *Canzoniere*

Ekaterina V. Sukhikh¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e.v.belikova@bk.ru

Abstract. The aim of this research is to identify the symbolic content within the portrait sonnets of Petrarch's *Canzoniere* [The Book of Songs]. To reach this aim, the author examines the connection between portrait motifs and the courtly poetic tradition, medieval symbolism of color and light, and Platonic philosophy. The research material comprises the "portrait" sonnets in Petrarch's *Canzoniere*; the analysis also draws upon the poetry of the troubadours, the Sicilian School, and the *dolce stil novo* [sweet new style]. The study is based on cultural-historical and hermeneutic methods of analysis. Within the framework of the research, those sonnets from Petrarch's *Canzoniere* dedicated to the portrait image of Laura were analyzed. The noted vagueness of her likeness is explained both by the use of standard literary images and motifs, and by the concept of the Ineffable, according to which the Lady's beauty cannot be fully embodied in words. This conventional, poetic image of Laura finds parallels in the lyric poetry of the troubadours, the Sicilian poets, and the *dolce stil novo* representatives. An important feature of her portrait is the unity of external and internal qualities, her luminosity, and the reference to Plato's philosophy of "Ideas." The poetic portrait of Laura is further complemented by landscape backgrounds and the poetics of cyclization (the micro-cycle on her hair, on her glove). The conducted analysis allows for the conclusion that the Petrarchan portrait is specific, being founded on a literary-religious tradition. The Petrarchan portrait adheres to a "minor canon," focusing on features such as the hair, eyes, cheeks, mouth (lips and teeth), and occasionally the neck, chest, or arms. Primary emphasis is placed on the eyes, which are metaphorically depicted as sources of "light." The traditional metaphorical repertoire in Laura's portrait – including "gold," "pearls," "lilies," and "roses" – is consistent with the established courtly poetic tradition. In Petrarch's work, precious stones seldom serve as metaphors for the eyes; instead, celestial bodies and other luminous images are almost invariably employed ("two suns," "flame," "rays," "candles"). The central portrait motifs of Laura are thus these luminous images – her eyes and golden hair – which are imbued with religious symbolism that references Christian light aesthetics and the iconographic canon. The radiance emanating from Laura signifies a divine presence. The influence of Platonic philosophy is also evident in the portrayal of Laura; the Lady is presented as a reflection of the "world of Ideas" and the Beauty of the divine cosmos. Furthermore, the details of Laura's clothing and jewelry exhibit a multifaceted color symbolism, revealing both secular and religious dimensions.

Keywords: sonnet, Petrarch, "The Book of Songs", Laura, portrait, Petrarchism

For citation: Sukhikh, E.V. (2025) The poetics of the sonnet portrait in Petrarch's *Canzoniere*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 69–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/7

В обширной теоретической литературе о сонете выделяют множество разновидностей этого поэтического жанра: от классических форм (итальянский, француз-

ский, английский) до циклических (венки сонетов, онегинская строфа) и аномальных вариантов (хвостатый, сонет с «кодой», безголовый, опрокинутый, хромым и др.).

Классическая работа Ли Ханта «Эссе о развитии, истории и разновидностях стихотворения под названием “Сонет”» (1867) включает описание двенадцатисложных, немых, непрерывных (повторяющихся), ответных, ретроградных, скованных (связанных), переплетённых, коронных и хвостатых сонетов. Все они, с точки зрения исследователя, являются разновидностью комических сонетов, т.е. «ребячеством», которое позволяют себе поэты, уставшие от строгих канонов жанра [1. Р. 53]. У. Шарп отмечает большое разнообразие вариаций итальянского сонета, во многом повторяя классификацию Ли Ханта [2. Р. XL]. К формальным типам сонета английский учёный относил петраркистский, спенсеровский, шекспировский, мильтоновский и современный [2. Р. XLII].

В отечественной науке первой работой, посвященной поэтике и эволюции сонета, является статья Л.П. Гроссмана «Поэтика сонета», в которой упоминаются только два его вида: канонический и вольный [3. С. 128]. В дальнейшем интерес к сонету в советском литературоведении почти угас и возобновился только в 1980–1990-е гг., ознаменованных выходом сразу нескольких исследований, посвященных истории и теории жанра¹. Среди них в рамках нашей темы наибольший интерес представляет вступительная статья З.И. Плавскина «Четырнадцать магических строк...», предваряющая антологию «Западноевропейский сонет XIII–XVII веков» (1988). Проследив эволюцию жанра с XIII по XVII в., автор анализирует национальные типы и национально-специфические черты итальянского, испано-португальского, французского, английского и немецкого сонета. В XXI в. наиболее значимые публикации в отечественной сонетологии принадлежат О.В. Зырянову, А.В. Останковичу, О.И. Федотову². В центре внимания исследователей оказывается судьба русского сонета как в классическом, так и в современном варианте. Сонет рассматривается с точки зрения реализации законов «золотого сечения», феномена жанрового сознания русской лирики и художественной эволюции от XVIII в. до опытов И. Бродского.

Как видим, за восемь столетий «строгие» законы сонетного жанра не лишили его гибкости и способности видоизменяться как на формальном, так и на содержательном уровнях. Сонет всегда стремился к саморазвитию и универсальности. «Every mood of mind can be indulged in a sonnet; every kind of reader appealed to. You can make love in a sonnet, you can laugh in a sonnet, you can lament in it, can narrate or describe, can rebuke, can admire, can pray»³ [1. Р. 6]. Так, «среди тематических разновидностей сонета встречаются любовные, пейзажные, философские, религиозные, описательные, элегические, сатирические, панегирические, пародийные, социально-политические, медитативные, сонеты на тему искусства, сонеты о сонетах, сонеты-эпистолы, сонеты-эпитафии и т.д.» [4. С. 6].

Однако в многообразном ряду структурных и тематических видов сонета исследователи обычно не упоминают такой его образец, как сонет-портрет⁴. В петраркистике, несмотря на обилие исследований, посвященных «Книге песен», данное понятие также

обойдено молчанием. Между тем это значимая тематическая разновидность сонета, занимавшая особое место в средневековой и ренессансной любовной лирике. Сонеты-портреты писали Дж. да Лентини, Г. Гвиницелли, Г. Кавальканти, Чино да Пистойя, Данте, Ф. Петрарка, Дж. Боккаччо, П. де Ронсар, У. Шекспир и др. Данная статья призвана восполнить этот пробел на материале сонетов Ф. Петрарки, синтезирующих провансальско-итальянскую поэтическую традицию.

В «Канцоньере» Ф. Петрарки тип сонета-портрета представлен почти повсеместно, и в то же время в «чистом виде» его почти нет. Если говорить о деталях портрета Лауры, то они рассеяны по всему сборнику и образуют определенный набор, который регулярно повторяется в тех или иных вариациях. Но если речь идет о сонетах, полностью посвященных описанию внешнего облика Донны, то их у Петрарки не так и много.

На первый взгляд, к теме портрета напрямую относятся сонеты 77–78, в которых речь идет о портрете Лауры, написанном по просьбе Петрарки его другом, художником сиенской школы Симоне Мартини. В исповедальной книге поэта «Моя тайна» Блаженный Августин порицает его за этот портрет: «И – верх безрассудства: не довольствуясь видом ее живого лица, ввергавшего тебя во все эти беды, ты добыл себе его изображение, созданное талантом знаменитого художника, чтобы иметь возможность всюду носить его с собою, предлог для неиссякаемых слез» [5. С. 184]. Но на самом деле описания портрета в этих сонетах нет. В 77-м сонете поэт ставит свою возлюбленную выше созданий великого Поликлета (это сравнение может показаться странным, ведь древнегреческий скульптор прославился, прежде всего, мужскими статуями); говорит о том, что нахождение рядом с Лаурой вознесло Симоне на небеса («Но мой Симоне был в раю...») и там, на неземных орбитах, и был создан ее портрет. По словам А.Ф. Лосева, этот сонет – «чистейшая платоническая эстетика» [6. С. 155]: в нем сквозь христианский «рай» просвечивает платоновский высший «мир идей». Лаура помогает преодолеть границы видимого мира и приобщиться Божественному началу. В следующем сонете поэт жалуется о том, что на портрете она «благостна, как божий херувим», но не способна ожить, как статуя Пигмалиона в древние времена.

Как выглядел утраченный портрет Лауры кисти Симоне, остается только гадать, тем более что сам Петрарка очистил стихотворения от конкретных портретных черт. «Можно предположить, что Мартини создал тот идеальный женский образ, который повторяется в его изображениях мадонн и ангелов. Вероятно, и у его Лауры были такие же узкие, продолговатые глаза, такие же белые, словно лилии, руки с длинными тонкими пальцами, такая же легкая фигура, словно бы таявшая на золотом фоне, предназначением которой было не ступать по земле, а парить в воздухе. Скорее всего, это была миниатюра, ибо Петрарка много раз упоминает, что никогда с портретом не расстается, всегда носит его с собой. Легенда связывает имя возлюбленной поэта с образом одной из женщин на фреске Симоне Мартини в часовне святого Иоанна: будто первая из идущих в процессии

женщин, та, что в голубом одеянии, с алой лентой в золотистых волосах, и есть Лаура» [7]. Привнося в свои творения светские элементы, Мартини, вероятно, изобразил бы возлюбленную Петрарки в элегантно свободном одеянии ярких чистых тонов, скрупулезно выписал все детали роскошного декора. Лицу придавал бы мягкое, спокойное и несколько отрешенное выражение, а фигуре – удлинённые пропорции, изящество, утонченность, легкость.

В «Книге песен» нет подробных описаний внешнего облика героини. Кроме того, что у нее золотые волосы и «дивный лик», зубы-жемчуг и брови цвета эбенового дерева и т.п., мы не узнаем о ее внешности почти ничего. Портрет Лауры как будто размыт: отдельные черты лица описаны так, что не содержат в себе ничего индивидуально-неповторимого. Они создают не столько образ, сколько представление и воспоминание о нем. Поэтика Петрарки – это «поэтика отсутствия» (У. Дотти) [8]. Поэт отмечает «золотые колечки» волос, «прекрасные глаза», мягкий («нестрогий») взор. В ее живом образе соединены чарующая грация, достоинство движений, пленительный, подобный музыке, голос. Лаура – совершенство, идеал чистой, возвышенной красоты. Некоторая абстрактность и бесплотность Лауры приводит к символизации ее образа. «Донна Петрарки, в сущности, уже не совсем человек. Лаура тем и выделяется из множества прекрасных дам, что она по сути своей есть воплощенный в земном существе символ красоты, славы и поэзии» [9. С. 49]. «Конечно, взгляд влюбленного идеализирует ее, но уже сам факт физического присутствия Лауры воспалает чувства и воображение Петрарки, а внешние приметы ее облика описаны так, что флер эстетической условности не мешает различить живую красоту дамы» [10. С. 13].

Отмечая особенности сицилийской поэзии, А.В. Топорова указывает на то, что «мотив созерцания донны как источника всякого блага становится господствующим; прежде всего речь идет о внутреннем, духовном созерцании донны как источника всякого блага, о воспроизведении в памяти ее благодатного облика, но нередко донна является поэту в сонном видении, и ее реальное появление уподобляется таковому (именно эту особенность поэзии нового сладостного стиля пародировали поэты круга Гвиттоне), отсюда обилие “визионерской” лексики – *vedere, parere, sembrare, apparire* и т.п.» [11. С. 84]. «Образ “сердечной живописи”, портрет донны, запечатленный в душе влюбленного, повторяется у Якопо да Лентини не один раз...» [11. С. 32]. Так, и у Петрарки в сонете 157 и многих других завязкой становится воспоминание (сон) о том «дне», которое запечатлел в «памяти сердца» пленительный и скорбный облик Лауры. Созерцая ее красоту, поэт видит «свет богоявленный». Вслед за общей картиной идет описание отдельных деталей внешности Лауры, поданных через традиционные сравнения и метафоры:

Власы – как злато; брови – как эбен;
Чело – как снег. В звездах очей угрозы
Стрелка, чьим жалом тронутый – блажен.

Уст нежных жемчуг и живые розы –
Умильных, горьких жалоб сладкий плен...
Как пламя – вздохи; как алмазы – слезы [12. С. 105].
(Перевод Вяч. Иванова)

По такой модели Петрарка пишет большинство сонетов, пряча за стереотипными метафорами облик Лауры. Сонет-портрет 220 тоже построен на типичных клише (волосы-золото, тело-снег, щеки-розы, зубы-жемчуг, взор-солнце), которые не несут никакой конкретной информации о внешности Лауры, но создают образ Прекрасного.

Абстрактность облика Дамы встречается еще у трубадуров, но при этом ее портрет не был кодифицирован: красавица могла быть черноокой (Джауфре Рюдель, Пейре Видаль), рыжеволосой (Арнаут де Марейль) или белокурой (Гиравт де Борнель). «Общими местами» провансальской лирики было воспевание свежести, молодости и румянца, стройного стана и белых зубов Дамы. Ее образ мог оживляться упоминанием о сладостном голосе, трепетном взоре и приветливой улыбке. Кроме внешней привлекательности трубадуры ценили приветливость и куртуазные манеры Дамы. Все эти характеристики создают, как правило, лишенный религиозной и метафизической символики земной образ провансальской Дамы.

«Сицилийцы снова и снова выводят один и тот же абстрактный рисунок: светлые волосы и ясный лик (*trecce bionde* и *chiaro viso*. Тоже без изменения перекочевавшие к Петрарке) Дамы; смятенное и восторженное чувство поэта, необузданное чувство, высветляющее себя в огне» [13. С. 25]. Но уже в *Dolce stil nuovo* «за образом мадонны явственно встают космические и надмирные дали: она теперь – почти небесная хранительница премудрости мира, Софии, и ключей блаженства. Провансальский и сицилийский каноны еще допускают соединение с любимой; для “сладостного нового стиля”, для всего Данте, для Петрарки оно абсолютно исключено из-за неземного достоинства донны: разделенная любовь и счастье означали бы изменение в космосе, возвращение рая на землю» [13. С. 26].

Сонет 90 – первый в «Книге песен» развернутый, хотя и, как обычно, абстрактный «портрет» Лауры, поданный как созерцание дамы.

В колечки золотые ветерок
Закручивал податливые пряди,
И несказанный свет сиял во взгляде
Прекрасных глаз, который днесь поблек,
...
Живое солнце, светлый дух небесный
Я лицезрел... [12. С. 68].

(Перевод Е. Солоновича)

Это, пожалуй, программный портрет Лауры, в котором упомянуты золотые волосы, сияние взгляда, легкость походки, музыка слов. Петраркистский портрет строится на «малом каноне» (по определению итальянского петрарковеда Дж. Поцци), его «структурными элементами... являются волосы, глаза, щеки, рот (губы и зубы), изредка в нем делаются акценты на шее, груди или руках» [14. С. 61]. Основное внимание уделяется

глазам, причем их форма, размер, цвет не важны: глаза Донны изображаются метафорически как «свет», они излучают сияние, как солнце и звезды.

Способность Петрарки нескончаемо варьировать образ, доводя его до своей противоположности, приводит к неожиданным трансформациям. Глаза не только сияют божественным, благодатным светом, но и жгут, ослепляют, испепеляют (сонеты 75, 107, 110, 151). Негодуя на Лауру, поэт может изобрести такую гиперболу: ее глаза способны поджечь Рейн под толщей льда (сонет 171) или, подобно смертоносному взгляду Медузы Горгоны, превратить все в камень (сонет 197).

Петрарка многократно повторяет мотив «глаз-стрелы» (сонеты 87, 133 и др.), который появляется уже в начале сонетного романа – в 3-м сонете, посвященном дню встречи с Лаурой. Момент встречи с донной «осмысляется не как центральное или поворотное событие, а именно как ее начало – жизни без любви для петраркиста не существует» [15. С. 155]. Сонет основывается на характерных для петраркистского стиля антитезах: разящий взор Лауры противопоставляется открытому, незащищенному взгляду героя, «нежные стрелы» любви направлены против безоружного, радость стрелка противоположна «слезам» влюбленного. Образ Лауры здесь нечеток, словно поэт видит не ее целиком, а только взгляд («луч огня»), застающий его врасплох. Этот взгляд подобен жгучим любовным стрелам, пронзающим сердце героя. «Военные» метафоры выстраиваются в систему: броня – стрелы – стрелок – панцирь – железо лат. Они восходят к мифологическому образу Амура, чьими атрибутами являлись лук и стрелы. Кроме того, в этом же сонете определяется характер отношений между героем и героиней: «узник» и «госпожа». Эти образы, как и типичные для «Канцоньере» темы любви-служения, поклонения Прекрасной Даме, муки неразделенной любви, стандартные сравнения (огонь, солнце – воск, лед, раненый олень, мотылек, попавший в огонь, и др.), – все являлись «общим местом» средневековой любовной лирики. Но Петрарка помещает их в новый контекст и виртуозно обыгрывает.

Знакомство с Лаурой, совпавшее со священным днем Страстной пятницы, предопределило дальнейшие мучения лирического героя Петрарки. Любовь для него стала крестными муками, а сам он – «страстотерпцем любви». Многие сонеты «Канцоньере» будут развивать темы глаз-стрел, любовного плена, «любви-войны», а Лаура будет видаться и чистым ангелом, и жестокосердной «врагинею».

Акцент на глазах находим и у сицилийца Дж. да Лентини в сонетах «Возможно ли, чтоб донна столь большая...» и «Как солнце шлёт свой луч и будет цело...». В тяжеловесной риторике этих сонетов глаза – путь к сердцу, место пребывания Донны, зеркало возлюбленной, мишень для Амора. В похожем значении мотив глаз разрабатывается у «стильновистов»: «В поэзии Кавальканти любовь описывается как драма, в которой Amor, персонификация любви, входит через глаза в сердце человека, становящееся полем битвы между Амором и человеческими душами, и в этой битве Amor неизбежно побеждает, духи бегут с

поля битвы и человек, оставшись без них, теряет жизнь и видит перед собой Смерть» [16. С. 22].

Другой портретный мотив в «Книге песен» – золотые волосы Лауры. В нем так же, как и в мотиве глаз, заключено значение божественного света. Сияющие волосы Лауры образуют подобие нимба святых. Золотой цвет в описании волос Лауры появляется не только как дань традиции, но и как религиозный символ.

На формирование ренессансной символики золотого цвета большое влияние оказала византийская световая эстетика. «Утратившая во многом свою актуальность в Новое время, эта эстетика процветала в Средние века. Ее следы мы обнаруживаем сейчас не только в трактатах древних подвижников, но и во многих явлениях средневековой, византийской, прежде всего, художественной культуры. Золотые фоны и нимбы мозаик и икон, лучи и звезды золотого ассиста на византийских изображениях, блеск мозаичной смальты, отражающей свет лампад и свечей, яркие светоносные краски икон и мозаик, система пробелов, пронизывающая у многих византийских мастеров их изображения, обилие света, светильников, сверкающих и драгоценных предметов в храме, создающих особую световую атмосферу, – все это конкретная реализация (точнее, экстериоризация) в искусстве той эстетики света, которую разработали на практике и попытались как-то описать в своих трактатах византийские подвижники» [17].

К осмыслению категории света обращались Василий Великий, Макарий Египетский, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Симеон Новый Богослов в X–XI вв. и в поздней Византии – Григорий Палама. Так, Василий Великий прославляет свет как божественное творение: «И сказал Бог: да будет свет (Быт. 1,3). Первое Божие слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, обвеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид. ...Как пускающие в глубину масло производят на том месте блеск, так и Творец всяческих, изрекши слово Свое, мгновенно вложил в мир благодать света... Так и золото прекрасно, хотя имеет привлекательность для взора и приятность не по соразмерности частей, но по одной доброцветности» [18].

Использование в характеристике Лауры световых мотивов связывает ее образ с Божественным началом. «Я в мыслях там, откуда свет исходит» (сонет 18). «Свет изначально считался атрибутом божества, и красота несла в себе свет как часть его присутствия. Эта христианская в своих истоках традиция, вобравшая в себя также идеи неоплатонизма и средневековые теории идеальной любви, нашла свое отражение во всей романской любовной лирике» [8]. Образ светоносной Лауры, олицетворяющий символическую идею всепреображающего Фаворского света, является знаком божественного присутствия.

Прекрасное у Петрарки основывается как на христианской эстетике, так и на философии платонизма. Сонет 159 свидетельствует о знании Петраркой диалога «Тимей», единственного из платоновских диалогов, получивших большое распространение в эпоху Средневековья. Сами понятия «прообраз», «образец», «рай идей» как будто взяты из платоновского учения.

Ее творя, какой прообраз вечный
Природа-Мать взяла за образец
В раю Идей? – чтоб знал земли житец
Премудрой власть и за стезею Млечной [12. С. 106].
(Перевод Вяч. Иванова)

Лаура причастна неизменному миру идей, вечных сущностей, по образу которых она была создана. Она – Душа мира, отблеск небесных сфер и Вечной Красоты. «Бог любви» Амор, создавший Лауру и всегда присутствующий в пространстве «Канцоньере», – это платоновский Эрос, великая созидательная сила мироздания. Лаура становится отсветом Красоты божественного космоса (сонет 154). В связи с этим думается, нуждается в корректировке утверждение Р.И. Хлодовского о том, что «мир трансцендентного – не мир Петрарки. Лаура и после смерти остается воплощением красоты этого мира...» (разрядка автора. – Е.С.) [19. С. 166].

Облик Лауры в «Книге песен» достаточно разнообразен: поэт видит ее улыбку и слезы, ее взор то холоден и строг, то мягок и сострадателен, она бывает и весела, и печальна. Лауре нет равных среди смертных, описания ее красоты часто связаны с превосходными степенями (нет милее взора, нежнее голоса, чище слез, чем у нее), она затмевает и знаменитых античных красавиц: Елену Троянскую, Поликсену, Иппигилу, Лукрецию («Она прекрасней всех – Природы честь, Моя отрада...» [12. С. 171]. И даже солнце и радуга не так прекрасны, как «милый лик» [12. С. 97]. Обычно Лаура предстает прогуливающейся или сидящей на зеленой траве. При этом ее образ статичен, а движения замедленны. (Пожалуй, единственным исключением является сонет 225: в нем Лаура изображена в движении, она спешила на встречу к лирическому герою, и от этого ее кудри разметались.) «В ее покое и невозмутимости еще много от женщины, наделенной божественными чертами, стоящей над страстями, вне событий, не затрагиваемой земными невзгодами: опустить ее на землю значило бы осквернить идеал» [20. С. 320]

Портрет Лауры нередко дополняет цветущий весенний пейзаж, который перекликается с гармоничностью ее образа. Она изображена ступающей по разноцветью трав, гуляющей в зеленой роще. Пейзажные фоны Лауры отмечены глубоким спокойствием, ощущением целостности, умиротворения и тишины. Т.В. Якушкина указывает на различие пространственного положения героев «Канцоньере»: «Между тем положение каждого из героев пространственно закреплено: она – в лучах солнца на лоне цветущей природы, он – невидимый для нее, как бы скрытый в тени. Диспозиция героев обусловлена местом каждого в иерархии мира и содержит морально-религиозный подтекст: его стихия – мрак, связанный с земным и греховным; ее стихия – сияющий свет, символизирующий чистоту и причастность небесному» [15. С. 158]. Ни разу Лаура не показана в окружении городской архитектуры или интерьеров.

Она ступает мягко на траву –
И дружно лепестки цветов душистых,
Лиловых, желтых, алых, серебристых,
Спешат раскрыться, как по волшебству [12. С. 110].
(Перевод Е. Солоновича)

Сонеты 196–198 образуют некий микроцикл о волосах Лауры (непосредственно за ним следует цикл о перчатке). Здесь Петрарка вновь предлагает разнообразные вариации этого мотива: противопоставление распущенных волос (прошлое, близкое) и волос, заплетенных в прическу с жемчужной нитью (настоящее, далекое). Распущенные волосы означают молодость или незамужний статус девушки; заплетенные волосы и тщательно уложенная прическа – несвободу, зрелость, определенное социальное положение. Образ жемчуга как символ духовной чистоты подчеркивает непорочность Донны. По ассоциации с тугими жгутами волос возникает тема «петли», которая сдавливает сердце поэта; и далее идут изысканные версии мотива «любовного плена» – путы золотых волос (сонет 197), сеть из золотой пряжи волос (сонет 198). «И сам я в путах золотых волос, / В чьем блеске меркнет солнца пламень ясный» [12. С. 134].

Колеблет ветер, солнце освещает
Литые нити пряжи золотой,
Их плел Амур и, сетью их густой
Опутав сердце, дух мой очищает [12. С. 133].
(Перевод А. Ревича)

Микроцикл о перчатке (199–201) – три поэтические вариации на тему похищенной и возвращенной шелковой перчатки Лауры – выделяется из всего сборника своей «сюжетностью». Обладание перчаткой, «бесценным даром», возносит лирического героя на вершину блаженства. Это «похищение» позволяет поэту лицезреть прекрасную обнаженную руку Донны.

Продолговато-нежные персты,
Прозрачней перлов Индии чудесной,
Вершители моей судьбины крестной,
Я вижу вас в сиянье наготы [12. С. 134].
(Перевод Е. Солоновича)

Дважды, в сонетах 199 и 200, рука Лауры соединяется с образом сердца, находящегося на ладонях возлюбленной. Но похищение разоблачено, и лирическому герою приходится расстаться со своей добычей.

Неслучаен выбор именно этого аксессуара, так как перчатка воспринималась как один из символов куртуазности. Она могла быть романтическим подарком поклоннику или добычей тайного воздыхателя. Подаренная дамой перчатка символизировала ее внимание и благосклонность. В данном сонете необходимость вернуть этот аксессуар означает отчужденность и холодность Лауры, которая не отвечает на любовь своего обожателя.

Порой лирический герой Петрарки признается в бессилии передать красоту Лауры, он жалуется на бедность своего языка перед «милым ликом» (сонет 144); сетует на «бессвязный лепет» своих любовных песен и несоответствие пламенно-любовного содержания и невнятного выражения чувства (сонет 170). В сонете 247 и вовсе звучит мотив молчания как наиболее достойная форма прославления Донны. Лаура недостижима для поэтических славословий:

Недостижимо это божество
 Для песен: будь себе я господином,
 О ней бы не писал я ничего [12. С. 163].
 (Перевод Е. Солоновича)

В свете данных размышлений все песни о Лауре – это попытка выразить словами, по существу невыразимое. Красота Лауры непознаваема и неизъяснима и может быть выражена только в тишине.

Ряд сонетов содержит более конкретные детали облика Лауры, включающие изображение ее одежды и украшений. Но и здесь символизм явно преобладает над реализмом. На первый план выступает символика цветов, имеющая в средневеково-ренессансной традиции свою богатую историю и семантику. Средневековые в целом имели пристрастие к ярким цветам, поскольку «фундаментом всех цветов является свет, который большинством теологов воспринимался как видимое присутствие Бога» [21. С. 68]. «Для средневековых служителей Церкви цвет – это не просто некая физическая данность, а теологическая проблема, поскольку цвет связан с физикой и метафизикой света и, следовательно, может разрешить вопрос, как человеческая сфера связана с божественной» [22. С. 61].

Сонет 185 – мистическое видение Лауры, являющейся поэту в золотом сиянии вечной красоты. В этом откровении небесное соединяется с земным, бесплотное – с чувственным, незримое – с реальным. Здесь Лаура предстает в царственном образе женщины-Феникса с огненным опереньем и золотым ожерельем на белой шее.

Окутал пурпур царственные плечи,
 С лазурной оторочкою убор,
 Усыпанный пунцовыми цветами [12. С. 124].

Цвета-символы восходят к христианской традиции, контраст красных и синих оттенков был очень популярен у художников Возрождения при изображении Богоматери. «Цветовое сочетание красного, синего и золотого в картине соответствует традиционному цветовому решению образа Богоматери, – указывает М.Г. Давидова, анализируя картину Симоне Мартини «Мадонна Аннунциата». – Одежды красного цвета являются символом страдания и любви. Пурпур – цвет царственного величия и духовности. Это облачение Марии говорит о Ее высоком достоинстве как Божьей Матери и Царицы Небесной. Синий покров символизирует приснодевство Марии. Фома Аквинский видит в гиацинтовом цвете созерцание вещей небесных. Такое понимание символики синего цвета восходит к Св. Писанию, где в видении Иезекииля престол славы Господней подобен сапфиру. Синий, таким образом говорит об отречении от мирского ради небесной мудрости, поэтому этот цвет может быть и знаком целомудрия, и символом бесстрастия и отказа от земной суеты» [23].

В сонете 192 экспрессивное сочетание красного цвета одежды Лауры, золотого узора на ней, зеленой травы и пестрого многоцветья, по которому ступает Донна, создает колористически насыщенную картину, исполненную символическими значениями. «В текстах и на изображениях этот цвет ассоциируется и с любо-

вью Христа к человечеству (*caritas*), и с нежной привязанностью, соединяющей супругов (*dilectio*), и с плотской связью двух любовников (*luxuria*), и даже с развратом (*fornicatio*). В Средневековье красный цвет обладает весьма разветвленной символикой и может служить эмблемой любви в самых разных ее проявлениях» [24. С. 36]. Основываясь на документальных источниках (*Prammatica del vestire* – инвентарная опись личного гардероба всех флорентийских женщин, или, по крайней мере, всех флорентийцев, принадлежавших к знати), «историк цвета» Пастуро делает вывод о том, что во Флоренции и Тоскане с осени 1343 г. до весны 1345 г. («в канун черной смерти») в одеждах преобладали оттенки красного цвета.

Выдвижение синего цвета (голубого, лазурного, фр. *bleu*), как отмечает М. Пастуро, начнется с середины XII в. («синяя революция» XII–XIII вв.) и будет связано с распространением культа Девы Марии, образ которой стал ассоциироваться с этим цветом. Он становится одним из основных атрибутов Богоматери, что найдет отражение в изобразительном искусстве. «Иконографический цвет Девы Марии, эмблематический цвет короля Франции и короля Артура, символический цвет королевской власти и просто модный цвет, синий цвет все чаще ассоциируется в литературных текстах с такими понятиями, как радость, любовь, верность, покой, утешение» [25. С. 47].

Красный цвет является в обоих сонетах доминирующим. Зеленый становится фоном, голубой (лазурный), символизирующий чистоту и целомудренность, как оторочка убора, – дополнительным. Но чем ближе к Сонетам на смерть, тем больше мрачных предчувствий. Яркие краски уходят, цветовая гамма становится бледной и сумрачной (сонет 249).

Таким образом, анализ исследуемой проблемы показал, что сонет-портрет занимает в «Книге песен» видное место. В нем, как и во всей книге Ф. Петрарки, преломились традиции провансальской и сицилийской лирики, долгие стиль нуово и поэзии Данте. Петрарка не стремится к детализированному портретированию, он создает идеальный образ светоносной Донны-ангела. Не без влияния сицилийцев ключевым мотивом его портретных сонетов становится созерцание, запечатлевающее образ Лауры в душе поэта. Однако, в отличие от своих предшественников, Петрарка углубляет символическое содержание портретного образа. Сама масштабность поэтической книги-жизни Петрарки позволила ему создать портрет Лауры более многоплановым, передать разное настроение и даже психологическое состояние модели. Поэт усовершенствовал портретную технику и психологический рисунок, существенно обновил стереотипы изображения женской красоты. Его портрет – это воссоздание не только внешнего, но и внутреннего совершенства Лауры. Изображение Лауры строится по «малому канону», включающему описание лица (с акцентом на глазах и волосах) и рук. В портреты также попадают детали одежды и аксессуаров Донны, наделенные не только декоративной нарядностью, но и символическими чертами. В земных чертах Лауры ощущается причастность надмирному, поэтому ее образ

находится на грани между любованием формой, присущей живописному портрету, и созерцанием мира горнего, характерным для иконописания. По цветовому

символизму, светоносности и мягкости лика портрет Лауры принадлежит не только к литературной, но и к иконографической традиции.

Примечания

- ¹ Титаренко С.Д. Сонет в русской поэзии первой трети XIX века : дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1983; Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета. Тбилиси, 1985; Плавский З.И. Четырнадцать магических строк... // Западноевропейский сонет XIII–XVII веков. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1988. С. 3–28; Кормилов С.И. Некоторые проблемы современной теории сонета // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1993. № 3. С. 32–41; Бердникова Л.И. Становление сонета в русской поэзии XVIII века: 1715–1770 : дис. ... канд. филол. наук. М., 1985; Вишневский К.Д. Разнообразие форм русского сонета // Russian verse theory : материалы конференции 1987 года в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе: Славистические исследования Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Т. 18. Издательство Slavica, Инс., 1989. Р. 455–471.
- ² Зырянов О.В. Жанровая динамика сонетной формы // Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 548 с.; Останкович А.В. Гармония сонета. М. : Изд-во МГОУ, 2005. 237 с.; Федотов О.И. Сонет. М. : РГГУ, 2011. 610 с.
- ³ «В сонете можно выразить любое настроение души, обратиться к любому типу читателей. В сонете можно любить, смеяться, горевать, рассказывать или описывать, упрекать, восхищаться, молиться» (перевод мой. – Е.С.).
- ⁴ Единственное встреченное нами упоминание об этом виде сонета содержится в учебном пособии В.А. Пронина «Теория литературных жанров» (М., 1999. С. 29).

Список источников

1. Leigh Hunt. An essay on the cultivation, history, and varieties of the species of poem called the sonnet // The book of the sonnet. Forgotten books, 2012. P. 3–135. URL: http://www.forgottenbooks.org/info/The_Book_of_the_Sonnet_1000044928.php (дата обращения: 26.11.2024).
2. Sharp W. The Sonnet. Its Characteristics and History // Sonnets of this century. 1888. Forgotten books, 2012. P. XXIII–LXIV. URL: <http://www.amazon.co.uk/Sonnets-This-Century-Classic-Reprint/dp/B008CB09XM> (дата обращения: 26.11.2024).
3. Гроссман Л.П. Поэтика сонета // Проблемы поэтики : сб. статей / под ред. В.Я. Брюсова. М. ; Л. : ЗиФ, 1925. С. 117–140.
4. Новожилов М.А. «Тем, кто волшебством моим пленен...». Эссе о сонете. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/novozhilov/novozhilov-zametki-o-sonete.htm> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Петрарка Ф. Избранное: автобиографическая проза. Сонеты : перевод / сост., общ. ред. и коммент. Н. Томашевского ; ил. А. Гончарова. М. : Худож. лит., 1974. 443 с.
6. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М. : Культура : Академический проект, 2017. 646 с.
7. Парандовский Я. Петрарка. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/parandowski-petrarca/laura.htm> (дата обращения: 15.06.2025).
8. Якушкина Т.В. Портрет красавицы: переосмысление первоисточника в итальянском петраркизме XVI века. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/yakushkina-portret-krasavicy.htm> (дата обращения: 23.08.2024).
9. Флорова В.С. Донна, поэт и адресат в «Канцоньере» Петрарки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1 (65). С. 48–50.
10. Козлова С.И. Петрарка и образ Прекрасной Дамы в искусстве Возрождения // Искусствознание. 2017. № 2. С. 10–41.
11. Топорова А.В. Ранняя итальянская лирика. М. : Наследие, 2001. 200 с.
12. Петрарка Ф. Лирика / вст. ст., сост. и примеч. Н. Томашевского. М. : Худож. лит., 1980. 381 с.
13. Библихин В.В. Слово Петрарки // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 7–37.
14. Якушкина Т.В. Принципы изображения женской красоты в поэзии итальянских петраркистов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 1-II. С. 61–69.
15. Якушкина Т.В. Время и пространство в поэтическом мире итальянских петраркистов XVI века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 57. С. 154–160.
16. Крол Ш. У истока итальянской поэзии: Жизнь и творчество Гвидо Кавальканти // Стихотворения Гвидо Кавальканти и других итальянских поэтов XIII–XIV вв. Киев : Laus, 2017. С. 9–25.
17. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Т. 1: Раннее христианство. Византия, Искусство слова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/2000-let-hristianskoj-kultury-sub-specie-aesthetica-tom-1-ranee-hristianstvo-vizantija/3_8 (дата обращения: 15.06.2025).
18. Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Беседа 2. О том, что земля была невидима и неустроена. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/#0_2 (дата обращения: 15.06.2025).
19. Хлюдовский Р.И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М. : Наука, 1974. 176 с.
20. Де Санктис Ф. История итальянской литературы : в 2 т. / пер. с ит. М. : Изд-во иностр. лит., 1963–1964. Т. 1. 1963. 536 с.
21. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб. : Александрия, 2012. 448 с.
22. Седова О.В. Роль цвета и света в эпоху Европейского Средневековья // История: факты и символы. 2016. № 1 (6). С. 58–68.
23. Давидова М.Г. «Мадонна Аннунциата» Симоне Мартини из Государственного Эрмитажа. URL: <https://portal-slovo.ru/art/44261.php> (дата обращения: 14.11.2024).
24. Пастуро М. Красный. История цвета. М. : Нов. лит. обозрение, 2019. 160 с.
25. Пастуро М. Синий. История цвета. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. 136 с.

References

1. Hunt, L. (2012) An essay on the cultivation, history, and varieties of the species of poem called the sonnet. *Forgotten Books*. pp. 3–135. [Online] Available from: http://www.forgottenbooks.org/info/The_Book_of_the_Sonnet_1000044928.php. (Accessed: 26.11.2024).
2. Sharp, W. (2012) The Sonnet. Its Characteristics and History. *Sonnets of this century. 1888. Forgotten books*. pp. XXIII–LXIV. [Online] Available from: <http://www.amazon.co.uk/Sonnets-This-Century-Classic-Reprint/dp/B008CB09XM>. (Accessed: 26.11.2024).
3. Grossman, L.P. (1925) Poetika soneta [Poetics of the Sonnet]. In: Bryusov, V.Ya. (ed.) *Problemy poetiki* [Problems of Poetics]. Moscow; Leningrad: ZiF. pp. 117–140.
4. Novozhilov, M.A. (n.d.) "Tem, kto volshebstvom moim plenenn...". Esse o sonete ["To Those Who Are Captivated by My Magic...". An Essay on the Sonnet]. [Online] Available from: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/novozhilov/novozhilov-zametki-o-sonete.htm>. (Accessed: 30.11.2024).
5. Petrarch, F. (1974) *Izbrannoe: avtobiograficheskaya proza. Sonety* [Selected Works: Autobiographical Prose. Sonnets]. Translated from Italian. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

6. Losev, A.F. (2017) *Estetika Vozrozhdeniya* [The Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Kul'tura: Akademicheskiiy projekt.
7. Parandovskiy, Ya. (n.d.) *Petrarka* [Petrarch]. [Online] Available from: <http://svr-lit.ru/svr-lit/parandowski-petrarca/laura.htm>. (Accessed: 15.06.2025).
8. Yakushkina, T.V. (n.d.) *Portret krasavitsy: pereosmyslenie pervoistochnika v ital'yanskom petrarkizme XVI veka* [Portrait of a Beauty: Rethinking the Original Source in 16th-Century Italian Petrarchism]. [Online] Available from: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/yakushkina-portret-krasavicy.htm>. (Accessed: 23.08.2024).
9. Florova, V.S. (2016) Donna, poet i adresat v "Kantson'ere" Petrarki [Donna, Poet, and Addressee in Petrarch's Canzoniere]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11-1 (65). pp. 48–50.
10. Kozlova, S.I. (2017) Petrarka i obraz Prekrasnoy Damy v iskusstve Vozrozhdeniya [Petrarch and the image of the Beautiful Lady in Renaissance art]. *Iskusstvoznanie*. 2. pp. 10–41.
11. Toporova, A.V. (2001) *Ranniyaya ital'yanskaya lirika* [Early Italian Lyric Poetry]. Moscow: Nasledie.
12. Petrarch, F. (1980) *Lirika* [Lyric Poetry]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Bibikhin, V.V. (1982) Slovo Petrarki [Petrarch's Word]. In: Petrarch, F. *Esteticheskie fragmenty* [Aesthetic Fragments]. Moscow: Iskusstvo. pp. 7–37.
14. Yakushkina, T.V. (2008) Printsipy izobrazheniya zhenskoy krasoty v poezii ital'yanskikh petrarkistov [Principles of depicting female beauty in the poetry of Italian Petrarchists]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 1-II. pp. 61–69.
15. Yakushkina, T.V. (2008) Vremya i prostranstvo v poeticheskom mire ital'yanskikh petrarkistov XVI veka [Time and space in the poetic world of Italian Petrarchists of the 16th century]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 57. pp. 154–160.
16. Krol, Sh. (2017) U istoka ital'yanskoy poezii: Zhizn' i tvorchestvo Gvido Kaval'kanti [At the source of Italian poetry: The life and work of Guido Cavalcanti]. In: *Stikhotvoreniya Gvido Kaval'kanti i drugikh ital'yanskikh poetov XIII–XIV vv.* [Poems by Guido Cavalcanti and Other Italian Poets of the 13th–14th Centuries]. Kiev: Laurus. pp. 9–25.
17. Bychkov, V.V. (n.d.) *2000 let khristianskoy kul'tury sub specie aesthetica* [2000 Years of Christian Culture Sub Specie Aesthetica]. Vol. 1. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/2000-let-hristianskoj-kul'tury-sub-specie-aesthetica-tom-1-ranee-hristianstvo-vizantija/3_8. (Accessed: 15.06.2025).
18. Saint Basil the Great. (n.d.) *Besedy na Shestodnev. Beseda 2. O tom, chto zemlya byla nevidima i neustroena* [Homilies on the Hexaemeron. Homilies 2. On the Earth Being Invisible and Unsettled]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/#0_2. (Accessed: 15.06.2025).
19. Khlodovskiy, R.I. (1974) *Franchesko Petrarka. Poeziya gumanizma* [Francesco Petrarch. Poetry of Humanism]. Moscow: Nauka.
20. De Sanktis, F. (1963) *Istoriya ital'yanskoy literatury* [History of Italian Literature]. Translated from Italian. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
21. Pastoureau, M. (2012) *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [Symbolic History of the European Middle Ages]. Translated from French by E. Reshetnikova. Saint Petersburg: Aleksandriya.
22. Sedova, O.V. (2016) Rol' tsveta i sveta v epokhu Evropeyskogo Srednevekov'ya [The role of color and light in the European Middle Ages]. *Istoriya: fakty i simvol'y*. 1 (6). pp. 58–68.
23. Davidova, M.G. (n.d.) *"Madonna Annuntsiata" Simone Martini iz Gosudarstvennogo Ermitazha* [Madonna Annunziata by Simone Martini from the State Hermitage Museum]. [Online] Available from: <https://portal-slovo.ru/art/44261.php>. (Accessed: 14.11.2024).
24. Pastoureau, M. (2019) *Krasnyy. Istoriya tsveta* [Red: The History of a Colour]. Translated from French. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
25. Pastoureau, M. (2017) *Siniy. Istoriya tsveta* [Blue: The History of a Colour]. Translated from French. Moscow: Nov. lit. obozrenie.

Информация об авторе:

Сухих Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Sukhikh, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025;
одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 02.01.2025;
approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 168+101
doi: 10.17223/15617793/517/8

Роль неопределённости и трансформация методологии в технаучной сфере

Наталья Владимировна Довгаленко¹

¹ Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия, dovgal30@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается проблема методологических изменений современной стадии развития технаучи. Роль рационального конструктивизма, основанного на мимесисе – методологии творения искусственного мира, сменилась вторжением в область алгоритмов порождения. В связи с этим актуализировалась роль неопределённости, проявляющей себя через «зону обмена» (П. Галисон) и мимикрии как методологической установки, направленной на инженерное «подражание» природным процессам воспроизведения-гибели.

Ключевые слова: методология, мимесис, мимикрия, неопределённость, «зона обмена», технаучные объекты, нанотехнологии

Для цитирования: Довгаленко Н.В. Роль неопределённости и трансформация методологии в технаучной сфере // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 77–82. doi: 10.17223/15617793/517/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/8

Uncertainty and the transformation of methodology in the technoscientific field

Natalya V. Dovgalenko¹

¹ Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, dovgal30@rambler.ru

Abstract. Technoscience, as a project that is fundamentally methodological, continues the theme of rational constructivism, which originates from the ancient Greek concept of "mimesis" (μίμησις) – a creative act aimed at imitating nature. Its essence lies in a volitional action that conceals the "technical" (τέχνη) as a means of arriving at an artful, artificial mode of being. However, the fundamental novelty of technoscience lies in its transcendence of the boundaries of mimesis, shifting its foundation from a constructive design to "imitation" as "mimicry" (μυμητισμός) – a dissolution and concealment within natural processes themselves. The directed effort of technoscience penetrates the core of natural cycles and is recognized as an immersion into the event of "exchange" (informational, material, molecular, etc.) across various levels of reality, utilizing the instrumental domain of science. Its basis is corrective engineering manipulation, which uncovers new stable forms within molecular, cellular, genetic, informational, social, and other structures. Within this framework, the role of "uncertainty," initially introduced by the synergetic paradigm, becomes more clear and tangible. It by no means coincides with the concept of "chaos" (annihilation, confusion); rather, it reveals the dissolution of established boundaries and connections, residing within the domain of self-organization and exposing a local zone of nature's actions. From the author's perspective, uncertainty, manifesting as a "trading zone" (P. Galison), contains an infinite multitude of ways in which a thing or event discloses itself. In this regard, the level of nanostructures is illustrative, as they can be both particles participating in mechanosynthesis (nanomachines) and interfaces (multilayer nanosystems, zones of local inhomogeneities). Modeling merely determines the combination of constraints in the physical process of creating nanostructures. However, the emphasis is moving towards manipulation practices: the use of quantum nanobots, mechanosynthesis, actuator control, etc. Technoscience, on the one hand, is guided by the methodological synthesis of diverse forms of knowledge. On the other hand, it operates within various levels of φύσις (physis), penetrating the event of "exchange" and engineering stability and coordination where none existed before. Thus, the theme of "atomic reductionism" is being supplanted by the methodology of mimicry, which pays homage to the power of uncertainty. This power, while serving as a source of new discoveries across various levels of reality, simultaneously produces a manifold increase in objective unreliability in the reproduction of nanotechnologies (A. Grunwald)

Keywords: uncertainty, mimesis, mimicry, methodology, technoscientific objects, nanotechnology, synergetic paradigm

For citation: Dovgalenko, N.V. (2025) Uncertainty and the transformation of methodology in the technoscientific field. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 77–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/8

В эпистемологическом смысле современная эпоха определяется как технотехника, в философском – как ди-джимодернизм, постгуманизм, метамодернизм. Её описывают, как некую промежуточную стадию раскачивания, в которой уже не уделяется внимание многочисленным нарративам науки (теориям, объяснениям), но устанавливается новый объект реальности; не ставится под вопрос субъект, а осуществляется его «пересборка» (Б. Латур). Эта эпоха, по сути, не обрывает связь с модерном, породившим научную рациональность, но указывает на его новые возможности, в том числе методологические, инженерные, социальные. Философия, как всегда в такой ситуации, пытается дать имена новым процессам.

Как содержательный проект наука была сформирована, прежде всего, как методология. Об этом говорит посыл классических систем рационализма и эмпиризма, а также возникшее на их основе исследовательское поле конвенционализма, неопозитивизма и других направлений, которые открыли тему «субъекта» как критерия для установления эталонных мер, систем наблюдения и измерения. Именно последние области определили содействие научного и технического, когда при взаимодействии с реальностью техника была признана «наилучшим чувством». Показателен в данном случае пример применения телескопа Г. Галилеем, через который наука обнаружила, что техника может быть контрагентом, или «соучастником договора» о наблюдении и интерпретации реальности [1. С. 141]. К самой технике подходили, прежде всего, из древнегреческой парадигмы мимесиса. В этом смысле мимесис (др.-гр. *μίμησις*) как «подражание», «соучастие» открывает творческий импульс в существе природы, составляющий в существование «иной» род бытия. Техника вообще и для науки в частности открывается как способ введения в мир чего-то искусственного в объектах, приборах, направленном когерентном свете и прочем – она открывает порядок «иного» бытия, загромождающая реальность странными образованиями. Пиком её выражения стал конструктивизм – метод, подводящий основание (лат. *subiectum*), разумное основание под технический процесс, объект. Для того чтобы создать телескоп и правильно интерпретировать видение земных, а также небесных тел, было необходимо дать разумное обоснование о преломлении света, выборе ориентиров, двоении феноменов и пр. Наблюдение стало целенаправленным процессом, который должен быть вписан в систему ожидания. Так, воля субъекта в мышлении как активного, познающего, творящего начала определила сферу науки в XX в. Техника и технология проявили эту волю посредством, прежде всего, производства. Оно заняло сферу человеческого пространства, где особую роль стали играть «жизненные циклы» искусственных изделий [2]. Сила *ratio* определила функциональность и устойчивость данного мира, а направленное действие двигало его развитие в сторону усложнения (идея прогресса). Центральная роль в создании, отслеживании «жизненных циклов» технологических систем отводилась инженеру, который обладал: 1) стремлением к рациональному подчинению всех процессов искусственных систем,

которое он распространил и на естественный мир; 2) регламентированием собственной мысли, направленным на обслуживание искусственного. Инженер предстал конструктором, деконструктором реальности, процедуры которых вошли в существо антропологического бытия, изменили не только состав вещей, но и способ проживания, отношения к *φύσις* (природе) и сознанию (*λόγος*) человека.

Содержательной, а не формальной проблемой этапа технотехники стало сознательное «расширение» и даже игнорирование методологии конструктивизма, которая определила весь XX в. и принесла много дивидендов. В данной статье мы постараемся определить основания и интенции новой методологической парадигмы, которая нарушает предложенные правила где-то очевидно, а где-то непроизвольно. Присутствие скрытых интенций самопреодоления внутри конструктивизма отмечает В.Г. Горохов, рассматривая нанообъекты как структуры, где задаются первичные качества, которые порождают вторичные посредством аристотелевской формы (пример с углеродной нанотрубкой, которая может быть и проводником, и полупроводником, или «наполнением» для реализации функций переключающих систем в транзисторах) [3. С. 26–28]. Эти качества преодолевают детерминацию. В методологию технотехники он вводит понятие «вещь в себе», определяя область применения новых технологий как «поверхность» или «вещи для нас». Наша статья является попыткой развития данной методологической проблемы.

Тема технотехнических объектов и методов их получения, исследования является чрезвычайно востребованной в современном знании, особенно в границах ситуации рисков [4]. Многие авторы и школы разрабатывают вопросы, оправданно сужая их содержание до биотехнологий (Т.Д. Брок, Д. Салстон, Д.В. Ямщиков), наноуровня (В.И. Аршинов, М.В. Лебедев, К. Мальдонадо), когнитивистики (Х. Пантэм, Ф. Варела, Дж. Сирл) или уходят в границы этики (С. Фуллер, А.А. Гусейнов, Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко и др.) для того, чтобы произвести более тщательный анализ технотехнического манипулирования и указать на возможности обнаружения «скрытых» миров. Б. Латур, Л. Виннер, В.Г. Горохов, В.Г. Буданов и другие исследователи ставят вопрос о конвергирующих технологиях как «формах жизни», деятельностном подходе и сетевых связях.

Для того чтобы понять путь движения самой технотехники, нужно отметить, что она, с одной стороны, использует опыт мимесиса, т.е. творения искусственного, с другой – «заигрывает» с самой природой, раскрывая её новые структурные уровни, способы самоорганизации. Так XXI в. возвращает нас к переосмыслению *φύσις* (природного), соприкасающегося с хаосом. Именно эта сторона становится важнейшим элементом изменения методологии в технотехнике. Более того, она совершенно не нова и переоткрывается в синергетической парадигме. Именно особое чередование состояний «порядка» и «хаоса» в развитии системы даёт возможность фиксировать необратимость как фактор бесконечного переустройства системы, которая затрачивает на динамику энергию, пребывающую не только в ситуации работы, но и рассеивания.

Причем природа как бы делает «выбор» в сторону направленности, предоставляя саму вероятность (выбор), но скрывая её реализацию за невозможностью однозначно и точно фиксировать начальные условия системы (неопределённость) [5]. Рациональность закрепляет мировоззренческий выбор человека в пользу устойчивости физических законов, гарантирующих предсказуемость, контроль, но насколько они отражают существо самого мира, а не являются редукцией от сложности к простоте? Законы природы не следует рассматривать как предписания, так как их наличие еще не гарантирует заданный исход. Синергетика, в частности, указала на то, что при увеличении порядка данных (описаний), при переходе от одномерных задач к двумерным и трехмерным, тяжело не выйти за границы условий и практически невозможно говорить о детерминированности событий.

Стоит ли вообще уделять такое внимание при рассмотрении φύσις рациональности и подведению под причинность? «Сила воды растворять соль проявляется, в данном случае, посредством того, что соль растворяется, – это то, что происходит с солью. Причинные силы таковы, что их манифестация состоит в том, что что-то происходит с объектом, который обычно не является тем, которому эта сила принадлежит. Сказать, что проявление силы воды в данном случае является характеристикой, которая принадлежит соли, – это не то же самое, что постулировать “реальное отношение” между водой и солью» [6. С. 21–22]. Другими словами, является ли вода причиной растворения или сама соль обладает способностью исчезновения? Так, полагать – значит допускать рассмотрение φύσις и вне границ, форм, структур. Допускать его связь с хаосом, который выталкивает «маятниковую» подвижность неопределённости и определённости в актуальное, проглатывая, перемешивая их в глубине ничтожения. Так его рассматривала и античная мысль, через отрицание: Эмпедокл пишет о «смешении, неразличимости тел», Гераклит – о любви природы к сокрытию, Парменид – о немыслимости небытия [7]. Хаос выступает одновременно и носителем потенциального, и источником «забвения». Он неопределим и попадание во φύσις (природа, «властвующее владычество») позволяет вступить на зыбкое поле устойчивости-неустойчивости, неодушевлённости-одушевленности, протяжённости-непротяжённости и пр. «Мгновенное, совершающееся в воспламенении, распаивает пространство появления в противоборстве с областью исчезновения» – пишет о φύσις М. Хайдеггер [8. С. 204].

Всё существо φύσις указывает на бесконечный процесс мимикрии (др.-гр. μιμησις) – стремление слиться, потерять форму, раствориться, или рождения – обрести устроенность тел, устойчивость свойств, отношений. У этих двух устремлений неразличимая тонкая грань, определённая вездесущим «повторением», подражанием. Пример из органической жизни, характеризующий идею «темного витализма» Б. Вударта, вводит в бездну смешения, где грибы предстают как простое вегетативное варьирование, не требующее окончательной формы [9. С. 58]. Они есть чистая среда

для иных форм живого, сами поддерживая собственную же организменную форму, расплывающуюся в бесконечном растворении и повторении. Мимикрия не позволяет осмыслить переход от умножающейся сложности к принципиально иному, но в ней прогрессирует тема сокрытия, растворения, только намекая на формообразование.

Можно сказать, что мимикрия и мимесис – *разнонаправленные* принципы подражания природе: стремление к сокрытию и раскрытию устойчивого порядка, формы. Но не только. Мимесис определяется как попадание на новый онтологический уровень, он открывает новое качество формы (μορφή). Мимесис у Платона, например, есть своеобразный акт повторяющегося трансцендентного движения сознания [10. С. 57]. Техника (τέχνη) была раскрыта древними как *способ* или путь в мир новых форм, не заданных φύσις матрично. Она способствовала выведению из сокрытости бытия «искусственного», потому играла (и до сих пор играет) роль «имитатора» природной гармонии или красоты человеческих мыслей, чувств (искусство). Воплощением технического выступали искусственные вещи (иригационные сооружения (реки) или игрушки (животные, птицы)), искусственное движение (механика или электрический ток), искусственная внутренняя жизнь (литература, театр, кинематограф) и другие проявления, уподобляемые естественным, но и уходящие от чистого копирования.

Эра технонауки преобразовала данный процесс. Она позволила на границах соприкосновения «природного» и неприродного столкнуться с невероятной, еле уловимой подменой методологии конструктивистского мимесиса. «Танатоз знаменует собой фатальное равенство, согласно которому логика мимесиса обращается в мимикрию...» [11. С. 87]. Посыл, в котором доминировало стремление сотворить «иное» – искусственное, синтетическое, введенное в существование насильственным путем, сменился методологией «попадания» в область, где осуществлялось перемешивание, запутанное пересечение сил, которые выходили к фазам устойчивости. Направленное действие инженера позволяет заниматься осознанной манипуляцией различными областями реальности: физической, химической, биологической, информационной, когнитивной и другими, и находить через мимикрию области их отождествления. Наиболее востребован в данном смысле NBIC-тетраэдр, куда входят атом, ген, бит, нейрон. Эти объекты могут рассматриваться как взаимозаменяемые, главное – суметь их «загнать» в такое состояние, определенное условием пространственно-устойчивых границ, в котором и начнут действовать конвергирующие принципы [12]. Как отмечает Б. Латур, нужно наметить картографию пересечения действий, но не определять параметры, тем более существо самих объектов. Актёры лишь направляют состояния к различным конфигурациям, даже неммыслимым сегодня, но не создают их в привычном понимании. Техническое ведёт себя «по-иному», не требуя проявления властного в актах создания – вещей, конструктивных решений, а мимикрируя, «размывая» привыч-

ные состояния и объекты биологического, молекулярного, энергетического порядков, проникая в их процессуальность непрерывающегося обмена, разрушения-становления, маскируя инженерное воздействие (ограничение степеней свободы поведения, изменение условий существования и пр.) под природный ход вещей. Модифицированный вирус, искусственный бит информации, синтетическая молекула – практически неотличимы от естественных. Трудно ответить на вопрос, улучшенный ли это мир... Наиболее ярко о себе в данном смысле заявила область наноструктур – реальность, открывающая новые формы устойчивости с помощью классических конструктивных методов и использующих методологию мимикрии, конвергенции квантовых процессов и выявления конверторов (устройств), преобразующих энергию. Исследователи отмечают, что движение в сторону интеллектуализации материала – это в том числе изучение материала живых систем, носителей аутопоэзиса, которые выступают «эталоном» в разработках их искусственных аналогов. Самоорганизация в многоуровневой иерархии физических сред через мимикрию пространственных, временных процессов позволяет открывать новые границы устойчивости: субатомная аттосекундная физика, супра-атомные структуры и пр.

Невообразимую множественность состояний и мод несут в себе искусственные объекты, осуществляющие «механосинтез» («наномашин»). Например, на биуровне наномашина может выполнять репликацию ДНК и синтез АТФ, использоваться в таргетной терапии, т.е. доставлять лекарства в конкретную поврежденную болезнью область организма (клетку, мышцу) и пр. Существует раздел бионаноробототехники, который может использовать бионаноструктуры как компоненты своеобразных машин, создающих как движение, так и усилие, сигнал [13. С. 149]. Здесь привычная механика заменяется другими видами связей, например ковалентными, ионными. «Для перемещения наномашин и их частей можно использовать, например, броуновское движение, электрические и магнитные поля, температурные градиенты. Наномашин могут содержать элементы, применяемые в традиционных технологиях, например, соединенные с антителами гибкие наноконсоли, которые в состоянии определять вирусы и менять свои резонансные частоты» [14. С. 51]. На молекулярном уровне становится доступен более широкий порядок используемых физических, химических и других связей, но и возрастает степень неопределённости их возникновения в той или иной ситуации. Это продемонстрировало проведение состязания молекулярных машин (Nanoscale Race) в Тулузе (2017). Машины вели себя непредсказуемо и даже вообще терялись из виду [15. С. 16]. Это показало не только недостаточность знаний в области методологии при манипулировании данными объектами, но и *объективную неопределённость* самого уровня *фύσις*, преодолеть которую невозможно. Механизм здесь не творится «насильственно», а «достраивается» через синтез различных физических связей, организующих кинематику, а не создающих конструктивно новые, искусственные элементы. В.Г. Горохов

делает попытку именно методологически отделить понятия «машина» и «наномашина» [16], выявляя странные пересечения моделирования, конструирования, системно-кибернетического подхода и пр. Впрочем, технаучка, лишь с одной стороны, демонстрирует методологический синтез различных видов знаний, с другой – указывает на принципиальное проникновение во *фύσις* «*поиному*», включаясь в естественные циклы наряду с механизмами природы в форме скрытого соучастия.

Неопределённость становится ключевым условием для проявления новых высокотехнологичных, конвергирующих объектов. В технаучке появляется то, что мы именуем направляющей рукой, – незначительная корректировка состояний или условий может кардинально изменить всё. В основе лежит принцип открытости, неравновесности, сложности, аутопоэзиса, т.е. то, что открывает ещё синергетика. Но не только. Технаучка, на уровне неопределённости *фиксирует и иницирует, создает* уникальные «зоны обмена» – материальные, знаковые пространства «локальной координации действий» [17. С. 67], в которых соединяются проявления трех субкультур науки: теоретической, эмпирической, инструментальной, а также самой природы. Направленное движение всех субкультур в сторону «первичного» обмена *фύσις* демонстрирует тема самоорганизации, времени и столкновение с ограничениями. Первые две темы явились знаковыми для синергетики, последняя – для технаучки. Выявление ограничений не является здесь усилием размышлений или аксиоматики универсальной теории. Она продиктована самой природой. Так, технаучка через неопределённость и инженерную мимикрию открывает новое поле обменных процессов, которое требует наименования основанного на герменевтическом «пред-понимании» научной традиции с включением ведущей роли действия.

Для специалиста попасть в область NBICS – значит инструментально действовать в *событии непрерывного обмена*, сродни искусству, достигать уникального умения. Он должен не только развивать технические компетенции, но и навыки эмоционального интеллекта, командной работы, предпринимательства не только здесь и сейчас, но и в перспективе [18. Р. 4–5]. Инженер обязан обладать метакогнитивными знаниями, «гибкими» навыками, учитывая поле неопределённости, сопровождающее получение технообъекта, – заниматься изучением сред «слияния» объекта с другими областями реальности, развивать методологию мимикрии – умение «прятать» механизмы воздействия, «обманывая» природу, вместе с тем используя потенциал её сил. В таблице представлены некоторые уровни проявления неопределённости в мире наноструктур.

Можно констатировать, что технаучка предпринимает попытку совместить в методологическом походе к реальности два вида подражания *фύσις* – мимесис (открытие, выведение нового вида бытия через создание устойчивых форм посредством властвующего замысла, конструирования) и мимикрию (сокрытие, растворение через попадание в «зоны» природы, где действует неопределённость и можно осуществить через технологическое вторжение «сдвиг» среднего состояния намечающихся форм).

Уровни проявления неопределённости в мире наноструктур

Технонаучные объекты	Уровни проявления неопределённости технонаучных объектов
Наноструктуры	Методологическая открытость, многоуровневость подходов исследования (атомно-силовая микроскопия, центробежное осаждение частиц в жидкости (ЦОЖ), метод Брунауэра, Эммета и Теллера (метод БЭТ) и др.); http://docs.cntd.ru/document/1200125986 Междисциплинарность, сложность фиксируемых связей в наноструктурах (гравитационные, центробежные, электрические, ковалентные и др.). Смысловая подвижность дескриптивного определения, нестабильность, ограничивающая объект только инструментально-методологически (определение нанообъекта в национальном стандарте РФ: частица: мельчайшая часть вещества с определенными физическими границами). Физическая граница также может быть описана как межфазная область взаимодействия (интерфейс); http://docs.cntd.ru/document/1200125986 Технологическая непредсказуемость эксплуатации, применения нанообъектов. «Объем воспроизводимой нанотехнологией ненадёжности превосходит во много раз ранее известную проблематику неопределённых последствий техники» [19. С. 134–135]. Этические проблемы внедрения нанообъектов, носящих неопределённый характер (нанотика как столкновение с принципом и парадоксом «предосторожности» [20. С. 49]; отсутствие осведомлённости общества о степени неопределённости в исследовательских и технологических проектах области наноструктур [21])

Последняя процедура не устанавливает «власть» логоса над фюзисом, а следует за его возможным проявлением, оценивая бесконечную вероятность форм и локализуя усилия в областях «обмена», где есть доступные инструменты для проведения манипуляций или создания контролируемых условий. Мир нано наиболее ярко освещает инженерную практику, стоящую на грани перехода от неустойчивости структур, состояний к устойчивости. Технологические сдвиги связей и условий, размывание разнообразия и прочее устанавливают преимущество неопределённости, сосредотачиваясь на открытии уникальных «зон обмена» (превращений, пересечений сил), в которых выявляются изменённые локации новых порядков реальности. За этим встаёт проблема самого фюзиса, который скрывает в себе возможность как опрокидывания меры логоса и причинности, так и их установления. Сопричастность неопределённости ставит инженера в ситуацию размышлений о новых рисках, которые трудно определить и оценить; о «принципе предосторожности» [20. С. 55] и этических нормах технологических

манипуляций; об прогрессирующей степени ненадёжности получаемых современных технонаучных систем и невидимом «загрязнении» ими человека размерного мира. Открытие технологий, участвующих в той или иной мере в процессах самоорганизации фюзиса, ужасает и воодушевляет одновременно, требуя от инженерного разума колоссального видоизменения.

Парадигма установления намерений сменяется парадигмой оценивания возможностей. При этом, технонаучная инженерия всё же выступает «скрытым» игроком, осознавая, что цель самой игры, её правила и прочее остаются за границами окончательного понимания («утаивание намерений»). В этой ситуации, разоблачающей всё новые степени объективной неопределённости, философия выступает не как заданный метапроект или как синтез дискурсивной разнотолковности постмодерна, метамодерна, а как герменевтический «разговор» (действие), демонстрирующий свою спасительную роль в связующем, символическом обзоре, свидетельстве новых событий. Они могут быть поняты не через властное уравнивание в едином языке, логике, а в методологической, концептуальной многоголосице.

Список источников

1. Фейерабенд П. Против метода. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
2. Волкова Г.Д. Когнитивные технологии в инженерной деятельности // Вестник МГТУ «Станкин». 2010. № 4 (12). С. 151–157.
3. Горохов В.Г. Баллистика Никколо Тарталья, технонаука Галилея и нанотехнонаука: аристотелевская физика сквозь века // Философия науки. Т. 20 / Институт философии РАН. 2015. С. 7–36.
4. Беляетдинов Р.Р. Онтология биотехнологических рисков: социогуманитарные методологии и технонаука // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. С. 29–38.
5. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. : УРСС, 2003. 310 с.
6. Головкин Н.В. Общая теория относительности и онтология Дж. Лоу // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 3. С. 5–32.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М. : Наука, 1989. 576 с.
8. Хайдеггер М. Гераклит. СПб. : ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2011. 504 с.
9. Вударт Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь : Гиле Пресс, 2016. 124 с.
10. Протопопова И.А., Тарабанов А.Г., Кулыгин С.В. Чтение Платона как работа с собственным сознанием: интервью с И.А. Протопоповой // Ессе Homo. 2022. № 1 (3). С. 51–66.
11. Брасье Р. Танатоз Просвещения // Логос. 2019. Т. 29, № 4. С. 83–106.
12. Андреев А.Л., Бутырин П.А. Технонаука как инновационный социальный проект // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 3. С. 197–203.
13. Заммоев А.У., Абуталипов Р.Н. Каталитические самоходные нанодвижители как основа элементной базы для проектирования наномехатронных устройств и систем для бионаномашин в бионаноробототехнике // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 6-2 (86). С. 149–156.
14. Соколов Д. Особенности патентования микро- и наномашин // Наноиндустрия. 2012. № 3 (33). С. 50–53.
15. Соваж Ж.-П. Мы изменили представление о молекулах // Лаборатория и производство. 2019. № 4 (8). С. 10–25.
16. Горохов В.Г. Трансформация понятия «машина» в нанотехнологии // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 97–115.
17. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
18. Castro M., Sancristobal E. From Technology Enhanced Learning to Ethics and Critical Thinking as part of the Engineering Education: Skill Driven with Humanities Comprehension // International journal of engineering pedagogy. 2020. Vol. 10, № 1. P. 4–6.

19. Грунвальд А. Этика для нанотехнологии // Философия науки и техники. 2015. Т. 20, вып. 1. С. 126–143.
20. Мишаткина Т.В. Этические проблемы нанотехнологий в контексте экологии человека // Лесной вестник. 2015. № 4. С. 49–56.
21. Heidmann I., Milde J. Communication about scientific uncertainty: how scientists and science journalists deal with uncertainties in nanoparticle research // Environmental Sciences Europe. 2013. № 25. doi: 10.1186/2190-4715-25-25

References

1. Feyereabend, P. (2007) *Protiv metoda* [Against Method]. Translated from English. Moscow: AST; AST MOSKVA; KhRANITEL".
2. Volkova, G.D. (2010) Kognitivnye tekhnologii v inzhenernoy deyatel'nosti [Cognitive technologies in engineering activity]. *Vestnik MGTU "Stankin"*. 4 (12). pp. 151–157.
3. Gorokhov, V.G. (2015) Ballistika Nikkolo Tartal'i, tekhnika Galileya i nanotekhnika: aristotelevskaya fizika skvoz' veka [Ballistics of Niccolò Tartaglia, Technoscience of Galileo, and Nanotechnoscience: Aristotelian Physics Through the Centuries]. *Filosofiya nauki*. 20. pp. 7–36.
4. Belyaletdinov, R.R. (2018) Ontologii biotekhnologicheskikh riskov: sotsiugumanitarnye metodologii i tekhnika [Ontologies of biotechnological risks: socio-humanitarian methodologies and technoscience]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 5. pp. 29–38.
5. Prigozhin, I. (2003) *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos: A New Dialogue between Man and Nature]. Moscow: URSS.
6. Golovko, N.V. (2021) Obshchaya teoriya otnositel'nosti i ontologiya Dzh. Lou [General relativity and J. Law's ontology]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 3 (19). pp. 5–32.
7. Lebedev, A.V. (ed.) (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of Early Greek Philosophers]. Part 1. Moscow: Nauka.
8. Heidegger, M. (2011) *Geraklit* [Heraclitus]. Translated from German. Saint Petersburg: VLADIMIR DAL".
9. Vudart, B. (2016) *Dinamika slizi. Zarozhdenie, mutatsiya i polzuchest' zhizni* [Slime Dynamics. Origin, Mutation, and Creep of Life]. Perm: Gile Press.
10. Protopopova, I.A., Tarabanov, A.G. & Kulygin, S.V. (2022) Chtenie Platona kak rabota s sobstvennym soznaniem: interv'y u I.A. Protopopovoy [Reading Plato as working with your own consciousness: an interview with I.A. Protopopova]. *Ecce Homo*. 1 (3). pp. 51–66.
11. Brassier, R. (2019) Tanatiz Prosvetsheniya [Thanatosis of Enlightenment]. *Logos*. 4 (29). pp. 83–106.
12. Andreev, A.L. & Butyrin, P.A. (2011) Tekhnika kak innovatsionnyy sotsial'nyy proyekt [Technoscience as an innovative social project]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (81). pp. 197–203.
13. Zamoev, A.U. & Abutalipov, R.N. (2018) Kataliticheskie samokhodnye nanodvizhiteley kak osnova elementnoy bazy dlya proektirovaniya nanomekhatronnykh ustroystv i sistem dlya bionanomashin v bionanorobototekhnike [Catalytic self-propelled nanomovers as the basis of the element base for designing nanomechatronic devices and systems for bionanomachines in bionanorobotics]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 6-2 (86). pp. 149–156.
14. Sokolov, D. (2012) Osobennosti patentovaniya mikro- i nanomashin [Features of patenting micro- and nanomachines]. *Nanoindustriya*. 3 (33). pp. 50–53.
15. Sauvage, J.-P. (2019) My izmenili predstavlenie o molekulakh [We have changed the concept of molecules]. *Laboratoriya i proizvodstvo*. 4 (8). pp. 10–25.
16. Gorokhov, V.G. (2009) Transformatsiya ponyatiya "mashina" v nanotekhnologii [Transformation of the concept of "machine" in nanotechnology]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 97–115.
17. Alison, P. (2004) Zona obmena: koordinatsiya ubezhdeniy i deystviy [The exchange zone: coordination of beliefs and actions]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 64–91.
18. Castro, M. & Sancristobal, E. (2020) From technology enhanced learning to ethics and critical thinking as part of the engineering education: skill driven with humanities comprehension. *International Journal of Engineering Pedagogy*. 1 (10). pp. 4–6.
19. Grunwald, A. (2015) Etika dlya nanotekhnologii [Ethics for nanotechnology]. Translated from German. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 1 (20). pp. 126–143.
20. Mishatkina, T.V. (2015) Eticheskie problemy nanotekhnologii v kontekste ekologii cheloveka [Ethical issues of nanotechnology in the context of human ecology]. *Lesnoy vestnik*. 4. pp. 49–56.
21. Heidmann, I. & Milde, J. (2013) Communication about scientific uncertainty: how scientists and science journalists deal with uncertainties in nanoparticle research. *Environmental Sciences Europe*. 25. doi: 10.1186/2190-4715-25-25

Информация об авторе:

Довгаленко Н.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры «История и философия» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Россия). E-mail: dovgal30@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Dovgalenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation). E-mail: dovgal30@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 123
doi: 10.17223/15617793/517/9

Сюрреализм: поиск свободы за пределами сознания

Елена Николаевна Иогансон (Эллен Мартин-Иогансон)^{1, 2}

¹ Лондонский столичный университет, Лондон, Великобритания

² CVB Ltd, Лондон, Великобритания

^{1, 2} Ellenmrtn@gmail.com

Аннотация. Анализируются философские устремления сюрреализма, возникшего в Европе после Первой мировой войны. Основное внимание уделено философско-антропологическому осмыслению трансгрессивных стремлений представителей сюрреализма обрести личностную свободу и подлинность бытия человека в глубинах бессознательного. Утверждается, что невозможно обладать внутренней свободой, находясь в состоянии постоянного поиска доступа к сфере бессознательного.

Ключевые слова: сюрреализм, бессознательное, трансгрессия, сознание, подлинное бытие, свобода, реальность, А. Бретон, С. Дали, Р. Магритт

Для цитирования: Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) Сюрреализм: поиск свободы за пределами сознания // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 83–93. doi: 10.17223/15617793/517/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/9

Surrealism: The search for freedom beyond consciousness

Elena N. Ioganson (Ellen Martin-Ioganson)^{1, 2}

¹ Metropolitan University, London, United Kingdom

² CVB Ltd, London, United Kingdom

^{1, 2} Ellenmrtn@gmail.com

Abstract. Surrealism represents not merely one of the avant-garde movements in 20th-century art and literature, but also a philosophical movement. This article aims to provide a philosophical-anthropological examination of the transgressive aspirations of the Surrealists to attain absolute freedom of the self within the depths of the unconscious, where, in their view, lies true human existence. Employing methods of comparative and critical analysis, the study identifies the principal objectives and characteristics of Surrealist philosophy, distinguishing it from Dadaism, from which it emerged. The author's use of hermeneutic analysis helps to uncover the latent meaning in Surrealist works and present their interpretation. The relevance of the study lies in its capacity to offer a deeper insight into the interpretation of personal freedom within Surrealism, considered from an anthropological perspective and within the context of existential reflections on the authenticity of human existence. For the Surrealists, the world of dreams beyond consciousness constituted the sole remaining domain of human existence where the self is free from the collective intellect and rationalism. The author demonstrates that the focus on the unconscious as a space of freedom stemmed from the Surrealists' disillusionment with the ideals and values of European society, where rationalism and pragmatism had displaced spiritual guides. The author shows that the quest for personal freedom in Surrealism is intertwined with the themes of internal transgression (depersonalization) and external transgression as the overcoming of prohibitions. The author introduces the concept of "depersonalization of the self" – a renunciation of the autonomous "I" that allows the self to immerse into the pure realm of the unconscious. The core ideas of Sigmund Freud's psychoanalysis, along with the philosophies of Henri Bergson and Friedrich Nietzsche, which formed the theoretical foundation of Surrealism, are examined. It is further argued that the problem of seeking freedom in the unconscious is closely linked in Surrealism to the themes of dreams and chaos. The world of dreams offered a rich source of images and hidden meanings of being. Chaos was seen as the authentic freedom concealed behind the facade of rationality, reason, and logic. The author concludes that immersion into the unconscious ultimately reduces free creativity to the workings of the psyche, to the involuntary nature of uncontrolled feelings and desires. In a philosophical-anthropological sense, Surrealism focuses attention on the inner world of the human being. True existence is hidden within us, in the unconscious, which for the Surrealists represented a super-reality, free from the constraints of consciousness, reason, and social values. However, the author posits that genuine human existence originates precisely in consciousness. The primary condition for personal freedom is self-restraint, which the Surrealists sought to overcome. Beyond the boundaries of consciousness, the Surrealists did not gain the freedom of the self, but rather plunged into the captivity of an anthropological lack of will.

Keywords: surrealism, unconsciousness, transgression, consciousness, true existence, freedom, reality, A. Breton, S. Dali, R. Magritte

For citation: Ioganson, E.N. (Martin-Ioganson, E.) (2025) Surrealism: The search for freedom beyond consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 83–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/9

Сюрреализм как художественное движение и философское направление

Сюрреализм как художественное и литературное авангардное движение в Европе зародился в недрах дадаизма. Г. Рихтер, один из основателей и участников Дада (сами дадаисты называли свое движение «Дада». – *Е.И.*), вспоминает: «В конце неумолимого процесса разрушения появилась новая дисциплина и новая философия, направленная на достижение позитивных целей: это был Сюрреализм» [1. Р. 193]. Многие участники Дада к 1925 г. присоединились к сюрреалистическому движению. В художественном отношении сюрреализм перенял некоторые черты своих предшественников: причудливость, эпатажность, фантазмагорические сюжеты, необычные сочетания. Однако в отличие от дадаизма, философия сюрреализма делает акцент на психическом бессознательном, которое представлялось сюрреалистам неисследованной сферой неисчерпаемого творческого потенциала. Вдохновленные бунтарским духом Дада, сюрреалисты верили в «крестовый поход» за освобождение индивидуального сознания от сковывающих социальных норм и условностей. Сюрреализм – это попытка взглянуть в себя, исследовать внутренний мир человека.

Термин «сюрреализм», который буквально означает «сверхреальность» или «над реальностью», впервые использовал поэт Гийом Аполлинер [1. Р. 193]. Андре Бретон, французский поэт, писатель, идейный вдохновитель и основатель сюрреалистического движения, использовал этот термин для своей творческо-философской концепции, которую он изложил в «Первом манифесте сюрреализма» в 1924 г. В том же году Бретон и его друзья основали Бюро сюрреалистических исследований для проведения экспериментов, связанных с проникновением в область подсознательного. Результаты этих исследований публиковались в периодическом издании «Сюрреалистическая революция» [2. Р. 12]. Группу художников, поэтов и писателей, которых собрал Бретон в Париже в середине 1920-х гг., объединяло желание освободить творческий процесс от ограничивающей силы рационального разума.

Следует подчеркнуть, что главную задачу сюрреалисты видели в решении жизненных проблем, а не художественных. Провокационные произведения представителей сюрреализма иллюстрируют непреодолимое стремление дестабилизировать традиционное мировосприятие, попытку обрести истину через преодоление смыслов, навязанного коллективным разумом.

Разочарование в реальности

Истоком неудержимого желания сюрреалистов взглянуть за пределы сознания и обрести полную свободу самости является экзистенциальное обесмысливание как результат глубокого разочарования, отчая-

ния, тревожного ощущения бессилия справиться с патовой реальностью. В отличие от дадаизма, который явился экзистенциальным бунтом и протестом против бессмысленной жестокости Первой мировой войны, сюрреализм формировался в условиях иного политического и социокультурного ландшафта и во многом явился реакцией на духовно-культурный кризис европейского общества. В капиталистическом обществе доминирует принцип экономической выгоды, налицо признаки формирования потребительского социума, где господствует примат материальности над духовностью. Структуры власти, система социокультурных норм и ценностей, на которых жила европейская цивилизация, наука и техника направляли и контролировали коллективное сознание, выхолащивали духовные ориентиры, ничего не предлагая взамен. Человек приобретал научные знания, но терял способность к самопознанию. Несмотря на все социальные нормы, рациональность, логику, ценностные системы, человечество впало в безумие братоубийственной войны, более того, в Европе набирал силу нацизм, нарастало предчувствие новой трагедии. Так, картина «Триумф сюрреализма» (1937) (первоначальное название – «Ангел домашнего очага»), которую Макс Эрнст написал после поражения испанских республиканцев на выборах, пронизана пророческой тревогой о том, какую трагедию может принести в мир гитлеровская Германия. Изображенные чудовища символизируют страшные побуждения в подавленном цивилизационном сознании. Абстрактная гротескная фигура в центре картины как бы призывает зрителя представить призрака на картине так, как если бы это был призрак или ангел смерти, когда наступит конец света. Художник провоцирует аудиторию задуматься о своих идеалах и ценностях, подвергнуть сомнению собственные убеждения.

Боевые физические, моральные и психические травмы заставили многих художников, участников Первой мировой войны, подвергнуть сомнению легитимность социокультурных ценностей и норм, государственных систем. Французский художник Андре Массон пережил психическую травму после серьезного ранения, полученного во время Первой мировой войны. Гипертрофированное чувство того, что вся жизнь характеризуется насилием, нашло отражение в его картине «Борьба рыб» (1926). На фоне взаимодействия нечетких и расплывчатых объектов и форм выделяются большие рыбы, символизирующие агрессию и озлобление, непрерывный конфликт, которые кроются за фасадом разумных социальных условностей и запретов цивилизационного сознания.

Тревога, разочарование и страх перед будущим выражаются в причудливых, фантазмагорических образах, бросающих вызов рациональному видению, побуждающих задуматься о том, что скрывается за этой реальностью. Картина Эрнста «Европа после дождя II» (1940–1942) изображает апокалиптический пейзаж,

символизирующий разрушение европейской цивилизации. Картина вызывает ощущение эмоционального опустошения и страха перед разрушительной силой тотальной войны. Мрачная сцена с необычными формами отражает интерес художника к скрытым идеалам за гранью реальности, за пределами сознания. интуитивное и непреодолимое стремление к свободе. Несмотря на то что однозначная интерпретация здесь невозможна, но учитывая личную биографию Эрнста, его бегство из гестапо и добровольную ссылку [3; 4. Р. 38] нетрудно увидеть стремление избежать кошмар реальности, освободиться от навязчивого внутреннего страха.

Произведения сюрреализма отличаются крайней негативностью, трагизмом и загадочностью. Отчужденное от реальности мироощущение, негативное ассоциативно-образное мировосприятие, неприятие действительности характерны для человека, пережившего глубокую личную психологическую травму. Ярким примером отражения такого негативно-трагического мировосприятия являются произведения Рене Магритта. В его картинах явно присутствует загадочность образов, таинственно-трагический смысл которых как будто закодирован. Художник в отрочестве пережил личную трагедию, когда его мать покончила с собой, утопившись в реке [5. Р. 15]. Факт суицида матери художника, не говоря уже о том, что он видел ее бездыханное тело, должно быть, оказал невыразимо травматическое воздействие на его психику, что не могло не повлиять на сюжеты картин Магритта, в которых часто присутствуют мотивы насильственной смерти. Картина «Размышления одинокого прохожего» (1926) явно отображает ассоциативные воспоминания художника о пережитой трагедии. На картине художник вернулся от образа безжизненного женского тела, словно избегая болезненных воспоминаний. Картина «Центральная история» (1927) очень личная, наполненная воспоминаниями о той страшной трагедии. Изображенная на картине женщина, лицо которой закрыто белой тканью, душит себя. Предметы (покрывало, закрывающее лицо, туба, чемодан) являются не столько отражением действительности, сколько проявлением мыслей и ассоциативных ощущений Магритта. Холодный и статический вид тубы около женского тела подобен безжизненному телу утопленницы. В центре картины «Убийца под угрозой» (1927) изображено обнаженное тело убитой женщины, залитое кровью. Яркий свет, направленный на хорошо одетого стоящего неподалеку мужчину, ее убийцу, который кажется совершенно спокойным, как бы приоткрывает некоторые неприглядные вещи, которые цивилизованный социум словно не замечает, предпочитая, чтобы они оставались скрытыми. Нарративная неопределенность сюжета, на которой мастерски играет Магритт, показывает конфликт между разумом и чувством, между видимой реальностью и скрытыми смыслами.

Если дадаизм через двусмысленность, откровенную некрасивость, граничащую с безобразностью, намеренно разрушает традиционные нормы эстетики и красоты, выражая протест против несостоятельных

ценностей гуманизма, то главным мотивом сюрреализма является конфликт разума и чувств, внутренний разлад и экзистенциальный кризис. Сюрреализм стремится отменить монополизм разума и рассудка в миростолковании, обнаружить подлинное бытие в сверхреальной сфере наших чувств, желаний и стремлений, не скованных никакими условностями.

Философские устремления и цели сюрреалистов

В «Манифесте сюрреализма» Бретон отрицает идею рациональности как единственного средства понимания мира, постулируя важность иррациональности, алогичности и абсурдности как неотъемлемых элементов нашего бытия. Скрытые человеческие ресурсы, творческая свобода сдерживаются традициями, условностями, логикой, моралью, социальными нормативами «гнетущего» рационализма современного буржуазного общества. Сюрреализм отрицает любой реалистический и рациональный подход. По мнению Бретона, реалистический подход под предлогом цивилизации и прогресса изгоняет из сознания все то, что считается фантазией, запрещая творческую личностную свободу, ограничивает поиски истины, которые не соответствуют общепринятой практике [6. Р. 10].

Основная идея сюрреалистов заключалась в том, чтобы, отдавшись бессознательному, желаниям, иррациональным импульсам, найти путь к радикально новому жизнеустройству и миропорядку. Луис Бонуэль, испанский кинорежиссер, один из ведущих представителей сюрреализма, определил цель сюрреализма следующим образом: «Настоящая цель сюрреализма заключалась не в том, чтобы создать новое литературное, художественное или даже философское движение, но разрушить социальный порядок, изменить саму жизнь» [7. Р. 107].

Сюрреализм постулирует абсолютную свободу духа. Морис Надо, французский писатель и литературный критик, друг Бретона, таким образом сформулировал цель сюрреализма: «Тотальная свобода существования в свободном мире. Сюрреализм... это средство полного освобождения ума и всего того, что напоминает об этом» [8. Р. 103]. Отказ от традиций, недоверие к разуму, стремление к трансгрессивному преодолению норм морали и этики – это уже не анархический бунт дадаизма, а поиск подлинной личностной свободы, попытка познать себя. Духовно-культурный кризис, в котором оказалась Европа после Первой мировой войны, можно было преодолеть только через отказ от всего рационального, ретроградного, от всего, что сдерживает свободный дух творческой энергии. Необходима революция сознания, суть которой состояла в том, чтобы освободить внутренний мир человека от социальных пут, метафизически расшатать смыслообразующие основания человеческого существования, обрести подлинное бытие.

Подлинность бытия

Тема свободы в сюрреализме центрирована на проблеме подлинности бытия, экзистенциальном осмыслении индивидуального существования человека.

«Подлинность в традиционном философском понимании означает истинность человеческого состояния. Что означает такая истинность? Она означает ничем не опосредованное отношение человека к самому себе. Осознание реальности, которое сводится лишь к деятельности разума, не является достаточно эффективным, чтобы обосновать подлинность» [9. С. 52].

За фасадом внешне благополучной реальности европейской жизни скрывались отчужденность, ощущение одиночества, потеря человеком экзистенциального смысла. Человек сокрыт от социума, изолирован и одинок. Настоящий человек – это тот, который сокрыт внутри нас, внутренний человек. Прагматизм, логика и сциентизм социума обрекают его на внутренний разлад, экзистенциальное одиночество, вечный конфликт разума и чувств. Подлинное человеческое бытие сокрыто в нас самих, за пределами разума, в сфере бессознательного. Разум подвергает цензуре полет фантазии, интеллект и логика закрепощают воображение, сознание опутано оковами традиционных ценностей, моралью и социальными нормами. Человек закован, контролируем и подчинен, а подлинный внутренний человек с его душевно-чувственным внутренним миром подавлен, его как будто не существует. Образ утраты себя присутствует во многих картинах сюрреалистов. Например, в картине «Смысл ночи» (1927) Р. Магритта представлена фигура человека в двух ракурсах, его глаза закрыты, лицо, похожее на маску, ускользает от восприятия, за его спиной зеркальное отражение. В картине через алогичность и парадоксальность возникает особая сверхреальность. Реального человека нет, присутствует только его неуловимое отражение. Ночь и парящая рука в перчатке намекают на то, что происходит в подсознании, где и сокрыто подлинное бытие. Ночь – это там, где человек галлюцинирует. По словам Гегеля, именно здесь заканчивается природа и начинается человеческое. «Человек – это ночь, пустое ничто, содержащее в себе все, нескончаемое богатство, множество представлений и образов ...» [10. Р. 204].

В картине С. Дали «Кровоточивые розы» (1930) изображена женская фигура, но в центре фокуса не сама девушка, а лепестки роз, пропитанные кровью. Кровоточивые розы символизируют женскую уязвимость на фоне жестокого реального мира. Дали показывает нам не девушку, а внутренний мир женщины, до боли хрупкий и легкоранимый. Лицо девушки показано так, что можно лишь догадаться о том, что она испытывает некие душевные порывы: это либо отчаяние, либо тоска, но возможно и что-то приятное, но это остается загадкой для зрителя. Внутренний мир человека есть тайна, которую невозможно понять рационально, поэтому в социуме мы видим внешнего человека, а подлинный человека сокрыт от нас. Видимая реальность ничего не говорит о подлинном человеке.

В работах Магритта персонажи часто появляются в необычных контекстах, создавая ощущение тайны и подвергая сомнению реальность. В картине «Влюбленные» (1928) две фигуры целуются, но их лица закрыты тканью, что создает атмосферу изоляции и непознаваемости другого, даже если этот другой так близко. В картине «Принцип удовольствия» (1937) Магритта у

человека вместо лица яркий свет, за которым он ничего не может видеть. Художник как бы показывает напряжение между видимым и скрытым. В картине «Условия человеческого существования» (1933) человек вообще отсутствует. Этот мир существует сам по себе, без человека. Человек зажат в пространственно-временном континууме, скован социальными условностями и моральными принципами. Самость («Я») может обрести абсолютную свободу только там, где она имеет подлинное бытие – в сфере бессознательного. Единственный путь к спасению – это греза, сфера наших неосознанных чувств, поток мыслей и аффектов, свободных от оков разума и логики.

Бессознательное как единственная сфера свободы

Только за пределами сознания, свободного от пут морали и логики, возможно свободное выражение души, подлинных чувств. По мнению сюрреалистов, художник призван использовать все возможные творческие методы, чтобы показать скрытые резервуары творческого потенциала бессознательного, где самость абсолютна свободна. Такой подход объясняет основу творческого метода сюрреализма: «Чистый психический автоматизм, с помощью которого предлагается выразить посредством письменного слова или каким-нибудь другим способом – фактическое существование мысли. Продиктованные мысли в отсутствии какого-либо контроля, осуществляемого разумом, свободного от каких-либо эстетических или моральных канонов» [6. Р. 26]. Сюрреалисты активно практиковали автоматическое письмо, когда в бреду, в отключенном состоянии произносили неосознанный, спонтанный текст. Такой метод способствовал полному психологическому раскрепощению [11].

В стремлении заглянуть в глубины своего внутреннего мира за пределами сознания, полностью оторваться от реальности сюрреалисты употребляли наркотические средства, использовали гипноз и погружение в состояние транса, вызывали галлюцинации, практиковали психоанализ, стремясь стереть границы между сном и бодрствованием. За гранью сознания, в потоках неконтролируемых идей, ассоциаций, в сновидениях, посредством работы психики, никак не контролируемой сознанием, формировались образы, которые сюрреалисты сделали предметом своих произведений. Эти образы и отображали подлинное бытие человека. Разум не в силах постигнуть реальность.

Философская база сюрреализма.

Идеи А. Бергсона и психоанализ З. Фрейда

Основывая свои философские воззрения на идеях А. Бергсона, сюрреалисты считали, что разум не может постигнуть сущность явлений. Только интуиция и внутреннее чувство, не скованные разумом, способны уловить истину, проникнуть в сущность объекта, чтобы уловить то уникальное и невыразимое, что отражает истинное бытие [12. Р. 7].

Сюрреалистов особенно привлекала идея Бергсона о том, что художник познает мир посредством внутреннего созерцания, которое отдаляет его искусство от объективной реальности, поскольку интуиция доминирует над интеллектом. Это значит, что творческий акт имеет иррациональный, мистериальный характер, связанный с работой психики, а не разума.

Психоанализ З. Фрейда оказал сильнейшее влияние на творчество сюрреалистов. В психологии, разработанной Фрейдом, ключевая идея заключалась в том, что человеческая жизнь далеко не так прозрачна, как это может показаться, ибо в человеке существует бессознательное, которое энергично и действенно. Особый интерес у сюрреалистов вызывало утверждение Фрейда о том, что психологический анализ бессознательного может быть использован как метод самопознания. Бессознательное наиболее ярко проявляется в снах, которые Фрейд считал закодированным выражением неосознанных страхов, чувств, которые потенциально можно расшифровать и понять с помощью психологического анализа. Фрейд в своих работах пришел к выводу о том, что сны часто представляют собой графические изображения, построенные как поэзия с помощью метафор. Бессознательные мысли и желания, лежащие в основе сновидения, подвергаются своеобразной чувственно-ассоциативной обработке, которая превращает их первоначальное содержание в метафору с помощью механизмов смещения и сгущения. Смещение – это замена объектов или явлений символами. В механизме сгущения логические связи теряются или перестраиваются. Один предмет или изображение может вызывать многочисленные ассоциации. Фрейд считал, что значение любого сна уникально и только тот, кто видел сон, с помощью психоанализа может расшифровать подсознательные мысли и значения [13. Р. 10–34].

Сон

Сон – это встреча реального и бессознательного, где «я» свободно от пут внешнего мира. Бретон задается вопросом: «Разве сон не может быть использован для решения фундаментальных жизненных проблем?» [6. Р. 12] Для сюрреалистов сон – это царство иной реальности, свободное от общественных суждений и табу, где нет фальши и лжи. В алогизме, иррациональности сновидений, выходящих за рамки наших осознанных мыслей и представлений, по мнению сюрреалистов, раскрывается подлинный смысл событий. Мир сновидений и полусонных галлюцинаций богат источниками образов и потаенных смыслов бытия, которые сокрыты в подсознании.

С. Дали, передавая нелепость сновидческих видений в точной и натуралистической форме, как бы побуждает задуматься о взаимосвязи между внешней реальностью и реальностью нашей внутренней жизни. В его произведениях присутствует метафизический нарратив, призывающий к мистическому, к тому, что резонирует с тем, что глубинах нашего внутреннего мира, призывая увидеть то, чем страдает или чего желает душа. Картина Дали «Сон» представляет собой

яркий пример сюрреалистического использования образов сновидений для того, чтобы выйти за пределы осознанных мыслей повседневной реальности. Через призму образа спящего гиганта и обилия костылей Дали как бы призывает зрителя подвергнуть сомнению социальные структуры, свою собственную реальность и свое место в обществе. Гигантская фигура на переднем плане – это та, о которой Дали писал в своих мемуарах: «Я часто представлял себе чудовище сна как тяжелую, гигантскую голову с нитевидным телом, которое поддерживается в равновесии многочисленными костылями реальности, благодаря которым мы остаемся в подвешенном состоянии во время сна. Часто эти костыли не удерживают нас, и мы падаем» [14. Р. 29]. Костыли символизируют хрупкость реальности. Человеческая жизнь – это сон, мы живем не в пространстве объективной реальности, а в мире наших мнимостей, идей и мыслей, в том числе неосознанных. За объективированной реальностью скрывается хаос как сфера неограниченного, нерасчлененного и неосознанного. Сон высвобождает хаос бессознательного. Хаос – это чистая трансгрессия, онтологическое основание, из которого произрастают смыслы.

Хаос

В хаосе полностью отсутствуют какие-либо ограничения, там нет точки опоры, в потоке беспорядка все можно, но все потенциально опасно. Во многих картинах художников сюрреализма отсутствует человек – персона, но присутствует деперсонифицированная (безличностная) самость, воплощающая энергичную силу сверхреальности галлюцинаций, страхов, неукротимых желаний, полярных чувств любви и отвращения, страсти и хладнокровия, неосознанной жестокости.

Сюрреализм апеллирует к идеям Ницше, который утверждал, что в человечестве заложены нечеловеческие черты животного безумия и жестокости, а мораль культурного цивилизованного человека прикрывает эту нечеловечность. По Ницше, «противоестественная мораль, то есть практически всякая мораль... направлена против инстинктов жизни – это иногда скрытое, иногда громкое и смелое осуждение этих инстинктов» [15. Р. 27. Para 4]. И эта мораль, которая сама же была порождением безумия и лжи, была наибольшей опасностью, поскольку она препятствовала людям с творческим потенциалом подняться над посредственной массой, вынуждая даже талантливого человека становиться «...стадным животным, стремящимся угодить посредственным» [16. Р. 39. Para. 41]. Нельзя нашу самость подчинять каким-то добродетелям. Если подлинно человеческое сокрыто в бессознательном, то человеческий внутренний мир – это хаос. По Ницше человек – это хаос. Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает всматриваться в вас [16. Р. 69. Para 146]. Смотрящая на вас бездна как трансгрессивная сила втягивает в хаос бессмыслия и иррациональности. Именно этого и добивались сюрреалисты. За фасадом рациональности, разумности и логики скрывается мощная сила хаоса, в которой сокрыто подлинное человеческое бытие, где царит свобода. И это надо раскрыть, вывести наружу, отобразить.

Трансгрессия творческой личности, преодолевающая моральные запреты, постулируемая Ницше, находит отклик в философских и творческих устремлениях сюрреалистов.

Трансгрессия

В искусстве сюрреализма трансгрессия нередко находит свое отражение в соединении совершенно разнородных элементов (коллаж), в гротесковом сочетании банального и откровенно непристойного с возвышенным, уродливыми и нарочито бессмысленными изображениями, провоцирующими иное восприятие красоты и уродства. Коллажности, симбиоз несовместимых, откровенно сексуальные сцены, граничащие с непристойностью, олицетворяют трансгрессию смысловых инстанций: ценности, мировоззрения, морально-нравственные принципы, критерии социально приемлемого поведения, табу и запреты, сложившиеся в западной культуре.

Тема трансгрессии и эротизма в западной философии наиболее полно была разработана Ж. Батаем, который, несмотря на противоречивость и неоднозначность собственного отношения к сюрреализму, все же не отрицал своей солидарности с философией сюрреализма [17. Р. 1]. Батай переосмысливает классическое традиционное понимание трансгрессии как аморальной уступки искушению или импульсу, постулируя идею следования импульсам, чтобы избежать репрессивной субъективности, излишнего социального контроля и самоограничения.

Тема любви в сюрреализме имеет ярко выраженную трансгрессивную основу. Сюрреалисты считали, что освобождение сексуальности и эротических желаний через преодоление социальных условностей и морально-нравственных принципов может создать свободного человека. Свободная, «земная любовь» с акцентом на личном и сексуальном, не обремененная религиозными запретами и ограничениями, независимая от уз брака, приобретает особую ценность в философии сюрреализма. А. Бретон, Б. Пере писали о любви не только как о союзе душ, но и как об эротическом союзе. Бретон утверждает, что «плотская любовь находится на той же высоте, что и духовная» [18. Р. 301].

Сделав предметом искусства то, что традиционно считается социально неприемлемым и непристойным, шокируя публику изображением проявлений сексуальных девиаций, истерии, порнографии и насилия, сюрреалисты демонстрируют стремление подорвать традиционную эстетику, изменить социокультурные нормы и представления о смыслообразующих основаниях человеческого бытия.

Трансгрессия как нарушение норм приводит сюрреалистов к эстетизации патологических состояний. Например, истерию олицетворяет некий женский образ, загадочный, неконтролируемый как врожденная эротическая трансгрессия. Так, фотомонтаж Дали «Феномен экстаза» (1933) размещает лица таким образом, что обнажает истерию, хаос и страсть. Повторение частей обозначает эротическую одержимость, неудержимые влечения.

Трансгрессия сюрреализма – это не только выход художника за рамки эстетических традиций и норм. Феномен трансгрессии в сюрреализме основан на деперсонификации – настойчивом движении в сторону само-утраты, или освобождения самости от сознательного «я».

Трансгрессия внутреннего мира. Деперсонифицированная самость

Деперсонифицированная самость (ДС) является результатом трансгрессии внутреннего мира человека как трансценденции за пределы самосознания, погружения в сферу гипнагогии, сновидений и аффектов. Иными словами, трансгрессия внутреннего мира в сюрреализме – это добровольный отказ от воли и самосознания, слияние с субъективностью, где личность растворяется в потоке антропологического хаоса. Перефразируя Ж. Лакана, можно сказать, что человек – это и ни тело, и ни психика, и ни чистое воображение или чувства. У человека есть и тело, и психика, и чувства, и воображение. Человек принадлежит субъективности. В этой чувственной сфере субъективности именно благодаря сознанию обеспечивается синтез воображения и реальности, заканчивается чистое действие природы в психической деятельности и начинается самоограничение.

Деперсонифицированную самость можно сравнить с кантовским воображением априори, но без трансцендентальной схемы, ибо самость не может участвовать в формировании схем предметного мышления. Воображение – это важнейшая функция сознания, предикат мышления. Однако в отрыве от мыслительного процесса воображение становится бесцельной игрой фантазии, неконтролируемой психической активностью. ДС в сюрреализме становится эпистемологическим инструментом, с помощью которого происходит расширение восприятия, дестабилизируются онтологические основания жизнеосуществления, происходит релятивизация морально-этических ценностей. Самость погружается в хаос бессознательного, где сплошные потоки, галлюцинации, аллюзии и дипластии. Дипластия – это соединение несовместимого, синтез невозможного и противоречивого. В искусстве сюрреализма дипластия проявляется в причудливых сюжетах, создающих впечатление нагроможденности. ДС не знает самоограничений, это чистая субъективность. В сфере чистой субъективности отсутствие самосознающего «я» открывает свободу потокам аффектов, неосознанных желаний и влечений. В результате действия неконтролируемых ощущений часто рождались не образы, а протообразы желаний и стремлений, диктуемых чисто физиологическими потребностями. Так, картина «Карнавал Арлекина» (1925) Жоано Миро была вдохновлена галлюцинациями художника, когда он, испытывая сильное чувство голода. По его словам, он пытался изобразить галлюцинации, которые вызывает голод. Он изображал не то, что видел во сне, а состояние транса, поток желаний [19].

Произведения Миро являются наглядным примером того, как художник изображает работу подсознания.

Миро часто изображал ярких цветом совершенно иррациональный мир странных, искаженных фигур, плавающих объектов, выражающих чувство свободы, игривости, неконтролируемой фантазии.

Внутренняя иррациональная жизнь, свободная от самоограничения (деперсонификация), переходит во внешнюю трансгрессию, преодолевающую границы между допустимым и недопустимым.

Внешняя трансгрессия. Изменение смысла

Деперсонифицированная самость с легкостью способна совершать внешнюю трансгрессию как преодоление границ и перехода от одного наличного мира к другому, меняя смыслы. Нарушение традиционных норм, преодоление бинарных оппозиций, биоморфные абстракции, принятие причудливого и неожиданного ярко проявляются в работах С. Дали, Р. Магритта и М. Эрнста. Эти художники пытались разрушить условные границы идентичности, изображая фантазмагорические пейзажи и гибридные существа, как бы предлагая зрителю пересмотреть свое понимание реальности, обрести свободу и представить немыслимое. Гибридизация как внешняя трансгрессия между человеческим и нечеловеческим характерна для картин Магритта. Например, в картине «Коллективное изобретение» (1934) нижняя часть женского тела сращена с головой рыбы. Художник как будто бросает вызов реальности, предлагая освободить сознание от традиционного мировосприятия, представить немыслимое.

Картина Дали «Женщина с головой из роз» (1935) является одним из ярких примеров трансгрессии, которая выражается в трансформации человеческой телесности, симбиоза человеческого и нечеловеческого. Дали часто делал человеческое тело предметом творческого экспериментирования, вызывая ощущение фантазмагорической абсурдности.

Использование гибридных существ в сюрреалистическом искусстве как бы предлагает изменить традиционные представления об идентичности, что ведет к стиранию антропологической границы между человеческим миром и нечеловеческим. Сюрреалистические существа часто представляют симбиоз человека и животного, а иногда – человека и объекта, которые отображают самые глубокие эмоции, страхи, желания, бросая вызов законам природы и разума. Здесь нет личности, только ощущения, ассоциации, трансгрессивные желания, выраженные метафорически.

Трансгрессивные желания бессознательного

Опираясь на психоанализ Фрейда, сюрреалисты поставили одной из своих задач освободить страсть, желания и сексуальные влечения из-под контроля рационального «я». Иными словами, необходимо было реабилитировать иррациональное, мистическое, скрытое в человеке – все то, что сковано морально-этическими и социальными условностями.

По мнению Фрейда, бессознательное полностью состоит из активности желаний и стремлений, которые черпают свою энергию непосредственно из первичных

физиологических инстинктов. Эти инстинкты и стремления имеют либо сексуальный, либо деструктивный характер, который обуславливает конфликт с общепринятой моделью социально приемлемого поведения [20. Р. 21–22]. Фрейд считал, что в подсознании у всех невротиков можно выделить следующие основные ярко выраженные стремления: бессознательные фантазии истериков, сознательные фантазии извращенцев и бредовые страхи параноиков [20. Р. 80]. Однако, согласно Фрейду, эти стремления присутствуют не только у невротиков, но у многих людей в глубинах бессознательного. Австрийский психоаналитик предупреждал, что такие «уловки» трансгрессивных желаний потенциально вредны не только для самого человека, но и для других. Однако для сюрреалистов особый интерес представляли именно эти «уловки»: паранойя, истерия, необузданные сексуальные желания, сны, грезы и фантазии за пределами сознания. Сюрреалисты делали предметом художественного творчества образы неосознанных желаний на грани сумасшествия. Сексуальные девиации и социальная трансгрессия, психопатологические состояния, мировосприятие душевнобольных людей часто образовывали симбиотические отношения в сюрреалистических нападках на нормативную культуру. В романах «Надя» [21. Р. 163] и «Безумная любовь» Бретон охарактеризовал такие отношения как «судорожную (или конвульсивную) красоту» («convulsive beauty») [22. Р. 10, 13, 19, 124]. Судорожная красота – это термин, который обозначает внезапную встречу с бессознательным, как момент зависания между сном и явью, реальным и мнимым, тревожные потрясения в психологической согласованности. Это момент освобождения «я» от оков разума и обретения подлинности бытия, которая не вписывается в рамки того, что принято называть нормальностью с точки зрения социальной приемлемости. Такое состояние характерно для психопатологического восприятия.

Приближение к бессознательному. Психопатологическое восприятие

Сюрреалисты пытались увидеть мир глазами ребенка или даже душевнобольного человека, чтобы понять свою «скрытую природу». Помимо чисто технических средств (гипноз, наркотические средства) обнаружить бессознательное можно в менталитете ребенка, в детском мировосприятии. «Возможно именно детство ближе всего к настоящей жизни... детство, где все направлено на владение собой» [6. Р. 40]. Подлинную свободу бытия, освобожденного от оков социума, по мнению сюрреалистов, можно обнаружить в психопатологическом восприятии, поскольку мировосприятие душевнобольного человека наиболее приближено к структурам бессознательного.

В романе А. Бретона «Надя» главная героиня представлена как необычная женщина, воплощающая образ блуждающей души, иррациональную энергию. Душевнобольная Надя существует вне социума, поскольку ее восприятие лишено контекста социальной реальности.

Сознание обеспечивает синтез реальности и воображения. Благодаря сознанию мы живем во времени. У Нади этот синтез нарушен, она не всегда способна к адекватной коммуникации. Главная героиня романа живет в своем мистериальном мире образов, знаков, как бы трансцендентально преодолевая пространство и реальность, достигает сюрреалистической точки. Для Бретона Надя – это «свободный гений», освободившийся из «тюрьмы» логики [21. Р. 154]. Она воплощается в другие образы, существуя вне этого мира. Она как будто не замечает реальности. Надя – идеальная сюрреалистическая фигура, она абсолютна свободна от рационалистической тирании, ее мировосприятие не затемнено предрассудками буржуазного социума. «Идеей свободы необходимо наслаждаться настолько неограниченно, насколько это возможно без каких-либо прагматических соображений, потому что человеческая эмансипация в своей простейшей форме <...> остается единственным делом, достойным служения. Надя родилась служить этому» [21. Р. 142].

Бессвязные слова, которые Надя изрекает, впав в состояние психического расстройства, представляются Бретону «автоматическим письмом», настоящим свободным искусством, подлинной сюрреальностью. Способность Нади видеть и жить за пределами сознания, за гранью непосредственной реальности делает ее идеалом сюрреализма. Но именно эта способность Нади, предоставляя свободу и творческую энергию, возможность «автоматически» писать, является одновременно и разрушительной силой. Бретон восхищается Надей, но одновременно и раздражается поскольку ему трудно понять ее. В состоянии бреда Надя полностью теряет контакт с Бретоном, который уже не может ее понять.

Воспроизведение окружающей среды через призму психопатологического восприятия позволяет добиться вербальной раскрепощенности, когда речь – это поток видений, событий, неконтролируемых сознанием. Для сюрреалистов высвобождение неосознанного потенциала языка как средства раскрытия потаенных смыслов, закрепощенных разумом, является важнейшим этапом на пути освобождения духа и восстановления подлинного бытия самости, где игнорируются условности и запреты.

Свобода и самоограничение

Искусство требует свободы, но, как сказал бразильский писатель Пауло Коэльо, абсолютной свободы не существует, но есть свобода выбора. Первичное самоограничение, обусловленное сознанием, создает то необходимое пространство воображения, творческой духовной энергии, за пределами которого, начинается неконтролируемая работа психики. Художник, творческий деятель либо себя самоограничивает, либо становится рабом своей психики, желаний и влечений, диктуемых естеством, т.е. природой. Погружение в сферу бессознательного с помощью наркотиков, автоматическое письмо, гипноз – это редукция свободы художника к бессознательной силе природы. Все то, что

относится к природе, не имеет отношения к личностной свободе и не создает искусства.

Созидательный творческий процесс требует духовного сосредоточения. Творческий дух подразумевает синтез умонастроения и особого душевного состояния, способности созерцания. Интенция является важнейшей составляющей и условием творческой деятельности. Интенция, в свою очередь, требует воли и целеполагания. Интенция художника опосредуется духовными идеалами. Сюрреалисты бросили вызов традиционным духовным-нравственным принципам, представлениям о красоте в искусстве и в жизни, постулируя трансгрессивную силу объективизации галлюцинаций, неосознанных желаний.

Сознание обеспечивает синтез реального и воображаемого. Бессознательное разрушает связь между внутренним миром и внешним, т. е. между самостью и телом. Следствием такого разрыва является чистая галлюцинация, объективирующая неосознанные чувства, страхи, желания, погружающие человека в антропологическое смешение, в хаос.

Свободная воля, направленная на внутренний мир, требует духовных ориентиров. Источником таких ориентиров является религиозное сознание. Погружение в бессознательное лишает человека воли. Безволие и свобода несовместимы. Полное погружение в мир собственных подсознательных желаний, лишенный интенций и духовной воли, вызывает на поверхность самые низменные, а порой и откровенно непристойные качества внутренней жизни человека.

За пределами сознания. Сублимация и параноидально-критический метод С. Дали

За пределами сознания начинается обезличивание, чистая субъективность, где господствует деперсонифицированная самость как эмоция, производящая неосознанные образы. В отличие от самосознающего «я» деперсонифицированная самость не знает запретов и реализуется посредством сублимации бессознательной психической энергии. Ярким примером сублимации бессознательного в сюрреализме являются произведения С. Дали. Испанский художник хотел, чтобы его считали человеком, отличающимся от обычного общества, и он преуспел в этом. Талантливый эксцентрик, эпатажный художник шокировал не только своими произведениями, но и поведением, которое, по мнению психиатров, соответствовало диагностическим критериям нескольких расстройств личности и психотических заболеваний. Дали сам назвал себя «великим параноиком» [23. Р. 49]. Художник сделал свои фобии, паранойю, страхи, одержимости предметом творчества. Дали жил в сфере сверхреальности ощущений и ассоциаций. Он был свободен в своем внутреннем мире и мастерски изображал сверхреальность или инобытие, в котором он сам пребывал, или то, куда вела его безудержная фантазия. В метафизическом смысле он действительно сюрреалист в том отношении, что он обладал полной свободой выражения внутреннего состояния. Дали полностью освобождался от реальности

и следовал мистицизму своих грез и неосознанных ассоциаций. Художник не ограничился методом психического письма, который он считал слишком пассивным. В своём искусстве он стремился не только погрузиться в бессознательное, но объективировать и запечатлеть встречу с бессознательным. Это стремление объясняет его параноидально-критический метод, который позволил ему войти в мир неосознанных влечений и овеществить иррациональное, неосознанное, отразить то, что он видел в сфере подсознательных эротических желаний и страхов. «Параноидально-критическая активность – это метод иррационального познания, основанный на критической и систематической объективации бредовых ассоциаций» [24. Р. 15]. Дали занимает позицию неконтролируемой открытости к бессознательным образам (бредовое состояние), запечатлевает этот момент как подлинную экзистенцию, свободную от каких-либо условностей. По мнению художника, в момент бредового состояния или сна человек трансцендирует за пределы своего сознания, достигая той сферы бессознательного, где раскрываются истинные смыслы внутреннего мира человека.

Источником творческой свободы для Дали была неосознанная интуиция. Художник откровенно признавал: «Мне кажется совершенно ясным, что мои враги и широкая публика не понимают смысла того, что я изображаю в моих картинах. Как можно ожидать от них понимания, если я сам, “творец”, тоже не понимаю. Тот факт, что я не понимаю смысла моих картин в момент, когда я пишу их, не означает, что они не имеют смысла. Напротив, их смыслы настолько глубоки, сложны, связны и непроизвольны, что ускользают от самого простого анализа логической интуиции» [24. Р. 11–12].

Опираясь на метаспсихологическое понятие сублимации Фрейда как процесса перевода сексуальной энергии на общественно значимые виды деятельности, например художественное творчество, интеллектуальную работу, Дали пришел к убеждению в неразрывности сублимации и искусства, утверждая, что «сексуальный инстинкт должен быть сублимирован в эстетике, чувство смерти – в любовь, пространственно-временное ощущение страха и тоски – в метафизику и религию» [14. Р. 426]. Дали и сам был сублимирован, в чем он открыто признается: «... Насильственное утверждение моей личности сублимировалось в новом социальном содержании моих действий, которые, при наличии разнородных тенденций моего ума, не могли не быть анти-социальными и анархическими» [14. Р. 132].

В его картинах можно увидеть совершенно необычные, трансформированные объекты в самых странных причудливых комбинациях. В картине «Приспособление и рука» (1927) перед нами яркий синий пейзаж над сценой, состоящей из разрозненных изображений, где возвышается аппарат, некое техническое приспособление. Несбалансированная композиция, увенчанная рукой, кажется вот-вот рухнет, вызывая тревожное ощущение. Вокруг изображения роятся бредовые желания и страхи, представленные в виде летящего женского тела, красной рыбы, рыбных костей, а также осла, покрытого мухами. Все кажется бессмысленным, но это

символизирует неосознанные глубины подлинного бытия – сверхреальность мистерии внутреннего мира человека.

Дали свободно изображает то, что хочет, как чувствует, не задумываясь о последствиях, полностью предаваясь своим эмоциям и ассоциациям. «Портрет Пикассо» (1947) Дали поражает своей амбивалентностью и парадоксальностью. Вместо человека на картине изображен монстр. Это метафора отношения Дали к Пикассо, который, по мнению Дали, «цеплялся» за реальность. Это не портрет человека, а мистерия и ассоциация.

Сюрреализм, преодолевая сознание, объективирует мир телесных влечений, грубых эротических желаний и психопатических переживаний. Такой темный мир можно выразить, преодолев метафизический стыд, что можно видеть в произведениях Дали, в которых изображен эротизм, граничащий с непристойностью, глубокие душевные терзания. Например, картина «Великий мастурбатор» проникнута атмосферой эротизма и страдания. Дали открывает публике самые темные глубины психики, где боль и страдания перемешиваются с любовью, неудержимым физическим влечением и в то же время чувством отвращения к тленной телесности.

При всей дерзновенной смелости своих стремлений, художник, обладая свободой открывать сокровенные тайны внутреннего мира, за пределами сознания, сам неизбежно становится пленником собственных неосознанных влечений, неконтролируемых желаний, комплексов и страхов.

Выводы

Сюрреализм как творческо-философское движение явился реакцией на духовно-культурный и экзистенциальный кризис европейского общества. Обращенность к бессознательным действиям психики была продиктована попыткой освободить самость («я») от оков логики и рационализма, которые, по мнению сюрреалистов, обрекают человека на вечный конфликт разума и чувств, ибо подлинное бытие не поддается рациональному объяснению и логике.

В философско-антропологическом смысле сюрреализм акцентирует внимание на внутреннем мире человека, экзистенциальном осмыслении индивидуального существования. Поиск свободы в сюрреализме центрирован на проблеме подлинного бытия, который сокрыт в нас самих. Социум как искусственная среда, опосредованная ценностями и нормами, которые создали люди, оказался неспособным стать источником смысловых ориентиров. Подлинный человек – это внутренний человек, тот, который сокрыт от социума. Он одинок, окован путами социальных предубеждений, условностей и принципов. Творчество, по мнению сюрреалистов, призвано освободить внутреннего человека.

Погружение в себя вне контекста духовных ориентиров может быть опасным занятием. Источником духовных смысловых ориентиров является религиозное сознание. Сюрреализм отрицает религию поскольку она сковывает свободу.

Поиск свободы в сюрреализме – это бесконечная трансгрессия, которая проявляется не только как нарушение общепринятых запретов, но, прежде всего, как внутренний отказ от «я» – деперсонификация. Деперсонификация самости не есть самоцель, но эпистемологический инструмент, с помощью которого трансформируется представление о смысложизненных ценностных ориентирах.

Иррациональность и абсурдность разбивают устоявшиеся логические нормы, помогая по-новому взглянуть на многие ценностные установки. И в этом с сюрреалистами следует согласиться. Однако тотальность иррациональности в сюрреализме, заменяющая сознание психическим автоматизмом, освобождает неосознанное, выводит на поверхность то, что сокрыто в глубинах психики, но при этом разрушает личностную свободу. Невозможно обладать внутренней свободой, находясь в состоянии постоянного поиска доступа к сфере бессознательного.

Искусство создается посредством свободной творческой деятельности человека. Погружение в сферу бессознательного – это редукция свободы художника к

бессознательной силе природы, к деятельности неконтролируемой психики. Стремясь познать свой внутренний мир, сюрреалисты не гнушались наркотическими средствами, алкоголем и гипнозом, что, по сути, являлось добровольным отказом от воли, подавлением личности. Внутренняя свобода подразумевает волю и осознание себя как личности.

Отказ от сознания в пользу деятельности чистой психики привел сюрреалистов не к свободе творческого самовыражения, а к объективации трансгрессивных желаний, в антропологический хаос, чистую субъективность, где есть все, кроме воли и сознания. Благодаря сознанию существует такой антропологический феномен, как самовоздействие, которое актуализирует отношение самости к самой себе. Отношение к себе есть условие свободы личности и в то же время самоограничения, без которого самость попадает в плен бесконтрольной работы психики. Пытаясь заглянуть за пределы сознания, сюрреалисты освобождаются и от сознания, и от свободы.

Список источников

1. Richter H. *Dada: Art and Anti – Art*. London : Thames & Hudson, 2016.
2. *Surrealist revolution*. London : Simon & Dickinson Ltd, 2016. 56 p.
3. Ernt M. *Beyond painting*. New York : Taschen America Llc, 2003. 96 p.
4. Pritzker P. *Ernst*. New York : Leon Amiel Publisher, 1975. 144 p.
5. Alden T. *The essential Rene Magritte*. New York : Harry N Abrahams, 1999. 109 p.
6. Breton A. *Manifestoes of surrealism*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1972. 317p.
7. Buñuel L. *My last breath*. London : Fontana Paperback, 1987. 285p.
8. Nadeau M. *The History of surrealism*. New York : Harvard University Press, 1989. 376 p.
9. Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.). Дадаизм: феномен деструктивизма и идейный источник экзистенциализма и постмодернизма западной философии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 50–56. doi: 10.17223/15617793/492/6
10. Hegel G.W.F. *Jenaer Realphilosophie // Frühe politische Systeme*. Berlin : Ullstein, 1974
11. Soupault P., Breton A. *The Magnetic fields*. New York : Review of Books, 2020. 128 p.
12. Bergson H. *An Introduction to metaphysics*. London : Hackett Publishing, 1999, 64 p.
13. Freud S. *The interpretation of dreams*. Hertfordshire : Wordsworth Editions Ltd, 2017. 446 p.
14. Dali S. *The secret life of Salvador Dali*. New York : Dial Press, 1942. 444 p.
15. Nietzsche F. *Morality as anti-nature // Twilight of the idols or How to philosophize with the hammer*. Cambridge : Hackett Publishing Company, Inc., 1997. P. 25–29.
16. Nietzsche F. *Beyond Good and evil*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 232 p.
17. Bataille G. *The absence of myth. Writings on surrealism*. London : Verso, 1994. 225 p.
18. Breton A. *On Surrealism and Its Living Works // Breton A. Manifestoes of Surrealism / Trans. R. Seaver, H.R. Lane*. Ann Arbor : University of Michigan Press. P. 295–316. doi: 10.3998/mpub.7558
19. Mink J. *Miró*. London : Taschen, 2016. 96 p.
20. Freud S. *On sexuality. Three Essays on the theory of sexuality and other works*. Vol. 7. London : Penguin Books, 1977. 432 p.
21. Breton A. *Nadja*. New York : Grove Press Inc, 1977. P. 163.
22. Breton A. *Mad love*. London : University of Nebraska Press, 1988. 31 p.
23. Pawels L. *Dali m'a dit*. Paris : Carrer, 2006. 185 p.
24. Dali S. *My pictorial struggle // Conquest of the irrational*. New York : Julien Levy, Publisher, 1935. P. 11–18.

References

1. Richter, H. (2016) *Dada: Art and Anti – Art*. London: Thames & Hudson.
2. Simon C. Dickinson Ltd. (2016) *Surrealist Revolution*. London: Simon C. Dickinson Ltd.
3. Ernt, M. (2003) *Beyond Painting*. New York: Taschen America Llc.
4. Pritzker, P. (1975) *Ernst*. New York: Leon Amiel Publisher.
5. Alden, T. (1999) *The Essential Rene Magritte*. New York: Harry N Abrahams.
6. Breton, A. (1972) *Manifestoes of Surrealism*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
7. Buñuel, L. (1987) *My Last Breath*. London: Fontana Paperback.
8. Nadeau, M. (1989) *The History of Surrealism*. New York: Harvard University Press.
9. Ioganson, E.N. (Martin-Ioganson, E.) (2023) Dadaism: Phenomenon of destructivism and ideological source for existentialism and postmodernism of the Western philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 50–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/6
10. Hegel, G.W.F. (1974) *Jenaer Realphilosophie*. In: *Frühe politische Systeme*. Berlin: Ullstein.
11. Soupault, P. & Breton, A. (2020) *The Magnetic Fields*. New York: Review of Books.
12. Bergson, H. (1999) *An Introduction to Metaphysics*. London: Hackett Publishing.
13. Freud, S. (2017) *The Interpretation of Dreams*. Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd.
14. Dali, S. (1942) *The Secret Life of Salvador Dali*. New York: Dial Press.
15. Nietzsche, F. (1997) *Morality as anti-nature*. In: *Twilight of the Idols or How to Philosophize with the Hammer*. Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc. pp. 25–29.

16. Nietzsche, F. (2002) *Beyond Good and Evil*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Bataille, G. (1994) *The Absence of Myth. Writings on surrealism*. London: Verso.
18. Breton, A. (n.d.) Manifestoes of Surrealism. Translated from French by R. Seaver & H.R. Lane. Ann Arbor: University of Michigan Press. pp. 295–316. doi: 10.3998/mpub.7558
19. Mink, J. (2016) *Miró*. London: Taschen.
20. Freud, S. (1977) *On Sexuality. Three Essays on the theory of sexuality and other works*. Vol. 7. London: Penguin Books.
21. Breton, A. (1977) *Nadja*. New York: Grove Press Inc.
22. Breton, A. (1988) *Mad Love*. London: University of Nebraska Press.
23. Pawels, L. (2006) *Dali m'a dit*. Paris: Carrer.
24. Dali, S. (1935) My pictorial struggle. In: *Conquest of the Irrational*. New York: Julien Levy, Publisher. pp. 11–18.

Информация об авторе:

Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) – PhD, штатный научный сотрудник Лондонского столичного университета, научный консультант CVB Ltd (Лондон, Великобритания). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Ioganson (E. Martin-Ioganson), PhD, freelance researcher for Metropolitan University (London, United Kingdom); academic consultant at CVB Ltd (London, United Kingdom). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024;
одобрена после рецензирования 06.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 22.10.2024;
approved after reviewing 06.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 304:130.2
doi: 10.17223/15617793/517/10

Онтология музыки и кризис классической метафизики

Вячеслав Тависович Фаритов¹

¹ Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, vfar@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ различных вариантов философского осмысления музыки. Рассматриваются концепции Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Обосновывается тезис, что музыка как таковая имплицитно содержит в себе свою собственную онтологию, определенный способ понимания структуры и характера бытия мира. Раскрывается несонизмеримость онтологической парадигмы европейской философии Нового времени и внутренней онтологической структуры музыкального искусства. Обосновывается тезис, что собственная онтология музыки в большей степени соответствует онтологии постметафизического типа. Раскрывается связь учения о вечном возвращении Ф. Ницше с онтологической структурой музыки.

Ключевые слова: музыка, онтология, метафизика, постметафизическая онтология, Гегель, Шопенгауэр, Ницше

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>

Для цитирования: Фаритов В.Т. Онтология музыки и кризис классической метафизики // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 94–99. doi: 10.17223/15617793/517/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/10

Ontology of music and the crisis of classical metaphysics

Vyacheslav T. Faritov¹

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, vfar@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to substantiate the thesis that the philosophical understanding of music is not confined to the realm of aesthetics; rather, music, like other art forms, implicitly contains its own ontology. The primary research method employed is philosophical comparativism. Through a comparative analysis, the study demonstrates that philosophers who are creators of their own original systems, when turning to the art of music, inevitably encounter a certain resistance from the subject matter. Music reveals boundaries that prevent its full integration into any given ontological concept. The problem lies in the fact that music's inherent ontology cannot be entirely subsumed within pre-existing philosophical systems. This gives rise to a conflict between different, sometimes heterogeneous, ontologies: the ontology of the philosopher, the creator of their own system, and the implicit ontology of music itself. This conflict can also be detected at a paradigmatic level: the general ontological orientation of a particular epoch may run counter to the internal ontology of music. The author concludes that in every significant period in the history of philosophy, one can identify its specific ontological dominants and establish correlations between the ontological dominant of an era and the particular type of artistic creativity that corresponds to it most fully. According to the author, the ontological dominant of Antiquity is corporeality. The ontological dominant of Medieval philosophy is God as a transcendent first principle. Beginning with the Renaissance and further into the New Age, the dominant becomes human subjectivity. Correspondingly, in the sphere of artistic creativity, the ontological dominant of Antiquity is best answered by sculpture, while the dominant of Medieval philosophy is best embodied by the Gothic cathedral. The art most closely aligned, in its ontological implications, with the spirit of the New Age is painting. The study concludes that although the philosophical conceptualization of music has been undertaken by various thinkers throughout history, from the Pythagoreans to representatives of contemporary thought, the predominant tendency in most cases has been to inscribe music into one or another ready-made ontological system and paradigm. It is shown that in the philosophy of the New Age, the prevailing approach has been to conceptualize music within the dominant paradigm of subjectivity. This tendency finds its most complete embodiment in Hegel's aesthetics. Yet, even Schopenhauer's interpretation of music does not transcend the framework of European metaphysics. Nevertheless, in the musical philosophies of both Hegel and Schopenhauer, a certain residual element is discernible – one that is not integrated into their own systems and does not correspond to the ontological dominant of the New Age. The author concludes that explicating this unassimilated remainder is of fundamental importance for the task of developing an ontology of music.

Keywords: music, ontology, metaphysics, post-metaphysical ontology, Hegel, Schopenhauer, Nietzsche

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>

For citation: Faritov, V.T. (2025) Ontology of music and the crisis of classical metaphysics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 94–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/10

Философское осмысление музыки не ограничивается сферой эстетики. Музыка, как и другие виды искусства, имплицитно содержит в себе собственную онтологию. Философы, являющиеся создателями своих оригинальных систем, при обращении к музыкальному искусству неизбежно будут наталкиваться на определенное сопротивление предмета, а именно: музыка будет обнаруживать границы, препятствующие ее интеграции в ту или иную онтологическую концепцию. Собственная онтология музыки не укладывается без остатка в готовые философские системы. Возникает ситуация конфликта различных, иногда гетерогенных онтологий: онтологии философа, создателя собственной системы, и имплицитной онтологии самой музыки. Данный конфликт может обнаруживаться и на парадигмальном уровне: общая онтологическая направленность той или иной эпохи может идти вразрез с внутренней онтологией музыки. Предельно обобщая, в каждом значимом периоде истории философии можно выделить свои онтологические доминанты. И можно установить корреляции между онтологической доминантой эпохи и конкретным типом художественного творчества, в наибольшей степени этой доминанте отвечающей. Так, онтологической доминантой Античности была признана телесность [1]. Онтологической доминантой философии Средних веков выступает Бог как трансцендентное первоначало [2]. Начиная с эпохи Возрождения и затем в Новое время доминантой становится человеческая субъектность [3]. Соответственно, в сфере художественного творчества онтологической доминанте Античности в наибольшей степени отвечает скульптура, доминанте средневековой философии – готический собор. Искусство, по своим онтологическим импликациям наиболее близкое духу Нового времени, – живопись (указание на этот момент находим у Шпенглера, также у Фуко [4, 5]). Возникает вопрос: онтология какого типа в наибольшей степени адекватна музыке?

Философская концептуализация музыки осуществлялась в разное время различными мыслителями, начиная с пифагорейцев и заканчивая представителями современной мысли. Однако, как уже отмечалось выше, в большинстве случаев преобладает тенденция к вписыванию музыки в ту или иную готовую онтологическую систему и парадигму. Так, в философии Нового времени преобладает установка на осмысление музыки в рамках доминантой парадигмы субъектности. Наиболее полное воплощение данная тенденция получает в эстетике Гегеля. Но и истолкование музыки, предложенное Шопенгауэром, также не выходит за рамки европейской метафизики. Вместе с тем в философии музыки и Гегеля, и Шопенгауэра обнаруживается некий остаток, не интегрируемый в их собственные системы и не соответствующий онтологической доминанте эпохи Нового времени. Экспликация этого неассимилируемого остатка имеет принципиальное значение для задачи разработки онтологии музыки.

Музыка как диалектика субъективности: Г.В.Ф. Гегель

В системе Гегеля музыке как романтическому искусству отводится роль определенного момента в диалектике внутреннего и внешнего, субъективного и объективного. Музыка, как живопись и поэзия, выступает выражением внутреннего, субъективного. По сравнению с живописью музыка есть шаг вперед в общем диалектическом движении идеи. Если живопись еще выражает внутреннее во внешнем, в некотором обладающем самостоятельным существованием объекте, то музыка уже осуществляет переход непосредственно в сферу внутреннего и субъективного. В этом, с другой стороны, ее ограниченность по сравнению с поэзией, представляющей следующую ступень в саморазвитии эстетической идеи. Музыка «все внутреннее как таковое и субъективное чувство представляется внутреннему миру не в наглядных образах, а в конфигурациях колеблющихся звучаний. Однако тем самым музыка перешла в другую крайность, к неизъясненной субъективной сосредоточенности, содержание которой опять-таки лишь символически выражалось в звуках» [6. С. 295]. Такая трактовка музыки позволяет Гегелю решить задачу, первоочередную для философа-систематика: вписать рассматриваемый феномен в собственную онтологическую систему, предельным выражением которой выступает его диалектическая логика. Одновременно Гегелю удастся не выйти за пределы онтологической парадигмы европейской метафизики, для которой доминантой выступает онтологизированная субъектность. Поскольку субъект существует только в том или ином отношении к объекту, основной задачей онтологии субъектности становится разработка этого самого отношения. Гегель решает данную задачу в диалектическом ключе, где субъект и объект не фиксируются в своей оппозиции друг к другу, но включаются в диалектический процесс саморазвертывания абсолютной субъектности. Непосредственным предшественником Гегеля здесь выступает Фихте. Система Гегеля завершает разработку данной онтологической парадигмы, как это трактовал и сама Гегель в своих Лекциях по истории философии.

Однако для целей нашего исследования более значим другой аспект. В процессе философского осмысления музыки Гегель неизбежно сталкивается с теми моментами, которые не интегрируются без остатка в онтологическую парадигму субъектности. Уже непосредственный материал музыки – звук – выступает в качестве некоего парадоксального элемента, аномалии (в смысле Т. Куна), нарушающей принятые образцы и стандарты онтологической мысли эпохи Нового времени. Звук как таковой совсем не является диалектическим моментом, идеально вписывающимся в структуры диалектической логики (несмотря на универсальную всеядность последней). Звук есть *трансгрессивный* феномен, онтологическим принципом которого

выступает постулат «не быть тем, что он есть». Гегель сам указывает на этот характер звукового материала: «...звук представляет собой нечто внешнее, которое в своем возникновении уничтожается самим своим существованием и исчезает в самом себе» [6. С. 238]. Чтобы вписать этот парадоксальный объект, бытие которого состоит в самоуничтожении, в философскую парадигму Нового времени, Гегелю приходится локализовать музыкальное искусство в сфере внутреннего. Содержанием музыки является «в самом себе субъективное начало, и выражение не создает ему пространственно *пребывающей* объективности, а своим неудержимым свободным исчезновением показывает, что оно является сообщением, не обладая само по себе устойчивостью, сохраняется лишь во внутреннем и субъективном мире и должно существовать только для субъективного внутреннего мира» [6. С. 239]. В целом такая трактовка музыки, как выражение сугубо внутреннего, душевного, является достаточно избитой и малооригинальной, в каком-то смысле даже дилетантской. Философ и сам признается, что в отношении музыкального искусства ему «недоставало чужих исследований, которые можно было бы использовать, а также более близкого знакомства с ним» [6. С. 412]. Для Гегеля музыка не была тем же, чем она была, например, для Ницше. И дело здесь не только и не столько в различие вкусов и в личных предпочтениях. Как будет показано далее, речь идет именно о различиях онтологических парадигм. Музыка не близка Гегелю как раз по причине того, что в своем существе она ускользает от онтологических схем философии Нового времени. Ницше, напротив, выступает в качестве мыслителя кризисного периода европейской метафизики и именно в музыке находит идеи, соответствующие принципиально иному пониманию бытия.

Тем не менее, несмотря на некоторый дилетантизм и отстраненность от предмета, Гегелю удалось выявить моменты, характерные для онтологии музыки. Несоответствие этих моментов общей направленности гегелевской философии послужило поводом для в целом негативной оценки музыки как лишь промежуточной ступени в системе романтических искусств. Трансгрессивный характер музыки подмечен Гегелем достаточно точно: «...звук не застывает в пространственные фигуры и не сохраняет устойчивости в качестве вне- и рядоположенности, а принадлежит идеальной, духовной сфере *времени* и поэтому в нем нет различия между простым внутренним содержанием и конкретным телесным обликом и явлением» [6. С. 249]. Гегель, оставаясь в целом на почве нововременной философии, в сфере музыки обнаруживает то, что принципиально выходит за пределы данной парадигмы. Отсутствие различия между внутренним и внешним, между сущностью и явлением – все это означает нейтрализацию фундаментальных оппозиций европейской метафизики. Музыка как трансгрессивный феномен не укладывается в эти оппозиции, но осуществляет их трансгрессию [7]. Как таковая музыка не метафизична и не диалектична. Лежащая в основе музыки онтология опрокидывает категории сущности и явления, внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, идеального и материального. Гегель не мог не заметить

этот трансгрессивный характер музыкального искусства. Но он также не мог придать трансгрессии собственную онтологическую значимость, поскольку для этого требовалось бы выйти за пределы той онтологической модели, которую разрабатывал он сам. В философии Гегеля трансгрессия представлена только в качестве момента, подчиненного диалектической тотальности [8]. По этой причине, сталкиваясь в музыке с трансгрессией, Гегель движется в направлении интеграции данного парадоксального элемента в онтологическую парадигму субъектности.

Так, с одной стороны, Гегель отмечает, что содержание музыки не может быть сведено к запоминающимся мелодиям: «Смысл музыкальной темы, выражаемый ею, быстро исчерпывается» [6. С. 243]. В музыке значимостью обладает не сама тема, но представленная в разработке трансгрессия темы: «...в музыкальном произведении содержание можно раскрыть в его более определенных отношениях, противоположностях, конфликтах, переходах, осложнениях и разрешениях посредством того, как разворачивается тема, как к ней присоединяется другая, так что обе движутся теперь в их смене или переплетении, изменяются, в одном месте замирают, в другом вновь появляются, здесь кажутся побежденными, там снова побеждают» [6. С. 243–244]. Здесь рассуждения Гегеля о музыке движутся в плоскости, имманентной самому предмету. Музыка здесь представлена как не знающий остановки гераклитовский поток, содержанием которого является не ведающая примирения борьба противоположностей. Моменты тождества и единства здесь не получают онтологического приоритета над становлением: «Но и в этом случае единство не становится посредством такой разработки глубже и сосредоточеннее, как в скульптуре и живописи, а скорее представляет собой разворачивание, разветвление, удаление и возвращение (*eine Ausweitung, Verbreitung, ein Auseinandergehen, eine Entfernung und Zurückführung*)» [6. С. 244].

Однако, с другой стороны, выявив трансгрессивный характер музыкального искусства, Гегель отказывается сделать еще один шаг и признать это движение разворачивания, разветвления, удаления и возвращения в качестве самостоятельной модели бытия. Шаг в этом направлении будет сделан уже не Гегелем, но Ницше, который будет мыслить бытие как вечное возвращение. Гегель же прикладывает все усилия, чтобы подчинить это трансгрессивное движение единству субъектности: «...различные отрезки времени связываются в такое единство, в котором “я” обнаруживает для себя свое тождество с собою» [6. С. 258]. Тождество и единство субъекта полагаются здесь в качестве онтологического фокуса, собирающего в одну точку сложное и разнонаправленное движение музыкальной темы: «...“я” благодаря такту должно вернуться к себе во множестве звуков и их длительности, воспринимая в них одно и то же тождество, являющееся самим “я”» [6. С. 259]. Различие подчиняется тождеству, носителем которого выступает онтологизированный субъект. Здесь уже становится возможным свести музыку к выражению духовного как внутреннего мира субъекта: «...музыка должна одухотворить звук и превратить его

в звучание внутреннего субъективного мира» [6. С. 254]. Гегель достигает конечной цели своего философского осмысления музыки: музыкальное искусство получает значение выражения внутренней жизни. Одновременно становится возможным обосновать ограниченность музыки как сосредоточенного исключительно на моменте внутреннего.

Музыка как метафизика воли: А. Шопенгауэр

Философия Шопенгауэра укоренена в онтологической парадигме Нового времени не в меньшей степени, чем философия Гегеля. В некоторых аспектах Шопенгауэра даже следует признать более типичным представителем европейской метафизики, чем Гегеля. Последний благодаря своей диалектике текучих понятий ближе подходит к границам метафизического типа философствования. У Шопенгауэра базовые оппозиции европейской метафизики полностью сохраняются: его онтология целиком строится на кантовской дихотомии вещи в себе и явления. Гегель, напротив, стремится выйти за пределы этой дихотомии. Что касается иррационализма, то у Шопенгауэра он весьма относителен: утверждая в качестве метафизического первоначала иррациональную волю, философ вместе с тем в эстетике и этике отдает однозначный приоритет интеллекту, способному возвыситься над волей и от нее освободиться.

Отсюда трактовка музыки у Шопенгауэра носит сугубо метафизический характер. Если у Гегеля музыка служит выражением внутренней жизни субъекта, то для Шопенгауэра музыка представляет собой репрезентацию воли, т.е., по сути, кантовской вещи в себе. Музыка, таким образом, есть явление трансцендентного. Однако, в отличие от Гегеля, в системе Шопенгауэра музыке отдается явный онтологический приоритет по сравнению с другими видами искусства. Основной тезис здесь таков: «Музыка, в противоположность всем другим искусствам, изображает не идеи, или ступени объективации воли, но *саму волю*» [9. С. 574].

Здесь речь идет не о личных предпочтениях философа – дело вовсе не в том, что Шопенгауэру музыка нравилась больше, чем Гегелю. В самой музыке есть нечто, что позволяет трактовать это искусство как более метафизическое, как в наибольшей степени приближенное к первооснове бытия. Из всех искусств музыка оказывается в наибольшей степени удаленной от чувственно воспринимаемого, имманентного мира объектов. Чувственно воспринимаемые предметы существуют во времени и пространстве. Музыка исключает пространственное измерение: «...восприятие музыки... совершается единственно во времени и посредством его, при полном исключении пространства» [10. С. 353]. Элиминация пространства означает и наибольшую степень удаленности от всех предметов видимого мира. Из двух форм чувственного восприятия в музыке остается только одно – время. Гегель на этом же основании делал вывод о причастности музыки исключительно к сфере внутреннего. Шопенгауэр делает вывод о непосредственной соотнесенности музыки со сферой трансцендентного. Музыка как бы одной ногой

стоит в потустороннем. Отсюда сугубо и преимущественно метафизический характер данного вида искусства. Музыка есть сама метафизика, представленная не в понятиях, а в звуках: «...музыка тем отличается от всех других искусств, что она не отпечаток явления, или адекватной объективности воли, а непосредственный отпечаток самой воли, и, таким образом, для всего физического в мире показывает метафизическое, для всех явлений – вещь в себе» [10. С. 349].

Результатом шопенгауэровских эстетических размышлений становится удвоение имманентного мира. А именно: помимо собственно феноменального мира, мира явлений, существует еще и мир музыки, который представляет собой как бы параллельную вселенную. Метафизическая воля репрезентируется как посредством чувственно воспринимаемого мира, так и посредством музыки. Отсюда – «мир можно назвать как воплощенной музыкой, так и воплощенной волей» [10. С. 349]. С метафизической точки зрения музыка даже обладает преимуществом по сравнению как с миром вещей, так и с чисто интеллектуальной областью рассудочных понятий. Для выражения этой мысли Шопенгауэр обращается к категориальному аппарату схоластики: «...понятия – *universalia post rem*, музыка дает *universalia ante rem*, а действительность – *universalia in re*» [10. С. 349].

Пожалуй, Шопенгауэр делает наиболее решительный шаг в решении проблемы отношения музыки и философии. Поскольку из всех искусств только музыка находится в таком же отношении к трансцендентному, как и сам мир, философия музыки есть сама философия. Погружаясь в метафизические размышления о музыке, мы занимаемся ни региональной онтологией, ни эстетикой как частным разделом философии, но – самой философией как таковой. Поскольку музыка есть непосредственная репрезентация самого трансцендентного, как и сам мир, метафизическое осмысление музыки в понятиях становится равнозначным метафизическому осмыслению самого мира в понятиях. И тем и другим путем мы приходим к одному и тому же трансцендентному. Философия музыки была бы ни чем иным, как самой философией: «...если бы удалось найти совершенно правильное, полное и простирающееся до мельчайших деталей объяснение музыки, т.е. если бы удалось обстоятельно воспроизвести в понятиях, что она собой выражает, то это вместе с тем оказалось бы достаточным воспроизведением и объяснением самого мира в понятиях, т.е. было бы истинной философией» [10. С. 351].

Сослагательное наклонение в приведенном фрагменте свидетельствует о том, что сам Шопенгауэр реализовать данную возможность не планирует. Шопенгауэр занимался преимущественно метафизикой самого мира, метафизике музыки уделил в своих трудах не так уж много внимания. Философия музыки как вариант истинной философии остается возможностью и задачей.

Здесь следует поставить вопрос, подошел ли Шопенгауэр в своей метафизике ближе к онтологической структуре самой музыки, нежели Гегель в своей диалектике? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Несмотря на то что Шопенгауэр отдает музыке

явный приоритет в сфере метафизики, в целом он идет по тому же пути, что и Гегель. А именно: отправным пунктом для него также служит не сама музыка, но его собственная философская система. Шопенгауэр, как и Гегель, решает ту же самую задачу вписывания конкретного предмета в общую конструкцию своей метафизики. Как и в случае с Гегелем, к трансгрессивному характеру музыки Шопенгауэр подходит лишь в тех отдельных моментах, когда от метафизических рассуждений он обращается к самой музыкальной ткани, к звукам и мелодии. Тут Шопенгауэр – толь-в-точь, как и Гегель в аналогичных ситуациях, – отмечает, что мелодия представляет собой не самотождественный объект, но перманентный переход, уклонение от себя и бытие-вне-себя. Иными словами, музыка как таковая есть трансгрессивный феномен по существу: «...сущность мелодии есть постоянное отклонение от тоники, переход тысячами путей (das Wesen der Melodie ein stetes Abweichen, Abirren vom Grundton, auf tausend Wegen), не только к гармоническим ступеням, но и к другим тонам, – к диссонирующей септимере и к ступеням, образующим чрезмерные интервалы, причем в конце концов всегда следует возвращение к тонике» [10. С. 345].

В основе своей музыка есть переход тысячами путей. И – в конце концов – всегда следует возвращение. В этих формулировках уже предвосхищается переход к постметафизической философии, переход от Шопенгауэра к Ницше. В отличие как от Шопенгауэра, так и от Гегеля, Ницше будет писать не философию музыки, но философию *из* самой музыки.

Рождение постметафизической философии из духа музыки: Ф. Ницше

Шопенгауэр еще раз обращается к характеристике мелодии во втором томе «Мира как воли и представления»: «...гармонический элемент ее опирается на основной тон, как ритмический – на тактовый размер, и заключается он в отклонении от этого тона и блуждании через все шкалы, пока, длинным ли, коротким ли обходным путем, он не достигнет какой-нибудь гармонической ступени – обычно доминанты или субдоминанты, которая дает ему неполное успокоение; а затем начинается, такой же длинной дорогой, его возвращение к основному тону, и, достигнув его, он обретает полное успокоение» [9. С. 583].

Описанное Шопенгауэром отклонение и блуждание основного тона по тысячам путей (auf tausend Wegen), через все шкалы, и возвращение к основному тону – впоследствии получит свою онтологическую разработку в учении Ницше о вечном возвращении. Считается, что идею вечного возвращения Ницше позаимствовал из древнегреческой философии. Однако более тщательные исследования указывают на несоизмеримость античного и ницшевского понимания вечного возвращения [11]. Кроме того, трактовка вечного возвращения как только повторения одного и того же является слишком упрощенной.

Вечное возвращение предполагает не только повторение, но и повторение через саморазличение, через отклонение и блуждание – *переход через тысячи душ*: «Нужно хотеть исчезнуть, чтобы снова возникнуть – перейти из одного дня в другой. *Превращение* через тысячи душ – вот что должно быть твоей жизнью, твоей судьбой. И в конце концов – снова пожелать пройти все это» [12. С. 181]. В оригинале: «Man muß vergehen wollen, um wieder entstehen zu können – von einem Tage zum anderen. Verwandlung durch hundert Seelen – das sei dein Leben, dein Schicksal. Und dann zuletzt: diese ganze Reihe noch einmal wollen!» [13]. Тысячи путей, по которым осуществляется переход основного тона в музыке с последующим возвращением у Ницше переосмысливается в превращение через тысячи душ (Verwandlung durch hundert Seelen). И возвращению подлежит именно *весь этот ряд*: «diese ganze Reihe noch einmal wollen».

Так из духа музыки рождается не греческая трагедия, но ницшевское учение о вечном возвращении, знаменующее кризис европейской метафизики и начало постметафизической философии. Идея вечного возвращения уже предполагает понимание бытия как чистого становления – в противовес европейской метафизике, для которой бытие сводится в конечном счете к тождеству абсолютного субъекта.

Будет ли этот субъект мыслиться как абсолютный дух, высший разум или же иррациональная воля – это уже частные варианты общей онтологической парадигмы. Ницше в своей онтологии отходит как от телесно-скульптурного понимания бытия в Античности, так и от перспективно-живописного понимания бытия в Новое время (которому остается верен не только Гегель, но и Шопенгауэр). В учении о вечном возвращении осуществляется переход к ритмически-музыкальному осмыслению бытия. Такая онтология уже выходит за пределы новоевропейской парадигмы.

Поначалу молодой Ницше еще следует за шопенгауэровской трактовкой музыки как метафизической репрезентации воли [14].

Однако уже вскоре философ подвергнет деструкции сам принцип репрезентативной значимости музыки: «Сама по себе никакая музыка не глубока и не исполнена значения, она не говорит о “воле”, о “вещи в себе”; это интеллект мог вообразить лишь в эпоху, которая завоевала для музыкальной символики всю область внутренней жизни» [15. С. 160]. («An sich ist keine Musik tief und bedeutungsvoll, sie spricht nicht vom «Willen», vom «Dinge an sich»; «das konnte der Intellect erst in einem Zeitalter wännen, welches den ganzen Umfang des inneren Lebens für die musicalische Symbolik erobert hatte».) Здесь музыка радикальным образом выводится за пределы парадигмы значимости (Bedeutsamkeit): Ницше постулирует отказ от поисков глубинного, метафизического смысла музыки, будь то воля или вещь в себе. Тем самым освобождается пространство для постметафизической онтологии музыки. И для постметафизической философии в целом [16].

Список источников

1. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Академический проект, 2021. 755 с.

2. Жильсон Э. Дух средневековой философии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2021. 560 с.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Академический проект, 2021. 646 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. 1376 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 2007. 604 с.
7. Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция в музыке. Онтологический анализ // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 52–55.
8. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб.: Алетейя. 2017. 442 с.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск: Попурри, 1998. Т. 2. 832 с.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск: Попурри, 1998. Т. 1. 688 с.
11. Бакусев В.М. «Вечное возвращение» и античность // Левит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же. М.: Культурная революция, 2016. С. 295–335.
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10: Черновики и наброски 1882–1884 гг. М.: Культурная революция, 2010. 640 с.
13. Nietzsche F. Posthumous Fragments [5 = Z I 2a. Mp XV 3a. November 1882 – Februar 1883] // Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe / Nietzsche Source. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/NF-1882,5>
14. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869-1873 годов. М.: Культурная революция, 2012. 416 с.
15. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 2: Человеческое, слишком человеческое. М.: Культурная революция, 2011. 672 с.
16. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов: Изд-во Саратовс. ун-та, 2015. 268 с.

References

1. Losev, A.F. (2021) *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
2. Gilson, É. (2021) *Dukh srednevekovoy filosofii* [The Spirit of Medieval Philosophy]. Translated from French. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
3. Losev, A.F. (2021) *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
4. Spengler, O. (2000) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
5. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from French. Saint Petersburg: A-cad.
6. Hegel, G.W.F. (2007) *Estetika* [Aesthetics]. Vol. II. Translated from German. Saint Petersburg: Nauka.
7. Faritov, V.T. (2013) Transgression and transcendence in music. Ontological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 52–55. (In Russian).
8. Faritov, V.T. (2017) *Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i F. Nitshe u istokov novoy filosofskoy paradigmy (iz istorii metafizicheskikh ucheniy)* [Ontology of Transgression: G. W. F. Hegel and F. Nietzsche at the Origins of a New Philosophical Paradigm (From the History of Metaphysical Teachings)]. Saint Petersburg: Aleteyya.
9. Schopenhauer, A. (1998) *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. Vol. 2. Translated from German. Minsk: Popurri.
10. Schopenhauer, A. (1998) *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. Vol. 1. Translated from German. Minsk: Popurri.
11. Bakusev, V.M. (2016) "Vechnoe vozvrashchenie" i antichnost' ["The Eternal Return" and classical antiquity]. In: Levit, K. *Nitshevskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe* [Nietzsche's Philosophy of the Eternal Return of the Same]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 295–335.
12. Nietzsche, F. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
13. Nietzsche, F. (n.d.) Posthumous Fragments [5 = Z I 2a. Mp XV 3a. November 1882 – Februar 1883]. *Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe / Nietzsche Source*. [Online] Available from: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/NF-1882,5>.
14. Nietzsche, F. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1/1. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
15. Nietzsche, F. (2011) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
16. Malkina, S.M. (2015) *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-Metaphysical Configurations of Ontology]. Saratov: Saratov State University.

Информация об авторе:

Фаритов В.Т. – д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: vfar@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.T. Faritov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025;
одобрена после рецензирования 29.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 06.02.2025;
approved after reviewing 29.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4; 331.1
doi: 10.17223/15617793/517/11

Как обеспечить достойный труд для «новых» занятых

Евгения Владимировна Нехода¹, Ольга Павловна Недоспасова², Дарья Константиновна Демидова³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ sheyna1963@yandex.ru

² olgaeconomy@mail.ru

³ dasha.demidova.2002@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития новых форм занятости; даются определение, классификация и характеристика их разновидностей. Динамика распространения «новых» занятых подтверждается статистикой Мирового банка, МОТ и Росстата, данными платформ и бирж для фрилансеров. Выделены общие характерные черты и признаки «новых» занятых, и делается вывод о необходимости дополнения концепции достойного труда принципами для «новых» занятых. Предложена система индикаторов и показателей достойного труда по шести блокам (экономический, технологический, профессиональный, психологический, социальный, правовой).

Ключевые слова: рынок труда, занятость, новые формы занятости, концепция достойного труда, индикаторы достойного труда для «новых» занятых

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке РНФ, научный проект 25-28-00799 «Институционализация новых форм занятости в условиях цифровой трансформации экономики».

Для цитирования: Нехода Е.В., Недоспасова О.П., Демидова Д.К. Как обеспечить достойный труд для «новых» занятых // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 100–116. doi: 10.17223/15617793/517/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/11

How to ensure decent work for the "newly" employed

Evgeniya V. Nekhoda¹, Olga P. Nedospasova², Darya K. Demidova³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ sheyna1963@yandex.ru

² olgaeconomy@mail.ru

³ dasha.demidova.2002@mail.ru

Abstract. The modern labor market is undergoing profound transformation, driven by a confluence of structural, technological, and socio-demographic shifts. Key factors shaping this evolution include: 1) the growing demand for flexibility in production and corporate management; 2) the increasing complexity and unstructured nature of work tasks; 3) shifting generational values among new labor market entrants; 4) the rise of novel professions, particularly in creative and digital domains; 5) demographic transitions; and 6) the expansion of alternative economic models (e.g., gig, platform, and sharing economies). Statistical data from the World Bank, ILO, Rosstat, and freelance platforms underscore the accelerating diversification of employment forms, necessitating deeper scholarly and policy engagement. While "new" employment arrangements exhibit high heterogeneity, common characteristics, risks, and opportunities have been identified. Primary risks include income volatility, inadequate social protections, ambiguous employment status, uncertain career trajectories, and legal vulnerabilities –all of which undermine decent work standards. To address these challenges, this study argues for expanding traditional decent work metrics – currently skewed toward industrial-era wage employment – to incorporate six critical dimensions relevant to non-standard workers: economic, technological, professional, psychological, social, and legal security. The proposed indicator framework offers a foundation for public policies supporting "new" workers, as well as corporate strategies aimed at improving conditions for alternative labor forces. Ultimately, while emerging employment models prioritize flexibility, autonomy, and innovation, they also demand adaptive institutional and legal frameworks, robust decent work metrics, and safeguards for social inclusion, professional development, and personal data security.

Keywords: labor market, employment, new forms of employment, concept of decent work, indicators of decent work for newly employed people

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00799: Institutionalization of New Forms of Employment in the Context of Digital Transformation of the Economy.

For citation: Nekhoda, E.V., Nedospasova, O.P. & Demidova, D.K. (2025) How to ensure decent work for the "newly" employed. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 100–116. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/11

Введение

Последние десятилетия во всем мире ознаменовались стремительным ростом новых форм занятости. Плюрализм и избыточность терминологии (нестандартная, нестабильная, неустойчивая, гиг-занятость, precarious, независимая занятость) затрудняют как измерение новых процессов на рынке труда, так и выработку более или менее универсальных подходов к их исследованию. Не прекращаются дискуссии о «конце труда» и «трудового общества» Р. Дарендорфа [1], об отказе от первоначальной романтизации цифрового труда, и о «24/7 электронных потогонных заводах» [2], а также исторические дебаты об изменениях «конфигурации труда и капитализма» [3]. Размышления о цифровой экономике, власти цифровых платформ, алгоритмическом управлении и «бесплатном» труде становятся новой научной повесткой в экономике и социологии труда [4–6]. В 2024 г. на страницах журнала «Социологические исследования» опубликованы результаты круглого стола «Труд в меняющемся мире: трансформации в трудовой сфере и фокус новых исследований» [7]. По мнению участников, «новый всплеск» интереса к исследованиям рынка труда и занятости связан с кардинальными технологическими изменениями начиная с 2010-х гг. (Д. Стребков); о бессмысленности дискуссий «конца и смерти труда» говорит А. Темницкий, поскольку труд относится к «основополагающим видам человеческой деятельности»; о необходимости изучения труда на основе цифровых следов и свободного труда фрилансеров подчеркивает С. Климова. В процессе дискуссии поднимались вопросы платформенной занятости, самозанятости, новых вызовов, с которыми сталкиваются работники («умение самостоятельно организовать и контролировать свою трудовую деятельность, эффективно управлять временем, расставлять приоритеты, владеть навыками самопрезентации, ведения переговоров, тайм-менеджмента» [7. С. 7]).

Многообразие новых форм занятости, гетерогенный характер занятости в современных условиях – объективные процессы, связанные с множеством факторов, выходящих за границы исключительно технологий и глобализации. Хотя стоит признать, что цифровизация и технологизация являются драйверами процессов кардинальной трансформации рынка труда и занятости, катализаторами многих изменений как со стороны вызовов, так и появляющихся колоссальных возможностей.

Мы разделяем позицию многих авторов о формирующейся новой парадигме труда, разрушении части институциональных барьеров, когда «ключевую роль играет не место работы, а способность индивидуумов к адаптации и самоорганизации» [8. С. 146]. Автор спра-

ведливо утверждает, что «для достойного труда фрилансеров доверие (социальный капитал) и цифровая репутация имеют большее значение, чем социальная защищенность и гарантированная занятость» [8. С. 147].

Объективные причины появления и развития новых форм занятости связаны: 1) с необходимостью повышения гибкости производства и менеджмента компаний; 2) повышением сложности и неструктурированности производственных и управленческих задач; 3) изменением ценностей нового поколения, выходящего на рынок труда (во-первых, труд, как самостоятельная ценность, а не только источник дохода; во-вторых, повышение ценностей мобильности, автономии, самоорганизации); 4) ростом новых видов деятельности, в том числе творческих; 5) новым «демографическим переходом» (активное долголетие и вовлечение пожилых людей в трудовую деятельность); 6) развитием новых моделей экономики (экономика совместного пользования, платформенная экономика, гиг-экономика). Более того, традиционные иерархические структуры перестают быть единственными источниками инноваций. Сетезация производства и сетевые организационные структуры управления сделали эффективным включение в цепочку создания стоимости (ценности) небольших компаний, обслуживающих конкретные рынки, территории, группы потребителей. А. Kalleberg подчеркивает, что экономические и социальные изменения в индустриальных обществах за последние 25 лет стимулировали не только производственную и организационную гибкость, но и гибкость систем занятости и трудоустройства [9]. Это, в свою очередь, обеспечило более быструю адаптацию к технологическим нововведениям, разнообразие рынков труда, адаптивность к растущей международной конкуренции. При этом автор выделяет функциональную (внутреннюю) гибкость (перераспределение рабочей силы с одной задачи на другую и многофункциональность работников; вовлечение в процесс принятия решений и работа в разных командах, в том числе с перекрестными функциями) и численную (внешнюю) гибкость (способность организации регулировать численность работников, используя временных и контрактных работников).

Безусловно, распространению новых форм занятости способствовало развитие экономики платформ и, как следствие, платформ цифрового труда. Международная организация труда (МОТ) выделяет две основные разновидности цифровых платформ труда и соответственно два типа работников: 1) платформы на основе геолокации/местоположения и работники, нанимаемые самими платформами (платформы такси, платформы доставки, гибридные платформы); 2) платформы на основе веб-технологий и работники, получающие работу/задачи с их помощью (веб-дизайнеры,

программисты, переводчики, социальные медиа, финансовые услуги [10]. Авторский коллектив в составе О.А. Антоновой, Е.А. Колесник, Е.В. Масленниковой дает следующее определение цифровых платформ рынка труда: «...это виртуальное пространство встречи работодателей, работников, государства, с использованием цифровых технологий, для организации занятости на основе трудовых отношений с неограниченным количеством участников, что позволяет снизить издержки от двухсторонних сетевых эффектов» [11. С. 42]. По состоянию на 2021 г. в мире насчитывалось около 777 активно функционирующих онлайн-платформ цифрового труда, доля занятых на которых в мире колеблется от 0,3 до 22% [12]. По данным обследования рабочей силы, проведенного Росстатом в 2022 г., численность населения в платформенной занятости составила 3501,9 тыс. чел., а доля платформенных работников в общей численности занятого населения России – 4,9% [13]. Минтруд Российской Федерации к 2030 г. прогнозирует более 15 млн человек, занятых на цифровых платформах труда, а это около четверти трудоспособного населения [14].

Фундаментальная причина дискуссий о скором закате труда кроется, на наш взгляд, в использовании сложившихся подходов, которые не всегда подходят к исследованию совершенно новых тенденций. По образному выражению А.В. Шевчука, «вызов заключается в том, чтобы сделать технологические и организационные инновации социально приемлемыми» [5]. «Новые» занятые – не однородная группа, как в случае с наемными работниками и индикаторами достойного труда для традиционной занятости (полный рабочий день, бессрочный трудовой договор и институционализированные трудовые отношения, возможности со стороны наемных работников социального диалога, социальных гарантий и социальной защиты со стороны работодателей и государства). Более продуктивно сегодня оценивать качество труда и достойный труд с позиций гибкости и адаптивности, технологичности, доверия, ответственности человека за свое благополучие, карьеру, профессиональное развитие, учитывая и уязвимость новых категорий работников с позиций социальной защищенности, отсутствия институтов (не всегда отношения на платформах цифрового труда можно квалифицировать как трудовые) и «власти» платформ.

Таким образом, достойный труд для «новых» занятых становится актуальной исследовательской задачей, а преодоление дефицита достойного труда требует новых подходов к разработке системы показателей и методам сбора данных.

Обзор новых форм занятости

Под занятостью понимается «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, заработок, трудовой доход» (Федеральный закон «О занятости населения Российской Федерации», 1991). Традиционная (стандартная) занятость ха-

рактерна для индустриального наемного труда, доминировавшего в XX в., характеризующегося институционализированными трудовыми отношениями и системами социальной защиты. Собственно, важнейшими достижениями в XX в., в частности в Европе, стали социальные гарантии и социальная защита наемных работников, трехсторонний социальный диалог и переговорная функция через представительство в профсоюзах, социальная интеграция. Впоследствии это нашло отражение в Концепции достойного труда (1999), его основополагающих принципах и индикаторах.

Первыми фундаментальными российскими исследованиями новых форм занятости стали работы В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшниковой [15, 16]. Авторы использовали термин «нестандартная занятость» («все формы занятости, отклоняющиеся от стандарта, включая самозанятость») для характеристик ее новых форм (непостоянная временная занятость; неполная занятость; недозанятость и сверхзанятость; самостоятельная занятость; неформальная занятость; занятость в домашних хозяйствах населения) [15. С. 8–9]. С развитием цифровых платформ исследовательский интерес сконцентрировался на платформенной занятости. НИУ ВШЭ и Центр стратегических разработок выпустили серию докладов о платформенной занятости [17–20], в которых дается подробный анализ природы этого нового феномена, тенденций развития и распространения, а также определение платформенной занятости. Платформенная занятость – «это гибкий формат включения в рынок труда, предполагающий использование онлайн-платформы (цифровой платформы) в качестве посредника между поставщиками услуг (исполнителями работ) и потребителями (клиентами). Платформенная занятость может выполнять роль как основной, так и дополнительной занятости, увеличивая вариативность доступных специалистам режимов занятости. Платформы выполняют инфраструктурную функцию: сближая предложение труда и спрос на него, они повышают эффективность рынка труда» [17. С. 8].

Из большого количества публикаций российских авторов по новым формам занятости следует выделить работу Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука [21], в которой анализируются первые трудовые цифровые платформы (1999 г., платформа Elance.com), эволюция моделей фрилансеров (от традиционного к электронному и платформенному), противоречивость природы фрилансеров, а также их социально-демографический и профессиональный состав.

Новые формы занятости являются объектом внимания таких институциональных организаций, как Еврофонд [22], МОТ [23, 24] и ОЭСР [25] (табл. 1). В серии рабочих документов по статистике труда ЕЭК ООН дается следующее определение новых форм занятости. В самом широком смысле слова «новые формы занятости (НФЗ) – это трудовые отношения, организация трудовой деятельности или модели трудовой деятельности, которые либо возникли впервые в одной или нескольких юрисдикциях, либо по которым в последнее время наблюдаются высокие темпы роста. НФЗ включают в себя как совершенно новые формы занятости,

так и существующие формы, которые переживают новую волну роста в ответ на макроэкономические, законодательные, нормативные и технологические изменения» [26. С. 6]. В документе подчеркивается, что новые формы занятости не следует отождествлять с нестандартной занятостью, ненадежной занятостью, нефор-

мальной занятостью или свободной занятостью (фриланс, гиг-занятость). Скорей всего, все это – признаки новых форм, включая физическое местоположение выполнения работ, новые способы распределения задач и их выполнения, договоренности о сотрудничестве и использование цифровых технологий [26. С. 9].

Таблица 1

Новые формы занятости и их разновидности

Организация	Виды новых форм занятости
Еврофонд, 2015 [22]	1. Совместное использование наемного работника. 2. Совместное рабочее место. 3. Временное управление. 4. Разовая работа. 5. Мобильная работа на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). 6. Работа по ваучерам. 7. Работа по портфолио. 8. Краудворк (в 2020 г. Еврофонд использует уже термин «платформенная работа»). 9. Коллаборативная занятость
МОТ, 2016 [23]	1. Временная занятость. 2. Трудовая деятельность на основе неполного рабочего времени, включая работу по запросу. 3. Временный агентский (заемный) труд и другие формы многосторонних трудовых отношений. 4. Замаскированные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость
ОЭСР, 2019 [25]	1. Работа на цифровых платформах. 2. Временные контракты на очень короткий срок. 3. Контакты с негарантированными и/или непредсказуемыми часами работы, такие как контракты на работу по вызову и с нулевыми рабочими часами. 4. Работа на индивидуальной основе в более общем смысле

Таблица 2

Характеристики новых разновидностей занятости

Разновидность	Характеристика	Риски	Возможности
Фриланс	Независимые профессионалы, которые предоставляют услуги различным группам клиентов/потребителей на проектной основе, часто посредством платформ для фрилансеров (Kwork, FL.ru, Freelance.ru, Weblancer, Freelancehunt, Guru)	– нестабильный доход, зависимость от количества заказов; – отсутствие социальных гарантий; – ценовая конкуренция; – необходимость самостоятельно искать клиентов и формировать отчетность	– гибкий график и свобода выбора проектов; – возможность работать удаленно из любой точки мира; – разнообразие задач и профессиональное развитие
Самозанятость	«Физические лица, которые работают на себя и платят налог на профессиональный доход (НПД) 4–6%, не нанимают сотрудников, не платят обязательные страховые взносы, не сдают отчеты и не продают подакцизные товары. Самозанятый может работать как физлицо или индивидуальный предприниматель» [29]	– финансовая ответственность за убытки; – отсутствие гарантированного дохода; – ограниченный доступ к кредитам и страхованию	– упрощенное налогообложение; – независимость от работодателя и жесткой иерархии; – гибкость в выборе клиентов и ценовой политике
Платформенная занятость	Выполнение работ независимыми подрядчиками (это могут быть как фрилансеры, так и самозанятые) посредством цифровых платформ труда. При этом взаимодействие осуществляется на основе алгоритмов и алгоритмического управления	– зависимость от алгоритмов платформ (изменение тарифов, блокировки и др.); – низкий уровень защиты труда; – отсутствие гарантий стабильного дохода	– быстрый вход на рынок труда без крупных вложений; – гибкий график работы; – возможность монетизировать свободное время
Гиг-занятость	Краткосрочные задачи, проекты с гибкими условиями и способами выполнения работы, например, через те же платформы для фрилансеров или биржи удаленной работы (Work-zilla). Гиг-работник может выполнять работу по трудовому договору (являясь работником), либо договору гражданско-правового характера (являясь независимым исполнителем)	– крайне нестабильный доход; – отсутствие перспектив для карьерного роста; – высокий уровень стресса из-за постоянного поиска новых заказов	– возможность совмещать с основной работой; – быстрый заработок без долгосрочных обязательств; – разнообразие задач
Проектная занятость	Работа над конкретным проектом с определенными целями, условиями и сроками	– непредсказуемость сроков начала следующего проекта; – необходимость постоянного обучения для соответствия требованиям; – отсутствие социальных гарантий между проектами	– высокий доход на коротких временных отрезках; – возможность работать с разными компаниями и накапливать опыт; – гибкость в выборе проектов
Временная работа	Занятость на ограниченный срок, предоставляемая агентствами по временному трудоустройству	– низкая стабильность, риск внезапного окончания контракта; – ограниченные возможности для карьерного роста; – часто более низкая оплата по сравнению с постоянными сотрудниками	– быстрое трудоустройство; – возможность получить опыт в разных сферах; – перспективы перейти на постоянную позицию
Работа по вызову	Работник доступен/необходим только тогда, когда его услуги требуются работодателем или заказчику	– непредсказуемость нагрузки и дохода; – отсутствие гарантированных рабочих часов; – высокая зависимость от работодателя / заказчика	– можно работать только в удобное время; – минимальные обязательства перед работодателем; – подходит для тех, кто ищет подработку

Разновидность	Характеристика	Риски	Возможности
Частичная занятость	Работа неполный рабочий день / неполную рабочую неделю	– низкий доход (если это единственный источник); – ограниченный доступ к льготам и социальным гарантиям	– баланс между работой и личной жизнью; – возможность совмещать с учебной или другой деятельностью
Многосторонние трудовые отношения	Сотрудничество нескольких работодателей / компаний и группы специалистов для выполнения проектов / сложных задач	– конфликт интересов разных работодателей; – высокий уровень стресса из-за многозадачности; – риск переработки и выгорания	– диверсификация доходов; – расширение профессиональных связей; – развитие навыков в разных сферах

Наиболее полную, на наш взгляд, классификацию новых форм занятости дает В.В. Аранжин. Автор классифицирует формы занятости на: 1) традиционные (работа на полный рабочий день и жесткие трудовые отношения); 2) традиционные гибкие формы занятости (временные контракты; работа неполный рабочий день; временная занятость через агентства по трудоустройству; работа на дому); 3) новые гибкие формы занятости (удаленная работа; совместное использование работы; работа на основе ваучеров; портфельная работа; групповая занятость с помощью онлайн-платформ; платформенная занятость; самозанятость; фриланс; совместный стратегический сотрудник) [27]. При этом ряд авторов справедливо утверждают, что нужно различать «форму» занятости как организационно-правовую форму выполнения трудовой деятельности, и «режим» занятости как способ выполнения трудовой деятельности / трудовых функций [28].

В табл. 2 систематизированы характеристики, а также риски и возможности наиболее распространенных разновидностей занятости.

Обобщая данные табл. 2, отметим, что при значительном содержательном разнообразии новых разновидностей занятости, наиболее распространенными рисками для работников являются: финансовая нестабильность, отсутствие социальных гарантий, психологические нагрузки и правовая незащищенность. Эти риски балансируются рядом общих привлекательных сторон для работников. Прежде всего, это гибкость, автономия, быстрый вход и низкие барьеры для входа на рынок

труда, разнообразие приобретаемого опыта, профессиональное развитие и потенциально высокий доход.

Оценить масштабы распространения новых форм занятости достаточно сложно. Это связано как с большим разнообразием трактовок и отсутствием до сих пор общепринятой терминологии, так и «нечувствительностью» и негибкостью официальной статистики к этим процессам. Тем не менее Мировой банк, например, регулярно публикует данные о самозанятости. На рис. 1 представлена карта с долей самозанятых по странам мира в 2022 г. (показатель рассчитан как доля самозанятых от общего числа занятых в экономике). Шкала варьируется от светло-зеленого до темно-синего, отражая самый низкий и самый высокий показатели соответственно.

К странам с самой высокой долей самозанятых относится большинство стран Африки и Южной Азии. Так, наибольшая доля самозанятых в Южно-Африканской Республике (95%), на втором месте – Чад (91%), на третьем месте – Нигерия (90%) (рис. 2).

Российская Федерация по итогам 2022 г. вошла в число десяти стран с самым низким показателем. Так, доля самозанятых от общего числа занятых в России составила 7%, такой же показатель у Саудовской Аравии. Также в десятку стран с самым низким показателем вошли Бруней, США, ОАЭ, Норвегия, Беларусь, Оман, Катар и Кувейт (рис. 3).

Что касается динамики доли самозанятых в России с 1991 по 2022 г., то можно отметить, что с 1991 по 2011 г. показатель рос, однако с 2012 по 2022 г. имел нестабильную динамику (рис. 4).

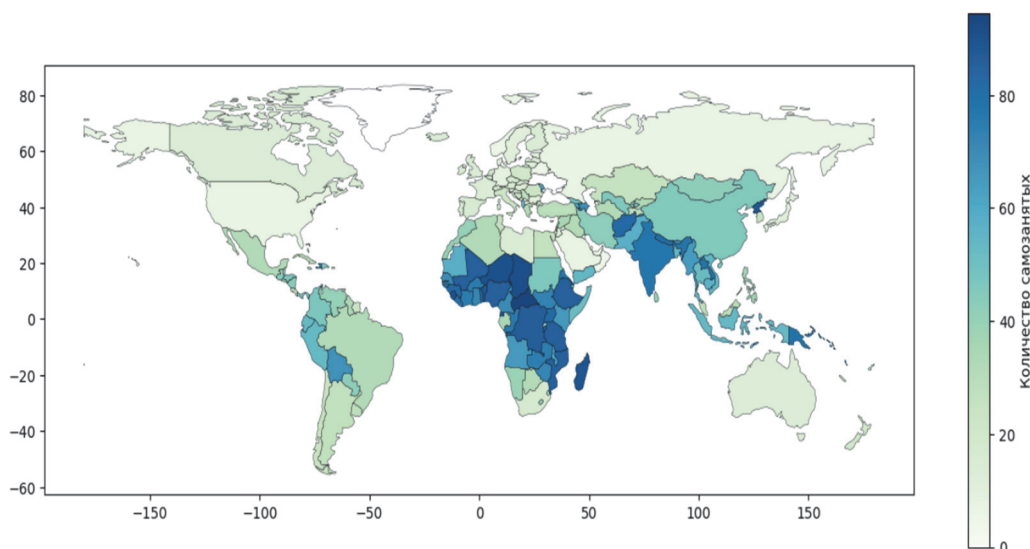

Рис. 1. Доля самозанятых по странам мира в 2022 г., % от общего числа занятых (составлено по: [30])

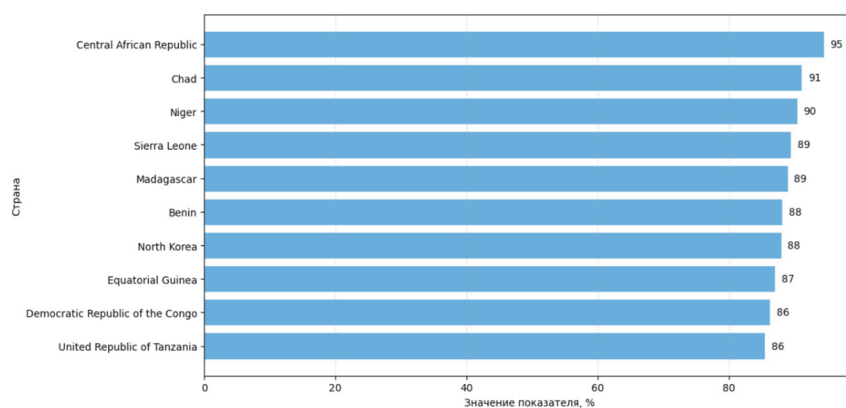

Рис. 2. Топ-10 стран по доле самозанятых в мире в 2022 г., % от общего числа занятых (составлено по: [30])

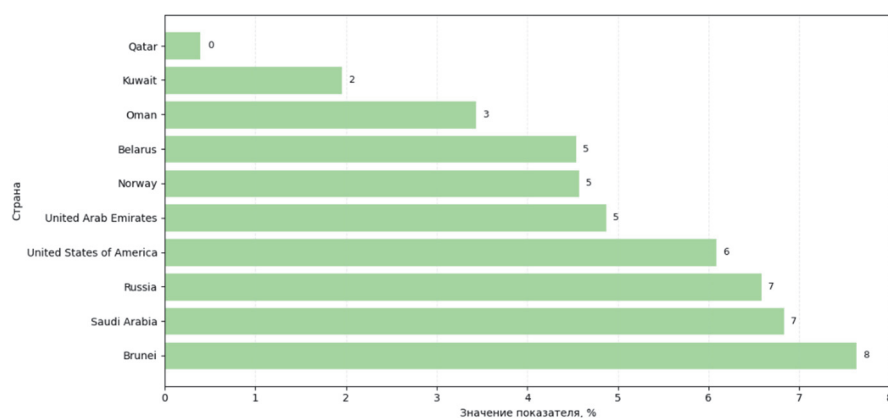

Рис. 3. Десять стран мира с самой низкой долей самозанятых в 2022 г., % от общего числа занятых (составлено по: [30])

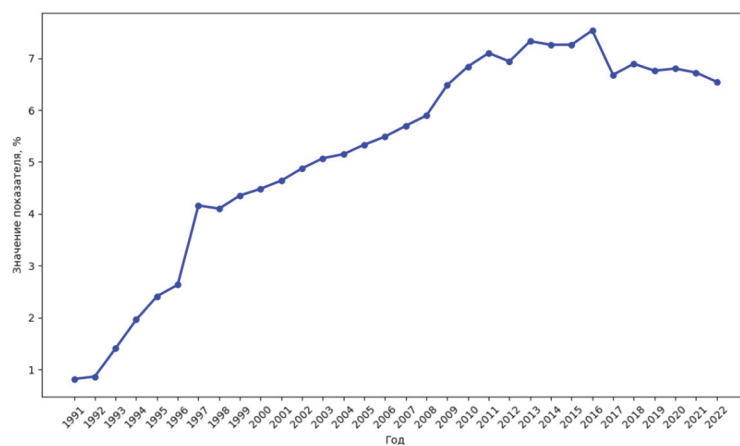

Рис. 4. Динамика доли самозанятых в России с 1991 по 2022 г., % от общего числа занятых (составлено по: [30])

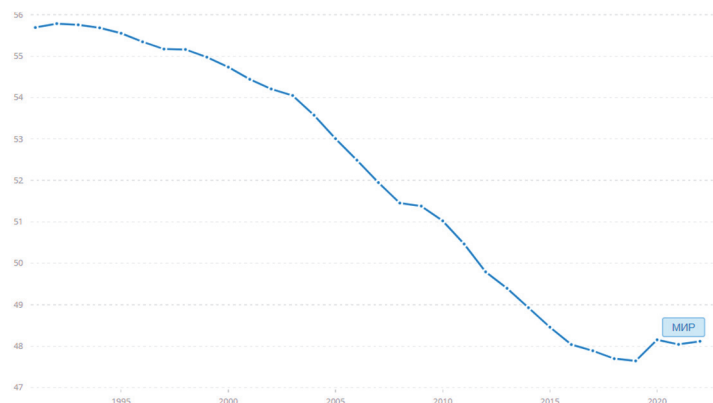

Рис. 5. Динамика доли самозанятых в мире с 1991 по 2022 г., % от общего числа занятых (составлено по: [30])

Несмотря на то что доля самозанятых в России имеет растущий тренд, в среднем по миру эта доля снижалась в период с 1991 по 2019 г. и начала расти только в 2020 г. Тем не менее, согласно данным Мирового банка, по итогам 2022 г. 48% людей по всему миру являются самозанятыми (см. рис. 5), это практически половина людей планеты. Такая высокая доля самозанятых в мире объясняется тем, что в странах с самым многочисленным населением, таких как Индия, Китай, Нигерия, Индонезия, Пакистан, доля самозанятых также очень высока.

На рис. 6 отражено количество платформ цифрового труда на основе геолокации (местоположения) и веб-технологий. По оценке МОТ, около 90% мировых доходов платформ (46 млрд долл.) сосредоточено в странах G20. В том числе около 79% из них приходится на США (25 млрд долл.) и Китай (12 млрд долл.), а 9% (4 млрд долл.) – на Евросоюз, и 13% – на страны других регионов G20 [31]. Следует отметить, что доля доходов по платформам в сегменте доставки и еды наибольшая (рис. 7).

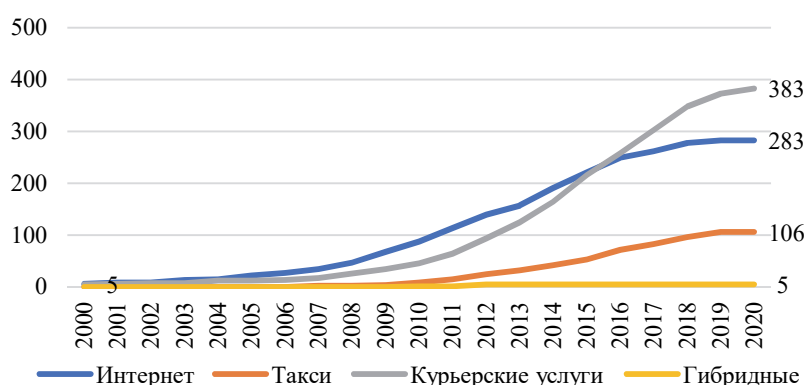

Рис. 6. Количество платформ на основе геолокации и веб-технологий (Интернет) в мире (составлено по: [31])

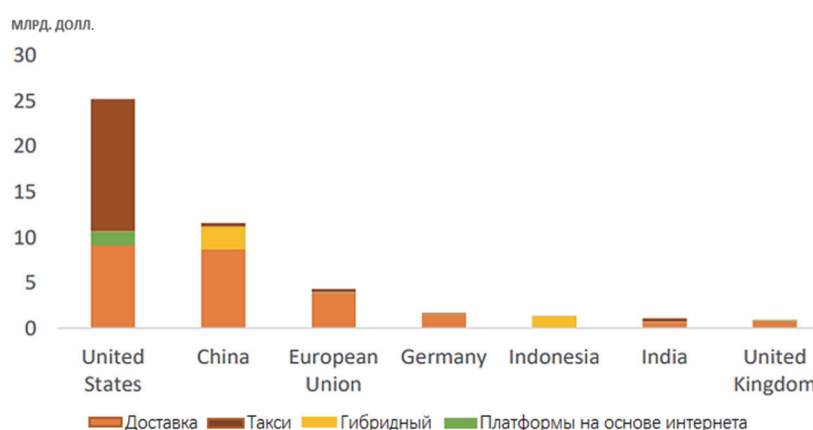

Рис. 7. Годовой доход по странам и категориям платформ в странах G20 (составлено по: [31])

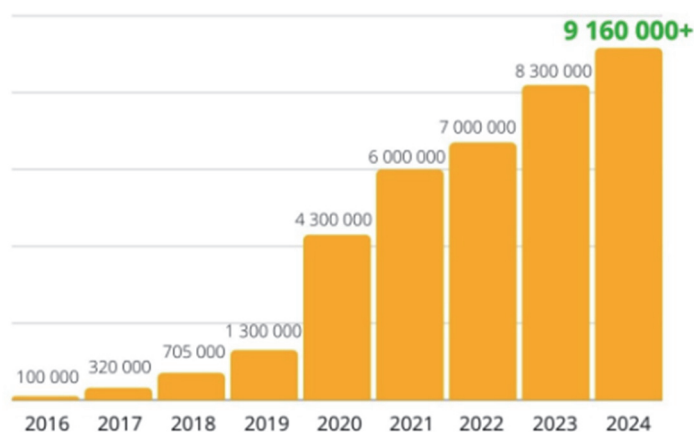

Рис. 8. Число зарегистрированных пользователей Kwork [33]

Что касается России, то по данным Росстата, как уже отмечалось выше, в 2022 г. доля платформенных занятых в общей численности достигла 5% [32]. Согласно статистике крупнейшей российской фриланс-платформы Kwork, количество фрилансеров на бирже с каждым годом увеличивается и в 2024 г. достигло почти 9 млн 200 тыс. чел., а прирост к прошлому году составил 10,3% (рис. 8).

Признавая гетерогенный характер и достаточно большое разнообразие форм и режимов, следует выделить общие признаки «новой» занятости:

1. *Гибкость и адаптивность.* Новые формы занятости требуют как от работодателей, так и от работников умений своевременно и быстро адаптироваться к внешним изменениям и вызовам, быть гибкими в своей работе; умений быстро осваивать новые технологии, навыки, демонстрировать готовность к переменам в своем функционале и графике работы.

2. *Самоорганизация и ответственность.* «Новые» занятые нередко берут на себя большую часть ответственности за выполнение работы и организацию труда. А это, в свою очередь, требует навыков самоорганизации, умений выстраивать приоритеты, управлять временем, а также способности самостоятельного принятия решений и, как следствие, нести за них ответственность и понимать последствия, в первую очередь для себя, за принимаемые решения.

3. *Обучение и развитие.* Чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда, работники должны иметь возможности для постоянного профессионального развития и роста, обучения. При этом ответственность за эти процессы в большей степени ложится на «новых» занятых (в традиционной модели занятости данная ответственность, как правило, распределяется между работодателем и государством).

4. *Справедливые условия и оплата труда.* Даже в условиях новых моделей занятости работники имеют право на достойные условия и оплату труда, безопасность, а также возможность влиять на принятие решений в рамках своей трудовой деятельности и выполняемых функций, оказываемых услуг.

5. *Учет индивидуальных потребностей и предпочтений.* Распространение новых форм занятости в качестве колоссальных возможностей позволяет «включать» в активную трудовую деятельность уязвимые категории (молодежь, женщины с детьми, люди с ограниченными возможностями, трудовые мигранты, пожилые люди), в связи с чем могут потребоваться специальные условия и режимы труда, оборудование и т.п.

6. *Возможность и способность трудоустроиться и строить карьеру в течение всей жизни и в любом возрасте (Lifelong employability).* Поскольку неустойчивость и precariousность новых форм занятости становятся практически нормой трудовой жизни, то представляется очень важным формирование институциональных условий для трудоустройства в течение всей жизни вне зависимости от возраста.

7. *Баланс между работой и личной жизнью.* Поскольку большая часть новых разновидностей занятости предполагает режимы работы, связанные с гибкостью рабочего места (вне офиса), рабочего времени и

использованием ИКТ, то нахождение баланса между работой, семьей и другими аспектами жизни представляется важным для сохранения устойчивого благополучия.

8. *Социальная защита и социальные гарантии.* Несмотря на гибкость и стремление к автономии, «новые» работники также нуждаются в минимальных социальных гарантиях и страховании от несчастных случаев, больничных, пенсионных накоплениях, медицинском страховании.

Выделенные признаки могут быть весьма полезны и значимы для преодоления дефицита достойного труда для новых категорий работников.

Концепция достойного труда и ее адаптация для новых форм занятости

Концепция достойного труда, предложенная в 1999 г. МОТ (в частности в докладе Генерального секретаря Х. Сомавия), в настоящее время является квинтэссенцией усилий мирового сообщества в отношении труда и социально-трудовых отношений. В самом общем виде достойный труд – это перспективы для человека работать в условиях свободы, равных возможностей, безопасности и здоровой рабочей среды, уважения человеческого достоинства и соблюдения прав, возможностей влиять на принимаемые решения. Российские исследователи в области достойного труда, например О.В. Зонина [34], Д.Н. Карпунин [35], Е.С. Садовая и В.А. Сауткина [36], под достойным трудом понимают высокоэффективный труд, который обеспечивает справедливый доход, безопасность на рабочем месте, гендерное равенство и предполагает социальную защиту, перспективы для развития личности и социальной интеграции, а также право работников высказывать свое мнение и участвовать в принятии решений, затрагивающих их жизнь.

Программой достойного труда МОТ разработано 60 статистических показателей и 21 показатель нормативно-правовой базы для измерения достойного труда по 10 ключевым элементам. В 2015 г. ООН была принята новая повестка в области устойчивого развития и 17 целей устойчивого развития (ЦУР). МОТ является ответственной за реализацию ЦУР-8: содействие поступательному, всеохватывающему и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех [37]. Достижение инклюзивного устойчивого социально ориентированного экономического роста и достойной работы предлагается измерять с помощью индикаторов, «вшитых» в задачи (табл. 3).

Национальная статистика РФ начиная с 2001 г. рассчитывает показатели достойного труда. Индикаторы достойного труда сформированы в несколько разделов, по которым рассчитываются показатели, рекомендованные МОТ [38]:

1) *возможность найти работу* (доля занятых в общей численности населения; уровень безработицы; молодежь, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков в возрасте 15–24 лет, в общей численности населения соответствующей возрастной группы; доля неформального сектора в общей занятости);

2) *адекватный заработок и продуктивная занятость* (работающие бедные; доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка));

3) *достойная продолжительность рабочего времени* (доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (более 48 часов в неделю; «фактическое» количество часов));

4) *труд, который должен быть упразднен* (доля детей, занятых в опасных условиях, среди лиц в возрасте 5–17 лет; дети, занятые другими наихудшими формами детского труда; число лиц, занятых принудительным трудом);

5) *равные возможности и отношение на работе* (сегрегация в видах занятий (профессий) по половому признаку; гендерный разрыв в заработной плате);

6) *безопасная работа* (уровень производственного травматизма со смертельным исходом (на 100 000 работающих); уровень производственного травматизма с

несмертельным исходом (на 100 000 работающих); количество потерянных рабочих дней в случае временной нетрудоспособности на одного пострадавшего);

7) *социальное обеспечение* (доля населения, получающего пенсии; расходы на здравоохранение, финансируемые не за счет личных расходов домашних хозяйств; государственные расходы на социальную политику (в % к ВВП));

8) *социально-экономический контекст* (дети, которые не посещают школу, на начало года; доля ВИЧ-инфицированного населения в трудоспособном возрасте; заболеваемость населения; темпы роста производительности труда; неравенство в распределении доходов; темпы инфляции; занятость по отраслям экономической деятельности).

Проанализируем некоторые из показателей достойного труда в России. На рис. 9–11 представлена динамика показателей по индикатору «Возможность найти работу» (здесь и далее показатели достойного труда проанализированы на основе [38]).

Таблица 3

Задачи и индикаторы ЦУР-8

Задачи	Индикаторы
8.1. Устойчивый экономический рост	Рост ВВП на душу населения
8.2. Диверсификация и модернизация инноваций для экономической продуктивности	Рост ВВП на душу работающего населения
8.3. Развитие политики, способствующей созданию рабочих мест и предпринимательства	Доля неформальной занятости вне занятости в сельском хозяйстве
8.4. Повышение эффективности использования ресурсов при потреблении и производстве	1. Материальный след, материальный след на душу населения и на ВВП. 2. Внутренний расход сырья, расход сырья на душу населения и на ВВП
8.5. Полная занятость и достойная работа с равной оплатой труда	1. Величина среднего почасового заработка занятых мужчин и женщин. 2. Уровень безработицы
8.6. Работа, обучение и образование для молодежи	Доля молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, которые не учатся, не работают и не приобретают профессиональные навыки
8.7. Искоренение принудительного труда, торговли людьми и детского труда	Доля и число детей от 5 до 17 лет, вовлеченных в детский труд
8.8. Защита трудовых прав и обеспечение безопасных условий труда	1. Частота смертельных и не смертельных производственных травм. 2. Повышение соблюдения национального трудового права
8.9. Поощрение благотворного и устойчивого туризма	1. Доход от туризма по отношению к ВВП. 2. Количество рабочих мест в туризме по отношению к общему количеству рабочих мест
8.10. Повсеместный доступ к банковским, страховым и финансовым услугам	1. Количество отделений коммерческих банков и банкоматов на 100 тыс. взрослых. 2. Доля взрослых (от 15 лет и старше), имеющих счет в банке или пользующихся мобильными финансовыми услугами
8.а. Увеличение инициативы «Помощь в торговле»	Обязательства и выплаты по программе «Помощь в торговле»
8.б. Разработка глобальной стратегии обеспечения занятости молодежи	Общие расходы государства на социальную защиту и программы трудоустройства как доля национального бюджета и ВВП

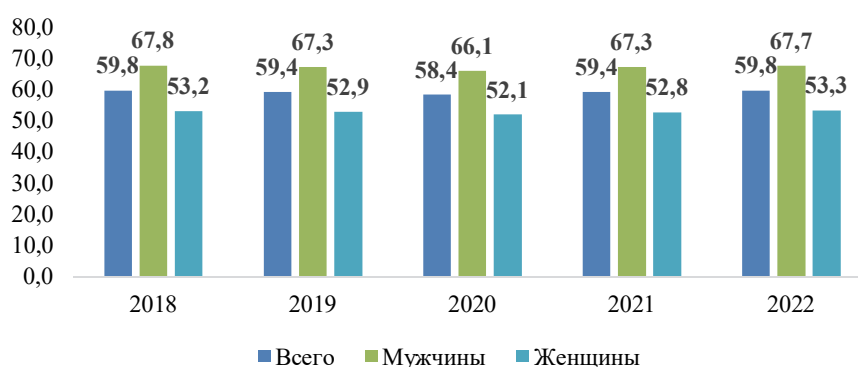

Рис. 9. Доля занятых в общей численности населения, %

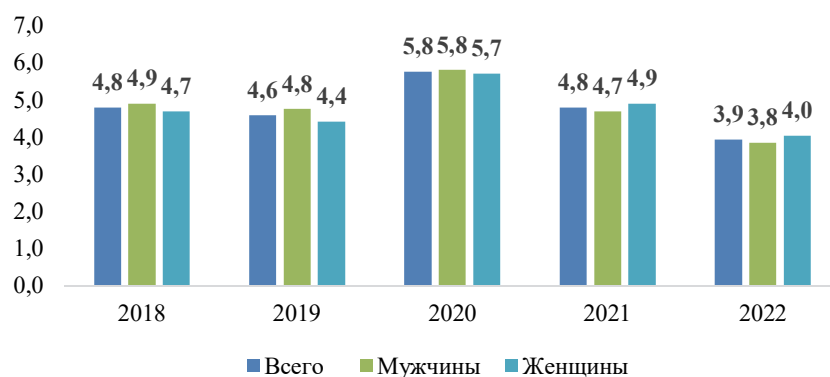

Рис. 10. Уровень безработицы, %

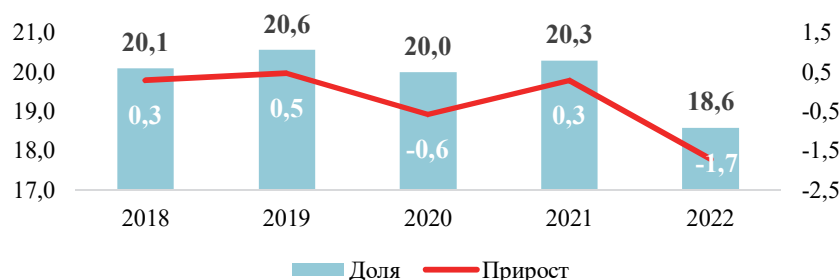

Рис. 11. Доля неформального сектора в общей занятости, %

Согласно данным с 2018 по 2022 г., доля работающих мужчин больше, чем женщин (67 и 52 % в среднем за 5 лет). При этом колебание как в общем количестве людей, так и в разделении по полу не превышает 1,2% в течение всего периода. Самый большой рост безработицы наблюдался в 2020 г., что можно связать с пандемией и карантином. В 2021 и 2022 г. уровень безработицы постепенно снижался, в 2022 г. наблюдались самые низкие показатели безработицы за 5 рассмотренных лет. В 2020 и 2022 гг. наблюдался отрицательный рост неформального сектора.

На рис. 12, 13 продемонстрированы показатели по индикатору «Достойная продолжительность рабочего времени».

Доля женщин, получающих низкую заработную плату, стабильно меньше, чем мужчин, за весь исследуемый период (в среднем разрыв составляет 13%);

«перерабатывающих» женщин меньше, чем мужчин (в среднем на 2,5%).

Рис. 14–16 отражают показатели по индикатору «Труд, который должен быть упразднен».

В 2022 г. наблюдался резкий скачок числа детей от 5 до 17 лет, занятых в опасных условиях труда (изменение с 0,1 до 0,6% от общего числа). Выявленное количество детей, вовлеченных в занятие проституцией, снизилось за последние 5 лет (важно отметить, что 100% потерпевших составляют девочки). Изготовление и оборот материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних выросли: в 2022 го. пострадали 179 детей, среди которых большинство – девочки.

Далее проанализируем индикатор «Безопасная работа» (рис. 17, 18).

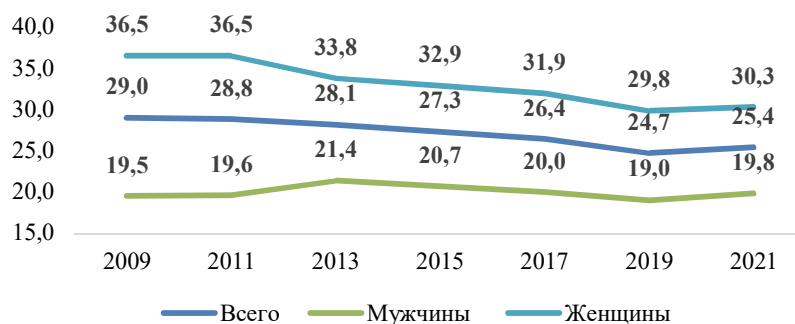

Рис. 12. Доля занятых с низким уровнем заработной платы, %

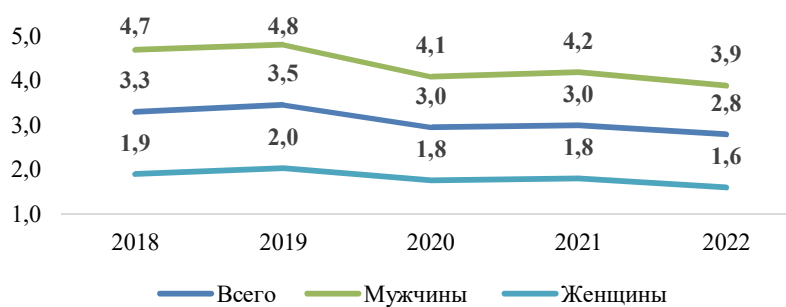

Рис. 13. Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочего дня, %

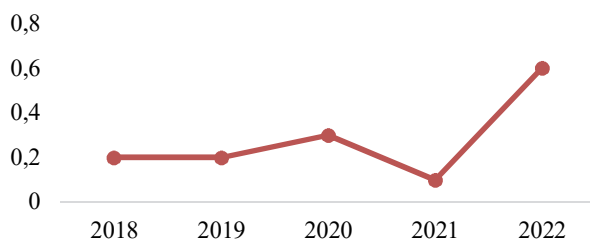

Рис. 14. Доля детей, занятых в опасных условиях труда, среди лиц в возрасте 5–17 лет, %

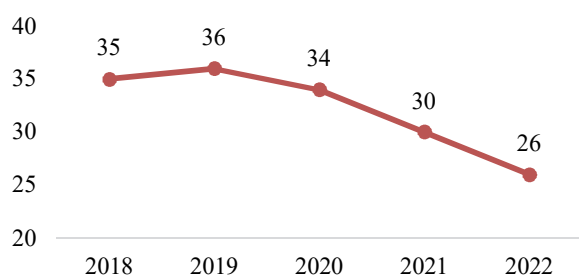

Рис. 15. Количество детей, вовлеченных в занятие проституцией, чел.

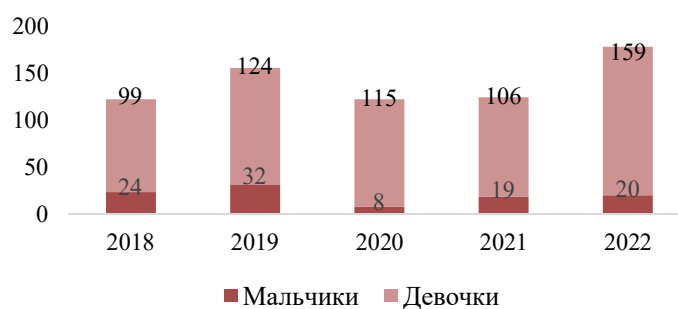

Рис. 16. Дети, потерпевшие от изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, чел.

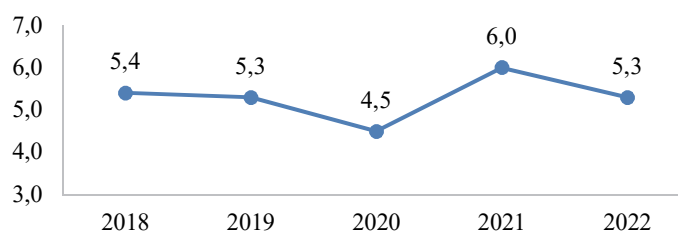

Рис. 17. Уровень производственного травматизма со смертельным исходом (на 100 000 работающих), чел.

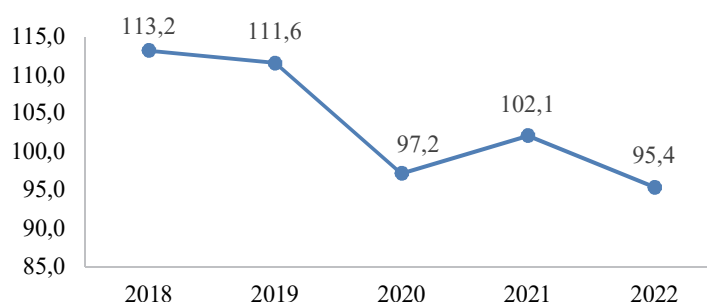

Рис. 18. Уровень производственного травматизма с несмертельным исходом (на 100 000 работающих), чел.

Пик уровня травматизма со смертельным исходом в период с 2018 по 2022 г. зафиксирован в 2021 г.: 6% на 100 тыс. работающих. В 2022 г. показатель снизился на 0,7 процентных пунктов. Уровень травматизма с несмертельным исходом постепенно снижался с 2018 по 2022 г., исключением стал 2021 г., когда уровень травматизма все же повысился. Наибольший процент зафиксирован в 2018 г.: 113,2% на 100 тысяч человек, наименьший – в 2022 г. (95,4%).

В рамках индикатора «Социально-экономический контекст» (рис. 19–21) можно сделать следующие выводы. Проанализировав заболеваемость ВИЧ-

инфекцией в возрасте 15 лет и более (на 100 000 человек) в период с 2018 по 2022 г., можно отметить, что показатель снижался на протяжении всех 5 лет. Наилучшее снижение наблюдалось в 2020 г., где темп прироста снизился на 16,2%. Темп роста инфляции с 2018 по 2022 г. увеличился, исключение составил только 2018 г., когда ИПЦ снизился незначительно. Производительность труда с 2018 по 2022 г. имела нестабильный тренд: снижалась с 2018 по 2020 г. и значительно выросла в 2021 г. Однако в 2022 г. производительность труда снизилась, темп роста составил 96,4 против 103,7% в предыдущем году.

Рис. 19. Заболеваемость ВИЧ-инфекцией в возрасте 15 лет и более (на 100 000 чел. соответствующего возраста)

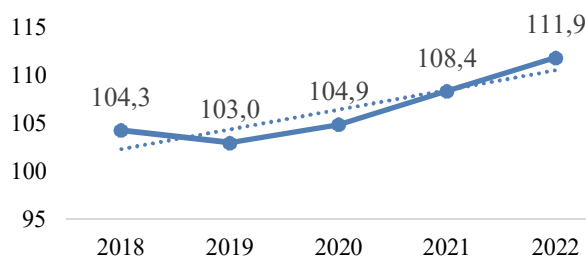

Рис. 20. Темпы роста инфляции (ИПЦ), %

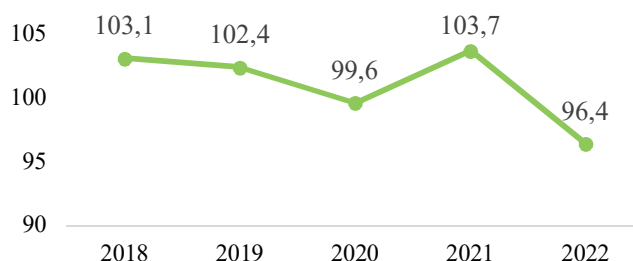

Рис. 21. Темпы роста производительности труда, %

Если сравнить показатели 2013 и 2022 г. занятых по отраслям экономической деятельности, то можно констатировать, что доля занятых в сельском хозяйстве снизилась на 5 процентных пунктов, с 10,8 до 5,8%. Доля занятых в промышленности снизилась на 3,9 процентных пунктов – с 30,2 до 26,3%. При этом доля занятых в сфере услуг выросла на 8,9 процентных пунктов – с 59,0 до 67,9%, что отражает мировые тенденции изменений в структуре экономики.

В настоящее время наблюдается дефицит исследований о дополнении индикаторов достойного труда,

ориентированных в большей степени на традиционную (индустриальную) занятость и наемных работников, индикаторами и показателями для «новых» занятых. Между тем, отмечая тенденции роста новых форм занятости и существенно изменившиеся условия, представляется, что система индикаторов и показателей должна также развиваться, как и сам рынок труда и занятость. Справедливости ради можно сказать, что в некоторых странах уже разрабатываются институциональные документы и принципы работы в рамках достойного труда для новых форм занятости (табл. 4, 5).

Таблица 4

Принципы достойного труда для новых форм занятости

Принципы достойного труда	Характеристика (индикаторы)
Франкфуртская декларация о платформенной работе, 2016 (Европейские профсоюзы) [39]	Минимальная заработная плата. Уточнение статуса занятости. Социальная защита. Разрешение споров. Прозрачность. Коллективные переговоры
Рамки справедливого труда в Шотландии, 2016 (Правительство Шотландии) [40]	Эффективный голос. Возможность справедливой работы. Обеспечение дохода. Исполнение (приносящее чувство принадлежности). Взаимное уважение
Немецкие Правила поведения краудсорсинга, 2017 (Немецкая Ассоциация аутсорсинга) [41]	Задачи, соответствующие законам. Прояснение правовой ситуации (в частности, в сфере налоговых требований). Справедливая оплата. Мотивация работы. Взаимное уважение. Четкая постановка задачи и времени выполнения. Свобода и гибкость. Конструктивная обратная связь и общение. Регламентированный процесс приема и доработки. Защита данных и конфиденциальность

Таблица 5

Индикаторы и показатели достойного труда для «новых» занятых

Индикатор	Характеристика (показатели)	Методы сбора данных (источники данных)
<i>Экономический блок</i>		
Уровень дохода	Средний медианный доход за выполненные задания/проект. Отношение дохода к минимальной заработной плате	Опросы, обследование и анализ данных платформ/агрегаторов
Стабильность (устойчивость) дохода	Вариабельность дохода в течение месяца/года. Частота и продолжительность периода без дохода	Опросы, обследование и анализ данных платформ/агрегаторов
Социальные гарантии	Доступ к медицинскому страхованию. Доступ к пособиям по временной нетрудоспособности. Наличие пенсионных накоплений	Опросы, обследование и анализ данных платформ/агрегаторов
<i>Технологический блок</i>		
Доступ к современным технологиям	Наличие необходимого оборудования и программного обеспечения. Уровень цифровой грамотности	Опросы, анализ данных платформ/агрегаторов
Безопасность и конфиденциальность	Меры по защите персональных данных. Уровень осведомленности о киберугрозах и мерах безопасности	Анализ политики платформ / агрегаторов
<i>Профессиональный блок</i>		
Возможности для карьерного роста	Доступ к обучению и повышению квалификации. Наличие карьерных перспектив	Опросы, обследования, мониторинг
Профессиональное признание	Уровень признания и оценки труда со стороны клиентов/заказчиков. Наличие профессиональных достижений	Опросы, обследования, анализ отзывов на платформах/агрегаторах
Устойчивость занятости	Продолжительность текущего трудоустройства. Частота смены проектов/задач/работы. Периоды (продолжительность) отсутствия проектов/задач/работы	Опросы, анализ данных платформ/агрегаторов
<i>Психологический блок</i>		
Уровень стресса	Частота и интенсивность стрессовых ситуаций при выполнении проектов/задач/работы. Наличие механизмов поддержки психического здоровья	Опросы, интервью, обследование
Мотивация и вовлеченность	Уровень мотивации и вовлеченности в выполнение проекта/задачи/работы. Удовлетворенность возможностями для самореализации	Опросы, обследование, фокус-группы
<i>Социальный блок</i>		
Баланс между работой и личной жизнью	Среднее количество рабочих часов в неделю. Наличие гибкого графика	Опросы, интервью
Удовлетворенность работой	Общий уровень удовлетворенности работой. Удовлетворенность условиями труда	Опросы, обследование
Социальная интеграция	Участие в профессиональных сообществах, ассоциациях, саморегулирующихся организациях. Наличие поддержки со стороны коллег, работодателей, заказчиков	Опросы, анализ активности в социальных сетях
<i>Правовой блок</i>		
Соблюдение трудовых прав	Наличие трудового договора или контракта. Соблюдение норм трудового и гражданского законодательства	Опросы, аудит
Защита от дискриминации	Наличие механизмов защиты по полу, возрасту, национальности и т.д. Уровень осведомленности о правах и обязанностях	Опросы, анализ политики платформ/агрегаторов

В 2019 г. на 108-й сессии МОТ была принята Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда [42]. В частности, признавая изменившиеся социально-экономические и технологические условия труда, развитие платформ и платформенной занятости в рамках инициативы «Будущее сферы труда» принята «Архитектура цифровых рабочих платформ: рекомендации по разработке дизайна платформы для обеспечения благополучия работников». На наш взгляд, это значимый шаг в развитии концепции достойного труда и движение в сторону защиты «новых» занятых от эксплуатации платформами и расширение их (занятых) возможностей. Система индикаторов включает «пять измерений: 1) агентские отношения работника; 2) переговорная сила; 3) доминирование; 4) зависимость; 5) справедливость, и оценивает важные аспекты в каждом из них, такие как влияние алгоритмов на агентские отношения» [26. С. 11].

Итак, принимая во внимание общие признаки для весьма разнородной группы «новые» занятые, изложенные выше, не претендуя на полноту, предложим рамочную систему индикаторов и показателей (табл. 5), которая может дополняться, развиваться и иметь персонифицированную направленность.

Таким образом, новые формы занятости ориентированы на большую гибкость, автономию, открытость к инновациям, но и требуют адаптации институциональных, в частности правовых механизмов, формирования индикаторов достойного труда для обеспечения социальных гарантий, профессионального развития и самореализации, безопасности и защиты персональных данных, социальной интеграции.

Предложенная система индикаторов может стать основой для разработки государственных программ поддержки «новых» занятых, а также для формирования корпоративных стратегий, направленных на улучшение условий труда альтернативных работников, находящихся за границами штата компаний. Одним из ключевых аспектов для дальнейшего научного поиска является необходимость учитывать специфику различных категорий «новых» занятых, поскольку каждая из этих групп сталкивается с уникальными вызовами и требует индивидуальных решений.

Например, фрилансерам может потребоваться больше гибкости и возможностей для профессионального развития, тогда как платформенным работникам важны более прочные социальные гарантии и четкое определение статуса занятости. Кроме того, важно учитывать, что цифровые технологии оказывают значительное влияние на уровень удовлетворенности трудом, продуктивность и лояльность «новых» занятых. В связи с этим будущие исследования могут быть сосредоточены на том, как использовать цифровые платформы для повышения мотивации, например, через геймификацию, персонализированные вознаграждения или улучшение инструментов коммуникации. Понимание динамики этих процессов, возможно, будет ключевым фактором для создания эффективных политик и стратегий, поддерживающих растущее число «новых» занятых на современном рынке труда.

Заключение

Занятость — одна из главных составляющих благополучия любого общества и каждого отдельного человека. В XX в., благодаря усилиям мирового сообщества, в частности МОТ, удалось добиться значительных результатов в защите трудовых прав работников, прав на переговорную функцию и социальный диалог, в формировании трудового законодательства, систем социальной защиты и социальных гарантий. Именно наемные работники и индустриальная занятость составляли основу, оплот экономики большинства стран. Происходящие сегодня изменения меняют сложившуюся конфигурацию труда, занятости и социально-трудовых отношений. Новые формы занятости характеризуются крайней неоднородностью и изменчивостью. Стоит отметить, что рынок труда и в будущем будет генерировать появление новых форм и разновидностей занятости. Совмещение моделей одновременно трудовых и гражданско-правовых отношений, статусов «занятый, работник» и «независимый подрядчик» в разных пропорциях и в разных видах экономической деятельности становится нормой. Многообразие занятости предполагает, таким образом, и разнообразие отношений между работниками, работодателями и государством.

Гибкость и адаптивность, стремление к автономии и свободе выбора моделей и статусов, с одной стороны, несут новые возможности для уязвимых категорий населения, и открытость инновациям. Новые формы занятости можно рассматривать и как дополнительный источник дохода, дополнительные шансы для раскрытия потенциала, самоорганизации и профессионального развития. С другой стороны, вызовы для «новых» занятых, работодателей и государства лежат в плоскости формирования институтов и изменений в законодательстве, реформировании систем социальной защиты. Дискуссия о новых формах эксплуатации и алгоритмическом управлении со стороны платформ цифрового труда имеет огромное значение для экономики и социологии труда, требует дальнейшего развития и дополнительных эмпирических исследований.

Поскольку гибкость и адаптивность к изменениям становятся нормой социально-экономического и технологического развития, то и концепция достойного труда также должна развиваться в направлении трансформаций рынка труда и занятости. Поскольку группа «новых» занятых гетерогенна, то и предложенная система индикаторов и показателей по шести блокам (экономический, технологический, профессиональный, психологический, социальный, правовой) может дифференцироваться в зависимости от того или иного вида и статуса занятости. Например, для гиг-занятых более значимы показатели устойчивости доходов, социальных гарантий и социальной интеграции. Для платформенных занятых более важными представляются индикаторы безопасности и конфиденциальности данных, профессиональное признание (особенно для программистов, веб-дизайнеров, консультантов, переводчиков), для фрилансеров — профессиональная репутация, социальные связи и социальная интеграция. Для

большинства – наличие минимальных социальных гарантий, баланс между работой и другими аспектами жизни. Также перспективными направлениями исследований в рамках обозначенной в статье проблемы являются: сравнение показателей достойного труда различных категорий «новых» занятых (фрилансеры, платформенные работники, гиг-работники), анализ изменений показателей

в динамике, выявление наиболее проблемных зон и разработка целевых программ для их нивелирования.

Таким образом, представления о занятости и достойном труде «новых» занятых требуют дальнейшего изучения и развития в контексте экономических, технологических, социальных вызовов настоящего и будущего.

Список источников

1. Зубков В.И. Влияние современных социально-экономических тенденций на развитие нестандартных форм занятости // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 2. С. 156–177.
2. Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy // Social Text. 2000. Vol. 18, № 2. P. 33–58.
3. Goods C., Veen A., Barratt T. Is your gig any good? Analysing job quality in the Australian platform-based food-delivery sector // Journal of Industrial Relations. 2019. P. 1–26.
4. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. 2016. P. 61–69.
5. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54.
6. Радаев В.В. Развитие платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28.
7. Баймурзина Г.Р., Бессокирная Г.П., Бочаров В.Ю., Демиденко С.Ю., Климова С.Г., Козина И.М., Попов А.В., Стребков Д.О., Темницкий А.Л. Труд в меняющемся мире: трансформации в трудовой сфере и фокус новых исследований (круглый стол) // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 3–26.
8. Сироткин А.В. Фриланс в условиях информационного общества: социокультурные изменения // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 6. С. 144–149.
9. Kalleberg A.L. Flexible Firms and Labor Market Segmentation; Effects of Workplace Restructuring on Jobs and Workers // Work and Occupations. 2003. Vol. 30. P. 154–175.
10. Перспективы занятости и социальной защиты в мире. Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда. Доклад МОТ, 2021. 13 с.
11. Антонова О.А., Колесник Е.А., Масленникова Е.В. Теоретические основы цифровой трансформации рынка труда и занятости в моногороде // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 25–45.
12. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. Geneva : ILO, 2021. 282 p.
13. Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И. Социально-демографический профиль российской платформенной занятости // Лидерство и менеджмент. 2024. Т. 11, № 1. С. 407–422.
14. Работникам цифровых платформ в РФ предрекают кратный рост и новые налоги // Бизнес-Вектор. 21.07.2024. URL: https://www.business-vector.info/rabotnikam_tsifrovyykh_platform_v_rf_predrekaют_kratnyy_rost_i_novye_nalogi/ (дата обращения 02.05.2025).
15. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М. : ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.
16. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 535 с.
17. Платформенная занятость: определение и регулирование / Авт. коллектив: О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, А.П. Аптекар, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 77 с.
18. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия : аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук, К.О. Чертенков. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 29 с.
19. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад / О.В. Синявская [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (0,35 Мбайт). М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2024. 64 с.
20. Платформенная занятость: вызовы и новые решения. М. : ЦСР, 2022. 69 с.
21. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 527 с.
22. Eurofound, New Forms of Employment, Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2015. 160 pp.
23. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects International Labour Office. Geneva : ILO, 2016. 375 p.
24. Digital labour platforms and the future of work: Towards decent work in the online world International Labour Office. Geneva : ILO, 2018. 135 p.
25. OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work. OECD Publishing, Paris, 2019. 26 p.
26. Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики. Серия рабочих документов по статистике ЕЭК ООН. 2021. Вып. 8. 46 с.
27. Аранжин В.В. Влияние трудовых ценностей многопоколенных работников на занятость и политику эффективной занятости : дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2021. 283 с.
28. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Сигарев А.В., Устюжанин В.Л. Трансформация рынка труда: влияние пандемии и прогнозы на будущее // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2021. № 21 (1). С. 77–102.
29. Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Самозанятые в условиях санкций: проблемы и тенденции развития // Вестник Московского государственного университета. Сер. 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 1. С. 179–193.
30. Self-employed, total (% of total employment) (modeled ILO estimate) // World Bank Group. 2025. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS?end=2022&start=1991&view=map> (дата обращения: 11.04.2025).
31. Digital platforms and The World of Work in G20 Countries // ILO. 2021. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 07.08.2024).
32. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 04.09.2024).
33. Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года // Kwork.Блог. URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/analiz-rynka-frilansa-itogi-2024-goda?ysclid=ma48rjpcv741114061> (дата обращения: 11.04.2025).
34. Зонова О.В. Качество трудовой жизни в Российской Федерации: измерение и оценка : дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2016. 233 с.
35. Карпунин Д.Н. Достижение достойного труда при создании и модернизации рабочих мест. М. : ИЭ РАН, 2014. 100 с.
36. Садовая Е.С., Сауткина В.А. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 208 с.
37. Цели устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/> (дата обращения: 20.04.2025).
38. Индикаторы достойного труда // Росстат. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_2024.xlsx (дата обращения: 11.04.2025).
39. Frankfurt Paper on Platform-Based Work. 2016. URL: http://www.crowdworkigmetail.de/Frankfurt_Paper_on_Platform-Based_Work_EN.pdf (дата обращения: 03.05.2025).
40. The Fair Work Framework. 2016. URL: <https://www.fairworkconvention.scot/the-fair-work-framework/> (дата обращения: 03.05.2025).

41. Code of Conduct Crowdsourcing. 2017. URL: <https://crowdsourcing-code.com/> (дата обращения: 04.05.2025).
42. Декларация столетия МОТ О будущем сферы труда // ООН. 2019. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/203/80/pdf/n1920380.pdf> (дата обращения: 03.05.2025).

References

1. Zubkov, V.I. (2020) Vliyaniye sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh tendentsiy na razvitiye nestandartnykh form zanyatosti [The impact of modern socioeconomic trends on the development of non-standard forms of employment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2. pp. 156–177.
2. Terranova, T. (2000) Free labor: producing culture for the digital economy. *Social Text*. 2 (18). pp. 33–58.
3. Goods, C., Veen, A. & Barratt, T. (2019) Is your gig any good? Analysing job quality in the Australian platform-based food-delivery sector. *Journal of Industrial Relations*. pp. 1–26.
4. Kenney, M. & Zysman, J. (2016) The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*. pp. 61–69.
5. Shevchuk, A.V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i kontrol' v tsifrovoy ekonomike [From factory to platform: autonomy and control in the digital economy]. *Sotsiologiya vlasti*. 1 (32). pp. 30–54.
6. Radaev, V.V. (2022) Razvitiye platform kak vyzov sotsiologii [The development of platforms as a challenge to sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 12. pp. 15–28.
7. Baymurzina, G.R. et al. (2024) Trud v menyayushchemsya mire: transformatsii v trudovoy sfere i fokus novykh issledovaniy (kruglyy stol) [Labor in a changing world: transformations in the labor sphere and the focus of new research (round table)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5. pp. 3–26.
8. Sirotkin, A.V. (2024) Frilans v usloviyakh informatsionnogo obshchestva: sotsiokul'turnye izmeneniya [Freelancing in the information society: sociocultural changes]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9. pp. 144–149.
9. Kalleberg, A.L. (2003) Flexible firms and labor market segmentation; effects of workplace restructuring on jobs and workers. *Work and Occupations*. 30. pp. 154–175.
10. International Labour Organization. (2021) *Perspektivy zanyatosti i sotsial'noy zashchity v mire. Rol' platform tsifrovogo truda v transformatsii sfery truda* [Global Employment and Social Protection Prospects. The Role of Digital Labor Platforms in Transforming the World of Work]. Moscow: ILO.
11. Antonova, O.A., Kolesnik, E.A. & Maslennikova, E.V. (2021) Teoreticheskie osnovy tsifrovoy transformatsii rynka truda i zanyatosti v monogorode [Theoretical foundations of the digital transformation of the labor market and employment in a single-industry town]. *Sotsium i vlast'*. 3 (89). pp. 25–45.
12. International Labour Organization. (2021) *World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work*. Geneva: ILO.
13. Zabelina, O.V. & Mirzabalaeva, F.I. (2024) Sotsial'no-demograficheskiy profil' rossiyskoy platformennoy zanyatosti [Socio-demographic profile of Russian platform employment]. *Liderstvo i menedzhment*. 1 (11). pp. 407–422.
14. Biznes-Vektor. (2024) Rabotnikam tsifrovyykh platform v RF predrekayut kratnyy rost i novye nalogi [Digital platform workers in the Russian Federation are predicted to experience exponential growth and new taxes]. *Biznes-Vektor*. 21 July. [Online] Available from: <https://www.business-vector.info/rabotnikam-tsifrovyykh-platform-v-rf-predrekayut-kratnyy-rost-i-novye-nalogi/>. (Accessed: 02.05.2025).
15. Gimpel'son, V. & Kapelyushnikov, R. (2005) *Nestandartnaya zanyatost' i rossiyskiy rynek truda. Preprint WP3/2005/05* [Non-Standard Employment and the Russian Labor Market. Preprint WP3/2005/05]. Moscow: HSE.
16. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikova, R.I. (eds) (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market]. Moscow: HSE.
17. Sinyavskaya, O.V. et al. (2021) *Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie* [Platform Employment: Definition and regulation]. Moscow: HSE.
18. Sinyavskaya, O.V. et al. (2022) *Platformennaya zanyatost' v Rossii: masshtaby, motivy i bar'ery uchastiya : analiticheskiy doklad* [Platform Employment in Russia: Scale, Motivations, and Barriers to Participation: Analytical Report]. Moscow: HSE.
19. Sinyavskaya, O.V. et al. (2024) *Platformennaya zanyatost' v Rossii: dinamika rasprostranennosti i klyuchevye kharakteristiki zanyatykh. Ekspertnyy doklad* [Platform Employment in Russia: Prevalence Dynamics and Key Characteristics of Employed Persons. Expert Report]. Moscow: HSE.
20. Center for Strategic Research. (2022) *Platformennaya zanyatost': vyzovy i novye resheniya* [Platform Employment: Challenges and New Solutions]. Moscow: Center for Strategic Research.
21. Strebkov, D.O. & Shevchuk, A.V. (2022) *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoy zanyatosti* [What Do We Know about Freelancers? The Sociology of Free Employment]. Moscow: HSE.
22. European Union. (2015) *Eurofound, New Forms of Employment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
23. International Labour Organization. (2016) *Non-standard Employment Around the World: Understanding challenges, shaping prospects International Labour Office*. Geneva: ILO.
24. International Labour Organization. (2018) *Digital Labour Platforms and the Future of Work: Towards decent work in the online world International Labour Office*. Geneva: ILO.
25. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2019) *OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work*. Paris: OECD Publishing.
26. United Nations Economic Commission for Europe. (2021) *Novye formy zanyatosti i kachestvo zanyatosti: posledstviya dlya ofitsial'noy statistiki. Seriya rabochikh dokumentov po statistike EEK OON* [New Forms of Employment and Quality of Employment: Implications for Official Statistics. UNECE Statistical Working Paper Series]. Vol. 8. [S.l.]: United Nations Economic Commission for Europe.
27. Aranzhin, V.V. (2021) Vliyaniye trudovykh tsennostey mnogopokolennykh rabotnikov na zanyatost' i politiku effektivnoy zanyatosti [The impact of multigenerational workers' labor values on employment and effective employment policy]. *Economics Cand. Diss. Tomsk*.
28. Ustyuzhanina, E.V. et al. (2021) Transformatsiya rynka truda: vliyaniye pandemii i prognozy na budushchee [Labor market transformation: impact of the pandemic and future forecasts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*. 21 (1). pp. 77–102.
29. Sverdlukova, E.A. & Selezneva, A.S. (2023) Samozanyatiye v usloviyakh sanktsiy: problemy i tendentsii razvitiya [Self-employed under sanctions: problems and development trends]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*. 1 (29). pp. 179–193.
30. World Bank Group. (2025) Self-employed, total (% of total employment) (modeled ILO estimate). *World Bank Group*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS?end=2022&start=1991&view=map>. (Accessed: 11.04.2025).
31. ILO. (2021) Digital platforms and The World of Work in G20 Countries. *ILO*. [Online] Available from: <https://www.ilo.org>. (Accessed: 07.08.2024).
32. Rosstat. (2022) Itogi vyborochnogo obsledovaniya rabochey sily [Results of the sample labor force survey]. *Rosstat*. (2022) [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>. (Accessed: 04.09.2024).
33. Kwork.Blog. (2025) Analiz rynka frilansa: itogi 2024 goda [Analysis of the freelance market: results of 2024]. *Kwork.Blog*. [Online] Available from: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/analiz-rynka-frilansa-itogi-2024-goda?ysclid=ma48ppjcv741114061>. (Accessed: 11.04.2025).
34. Zonova, O.V. (2016) *Kachestvo trudovoy zhizni v Rossiyskoy Federatsii: izmerenie i otsenka* [Quality of working life in the Russian Federation: measurement and assessment]. Economics Cand. Diss. Tomsk.

35. Karpukhin, D.N. (2014) *Dostizhenie dostoyrnogo truda pri sozdanii i modernizatsii rabochikh mest* [Achieving Decent Work in the Creation and Modernization of Jobs]. Moscow: Institute of Economics RAS.
36. Sadovaya, E.S. & Sautkina, V.A. (2012) *Kachestvo zhizni naseleniya mira: izmerenie, tendentsii, instituty* [Quality of Life of the World's Population: Measurement, Trends, and Institutions]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations RAS.
37. United Nations. (n.d.) Tseli ustoychivogo razvitiya [Sustainable Development Goals]. *UN*. [Online] Available from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/>. (Accessed: 20.04.2025).
38. Rosstat. (n.d.) Indikatory dostoyrnogo truda [Decent Work Indicators]. *Rosstat*. [Online] Available from: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_2024.xlsx. (Accessed: 11.04.2025).
39. Crowdwork-igmetall.de. (2016) Frankfurt Paper on Platform-Based Work. *Crowdwork-igmetall.de*. [Online] Available from: http://www.crowdworkigmetall.de/Frankfurt_Paper_on_Platform_Based_Work_EN.pdf. (Accessed: 03.05.2025).
40. Fair Work Convention. (2016) The Fair Work Framework. *Fair Work Convention*. [Online] Available from: <https://www.fairworkconvention.scot/the-fair-work-framework/>. (Accessed: 03.05.2025).
41. *Code of Conduct. Crowdsourcing*. (2017) [Online] Available from: <https://crowdsourcing-code.com/>. (Accessed: 04.05.2025).
42. United Nations. (2019) Deklaratsiya stoletiya MOT O budushchem sfery truda [ILO Centenary Declaration for the Future of Work]. *UN*. [Online] Available from: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/203/80/pdf/n1920380.pdf>. (Accessed: 03.05.2025).

Информация об авторах:

Нехода Е.В. – д-р экон. наук, зав. кафедрой стратегического менеджмента и маркетинга, главный научный сотрудник лаборатории социально-экономических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sheyna1963@yandex.ru

Недоспасова О.П. – д-р экон. наук, зав. кафедрой организационного поведения и управления персоналом, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-экономических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olgaeconomy@mail.ru

Демидова Д.К. – младший научный сотрудник лаборатории социально-экономических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dasha.demidova.2002@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Nekhoda, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Strategic Management and Marketing, chief research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sheyna1963@yandex.ru

O.P. Nedospasova, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Organizational Behavior and Personnel Management, leading research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaeconomy@mail.ru

D.K. Demidova, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dasha.demidova.2002@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 11.05.2025;
approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 316.752
doi: 10.17223/15617793/517/12

Ценность здоровья в оценках жителей мегаполисов России постпандемийного периода: неконгруэнтность между намерением и поведением

Софья Юрьевна Шарыпова¹, Светлана Сергеевна Гордеева²

^{1, 2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ sonia.eliseeva@bk.ru

² ssgordeyeva@mail.ru

Аннотация. На основе данных Мониторинга RLMS HSE за 2022 г. (n = 293) и интервью в 2023–2024 гг. (n = 60) показано, что здоровье в постпандемийной России стало важной декларируемой ценностью, но это не нашло отражения в реальном поведении жителей мегаполисов. Сделан вывод, что здоровьесохранные практики, возникшие в пандемию COVID-19, не укоренились в повседневной жизни и до сих пор в поведении россиян доминируют рискованные практики.

Ключевые слова: здоровье, ценность здоровья, забота о здоровье, здоровьесохранные практики, горожане, пандемия COVID-19, постпандемийный период

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности».

Для цитирования: Шарыпова С.Ю., Гордеева С.С. Ценность здоровья в оценках жителей мегаполисов России постпандемийного периода: неконгруэнтность между намерением и поведением // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 117–127. doi: 10.17223/15617793/517/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/12

The value of health in the assessments of Russian megacity residents in the post-pandemic period: The incongruence between intention and behavior

Sofia Yu. Sharypova¹, Svetlana S. Gordeeva²

^{1, 2} Perm State University, Perm, Russian Federation

¹ sonia.eliseeva@bk.ru

² ssgordeyeva@mail.ru

Abstract. In modern society, after overcoming the difficult epidemiological situation caused by the spread of COVID-19, there is a tendency to increase awareness of the importance of health as one of the key factors affecting the quality of life of individuals. Nevertheless, despite the availability of resources and opportunities to maintain health, a significant part of the population does not demonstrate active actions in this direction. This creates a clear contradiction between the desire of citizens to improve their health and the actual absence of many health-saving practices. This article presents a sociological analysis of attitudes towards health and its importance in the perception of residents of the largest cities of Russia, as well as their practices of health-saving behavior. To achieve this aim, qualitative and quantitative sociological data were used, which were obtained within the framework of a mixed research methodology, the design of "mixing" methods – additional coverage. The results of Monitoring the socio-economic situation and health status of the Russian population for 2022 (n=2939) were used as "quantitative" data. "High-quality" data were obtained as a result of conducting personal semi-formal interviews in 2023–2024 with residents of the three largest cities of Russia - Novosibirsk, Nizhny Novgorod and Perm (n=60). The results of the study indicate that health in post-pandemic Russia has become an important value for residents of megacities; however, this is not always reflected in their real behavior. The concept of health as a means to achieve goals displaces its understanding as a basic value. The COVID-19 pandemic has drawn attention to health issues, although new practices have not taken root in the daily lives of Russians. Addictive behavior, low physical and medical activity, poor nutrition and other risky practices are widespread along with the desire of citizens to maintain their health and be healthy. The data obtained allow us to conclude that in order to increase the real value of health and form responsibility for its maintenance, it is necessary to develop and implement systematic and comprehensive measures. These measures should take into account the diversity of the age groups of the population, their educational level, living conditions and access to health infrastructure. Such an approach will contribute to sustainable changes in the behavior of citizens in relation to their health.

Keywords: health, the value of health, health care, health-preserving practices, citizens, COVID-19 pandemic, post-pandemic period

Financial support: The study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00480: Self-Preservation Strategies of Russians in the Context of the New Normal.

For citation: Sharypova, S.Yu. & Gordeeva, S.S. (2025) The value of health in the assessments of Russian megacity residents in the post-pandemic period: The incongruence between intention and behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 117–127. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/12

Введение

Категория «здоровье» имеет много дефиниций для разных отраслей научного знания. Наиболее популярное определение, которое не менялось с 1848 г., предлагает ВОЗ: «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие заболеваний или физических дефектов» [1]. Несомненно, здоровье является одной из важнейших ценностей в современном российском обществе. Вопрос лишь в том, какая это ценность – декларируемая или реальная? Поддержание высокого уровня здоровья и благополучия населения – это глобальная цель для стран всего мира [2]. В России на сегодняшний день ориентация на сохранение здоровья граждан провозглашается нормативно-правовых документах [3, 4]. И если с декларированием ценности здоровья в стране все очень прозрачно, то реальная картина требует разъяснений.

Современные процессы, такие как глобализация, информатизация и урбанизация, приводят к увеличению доступа к различным ресурсам, технологиям, продуктам и информации, что может повлиять на отношение к здоровью и повседневные практики заботы о нем [5]. С одной стороны, это может способствовать распространению негативных факторов риска, таких как быстрое питание, длительное сидячее положение в течение дня и стрессы, что приводит к ухудшению здоровья. С другой стороны, в современном мире появляется больше возможностей получения знаний о здоровом образе жизни, новых методик оздоровительных тренировок, здорового питания и психологического благополучия, что способствует самосовершенствованию личности. Исходя из этого перед современным человеком остро стоит вопрос поддержания баланса между цифровым миром и сохранением своего здоровья.

Особенно ощущают необходимость достижения баланса в сфере здоровья жители мегаполисов [6]. Современные крупнейшие города России предоставляют определенной категории населения широкий доступ к спортивным объектам, здравоохранению, качественному питанию, различным формам активного отдыха и др. Вместе с тем, жителям мегаполисов свойственны повышенные риски к различным заболеваниям ввиду специфики городского образа жизни [7] (например, гиподинамии вследствие малоподвижного образа жизни из-за работы за компьютером и длительных периодов времени, проведенных в транспорте). Также риски связаны с повышенной плотностью населения в городе, при которой распространение инфекционных заболеваний, как это было в период пандемии COVID-19, происходит быстрее, а система здравоохранения ввиду

загруженности не способна справиться с большим количеством граждан [8]. Исследователи для обозначения воздействия условий городской среды на физическое и психическое здоровье горожан вводят понятие «болезни городского стресса» [9]. За последние десятилетия значительно увеличилось распространение хронических заболеваний, связанных с городским образом жизни, а по данным ВОЗ, в 2019 г. хронические заболевания стали причиной 71% всех смертей в мире, при этом около трети из них произошли в возрасте от 30 до 69 лет [10]. Этот рост преимущественно обусловлен увеличением случаев ожирения, недостатком физической активности, нерациональным питанием и другими факторами риска городского образа жизни.

Исследования показывают, что забота о здоровье может значительно улучшить благополучие населения и снизить риски развития значительного числа заболеваний [11]. Приверженность здоровьесохранным практикам снижает основные метаболические факторы риска хронических заболеваний и преждевременной смертности, включая артериальное давление, уровень глюкозы и липидов в крови, а также ожирение. Отмечается, что путем изменения поведения в отношении здоровья можно предотвратить до 70% случаев инсультов и рака толстой кишки, 80% ишемических болезней сердца, и 90% случаев диабета [12]. Несмотря на вышесказанное, в России относительно невысокий уровень самосохранительного поведения, в частности заботы о здоровье. Например, исследование ВЦИОМ показало, что в 2022 г. подавляющее большинство (58%) россиян назвали свою физическую активность низкой или умеренной [13]. Также данные международного исследования от 2021 г. свидетельствуют о том, что за 10 лет снизилась медицинская активность и выросли аддиктивные практики (табакокурение и потребление алкогольных напитков) у населения России [14].

В целом, можно заметить, что разнятся данные о поведении россиян в сфере здоровья, полученные по результатам социологических исследований и на основе статистической информации. Согласно упомянутому ранее исследованию ВЦИОМ, немногие проходили медицинские профилактические осмотры – всего 14% граждан [13]. Информация из ЕМИСС за 2022 г. говорит об обратном: ежегодно обращается в медицинские учреждения в целях диспансеризации или прохождения профилактического осмотра почти половина (46,3%) от общей численности населения РФ [15]. Такое несоответствие, в первую очередь, связано с использованием различных методов сбора и классификации информации. В рамках социологических исследований индивиды могут предоставлять информацию о своем здоровье и практиках по его поддержанию, основываясь на субъективных восприятиях и личных

предпочтениях, а также стремиться к соответствию общепринятым социальным нормам. Современный человек все более тесно ассоциирует здоровье с успешным выполнением им социальных ролей и функций [16], не ограничиваясь лишь аспектом отсутствия заболеваний. Следовательно, можно предположить, что наблюдается размывание стандартов здоровья в контексте субъективной самооценки здоровья среди респондентов. Статистическая информация собирается из различных официальных источников, таких как медицинские записи, отчеты о заболеваемости и смертности, данные об оказании медицинских услуг и т.д. Ввиду низкой медицинской активности россиян эти данные могут быть неполными [17]. Кроме этого, несоответствие данных может быть связано с желанием скрыть проблемы и недочеты в работе государственных органов, так как представление благоприятных показателей здоровья населения может помочь избежать критики и ответственности за недостатки в системе отечественного здравоохранения.

Исследователи ФОМ отмечают, что социальная установка заботиться о своем здоровье невозможна без осознания здоровья как личной ценности [18]. Сегодня имеются неоднозначные сведения о ценности здоровья в представлениях людей. К примеру, данные ВЦИОМ за 2023 г. демонстрируют противоречивые ответы россиян в разных опросах. Так, в исследовании «Традиционные ценности, современные цели», где задавался закрытый вопрос с вариантами ответа «У каждого человека есть цели в жизни. А какие цели Вы ставите себе?», большинство (58%) отметили здоровье как главную жизненную ценность [19]. При этом в другом исследовании этого же года «Традиции в эпоху перемен», где требовалось самостоятельно выделить традиционные ценности, респонденты чаще называли: семья (34%), патриотизм (13%), русская культура (8%), а здоровье выбрали лишь 2% опрошенных [20]. Более раннее межрегиональное исследование СеДОЖ-2019, где респонденты выбирали из 15 ценностей, здоровье тоже было объявлено главной жизненной ценностью [21].

Также существует мнение, что, несмотря на восприятие ценности здоровья, в действительности у человека отсутствует «природная» мотивация заботиться о физическом и психологическом благополучии, установка на здоровье и заботу о нем формируется под влиянием социально-культурного пространства [22]. Если в этом пространстве искажено представление о заботе о здоровье, то это приводит к низкому уровню распространенности здоровьесберегающего поведения. В отечественной литературе низкая активность населения в заботе о собственном здоровье связана с практиками патерналистской системы здравоохранения. Сегодня в публичном пространстве создаются образы, в которых здоровье кажется ответственностью государства и медицины, а не индивида, что формирует фаталистический взгляд на здоровье [23]. В западном социологическом дискурсе обсуждаются высокие ожидания относительно способности индивида самостоятельно принимать рациональные решения, что приводит к предложениям о необходимости активного вмешательства государства для управления желаемым поведением, в частности в сфере здоровья [24].

Итак, вернемся к вопросу: здоровье – это декларируемая или реальная ценность в современном российском обществе? Ответ, вероятно, очевиден. На современном этапе развития общества люди осознают значимость здоровья, понимают, как сохранить и укрепить его, чтобы улучшить свои шансы на плодотворную жизнь. Вместе с тем они имеют ресурсы и возможности для этого, но не прибегают в данной направленности к активным действиям. В настоящее время проведен ряд исследований в попытке выяснить, перенаправила ли пандемия COVID-19 поведение людей в здоровьесохранное «русло». НАФИ отмечает, что в период пандемии ожидалось повышенное внимание со стороны населения к своему здоровью, так как здоровье относится к важнейшим ценностям россиян. Однако, по данным исследования этого центра, на 2023 г. почти треть россиян (35%), основная доля которых представлена жителями городов, говорит об ухудшении своего здоровья [25]. Граждане фокусируются не на сохранении физического и психологического благополучия, а на тревоге и стрессе (52% указали, что стали больше тревожиться), которые в большей степени вызваны сложной эпидемиологической и социально-политической ситуацией в стране.

Существуют работы, как отечественные, так и зарубежные, в которых отмечается положительное влияние пандемии на практики заботы о здоровье. Исследование, проведенное на выборке жителей Санкт-Петербурга, показало, что пандемия послужила основанием для роста внимания к своему здоровью, «усилила» иные практики сохранения здоровья, например, в онлайн-пространстве [26]. Во Франции было установлено, что в условиях сложной эпидемиологической ситуации люди перешли к более здоровому рациону питания, и эта практика закрепилась после пандемии [27]. В США было отмечено увеличение уровня физической активности граждан [28] и снижение их приверженности к аддиктивным практикам [29]. Хотя ученые отмечают, что изменения в поведении, в частности уменьшение распространенности табакокурения, необязательно связаны с заботой о здоровье, возможно это произошло из-за спада социальной активности [30].

В других исследованиях встречаются утверждения о том, что пандемия выступила неким барьером для реализации здоровьесохранных практик. Например, было выявлено снижение физической активности у россиян, которое объясняется введением ограничительных мер (отмена массовых мероприятий или приостановка деятельности спортивных клубов) [31]. В зарубежных исследованиях [32] авторы тоже отмечают увеличение числа малоподвижных людей. По оценкам отечественных социологов [33], выявлено увеличение употребления алкоголя среди жителей городов из-за самоизоляции и повышенной тревожности. Кроме этого, ученые отмечают, что те практики заботы о здоровье, которые появились в период пандемии, утратили свою значимость для населения в постпандемию, когда пропал страх инфицирования [34]. Отказ от здоровьесохранных практик после пандемии связан также с тем, что эти практики воспринимались жителями России как навязанные государством [35].

Имеющиеся результаты исследований о влиянии пандемии COVID-19 на здоровье россиян и заботу о нем являются противоречивыми и несколько обнадеживают: здоровьесберегающее поведение жителей России после пандемии в лучшем случае вернулось в «допандемийное» состояние, в худшем случае забота о здоровье ушла на второй план, когда ценность самого здоровья ярко провозглашается в нормативных декларациях, но не проявляется в реальном поведении людей. Исходя из этого, возникает необходимость изучения ценности здоровья в постпандемийный период. Научная новизна настоящего исследования заключается в возможности не только провести оценку ценности здоровья и заботы о нем, но и соотнести намерения и поведение россиян в сфере здоровья.

Цель, материалы и методы исследования

Цель настоящего исследования – проанализировать ценность здоровья и заботу о нем в оценках жителей крупнейших городов России в условиях новой постпандемийной реальности. К крупнейшим городам относятся субъекты РФ с численностью не менее 1 млн чел. По данным последней Всероссийской переписи населения, в России отмечается 16 городов-миллионников, в которых проживает почти четверть всего населения страны [36]. Выбор данной региональной группы связан не только с ее численным составом, но и со специфическими условиями проживания и практиками заботы о своем здоровье.

Особенности восприятия здоровья и связанных с ним поведенческих практик среди жителей мегаполисов изучались в рамках ценностного подхода к здоровью [37]. В этом контексте здоровье выступает как доминирующая ценность, которая рассматривается на трех уровнях: биологическом, социальном и психологическом. Фокус настоящего исследования направлен на социальный уровень, где отношение индивида к своему здоровью, восприятие ценности здоровья определяют самосохранное поведение.

Для достижения поставленной цели были использованы качественные и количественные социологические данные, которые были получены в рамках смешанной методологии исследования (mixed methods research). Дизайн «смешивания» методов: дополнительное покрытие по типу QUAL + QUANT, т.е. использовались «сильные стороны» различных исследовательских традиций.

В основу «количественных» данных легли результаты 31 «волны» мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Рос-

сии (RLMS-HSE)¹ за 2022 г. (находятся в открытом доступе). Для анализа из выборочной совокупности, которую репрезентирует население России, были отобраны респонденты, проживающие в указанных выше мегаполисах за исключением пяти городов (Екатеринбург, Самара, Уфа, Омск, Воронеж), которые не вошли в выборку мониторинга. В результате объем анализируемой выборочной совокупности составил 2939 человек в возрасте от 18 до 94 лет, среди которых 1 180 чел. – мужчины, 1 759 – женщины, что составляло 40 и 60% соответственно. Для работы с количественными данными использовался статистический пакет SPSS Statistics с применением различных методов анализа.

«Качественные» данные представлены результатами личных полуформализованных интервью, которые были собраны в 2023–2024 гг. Интервью проводились в трех субъектах РФ, которые относятся к крупнейшим городам, – Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми. Объем выборки составил 60 человек (24 интервью собраны в Новосибирске, по 18 интервью – в двух других городах), среди них 25 мужчин и 35 женщин (в долях это соотносится с выборкой в «количественном» исследовании) в возрасте старше 18 лет. В выборке представлены россияне с разными социально-демографическими характеристиками, в том числе есть информанты из контингента риска для здоровья. Для анализа использовалось открытое кодирование транскриптов.

Результаты исследования и обсуждение

Результаты формализованного опроса показали, что жители крупнейших городов России (далее – россияне или жители мегаполисов), по данным на 2022 г., относительно высоко оценивают состояние своего здоровья. Так, почти четверть опрошенных указали, что их здоровье «очень хорошее» (2%) или «хорошее» (35%). К вопросу о различиях в социологических и статистических показателях: данные выборочного федерального статистического наблюдения состояния здоровья населения на 2023 г. демонстрируют более высокий уровень самооценки здоровья у городского населения, т.е. «хорошо» и «очень хорошо» отмечают почти 60% [38].

Существует связь между самооценкой здоровья и такими социально-демографическими характеристиками, как пол (Гамма = 0,229 при $p < 0,001$), возраст (r -Спирмена = 0,551 при $p < 0,001$), статус занятости (Гамма = 0,613 при $p < 0,001$) и уровень образования (r -Спирмена = –0,100 при $p < 0,001$). Среди жителей мегаполисов чувствуют себя более здоровыми мужчины, молодые люди, работающие граждане и лица с высшим образованием (таблица).

Самооценка здоровья в зависимости от различных социально-демографических характеристик, % к числу опрошенных по столбцу

Самооценка здоровья	Пол		Возраст, лет			Образование		Статус занятости	
	муж.	жен.	18–44	45–49	60+	Высшее	Среднее и ниже	Есть работа	Нет работы
Хорошее	44,1	31,3	60,7	35,9	8,6	40,5	34,1	49,7	19,6
Среднее	45,8	54,9	37,5	57	63,3	50,1	51,9	47,8	55,6
Плохое	10	13,8	1,9	7,1	28,1	9,4	14	2,5	24,8

Субъективная оценка состояния здоровья очень тесно связана с ее объективными показателями, например, такими, как наличие хронических заболеваний (Гамма = $-0,883$ при $p < 0,001$): чем меньше таких заболеваний, тем лучше человек себя чувствует. Например, мужчины, в отличие от женщин, почти в 2 раза меньше отмечают хронические заболевания (OR = 0,572 ДИ 0,489–0,669), поэтому в 1,5 раза чаще, что их здоровье хорошее и среднее (OR = 1,440 ДИ 1,139–1,822). На 2022 г. 68% россиян заявили, что имеют хронические заболевания, в большей степени это гипертоническая болезнь (49%), также заболевания суставов (39%), желудочно-кишечного тракта (31%), глаз (30%), позвоночника (28%) и сердца (23%). При этом по данным Росстата на 2022 г., самыми распространенными болезнями в целом по стране являются болезни органов дыхания, мочеполовой системы, кожи и подкожной клетчатки [39].

В интервью, отвечая на вопрос: «*Можете ли Вы назвать себя здоровым человеком?*», мнения россиян не были однозначно положительными. Наравне с ответами «да» и «нет» довольно часто информанты выражали лишь намерение быть здоровыми: «*Очень хотелось бы, конечно*», «*Хотел бы им быть*», «*Все хотят быть здоровыми*» и др. Назвать себя полностью здоровыми участники исследования не решались по причине того, что здоровье представляет собой сложную, многокомпонентную модель, для управления которой недостаточно человеческих ресурсов.

«*Как Вы уже сами отметили, комплексный подход, безусловно, периодически в каждом из отделов этих систем, я имею в виду и социального, и физического, и психологического самочувствия, благополучия, происходят сбои, которым необходимо непосредственно уже использование врачей, каких-то других технологий, чтобы корректировать... Наверное, на 100 здоровым быть невозможно*» (муж., 32 года, Нижний Новгород).

Как и в формализованном опросе, в интервью мужчины проявляли больше оптимизма относительно здоровья, нежели женщины. Причем представители сильного пола склонны приуменьшать имеющиеся проблемы со здоровьем, а женщины, напротив, «наращивать» даже не имея на то оснований.

«*В общем-то, могу себя назвать здоровым человеком. Мне почему-то кажется, что вот те болячки, которые имеются в моем возрасте, а мне, слава Богу, 67 лет, все равно как-то мне кажется, что это все пройдет*» (муж., 67 лет, Нижний Новгород).

«*Ну это сложный вопрос, наверное, уже нет [не может назвать себя здоровым человеком]. Наверное, уже ряд заболеваний я себе заработала за эту жизнь*», но далее информант говорит: «*у меня повышенное давление, все, больше у меня диагнозов таких никаких нет, других заболеваний хронических нет*» (жен., 46 лет, Пермь).

Вероятно, неоднозначная оценка россиян о состоянии своего здоровья обусловлена разным пониманием категории «здоровье». Самый распространенный вариант интерпретации данной категории связан с физической составляющей. Во-первых, многие информанты

приравнивают здоровье к отсутствию боли/заболеваний («*чтобы ничего не болело*», «*быть человеком, который не болеет*», «*не иметь каких-нибудь неизлечимых болезней*», «*не испытывать боль*»). Сюда же, как следствие, можно отнести выражения «*тебе не придется обращаться в поликлинику к врачам*», «*не зависеть от лекарственных средств, наверное, от врачей*». Близкий по смыслу вариант, но противоположный по формулировке – это рассмотрение здоровья как физического благополучия («*отсутствие каких-либо жалоб*», «*функционирование всех органов, клеток – когда всё правильно выполняет функции свои*», «*иметь хороший иммунитет*»). Также встречалась трактовка здоровья через возможность выполнять простые физические действия для удовлетворения физиологических потребностей («*быть на ногах и хотя бы обслуживать себя*», «*дышать, ходить и просыпаться утром*», «*ощущать себя комфортно в своем теле, т.е. не испытывать ограничений в передвижении*», «*справляться со своими повседневными обязанностями без посторонней помощи*») – об этом в основном говорили мужчины и пожилые люди. У мужчин такая интерпретация обусловлена существующими в социокультурном пространстве социальными нормами мужественности, которые говорят о неприемлемости для мужчин проявлять слабость и просить помощи, в том числе относительно здоровья [40]. Для пожилых людей в контексте здоровья важно иметь возможность самостоятельно удовлетворять свои потребности, чтобы, во-первых, не быть обузой для своей семьи, во-вторых, заботиться о стареющих партнерах [41].

Помимо физического аспекта, россияне выделяли психологическое благополучие: «*духовно здоровым*», «*абсолютно гармоничный с собой человек, чтобы душа не тревожилась, психика не напрягалась*», «*просыпаться с утра в хорошем расположении духа*», «*стабильное эмоциональное состояние*» – такое понимание в большей степени характерно для женщин. Важно отметить, что социальное благополучие, как часть здоровья, горожане упускают из внимания лишь немногие отмечали, что быть здоровым – это «*уметь работать, уметь контактировать, иметь возможность к этому*», «*делать дела легко, работать с удовольствием*».

Указанные выше варианты толкования здоровья укладываются в определение ВОЗ. Впрочем, в нарративах были выделены и другие смыслы. Например, информанты отмечали здоровье как данность: «*оно есть и есть, это воспринимаешь как должное*». Также встречались высказывания, в которых термины «здоровье» и «забота о здоровье» признаются равнозначными («*вести здоровый образ жизни*», «*быть закаленным, заниматься спортом*», «*заботиться о здоровье*»), что в действительности является заблуждением.

Исследование И.Б. Назаровой о здоровье в представлении жителей России позволяет классифицировать имеющиеся определения на нематериальные и материальные [42]. Первые связаны с таким понятием, как отсутствие заболеваний – это означает, что забота о здоровье здесь проявляется только в случае недомогания. Материальные интерпретации рассматривают здоровье как результат каких-то действий или имеющийся ресурс/актив, для поддержания которого нужны

вложения. Такие интерпретации приводят к ситуации, где вытесняется понимание здоровья как ценности.

Вне сомнения, здоровье важно для людей. На вопрос «Для Вас важно здоровье / быть здоровым?» все информанты отвечали положительно. Тем не менее такая ценность рассматривается по большей части как само собой разумеющееся, т.е. не осознается. Поэтому забота о собственном здоровье непосредственно для поддержания его уровня не является основной и исчерпывающей причиной. О важности сохранения здоровья говорят представители старших возрастных когорт, а для молодых такое поведение уходит на второй план, например, в сравнении с целью самореализации.

«Надо действительно уже стараться жить так вот: более-менее вести здоровый образ жизни, хотя бы то оставшееся здоровье чтобы поддерживать на определенном каком-то уровне» (жен., 66 лет, Пермь).

«Если сравнивать, например, с подростковым моим возрастом, то в те годы мне вообще было как-то без разницы: здоровая я, нездоровая. Был, наверное, какой-то даже протест... Сейчас все некогда. Работа, учёба, какие-то личные дела. И не всегда находишь для этого времени и мотивацию» (жен., 23 года, Пермь).

Сопоставления интервью позволили выделить другие мотивы жителей мегаполисов для реализации здоровьесберегающего поведения. К внутренним мотивам относятся: управление продуктивностью / жизненной энергией / счастьем / эмоциями; поддержание внешнего вида. К внешним мотивам можно отнести возраст (подразумевается старение организма), наличие семьи, в частности детей. В дополнение к этому списку россияне указывали в качестве нового мотива сохранения и поддержания здоровья пандемию, вызванную коронавирусной инфекцией. По словам информантов, пандемия создала «новую реальность», где выросла значимость здоровья и индивиды стали осознанно фиксировать ценность здоровьесбережения.

«Наверное, стало больше [значимость здоровья] в связи с этой пандемийной ситуацией, которая встрепнула весь мир, многие стали заботиться о своём

здоровье и, наверное, его даже ценить» (жен., 34 года, Пермь).

Несмотря на то что пандемия COVID-19 для многих послужила поводом задуматься о ценности своего здоровья и дала импульс для самосохранительного поведения, фактически россияне не стали больше заботиться о своем физическом и психологическом благополучии. Результаты качественного исследования показали, что информанты очень туманно высказываются об улучшении отношения к собственному здоровью («стал более внимательно относиться», «стала больше следить за своим здоровьем» и др.), не называя конкретных изменений в заботе о нем. Это позволяет предположить, что в постпандемию не произошло закрепления новых здоровьесберегающих практик. Примечательно, что участники интервью в отношении других людей тоже указывали на отсутствие изменений в заботе о здоровье.

«В своем окружении не вижу движений ни в одну из сторон. Это прошло, и все благополучно об этом забыли. Плюсом пандемии стало только развитие цифровизации: телемедицина, различные службы доставки еды, удаленная учеба и работа и значительно сократились пробки на дорогах» (муж., 29 лет, Новосибирск).

Исследователи, занимающиеся изучением влияния COVID-19 на поведение индивидов в сфере здоровья, отмечают, что они могли реализовывать здоровьесохранные практики в пандемию не как часть индивидуальной стратегии самосохранения, а как акт альтруизма по отношению к согражданам, поэтому забота о собственном здоровье в этом случае не находится в приоритете [43].

Количественные данные подтверждают тезис о том, что после пандемии забота о собственном здоровье среди жителей крупных городов осталась на низком уровне, что противоречит словам о большей ценности здоровьесбережения. В конечном счете в постпандемию поведение людей в сфере здоровья вернулось в прежние паттерны, по большей мере – рискогенные. На рис. 1 показана «перевернутая пирамида» рискогенных практик россиян на 2022 г.

Рис. 1. Доля россиян, реализующих рискогенные практики здоровья, на 2022 г. (% к числу опрошенных по каждой практике отдельно)

Во главе рискогенных практик жителей мегаполисов – низкий уровень медицинского поведения, в частности превентивного. Подавляющее большинство россиян (75%) не проходят регулярные медицинские профилактические осмотры, причем это характерно для разных половозрастных групп. Практически одинаковая доля тех, кто в ситуации болезни занимается самолечением (59%), что при низком уровне медицинской грамотности ведет к определенным рискам для здоровья.

Наряду с этим наблюдается низкая физическая активность и распространенность рискогенных практик. Так, не занимаются спортом 67%, по большей части это люди среднего и старшего возраста. Систематически потребляют алкоголь 57%, т.е. 1–2 раза в месяц, причем мужчины почти в 2 раза чаще выпивают, нежели женщины (OR=1,730 ДИ 1,482–2,018). Также около половины жителей (43%) редко посещают врача, в основном это мужчины и молодые люди. Менее выраженная из всех рискогенных практик – курение (26%), которое опять же чаще встречается среди мужчин (OR=3,471 ДИ 2,923–4,121). Эти выводы частично подтверждаются статистическими данными, где зафиксировано, что среди городского населения самостоятельно не занимаются спортом около 80% граждан, курят примерно 19%, а прохождение диспансеризации отмечают не более половины опрошенных [38].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что здоровье для жителей мегаполисов постпандемийной России является нормативной ценностью, т.е. остается на уровне декларации. Это свидетельствует о недостаточной интеграции ценности здоровья в повседневную практику, что приводит к отсутствию активных действий, направленных на его поддержание. Данные настоящего исследования свидетельствуют о том, что мотивы заботы о здоровье в большей степени обусловлены иными факторами, чем непосредственное сохранение своего здоровья. Здоровье как «средство или результат действий» – это концепция, которая становится все более распространенной в современном российском обществе, вытесняя понимание здоровья как ценности. В общественном сознании подчеркивается важность заботы о своем здоровье через правильное питание, физическую активность, регулярные медицинские обследования и другие здоровые привычки. Однако такая концепция здоровья может привести к снижению важности самого понятия здоровья как ценности. Здоровье должно рассматриваться не только как конечная цель, достижимая через определенные усилия, но и как основа для полноценной жизни и благополучия. Забота о своем здоровье должна быть осознанной и ответственной, но также должна включать в себя понимание, что здоровье – это нечто более ценное, чем просто результат собственных усилий.

Пандемия COVID-19, безусловно, акцентировала внимание на вопросах здоровья, однако не привела к устойчивым изменениям в поведенческих практиках,

что подчеркивает сложность трансформации поведенческих моделей даже в условиях повышенной значимости здоровья. Проведенное исследование показало, что многие люди не изменили свое поведение в отношении здоровья или не внедрили новые здоровесберегающие практики в свою повседневную жизнь. Такой вывод подтверждают и результаты других исследований, как западных [44], так и отечественных, где отмечается низкий уровень самосохранения граждан в период постпандемии [45]. Это подчеркивает сложность изменения поведенческих практик и отношения к здоровью даже в условиях повышенной значимости этой темы, вызванной пандемией COVID-19.

На сегодняшний день сохраняется противоречие между желанием, возможностями россиян быть здоровыми и отсутствием у многих из них практик здоровьесберегающего поведения (распространение аддиктивного поведения, низкая физическая и медицинская активность, неправильное питание и пр.). Такое противоречие освещается в работах других отечественных исследователей [46]. Учитывая, что горожане подвержены и другим рискам для здоровья, таким как высокий уровень загрязнения воздуха, низкое качество питьевой воды, повышенный уровень шума и интенсивный ритм жизни, декларативность ценности здоровья снижает общее благополучие населения, сокращает продолжительность активной жизни. Положительные изменения в повседневных практиках заботы о здоровье не носят устойчивый характер и могут быть легко изменены под влиянием социально-экономических условий, социокультурного контекста, доступности ресурсов и других факторов. Также важно для более объективного понимания ситуации в сфере здоровья населения учитывать как социологические данные, так и статистическую информацию, чтобы проводить их анализ с учетом всех доступных факторов, влияющих на полученные результаты.

В условиях глобализации, информатизации и урбанизации позитивные изменения в поведении по отношению к здоровью могут стать ключевым фактором для развития личности в современном обществе. Это включает в себя умение адаптироваться к изменяющейся среде, формирование здоровых привычек, управление стрессом и развитие самосознания. Приверженность здоровьесохранным практикам и забота о собственном физическом и психическом благополучии являются важной частью процесса личностного развития. Ценностное отношение к здоровью связано с воспитанием дисциплины, самоконтроля и умения управлять своим поведением. Эти качества являются важными аспектами развития личности, ее интегральной индивидуальности. Регулярное соблюдение здоровых привычек требует постоянного самоанализа, самодисциплины и стремления к самосовершенствованию.

Для повышения уровня реальной ценности здоровья, заботы и ответственности в его поддержании необходимы системные комплексные меры, направленные на формирование устойчивой мотивации различных возрастных групп населения с учетом его образовательной компетентности, условий жизнеобеспечения и доступности к оздоровительной инфраструктуре района проживания. Кроме того, важным

представляется создание благоприятной среды, в которой горожанам будет легче изменить свое поведение в сторону более здорового образа жизни и удерживать его на протяжении длительного времени. Организация групповых занятий, клубов здоровья или онлайн-сообществ – элементы социальной среды, где люди могут обмениваться опытом, мотивировать

друг друга и делиться достижениями на своем пути к улучшению здоровья. Развитие инфраструктуры, такой как строительство спортивных площадок, обустроенных велосипедных дорожек, зон для занятий йогой или фитнесом, сделает здоровьесохранные стратегии поведения легкодоступными и более привлекательными для горожан.

Примечание

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

Список источников

1. Как ВОЗ определяет здоровье? // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/about/frequently-asked-questions> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Good health and well-being // Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (дата обращения: 26.03.2024).
3. Здравоохранение: Национальный проект 2019–2024. Минздрав России. URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 26.05.2022).
4. Укрепление общественного здоровья: Федеральный проект 2019–2024. Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/4> (дата обращения: 26.05.2022).
5. Дружилов С.А. Гигиенические аспекты информационно-технологической зависимости человека в новой реальности // Гигиена и санитария. 2019. № 7. С. 748–753. doi: 10.47470/0016-9900-2019-98-7-748-753
6. Романова М.А. Социокультурные ресурсы мегаполиса как фактор позитивной социализации детей и подростков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 2 (56). С. 120–135. doi: 10.25688/2076-9121.2021.56.2.07
7. Будилова Е.В., Лагутин М.Б., Мигранова Л.А. Влияние качества городской среды на демографические показатели здоровья населения // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 1. С. 44–53. doi: 10.19181/population.2021.24.1.5
8. Мартыненко Т.С. Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 1. С. 18–35. doi: 110.22363/2313-2272-2021-21-1-18-35
9. Аксенова Е.И., Камынина Н.Н., Турзин П.С. Городской стресс жителя мегаполиса. Стрессогенные факторы и коррекция // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31 (спецвыпуск 2). С. 1087–1091. doi: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1087-109
10. Fact sheets – noncommunicable diseases // World Health Organization. 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases> (дата обращения: 23.07.2024).
11. Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самоохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 261–276. doi: 10.15838/esc.2021.5.77.15
12. Willett W.C. Balancing life-style and genomics research for disease prevention // Science. 2002. Vol. 296. № 5568. P. 695–698. doi: 10.1126/science.1071055
13. Здоровый образ жизни и как его придерживаться // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (дата обращения: 13.07.2024).
14. International Social Survey Programme. 2021 Health and Health Care II // Официальный сайт ISSP. URL: <https://issp.org/data-download/by-topic/> (дата обращения: 23.04.2024).
15. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 13.05.2024).
16. Каравай А.В. Отношение российских рабочих к своим ресурсам: финансам, здоровью и свободному времени // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 2. С. 229–244.
17. Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Проблема медицинской активности населения России в эпоху COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68, № 3. С. 15. doi: 10.21045/2071-5021-2022-68-3-15
18. Забота о здоровье как объект исследования // Проект фонда «Общественное мнение». URL: <https://zoz.fom.ru/post/research> (дата обращения: 19.07.2024).
19. Традиционные ценности, современные цели // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennnye-celi> (дата обращения: 14.07.2024).
20. Традиции в эпоху перемен // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhupereem> (дата обращения: 23.07.2024).
21. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова [и др.] ; под ред. А.И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2020. 486 с. doi: 10.29003/m857.SeDOJ-2019
22. Бердышева Е.С., Белявский Б.А. Вариативность ценности здоровья в социальных полях: вызовы и стимулы самосохранительных практик // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 1. С. 9–39. doi: 10.19181/inter.2021.13.1.1
23. Савельева Ж.В. Кому принадлежит здоровье? Социологические дискуссии и массмедийные интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 26, № 2. С. 131–141.
24. Maller C.J. Understanding health through social practices: performance and materiality in everyday life // Sociology of health & illness. 2015. Vol. 37, № 1. P. 52–66. doi: 10.1111/1467-9566.12178
25. Как изменился образ жизни и здоровье россиян // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/en/analytics/kak-izmenilis-obraz-zhizni-i-zdorove-rossiyan-v-2023-godu/> (дата обращения: 05.07.2024).
26. Богомякова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 145–155. doi: 10.31857/S013216250018705-8
27. Rossinot N., Fantin R., Venne J. Behavioral Changes During COVID-19 Confinement in France: A Web-Based Study // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17, № 22. P. 8444. doi: 10.3390/ijerph17228444

28. Knell G., Robertson M.C., Dooley E.E., Burford K., Mendez K.S. Health Behavior Changes During COVID-19 Pandemic and Subsequent "Stay-at-Home" Orders // *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17, № 17. P. 6268. doi: 10.3390/ijerph17176268
29. Klemperer E.M., West J.C., Peasley-Miklus C., Villanti A.C. Change in Tobacco and Electronic Cigarette Use and Motivation to Quit in Response to COVID-19 // *Nicotine & tobacco research: official journal of the Society for Research on Nicotine and Tobacco*. 2020. Vol. 22, № 9. P. 1662–1663. doi: 10.1093/ntr/ntaa072
30. Bommele J., Hopman P., Walters B.H., Geboers C., Croes E., Fong G.T., Quah A.C.K., Willemsen M. The double-edged relationship between COVID-19 stress and smoking: Implications for smoking cessation // *Tobacco induced diseases*. 2020. № 18. Art. 63. doi: 10.18332/tid/125580
31. Столяров В.И., Абалян А.Г., Фомиченко Т.Г., Воробьев С.А. Влияние пандемии коронавируса на физкультурно-спортивную активность населения Российской Федерации // *Теория и практика физической культуры*. 2021. № 9. С. 32–34.
32. Wang X., Lei S.M., Le S., Yang Y., Zhang B., Yao W., Gao Z., Cheng S. Bidirectional Influence of the COVID-19 Pandemic Lockdowns on Health Behaviors and Quality of Life among Chinese Adults // *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17, № 15. Art. 5575. doi: 10.3390/ijerph17155575
33. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19 // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. Т. 10. № 3 (39). С. 25–44. doi: 10.19181/snsp.2022.10.3.9195
34. Гареева И.А. Изменение стратегий поведения населения в отношении здоровья в условиях пандемии COVID-19 // *Власть и управление на Востоке России*. 2023. № 3 (104). С. 118–127. doi: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-118-127
35. Глазков К.П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. №3. С. 301–326. doi: 10.14515/monitoring.2022.3.2110
36. Численность населения РФ по муниципальным образованиям // *Официальный сайт Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 02.08.2024).
37. Пузанова Ж.В., Вялов И.С. Управление здоровьем: научные подходы к исследованию здоровья и здоровьесберегающего поведения у студентов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2013. № 4. С. 94–103.
38. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html (дата обращения: 26.10.2024).
39. Здравоохранение. Заболеваемость // *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 14.05.2024).
40. Fleming P.J., Agnew-Brune C. Current trends in the study of gender norms and health behaviors // *Current opinion in psychology*. 2015. Vol. 1, № 5. P. 72–77. doi: 10.1016/j.copsyc.2015.05.001
41. Abramson T.A. Older adults: the «panini sandwich» generation // *Clinical gerontologist*. 2015. Vol. 38, № 4. P. 251–267. doi: 10.1080/07317115.2015.1032466
42. Назарова И.Б. Здоровье в представлении жителей России // *Общественные науки и современность*. 2009. № 2. С. 91–101.
43. Новоселова Е.Н. Влияние пандемии COVID-19 на социальные практики здоровьесбережения и ментальное здоровье россиян // *Вестник Московского университета*. Сер. 18: Социология и политология. 2022. Т. 28, № 1. С. 238–259. doi: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-238-259
44. Patin A., Ladner J., Tavalacci M.P. Change in university student health behaviours after the onset of the COVID-19 pandemic // *International journal of environmental research and public health*. 2023. Vol. 20. № 1. Art. 539. doi: 10.3390/ijerph20010539
45. Назарова И.Б. Самосохранительные практики населения // *Вопросы управления*. 2024. Т. 18, № 4. С. 41–53. doi: 10.22394/2304-3369-2024-4-41-53
46. Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия // *Вестник Московского университета*. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27, № 3. С. 80–103. doi: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-80-103

References

1. World Health Organisation. (n.d.) Kak VOZ opredelyaet zdorov'e? [How does WHO define health?]. *WHO*. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/about/frequently-asked-questions>. (Accessed: 25.07.2024).
2. United Nation. (2015) Good, health and well-being. In: *Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. [Online] Available from: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf. (Accessed: 26.03.2024).
3. Ministry of Health of the Russian Federation (Minzdrav). (n.d.) Zdravookhraneniye: Natsional'nyy proekt 2019–2024 [Healthcare: National Project 2019–2024]. *The Russian Government*. [Online] Available from: <http://government.ru/info/35561/>. (Accessed: 26.05.2022).
4. Ministry of Labour and Social Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Ukreplenie obshchestvennogo zdorov'ya: Federal'nyy proekt 2019–2024* [Strengthening Public Health: Federal Project 2019–2024]. [Online] Available from: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/4>. (Accessed: 26.05.2022).
5. Druzhilov, S.A. (2019) Gigienicheskie aspekty informatsionno-tekhnologicheskoy zavisimosti cheloveka v novoy real'nosti [Hygienic aspects of human information and technology dependence in the new reality]. *Gigiena i sanitariya*. 7. pp. 748–753. doi: 10.47470/0016-9900-2019-98-7-748-753
6. Romanova, M.A. (2021) Sotsiokul'turnye resursy megapolisa kak faktor pozitivnoy sotsializatsii detey i podrostkov [Sociocultural resources of a megacity as a factor in the positive socialization of children and adolescents]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 2 (56). pp. 120–135. doi: 10.25688/2076-9121.2021.56.2.07
7. Budilova, E.V., Lagutin, M.B. & Migranova, L.A. (2021) Vliyanie kachestva gorodskoy sredy na demograficheskie pokazateli zdorov'ya naseleniya [The impact of the quality of the urban environment on demographic indicators of population health]. *Narodonaselenie*. 1 (24). pp. 44–53. doi: 10.19181/population.2021.24.1.5
8. Martynenko, T.S. (2021) Bolezni obraza zhizni: zdorov'e cheloveka v sovremennom gorode [Lifestyle diseases: human health in the modern city]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 1 (21). pp. 18–35. doi: 110.22363/2313-2272-2021-21-1-18-35
9. Aksenova, E.I., Kamynina, N.N. & Turzin, P.S. (2023) Gorodskoy stress zhatelya megapolisa. Stressogennyye faktory i korrektsiya [Urban stress of a metropolis resident. Stress factors and correction]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 31 (S 2). pp. 1087–1091. doi: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1087-109
10. World Health Organization. (2022) Fact sheets – noncommunicable diseases. *WHO*. [Online] Available from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases>. (Accessed: 23.07.2024).
11. Popova, L.A., Milaeva, T.V. & Zorina, E.N. (2021) Samosokhranitel'noe povedeniye naseleniya: pokolencheskiy aspekt [Self-preservation behavior of the population: a generational aspect]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 5 (14). pp. 261–276. doi: 10.15838/esc.2021.5.77.15
12. Willett, W.C. (2002) Balancing life-style and genomics research for disease prevention. *Science*. 5568 (296). pp. 695–698. doi: 10.1126/science.1071055
13. VTsIOM. (2024) Zdorovyy, obraz zhizni i kak ego priderzhivat'sya [A healthy lifestyle and how to stick to it]. *VTsIOM*. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja>. (Accessed: 13.07.2024).

14. International Social Survey Programme. (2021) 2021 Health and Health Care II. *International Social Survey Programme*. [Online] Available from: <https://issp.org/data-download/by-topic/>. (Accessed: 23.04.2024).
15. *Edinaya mezhdovedstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema (EMISS)* [Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS)]. (2024) [Online] Available from: <https://www.fedstat.ru/>. (Accessed: 13.05.2024).
16. Karavay, A.V. (2016) Otnoshenie rossiyskikh rabochikh k svoim resursam: finansam, zdorov'yu i svobodnomu vremeni [Attitudes of Russian workers to their resources: finances, health, and free time]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2 (14). pp. 229–244.
17. Goroshko, N.V., Emel'yanova, E.K. & Patsala, S.V. (2022) Problema meditsinskoy aktivnosti naseleniya Rossii v epokhu COVID-19 [The problem of medical activity of the Russian population in the COVID-19 era]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 3 (68). P. 15. doi: 10.21045/2071-5021-2022-68-3-15
18. ZoZ.FOM. (2024) Zabota, o zdorov'e kak ob'ekt issledovaniya [Health care as an object of research]. *ZoZ.FOM*. [Online] Available from: <https://zoz.fom.ru/post/research>. (Accessed: 19.07.2024).
19. VTsIOM. (2024) Traditsionnye, tsennosti sovremennye tseli [Traditional values, modern goals]. *VTsIOM*. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-tsennosti-sovremennye-celi>. (Accessed: 14.07.2024).
20. VTsIOM. (2024) Traditsii, v epokhu peremen [Traditions in the era of change]. *VTsIOM*. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen>. (Accessed: 23.07.2024).
21. Antonov, A.I. (ed.) (2020) *Tsennosti, semeyno-detnogo obraza zhizni (SeDOZh-2019): Analiticheskiy otchet po rezul'tatam mezhhregional'nogo sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya* [Values of the Family and Child Lifestyle (SeDOZh-2019): Analytical report on the results of the interregional sociological and demographic study]. Moscow: MAKSS Press. doi: 10.29003/m857.SeDOJ-2019
22. Berdysheva, E.S. & Belyavskiy, B.A. (2021) Variativnost' tsennosti zdorov'ya v sotsial'nykh polyakh: vyzovy i stimuly samosokhranitel'nykh praktik [Variability of the value of health in social fields: challenges and incentives of self-preservation practices]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 1 (13). pp. 9–39. doi: 10.19181/inter.2021.13.1.1
23. Savel'eva, Zh.V. (2013) Komu prinadlezhit zdorov'e? Sotsiologicheskie diskussii i massmediynye interpretatsii [Who owns health? Sociological discussions and mass media interpretations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2 (26). pp. 131–141.
24. Maller, C.J. (2015) Understanding health through social practices: performance and materiality in everyday life. *Sociology of Health & Illness*. 1 (37). pp. 52–66. doi: 10.1111/1467-9566.12178
25. NAFI Research Center. (2023) Kak, izmenilis' obraz zhizni i zdorov'e rossiyan [How the lifestyle and health of Russians have changed]. *NAFI Research Center*. [Online] Available from: <https://nafi.ru/en/analytics/kak-izmenilis-obraz-zhizni-i-zdorove-rossiyan-v-2023-godu/>. (Accessed: 05.07.2024).
26. Bogomyagkova, E.S., Orekh, E.A. & Glukhova, M.E. (2022) Tsifrovye tekhnologii v praktikakh zaboty o zdorov'e zhitel'ey Sankt-Peterburga [Digital technologies in health care practices of St. Petersburg residents]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10. pp. 145–155. doi: 10.31857/S013216250018705-8
27. Rossinot, H., Fantin, R. & Venne, J. (2020) Behavioral changes during COVID-19 confinement in France: A web-based study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 22 (17). P. 8444. doi: 10.3390/ijerph17228444
28. Knell, G. et al. (2020) Health behavior changes during COVID-19 pandemic and subsequent "stay-at-home" orders. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17 (17). P. 6268. doi: 10.3390/ijerph17176268
29. Klemperer, E.M. et al. (2020) Change in tobacco and electronic cigarette use and motivation to quit in response to COVID-19. *Nicotine & tobacco research: official journal of the Society for Research on Nicotine and Tobacco*. 9 (22). pp. 1662–1663. doi: 10.1093/ntr/ntaa072
30. Bommele, J. et al. (2020) The double-edged relationship between COVID-19 stress and smoking: Implications for smoking cessation. *Tobacco Induced Diseases*. 18. Art. 63. doi: 10.18332/tid/125580
31. Stolyarov, V.I. et al. (2021) Vliyaniye pandemii koronavirusa na fizkul'turno-sportivnuyu aktivnost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii [The impact of the coronavirus pandemic on the physical education and sports activity of the population of the Russian Federation]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 32–34.
32. Wang, X. et al. (2020) Bidirectional influence of the COVID-19 pandemic lockdowns on health behaviors and quality of life among Chinese adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 15 (17). Art. 5575. doi: 10.3390/ijerph17155575
33. Pozdnyakova, M.E. & Bryuno, V.V. (2022) Upotrebleniye alkogolya v Rossii v usloviyakh pandemii COVID-19 [Alcohol consumption in Russia during the COVID-19 pandemic]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 3-10 (39). pp. 25–44. doi: 10.19181/snsp.2022.10.3.9195
34. Gareeva, I.A. (2023) Izmeneniye strategiy povedeniya naseleniya v otnoshenii zdorov'ya v usloviyakh pandemii COVID-19 [Changing population health behavior strategies in the context of the COVID-19 pandemic]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*. 3 (104). pp. 118–127. doi: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-118-127
35. Glazkov, K.P. (2022) V pogone za kollektivnym immunitetom: privochnyye strategii rossiyan v kontekste razlichnykh form prinuzhdeniya k vaktsinatsii [In pursuit of herd immunity: vaccination strategies of Russians in the context of various forms of coercion to vaccinate]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 301–326. doi: 10.14515/monitoring.2022.3.2110
36. Rosstat. (n.d.) Chislennost', naseleniya RF po munitsipal'nykh obrazovaniyam [Population of the Russian Federation by municipalities]. *Rosstat*. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>. (Accessed: 02.08.2024).
37. Puzanova, Zh.V., Vyalov, I.S. (2013) Upravleniye zdorov'em: nauchnye podkhody k issledovaniyu zdorov'ya i zdorov'esberegayushchego povedeniya u studentov [Health management: scientific approaches to the study of health and health-saving behavior in students]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 4. pp. 94–103.
38. Rosstat. (2023) Vyborochnoe nablyudeniye sostoyaniya zdorov'ya naseleniya [Sample monitoring of population health]. *Rosstat*. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html. (Accessed: 26.10.2024).
39. Rosstat. (2024) Zdravookhraneniye. Zaboлеваemost' [Healthcare. Morbidity]. *Rosstat*. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>. (Accessed: 14.05.2024).
40. Fleming, P.J. & Agnew-Brune, C. (2015) Current trends in the study of gender norms and health behaviors. *Current Opinion in Psychology*. 5 (1). pp. 72–77. doi: 10.1016/j.copsyc.2015.05.001
41. Abramson, T.A. (2015) Older adults: the "panini sandwich" generation". *Clinical Gerontologist*. 4 (38). pp. 251–267. doi: 10.1080/07317115.2015.1032466
42. Nazarova, I.B. (2009) Zdorov'e v predstavlenii zhitel'ey Rossii [Health in the views of Russian residents]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 91–101.
43. Novoselova, E.N. (2022) Vliyaniye pandemii COVID-19 na sotsial'nye praktiki zdorov'esberezheniya i mental'noe zdorov'e rossiyan [The impact of the COVID-19 pandemic on social health-saving practices and mental health of Russians]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 1 (28). pp. 238–259. doi: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-238-259
44. Patin, A., Ladner, J. & Tavoracci, M.P. (2023) Change in university student health behaviours after the onset of the COVID-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 1 (20). Art. 539. doi: 10.3390/ijerph20010539
45. Nazarova, I.B. (2024) Samosokhranitel'nye praktiki naseleniya [Self-preservation practices of the population]. *Voprosy upravleniya*. 4 (18). pp. 41–53. doi: 10.22394/2304-3369-2024-4-41-53
46. Novoselova, E.N. (2021) Zdorov'e kak tsennost' i rezul'tat deyatelnosti: problemy i protivorechiya [Health as a value and performance outcome: Problems and contradictions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 3 (27). pp. 80–103. doi: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-80-103

Информация об авторах:

Шарыпова С.Ю. – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: sonia.eliseeva@bk.ru

Гордеева С.С. – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: ssgordeyeva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.Yu. Sharypova, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: sonia.eliseeva@bk.ru

S.S. Gordeeva, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: ssgordeyeva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 15.12.2024;
approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 623.4 + 930.23 + 94(47)''13/14''
doi: 10.17223/15617793/517/13

Начальный этап истории огнестрельного оружия в России: состояние проблемы в отечественной историографии

Тимофей Владимирович Алексеев¹

¹ Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия, timson15121967@mail.ru

Аннотация. Проведено сопоставление существующих в отечественной историографии подходов к изучению начального этапа истории огнестрельного оружия на Руси, охватывающего последнюю четверть XIV – начало последней четверти XV вв. Показаны наиболее дискуссионные вопросы, к числу которых относятся датировка появления огнестрельного оружия в русских землях, каналы и способы его проникновения на Русь, источники пополнения русских войск артиллерией, технологические особенности и локализация отечественного производства орудий. Сделан вывод об актуальности дальнейших исследований указанной проблемы.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, артиллерия, производство орудий, военная промышленность, средневековая Русь, пушечный двор, импорт технологий, кованые пушки, медные пушки

Для цитирования: Алексеев Т.В. Начальный этап истории огнестрельного оружия в России: состояние проблемы в отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 128–136. doi: 10.17223/15617793/517/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/13

The initial stage of the history of firearms in Russia: The state of the problem in Russian historiography

Timofey V. Alekseev¹

¹ *Mozhaysky Military Space Academy, Saint Petersburg, Russian Federation, timson15121967@mail.ru*

Abstract. This article addresses the issue of the emergence of firearms in Rus' and the initial stage of their manufacture. The chronological framework of the research is defined, on the one hand, by the first mentions of the appearance of such weapons in the Russian lands (the last quarter of the 14th century), and on the other hand, by the beginning of government-organized and source-confirmed production of artillery pieces at a specialized manufactory-type enterprise – the Cannon Yard (*Pushchennaya izba*) – in Moscow under Grand Prince Ivan III (the last quarter of the 15th century). The aim of the research is to compare the existing conceptions in Russian historiography regarding the timing and routes of the penetration of firearms into the Russian lands, as well as the possibilities and specifics of their local production during this period. The work draws upon the studies of Russian scholars from the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods, and employs traditional general philosophical, general scientific, and specifically historical research methods. The article demonstrates that historiography has long featured debates concerning the dating of the first instance of firearms appearing in the Russian lands, with the years 1382 or 1389 most frequently cited, as well as regarding the Russians' initial acquaintance with artillery. Researchers interpret the routes and methods of the penetration of firearms into Rus' quite broadly – from Western Europe, from the territories of the Horde, or from the Northern Black Sea region. The only common ground in this matter is the recognition by the majority of authors of the fact that this means of armed combat was borrowed externally. Regarding the beginning of firearms production, the following approaches can be identified in historiography: linking the start of production to chronicle mentions of the use of artillery pieces by Russian troops; both the denial of the existence of local production until the last quarter of the 15th century and assertions of its existence alongside imported supplies; substantiating the possibilities of manufacturing artillery pieces both by forging from iron and by casting from copper and its alloys; attempts to locate the sites of firearms production both in the major political centers of Rus' and near raw material deposits; and identifying a number of technical and technological features of cannon production at the initial stage, which influenced its tactical characteristics and the possibilities of transmitting production experience. As a result of the conducted research, it is concluded that current knowledge on the problem under investigation does not allow for a definitive answer to any of the posed questions. This circumstance highlights the relevance of the problem and motivates its further study using all existing methods of historical and technical inquiry.

Keywords: firearms, artillery, cannon production, military industry, medieval Russia, cannon yard, technology import, forged cannons, copper cannons

For citation: Alekseev, T.V. (2025) The initial stage of the history of firearms in Russia: The state of the problem in Russian historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 128–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/13

История появления огнестрельного оружия на Руси не обделена вниманием отечественных исследователей всех периодов, а различные ее аспекты издавна являлись предметом активных дискуссий в историографии. Именно существующий плюрализм в оценках указанных аспектов актуализирует тему настоящей статьи, в которой ставится цель на основе сопоставления позиций отечественных исследователей различных периодов показать сложившиеся в отечественной историографии подходы к проблеме появления в русских землях огнестрельного оружия и начала его производства здесь. При этом речь пойдет, прежде всего, об артиллерийских орудиях, которые на протяжении столетий являлись важнейшим средством вооруженной борьбы и во многом продолжают оставаться такими до сих пор, несмотря на появление в арсеналах армий продуктов новейших достижений военно-технического прогресса.

В ходе исследования будет уделено внимание таким аспектам рассматриваемой проблемы, как датировка появления огнестрельного оружия в русских землях и первого знакомства русских с ним, каналы и способы его проникновения на Русь, возможности отечественного изготовления артиллерийских орудий на протяжении первого столетия их появления и влияние на это экзогенных факторов, технологические особенности данного процесса, в том числе с точки зрения используемых при этом исходных материалов, локализация мест производства и некоторые другие.

Прежде всего обратимся к вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси, который находится в тесной связи с проблемой возникновения его производства.

В отечественной историографии издавна сложилось представление, что данное событие произошло в последней четверти XIV в. в период правления великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389). А вот попытки датировать его более определенно неизменно вызвали весьма оживленные дискуссии. Одной из таких дат выступал 1382 г., под которым в русских летописях, описывавших осаду Москвы золотоордынским ханом Тохтамышем, упоминалось об использовании москвичами так называемых тюфяков. Российские историки XVIII в. давали этим орудиям различные характеристики. Так, В.Н. Татищев писал: «Граждане же противу их крепче подвизахуся, стреляюще и камением шибаяще и самострелы напрязающе, и пороки и тюфяки; нецыи же и самая тья пушки, или самострелы великия пушаху на них» [1. С. 298]. Эти слова историка дали повод современным исследователям видеть в них прямую ссылку на использование огнестрельного оружия [2. С. 68], хотя подобное утверждение представляется весьма спорным.

М.М. Щербатов напротив прямо утверждал, «... что летописатели наши тюфяками называют, о которых я думаю по ближнему их упоминанию о кидании камней, что сии были мешки наполненные камнями, которые самую силою кидания камнями быв растерзаны,

яко дождь камни на врагов повергали» [3. С. 185]. Сходную позицию занял и первый российский историограф М.Н. Карамзин, мнение которого с начала XIX в. длительное время оказывало определяющее влияние на отечественную историографию. Говоря о событиях 1382 г., он писал, что «... тюфяками и пушками назывались тогда, как надобно думать, особенные махины, употребляемые для защиты городов» [4. С. 44]. Появление же на Руси первого огнестрельного оружия, а именно артиллерийских орудий, Н.М. Карамзин со ссылкой на так называемую Голицынскую летопись, полученную им от графа Ф.А. Толстого, относил к 1389 г., когда «... в лето 6897 вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу, и от того часу уразумели из них стреляти» [4. С. 77].

Более чем на столетие подобные оценки стали господствующими в отечественной историографии: большинство исследователей называли тюфяки и пушки, упоминавшиеся под 1382 г., устройствами для метания камней, а появление огнестрельных орудий-армат датировали 1389 г. [5. С. 266; 6. С. 22; 7. С. 71–72; 8. С. 523; 9. С. 6]. Среди этих исследователей были и такие авторитетные специалисты-артиллеристы, как М.Д. Хмыров [10. С. 6] и Н.Е. Бранденбург [11. С. 45; 12. С. 224]. Причем последний на основе анализа содержания сообщения Голицынской летописи пришел к выводу, что орудия были доставлены на Русь ганзейскими купцами водным путем через Новгород по заказу великого князя Московского [13. С. 3].

Традиция продолжилась и в советский период и дала повод в 1939 г. отметить очередной 550-летний юбилей отечественной артиллерии, к которому был приурочен выход целого ряда публикаций, написанных в полном соответствии с позицией Н.М. Карамзина [14. С. 103; 15. С. 4].

Между тем среди отечественных исследователей встречались и другого рода оценки. Здесь уместно упомянуть такого авторитета, как С.М. Соловьев, который при описании осады Москвы в 1382 г. замечал: «... граждане лили на него (неприятеля. – *Авт.*) из котлов горячую воду, кидали камнями, стреляли из самострелов, пороков, тюфяков (ружей) и пушек, которые здесь в первый раз упоминаются» [16. Стлб. 983]. Мнения о первом применении русскими огнестрельного оружия в 1382 г. придерживались и некоторые советские исследователи уже в 1930-х – начале 1940-х гг. [17. С. 25; 18. С. 62].

Дальнейшему преобладанию данной оценки в отечественной историографии способствовало появление в 1946 г. статьи профессора В.В. Мавродина на страницах журнала «Вопросы истории». При этом исследователь не только настаивал на изменении датировки события, но и изменил сам вектор проникновения огнестрельного оружия на Русь с западного на восточный. По его словам, «...русские пушки XIV и начала XV в., в которых мы вправе усматривать “тюфяки”, относятся, несомненно, к ...“восточному” типу артиллерийского орудия» [19. С. 100].

Позиция В.В. Мавродина была поддержана рядом авторитетных исследователей. Среди них такой автор, как специалист по истории литейного производства Н.Н. Рубцов, который относительно упоминавшихся в летописи под 1389 г. орудий полагал, что они были присланы московскому князю от магистра Тевтонского или Ливонского ордена с целью налаживания дипломатических отношений накануне решительного столкновения с Польшей, а изготовлены были эти пушки из бронзы методом литья [20. С. 29].

Известный оружейник и историк оружейного производства В.Г. Федоров вопросу появления артиллерии в России посвятил отдельную работу. В результате детального анализа многочисленных отечественных и иностранных источников он пришел к выводу: «... в вопросе о возникновении у нас огненного боя летописи – Воскресенской, Никоновской, Ростовской, Авраамки, Львовской, Типографской, упоминающим тюфяки и пушки еще в 1382 году, должно быть отдано решительное преимущество, по сравнению с Голицынской летописью, за 1389 год, односторонне, а следовательно, и неправильно трактующей только вывоз на Русь «армат из немец», т.е. с Запада» [21. С. 105]. При этом автор не исключал возможности ознакомления Руси с огнестрельным оружием и с Востока, хотя и западного пути проникновения такого оружия он не оспаривал.

Таким образом, со второй половины 1940-х гг. в историографии преобладающим стало мнение о первом появлении артиллерии в русских землях в 1382 г. [22. С. 58; 23. С. 50; 24. С. 268; 25. С. 9; 26. С. 31; 27. С. 62; 28. С. 88; 29. С. 23; 30. С. 10].

Одновременно шла дискуссия и по вопросу о времени первого знакомства русских с артиллерией. А. Позднев в этой связи подчеркивал, что упоминаемые в источниках даты касаются фактов применения артиллерии. «Но ведь изготовление пушек и обучение стрельбе из них также должны были, разумеется, отнять какой-то достаточно длительный срок. Стало быть, есть все основания утверждать, что появление артиллерии на Руси относится к срокам, еще более ранним, чем 1382 год» [31. С. 38].

Тот же В.В. Мавродин полагал, что это произошло во время похода русских войск на Булгар в 1376 г. [19. С. 99]. Данное мнение было поддержано и Н.Н. Рубцовым [29. С. 24]. А вот исследователи В.Б. Вилинбахов и М.Ф. Мурьянов отнеслись к нему скептически и, в свою очередь, сделали предположение, что такое знакомство могло состояться в 1377 г. в ходе похода ливонских рыцарей против Полоцкого княжества. «Сведения о том, что немцы применили новое оружие, могло из Полоцкого княжества быстро распространиться по Руси» [32. С. 218–219].

В современной российской историографии продолжает наблюдаться большой разброс мнений по затронутым вопросам. В.В. Пенской однозначно склонялся к той точке зрения, что первоначально Русь познакомилась с огнестрельным оружием с востока – в 1376 г. в ходе похода на Булгар [33. С. 237]. Ю.В. Шокарев выбрал некий срединный путь и утверждал, что «...огнестрельное оружие приходило на Русь двумя путями: с Запада через посредство Ганзейского торгового союза и с Востока через Византию и Малую Азию» [34. С. 32].

Ряд исследователей высказались в пользу превалировавшей с дореволюционного времени точки зрения о 1389 году как дате первого появления артиллерии в русских землях [35. С. 95; 36. С. 215; 37. С. 221]. Другие авторы, например, В.А. Бобков придерживались традиционной для советской историографии даты 1382 г. [38. С. 125]. А вот М.А. Первов, проанализировав различные подходы ко времени появления артиллерии на Руси, пришел к выводу, что «...пушки появились в Москве в период с 1382 по 1393 год. Но, скорее всего, это были привозные орудия» [39. С. 25].

В связи с этим наиболее взвешенной представляется позиция И.Б. Пинка, который на основе анализа отечественной историографии высказал мнение, что «...использование огнестрельного оружия при обороне Москвы в 1382 г. до настоящего времени остается лишь научной гипотезой, хотя она выглядит достаточно правдоподобно, и ее разделяют большинство отечественных современных исследователей. Тем не менее, имеющие на сегодня данные не позволяют окончательно подтвердить или опровергать ее, хотя нельзя полностью исключить появление таких данных в будущем» [40. С. 366].

Наряду с этим исследователь заявил следующее: «...установление даты первого упоминания использования огнестрельного оружия на Руси не носит принципиальный характер. Несомненно, первые образцы пушек и ручниц появились в Московском княжестве не позднее 80-х гг. XIV в. Также не имеет принципиального значения, откуда было заимствовано огнестрельное оружие: с Востока, Запада или имели место оба пути проникновения этого нового вида военной техники, т.к. не вызывает сомнения, что, по крайней мере, с конца XV и, по-видимому, до 30-х гг. XX в. отечественные артиллерия и стрелковое оружие развивались под значительным западноевропейским влиянием. Следовательно, распространение огнестрельного оружия на Руси происходит примерно на полвека позднее первого его применения в Западной Европе. Однако это ни в коей мере не свидетельствует об отсталости военной техники Руси XIV в. Период с первой четверти XIV в. до 80-х гг. этого столетия следует рассматривать как время становления огнестрельного оружия, когда оно не имело практического значения и представляло собой скорее курьез. Только в начале 80-х гг. XIV в. происходит качественный скачок в развитии артиллерии, она становится полноценным родом войск и начинает играть все возрастающую роль в боевых действиях, и именно тогда огнестрельное оружие получает распространение на Руси» [40. С. 366–367].

Начальный период существования русской артиллерии, охватывающий около столетия от ее появления и до начала организованного государственного производства, четко зафиксированного в источниках (последняя четверть XIV – последняя четверть XV вв.), также неизбежно вызывал дискуссии в отечественной историографии. Проблема осложнялась тем, что в источниках фактически не сохранилось никаких сведений, которые освещали бы вопросы производства артиллерийских орудий. В связи с этим авторы вынуждены были использовать и интерпретировать некоторые косвенные сведения, прибегать к приему историко-технической реконструкции.

Некоторые дореволюционные исследователи пытались увязать начало изготовления орудий в русских землях с летописными сведениями об их боевом применении. Так, Е.Ф. Зябловский замечал: «...но как еще при Василии Васильевиче Темном под 1451 годом упоминается в той же Российской Истории о пушках, выставленных на стенах Москвы: а по сему и должно полагать, что литье пушек в России началось в сие же время» [41. С. 83]. Таким же образом интерпретировал данное летописное сообщение и П.П. Свиныин [42. С. 198].

Другие исследователи полагали (и до сих пор полагают!), что вплоть до прибытия итальянских мастеров во главе с А. Фиораванти во второй половине 1470-х гг. собственного производства орудий на Руси не существовало.

Такой точки зрения, в частности, придерживались Н. Шрамченко и А. Энгельгардт: «Артиллерийские орудия появились в России в начале XV столетия. В то время они большей частью привозились из-за моря...» [43. С. 138]. Им вторил М.Д. Хмыров, отмечая, что «...артиллерийская часть на Руси не упала и во дни сына и преемника Донского, вел. кн. Василия Дмитриевича (1389–1425)... в 1408 г. Москва защищалась от Едигея настенными огнестрельными орудиями, к которым могли тогда прибавиться и итальянские верховые пушки..., и немецкие бронзины... В княжение сына и приемника Василиева Василия Темного (1425–1462) количество московской выписной артиллерии было таково, что в 1451 г., ознаменованном нашествием на Москву татарского царевича Мазовши, и каменные стены и земляные раскаты московского кремля унизывались огнестрельными орудиями» [10. С. 8]. Исследователь убежденно заявлял, что только при Иване III «...у русских естественно могла родиться мысль: прекратить выписывание «из Немец» тяжелых огнестрельных орудий..., начать изготовление всяких орудий у себя дома, по образцам болонским» [10. С. 10]. Подобную точку зрения разделяли и другие дореволюционные авторы [44. С. 109; 45. С. 81].

Об использовании на Руси импортных орудий вплоть до приезда А. Фиораванти писали и некоторые исследователи советского периода. Например, В.Л. Снегирев настаивал на этом, полагая, что в Москве изготавливался только собственный порох [46. С. 92]. В.Е. Маркевич источником поступления орудий называл Германию, а путем их поступления – ганзейскую торговлю [17. С. 50]. Из исследователей постсоветского периода можно назвать А.Б. Широкограда, который полагал, что подавляющее большинство орудий первого столетия существования отечественной артиллерии были или закуплены в германских государствах, или изготовлены на Руси иностранными мастерами [47. С. 11].

Вместе с тем уже в XIX в. подобные оценки были поставлены под сомнение Н.Е. Бранденбургом. Он обратил внимание на тот факт, что после упомянутого выше сообщения Голицынской летописи под 1389 г. «...в течение почти ста лет... мы не встречаем в летописях никаких известий о повторении чего либо подобного, равно как и о приезде в Русь каких либо техников пушечного дела, что невольно останавливает на себе внимание и является обстоятельством довольно знаме-

нательным» [13. С. 5]. Вместе с тем, по мнению исследователя, многочисленные упоминания об использовании русскими артиллерии на протяжении XV в. «...могут ясно намекать, что артиллерийское дело привилось на Руси сразу, и что самих орудий в разных пунктах ее было... уже не мало; предполагать же при подобном условии повальную выписку их из-за границы нет никакого вероятия, тем более, что известно, с какими вообще затруднениями и препятствиями со стороны наших западных соседей связывался в тем и даже последующие времена ввоз в Россию предметов военного снаряжения» [13. С. 6–7]. Подобные соображения дали исследователю возможность сделать такое предположение: «Есть достаточно оснований думать..., что литье орудий на Руси тогда еще известно не было и, следовательно, таковые должны были изготовляться из железа, а железное производство на Руси было делом давно знакомым (напр., одним из древнейших центров его была Устюжна-железнопольская); поэтому технических препятствий предполагать здесь нет оснований; самостоятельность нашего железо-пушечного производства в те далекие времена является более, чем вероятным; нет никакой необходимости смотреть и на всю нашу первоначальную артиллерию, как на выписанную из-за моря» [13. С. 7]. Автор вполне определенно придерживался мнения, что вплоть до приезда итальянских мастеров при Иване III в России не применялся литейный способ изготовления орудий [11. С. 51].

При этом Н.Е. Бранденбург отнюдь не отрицал полностью возможности поставок артиллерийских орудий из-за границы, так как «...подобного самодельного производства, при младенческом его состоянии, без сомнения, далеко не могло хватать на тогдашние военные потребности нашего отечества...» [48. С. 20]. В таких условиях и с учетом широкого развития связей Новгорода с ганзейскими городами, автор считал импортные поставки из Западной Европы «сильным подспорьем» для ликвидации неизбежного дефицита средств артиллерийского вооружения [48. С. 21].

Советский исследователь А. Монгайт оперировал тем же доводом об отсутствии вплоть до последней четверти XV в. летописных сведений о привозе пушек из-за границы или о приезде иностранных мастеров для обоснования утверждения об их самостоятельном производстве русскими мастерами. Но при этом он предполагал, что орудия изготавливались все-таки по западноевропейским образцам [18. С. 63].

Позиция Н.Е. Бранденбурга, полагавшего основным материалом для изготовления первых отечественных орудий железо, разделялась целым рядом исследователей как дореволюционного [9. С. 6; 49. С. 2; 50. С. 2], так и советского периодов [18. С. 63; 15. С. 7; 23. С. 50; 51. С. 3; 28. С. 91]. Е.Ф. Устинов, в частности, таким образом описывал процесс изготовления орудия: «Стволы орудий делались либо путем сваривания отдельных железных полос, либо путем сворачивания цельнотянутых кусков железа в нагретом состоянии вокруг определенного стержня с последующей проковкой их по шву. Дно к ним делалось путем вбивания в канал ствола конусообразного куска железа в нагретом

состоянии» [28. С. 92]. Еще раньше технологию изготовления орудий из сварочного железа подробно описал в своей статье В.И. Заборский [23. С. 50–52].

В.Б. Вилинбахов подчеркивал влияние на возникновение оружейного производства общеэкономических условий: «В целом к концу XIV в. во всех ведущих отраслях ремесленного производства на Руси произошли большие сдвиги. Это имело громадное значение в деле производства и совершенствования огнестрельного оружия, появление которого на Руси было бы немислимо в случае отсутствия соответствующих экономических условий» [52. С. 9]. При этом он называл наиболее распространенным типом огнестрельного оружия в XV в. кованные из железа длинноствольные мелкокалиберные пушки, называвшиеся на Руси «пищалими», а начало артиллерийского литья связывал только с именем А. Фиораванти [52. С. 10–11]. В целом такого же мнения придерживалась и современная исследовательница А.Ф. Бондаренко [36. С. 215–216]. М.А. Первов изготовление орудий в Москве связывал с деятельностью населявших Кузнецкую слободу ремесленников, «...так как для изготовления первых армат из листов железа никакого дополнительного оборудования не требовалось» [39. С. 28].

Наконец, следует указать и на мнение такого авторитетного современного исследователя, как А.Н. Лобин. Он отмечал, что к началу правления Ивана III (1462 г.) русские княжества уже на протяжении более 80 лет использовали орудия, кованные из железа. Производство было дорогим и было доступно только самым крупным городам (Москве, Пскову, Твери, Новгороду). «Однако такая технология изготовления не могла обеспечить нужные потребности войска; к тому же создать из железа крупное орудие, способное разбивать не только деревянные, но и каменные стены противника, было очень сложно и требовало специальных навыков мастера» [53. С. 148].

Другим способом изготовления орудий являлась их отливка из меди или ее сплавов. Вопрос о начале использования данного способа на Руси в историографии является предметом давней дискуссии. Еще И.Х. Гамель писал, что «...медные пушки начали отливать в России вскоре по изобретении пороха и для сего нанимаемы были в чужих краях искусные мастера» [54. С. 5]. Однако при этом автор в качестве примеров приводил факты из истории XVI–XVII вв.

Наиболее последовательным сторонником идеи о преимущественном использовании литья пушек уже на начальном этапе артиллерийского производства выступал Н.Н. Рубцов. Он писал: «Отливка пушек несравненно проще и менее трудоемка, нежели изготовление из при помощи сварки из откованных полос. С технологической точки зрения форма пушки представляет собой упрощенную форму колокола. Поэтому освоение пушечного производства не представляло собой никакого затруднения для колокольных мастеров, имевшихся в Московском княжестве в достаточном количестве и которые легко могли освоить производство пушек по образцам, как это имело место впоследствии. С другой стороны, сведения о сколько-нибудь значительном производстве железа на Руси или

приводе его из-за границы в этот период времени отсутствует... Все вышеизложенное служит достаточным основанием для следующего заключения: вопреки установившемуся в русской литературе мнению, отливка пушек на Руси началась не с 1474 г., а по меньшей мере с 1393 г.» [20. С. 30]. Н.Н. Рубцов придерживался такого мнения и в дальнейшем, утверждая даже, что первые привезенные на Русь в 1376 г. пушки (из похода на Булгар) были отлитыми из бронзы [29. С. 24].

На гораздо более раннем, чем последняя четверть XV в., изготовлении орудий методом отливки их из меди или бронзы, настаивал К.В. Базилевич. Он считал, что нет никаких документально подтвержденных оснований связывать первых опыт изготовления таких орудий с именем А. Фиораванти: «Наоборот, ...соображения позволяют предположить, что литье медных орудий было известно на Руси лет за 20–25 до приезда итальянских мастеров» [55. С. 353].

Б.А. Рыбаков признавал, что первоначально орудия изготавливались из железа, однако уже в середине XV в. начинается переход к их отливке из меди, хотя «...указать точную дату перехода к медному литью трудно» [56. С. 603]. Но при этом автор, отмечая деятельность тверского пушечного мастера Микулы Кречетникова, писал, что «...в XV в. Тверское княжество было одним из передовых и наиболее связанных с Западом. Вполне вероятно, что западное техническое новшество прежде всего проникало именно в Тверь» [56. С. 604]. Именно с этим мастером Б.А. Рыбаков предположительно и связывал возникновение пушечного литья в середине XV в. (примерно в 1446–1453 гг.) [56. С. 603–604].

Сторонником позиции Н.Н. Рубцова выступал и А.А. Молодцов, рассматривавший технологический аспект проблемы: «С точки зрения формы пушка представляла собой упрощенную форму колокола... освоение пушечного производства методом отливки не представляло никакого затруднения для колокольных мастеров, имевшихся в Московском княжестве в достаточном количестве, которые легко могли освоить производство пушек по образцу, как это имело место впоследствии» [51. С. 4].

А.М. Агеев, в свою очередь, предполагал, «...что отливка единичных орудий из бронзы имела место еще на рубеже XIV и XV вв.». Однако при этом он полагал, что «...ни на Руси, ни на западе Европы, вплоть до середины XV в. бронзовое литье не имело сколько-нибудь широкого распространения. Орудия, отлитые из меди (колокольной бронзы), были непрочны и часто разрывались» [28. С. 120].

Другие исследователи, отмечая постепенный переход от изготовления кованых железных пушек к орудиям, отлитым из меди, предпочитали не называть конкретные сроки такого перехода [35. С. 96].

На параллельное существование различных технологий изготовления орудия указывал и М.А. Первов, писавший, что «...некоторое время и железные кованные, и медные литые пушки существовали вместе, несмотря на преимущества последних. Дело заключалось

в том, что технология изготовления железных пушек была довольно простой и стоили такие пушки относительно недорого. Медь же была полудрагоценным металлом, из которого чеканили монеты и украшения» [57. С. 48]. Исследователь также утверждал, что в той же московской Кузнецкой слободе еще до появления пушечного двора «...был построен большой литейный амбар для тяжелых крепостных пушек. Затем появился амбар поменьше для полевых пушек и ручных пищалей» [39. С. 28]. На существовании, по крайней мере в Москве, литейных мастерских в период, предшествовавший приезду сюда итальянских мастеров-литейщиков, настаивали и некоторые современные исследователи [58. С. 167; 59. С. 86].

Исследователи по-разному оценивали и географию распространения артиллерийского производства в русских землях. Довольно рано появились сообщения о его значительном развитии в Твери. Так П.П. Свиный отмечал, что тверской князь Иван Михайлович имел собственную артиллерию уже в конце XIV в. [42. С. 198]. Подобные оценки не ставились под сомнение большинством авторов, включая и современных. В.В. Пенской считал, что именно Тверь добилась наибольших успехов на начальном этапе развития огнестрельного оружия на Руси в первой половине XV в. [60. С. 299]. На целый ряд летописных сообщений, подтверждавших данное утверждение, указывал О.Г. Ульянов [37. С. 221].

В числе ведущих центров изготовления орудий традиционно называлась и Москва. Некоторые исследователи вовсе склонны были отдавать ей приоритет в этом деле, как, например, Н.И. Фальковский [22. С. 58]. Да и современный ученый В.А. Бобков полагал, что «...зрелое артиллерийское производство существовало в Москве и до учреждения Пушечного двора» [38. С. 126]. Правда, тот же О.Г. Ульянов вполне резонно замечал, что только с именем А. Фирова связаны «... первые точные сведения о налаживании в Москве собственного производства артиллерии» [37. С. 223].

Еще одним общепризнанным центром изготовления орудий являлась Устюжна Железнопольская. На нее как на чуть ли не единственное место изготовления кованых орудий указывали многие дореволюционные исследователи, начиная с Н.Е. Бранденбурга [44. С. 109; 48. С. 20; 49. С. 2; 50. С. 2]. Среди других районов и городов, где подобного рода промысел имел место, авторами различных периодов назывались: Заволочье и посад Непокса в Новгородской земле [49. С. 2], Новгород и Псков [14. С. 104; 18. С. 64; 23. С. 50; 26. С. 33; 27. С. 64; 37. С. 222], Галич [15. С. 6; 61. С. 18], Копорье, Ям и Корела [28. С. 91].

Современные исследователи склонны весьма сдержанно оценивать деятельность всех этих центров артиллерийского производства. Так, по мнению А.Ф. Бондаренко, «...о постоянно действующем отечественном пушечном производстве до второй половины XV в. говорить не приходится. Изготовлением артиллерийских орудий, по мере надобности, тогда занимались кузнецы, работавшие в крупных городах и монастырях» [62. С. 54]. Схожая оценка звучала и у С.М. Пасхина:

«Производство артиллерийского вооружения в то время носило стихийный характер. Каждый город делал то, что умели его мастера-пушкарники [63. С. 11].

Исследователями были предприняты попытки выявить некоторые технические и технологические особенности орудийного производства на начальном этапе. Прежде всего было обращено внимание на кустарный, ремесленный характер этой деятельности. Следствием такого подхода было чрезвычайно разнобразие и неповторимость технических характеристик изделий. А.А. Нилус в связи с этим писал: «Калибры орудий, размеры и вес их, состав металла и проч. по прежнему предоставлялись произволу литейщиков и пушечных мастеров. Устройство же лафетов и других повозок зависело от того лица, которому перед началом войны поручалось приготовление необходимой материальной части» [44. С. 112]. Вполне созвучным ему было и мнение В.Б. Вилинбахова: «Огнестрельный «наряд» Руси XIV–XV вв., вследствие господствовавшего ремесленного способа производства, отсутствия каких-либо теоретических основ, новизны самого оружия, был чрезвычайно разнообразным. Каждый мастер, получавший заказ, изготовлял орудия по своему усмотрению. Понятие о калибрах отсутствовало» [52. С. 9].

Другим следствием кустарного способа изготовления орудий исследователи называли закрытый характер данного процесса, стремление мастеров сохранить свои технологические секреты только для наследников [14. С. 104; 64. С. 23].

Обратили внимание исследователи и на то, что изготовлявшееся в XV в. огнестрельное оружие было «...настолько примитивно, что трудно провести грань между ручным огнестрельным оружием и так называемой артиллерией. Лишь к концу XV в. устанавливается разделение огнестрельного оружия на ручное-индивидуальное и артиллерийское, требующее коллективного обслуживания» [18. С. 62].

Таким образом, сегодняшнее состояние источниковой базы по-прежнему ставит перед исследователями широкий круг до конца не решенных вопросов при освещении начального этапа истории артиллерийского производства в России. Пожалуй, единственное, в чем сходились взгляды подавляющего большинства исследователей, так это признание того факта, что первые образцы огнестрельного оружия были заимствованы русскими извне.

Очевидно, что изучение рассмотренных в статье различных аспектов начального этапа истории огнестрельного оружия на Руси требует дальнейших усилий исследователей с использованием всего арсенала современных методов исторического исследования. Появление каждого нового источника способно как подтвердить сложившиеся представления о начальном этапе истории огнестрельного оружия на Руси, так и весьма радикально их скорректировать.

Более определенное решение стоящих вопросов в рамках данной проблемы может иметь важное значение при изучении более общей проблемы – истоки и причины технологического отставания отечественного военного производства, его хроническая зависимость от экзогенных факторов, как об этом справедливо писал в упомянутой выше цитате И.Б. Пинк.

Список источников

1. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен / неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 4. СПб. : тип. Вейтбрехта, 1784. 598 с.
2. Щерба А.Н., Лосик А.В. Военно-технические вопросы в «Истории российской» В.Н. Татищева // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 66–71.
3. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. IV: От начала царствования великого князя Дмитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования царя Иоанна Васильевича: Ч. I: От начала царствования великого князя Дмитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования великого князя Иоанна Васильевича. СПб. : при Имп. АН, 1781. 654 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. 2-е изд., испр. : в 12 т. Т. V. СПб. : тип. И. Греча, 1819. 696 с.
5. Пушкин А.Н. Краткие исторические сведения об артиллерии // Невский зритель. 1821. Ч. 6, № 6. С. 262–281.
6. Мейер. Исторические сведения об огнестрельном оружии / перевод с нем. с дополн. СПб. : Тип. Артиллер. департамента, 1841. Ч. 1. 390 с.
7. Выписки из Истории Карамзина, относящиеся до употребления артиллерии в древние времена в России // Артиллерийский журнал. 1844. № 3. Смес. С. 71–82.
8. Калакуцкий Н. О старинных русских орудиях (По поводу возражения г. Бранденбурга) // Артиллерийский журнал. 1870. № 3. Отд. неофиц. С. 507–540.
9. Климан Ф. Пятисотлетие русской артиллерии. 1389–1889. Тифлис : тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1889. 40 с.
10. Хмыров М.Д. Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси. СПб., 1865. 73 с.
11. Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1 (XV–XVII ст.). СПб. : тип. Ю.А. Бокрама, 1877. 333 с.
12. Бранденбург Н.Е. Артиллерийские орудия в древней России / Энциклопедия военных и морских наук / под гл. ред. Г.А. Леера. Т. 1. СПб. : тип. В. Безобразова и комп., 1883. С. 224–227.
13. Бранденбург Н.Е. 500-летие русской артиллерии (1389–1889 гг.). СПб. : Тип. «Арт. журнала», 1889. 118 с.
14. Сивков А. 550 лет русской артиллерии // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 103–111.
15. Павленко Н.Г. Русская артиллерия. Очерки по истории русской артиллерии 1389–1812 гг. М. : Госвоениздат, 1940. 140 с.
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 2-е изд. Кн. 1. СПб. : Т-во «Общест. польза», 1895. 879 с.
17. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Т. 1. Л. : Артиллер. академия им. Дзержинского, 1937. 492 с.
18. Монгайт А. Русская артиллерия в XIV–XVI вв. // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 62–76.
19. Мавродин В.В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // Вопросы истории. 1946. № 8-9. С. 98–101.
20. Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1: IX–XVIII вв. М. ; Л. : Госнаучтехиздат, 1947. 276 с.
21. Федоров В.Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М. : Изд-во академии арт. наук, 1949. 140 с.
22. Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М. : Московский рабочий, 1950. 528 с.
23. Заборский В.И. О железных и стальных орудиях на Руси // Артиллерийский журнал. 1951. № 8. С. 50–54.
24. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. 3-е изд. М. : Госполитиздат, 1952. 656 с.
25. Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского оружия XI–XIX веков. М. : Госкультпросветиздат, 1953. 168 с.
26. Червонный П.Е. От пращи до современной пушки. М. : Воениздат, 1956. 140 с.
27. Кирпичников А.Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // Советская археология. 1957. № 3. С. 60–76.
28. История отечественной артиллерии. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 1: Артиллерия русской армии в период возникновения и развития феодализма (IX–XVII вв.) М. : НИИАИ, 1959. 462 с.
29. Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. 2-е изд., доп. и перераб. Ч. 1. М. : Госнаучтехиздат, 1962. 288 с.
30. Волкотрубенко И.И. Служба боевого снабжения войск. Краткий исторический очерк. Пенза, 1966. 196 с.
31. Поздnev А. Творцы отечественного оружия. М. : Воениздат, 1955. 452 с.
32. Вилинбахов В.Б., Мурьянов М.Ф. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 218–219.
33. Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М. : Центрполиграф, 2018. 351 с.
34. Шокарев Ю.В. Артиллерия. М. : АСТ ; Астрель, 2001. 270 с.
35. Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Кн. 1. М. : Наука, 1978. 385 с.
36. Бондаренко А.Ф. История колоколов России XI–XVII вв. М. : СПСЛ, Русская панорама, 2012. 464 с.
37. Ульянов О.Г. Древнейший арсенал в Московском Кремле – место рождения русской артиллерии // Война и оружие : труды Шестой межд. научно-практ. конф. 13–15 мая 2015 г. : в 4 ч. Ч. 4. СПб. : ВИМАИВиВС, 2015. С. 220–243.
38. Бобков В.А. Появление и развитие артиллерии и артиллерийского производства с древности до конца XVIII века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 2 (15). С. 122–128.
39. Первов М. Москва оружейная. М. : Столичная энциклопедия, 2013. 400 с.
40. Пинк И.Б. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. Историография проблемы. К 640-летию первого упоминания о применении пороховой артиллерии на Руси // Мир оружия: история, герои, коллекции : сб. матер. X Межд. научно-практ. конф., 26–28 октября 2022 г., г. Тула. Воронеж : Воронежская областная типография, 2023. С. 362–368.
41. Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде. Ч. 4–5: Содержащая в себе: государственное богатство из всех трех царств природы, рукоделия, фабрики, торговлю, монету, вес и меру. СПб. : В тип. Правительствующего Сената, 1815. 536 с.
42. Свинин П. Достопримечательности С.-Петербурга и его окрестностей. СПб. : Тип. В. Плавильщикова, 1817. Ч. 2. 208 с.
43. Шрамченко Н., Энгельгардт А. Литье медных орудий в России // Артиллерийский журнал. 1859. № 2. Отд. II. С. 122–171.
44. Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1904. 300 с.
45. Боговянский С.К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 4. М. : Моск. книгоизд. т-во «Образование», 1910. С. 62–84.
46. Снегирев В. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. Архитектуры, 1935. 128 с.
47. Широкоград А.Б. Артиллерия Древней Руси. От бомбарды до единорога. М. : Вече, 2013. 192 с.
48. Бранденбург Н.Е. Артиллерийское искусство на Руси в период допетровский // Военный сборник. 1874. № 7. Отд. I. С. 18–40.
49. Струков Д. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. Ч. I, кн. I. СПб. : Тип. т-ва В.О. Вольф, 1902. 533 с.
50. Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М. : Типо-лит. т/д И.Н. Грызунов и К°, 1912. 358 с.
51. Молодцов А.А. Развитие технологии машиностроения в России (на базе артиллерийского производства) 1796–1940 гг. : автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 1958. 15 с.
52. Вилинбахов В.Б. Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963. 16 с.
53. Лобин А.Н. Пушечная изба и производство артиллерии в 1480–1500-е годы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 145–164.

54. Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. : Тип. А. Семена, 1826. 372 с.
55. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. 544 с.
56. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
57. Первов М.А. Москва пушечная / Очерки истории артиллерии Государства российского: сухопутная артиллерия / под общ. ред. Н.М. Паршина; сост. М.А. Первов. М. : Изд. дом «Столичная энциклопедия», 2017. С. 46–66.
58. Бех Н.И., Васильев В.А., Гини Э.Ч., Петриченко А.М. Мир художественного литья: История технологии / под общ. ред. В.А. Васильева. М. : Металлург, 1997. 261 с.
59. Бобков В.А. История артиллерийского производства России в середине XVII – конце XIX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2018. 489 с.
60. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М. : Яуза : Эксмо, 2010. 448 с.
61. Рубцов Н.Н. Андрей Чохов // Люди русской науки. Техника. М. : Наука, 1965. С. 18–25.
62. Бондаренко А.Ф. «Что принадлежит присылать с Москвы в Питербурх, без задержания, дабы заранее могли там исправиться пушечным литьем» // История Петербурга. 2018. № 73. С. 53–62.
63. Пасхин С.М. От Пушкарского приказа до Артиллерийского департамента Военного министерства // Очерки истории артиллерии Государства российского: сухопутная артиллерия / под общ. ред. Н.М. Паршина; сост. М.А. Первов. М. : Столичная энциклопедия, 2017. С. 10–19.
64. Мазинг Г.Ю. Ракета и орудие. М. : Изд-во ДОСААФ СССР, 1987. 136 с.

References

1. Tatishchev, V.N. (1784) *Istoriya rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen / neuspynimi trudami cherez tritsat' let sobrannaya i opisannaya pokoynym taynym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasil'em Nikitichem Tatishchevym* [Russian History from the Earliest Times / collected and described through the tireless efforts of the late Privy Councillor and Astrakhan Governor, Vasily Nikitich Tatishchev, over thirty years]. Book 4. Saint Petersburg: Tip. Veytbrekhta.
2. Shcherba, A.N. & Losik, A.V. (2011) Voenno-tekhnicheskie voprosy v "Istorii rossiyskoy" V.N. Tatishcheva [Military-technical issues in V.N. Tatishchev's Russian History]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 7. pp. 66–71.
3. Shcherbatov, M.M. (1781) *Istoriya rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [Russian History from the Earliest Times]. Vol. IV. Part I. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Karamzin, N.M. (1819) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. 2nd ed. Vol. V. Saint Petersburg: Tip. I. Grecha.
5. Pushkin, A.N. (1821) Kratkie istoricheskie svedeniya ob artillerii [Brief historical information about artillery]. *Nevskiy zritel'*. Part 6. 6. pp. 262–281.
6. Meyer, M. (1841) *Istoricheskie svedeniya ob ognestrel'nom oruzhii* [Historical Information about Firearms]. Translated from German. Part 1. Saint Petersburg: Tip. Artiller. departamenta.
7. Artilleriyskiy zhurnal. (1844) Vypiski iz Istorii Karamzina, odnosyashchiesya do upotrebleniya artillerii v drevnie vremena v Rossii [Extracts from Karamzin's History, relating to the use of artillery in ancient times in Russia]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 3. pp. 71–82.
8. Kalakutskiy, N. (1870) O starinnykh russkikh orudiyakh (Po povodu vozrazheniya g. Brandenburga) [On ancient Russian guns (Regarding the objection of Mr. Brandenburg)]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 3. Unofficial Section. pp. 507–540.
9. Kliman, F. (1889) *Pyatitsotletie russkoy artillerii. 1389–1889* [Five hundredth anniversary of Russian artillery. 1389–1889]. Tiflis: Tip. Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
10. Khmyrov, M.D. (1865) *Artilleriya i artilleristy v dopedrovskoy Rusi* [Artillery and Artillerymen in Pre-Petrine Rus']. Saint Petersburg: [s.n.].
11. Brandenburg, N.E. (1877) *Istoricheskiy katalog S.-Peterburgskogo artilleriyskogo muzeya* [Historical Catalogue of the St. Petersburg Artillery Museum]. Part 1. Saint Petersburg: Tip. Yu.A. Bokrama.
12. Brandenburg, N.E. (1883) Artilleriyskie orudiya v drevney Rossii [Artillery Guns in Ancient Russia]. In: Leer, G.A. (ed.) *Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk* [Encyclopedia of Military and Naval Sciences]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i komp. pp. 224–227.
13. Brandenburg, N.E. (1889) *500-letie russkoy artillerii (1389–1889 gg.)* [500th Anniversary of Russian Artillery (1389–1889)]. Saint Petersburg: Tip. "Art. zhurnala".
14. Sivkov, A. (1939) 550 let russkoy artillerii [550 years of Russian artillery]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2. pp. 103–111.
15. Pavlenko, N.G. (1940) *Russkaya artilleriya. Ocherki po istorii russkoy artillerii 1389–1812 gg.* [Russian Artillery. Essays on the history of Russian artillery 1389–1812]. Moscow: Gosvoenizdat.
16. Solov'ev, S.M. (1895) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. 2nd ed. Book 1. Saint Petersburg: T-vo "Obshchest. pol'za".
17. Markevich, V.E. (1937) *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie* [Hand Firearms]. Vol. 1. Leningrad: Artiller. akademiya im. Dzerzhinskogo.
18. Mongayt, A. (1940) Russkaya artilleriya v XIV–XVI vv. [Russian artillery in the 14th–16th centuries]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 7. pp. 62–76.
19. Mavrodin, V.V. (1946) O poyavlenii ognestrel'nogo oruzhiya na Rusi [On the appearance of firearms in Rus']. *Voprosy istorii*. 8-9. pp. 98–101.
20. Rubtsov, N.N. (1947) *Istoriya liteynogo proizvodstva v SSSR* [History of Foundry Production in the USSR]. Part 1. Moscow; Leningrad: Gosnauchtekhizdat.
21. Fedorov, V.G. (1949) *K voprosu o date poyavleniya artillerii na Rusi* [On the Date of the Appearance of Artillery in Rus']. Moscow: Izd-vo akademii art. nauk.
22. Fal'kovskiy, N.I. (1950) *Moskva v istorii tekhniki* [Moscow in the History of Technology]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
23. Zaboriskiy, V.I. (1951) O zheleznykh i stal'nykh orudiyakh na Rusi [On iron and steel weapons in Rus']. *Artilleriyskiy zhurnal*. 8. pp. 50–54.
24. Lyashchenko, P.I. (1952) *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of the National Economy of the USSR]. Vol. I. 3rd ed. Moscow: Gospolitizdat.
25. Denisova, M.M., Portnov, M.E. & Denisov, E.N. (1953) *Russkoe oruzhie. Kratkiy opredelitel' russkogo oruzhiya XI–XIX vekov* [Russian Weapons. A brief guide to Russian weapons of the 11th–19th centuries]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat.
26. Chervonnyy, P.E. (1956) *Ot prashchi do sovremennoy pushki* [From a Sling to a Modern Cannon]. Moscow: Voenizdat.
27. Kirpichnikov, A.N. (1957) Voennoe delo srednevekovoy Rusi i poyavlenie ognestrel'nogo oruzhiya [Military Science of Medieval Rus' and the Emergence of Firearms]. *Sovetskaya arkhologiya*. 3. pp. 60–76.
28. Anon. (1959) *Istoriya otechestvennoy artillerii* [History of Russian Artillery]. Vol. 1. Book 1. Moscow: NIAI.
29. Rubtsov, N.N. (1962) *Istoriya liteynogo proizvodstva v SSSR* [History of Foundry Production in the USSR]. 2nd ed. Part 1. Moscow: Gosnauchtekhizdat.
30. Volkotrubenko, I.I. (1966) *Sluzhba boevogo snabzheniya voysk. Kratkiy istoricheskii ocherk* [Combat Supply Service of Troops. A Brief Historical Essay]. Penza: [s.n.].
31. Pozdnev, A. (1955) *Tvortsy otechestvennogo oruzhiya* [Creators of Domestic Weapons]. Moscow: Voenizdat.
32. Vilinbakhov, V.B. & Mur'yanov, M.F. (1960) Novyy fakt znacheniya Rusi s ognestrel'nym oruzhiem [A new fact about Rus's introducing firearms]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 218–219.
33. Penskoj, V.V. (2018) *Voennoe delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Temnogo do Mikhaila Romanova. Vtoraya polovina XV – nachalo XVII v.* [Military Affairs of the Muscovite State. From Vasily the Dark to Mikhail Romanov. Second Half of the 15th – Early 17th Century]. Moscow: Tsentrpoligraf.
34. Shokarev, Yu.V. (2001) *Artilleriya* [Artillery]. Moscow: AST; Astrel'.

35. Ostol'skiy, Vs, I. (ed.) (1978) *Ocherki istorii tekhniki v Rossii s drevneyshikh vremen do 60-kh godov XIX veka* [Essays on the History of Technology in Russia from Ancient Times to the 1860s]. Book 1. Moscow: Nauka.
36. Bondarenko, A.F. (2012) *Istoriya kolokolov Rossii XI–XVII vv.* [History of Russian Bells of the 11th–17th Centuries]. Moscow: SPSSL, Russkaya panorama.
37. Ulyanov, O.G. (2015) [The oldest arsenal in the Moscow Kremlin – the birthplace of Russian artillery]. *Voyna i oruzhie* [War and Weapons]. Proceedings of the 6th International Conference. Part 4. Saint Petersburg: VIMAIViVS. pp. 220–243. (In Russian).
38. Bobkov, V.A. (2015) Poyavlenie i razvitie artillerii i artilleriyskogo proizvodstva s drevnosti do kontsa XVIII veka [The emergence and development of artillery and artillery production from classical antiquity to the end of the 18th century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 2 (15). pp. 122–128.
39. Pervov, M. (2013) *Moskva oruzheynaya* [Moscow Armory]. Moscow: Stolichnaya entsiklopediya.
40. Pink, I.B. (2023) [On the appearance of firearms in Rus'. Historiography of the problem. On the 640th anniversary of the first mention of the use of gunpowder artillery in Rus']. *Mir oruzhiya: istoriya, geroi, kolleksii* [The World of Weapons: History, Heroes, Collections]. Proceedings of the International Conference. Tula. 26–28 October 2022. Voronezh: Voronezhskaya oblastnaya tipografiya. pp. 362–368. (In Russian).
41. Zyablovskiy, E. (1815) *Statisticheskoe opisanie Rossiyskoy imperii v nyneshnem eya sostoyanii s predvaritel'nymi ponyatiyami o statistike i s obshchim obozreniem Evropy v statisticheskom vide* [Statistical Description of the Russian Empire in Its Current State with Preliminary Concepts of Statistics and a General Survey of Europe in Statistical Form]. Part 4–5. Saint Petersburg: V tip. Pravitel'stvyuyushchago Senata.
42. Svin'in, P. (1817) *Dostoprimechatel'nosti S.-Peterburga i ego okrestnostey* [Sights of Saint Petersburg and Its Environs]. Part 2. Saint Petersburg: Tip. V. Plavil'shchikova.
43. Shramchenko, N. & Engel'gardt, A. (1859) Lit'e mednykh orudiy v Rossii [Casting of copper guns in Russia]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 2. Section II. pp. 122–171.
44. Nilus, A. (1904) *Istoriya material'noy chasti artillerii* [History of the Materiel of Artillery]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
45. Bogoyavlenskii, S.K. (1910) Voysko v Moskve v XVI i XVII vv. [The army in Moscow in the 16th and 17th centuries]. In: *Moskva v ee proshlom i nastoyashchem* [Moscow in its Past and Present]. Vol. 4. Moscow: Mosk. knigoizd. t-vo "Obrazovanie". pp. 62–84.
46. Snegirev, V. (1935) *Aristotel' Fioravanti i perestroyka Moskovskogo Kremlya* [Aristotle Fioravanti and the restructuring of the Moscow Kremlin]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. Akad. Arkhitektury.
47. Shirokorad, A.B. (2013) *Artilleriya Drevney Rusi. Ot bombardy do edinoroga* [Artillery of Ancient Rus. From Bombard to Unicorn]. Moscow: Veche.
48. Brandenburg, N.E. (1874) Artilleriyskoe iskusstvo na Rusi v period dopetrovskiy [Artillery art in Rus' in the Pre-Petrine period]. *Voennyi sbornik*. 7. Section I. pp. 18–40.
49. Strukov, D. (1902) *Glavnoe artilleriyskoe upravlenie. Istoricheskiy ocherk* [Main Artillery Directorate. Historical Essay]. Part I. Book I. Saint Petersburg: Tip. t-va V.O. Vol'f.
50. Zybin, S.A. (1912) *Istoriya Tul'skogo imperatora Petra Velikogo oruzheynogo zavoda* [History of the Tula Emperor Peter the Great's Arms Factory]. Moscow: Tipo-lit. t/d I.N. Gryzunov i K°.
51. Molodtsov, A.A. (1958) *Razvitie tekhnologii mashinostroeniya v Rossii (na baze artilleriyskogo proizvodstva) 1796–1940 gg.* [Development of mechanical engineering technology in Russia (based on artillery production) 1796–1940]. Abstract of Technical Sciences Cand. Diss. Moscow.
52. Vilinbakhov, V.B. (1963) *Nachal'nyy period istorii ognestrel'nogo oruzhiya na Rusi* [The Initial Period of the History of Firearms in Rus']. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
53. Lobin, A.N. (2006) Pushechnaya izba i proizvodstvo artillerii v 1480–1500-e gody [Cannon hut and artillery production in the 1480s–1500s]. In: *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneyshikh vremen do XX veka* [Transactions of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century]. Vol. 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 145–164.
54. Gamel', I.Kh. (1826) *Opisanie Tul'skogo oruzheynogo zavoda v istoricheskom i tekhnicheskoy otnoshenii* [Description of the Tula Arms Factory in Historical and Technical Respect]. Moscow: Tip. A. Semena.
55. Bazilevich, K.V. (1952) *Vneshnyaya politika russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV v.* [Foreign Policy of the Russian Centralized State. The Second Half of the 15th Century]. Moscow: Moscow State University.
56. Rybakov, B.A. (1948) *Remeslo Drevney Rusi* [Crafts of Ancient Rus']. Moscow: USSR AS.
57. Pervov, M. (2017) *Moskva pushechnaya* [Cannon Moscow]. In: Parshin, N.M. (ed.) *Ocherki istorii artillerii Gosudarstva Rossiyskogo: sukhoputnaya artilleriya* [Essays on the History of Artillery of the Russian State: Land Artillery]. Moscow: Izd. dom Stolichnaya entsiklopediya. pp. 46–66.
58. Bekh, N.I. et al. (1997) *Mir khudozhestvennogo lit'ya: Istoriya tekhnologii* [The World of Artistic Casting: History of Technology]. Moscow: Metallurg.
59. Bobkov, V.A. (2018) *Istoriya artilleriyskogo proizvodstva Rossii v seredine XVII – kontse XIX vv.* [History of artillery production in Russia in the mid-17th – late 19th centuries]. History Dr. Diss. Orel.
60. Pensko, V.V. (2010) *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [The Great Firearms Revolution]. Moscow: Yauza: Eksmo.
61. Rubtsov, N.N. (1965) Andrey Chokhov [Andrey Chokhov]. In: *Lyudi russkoy nauki. Tekhnika* [People of Russian Science. Technology.]. Moscow: Nauka. pp. 18–25.
62. Bondarenko, A.F. (2018) "Chto prinadlezhit prisylat' s Moskvoy v Peterburkh, bez zaderzhaniya, daby zaranee mogli tam ispravit'sya pushechnym lit'em" [What should be sent from Moscow to St. Petersburg, without detention, so that they can improve their cannon casting there in advance]. *Istoriya Peterburga*. 73. pp. 53–62.
63. Paskhin, S.M. (2017) Ot Pushkarskogo prikaza do Artilleriyskogo departamenta Voennogo ministerstva [From the Cannon Prikaz to the Artillery Department of the War Ministry]. In: Parshin, N.M. (ed.) *Ocherki istorii artillerii Gosudarstva Rossiyskogo: sukhoputnaya artilleriya* [Essays on the History of Artillery of the Russian State: Land Artillery]. Moscow: Stolichnaya entsiklopediya, pp. 10–19.
64. Mazing, G.Yu. (1987) *Raketa i orudie* [Rocket and Gun]. Moscow: Izd-vo DOSAAF SSSR.

Информация об авторе:

Алексеев Т.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: timson15121967@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Alekseev, Dr. Sci. (History), professor, Mozhaysky Military Space Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: timson15121967@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 17.01.2025;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 904(571.122)''17-19''
doi: 10.17223/15617793/517/14

Жертвенные животные у южных хантов (по материалам святилища XVII–XIX вв. Нялинское-1)

Вячеслав Владимирович Гасилин¹, Елизавета Андреевна Креминская²,
Ольга Петровна Бачура^{3, 4}, Андрей Владиленович Новиков⁵

^{1, 3} Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

⁵ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

¹ GasilinV@yandex.ru

² liz.ka1999@mail.ru

^{3, 4} olga@ipae.uran.ru

⁵ novikov@archaeology.nsc.ru

Аннотация. Изучено 1146 костей из археологического комплекса Нялинское-1. Определены 428 костей от пяти форм домашних (68%) и шести видов диких млекопитающих (14%), 5 костей водоплавающих птиц и 106 костей рыб. Северный олень (18%) не отнесен к домашней или дикой форме. Кости всех животных значительно раздроблены. Материал отнесен к остаткам ритуалов и трапез мужского святилища хантов. Установлено, что чаще всего в жертву приносились копытные животные: крупный рогатый скот, лошадь, северный олень, лось, свинья. Видовой состав животных на памятнике типичен для святилищ южных хантов.

Ключевые слова: ритуалы хантов, жертвоприношения животных, остеология, археозоология

Благодарности: коллектив авторов выражает благодарность сотрудникам ИЭРиЖ УрО РАН (Екатеринбург) Т.В. Лобановой за помощь в определении костей северного оленя, канд. биол. наук М.М. Девяшину за определение костей птиц и д-ру ист. наук, профессору Томского государственного университета (Томск) М.П. Чёрной за ценные замечания и обсуждение результатов исследования.

Источник финансирования: работа выполнена в рамках госзадания ИЭРиЖ УрО РАН «История формирования современной биоты Урала и прилегающих территорий за последние 150 тысяч лет (№ 122021000095-0)» и по теме госзадания «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков» (FWZG-2025-0013).

Для цитирования: Гасилин В.В., Креминская Е.А., Бачура О.П., Новиков А.В. Жертвенные животные у южных хантов (по материалам святилища XVII–XIX вв. Нялинское-1) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 137–145. doi: 10.17223/15617793/517/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/14

Sacrificial animals at the Southern Khanty Nyalinskoye-1 sanctuary (17th–19th centuries)

Vyacheslav V. Gasilin¹, Elizaveta A. Kreminskaya², Olga P. Bachura^{3, 4}, Andrey V. Novikov⁵

^{1, 3} Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Surgut State University, Surgut, Russian Federation

⁵ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

¹ GasilinV@yandex.ru

² liz.ka1999@mail.ru

^{3, 4} olga@ipae.uran.ru

⁵ novikov@archaeology.nsc.ru

Abstract. The authors studied materials from the archaeological excavation of the multi-temporal complex Nyalinskoye-1. Osteological remains of vertebrate animals provide evidence of ritual sacrifices and feasting by the Southern Khanty people at this cult site, which dates to the 17th–19th centuries. The site is located within an uninhabited late medieval settlement on a high promontory at the confluence of the Irtysh and Ob Rivers. During the 2013 field season, a variety of artifacts (including those made of precious metals) were discovered, and 1,146 bones were

collected. Species affiliation was determined for 428 bones, revealing five species of domestic animals (68% of the bones) and six species of wild animals (14%), alongside five bird bones and 106 fish bones. Reindeer remains (18%) were not assigned to either domestic or wild categories. The bones are highly fragmented, with some exhibiting gnaw marks from predators (likely dogs) and cut marks from metal blades. The study aimed to reconstruct the specific uses of animals in the ritual practices of the Southern Khanty, based on the archaeozoological collection from the Nyalinskoye-1 settlement and written records. To achieve this, the following objectives were formulated: to identify specific features of the osteological material that allow it to be categorized as evidence of ritual practices; to corroborate the site's classification as a sanctuary using osteological evidence; and to describe the rituals involving sacrificial animals at the Nyalinskoye-1 cult site. The sources of the study are: the settlement's archaeozoological material, official documents, travelers' diaries, and scientific works. The methodological framework combines natural science and specialized historical methods. In summary, the study identified and analyzed distinctive features of the osteological material which, together with the historical and ethnographic context, confirm the site's identification as a sanctuary. A very high proportion of cattle remains (from young individuals), clusters of mandibles, and mandibles found adjoining each other *in situ* are all traces of ritual sacrifices performed by the local population. Cattle, horses, and reindeer were slaughtered directly on the cape site. In contrast, elk carcasses were likely butchered within the settlement area and subsequently brought to the sanctuary, which explains the predominance of mandibles from this species.

Keywords: Khanty rituals, animal sacrifices, osteology, archaeozoology

Acknowledgments: The authors express their gratitude to T.V. Lobanova, a staff member of the Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg), for her help in identification of reindeer bones; to M.M. Devyashin, PhD in Biological Sciences, for identification of ornithological collection of the sanctuary; and M.P. Chernaya, Dr. of History, professor of the Department of Archaeology and Local History of Tomsk State University (Tomsk), for her valuable comments and discussion of the results of the study.

Financial support: The research was carried out within the framework of the state assignment "History of the formation of the biota of the Urals and adjacent territories over the last 150 thousand years no. 122021000095-0" and the state assignment no. FWZG-2025-0013 "Formation of original features of the Russian civilization and the formation of the empire on the materials of studies of Siberian monuments of the XVI–XX".

For citation: Gasilin, V.V., Kreminskaya, E.A., Bachura, O.P. & Novikov, A.V. (2025) Sacrificial animals at the Southern Khanty Nyalinskoye-1 sanctuary (17th–19th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 137–145. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/14

Ханты (устар. *остяки*) – коренной этнос севера Западной Сибири. Он включает три этнографические группы, отличающиеся самоназванием, диалектами, эндогамией, культурой и хозяйственными приемами: северную, южную и восточную [1. С. 4]. В статье рассматривается святилище южной группы хантов. Южные ханты исконно проживали в Нижнем Прииртышье. Русские¹ начали заселять эту территорию уже с конца XVI в. В XVIII–XIX вв. в низовьях р. Иртыш существовало пять русских волостей. На 1795 г. в них проживало около 8 тыс. ямщиков и крестьян и лишь 1,3 тыс. хантов, а к середине XIX в. – 11,7 тыс. русских и 2,7 тыс. хантов [1. С. 22–23]. С 1630-х гг. ямщики основали у подножия Самаровских гор поселение Самаровский ям, в котором к 1748 г. проживало 487 ямщиков, каждый из которых держал не менее четырех лошадей. [2. С. 120]. К 1788 г. село Самарово превратилось в «крупнейший в Приобье транспортный узел, обеспечивающий... связи с Восточной Сибирью, Китаем, Средней Азией» [2. С. 120]. Село находилось менее, чем в 50 км от городища Нялинское-1, поэтому местные ханты наверняка тесно контактировали с его жителями, например, могли покупать у них домашних животных.

Ханты Нижнего Прииртышья жили «под постоянно усиливавшимся влиянием со стороны все возрастающего русского населения», что привело «к установлению территориальной этнической “чересполосицы”,... когда хантйские селения находились в 1–2 км от русских или... подразделялись на две части: русскую и хантйскую» [1. С. 29]. По замечанию Е.М. Главацкой, именно южные ханты подверглись «наиболее

сильному влиянию русской культуры» [3. С. 185]. Уже в середине XIX в. М.А. Кастрен писал, что у иртышских остяков «русское влияние сказывается всюду: в религии, в нравах, обычаях, и в чувствовании, и в мышлении» [3. С. 185].

Традиционный уклад жизни коренного населения Западной Сибири, включавший занятия охотой, рыболовством и собирательством, существенно трансформировался в Новое время. Изменения были во многом связаны с притоком русского населения после включения этой равнинной области Северной Азии в состав России. На протяжении XVII–XVIII вв. шло интенсивное освоение севера Западной Сибири русскими переселенцами. Их влияние проявилось как в культурно-религиозной, так и в хозяйственно-бытовой сферах жизни аборигенов.

Цель исследования заключалась в реконструкции особенностей использования южными хантами животных в ритуальной практике по материалам археозоологической коллекции городища Нялинское-1. Для достижения цели сформулированы следующие задачи: выделить специфические признаки остеологического материала, позволяющие отнести его к категории свидетельств ритуальных практик; подтвердить определение памятника как святилища на основании остеологического материала; описать ритуалы с жертвенными животными на культовом месте городища Нялинское-1. Источником исследования выступает археозоологический материал, для интерпретации полученных данных привлекаются дневники и заметки путешественников, а также научные публикации.

Материал и методика

На территории расселения южной группы хантов располагается городище Нялинское-1, открытое в Тюменской обл., ХМАО-Югра, в 5 км к СЗ от с. Нялинское при разведочных работах Уральской археологической экспедиции в 1994 г. Исследователи отметили «интереснейший средневековый комплекс из трех городищ и трех поселений у с. Нялино (с. Нялинское. — *Авт.*), отражающий непрерывное проживание локальной группы населения с VIII по XVII–XVIII вв.» [4. С. 10]. Городище находится в районе впадения р. Иртыш в р. Обь, на высоком останце террасы правого берега Оби, на южной оконечности длинного узкого мыса (площадка № 1), отделенной от городища рвом глубиной до 4 м. Площадка мыса (около 230 м²) существенно пострадала от несанкционированных раскопок и воздействий природных факторов. К настоящему времени мысовой участок памятника полностью исследован.

Л.Н. Сладкова в ходе раскопок 2006–2007 гг. установила, что исследуемый объект с VIII–IX вв. являлся хантыйским поселением, позже стал площадкой для выплавки металла, а с XVII по XIX вв. использовался хантами как культовое место. В 2013 г. раскопки были продолжены А.В. Новиковым: раскоп площадью 78,5 м² и мощностью культурного слоя 35–150 см был соединен с площадкой, исследованной в 2006 г. (рис. 1). Заключение Л.Н. Сладковой о ритуальном характере памятника в период со II тыс. н.э. подтвердилось.

Атрибуцию подтверждает расположение памятника на доминирующем элементе ландшафта вблизи слияния крупных рек; локализация его в пределах давно (в понимании отправителей ритуала) оставленного поселения; наличие следов металлургического

производства, которое издавна почиталось уграми (на объекте обнаружены горны, фрагменты литейных форм, тиглей, льячек, воздушных трубок, а также, во множестве, шлак и металлические всплески); обнаружение на площадке № 1 многочисленных разновременных предметов, некогда представлявших немалую материальную ценность: серёг и височных колец, бисера, бус и подвесок, перстней и колец, накладок, блях из свинцово-оловянного сплава с односторонними рельефными изображениями, «чешуек» и монет XVI–XIX вв. Широко представленные изделия из железа и драгоценных металлов (серебро и бронза) рассматриваются авторами раскопок как приношения на культовое место. Святилище использовалось хантами с XVII по XIX вв. Преобладание в культурном слое монет XVII в. указывает, что в начальный период функционирования оно посещалось наиболее часто [5. С. 193–195].

Уместно заметить, что в сельское поселение Нялинское входят образованные в разное время д. Нялина и с. Нялинское. Деревня существовала в дорусский период, а село было образовано лишь в XX в. В разное время деревня называлась: Ахтоминские Юрты, Нялинские Юрты, Новосёловы Юрты, Юрты Нялины. Возможно, жители деревни основали святилище или посещали его [6. С. 47].

Объектом исследования стали сборы костных фрагментов позвоночных животных 2013 г. (остеологическая колл. № 2969 Музея ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург). Определение видовой принадлежности фрагментов костей проводилось по эталонной коллекции ИЭРиЖ УрО РАН. Исследовано 1 146 целых и фрагментарных костей животных: 1 030 млекопитающих, 10 птиц, 106 рыб. Костяные изделия и кости со следами искусственной обработки составили 25 экз.: в числе индивидуальных находок они были сданы на постоянное хранение в Музей Природы и

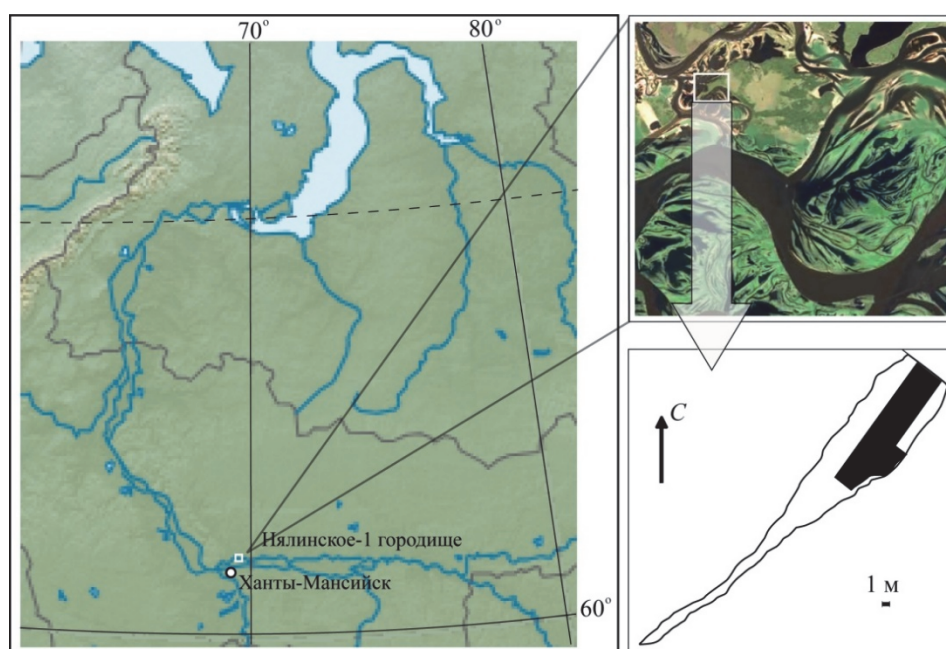

Рис. 1. Расположение городища Нялинское-1 и контур раскопа 2013 г. на площадке мыса

Человека (г. Ханты-Мансийск), поэтому их видовая принадлежность оценивалась только по фотоиллюстрациям. Определение возраста наиболее массовых животных осуществлялось по состоянию зубной системы нижних челюстей [7. С. 123–129; 8. Р. 283–302].

Результаты

До вида определены 428 костей млекопитающих, до уровня семейства и рода – 5 костей птиц. Достоверно установлены 12 видов млекопитающих и, как минимум, 2 представителя крупных водоплавающих птиц из семейства утиных. М.М. Девяшин (ИЭРиЖ УрО РАН) определил коракоид, плечевую и берцовую кости крупной утки (род не установлен), а также вилочку и пряжку гуся (вид не установлен). В состав видов не включена косуля, которой, по ряду признаков, мог принадлежать погрызенный хищником дистальный конец плечевой кости. Дальнейший анализ проведен в отношении определенных костных остатков млекопитающих. В среднем 1 м² площади раскопа содержал 5,5 экз. определимых костей млекопитающих, наибольшее количество находок собрано вдоль центральной линии квадратов раскопа. На пять представителей домашних млекопитающих пришлось почти 68,5% определенных остатков, а на шесть видов диких – 14,0%; оставшаяся доля принадлежит северному оленю (75 экз.), которого в нашем случае нельзя с уверенностью отнести к домашней или дикой форме. Вместе с тем величина его доли в остатках сопоставима с высокими долями крупных домашних копытных – крупного рогатого скота (КРС) и лошади (рис. 2).

КРС (210 экз.) составил половину определимых остатков. Большинство костей (80%) от молодых животных, главным образом телят. Многочисленные остатки нижних челюстей позволили восстановить наличие в материале минимум 12 особей. В возрастной группе телят возрастом 6–18 мес. (из моляров только m1) девять особей. В группе в возрасте 18–30 мес.

(присутствует m2, но отсутствует m3) две особи. Наконец, в группу взрослых вошла лишь одна особь около 3 лет (прорезался m3). Порезы металлическим лезвием имеются на 12 костях, следы зубов хищных зверей (вероятно, собак) замечены на 17 костях, следы обоих видов повреждений – на трех костях, одна кость повреждена пищеварительными соками. На 8 лопатках имеются искусственные проломы, на 4 ребрах особей старших возрастных групп – следы подрезаний. Среди парных костей скелета (включая кости черепа) сопоставимо число правых (53%) и левых (47%) элементов (всего 109 экз.).

МРС (мелкий рогатый скот) принадлежал фрагмент диафиза пястной кости.

Свинья представлена взрослой (нижняя челюсть самца) и молодой (два фрагмента ребер и диафиз плечевой кости) особями. Проксимальный конец плечевой кости срезан, диафиз, вероятно, несколько заполирован.

Лошади (71 экз.) принадлежало 16,6% костей. Наиболее многочисленны и сохранены изолированные зубы. По зубам и нижним челюстям выявлены, как минимум, четыре особи 1–4,5 лет. Следы подрезаний замечены на 3 костях, следы зубов хищных зверей – на 2 нижних челюстях.

Собаке – минимум двум взрослым особям – принадлежали нижняя челюсть, резец, два шейных позвонка и три локтевые (на одной следы от подрезания) кости.

Северный олень (75 экз.) среди определимых костей составил пятую часть. Наименьшее число особей (по нижним челюстям), которым могли принадлежать остатки, – три взрослых оленя старше 3 лет. Следы порезов отмечены на 4 костях, следы погрызов хищными зверями – на 6 костях. Остатков парных костей с правой стороны 56%, с левой – 44% (всего 35 экз.).

Лось (29 экз.) в материале представлен в основном нижними челюстями. Фрагмент резцового отдела нижней челюсти, крупные фрагменты тел нижних челюстей (с рядами щечных зубов) с левой стороны

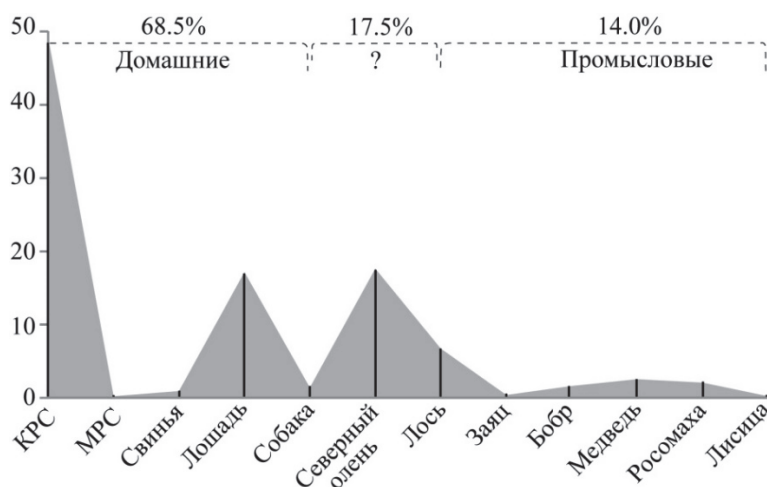

Рис. 2. Соотношение костных остатков животных ($n = 428$), %;
«?» – не установлена принадлежность северного оленя к домашней или дикой форме

Таблица 1

Соотношение элементов скелета крупных копытных, %

Элемент скелета	КРС	Лошадь	Северный олень	Лось
Череп	7	11	5	7
Нижняя челюсть	11	13	8	32
Отдельный зуб	10	26	11	7
Позвонок	7	8	8	—
Ребро	9	12	26	3
Лопатка	10	1	1	7
Плечевая	5	1	4	7
Лучевая	1	—	9	10
Локтевая	1	3	3	—
Пястная	5	3	1	3
Таз	4	1	4	3
Бедренная	6	3	5	7
Берцовая	9	3	7	—
Пяточная	2	—	1	—
Таранная	1	—	1	—
Плюсневая	6	3	3	—
Фаланга 1	1	3	1	3
Фаланга 2	1	—	1	3
Фаланга 3	1	1	—	—
Пястная или плюсневая	1	1	1	1
Мелкая кость*	4	7	—	7
Количество, экз.	210	71	75	29

*Грифельная, кости запястья и заплюсны, сесамовидные кости.

и один такой же фрагмент с правой стороны, фрагмент погрызенной хищными зверями восходящей ветви челюсти с правой же стороны тела принадлежали минимум пяти взрослым особям в возрасте от 3 лет. Среди костей конечностей встречены фрагменты плечевой и центральной кости заплюсны, побывавшие в огне. Следы зубов хищных зверей замечены на 2 костях, следы подрезаний – также на 2 (лучевая кость и первая фаланга).

Лисице принадлежал нижний премоляр.

Медведю (двум взрослым особям) принадлежали 2 грудных позвонка (1 со следами погрызов крупных хищных зверей), 1 поясничный позвонок, 2 полные пястные, фрагмент кальцинированной (сожженной) плюсневой, фрагмент пястной или плюсневой, 2 плечевых (1 кальцинированная), 2 бедренных (обе с правой стороны тела, на одной следы от подрезания) кости.

Росомахе (двум особям, одна из них молодая, с незрелым костяком) принадлежали 2 поясничных и 1 фрагмент хвостового позвонка, 2 фрагмента ребра, фрагменты плечевой, лучевой (со следами от подрезания), 2 локтевых костей, проксимальный эпифиз берцовой кости.

Заяц представлен неполными плечевой и берцовой костями от двух особей.

Бобра (минимум двух особей, достоверно одна с незрелым костяком) представляют полная ключица, крупные обломки плечевой, локтевой, 2 бедренных, фрагменты больше- и малоберцовой костей.

Особенностью святилища можно считать высокую фрагментарность костей домашних (включая собаку) и всех без исключения диких животных. Обращает на себя внимание раздробленность и разрозненность костей бурого медведя, культ которого широко практиковался с каменного века на всем протяжении ареала зверя [9. С. 78–80; 10. С. 193].

Наиболее полно состав костей скелета отражен у многочисленных в остатках копытных животных: у КРС, лошади, северного оленя и лоса (табл. 1).

Соотношение остатков черепа и нижней челюсти, а также позвонков у КРС, лошади и северного оленя схожи. Схоже и соотношение изолированных зубов у КРС, северного оленя и лоса, но вряд ли это имеет самостоятельное значение, учитывая, что зубы у лошадей легче, чем у названных копытных, высвобождаются из челюстей, отчего последние скорее разрушаются.

Выделяет выборку КРС сравнительно большая доля фрагментов лопаток, диафиза берцовых, пястных и плюсневых костей, выборку оленя – высокая доля обломков ребер и лучевых костей. Относительно мало численны в материале по копытным кости дистальных отделов конечностей (в табл. 1: пястная кость и кости от пяточной до «мелкой кости»), нередкие в бытовых кухонных остатках.

Доли костей туловища (позвонок, ребро, лопатка, таз) и костей проксимального отдела конечностей наибольшие у северного оленя – 38 и 28%. Аналогичные показатели для КРС – 30 и 22%, для лошади – 22 и 10%.

Неопределимые кости млекопитающих составили 502 экз. (размером 1–7 см). Они не содержали призна-

ков, по которым возможно установление вида, а нередко и наименования кости.

Помимо этой суммы насчитано порядка 100 мелких кальцинированных и горелых осколков костей менее 0,7 см в диаметре, которые составляли компактное скопление в культурном слое, а по сути, могли происходить от единственной кости (либо от некрупных фрагментов нескольких костей). Проблемные остатки распределены на условные группы: «теленки КРС» – 341 экз. (голова 5%, туловище 49%, конечности 46%), «северный олень» – 22 экз. (голова 5%, туловище 18%, конечности 77%), «крупное копытное» – 54 экз. (голова 4%, туловище 29%, конечности 67%) и «обломки» – 85 экз. (кости пластинчатые 20% и губчатые 80%).

Ввиду обнаружения *in situ* нижних челюстей северного оленя и самца свиньи (виды определены по фотоиллюстрациям) в соприкосновении друг с другом, проведен анализ случаев нахождения на одном квадрате трех и более челюстей копытных животных. Оказалось, что 11 из 19 нижних челюстей копытных (58%) найдены в пределах одного квадрата совместно с двумя и более челюстями: на трех квадратах раскопа 2–3 челюсти КРС обнаруживались вместе с 1–2 челюстями лошади, северного оленя или лоса. Заметим, что это были смежные квадраты, следующие в линии один за другим.

Обсуждение

Среди копытных животных (390 костей), которые составили большую часть (91%) идентифицированного материала, есть как преобладающие в нем домашние

формы (73%), так и заведомо представители лесной фауны (8%). Довольно многочисленные остатки северного оленя (19%) невозможно отнести к дикой или домашней форме, так как не существует методики разделения двух форм по морфологическим признакам.

Наряду с рыболовством важную роль в традиционном хозяйстве хантов Нижнего Прииртышья играл охотничий промысел. Объектами охоты были лось, дикий северный олень, медведь и пушные звери: соболь, горностай, россомаха, лисица, заяц, белка, бобр. Охотничий сезон начинался осенью и длился всю зиму [1. С. 32]. В XVII–XVIII вв. охота на пушных зверей была широко распространена. К началу XIX в. их промысел сократился, а к концу века основной доход приносила белка [1. С. 33]. На святилище не обнаружены кости соболя, горностая и белки, но зафиксированы единичные кости бобра, россомахи, лисицы и зайца.

Время использования площадки мыса как святилища приходится на период становления и развития взаимоотношений хантского и русского населения. Исконные занятия и верования аборигенов начинают меняться: у населения появляется домашний скот, а бытовавшие религиозные воззрения оказываются под натиском христианизации. Вначале остановимся на вопросе развития у хантов производящих отраслей хозяйства, а затем перейдем к рассмотрению языческих верований и роли в них животных.

Животноводство Прииртышских хантов

В этой статье мы не имеем возможности заняться поиском истоков хантского животноводства, изучением свидетельств появления у хантов первых

домашних животных. По мнению В.Н. Адаева, «вопрос о древних корнях животноводства и земледелия у обских угров и вероятной преемственности этих занятий в истории остается предметом обсуждения в науке» [11. С. 81]. Несомненно только, что русские способствовали выделению хантского животноводства в отрасль производящего хозяйства. Е.М. Главацкая отмечает, что «одним из реальных результатов активного хозяйственного взаимодействия хантов с русскими было распространение и развитие скотоводства» [3. С. 92]. Так, уже на начало XVIII в. известно, что «зажиточные ханты, жившие вблизи Березова и в Кодских городках» не просто покупали у русских, но «держали лошадей», а сургутские ханты «порой отправлялись на лошадях на промысел» [3. С. 92]. На рубеже XVIII–XIX вв. животноводство становится важной отраслью хозяйства Прииртышских хантов во многом благодаря тому, что пойма р. Иртыш обеспечивала благоприятные условия для выпаса скота и заготовки сена [12. С. 320–321].

Средняя похозяйственная обеспеченность скотом в Прииртышском ареале в начале XIX в. существенно различалась (табл. 2). В некоторых хозяйствах вообще не держали скота, в некоторых – обходились единственной лошастью, чаще 1–3 лошадьми и 1–2 коровами. Наибольшее количество скота в хозяйстве – по 10 голов лошадей, коров и овец. Общее поголовье хантского скота на Прииртышском ареале к 1828 г. составляло 3 252 головы лошадей, коров и овец. Стоит учитывать, что «средние величины далеко не отражают реальной картины обеспеченности хозяйств скотом», однако подтверждают наличие животноводства и дают приблизительное представление о его масштабах [1. С. 34–35].

Таблица 2

Обеспеченность хантов Прииртышского ареала скотом в XIX в. (по: [3])

Период	Волость	Лошадь	Корова	Овца
Начало XIX в.	Средняя обеспеченность индивидуальных хозяйств скотом			
	Салымская	0,7	–	–
	Назымская	4	4,7	5
	Селиарская	–	0,5	–
	Темлячевская	–	–	0,4
1828 г.	Общее поголовье скота			
	Меньше-Кондинская, Назымская и Нарымская	707	681	400
	Прииртышский ареал	1 508	1 209	535
Конец XIX в.	Средняя обеспеченность индивидуальных хозяйств скотом			
	Меньше-Кондинская	–	–	0.1
	Нарымская	2.5	2.7	–
	Назымская	–	4.3	2.6
	Темлячевская	3.8	–	–
1897 г.	Общее поголовье скота			
	Меньше-Кондинская	467	418	139
	Назымская	122	168	63
	Нарымская	379	313	146
	Всего в трех волостях	968	899	348

Ритуалы с животными

Обские угры сохраняли языческие верования, несмотря на то, что были крещены в начале XVIII в. [1. С. 208–209]. Поддерживалась традиция приносить языческим божествам кровавую жертву, чему сохранились многочисленные письменные свидетельства. Например, в 1750 г. троих новокрещеных Самаровского уезда обвинили в том, «что в Великий пост купили у татар пять лошадей, совершили жертвоприношение и ели мясо по своему древнему обычаю» [3. С. 149]. Спустя два столетия З.П. Соколова побывала на священном месте Ялпус-ойки напротив д. Вежакары и зафиксировала жертвоприношение телят и кур [3. С. 187]. Поскольку посещение культового места являло собой языческое таинство, в XVIII–XIX вв. за ним могло последовать наказание. В царской грамоте «об истреблении остяцких идолов» от 7 июня 1710 г. Петр I повелевал «по юртам остяцким мнимые боги шайтаны огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо тех капищ часовни строить и святые иконы поставлять», а остякам, которые вздумают сопротивляться, «будет казнь смертная» [13. С. 413–414]. Постепенно у обских угров сложилась ситуация двоеверия: язычество тесно переплелось с заимствованиями из православия [1. С. 44]. Так, П.П. Инфантьев, побывавший у обских угров в конце XIX в., приводит рассказ вогула о принесении последним белого барашка в жертву иконе Николая Чудотворца для улучшения промыслов [14. С. 72–74].

Многовековое ритуальное использование площадки Нялинского-1 свидетельствует как о высокой религиозной значимости святилища, так и о сохранении хантами тайны его местонахождения. Ф.Г. Мартин так описал расположение одного из святилищ восточных хантов: «ни одна тропа не вела к этим жертвенным местам, и располагались они настолько скрытно в стороне, насколько это было возможно» [3. С. 177]. З.П. Соколова обоснованно полагает, что «раньше многие священные места и постройки (хантов. – *Авт.*) располагались в поселке и лишь со временем были спрятаны в лесах» [15. С. 594]. А.П. Зенько замечает, что «культовые места и связанные с ними верования сохраняются у хантов лучше многих элементов духовной культуры» [16. С. 106].

Каждое божество, почитавшееся хантами, «требовало особого отношения к себе в форме приношений или жертвоприношений» [3. С. 127]. Большинство хантских ритуалов состояло из «молитвы... и жертвоприношения оленя, лошади или более мелкого животного или подношения отреза материи, продуктов, денег, небольших подарков в менее серьезных случаях» [3. С. 127–128]. Ряду божеств было принято приносить кровавые жертвы – йир. Список жертвенных животных различался у разных групп хантов и менялся во времени. З.П. Соколова называет основные жертвенные виды на святилищах хантов: олень, лошадь, КРС, за неимением их – куры, петухи [15. С. 596]. Те же виды фигурируют у Е.П. Мартыновой: «наиболее распространенным жертвенным животным у хантов Среднеобского ареала был петух, часто жертвовали лошадью, овец, коров, реже – оленя» [1. С. 78]. У юганско-пимских хантов, напротив, существовал запрет на принесение в жертву куриц и петухов [1. С. 160]. А.П. Зенько отмечает, что

ханты п. Кинямино на р. Малый Юган в качестве «традиционного» жертвенного животного на святилище Кон-пах-ики использовали домашнего оленя, «в последние годы (сведения 1980-х гг. – *Авт.*) все чаще заменяемого бараном» [16. С. 111]. Интерес представляет упоминание именно домашней формы оленя.

Жертвоприношения имели место в ритуалах с разным числом участников [15. С. 527]. Заклятия животными отдельными лицами совершались по обещанию: например, при тяжелой болезни [12. С. 198]. В хантских семьях было принято «перед промыслом убивать оленя, лошадь, корову» [15. С. 527]. Коллективные жертвоприношения совершались по желанию общества юрт: в праздники, перед началом общественных промыслов. Жертвенное животное (лошадь или корова) приобреталось вскладчину [12. С. 199]. Коллективный обряд традиционно сопровождался кровавой жертвой [16. С. 111].

Ритуал могли совершать в жилом помещении и на территории вокруг него; там, где находился нуждающийся в ритуале; на священном месте [3. С. 128]. Священные места хантов разделяют на природные ландшафты с сакральными постройками и без них [4. С. 153]. К этому списку З.П. Соколова добавляет «городища и другие старинные поселения» [15. С. 594]. Итак, в первом случае на священном месте устраивали культовый амбар с изображением божества, «нередко сооружали целые культовые комплексы: помосты, навесы, шесты, полки-столы» [15. С. 595]. Изучаемому нами священному месту соответствует второй случай, когда поклонялись «необычной форме природного или ландшафтного объекта», обходясь лишь костровищем, «необходимым для ритуала» [3. С. 128]. Вероятно, костер использовали для приготовления мяса жертвы [15. С. 595]. Мясо разрешалось съесть или унести в поселок, так как считалось, что духи питаются лишь паром [16. С. 112]. Наличие в исследованном нами материале кальцинированных и обугленных фрагментов костей (в том числе лося и медведя) указывает на термическую обработку туш.

В сакрализации же мыса нет ничего исключительного, так как почти все выступы рельефа обские угры наделяли сакральным статусом [4. С. 155]. Так, ханты Васюгана приносили жертвы мысу, вдающемуся в оз. Тух-Эмтор [17. С. 92].

Священные места принадлежали духам и выступали своего рода «заповедниками»: на их территории запрещалось рвать траву и ветви растений, заниматься собирательством, охотой, ловить рыбу [15. С. 595]. Бытует жанр устных рассказов о том, «как был наказан человек, преступивший табу, например, обломавший ветки на дереве, которое растет на священной горе» [4. С. 155].

У хантов существовало раздельное для мужчин и женщин отправление обрядов и раздельные священные места, на которые не допускались представители другого пола.

Мужчины приводили на свои священные места, располагавшиеся за поселком, жертвенное животное и забивали его во время ритуала. На женских священных местах, обычно располагавшихся в поселке, никогда не проводились кровавые ритуалы: духов угощали принесенной из дома пищей [15. С. 601–607].

А.П. Зенько отводит главную роль в повседневной жизни хантов поселковым святилищам местного духа-покровителя – основного помощника и защитника жителей поселка [16. С. 106]. По сведениям Е.П. Мартыновой, за помощью Прииртышские ханты «чаще обращались к божествам более низкого ранга – духам-хозяевам реки, селения, семьи» [1. С. 46]. Она также подчеркивает, что «наиболее значимыми для конкретного человека ханты считают местных, а не общеуругорских богов», объясняя феномен «слабой эмоционально-идеологической консолидацией этноса» [1. С. 209].

Ханты часто развешивали на деревьях шкуры, рога, черепа, кости животных, что выступало элементом промыслового культа. Он предполагал бережное обращение с костями съеденных животных, гарантировавшее стабильность их популяции и неизменный успех в охоте. С теми же целями охотники держали в доме лапки пушных зверей, оленьи копытца, грудные косточки глухаря, зоб тетерки, челюсти некоторых видов рыб [15. С. 529]. Ф.Г. Мартин приводит подробное описание величественного кедра на священном месте «Кедровый остров» в 20 верстах от г. Сургута: «...от вершины до корня он был увешан почти пятьюдесятью звериными шкурами. На самой верхушке... шкура черного лося; прочие шкуры были лошадей и коров. На одном дереве я обнаружил шкурки рыжих белок... На соседних деревьях и на воткнутых между ними шестах висели лошадиные шкуры. На земле лежало множество лошадиных и оленьих костей, остатков жертвоприношения» [3. С. 177]. Описание соответствует ситуации обнаружения на площадке Нялинского-I разрозненных костей домашних и диких копытных со следами зубов крупных хищников. Вероятно, ханты развешивали кости умерщвленных животных на деревьях, оставляли их на поверхности земли, после чего хищники растаскивали и разгрызали кости.

Заключение

Ритуальный комплекс городища классифицирован нами как мужское святилище, вероятно, местного значения, основными посетителями которого были жители ближайших населенных пунктов, например д. Нялина. На святилище не зафиксировано следов амбара или других культовых построек, что дает основание считать главным объектом культа ландшафтную доминанту – вдающийся в болотистую пойму Оби узкий длинный мыс, покрытый темнохвойным лесом.

Для совершения кровавой жертвы – йир – наиболее часто использовали телят и взрослого КРС, лошадь, северного оленя, лося. Забивались в основном домашние копытные, в том числе свинья. Согласно собранным

данным, эти копытные выступали традиционными жертвенными животными у хантов.

В этом исследовании невозможно подтвердить наличие у посещавших святилище хантов животноводства, так как при раскопках площадки № 1 не обнаружено скотоводческого инвентаря. По этой же причине северного оленя (17,5% костей) нельзя отнести к домашней или дикой форме. Наличие у хантов животноводства подтверждается письменными источниками XVIII–XIX вв. Наличие на святилище костей домашних копытных говорит о влиянии русской традиции, так как животные, несомненно, покупались у русских: для разведения или принесения в жертву.

На святилище не обнаружены кости таких широко добывавшихся хантами до XIX в. пушных видов, как соболь, горностай, белка. Однако встречаются единичные кости россомахи, бобра, зайца и лисицы (5% костей), что исключает активное использование пушных зверей в ритуалах на святилище Нялинское-1. Возможно, охотники хранили их кости в доме в соответствии с промысловым культом.

Судя по полноте состава скелета и соотношениям его элементов (с учетом стороны тела), КРС, лошадь и северного оленя или забивали непосредственно на площадке мыса, или туда приносили целые туши. Поскольку лось представлен преимущественно нижними челюстями, допустимо заключить, что его разделяли на месте добычи или на поселении и приносили на площадку частями. На святилище могли приносить только кости, предварительно приготовленные и освобожденные от мяса на поселении. Значительная доля остатков телят, обнаружение *in situ* примыкавших друг к другу нижних челюстей северного оленя и самца свиньи, а также неплотных скоплений челюстей копытных уподобляют материал ритуальным подношениям. Однако довольно высокая фрагментарность костей, наличие следов подрезания сухожилий и следов зубов хищников, которые, вероятно, имели доступ к костям после человека, сближают материал с кухонными остатками поселения. Наблюдаемое в интерпретации противоречие снимается при классификации основной массы остеологических находок как остатков священнодействий, сопровождавшихся трапезами. Это последнее обстоятельство объясняет высокую долю костей «мясных» частей туш копытных (туловища и проксимального отдела конечностей).

Святилище функционировало до конца XIX в. и было постепенно забыто. Возможно, в связи с ослаблением язычества, ведь именно Прииртышские ханты подверглись самому интенсивному влиянию русских переселенцев, переняв их быт и культуру и отказавшись от традиционных практик.

Примечание

¹ Один из авторов работы считает более точным термин «восточноевропейское население».

Список источников

1. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Российская академия наук, 1998. 236 с.
2. Чикунова И.Ю., Аськеев И.В., Шаймуратова Д.Н. Основные итоги исследования культурного слоя поселения Самаровский Ям (г. Ханты-Мансийск) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 4. С. 119–132.
3. Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.
4. Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. 224 с.
5. Новиков А.В., Новикова О.И. Городище Нялинское-1 как ритуально-производственный комплекс // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург: Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 193–195.

6. Исламова Ю.В. Языковая ситуация села Нялинское Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры в историческом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 46–52.
7. Акаевский А.И. Анатомия северного оленя. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 327 с.
8. Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: A survey of progress and research. New York: Praeger Publishing, 1970. P. 283–302.
9. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
10. Гасилин В.В., Горбунов С.В. Медведь и собака в остатках святилища в устье реки Агнево (центральный Сахалин) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 184–200.
11. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
12. Кондинский край XVI – начала XX вв. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В.И. Байдина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 388 с.
13. Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А.И. Тимофеев. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882. Кн. 1: 1700–1713. 511 с.
14. Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов / с фот. К.Д. Носилова. СПб.: Издание Н.В. Ельманова, 1910. 199 с.
15. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
16. Зенько А.П. Поселковые святилища у хантов Малого Югана // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. С. 105–112.
17. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 196 с.

References

1. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khandov* [Essays on the History and Culture of the Khanty]. Moscow: RAS.
2. Chikunova, I.Yu., As'keev, I.V. & Shaymuratova, D.N. (2024) Osnovnye itogi issledovaniya kul'turnogo sloya poseleniya Samarovskiy Yam (g. Khanty-Mansiysk) [Main results of the study of the cultural layer of the Samarovsky Yam settlement (Khanty-Mansiysk)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4. pp. 119–132.
3. Glavatskaya, E.M. (2005) *Religioznye traditsii khandov XVII–XX vv.* [Religious Traditions of the Khanty of the 17th–20th Centuries]. Yekaterinburg: Salekhard: RA ARTmedia.
4. Chemyakin, Yu.P. et al. (2002) *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khandov (Materialy k atlasu)* [Essays on the History of Traditional Land Use of the Khanty (Materials for the Atlas)]. 2nd ed. Yekaterinburg: Tezis.
5. Novikov, A.V. & Novikova, O.I. (2015) [The Nyalinskoye-1 settlement as a ritual-production complex]. *IV Severnyy arkheologicheskyy kongress* [IV Northern Archaeological Congress: Proceedings]. Proceedings of the Conference. Yekaterinburg. 19–23 October 2015. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology UrB RAS. pp. 193–195. (In Russian).
6. Islamova, Yu.V. (2015) Yazykovaya situatsiya sela Nyalinskoye Khanty-Mansiyskogo rayona KhMAO-Yugry v istoricheskom aspekte [The linguistic situation of the village of Nyalinskoye, Khanty-Mansiysk district, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in a historical aspect]. *Vestnik ugrovedeniya*. 4 (23). pp. 46–52.
7. Akaevskiy, A.I. (1939) *Anatomiya severnogo olenya* [Anatomy of the Reindeer]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
8. Silver, I.A. (1970) The ageing of domestic animals. In: *Science in Archaeology: A survey of progress and research*. New York: Praeger Publishing. pp. 283–302.
9. Vasil'ev, B.A. (1948) Medvezhiy prazdnik [Bear Festival]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 78–104.
10. Gasilin, V.V. & Gorbunov, S.V. (2018) Medved' i sobaka v ostatkakh svyatilishcha v ust'e reki Agnevo (tsentral'nyy Sakhalin) [Bear and dog in the remains of a sanctuary at the mouth of the Agnevo River (Central Sakhalin)]. *Etнографическое обозрение*. 3. pp. 184–200.
11. Adaev, V.N. (2007) *Traditsionnaya ekologicheskaya kul'tura khandov i nentsev* [Traditional Ecological Culture of the Khanty and Nenets]. Tyumen: Vektor Buk.
12. Baydin, V.I. (ed.) (2006) *Kondinskiy kray XVI – nachala XX vv. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh* [Kondinsky Region of the 16th – Early 20th Centuries in Documents, Descriptions, Travelers' notes and Memoirs]. Yekaterinburg: Ural State University.
13. Timofeev, A.I. (ed.) (1882) *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII veka* [Monuments of Siberian History of the 18th Century]. Book 1. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
14. Infan'tev, P.P. (1910) *Puteshestvie v stranu vogulov* [Journey to the Land of the Voguls]. Saint Petersburg: Izdanie N.V. El'manova.
15. Sokolova, Z.P. (2009) *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* [Khanty and Mansi: A View from the 21st Century]. Moscow: Nauka.
16. Zen'ko, A.P. (1998) Poselkovye svyatilishcha u khandov Malogo Yugana [Village sanctuaries among the Khanty of Maly Yugan]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 105–112.
17. Kulemzin, V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khandov* [Man and Nature in the Beliefs of the Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Гасилин В.В. – канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: GasilinV@yandex.ru

Креминская Е.А. – аспирант кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: liz.ka1999@mail.ru

Бачура О.П. – канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия); научный сотрудник Сургутского государственного университета (Сургут, Россия). E-mail: olga@ipae.uran.ru

Новиков А.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Gasilin, Cand. Sci. (Biology), senior research fellow, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: GasilinV@yandex.ru

E.A. Kreminskaya, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liz.ka1999@mail.ru

O.P. Bachura, Cand. Sci. (Biology), senior research fellow, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation); research fellow, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: olga@ipae.uran.ru

A.V. Novikov, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025;
одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 24.03.2025;
approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/15617793/517/15

Язык как маркер этнической идентичности алтайской молодёжи

Сурайя Дмитриевна Дилекова¹

¹ Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, dilekova_s@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль языка в формировании и поддержании этнической идентичности алтайской молодежи. Автор приводит результат социологического исследования, в котором приняли участие представители сельской молодежи. Анализируются сферы, в которых молодые люди чаще используют родной язык, его значимость для будущих поколений, а также отмечается, что язык служит не только средством общения, но и важным элементом культурного наследия, отражающим историю, традиции и ценности народа. Приводятся ряд рекомендаций по сохранению и развитию алтайского языка, что может способствовать укреплению этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, алтайская молодежь, алтайский язык, алтайцы, языковая ситуация

Для цитирования: Дилекова С.Д. Язык как маркер этнической идентичности алтайской молодёжи // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 146–151. doi: 10.17223/15617793/517/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/15

Language as a marker of ethnic identity for Altai youth

Suraya D. Dilekova¹

¹ S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russian Federation, dilekova_s@mail.ru

Abstract. The article aims to study the features of the ethno-linguistic identity of Altai youth, its influence on ethnic self-consciousness, and the issues of preserving the Altai language in the modern world. The author sets out to determine the extent to which the level of proficiency in the Altai language, language attitudes, and external social factors influence the nature of the youth's linguistic identity. A secondary analysis of studies on the linguistic and ethnic identity of the Altai people was conducted. The analysis of the results from these studies showed that for Altai youth, language is an important element of ethnic identity. The empirical material for the study was collected in 2021–2022 as part of the project "Monitoring the Language Situation in the Republic of Altai," which is being implemented under the instruction of President of the Russian Federation Vladimir Putin. This article interprets the responses of rural youth from the Shebalinsky, Ongudaysky, Ulagansky, and Kosh-Agach districts of the Republic of Altai. A questionnaire method was used for data collection. Since ethno-identity primarily involves a conscious self-identification of a person with representatives of a particular nation, the questionnaire method is sufficiently adequate, valid, and reliable for our purposes. During the project, 963 respondents were surveyed, of which 420 comprised youth aged 16–35 years. The survey results showed that 88.5% of rural youth are proficient in the Altai language, and 94.5% consider it their native language. The analysis indicated a high level of language competence among youth: 70.6% of respondents speak, read, and write fluently in the Altai language. In rural areas, the Altai language is used more frequently in family and everyday contexts, while the Russian language predominates in public spheres. It is important to note that all respondents (100%) are proficient in the Russian language. In urban areas, people communicate more often in Russian, whereas in rural areas, especially in district centers, residents actively use both Russian and Altai languages depending on the communication context. Altai people typically learn both languages from childhood and use them interchangeably in daily life, choosing one or the other based on the context. Despite the current ethno-linguistic processes occurring within the context of multi-ethnicity and multilingualism in modern society, which often lead to language disappearance, the results of this study show a positive trend in the preservation and development of the Altai language among youth. However, it should be noted that the survey was conducted in rural areas and does not reflect the entire picture for the republic. Nevertheless, rural youth demonstrate a strong commitment to their ethnic language, a genuine concern for its future, and a consistent recognition of it as their native language.

Keywords: ethnic identity, Altai youth, Altai language, Altaians, linguistic situation

For citation: Dilekova, S.D. (2025) Language as a marker of ethnic identity for Altai youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 146–151. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/15

В современной России сохранение и развитие многообразия этнических культур является одной из важных составляющих государственной политики, особенно остро этот вопрос стоит перед национальными регионами. В вопросах сохранения и формирования этнической идентичности немаловажную роль играет язык. Язык как результат совместной деятельности и взаимодействия между людьми имеет устойчивую основу и одновременно видоизменяется под влиянием социальных процессов. Каждый народ передает свой язык от одного поколения к другому через процесс социализации, воспитания, передачи материальных и нематериальных ценностей. Знание своего языка и представления о нем является одним из маркеров восприятия себя, своего окружения и своей идентичности. Языковая ситуация в любом современном государстве представляет собой сложное и многообразное явление. На одной и той же территории обычно сосуществуют государственный (национальный) язык, региональные варианты официального языка, языки титульных этнических групп (миноритарные языки) и различные диалекты.

Осознание своего языка и его значения выступает важным индикатором в восприятии собственной сущности, окружающей действительности и идентичности. В социологической литературе идентификация рассматривается как механизм социализации личности, посредством которого индивид усваивает нормы, идеалы и ценности своей социальной группы [1. С. 142]. М.Н. Губогло подчеркивает, что идентичность требует постоянного подтверждения со стороны носителя, что особенно актуально для этнической идентичности. Этничность основывается на трех ключевых аспектах: знании, поведении и отношении, что наглядно иллюстрируется через языковую идентичность [2. С. 38–39].

Проблема сохранения миноритарных языков является одной из наиболее обсуждаемых в научных кругах и общественности. При этом представители общественности исходят из представлений о прямой зависимости между уменьшением доли носителей миноритарных языков и утратой этничности («без языка нет будущего у народа») [3. С. 40]. Чаще всего представители этноса очень тесно связывают знание языка с будущим своего народа. Как известно, идентификация себя с тем или иным этносом происходит на основании определенных критериев. Язык является наиболее очевидным и поверхностным уровнем этнокультурной идентичности. Этносоциологическое исследование, проведенное в 2005 г., продемонстрировало, что респонденты выделили несколько ключевых аспектов, объединяющих коренные народы Республики Алтай, среди которых общая земля, историческое прошлое и язык [4. С. 82]. По результатам исследования А.П. Чемчиной, в котором приняли участие алтайцы, кумандинцы, челканцы, тубалары и теленгиты, большинство респондентов (71,4%) выбрали язык как основной критерий родства с людьми своей национальности. Она отмечает, что значимость языка как этнокультурного признака заметно выше для жителей Кош-Агачского и Улаганского районов (83,7%), чем для респондентов из Майминского, Турочакского и

Чойского районов (59,5%), что тесно связано с уровнем владения родным языком в данных районах [5. С. 184]. Также по результатам исследования 2018 г., в котором приняли участие представители алтайской молодежи, большинство респондентов отметили языковой компонент как самый главный этноконсолидирующий признак (84,2%) [6. С. 152]. Это свидетельствует о глубоком восприятии языка как важного элемента культурного самосознания и идентичности, что подчеркивает необходимость поддержания и развития алтайского языка и его диалектов для сохранения идентичности коренных народов.

Республика Алтай – уникальный регион, в котором всего один город, а подавляющее большинство населения проживает в сельской местности. По данным Всероссийской переписи 2020 г., на территории республики проживает 210 924 человека, из которых 145 582 человека (69%) ведут жизнь в сельских населённых пунктах [7]. Это подчеркивает важность изучения особенностей жизни и культуры сельских жителей региона. В России распространена ситуация, когда в отдельных регионах – в деревнях, районах или республиках – местные языки преобладают по количеству говорящих. Однако это все же языки меньшинств, поскольку общество в целом функционирует преимущественно на русском языке. Язык, находящийся в более сильном положении в обществе, может быть языком большинства, даже если по числу носителей он меньше, чем другие языки региона [8. С. 12]. В настоящее время можно отметить, что сельские жители чаще общаются на родном языке, который активно используется в различных социальных сферах, что гораздо реже наблюдается в городах. Исследования показывают, что в моноэтничных селах язык сохранился гораздо лучше.

Происходившая в 1990-х гг. демократизация в стране, получение суверенитета и создание Республики Алтай положительно повлияли на реализацию этнокультурной политики, национального и языкового возрождения алтайцев. В 1993 г. был утверждён закон «О языках», который устанавливает русский и алтайский языки в качестве официальных языков Республики Алтай. Это событие способствовало укреплению позиций алтайского языка в социальной сфере, обеспечило его присутствие и развитие в системе образования, официальном делопроизводстве и общественно-политической жизни. На сегодняшний день в столице республики функционируют Республиканская национальная гимназия и городская школа № 7, где обучению алтайского языка уделяется большое внимание.

Несмотря на то, что по результатам переписи 2020 г. алтайцы вошли в число пяти народов, которые лучше всего владеют своим национальным языком (76%) наряду с чеченцами (90%), тувинцами (85%), балкарцами (77%), карачаевцами (75%) [7], алтайский язык сталкивается с рядом проблем. К ним относятся недостаточная представленность языка в официальном делопроизводстве и на мероприятиях, а также вопросы языковой компетенции, сохранения языка и языковой преемственности. Особую роль в решении этих проблем играет молодежь, поскольку именно от их участия и заинтересованности зависит преемственность

языка, а следовательно, его сохранение и развитие для будущих поколений.

В статье представлены результаты исследования, проведенного в 2021–2022 гг. в рамках проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай», реализуемого по поручению Президента РФ В.В. Путина (№ Пр-1310 от 4 июля 2015 г.). В социологическом исследовании приняли участие 963 респондента алтайской национальности, представляющие различные возрастные и социальные группы, проживающие на территории Шебалинского, Онгудайского, Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. Особое внимание в статье уделяется интерпретации ответов сельской молодежи в возрасте от 16 до 35 лет, которая составила 420 человек (43,1% от всей выборочной совокупности). Кодировка анкет проводилась по методике социологического исследования, и полученные результаты были обработаны с помощью программы Vortex. Эта программа позволяет эффективно анализировать данные, выявлять закономерности и формировать выводы на основе собранной информации.

Важным аспектом исследования было определение языковой компетенции современной молодежи, а также уровня владения алтайским языком. Респондентам был задан вопрос о том, владеют ли они алтайским языком. Результаты показали, что большинство молодежи (88,5%) владеет алтайским языком. Интересно, что подавляющее большинство алтайцев (94,5%) считают алтайский язык своим родным, включая тех респондентов, которые не владеют языком – они также отмечают алтайский как родной. Здесь необходимо отметить, что русским языком владеют все респонденты (100%). В городских районах население чаще общается на русском языке, в то время как в сельской местности, особенно в районных центрах, жители в зависимости от ситуации общения активно используют как русский, так и алтайский языки. Алтайцы, как правило, с детства владеют обоими языками и свободно используют их в повседневной жизни, выбирая тот или иной язык в зависимости от контекста. Например, возвращаясь в родное село к родным, они быстро погружаются в алтайскую языковую среду. Это явление считается важным признаком родного языка. После возвращения в город, где преобладает русский язык, человек переключается на него, демонстрируя свою адаптивность к языковой среде. Ситуационное переключение языкового поведения также наблюдается у людей, для которых язык домашнего общения отличается от языка работы. Это явление подтверждается социолингвистическими исследованиями и переписями населения, где активно используются категории «язык домашнего общения» и «язык работы».

Определение языковой компетенции современной молодежи стало одним из важных аспектов нашего исследования. Языковую компетенцию мы определяем как владение знаниями о закономерностях той или иной языковой системы, а также практическими навыками в уместном применении языка с целью успешного осуществления речемыслительной деятельности

[9]. В табл. 1 представлены результаты опроса, где молодые люди оценили свой уровень знания родного языка.

Результаты опроса, действительно, указывают на то, что среди молодежи в сельской местности Республики Алтай наблюдается высокий уровень языковой компетенции. Большинство опрошенных способны свободно общаться на алтайском языке, что включает в себя умение говорить, читать и писать. Это говорит о высоком уровне языковой компетенции респондентов. Этому уровню соответствуют следующие варианты ответов: «Свободно говорю, читаю и пишу», «Говорю, читаю, но не пишу», «Говорю, но не читаю и не пишу». Еще одним положительным признаком языковой ситуации среди молодежи является то, что в районах, где были проведены опросы, не было респондентов, которые не говорят на алтайском языке и не понимают его. Тем не менее есть и те, кто испытывает трудности с пониманием или говорением на алтайском, что составляет около 11% опрошенных. Это подчёркивает важность продолжения образовательных программ и инициатив, направленных на поддержку и укрепление языковых навыков среди алтайской молодежи.

Анализ функционального соотношения алтайского и русского языков в различных сферах общения является ключевым для понимания языковых предпочтений и практик в Республике Алтай. Он помогает выявить, в каких контекстах и средах алтайский язык используется как основное средство коммуникации, и где преобладает русский язык. Общественно-производственная сфера включает в себя профессиональные и образовательные контексты, где языковой выбор может быть обусловлен официальными требованиями или практической необходимостью. Например, на работе и в образовательных учреждениях может преобладать использование русского языка из-за его статуса государственного языка и широкой распространённости. Заметно наличие разницы между жителями разных районов: меньше всего в общественных местах на алтайском разговаривают в Шебалинском районе (65%), в Кош-Агачском районе – 76,7%, в Улаганском районе – 90,8%, в Онгудайском районе подавляющее большинство разговаривает в общественных местах на алтайском языке – 97,1%.

Таблица 1
Уровень знания алтайского языка

Значения	% от опрошенных
Свободно говорю, читаю и пишу	70,6
Говорю, читаю, но не пишу	10,8
Говорю, но не читаю и не пишу	7,6
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	7,5
Говорю с затруднениями	3,5
Не говорю и не понимаю	

Разница в использовании алтайского языка в общественных местах между различными районами Республики Алтай может быть объяснена несколькими факторами:

1. Национальный состав района. В районах с более высоким процентом алтайцев, таких как Онгудайский (более 75%), наблюдается более активное использование алтайского языка среди молодежи. В районах с меньшим процентом алтайцев, как в Шебалинском (45%), наблюдается тенденция к более активному использованию русского языка, что может быть связано с языковой ассимиляцией и интеграцией в более широкое русскоязычное общество.

2. Отдаленность от города. В более удаленных районах, таких как Кош-Агачский и Улаганский более высокий уровень использования алтайского языка. Это связано с тем, что в таких местах социальные связи более крепкие и общение происходит в основном в рамках местного сообщества, где алтайский язык является основным средством коммуникации. В городских и более урбанизированных районах, таких как Шебалинский, может доминировать русский. В этих селах происходит смешение культур и языков, что приводит к языковой ассимиляции. Молодежь в этих районах может предпочитать русский язык из-за его большей распространенности в образовании, медиа и повседневной жизни. Это создает ситуацию, в которой использование алтайского языка становится менее распространенным и его статус может снижаться.

Семейно-бытовая сфера представляет собой более личное и интимное пространство, где языковые предпочтения формируются под влиянием традиций, культурной идентичности и эмоциональной связи с языком. В этом контексте алтайский язык часто становится предпочтительным, особенно в общении с представителями старшего поколения и в рамках семейных обычаев. Согласно опросам, большинство респондентов (87%) отмечают, что в домашнем общении они используют алтайский язык. Вторым по популярности вариантом является сочетание «русский и алтайский языки» (7%), тогда как исключительно русский язык в семейной среде применяют менее 3% участников. Важно отметить, что место рождения и проживания респондентов играет ключевую роль в этой динамике. Большинство опрошенных выросло в сельской местности, где социализация происходила в моноэтнической среде, что способствовало сохранению и укреплению языковых традиций. Таким образом, семейное общение становится не только средством передачи информации, но и важным элементом культурной идентичности и преемственности.

В то же время русский язык занимает доминантную позицию в общественной сфере функционирования государственных языков в Республике Алтай. В республиканских органах законодательной и исполнительной власти алтайский язык фактически не используется. Результаты опроса показали, что для каждого третьего респондента доминирующим в профессиональной и образовательной сферах является русский язык, лишь четверть опрошенных используют оба языка в зависимости от ситуации. Это подчеркивает

необходимость баланса между поддержкой алтайского языка и обеспечением компетенции русского языка, который является важным для профессионального развития и образования.

При общении на улице алтайский язык также занимает значительное место, о чем свидетельствуют результаты опроса: чуть более половины респондентов (61%) предпочитают использовать именно его. Чуть более трети опрошенных (28%) отмечают, что в аналогичных ситуациях они общаются, используя русский и алтайский языки. Исключительно русский язык используется гораздо реже, всего 11% респондентов в селах, где проводился опрос. Эти данные подчеркивают стабильные позиции билингвизма среди коренного населения. Респонденты отметили, что выбор языка общения зависит от круга общения и конкретного собеседника. В зависимости от ситуации и контекста они могут свободно переключаться между алтайским и русским языком, что свидетельствует о высокой языковой гибкости и адаптивности в их повседневной жизни.

Значение алтайского языка для будущих поколений выяснялось вопросом «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети владели алтайским языком?». Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов (95,6%) отметили важность владения алтайским языком для своих детей. Только 3% опрошенных выразили нежелание, чтобы их дети владели алтайским языком, а остальные 1,4% затруднились ответить на этот вопрос. Эти данные свидетельствуют о том, что для алтайской молодежи знание языка и его будущее являются значимыми аспектами их этнической идентичности.

Этническая идентичность алтайской молодежи является уникальным сочетанием традиционных культурных ценностей народов Алтая и влияния современного мультикультурного общества. Молодые алтайцы, как и многие другие этнические группы России, сталкиваются с задачей сохранения своего культурного наследия в условиях глобализации и социальных изменений. Традиционно, алтайская культура включает в себя уважение к природе, старшим, множество обычаев и ритуалов, передаваемых из поколения в поколение. Однако, современные тенденции, такие как урбанизация и цифровизация, оказывают значительное влияние на жизнь молодежи, что может привести к изменениям в их этнической, религиозной и языковой самоидентификации. Молодые люди могут принимать элементы западной культуры, одновременно сохраняя связь с традициями своих предков. Это может проявляться в языке, искусстве, музыке и других формах культурного самовыражения. Важно отметить, что процесс формирования этнической идентичности – это динамичный и индивидуальный процесс, который может различаться у разных людей в зависимости от их личного опыта и взаимодействия с окружающей средой. В регионе в последние годы заметна активность молодежи в этнокультурных процессах, о чем свидетельствуют различные молодежные сообщества в социальных сетях, основными направлениями которых стали развитие языка, культуры алтайского народа.

Приведем некоторые из них «О культуре народов Алтай», «Алтай кожон» (Алтайская песня), «Алтай сөөктөр» (Алтайские сеоки), «Алтай тил» (Алтайский язык). В данных сообществах более 2 тыс. участников и большинство из них представители алтайской молодежи.

Исследование показало, что интерес к чтению на алтайском языке, особенно среди молодежи, существует, хотя наблюдаются значительные различия в предпочтениях по жанрам литературы. Наиболее популярными являются газеты и журналы, которые читают 31% опрошенных. На втором месте находится интернет-контент с 26%, затем следует художественная литература с частотой чтения в 18%, а научную литературу регулярно читают только 10% респондентов.

В сельских районах традиционно выписывают республиканскую газету «Алтайдын Чолмоны» и местные районные издания, где большая часть материалов представлена на алтайском языке. Это подчеркивает важность печатных СМИ как источника информации и культурной идентичности для носителей языка.

Сообщество «Алтай бичик» в социальной сети «ВКонтакте» также вносит значительный вклад в популяризацию алтайского языка среди молодежи. Здесь публикуются аудиокниги на алтайском языке, доступны PDF-файлы произведений, а также организуются встречи книжного клуба, где участники обсуждают прочитанные книги и делятся впечатлениями. Эта платформа способствует активному взаимодействию и поддержанию интереса к алтайскому языку и литературе среди молодежи [10. С. 326].

Как отмечает Н.М. Серээдар, есть пять ступеней процесса, когда язык находится в опасности. Первая ступень, когда все говорят на родном языке. Вторая ступень, когда на родном языке большинство людей говорит меньше. Третья ступень, когда на родном языке говорит преимущественно пожилое население, а молодежь использует его меньше. Четвертая ступень,

когда намечается разрыв между поколениями, бабушка с внуком говорит уже не на родном языке. И пятая ступень, когда остается совсем мало носителей родного языка, нет его воспроизводства [11]. В соответствии с данной градацией алтайский язык находится на второй ступени, что свидетельствует об определенных проблемах сохранения языка. Поэтому важно предпринимать меры по его сохранению и развитию.

Материалы данного исследования не могут полностью отразить языковую ситуацию в регионе, так как в нем приняли участие преимущественно сельские жители. Однако ряд вопросов, поднятых в исследовании, безусловно, важен. Исследование показывает, что алтайская молодежь достаточно хорошо владеет родным языком. Но в социальной сфере чаще всего используют русский язык, алтайский язык остается на семейно-бытовом и межличностном общении. Этническая идентичность молодежи – это важный аспект формирования личности, который может влиять на их самоопределение, ценности и взаимодействие с обществом.

В процессе взросления молодые люди исследуют и интегрируют различные аспекты своей культуры, истории и традиций в свою личную идентичность. Язык для алтайской молодежи является основным признаком, по которому они идентифицируют себя со своим народом.

В современном мире, где многие молодые люди живут и воспитываются в мультикультурных обществах, вопросы этнической идентичности могут быть особенно сложными и многогранными. Они испытывают влияние не только традиционной культуры своих предков, но и культуры страны, в которой они живут. И сокращение использования языка в социальной жизни может привести к утрате не только языковой, но и этнической идентичности современной алтайской молодежи.

Список источников

- Осипова Г.В. Российская социологическая энциклопедия. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. 672 с.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологический очерк. М. : Наука, 2003. 764 с.
- Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития : коллективная монография / под общ. ред. д-ра социол. наук, проф. Р.Б. Шайхисламова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. 196 с.
- Екеев Н.В., Екеева Н.М., Суразакова С.П. Коренные этносы Горного Алтая (конец XIX – начало XXI вв.). Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2006. 151 с.
- Чемчиева А.П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 254 с.
- Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков) / редкол. : Н.О. Тадышева, Э.В. Енчинов. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. 336 с.
- Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 20.05.2024).
- Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки : Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala, 2012. 180 с.
- Муранова Е.В. К вопросу о содержании понятий «языковая компетенция» и «языковая компетентность» // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 88–91.
- Дилекова С.Д. Особенности и своеобразие языковой идентичности алтайской молодежи // Единство славянских и тюркских народов в истории и современности : материалы III Международного алтаистического форума. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 324–328.
- Серээдар Н.М. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 4–19. doi: 10.25178/nit.2018.1.1

References

- Osipova, G.V. (1999) *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian Sociological Encyclopedia]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA M.
- Guboglo, M.N. (2003) *Identifikatsiya identichnosti: etnosotsiologicheskij ocherk* [Identification of Identity: An ethnosociological essay]. Moscow: Nauka.

3. Shaykhislamov, R.B. (ed.) (2021) *Yazykovoe mnogoobrazie v rossiyskikh regionakh: vozmozhnosti razvitiya* [Linguistic Diversity in Russian Regions: Development opportunities]. Ufa: Bashkir State University.
4. Ekeev, N.V., Ekeeva, N.M. & Surazakova, S.P. (2006) *Korennye etnosy Gornogo Altaya (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Indigenous Ethnic Groups of Gorny Altai (late 19th – early 21st centuries)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
5. Chemchieva, A.P. (2012) *Altayskie subetnosy v poiskakh identichnosti* [Altai Subethnic Groups in Search of Identity]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
6. Tadysheva, N.O. & Enchinov, E.V. (eds) (2018) *Konstruirovaniye obshcherossiyskoy, regional'noy i etnicheskoy identichnosti v Respublike Altay (konets XX – nachalo XXI vekov)* [Construction of All-Russian, Regional, and Ethnic Identity in the Altai Republic (Late 20th – Early 21st Centuries)]. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova.
7. Rosstat. (2020) Itogi VPN-2020. Tom 1 Chislennost' i razmeshchenie naseleniya [Results of the 2020 Russian Census. Volume 1]. *Rosstat*. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya. (Accessed: 20.05.2024)
8. Zamyatin, K., Pasanen, A. & Saarikivi, Ya. (2012) *Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii?* [How and Why Preserve the Languages of the Peoples of Russia?]. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala.
9. Muranova, E.V. (2015) K voprosu o sodержanii ponyatiy "yazykovaya kompetentsiya" i "yazykovaya kompetentnost'" [On the Content of the Concepts of "Linguistic Competency" and "Linguistic Competence"]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 4 (13). pp. 88–91.
10. Dilekova, S.D. (2024) [Features and uniqueness of the linguistic identity of the Altai youth]. *Edinstvo slavyanskikh i tyurkskikh narodov v istorii i sovremennosti* [The Unity of the Slavic and Turkic Peoples in History and Modernity]. Proceedings of the 3rd International Altaistics Forum. Barnaul. 8–20 October 2023. Barnaul: Altai State University. pp. 324–328. (In Russian).
11. Sereedar, N.M. (2018) Tuvinskiy yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintsev: problemy i perspektivy [The Tuvan language as a means of communication of the Tuvans: problems and prospects]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 4–19. doi: 10.25178/nit.2018.1.1

Информация об авторе:

Дилекова С.Д. – зам. директора, научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: dilekova_s@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.D. Dilekova, deputy director, research fellow, S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: dilekova_s@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 31.01.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 32(091)
doi: 10.17223/15617793/517/16

Политическая мысль позднего областника Н.Н. Козьмина (на материалах публицистики начала XX века)

Александр Викторович Головинов¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alex-golovinov@mail.ru

Аннотация. Реконструируется политическая мысль представителя позднего периода движения сибирских областников – Н.Н. Козьмина. Работа опирается на опубликованные источники – публицистические произведения ученого, вышедшие в свет в начале XX в. Исследовательские задачи достигаются на основе методологии «новой политической истории». Показаны нарративы общественно-политических воззрений ученого, такие как идеал представительной демократии и концепт федерализма.

Ключевые слова: Сибирское областничество, Н.Н. Козьмин, федерализм, демократия, земство, инородцы, история политической мысли

Для цитирования: Головинов А.В. Политическая мысль позднего областника Н.Н. Козьмина (на материалах публицистики начала XX века) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 152–158. doi: 10.17223/15617793/517/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/16

Political thought of the late regionalist Nikolai Kozmin (based on materials from the journalism of the early 20th century)

Alexander V. Golovinov¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, alex-golovinov@mail.ru

Abstract. This work undertakes a historical reconstruction of the political views of Nikolai Kozmin, a representative of the late period of the Siberian regionalist movement. The research objective is achieved through an analysis of the journalistic works of this scholar-ethnographer from the early 20th century. The methodological toolkit of "new political history" is applied to this group of sources. Consequently, this research paradigm allows the historical reconstruction of the political ideas of Kozmin, a late regionalist, to focus on his ideological and political world, emphasizing the understanding of the individual and the people as the primary subjects of political and historical processes. The study emphasizes that, like the classical proponents of regionalist ideology, Kozmin championed the idea of representative popular sovereignty based on moderate administrative decentralization. According to the teachings of the Siberian democratic regionalists, excessive and hypertrophied centralization led exclusively to administrative chaos. This state of affairs was manifested in the frequent replacement of governors, which resulted in administrators being detached from real life. The centralism of the administrative machinery was accompanied by the growth of a bureaucratic apparatus rife with corruption. It was precisely decentralization on democratic principles that was intended to rectify the situation. The article demonstrates that Kozmin advocated a concept of an integrative character for the federal project. The core of this idea was that an optimal construction of the relationship between parts and the whole was only possible within a union based on a voluntary alliance. The foundation for such a condition is reasonable autonomy, cultivated through the establishment of representative bodies within the subjects of such a federation. Like all regionalists, the scholar-ethnographer sincerely believed that regional legislative advisory bodies would transform from a political dream into real functioning organs of state power. A separate strand of Kozmin's political thought addressed the ethno-political and ethno-cultural significance of Siberia's indigenous peoples in the global historical process. The author concludes that the central focus of the political reflection of this "junior" regionalist was the narrative concerning the democratic character of Siberian regionalism, its federalist nature, and its relative realism. For the scholar, the ideal of statehood was seen in a decentralized model of administrative-political governance, based on a network of representative (legislative-advisory) bodies established in every component of the federation to strengthen the union-partnership unity between the center and the regions.

Keywords: Siberian regionalism, N.N. Kozmin, federalism, democracy, zemstvo, foreigners, history of political thought

For citation: Golovinov, A. V. (2025) Political thought of the late regionalist Nikolai Kozmin (based on materials from the journalism of the early 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 152–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/16

Введение

В истории Сибири идеология областничества по праву занимает особое место. Прошлое и настоящее Азиатской части России неразрывно связано с подвижнической и самоотверженной работой различных представителей данного общественно-политического движения. Потому познание истории «Восточной окраины» в отрыве от политической идеологии сибирского демократического регионализма представляется неполноценным. Этим обстоятельством вполне объясним высокий интерес к данной теме в среде отечественных гуманитариев. Вместе с тем объектом исследований выступает чаще всего деятельность основоположников (классиков) областничества – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Последователи и носители областнической идеологии гораздо реже становятся предметом гносеологического поиска. Вместе с тем, чтобы реконструировать и показать всю палитру идеологии сибирского демократического регионализма, важно также включать в орбиту познавательных стратегий «поздних» областников.

Целая группа общественников и просветителей в начале XX века пропагандировала и манифестировала областнический политический и социокультурный проект. Одним из таких общественно-политических деятелей можно считать ученого-этнографа Николая Николаевича Козьмина. «Младшему» областнику принадлежит множество публикаций, развивающих нарративы областничества как политической идеологии. Ученый был, прежде всего, профессиональным историком, потому в исследовательской литературе преимущественно освещение получили его достижения на поприще изучения прошлого. Актуальная же политическая публицистика Н.Н. Козьмина пока не достаточно исследована. Настоящая работа предполагает восполнение данной исследовательской лакуны. Цель исследования – выявить и показать содержание и направления политической мысли позднего областника, представленной в публицистике начала XX в.

Исследовательский инструментарий, обзор историографии

Чтобы провести реконструкцию политических идей отдельных общественных деятелей, являющихся носителями определенной идеологии, необходим выбор адекватного инструментария. Поскольку объектом гносеологического анализа выступает идейная составляющая политической сферы в ее исторической ретроспективе, то вполне оправдано применение подходов «новой политической истории». Инструментарий направлен, прежде всего, на познание прошлого отдельных личностей, их идейного мира. Подход нацеливает исследователя на пристальное внимание к истории общественно-политических сообществ, рассматривая их в качестве главного политического актора. Государству в такой системе координат отводится меньшая роль.

Таким образом, в исторической реконструкции политических идей представителя движения поздних областников Н.Н. Козьмина данная исследовательская парадигма позволяет сосредоточиться на его идейно-политическом мире, с акцентом на понимании личности и народа как главных субъектов политического и исторического процессов. Стоит отметить, что такая методология органично вписывалась в мировоззрение самого Н.Н. Козьмина, так как он полностью разделял положения социальной историософии А.П. Щапова с его концептом «народной истории».

Вместе с тем значение для достижения исследовательских замыслов имели константы «новой интеллектуальной истории». Исследовательская установка направлена на познание идейного пространства, заключенного в текстуальные формы, где экзистенция политики, государства и власти есть предмет творческого и профессионального интереса значимой исторической личности, в нашем случае это наследие Николая Николаевича Козьмина.

Историография исследуемого вопроса представлена в большей степени в трудах иркутских историков. Это не удивительно, так как представитель позднего областничества сыграл в жизни столицы Восточной Сибири значимую роль.

С его деятельностью связаны развитие исторической науки в регионе и глубокие познания в области этнографии коренного населения Азиатской части страны. Ученый принимал активное участие в развитии Бурят-Монгольской автономной республики, работал в составе Временного Сибирского правительства, был занят в должности профессора кафедры краеведения Иркутского государственного университета и др.

Итак, в работах таких авторов, как В.Н. Казарин [1], Д.Я. Майдачевский [2], А.М. Курышов [3], А.П. Суходолов, И.Е. Козырская, Ю.В. Кузьмин [4] и др. представлен анализ исторической концепции позднего областника, показана его выдающаяся работа по проблемам административно-территориальных преобразований в Восточной Сибири, выявлены некоторые демократические воззрения, отмечаются достижения Николая Николаевича в исторической реконструкции промышленной истории региона.

Общие вопросы областнической идеологии, в том числе проблематика позднего этапа существования данного общественно-политического движения, широко представлены в трудах таких исследователей, как В.П. Зиновьев [5], А.В. Малинов [6], О.А. Харусь, В.В. Шевцов [7], Д.Н. Шевелев, К.А. Конев [8], Н.С. Ларьков [9], М.В. Шиловский [10], Т. Szyszlak [11], С.Я. Щеброва [12] и др.

Группой авторов доказана востребованность областничества как идеологии в периоды кризисов российской государственности, показана специфика деятельности сибирских регионалистов в годы русских революционных вызовов, установлены практики дискурсивного конструирования образов Сибири как особой территории в наследии областников и др.

Результаты

Политическая мысль Николая Николаевича основывалась на созидательных началах европейской социальной философии эпохи просвещения. Как и все областники, он разделял положения политико-философской доктрины Ж.Ж. Руссо, его парадигма народного суверенитета прекрасно вписывалась в миропонимание ученого-сибиряка. «Величайший политический мыслитель XVIII в., Руссо, – как замечал поздний областник, – свое учение изложил в сочинении, названном Общественным договором. Общественный строй он мыслил как результат сознательного соглашения и договора свободных, равных и взаимно благожелательных отдельных личностей. Следовательно, имелось два элемента социального строительства: человеческая личность и общество, как результат сознательной деятельности первой» [13. С. 70]. Таким образом, классовая борьба, которая в годы русских революций была актуализирована, понималась как несовершенный механизм достижения политических целей.

Солидаризм политического учения Н.Н. Козьмина формировался именно под воздействием полного восприятия философской мысли «эпохи реакции». В данном ракурсе ученый формулировал идеал государственности. Само государство виделось им как продукт единства между системой политических учреждений и властью народа, объединённого совокупностью общих культурных, экономических и политических интересов [13. С. 72].

Представитель «младших» областников констатировал, что социально-политическая мысль и политическая программы должны отвечать определенной совокупности реальных интересов. Так как человеческое общество не находится в положении статики, социально-политические идеалы должны мыслиться только динамически. «В своих статьях, – подчеркивал Н.Н. Козьмин, – относящихся к 1873 году, Г.Н. Потанин указывал, что массу русско-туземного сибирского населения составляет крестьянство вместе с казачеством. То же самое подчеркивал Загоскин. Поэтому и политическая мысль, и политическое движение в Сибири могли иметь значение в той мере, в какой они соответствовали реальным интересам крестьянской массы и были ею восприняты» [14. С. 45].

Ученый полагал, что вместе с тем для массовой организации крестьянства было сделано недостаточно. Самодержавное правительство было заинтересовано в том, чтобы держать население в состоянии распыленности. Было достаточно малейшего подозрения о том, что протягиваются соединяющие нити в деревню, чтобы консулы разнообразной полиции забили тревогу. Областник в горячих тонах отмечал: «Анархия выгоднее деспотам, чем независимая организация. Последняя не создается по слову. Для неё необходима известная почва, которая дается культурным развитием. Поэтому нужна длительная предварительная работа и поэтому так много внимания удалялось всегда Г.Н. Потаниным культурной работе в народе» [14. С. 45].

Как видно из цитируемого текста, публицист акцентировал культурно-просветительский компонент политического учения всех представителей областного движения. Стихия реальной политики, так же как и неистовая борьба за власть, совершенно была чужда демократическим регионалистам. Политические преобразования понимались этой общественно-политической группировкой как необходимый, но далеко не первостепенный способ развития родной Сибири, так же как и всякой русской периферии. По учению областников, только в демократическом обществе традиционные этнокультурные ценности воспроизводятся эффективнее, связи носят более созидательный характер, что благотворно сказывается на поддержании единства русского многосоставного государства.

По этому поводу Николай Козьмин специально пояснял: «Потанину предъявлялось обвинение в аполитизме, то есть если не в отрицании, то в равнодушии к значению политических форм и политической деятельности. Это не так, конечно, и никто другой, как Г.Н. Потанин, первый поставил на очередь вопрос чисто политического порядка – вопрос об областной думе» [14. С. 46].

Н.Н. Козьмин полностью разделил теорию Г.Н. Потанина о том, что всю историю человечества можно представить как борьбу индивида с порабощением. Посыл данной мысли буквально выражался в том, что человек становится рабом-земледельцем и борется с этим рабством, наложенным иноземцем, противостоит кабале, сражается с мануфактурным игом и могуществом капитала. «И Потанин, и Ядринцев, – замечал поздний областник, – вне примышленного развития не видели для Сибири возможности достижения высших ступеней социального и политического развития. Нужны фабрики, заводы, организованное производство, чтобы появился и организованный рабочий класс. Сибирских патриотов можно было бы называть марксистами, если бы Америка марксизма не была открыта петербургскими колумбами спустя двадцать лет. Пока же, единственная демократия – это крестьянство, или чалдонократия, как шутя и любовно выражался Ядринцев» [14. С. 46].

Также как и классики областнической идеологии, ученый отстаивал идею о представительном народо-власти, основанном на умеренной децентрализации в управлении. Чрезмерная и гипертрофированная централизация, по учению сибирских демократических регионалистов, приводила исключительно к административному хаосу. Такое положение дел проявлялось в частой смене наместников, что приводило к оторванности управленцев от реальной жизни. Централизм управленческой машины сопровождался ростом бюрократического аппарата, в среде которого царила коррупция. Именно децентрализация на демократических началах и должна была исправить ситуацию. Трезво оценивая окружающую действительность Н.Н. Козьмин констатировал, что русская политическая жизнь длительное время не предоставляла ни малейшей возможности обсуждения принципа автономии с элементами децентрализации.

При этом ученый все же находил свидетельства общественной потребности в организации областного управления на новых представительских началах. Так, в 1918 г. он писал: «Сперанский сначала также мечтал об органах управления, построенных не только на принципе умеренной автономии, но и выборности. Но затем, идя на компромисс с идеей городничего в лосиных штанах, остановился на построении Сибирского управления на принципе коллегиальности. Его советы главного управления и губернского управления были составлены из представителей ведомств и носили лишь совещательный характер, не обязательный для генерал-губернатора или губернатора» [14. С. 49].

Н.Н. Козьмин тогда же акцентировал, что дискурс о необходимости законосовещательных органов в сибирском регионе активизировался в актуальную политическую повестку в начале XX века. Как отмечал публицист: «С целью разработки, пропаганды и осуществления этой идеи был основан Сибирский Областной Союз, первая политическая организация сибирских областников. Этой организации принадлежит инициатива выработки проекта основных начал положения о земских учреждениях в Сибири, принятого в соединенном заседании 6 общественных организаций г. Томска» [14. С. 50].

В действительности данным проектом обосновывалась необходимость введения областного земства. Все областники возлагали большие надежды на реальное воплощение данного плана в административно-политическом устройстве страны. Согласно политическому учению Николая Николаевича, конструктивно предполагалось установление федеративных отношений снизу вверх, основанных на разграничении предметов ведения между центральной властью и полноправными регионами. Положения проекта оказались в этом смысле смелыми и местами даже реакционными, особенно в вопросе государственных земель, лесов и недр, которые должны были корреспондироваться в подведомственность областного земства.

К тому же конструкция предполагаемой федерализации по наблюдениям Н.Н. Козьмина стала объектом серьезных разногласий. «Мы должны иметь в виду, – писал поздний областник, – что при разработке земских проектов шла борьба и пропаганда политических взглядов. Некоторые совещания не решались выдвигать вопроса об областной думе, как выходящего из пределов земского самоуправления; были и противники федералистического принципа. Это вело к нежеланию обострять разногласия резкой постановкой вопроса. Проект, напечатанный в органе юристов “Право” за 1905 г., определенно конструировал автономную думу, хотя опять таки об автономии нет упоминания» [14. С. 52].

Акт учреждения сибирской областной думы мыслитель связывал со спасением от угрожающих условий разрухи в родном регионе. Именно «Восточная окраина» таким образом продемонстрировала бы всей русской периферии положительный эффект федерализма. «Сибирь, – был убежден публицист, – должна рассчитывать лишь на свои силы. И, как организованное целое, она должна будет принять самое активное участие

в восстановлении государственного союза российских областей и народов» [14. С. 54].

Как видно из приведённой цитаты, Н.Н. Козьмин проповедовал концепцию интегративного характера федеративного проекта. Суть идеи заключалась в том, что только в союзе на условиях добровольного альянса возможна оптимальная конструкция взаимоотношений частей и целого. Основой такого состояния выступает разумный автономизм, взращённый на почве создания собственных представительных органов в субъектах такой федерации. Как и все областники, ученый-этнограф искренне верил, что региональные законосовещательные органы из области политической мечты трансформируются в реально действующие органы государственной власти. К сожалению, не всегда мечту можно сделать былью.

Парадигма демократического политического устройства на федеративных началах была усвоена Николаем Николаевичем от идеологов сибирского областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Сам ученый-этнограф неоднократно отмечал истинный идеал народовластия, столь присущий идеологии регионализма. Н.Н. Козьмин пришел к умозаключению о том, что «один Ядринцев или вдвоем с Потаниным могли бы только отдаваться поэтическим мечтам. Однако нужно было, чтобы сама страна, сами сибиряки взяли на себя общий труд строительства жизни. Только на этот массовый труд и можно было рассчитывать. Вот откуда должен был вытекать демократизм обоих сибирских патриотов» [15. С. 73–74].

На полосах журнала «Сибирские записки» за 1916 г. представитель позднего областничества акцентировал реализм политических надежд основоположников сибирского демократического регионализма. Публицист тогда писал о том, что один из авторитетных представителей народнического движения А.И. Герцен также рассчитывал на большое будущее русского Востока и прежде всего Сибири. «В мечтах о возможной великой роли Сибири сибирские патриоты не были странным или небольшим исключением, – констатировал ученый, – Герцен по поводу присоединения к России Уссурийского края в своей книге “Тюрьма и ссылка” писал: Сибирь имеет большую будущность; а на нее смотрят только, как на подвал, в котором много золота...” [15. С. 74].

Отдельным направлением политической рефлексии Николая Николаевича Козьмина выступил вопрос этнополитического и этнокультурного значения коренных народов Сибири в мировом историческом процессе. Будучи профессиональным ученым-этнографом, он последовательно развивал нарративы «инородческого вопроса», исходя из достижений в этой сфере, которые принадлежат основоположникам областничества. Автохтонное население Азиатской России ученый считал, также как и Г.Н. Потанин с Н.М. Ядринцевым, живым воплощением витализма эндемичного многообразия, ученый рассматривал его как позитивный продукт неизбежной встречи мира Востока и Запада. «Младший» областник неоднократно фиксировал случаи позитивного сближения коренных и пришлых на пространствах сибирского фронта.

Например, в 1916 г. сибирский регионалист приводил в подтверждение любопытный факт о том, что «русские, надвигавшиеся с Томска, в южной части нынешнего Ачинского уезда натолкнулись на киргизов и подвластных им басагаров, шустов, аринов и пр. Кыргызский князь Номча очень дружелюбно встретил русских. <...> Кроме киргизов в странах, прилегающих к Саянам и Алтаю, были две значительных политических силы. Это были к югу от Саян и Алтая государство Алтын-хана, или Золотого Царя, как русские переводили монгольский титул, и государство жунгаров, или Черных калмыков, как они называются в русских исторических актах» [16. С. 46–47].

Валидность выводов этнографических разработок просветителя является прямым свидетельством результативного специального университетского образования, которое Н.Н. Козьмин получил на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, закончив обучение с ученой степенью. Поэтому вполне понятно, что исторический метод в познании сферы политики ученый применял очень широко. Обращение к прошлому общества, к народному элементу в политической истории позволяло просветителю конструировать эволюционно-логические связи истории и современности. Концептуально-парадигмальный установкой в гносеологических стратегиях ученый считал историософию А.П. Щапова. Это отнюдь не удивительное, а скорее совершенно закономерно, так как все представители областнической идеологии полностью разделяли положения исторической концепции Афанасия Прокопьевича. С научно-эвристической точки зрения в отличие от классиков областничества, которые в основном только придерживались «щаповской» социальной историософии, Николай Николаевич применял в исторических исследованиях данную методологию, реконструировал и адаптировал ее под конкретные исследовательские задачи. Все это позволяло обращаться к народу как активному субъекту социально-политической истории. Народ в такой системе координат понимался как главный исторический деятель. «Формы государственного устройства, – замечал просветитель, – культура, учреждения, литература, домообзаводство – все это признавалось не самостоятельным, производным – надстройкой над тем, что называли духом народным» [17. С. 103].

Исходя из такого посыла, в истории Азиатской части России ученый искал и находил ключевых личностей, местных интеллигентов, двигателей общественно-политического прогресса, внесших вклад в прошлое народа, и тем самым заложивших светлое будущее общества, личности, государства.

Не отрицал поздний областник и роль государственных деятелей в историческом и политическом процессе, просто фокус смещался на жизнь много составного общественного конгломерата. Кстати сказать, Н.Н. Козьмин репрезентовал в качестве идеальных (положительных) «государевых мужей» М.М. Сперанского и Н.Н. Муравьева-Амурского, которые, как считал в своем политическом учении поздний областник, всегда противостояли диктаторской

модели власти и боролись с административным произволом. «Его (т.е. Н.Н. Муравьева. – А.Г.) внутренняя политика сосредоточилась на борьбе со злоупотреблениями, преследовании казнокрадства и лихоимства, упорядочивании различных отраслей административного управления, заботой о путях сообщения и новых колонизационных опытах» [18. С. 193].

Акцентируя народный характер исторического и политического процесса, ученый-этнограф, вне всяких сомнений, локальными «пассионариями» считал лидеров движения областников. Характерно, что ученый осуществил попытку библиографического анализа первых политико-философских работ Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, акцент был поставлен на ранней политической публицистике известных сибиряков, размещенных в «Камско-Волжской газете».

На столбцах известной томской газеты «Сибирская жизнь» он последовательно показал, как уже на «первых порах» идеологического оформления областнической программы основоположники сибирского демократического регионализма разрабатывали основные постулаты областничества: отношения центра и периферии, отмена ссылки, провинциализм, развитие образования и местной интеллигенции, взаимоотношения Востока и Запада, бережное отношение к этнической культуре Азиатской части России и др. [19. С. 2–3].

Также большое значение поздний областник придавал общественной деятельности М.В. Загоскина. В газете «Восточное обозрение» в 1905 г. была опубликована речь Н.Н. Козьмина, произнесенная на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, посвящённая реконструкции роли общественного деятеля в жизни Сибири. «Мы стоим в дверях, – красноречиво повествовал тогда ученый, – может быть, лучшего будущего – будущего, манящего нашу измученную ужасами, еще не рассеявшегося мрака душу к лучам солнца, свободы, справедливости. Михаил Васильевич до этого будущего не дождался. Он, этот борец, [который] умер перед начавшимся рассветом» [20. С. 3].

По истине, выдающихся результатов на общественном поприще М.В. Загоскин достиг в публицистике. Николай Николаевич Козьмин отмечал его роль в агрегировании общественных сил «Восточной окраины» по средствам учреждения первой свободной газеты в Сибири «Амур», писал о бескорыстном служении общему благу и просветительству.

Стоит напомнить, что классики областнической идеологии как раз и формулировали концепт агрегирования общественно-политических и культурных интересов русских окраин. В этом качестве на примере работ Н.Н. Козьмина отчетливо видна последовательность в приверженности «младших» областников идеалам демократического регионализма. Работы Николая Николаевича в сфере политики, возможно, не создавали прорывных решений и новых нарративов областнической программы, но развивали весь имеющийся арсенал идейного массива областничества. Апелляции к репрезентативным практикам формирования позитивного образа М.В. Загоскина потому

имели целью показать русской периферии, что в среде провинциалов была, есть и будет масса достойных для подражания общественных деятелей. Этот пропагандистский прием был призван обеспечить распространение союзно-интегративного характера идеологии сибирского областничества.

Выводы

Таким образом, Николай Николаевич Козьмин представляется последовательным и преданным идеологии сибирского областничества политическим мыслителем начала XX в. Центральным объектом политической рефлексии «младшего» областника выступил нарратив о демократическом характере сибирского регионализма,

его федералистской природе и известной реалистичности. Идеал государственности виделся ученым в децентрализованной модели административно-политического управления, основанной на сети представительных (законосовещательных) органов, созданных в каждой составной части федерации для укрепления союзно-партнерского единства центра с регионами.

Согласно политическому учению Н.Н. Козьмина, такая конструкция всецело позволила бы развиваться многочисленным этническим группам. В федеративном русском государстве, базирующемся на равноправном альянсе всех участников государственной жизни, виделась будущая перспектива активации общественной жизни в русской глубинке.

Список источников

1. Казарин В.Н. Образ государственной власти в Сибири в исследованиях иркутских историков. 1918–1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2024. Т. 49. С. 101–114. doi: 10.26516/2222-9124.2024.49.101
2. Майдачевский Д.Я. Н.Н. Козьмин как историк науки // Восьмые востоковедные чтения БГУ : сборник научных трудов. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2017. С. 264–272.
3. Курышов А.М. Исторический метод исследования Н.Н. Козьмина: общая характеристика // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2023. С. 52–61.
4. Суходолов А.П., Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В. История изучения в российской историографии творческой биографии и научного наследия профессора Н.Н. Козьмина // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. С. 484–493.
5. Зиновьев В.П. В.Е. Воложанин и сибирское областничество. Из истории одной полемики // Человек – текст – эпоха / под ред. В.П. Зиновьева, Е.Е. Дутчак. Вып. 1. Томск : Издательство Томского университета, 2004. С. 191–205.
6. Malinov A.V. Siberian regionalism as a phenomenon of social thought in late imperial Russia // *Sibirica*. 2024. Vol. 23, № 2. P. 69–88. doi: 10.3167/sib.2024.230203
7. Харусь О.А., Шевцов В.В. Сибирский регионализм: между двух российских революций // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие : сборник статей Всероссийской научной конференции, Сургут, 24–25 ноября 2017 года. Сургут : Печатный мир г. Сургут, 2017. С. 95–103.
8. Шевелев Д.Н., Конев К.А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г.Н. Потанина 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 80–89. doi: 10.17223/19988613/91/9
9. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/456/20
10. Шиловский М.В. Сибирские корни славянского единства // Русин. 2023. № 73. С. 194–205. doi: 10.17223/18572685/73/12
11. Szyszlak T. Subetnosy zagrozeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej // *Wschodnioznawstwo*. 2023. Vol. 17. P. 395–416. doi: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
12. Щеброва С.Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, № 1. С. 75–88. doi: 10.21638/spbu02.2024.105.
13. Козьмин Н.Н. Областничества // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 65–74.
14. Козьмин Н.Н. Областничество (Из истории сибирского областничества) // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 42–56.
15. Козьмин Н. Н. (Ландарма). По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 63–78.
16. Козьмин Н. Н. Князь Иренак // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 46–47.
17. Козьмин Н.Н. Афанасий Прокопьевич Шапов // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб. : Печатный труд, 1910. С. 80–130.
18. Козьмин Н.Н. М.В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности: (из истории областного движения) // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб. : Печатный труд, 1910. С. 132–198.
19. Козьмин Н.Н. К библиографии сочинений Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева // Сибирская жизнь. 1916. № 56. С. 2–3.
20. Козьмин Н.Н. Памяти М.В. Загоскина // Восточное обозрение. 1905. 22 марта. С. 3.

References

1. Kazarin, V.N. (2024) *Obraz gosudarstvennoy vlasti v Sibiri v issledovaniyakh irkutskikh istorikov. 1918–1920-e gg.* [The image of state power in Siberia in the research of Irkutsk historians. 1918–1920s]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 49. pp. 101–114. doi: 10.26516/2222-9124.2024.49.101
2. Maydachevskiy, D.Ya. (2017) N.N. Koz'min kak istorik nauki [N.N. Kozmin as a Historian of Science]. In: *Vos'mye vostokovednye chteniya BGU* [The Eighth Oriental Studies Readings of BSU]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet. pp. 264–272.
3. Kuryshov, A.M. (2023) *Istoricheskiy metod issledovaniya N.N. Koz'mina: obshchaya kharakteristika* [Historical research method of N.N. Kozmin: general characteristics]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2023* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2023]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet. pp. 52–61.
4. Sukhodolov, A.P., Kozyrskaya, I.E. & Kuz'min, Yu.V. (2018) *Istoriya izucheniya v rossiyskoy istoriografii tvorcheskoy biografii i nauchnogo naslediya professora N.N. Koz'mina* [History of the study of the creative biography and scientific heritage of professor N.N. Kozmin in Russian historiography]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet. pp. 484–493.
5. Zinov'ev, V.P. (2004) V.E. Volozhanin i sibirskoe oblastничество. Iz istorii odnoy polemiki [Volozhnanin and Siberian regionalism. From the history of one controversy]. In: Zinov'ev, V.P. & Dutchak, E.E. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Man – Text – Era]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 191–205.
6. Malinov, A.V. (2024) Siberian regionalism as a phenomenon of social thought in late imperial Russia. *Sibirica*. 2 (23). pp. 69–88. doi: 10.3167/sib.2024.230203

7. Kharus', O.A. & Shevtsov, V.V. (2017) [Siberian regionalism: between two Russian revolutions]. *Revolyutsionnaya Sibir': istoki, protsessy, nasledie* [Revolutionary Siberia: Origins, Processes, Legacy]. Proceedings of the All-Russian Conference. Surgut. 24–25 November 2017. Surgut: Pechatnyy mir g. Surgut. pp. 95–103. (In Russian).
8. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2024) Siberia as a socio-cultural space in G.N. Potanin's journalism of 1917–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 80–89. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/91/9
9. Lar'kov, N.S. (2020) "Potanin's circle" in Siberia in 1917–1919: from educational activities to the power contest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/20
10. Shilovskiy, M.V. (2023) Siberian roots of Slavic unity. *Rusin*. 73. pp. 194–205. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/73/12
11. Szyslak, T. (2023) Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej. *Wschodnioznawstwo*. 17. pp. 395–416. doi: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
12. Shchebrova, S.Ya. (2024) Oblastничество v sud'be Grigoriya Gurkina [Oblastничество in the fate of Grigory Gurkin]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 1 (69). pp. 75–88. doi: 10.21638/spbu02.2024.105
13. Koz'min, N.N. (1917) Oblastничество [Regionalisms]. *Sibirskie zapiski*. 6. pp. 65–74.
14. Koz'min, N.N. (1918) Oblastничество (Iz istorii sibirskogo oblastничества) [Regionalism (from the history of Siberian regionalism)]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 42–56.
15. Koz'min, N.N. (Landarma). (1916) Po povodu pisem N.M. Yadrintseva [Regarding the Letters of N.M. Yadrintsev]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 63–78.
16. Koz'min, N.N. (1916) Knyaz' Irenak [Prince Irenak]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 46–47.
17. Koz'min, N.N. (1910) *Ocherki proshlogo i nastoyashchego Sibiri* [Essays on the Past and Present of Siberia]. Saint Petersburg: Pechatnyy trud. pp. 80–130.
18. Koz'min, N.N. (1910) *Ocherki proshlogo i nastoyashchego Sibiri* [Essays on the Past and Present of Siberia]. Saint Petersburg: Pechatnyy trud. pp. 132–198.
19. Koz'min, N.N. (1916) K bibliografii sochineniy G.N. Potanina i N.M. Yadrintseva [To the bibliography of works by G.N. Potanin and N.M. Yadrintseva]. *Sibirskaya zhizn'*. 56. pp. 2–3.
20. Koz'min, N.N. (1905) Pamyati M.V. Zagoskina [In memory of M.V. Zagoskin]. *Vostochnoe obozrenie*. 22 March. P. 3.

Информация об авторе:

Головинов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Golovinov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 11.12.2024;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/517/17

Институт уездной полицейской стражи в Сибири в начале XX в.

Игорь Анатольевич Коновалов¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, konov77@mail.ru

Аннотация. На основе архивных источников и дореволюционного законодательства рассматривается процесс создания сельской стражи в зауральской части Российской империи. Заключается, что формирование полицейской стражи не дало ожидаемого эффекта, поскольку подразделения стражи создавались для пресечения аграрных беспорядков и их деятельность была предназначена для пресечения массовых выступлений крестьян, которых не было, поскольку остро аграрный вопрос в регионе никогда не стоял.

Ключевые слова: Сибирь, администрация, урядники, стражники, управление, губернатор, полиция

Для цитирования: Коновалов И.А. Институт уездной полицейской стражи в Сибири в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 159–163. doi: 10.17223/15617793/517/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/17

The institution of the district police guard in Siberia in the early 20th century

Igor A. Kononov¹

¹ Omsk State University, Omsk, Russian Federation, konov77@mail.ru

Abstract. This article, based on pre-revolutionary legislation and archival materials, examines the process of establishing a rural guard in the Trans-Ural part of the Russian Empire, identifies the specific features of its activities, and provides an analysis of these features. The growing interest in the history of the Siberian police is connected not only to historians' desire for a deeper understanding of the past but also to purely practical needs. The study aims to investigate the specific features of the establishment and operation of the rural police guard in the early 20th century. The theoretical and methodological foundation of the research is the fundamental principles of historical inquiry – objectivity, historicism, the social approach, and alternativism – which presuppose an unbiased analysis of the problems under investigation, as well as a critical approach to the sources. The historical trends in the development of the rural police guard are identified in relation to the general processes of the development of Russian statehood. The author concludes that with the creation of the district police guard, the rural police authorities in the region acquired the necessary reserve units and an organizational structure identical to that of the district-level bodies of the Ministry of Internal Affairs in the central provinces of the country. However, the formation of the rural police guard in Siberia did not yield the expected results and failed to improve the crime situation. This was because the guard units were created to suppress agrarian unrest, and their activities were intended to quell mass peasant uprisings, which did not occur, as the acute agrarian question had never been a pressing issue in the region. The system of regional administration in Siberia had already become largely ineffective, as it was not initially designed to respond promptly to emerging problems. Unable to withstand the strain, it collapsed under the pressures of war and the subsequent revolutionary events of February 1917. The institution of the district guard proved unnecessary in the Trans-Ural part of Russia; it was unable to cope with either speculation, mass desertion, or the rising banditry.

Keywords: Siberia, administration, constables, guards, management, governor, police

For citation: Kononov, I.A. (2025) The institution of the district police guard in Siberia in the early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 159–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/17

Актуальность избранной автором темы объясняется ее слабой изученностью в современной исторической и историко-правовой науках. История создания, деятельность и полномочия сибирской уездной полицейской стражи в начале XX в. получили освящение, главным образом, в работах более общего характера и только начинают привлекать внимание исследователей.

В территориально-административном отношении Сибирь в начале XX в. подразделялась на Тобольскую и Томскую губернии, Иркутское и Степное генерал-губернаторства (в состав последнего входил Омский уезд), Иркутское генерал-губернаторство включало в себя Якутскую и Забайкальскую области, а также Енисейскую и Иркутскую губернии [1. Ст. 1]. В зауральской части России местное управление к началу

XX в. действовало на основании подзаконных ведомственных нормативно-правовых актов, регионального «Учреждения сибирского» 1822 г., с изменениями 1892 и 1906 гг. и «Общего учреждения губернского».

Дискурс коронной власти в области местного управления в Сибири был определен как общими проблемами политического и социально-экономического развития страны, так и ее представлениями о роли и месте края в составе империи. Размывание устоявшихся взглядов на регион, строительство транссибирской магистрали, эскалация внешней политики на Дальнем Востоке, рост переселенческого движения вызвали неподдельный интерес верховной власти к зауральской окраине империи. Поэтому в начале XX в. коронная власть пересматривала свои прежние взгляды на местное управление в крае, стремилась унифицировать и модернизировать структуру и принципы администрирования с учетом региональных, специфических условий Сибири.

В 1903 г. в связи с ростом крестьянских выступлений в европейских губерниях Российской империи вместо выборных десятских, выполнявших полицейские полномочия на общественных началах под руководством становых приставов и урядников, была учреждена профессиональная сельская полиция – уездная полицейская стража. Это объяснялось нежеланием десятских на общественных началах осуществлять полицейскую службу, их относительной ненадежностью, обусловленной зависимостью последних от крестьянских «обществ», а также потерей контроля над ними со стороны коронной администрации.

Нередко десятские использовались уездными исправниками и становыми приставами для работы в личном домашнем хозяйстве. Сотские и десятские, несмотря на то, что они несли полицейскую службу на общественных началах, достаточно дорого обходились крестьянскому общественному управлению. Так, только в Красноярском уезде Енисейской губернии на содержание сотских и десятских ежегодно тратилось до 40 тыс. руб. [2. С. 93].

Первоначально в качестве эксперимента в зауральской части империи, где не было аграрных беспорядков, институт уездной полицейской стражи создавался только в Степном генерал-губернаторстве. Он учреждался сначала только в Акмолинской и Семипалатинской областях, куда прибывал большой поток крестьян-переселенцев из европейской России [3. С. 53].

Кроме того, особое внимание, по мнению верховной власти, было необходимо уделить созданию конной полицейской стражи в степных районах, особенно в Акмолинской области, в связи с тем, «что обширные территории Степного генерал-губернаторства при отсутствии путей сообщения обуславливали необходимость организации подвижных подразделений, которые бы распределялись в наибольшем числе населенных пунктов, чтобы по возможности иметь эти подразделения всегда в наличии и в нужном количестве» [4. Л. 12].

29 декабря 1903 г. Государственный совет принял два положения «Об усилении полиции в Акмолинской

области 61 конно-полицейским урядником и 35 пешими стражниками» и «Об усилении полиции Семипалатинской области 15 конно-полицейскими урядниками и 8 пешими стражниками» [5. Л. 138].

Учитывая состав населения края с довольно большим процентом ссыльных, революционную ситуацию и рост социального напряжения, основной задачей коронной власти стало усиление полицейского надзора в регионе. Создаваемые подразделения полицейской стражи должны были способствовать выполнению этой задачи. К осени 1906 г. «стражники были распределены по волостям областей – по три, по два человека на одну волость, однако были волости, имеющие только по одному стражнику. С учреждением полицейской стражи изменилось правовое положение десятских, которые были исключены из кадрового состава уездной полиции и поставлены в подчинение сельского и волостного начальства в качестве низших сотрудников внутренней сельской полиции» [6. С. 31].

Уездная стража создавалась из полицейских стражников и урядников. В уездах областей 25% от общей численности полицейской стражи должны были быть организованы в конные команды. На волостном уровне состав полицейских стражников определялся из следующего расчета: на каждого урядника – нужное количество подчинявшихся ему сельских стражников, но из расчета не более одного полицейского стражника на 2,5 тыс. проживавших в данной волости. Почти сразу после учреждения института полицейской стражи в Степном крае коронная власть столкнулась с кадровой проблемой – недостатком урядников – младших командиров полицейской стражи. Поэтому в ведении одного урядника в регионе было по две, и даже по три волости, а в европейской части страны полицейский урядник был в каждой волости.

На должности полицейских стражников могли приниматься лица старше 25 лет, прошедшие срочную службу в армии и имеющие «крепкое здоровье». К урядникам уездной полицейской стражи предъявлялись компетенции знания полномочий общей полиции по раскрытию и предотвращению преступлений, административно-полицейской службы, а также умения составить административный протокол.

Стражники должны были быть грамотными. Не принимались на службу в полицейскую стражу следующие категории подданных: «1) состоящие под следствием или судом, а равно понесшие наказание по «Уложению о преступлениях и наказаниях» за преступные деяния, влекущие за собой по закону тюремное заключение или более строгое наказание; 2) нижние чины запаса, которые во время прохождения действительной службы состояли в разряде штрафованных; 3) исключенные из службы по суду, из духовного ведомства за порочное поведение и из среды общества по их приговорам; 4) объявленные несостоятельными должниками; 5) состоящие под опекой за расточительностью; 6) подвергшиеся в течение двух последних лет телесному наказанию по приговорам волостных судов» [7. Ст. 634].

Денежное содержание стражников было приравнено к денежным окладам городских. Их денежное со-

держание подразделялись на низшее и высшее. Низший денежный оклад урядника равнялся 420 руб. в год, высший – 480 руб. Низший оклад денежный стражника был 300 руб., высший – 360 руб. Урядники сельской полицейской стражи должны были иметь форменное обмундирование в соответствии с установленным образцом, а также собственных лошадей. Вооружение урядников составляли пистолеты и шашки, стражников – винтовки и шашки, однако они имели право на собственные средства покупать пистолеты. В повестку дня стал вопрос о строительстве и оборудовании казарменных помещений и конюшен для уездной конной стражи. Уездные исправники обеих областей ссылались на отсутствие в уездных центрах нужных помещений и докладывали, что оборудование новых казарм и конюшен сопряжено с серьезными бюджетными затратами.

Полицейские стражники, в отличие от десятских, считались постоянными штатными служащими органов полиции. За счет стражников и урядников серьезно расширился кадровый аппарат Министерства внутренних дел. Материальное обеспечение сельской полицейской стражи производилось из местных бюджетов, путем замены на специальный налог полицейской повинности, выполнявшейся прежде крестьянами. Из стражников и урядников создавались также особые отряды, которые при необходимости могли превратиться в резервные подразделения местной полиции [7. Ст. 634].

Актуальной и значимой в Степном генерал-губернаторстве была проблема реорганизации пешей полицейской стражи в кавалерийские подразделения, требующая изменения штатного расписания. Генерал-губернаторы края Н.Н. Сухотин, а потом И.П. Надаров считали, что на больших территориях края было бы правильно заменить пешую стражу на мобильную, кавалерийскую. Это улучшало качественные характеристики подразделений – они становились «легко подвижными, нисколько не зависимыми от местного населения и в то же время способными в любое время успешно выполнить возложенные на них задачи».

Полицейские урядники и стражники за совершенные проступки подвергались следующим дисциплинарным наказаниям: выговору, переводу на низший денежный оклад, аресту до 7 суток, а также увольнению. Взыскания, наложенные на них, заносились в специальный дисциплинарный журнал [7. Ст. 634].

Уездная полицейская стража была создана на началах армейской службы и дисциплины. Урядники и стражники проходили службу под началом уездных исправников и станowych приставов, они не были в подчинении у крестьянских начальников, однако им предписывалось выполнять все законные требования и указания последних [8]. Урядники и сельские стражники должны были оказывать всяческое содействие крестьянским начальникам, а при отсутствии на месте станowych приставов поступали под их непосредственное руководство.

Оскорбление сотрудника уездной полицейской стражи, находящегося при исполнении своих служебных обязанностей, приравнивалось к оскорблению чинового. В областях Степного края полицейские полно-

мочия могли выполнять также крестьянские начальники, волостные головы, сельские старосты и волостные старшины. Волостные головы, сельские старосты и волостные старшины обязаны были выполнять все законные требования урядников и стражников.

С созданием уездной полицейской стражи сельские органы полиции региона приобрели необходимые резервные подразделения и одинаковую структурно-организационную форму с уездными органами Министерства внутренних дел центральных губерний страны. С созданием уездной полицейской стражи стали ненужными архаичные должности выборных крестьян-десятских, которые выполняли полицейские обязанности на общественных началах. Таким образом, в Степном генерал-губернаторстве впервые в Зауральской части империи был завершен переход к регулярной профессиональной полиции [7].

Однако учреждение полицейской стражи в Степном генерал-губернаторстве не улучшило криминогенную обстановку, поскольку ее деятельность была предназначена для пресечения массовых выступлений крестьян, которых не было, поскольку массовых аграрных беспорядков в регионе никогда не было. Поэтому большая часть стражи Степного края аккумулировалась в резервных подразделениях и почти не участвовала в повседневной полицейской службе [9. С. 1238].

Низкая эффективность деятельности уездной полицейской стражи в Степном генерал-губернаторстве обусловила длительное нераспространение этого института в остальных губерниях и областях Зауральской части Российской империи, где, как и в Степном крае, вопрос о земле остро не стоял и не было аграрных беспорядков. Десятские и сотские достаточно успешно обеспечивали соблюдение местными жителями общественного порядка и безопасности.

Ситуация резко поменялась с вступлением Российской империи в первую мировую войну. Уже с проведением мобилизационных мероприятий в Сибири начались массовые беспорядки и столкновения призывников с полицией и казаками. Практически по всей линии транссибирской магистрали мобилизованные громили винные лавки и магазины, полицейские участки и каталажные камеры. Уже в 1914 г. губернаторы Тобольской и Томской губерний А.А. Станкевич и В.Н. Дудинский ходатайствовали перед МВД об увеличении штатов полиции, обосновывая это мобилизацией в армию [10. С. 18]. К началу 1916 г. только в Западную Сибирь прибыло свыше 81 тыс. беженцев [11. С. 169].

С началом войны общественно-политическая и экономическая ситуация как в европейских губерниях, так и в сибирском регионе усложнялась с каждым годом. И хотя аграрных беспорядков в Сибири не было, распространенным явлением стало дезертирство, а также выросли цены на предметы первой необходимости и продовольствие из-за спекуляции и повышения спроса. Только за 1916 г. цены на продукты выросли почти в три раза [12. С. 250]. Во время войны, спекулянты-перекупщики закупали у крестьян по сниженным ценам, оптом произведенную продукцию (мясо,

зерно, сено, рыбу и т.д.), а затем продавали ее в розницу в городах по завышенным ценам. Спекуляция также была обусловлена слабым развитием обрабатывающей промышленности, нарушением товарообмена между деревней и городом. К тому же регион оказался в неблагоприятном положении из-за работы транспортной инфраструктуры. Закупленные в европейской части России и на восточных рынках товары с трудом привозились в Сибирь из-за недостатка вагонов и паровозов на железной дороге.

Поэтому коронная власть стремилась усилить централизацию в местном управлении, установить в регионе жесткий полицейский режим, который смог бы обеспечить военные поставки и предотвратить антиправительственные выступления. Осенью 1916 г. вступило в силу правительственное Положение «О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края» [13. С. 194].

Однако из-за мобилизации в сибирских губерниях осталось уже немного людей, которые бы соответствовали основным требованиям, предъявляемым к полицейским стражникам, ни по личным характеристикам, ни по возрасту. Возникли также серьезные трудности с обмундированием и вооружением стражников. Только в феврале 1917 г. стражники Енисейской губернии получили револьверы без патронов и винтовки с патронами [14. С. 11].

Однако система регионального администрирования в Сибири уже стала малоэффективной, поскольку изначально была не приспособлена оперативно реагировать на возникавшие проблемы. Не выдержав напряжения, она обрушилась из-за войны и последующих революционных событий февраля 1917 г. Институт уездной стражи оказался не нужен в зауральской части России, он не мог

справиться ни со спекуляцией, ни с массовым дезертизмом, ни с усилившимся бандитизмом [15. С. 149].

Общий кризис государственно-правовых институтов Российской империи сделал невозможным осуществление конкретных социально-политических проектов. Трудности и лишения военного времени обладали существенной особенностью, так как они наступили после повышения жизненного уровня накануне войны, на фоне надежд на победу. Однако растущие ожидания сибиряков столкнулись с ухудшением уровня жизни, а неудачи и потери на полях сражений отняли надежду на победу и оптимизм, что было для сибиряков и всех россиян особенно болезненно [16. С. 710].

Уездная стража просуществовала в Сибири до революционных потрясений 1917 г. 28 февраля 1917 г. в сибирский край по телеграфной связи поступили первые известия о свержении монархии в Российской империи. Большая часть служащих местной вертикали власти не только не встала на защиту существующего строя, но и не выразила протеста против революционных перемен и даже заявила о готовности сотрудничества с новыми властями. Несмотря на это, уже вскоре были задержаны и подверглись аресту иркутский и степной генерал-губернаторы, почти все вице-губернаторы и губернаторы края, а также большая часть руководства общей и политической полиции [17. С. 251].

10 марта 1917 г. специальным Постановлением Временного правительства был ликвидирован Департамент полиции, а затем были упразднены должности губернаторов, генерал-губернаторов, полицмейстеров, уездных исправников, станových и частных приставов, полицейских надзирателей, урядников, городских и полицейских стражников. Ставшая ненужной уездная полицейская стража подлежала ликвидации.

Список источников

1. Свод законов Российской империи (СЗ РИ). Т. 2: Учреждение Сибирское. СПб., 1912. 737 с.
2. Соболев М. К вопросу о реформе крестьянского управления // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 87–99.
3. Сибирь и Министерство внутренних дел // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 122–125.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 13. Д. 3.
5. РГИА. Ф. 1149. Оп. 13-1903 г. Д. 155.
6. Петров А.В., Рослов П.Д. О некоторых проблемах деятельности общей полиции Урала и Сибири в начале XX в. в сфере обеспечения общественной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 29–32.
7. СЗ РИ. Т. 2. Раздел 2. Учреждения полиции. СПб., 1912. 737 с.
8. Вестник полиции. 1908. 6 января.
9. Konovalov I.A. Local government in Siberia in the 18th – early 20th century // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14 (8). P. 1231–1238. doi: 10.17516/1997-1370-0798
10. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
11. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 195 с.
12. Кудрявцев Ф.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1978. 515 с.
13. Сунгуров П.А. Введение полицейской стражи в Тобольской губернии (1916–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 194–196.
14. Коновалова О.В. Проблемы организации полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX века // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 8–14.
15. Грибунов О.П., Степанова Е.Е. Деятельность полиции в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 145–150.
16. Миронов Б.Н. Погрузившая в смуту и укравшая победу революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 4. С. 708–715.
17. Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск, 2009. 976 с.

References

1. Dobrovol'skiy, A.A. (ed.) (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 2. Saint Petersburg: Yuridicheskiy knizhnyy magazin I. I. Zubkova, pod firmoyu "Zakonovedenie", kommissionera Gos. tip.
2. Sobolev, M. (1905) K voprosu o reforme krest'yanskogo upravleniya [On the question of peasant management reform]. *Sibirskie voprosy*. 1. pp. 87–99.

3. Sibirskie voprosy. (1908) Sibir' i Ministerstvo vnutrennikh del [Siberia and the Ministry of Internal Affairs]. *Sibirskie voprosy*. 33–34. pp. 122–125.
4. *Russian State Historical Archive (RGIA)*. Fund 1276. List 13. File 3.
5. *Russian State Historical Archive (RGIA)*. Fund 1149. List 13-1903 g. File 155.
6. Petrov, A.V. & Roslov, P.D. (2015) O nekotorykh problemakh deyatelnosti obshchey politzii Urala i Sibiri v nachale XX v. v sfere obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti [On some problems of the activities of the general police of the Urals and Siberia at the beginning of the 20th century in the sphere of public safety]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 4. pp. 29–32.
7. Dobrovol'skiy, A.A. (ed.) (1912) Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 2. Section 2. Saint Petersburg: Yuridicheskiy knizhnyy magazin I. I. Zubkova, pod firmoyu "Zakonovedenie", kommissionera Gos. tip.
8. *Vestnik politzii*. (1908). 6 January.
9. Konovalov, I.A. (2021) Local government in Siberia in the 18th – early 20th century. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 14 (8). pp. 1231–1238. doi: 10.17516/1997-1370-0798
10. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
11. Tolochko, A.P. et al. (2003) *Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoy Sibiri v dorevolyutsionnyy period: stanovlenie i razvitiye* [Municipal Self-Government in Western Siberia in the Pre-Revolutionary Period: Formation and Development]. Omsk: Omsk State University.
12. Kudryavtsev, F.A. (1978) *Irkutsk. Ocherki po istorii goroda* [Irkutsk. Essays on the History of the City]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. Sungurov, P.A. (2014) Vvedenie politseyskoy strazhi v Tobol'skoy gubernii (1916–1917 gg.) [Introduction of police guards in Tobolsk province (1916–1917)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10-3 (48). pp. 194–196.
14. Konovalova, O.V. (2020) Problemy organizatsii politseyskoy strazhi v Eniseyskoy gubernii v nachale XX veka [Problems of organization of police guard in the Yenisei province at the beginning of the 20th century]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 3 (51). pp. 8–14.
15. Gribunov, O.P. & Stepanova, E.E. (2024) Deyatel'nost' politzii v Irkutskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Police activities in the Irkutsk province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1 (54). pp. 145–150.
16. Mironov, B.N. (2017) Pogruzivshaya v smutu i ukravshaya pobedu revolyutsiya [The revolution that plunged into turmoil and stole victory]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 4 (62). pp. 708–715.
17. Pavlov, G.A., Novoselova, L.V., & Sizov, S.G. (eds) (2009) *Entsiklopediya goroda Omska* [Encyclopedia of the City of Omsk]. Vol. 1. Omsk: Izdat. dom LEO.

Информация об авторе:

Коновалов И.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: konov77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Konovalov, Dr. Sci. (History), professor, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025;
одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 27.01.2025;
approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 574:338.43(09)
doi: 10.17223/15617793/517/18

Использование зарубежного научно-производственного опыта в сельском хозяйстве СССР в период «оттепели»

Александр Васильевич Рычков¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия, alex-rychkov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема применения зарубежных аграрных научно-производственных достижений в СССР. Привлечение новых источников позволило установить, что в эпоху «оттепели» заимствованные научно-управленческие решения и конкретные агромероприятия внедрялись без учета как организационной специфики советского сельского хозяйства, так и природно-климатических особенностей регионов нашей страны. По мысли автора, это вело к снижению производственных показателей, ухудшению продовольственного снабжения населения.

Ключевые слова: аграрная наука, сельское хозяйство, научно-производственный опыт, Р. Гарст, Н.С. Хрущев, СССР

Для цитирования: Рычков А.В. Использование зарубежного научно-производственного опыта в сельском хозяйстве СССР в период «оттепели» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 164–170. doi: 10.17223/15617793/517/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/18

The use of foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period

Aleksandr V. Rychkov¹

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, alex-rychkov@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of using foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period. The sources were archival materials from the collections of the Russian State Archive of Contemporary History, the Russian State Archive of Socio-Political History, the Russian State Archive of Economics, as well as special agricultural literature. The author came to the conclusion that the reason for the Soviet leadership to turn to foreign scientific and production developments was the lack of a well-thought-out program for the development of the agricultural sector. At the same time, the mechanism by which foreign technologies would be harmoniously and massively "integrated" into the Soviet system of management in the agricultural sector was never formed, as a result of which only episodic "inclusions" of elements of Western scientific and production experience into the Soviet planned system of agricultural management took place. In the organizational and scientific sphere, the borrowed management decisions (the cost-accounting procedure for financing agricultural science, the creation of a network of Soviet analogues of "demonstration farms," the transfer of agricultural universities and scientific institutions to rural areas) were not implemented, since they did not take into account the real state of affairs in agriculture, which for a long time occupied a subordinate place in the Soviet economy in relation to the tasks of industrialization, and, as a consequence, its weak material, technical and personnel support. The introduction of specific agricultural measures from foreign agricultural experience (the corn "epic," the "row-crop system" of farming) into production was carried out without taking into account the natural and climatic features of the regions of our country, and the material and technical capabilities of enterprises were not taken into account. As a result, production indicators decreased, environmental problems worsened, and the food supply of the population worsened. Technological development of the industry was limited by the capabilities of Soviet industry, which was becoming increasingly costly and focused on the production of more expensive and capital-intensive equipment, which turned out to be practically incapable of creating machines and mechanisms for specific and diverse agricultural technologies. According to the author, the passion for copying foreign experience had a negative impact not only on the development of agricultural production, but also slowed down the scientific development of the most important problems of the agricultural sector, in particular the soil-protective farming system for virgin lands.

Keywords: agricultural science, agriculture, scientific and production experience, R. Garst, N.S. Khrushchev, USSR

For citation: Rychkov, A.V. (2025) The use of foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 164–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/18

Проблема использования зарубежного научно-производственного опыта при одновременном сохранении отечественного технологического суверенитета, несмотря на важное научное и практическое значение в современных условиях, до сих пор не получила должного освещения в научной литературе. Исследователи, как правило, фокусируют внимание на изучении роли западных промышленных технологий лишь на отдельных этапах развития советской экономики. Прежде всего речь идет о начальном этапе советской индустриализации, когда зарубежный опыт был наиболее востребован: в это время в СССР реализуется комплексная программа «импорта лучшего в мире человеческого капитала и передовых технологий» [1. С. 99–100]. По подсчетам ученых, в период с 1923 по 1933 гг. только в отраслях тяжелой промышленности было заключено 170 договоров с зарубежными фирмами об оказании технической помощи [1. С. 102]. В период послевоенного восстановления народного хозяйства, по оценке ученых, немалую роль сыграли поставки по ленд-лизу, репарациям и использование вывезенной из Германии технической документации [2. С. 72–73].

Одновременно с освоением западных технологий создавалась собственная инженерная школа, что позволило заменить иностранных специалистов на отечественных: с середины 1933 г. начинается процесс последовательного снижения количества привлекаемых иностранных специалистов. Не менее важно и то, что с целью придания процессам технического обновления производства постоянного характера были разработаны действенные нерыночные методы повышения эффективности производства, в основе которых лежала заинтересованность трудовых коллективов в целом – директората, инженерно-технических работников, рабочих – в техническом перевооружении предприятий. В результате чего до середины 1950-х гг. советская промышленность уверенно переходила на интенсивные рельсы. Вот что пишут по этому поводу отечественные ученые-экономисты: «К концу четвертой пятилетки очень быстро росла производительность труда, снижалась себестоимость продукции (на огромную величину в 6–7% ежегодно), улучшалось использование оборудования. Благодаря повышению эффективности производства удавалось обеспечить ежегодное значительное снижение розничных и оптовых цен, успешное выполнение бюджета страны и планов министерств. Можно, таким образом, утверждать, что в последние годы четвертой пятилетки советская экономика твердо стала на путь интенсивного развития» [2. С. 82]. В дальнейшем, в годы пятой пятилетки, при высоких темпах роста производства две третьих прироста обеспечивалось за счет повышения производительности труда [2. С. 103]. Именно об этом времени в развитии советской экономики В.С. Высоцкий писал: «Было дело и цены снижали» [3. С. 217].

Казалось бы, что этот успешный опыт заимствования иностранных промышленных технологий мог быть успешно перенесен в другие отрасли советской экономики, в особенности в сельское хозяйство, которое в силу индустриальной ориентации экономиче-

ского развития СССР в довоенные годы остро нуждалось в технологическом развитии. Несмотря на «холодную войну», по мнению специалистов по истории международных отношений, возможности для изучения и освоения зарубежных научно-производственных достижений имелись: «В годы «холодной войны» обстановка была непростой. Стороны не доверяли друг другу и относились с большим подозрением к действиям как внутри стран-контрагентов, так и на международной арене. Несмотря на это, появлялись моменты, когда можно было решить если не все, то хотя бы небольшие, частные вопросы» [4. С. 299]. Именно сотрудничество в аграрной сфере относилось к таким «частным вопросам», тогда как в других отношениях либо были ограничены, либо вообще заморожены. Инициаторами взаимных поездок по обмену опытом выступили американские фермеры из штата Айова, заинтересованные в сбыте своей продукции. В 1955 г. СССР посетила их делегация, в свою очередь в США и Англию направилась наша представительная делегация, которую возглавил министр сельского хозяйства СССР. Полученная в ходе этих взаимных посещений информация рассматривалась на самом высоком уровне с участием высшего советского руководства и нередко служила основанием для принятия серьезных практических решений. Однако опыт использования зарубежного научно-производственного опыта в советском сельском хозяйстве до сих пор не изучен и не осмыслен. Особенно это относится к периоду «оттепели», когда именно «внешние» влияния оказывали серьезное воздействие на формирование аграрной политики в СССР. Восполнению этого досадного пробела в историографии и посвящен данный материал.

Источниками для написания статьи послужили преимущественно материалы из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), большинство из которых вводится в научный оборот впервые.

Итак, индустриализации в СССР осуществлялась при активной помощи иностранных технических специалистов, привлечение которых имело системный, массовый и вполне легальный характер, являлось важным направлением государственной политики. Опыт иностранных специалистов тщательно изучался и перенимался, одновременно советские инженеры постепенно замещали иностранцев, при этом формировались чисто советские, нерыночные, плановые механизмы интенсификации промышленного производства. Очевидно, что подобные механизмы могли быть созданы и для аграрной отрасли. Это требовало большего времени, кропотливости и терпения, а также системности и последовательности в проведении необходимых мероприятий, учитывая региональный характер сельскохозяйственного производства, огромные демографические потери в годы Великой Отечественной войны, наиболее затронувшие прежде всего деревню, более низкий образовательный уровень сельских тружеников и т.д. Однако использование зарубежного

научно-производственного опыта в сельском хозяйстве пошло по иному сценарию. Алгоритм действий в этом вопросе обозначил Н.С. Хрущев, заявивший следующее: «Иметь свое и воровать чужое, – от этого вреда не будет, только ловко сделать» [5. Л. 156]. Таким образом, продуманная и организованная работа с иностранными специалистами в предшествующую эпоху была заменена ситуативными, импульсивными, эпизодическими действиями. Более того, в процессе собственных зарубежных поездок, а также при обсуждении результатов командировок наших ученых и производственников в развитые капиталистические страны Н.С. Хрущев постепенно «очаровывался» рыночными западными подходами, в узком кругу критикуя советские методы руководства. Вот, например, как он оценивал деятельность аграрных министерств: «Я подвергаю жесточайшей критике работу Министерства сельского хозяйства и Министерства совхозов. Это какие-то совершенно никчемные органы, не способные к оперативному руководству. Это такие органы, которые сидят и разрабатывают дурацкие положения, которые кроме вреда ничему сельскому хозяйству не дают» [5. Л. 71]. Стремление придать сельскохозяйственному производству регулируемый и плановый характер Н.С. Хрущев называл «глупостью» [5. Л. 200]. Вообще систему руководства сельским хозяйством в СССР он охарактеризовал как «административно-учетное управление, которое никому и никакой пользы сельскому хозяйству не могло принести» [6. Л. 43].

Однако критика советской экономики у Н.С. Хрущева не сопровождалась выработкой какой-либо продуманной программы развития аграрной отрасли. Поэтому вопрос о формировании особого механизма, с помощью которого зарубежные технологии гармонично и в массовом порядке «встраивались» бы в советскую систему хозяйствования в аграрной сфере, просто не стоял. Речь могла идти только об эпизодических «вкраплениях» элементов западного научно-производственного опыта в советскую плановую систему ведения сельского хозяйства. К каким результатам эти «вкрапления» приводили и как они влияли на положение дел в сельском хозяйстве, мы и покажем далее.

Прежде всего западные заимствования коснулись организационно-научной сферы. Побывавшие за рубежом советские ученые и производственники особое внимание обратили на прикладную, производственную ориентацию аграрной науки, ее тесную связь с производством. Были отмечены следующие моменты: ведущая роль научных учреждений в определении стратегии развития сельскохозяйственной отрасли, рыночные механизмы их взаимоотношений с практическими работниками, наличие крупных экспериментальных хозяйств и разветвленной сети «демонстрационных ферм», расположение аграрных колледжей и научных учреждений непосредственно в сельской местности в научных городках [5. Л. 198–199, 202]. Практические действия последовали не сразу, а несколькими годами спустя. Вероятно, промедление это было обусловлено целым рядом факторов. Прежде всего подготовка и проведение XX съезда и принятые

на нем политические решения отодвинули организационно-научные проблемы в аграрной сфере на задний план. К тому же «целинная эпопея» потребовала немалых материальных и финансовых затрат. Не следует забывать, что продолжающаяся «холодная война» также отвлекала значительные средства. Тем не менее в декабре 1959 г. была изменена система финансирования отраслевых научных учреждений. Данная реформа преследовала цель ориентировать ученых на разработку актуальной производственной тематики и мотивировать их на внедрение своих разработок в практику с опорой на материальную заинтересованность. Аграрные научные учреждения обязывались зарабатывать значительную часть средств самостоятельно посредством выполнения исследований по договорам с хозяйствующими субъектами и сельскохозяйственными органами. Большие нагрузки по самофинансированию ложились на опытные станции, которые должны были выполнять прежде всего внедренческие функции, меньшие – на региональные и отраслевые научно-исследовательские институты, ориентированные на теоретические разработки [7. С. 71].

Данный финансовый порядок с отставкой Н.С. Хрущева был упразднен. Сыграла отрицательную роль сама практика внедрения хоздоговорных отношений, которая не привела к повышению экономической заинтересованности ученых. Как правило, на сумму заключенных научными учреждениями договоров автоматически уменьшалось госбюджетное финансирование. Институты же не имели необходимой свободы действий в расходовании полученных от выполнения хозяйственных договоров средств. Не следует забывать, что сама система ценообразования в аграрном секторе советской экономики лишь в незначительной степени допускала наличие хоздоговорных отношений, поскольку цены на сельскохозяйственную продукцию нередко устанавливались ниже ее себестоимости, что должно было обеспечивать доступность продуктов питания для широких слоев населения. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда многие переведенные на частичный хозрасчет научные учреждения остались без заказчиков. По этой причине в научно-исследовательских институтах и опытных станциях возникла острая нехватка средств на ведение научных исследований, выплату зарплаты сотрудникам, что привело к кадровым сокращениям. Поэтому научные работники считали, что договорная система с хозрасчетными предприятиями необоснованно вводится в социалистической стране и не отвечает природе социалистической системы. Нелишне напомнить, что на рубеже 1950–1960-х гг. и без того сложное положение в аграрной отрасли было усугублено массовым внедрением не оправдавших себя в условиях производства рекомендаций, таких как, например, пропащная система и др.

Не вполне удачным оказался и опыт создания советского аналога западных «демонстрационных ферм». Первоначально эта роль отводилась экспериментальным хозяйствам при научных учреждениях. Однако в начале 1950-х гг. данные хозяйства имелись лишь у 30% институтов и опытных станций [8], к тому же

эти хозяйства были чрезвычайно малы по размерам и своему назначению не отвечали.

Поэтому, начиная с 1959–1960 гг., стала практиковаться передача научным учреждениям крупных совхозов, а в 1961 г. приступили к организации на территории всей страны сети «демонстрационных ферм», получивших у нас название опытно-показательных хозяйств (ОПХ). Количество ОПХ определялось разнообразием сельскохозяйственных зон и хозяйственными задачами региона [9]. В целом по РСФСР планировалось создать 1 804 ОПХ, из них 1 017 в совхозах, 114 – в экспериментальных хозяйствах опытных учреждений и вузов и 673 – в колхозах [10. Л. 178]. Но материально-техническая база аграрной отрасли была весьма слаба, что выполнить задуманное оказалось сложно. Весьма непростым и затянувшимся во времени оказался вопрос укомплектования ОПХ квалифицированными специалистами, решить который в конечном счете так и не удалось [10. Л. 50]. Организационные трудности в процессе формирования сети опытно-показательных хозяйств, ухудшение ситуации в аграрной отрасли страны в целом привели к свертыванию деятельности ОПХ и после 1962 г. в архивах практически исчезает какая-либо информация о них. Очевидно, непродуманные организационные решения, насаждение в производство научно необоснованных рекомендаций наиболее негативно отразились именно на опытно-показательных хозяйствах. В середине 1960-х гг. без официального решения об упразднении ОПХ штатные расписания в них были приведены в соответствие со штатным расписанием обычных хозяйств, отменены также повышенные оклады специалистов. Позднее, в 1970-е гг., на смену ОПХ в качестве демонстрационных центров пришли базовые хозяйства научных учреждений, по численности значительно уступающие своим предшественникам, но более оснащенные техникой и специалистами.

В 1961 г. в Советском Союзе, ориентируясь на западный опыт, в практическую плоскость была поставлена проблема перемещения аграрных научных и учебных заведений из городов в сельскую местность. Было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об их переводе на базу совхозов, учебно-опытных и экспериментальных хозяйств, которым предусматривалось в целях организации широкого внедрения в колхозах и совхозах достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта перебазировать 32 сельскохозяйственных вуза и 42 научно-исследовательских института [11. С. 412–415]. Данное решение свидетельствует прежде всего о непонимании со стороны «оттепельного» советского руководства реального положения дел в сельском хозяйстве, на протяжении длительного времени занимающего в советской экономике подчиненное место по отношению к задачам индустриализации. Долги селу в незначительной мере начали возвращать лишь в 1950-е гг., однако серьезные масштабы этот процесс приобрел только два десятилетия спустя. Поэтому создание аграрных научных центров в сельской местности в начале 1960-х гг. представляется мало возможным. Об этом свидетельствует письмо министра сельского хозяйства СССР

И. Воловченко, направленное в вышестоящие инстанции осенью 1964 г.: «В связи с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1961 г. 32 сельскохозяйственных вуза в течение 1962–1965 гг. должны быть переведены из городов на земли совхозов и учебно-опытных хозяйств. Фактически будет переведено к концу 1964 г. лишь 8 вузов. При этом указанные вузы на новом месте выстроили лишь здания первой очереди... В связи с тем, что остальные... вузы имеют в городах удовлетворительную учебную базу и расположенные вблизи городов учебно-опытные хозяйства... МСХ СССР просит отменить постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1961 г.» [12]. Отставка Н.С. Хрущева поставила крест и на этом зарубежном «заимствовании».

Нужно сказать, что использование западного аграрного опыта в советском сельском хозяйстве не ограничивалось только лишь организационно-научными аспектами. В исторической литературе исследователи указывают на «западный след» в развертывании печально знаменитой «кукурузной эпопеи» [13. С. 128]. Имеются прежде всего в виду встречи Н.С. Хрущева с энтузиастом кукурузы американским фермером Р. Гарстом, первая из которых произошла в 1955 г. в СССР. И это событие оказало серьезное влияние на направление аграрной политики в стране. Вот что пишут ученые-селекционеры Сибири: «В научных учреждениях и опытных станциях Сибири с 1955 г. развернулась большая селекционная работа с кукурузой. Была проведена оценка имеющихся сибирских и привозных сортов и гибридов кукурузы... Была развернута селекционная работа с кукурузой по широкой программе. Была поставлена задача создать новые высокоурожайные, раннеспелые и холодостойкие сорта, гибридные популяции, самоопыленные линии и гибриды» [14. С. 63]. Кукуруза – одна из наиболее распространенных культур в мировом земледелии: среди возделываемых зерновых культур она стоит на первом месте по валовым сборам зерна и занимает второе место по посевным площадям, уступая лишь пшенице. По сравнению с другими кормовыми культурами кукуруза по питательности стоит значительно выше и при соблюдении технологии ее возделывания может обеспечить выход кормовых единиц в 3–4 раза выше других кормовых культур. Поэтому кукурузе стали придавать особое значение как наиболее доступному и дешевому средству повышения производства зерна и корма. Однако в то время селекционеры страны акцентировали внимание на создании позднеспелых гибридов кукурузы как наиболее урожайных, в то время как для холодных регионов страны требовались раннеспелые гибриды. По этой причине посадки кукурузы на обширных территориях не приносили должного результата, а зачастую приводили и к негативным последствиям, особенно в животноводстве [15. С. 47].

Следует заметить, что проблемы возделывания кукурузы традиционно привлекали внимание отечественных агрономов и ученых, стремящихся распространить посевы этой культуры даже и на такой регион, как Сибирь.

Очевидно, что при кропотливой работе ученых и продуманных действиях производителей можно было достигнуть результата, принципиально отличного от полученного в лихорадочной кукурузной кампании Н.С. Хрущева, ослепленного успехами американца Р. Гарста.

Во время зарубежных командировок в западные страны внимание нашей делегации привлекло техническое оснащение сельскохозяйственного производства. Их впечатлило большое разнообразие техники, позволявшее комплексно механизировать различные как производственные, так и вспомогательные процессы, дававшее возможность наиболее выгодного и правильного подбора машин для различных климатических и природно-хозяйственных условий. Среди советского руководства сторонником большего технического разнообразия механизмов для сельского хозяйства был К.Е. Ворошилов, выразивший свою мысль весьма образно, отметив, что «лошадь с четырьмя ногами, но одна длинная, другая короткая» [16. Л. 15]. Он предложил наладить для Смоленской области производство мелких тракторов, объясняя это тем, что на Смоленщине обрабатываемые участки небольшие, разделяемые болотами, реками, перелесками. Позиция Н.С. Хрущева по этому вопросу была более прохладной: «Мы не должны копировать американское машиностроение, ни английское. Американское и английское сельское хозяйство в сравнении с советским сельским хозяйством – это мелкое хозяйство. Наше земледелие крупное и мы должны более правильно использовать свои возможности и их накопленный опыт, но не приспосабливаться к их хозяйству» [16. Л. 17]. Тем не менее была расширена сеть научно-исследовательских учреждений по механизации сельского хозяйства, а в 1956 г. отделы механизации стали создаваться в составе комплексных сельскохозяйственных опытных станций. Однако вновь создаваемые научные подразделения, как правило, были слабо обеспечены кадрами, и их научно-производственная база оставляла желать лучшего. К тому же и советская промышленность приобретала все более затратный характер, была ориентирована на выпуск более дорогой и капиталоемкой техники и оказалась неспособной на более «ювелирную» работу – создание машин и механизмов под конкретные агротехнологии. Вот как описывает сложившуюся ситуацию ученый: «За рубежом, например, технология предполагает определенный набор машин. А у нас – набор машин, весьма скудный к тому же, определяет все технологии. В итоге нет желаемого результата. Вот и все» [17. С. 219].

Важно отметить, что при использовании зарубежного научно-производственного опыта доминировал «западный ветер», но иногда ощущалось дуновение и «ветра восточного». Примером тому служит разработка и внедрение «пропашной системы» земледелия, отрицавшей чистые пары, которые традиционно считались важнейшим элементом системы ведения сельского хозяйства в нашей стране. Сценарий внедрения «пропашной системы» повторил кукурузную историю. В первом случае мотивирующую роль сыграла встреча Н.С. Хрущева с американским фермером Р. Гарстом в

1955 г. в СССР, позднее – поездка советского лидера в США в кукурузный штат Айова в 1959 г., а дальше произошло «освящение» кукурузного проекта Н.С. Хрущева авторитетом науки. В случае с «пропашной системой» – это поездка советского лидера в 1958 г. в Китай, ознакомление с беспаровым земледелием в этой стране, а затем подтверждение «озарений» Н.С. Хрущева со стороны сервильных ученых. И уже в 1959 г. «пропашная система» объявлена как самая передовая, способная в несколько раз увеличить производство растениеводческой продукции [18]. Далее сам советский лидер становится главным агитатором и пропагандистом своей же пропашной «новации»: «Чем меньше чистых паров, тем лучше. Если их совсем не будет и будет хороший урожай обеспечен, – это самое лучшее!» [19. Л. 32]. И опять начатая в 1962 г. кампания по массовому внедрению «самой передовой» системы терпит крах. Полезно привести мнение современного ученого-аграрника о причинах этого краха: «Основной причиной неудач при освоении пропашной системы был шаблонный подход к ней без учета природно-климатических и материально-технических возможностей. Многие хозяйства, пытавшиеся освоить пропашную систему, не были готовы к этому технически, поэтому не смогли обеспечить необходимый уровень интенсивности полеводства» [20. С. 66].

Увлечение копированием зарубежного опыта не только негативно сказывалось на развитии сельскохозяйственного производства и усложняло продовольственную ситуацию в стране, но и тормозило научную разработку важнейших проблем аграрной отрасли. Так, в частности, произошло с разработкой почвозащитной системы земледелия для целинных районов. Хорошо известно, что в первые целинные годы использовались агроприемы, оправдавшие себя в Европейской части СССР, но совершенно не подходящие для степных засушливых районов Юга Урала, Сибири и Казахстана, что привело к массовой эрозии почвы. Однако уже в 1958 г. учеными были предложены мероприятия по рациональному ведению хозяйства на новых землях.

В первую очередь предполагалось внедрить безотвальную обработку почвы без уничтожения стерни и без оборота пласта в качестве средства борьбы с эрозией, а также чистые пары как наиболее радикальное средство накопления влаги, избавления полей от сорной растительности, болезней и вредителей сельскохозяйственных культур [21]. В последующие годы рациональная система земледелия уточнялась, дорабатывалась и совершенствовалась, но не внедрялась, так как Н.С. Хрущева не устраивало ее несоответствие как «пропашной системе» земледелия, так и ведению полеводства у неоднократно упомянутого американца Р. Гарста. На совещании работников сельского хозяйства Казахстана в ноябре 1961 г. советский лидер заявил следующее: «Здесь выступал т. Бараев. Если тов. Бараева поставить в условия капиталистические, он, конечно, не выживет одного года, потому что его сразу сомнут и в грязь затопчут. Разве может он соревноваться с Гарстом, который получает на каждом гектаре определенное количество, а у него суслики бегают на 32 процента пахотных земель. Естественно, нельзя

соревноваться, потому что невозможно» [19. Л. 25]. Напомним, А.И. Бараев – один из авторитетнейших в СССР ученых, удостоенный за разработку почвозащитной системы земледелия Ленинской премии. Понятно, что подобная позиция советского лидера, талантливо сдобренная изрядной долей демагогии, означала запрет на использование в целинных районах рациональной системы земледелия, поскольку важным звеном этой системы являлись чистые пары. И только после отставки Н.С. Хрущева началось широкое внедрение почвозащитной системы земледелия на целине.

Конечно, неверным было бы считать описанные выше события как «навешанные» только зарубежным научно-производственным опытом. Внутри страны как ученые, так и производственники понимали необходимость перемен в аграрной отрасли, указывали на низкий уровень ее научного обеспечения, оторванность науки от нужд сельскохозяйственного производства, предлагали варианты решения проблем.

Таким образом, увлеченность советского «оттепельного» руководства, прежде всего Н.С. Хрущева, зарубежным научно-производственным опытом не

принесла пользы сельскохозяйственному производству. Заимствованные научно-управленческие решения (хозрасчетный порядок финансирования аграрной науки, создание сети опытно-показательных хозяйств, запланированный перевод аграрных вузов и научных учреждений в сельскую местность) свидетельствовали об отсутствии у советских лидеров системных представлений о реформировании аграрной отрасли, поэтому эпизодические импульсы не привели, да и не могли привести к положительному результату. Внедрение в производство конкретных агромероприятий из зарубежного аграрного опыта (кукурузная «эпопея», «пропашная система» земледелия) осуществлялось без учета природно-климатических особенностей регионов нашей страны, не принимались во внимание и материально-технические возможности предприятий. В результате снижались производственные показатели, обострялись экологические проблемы, ухудшалось продовольственное снабжение населения. По свидетельству академика А.Н. Каштанова, «хрущевская “оттепель” выходила сельскому хозяйству и всем, кто с ним связан, боком, экономическим “морозом” и засухой» [22. С. 134].

Список источников

1. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021. 360 с.
2. Ханнин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 516 с.
3. Высоцкий В.С. Я, конечно, вернусь: Стихотворения, песни, проза. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Протопопов А.С., Козыменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). М.: Аспект Пресс, 2001. 344 с.
5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 253.
6. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 386.
7. Рычков А.В. «Сельское хозяйство без всяких научных схем само себя поднимет...» // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 64–72.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 9. Д. 574. Л. 132.
9. Сельская жизнь. 1961. 21 февраля.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 22. Д. 310.
11. Справочник партийного работника. Вып. 4. М.: Госполитиздат, 1963. 736 с.
12. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 475. Л. 63–65.
13. Горлов В.Н. Первый официальный визит главы Советского Союза в США: шаг на пути к взаимопониманию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 124–132.
14. Ильин В.С., Ильин И.В. История селекции кукурузы в Сибири // Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. Т. II: Селекция и семеноводство, механизация. Омск: Фрактал, 1998. С. 61–67.
15. Манякин С.О. Сибирь далекая и близкая: Записки партийного работника. М.: Политиздат, 1985. 286 с.
16. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 252.
17. Милащенко Н.З. Поле нашей жизни // Время Манякина. Воспоминания. М.: Омское землячество в Москве, 2011. С. 211–220.
18. Сельское хозяйство. 1959. 1 декабря.
19. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 381.
20. Неклюдов А.Ф. Развитие научных основ севооборотов в Западной Сибири // Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. Т. I: Земледелие, животноводство, экономика. Омск: Фрактал, 1998. С. 62–70.
21. Сельское хозяйство. 1958. 4 сентября.
22. Каштанов А.Н. Нас подружила омская земля // Время Манякина. Воспоминания. М.: Омское землячество в Москве, 2011. С. 129–140.

References

1. Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K. & Okulov, M.O. (2021) *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu* [The Crystal of Growth toward the Russian Economic Miracle]. Moscow: Nashe zavtra.
2. Khanin, G.I. (2008) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya* [Economic History of Russia in Modern Times]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
3. Vysotskiy, V.S. (2001) *Ya, konechno, vernus': Stikhotvoreniya, pesni, proza* [I Will, of Course, Return: Poems, Songs, Prose]. Moscow: EKSMO-Press.
4. Protopopov, A.S., Koz'menko, V.M. & Elmanova, N.S. (2001) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy i vneshney politiki Rossii (1648–2000)* [History of International Relations and Foreign Policy of Russia (1648–2000)]. Moscow: Aspekt Press.
5. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 52. List 1. File 253.
6. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 52. List 1. File 386.
7. Rychkov, A.V. (2019) "Sel'skoe khozyaystvo bez vsyakh nauchnykh skhem samo sebya podnimet..." ["Agriculture will raise itself without any scientific schemes..."]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 64–72.
8. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 9. File 574. Page 132.
9. *Sel'skaya zhizn'*. (1961) 21 February.
10. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 556. List 22. File 310.

11. Bugaev, Z.I. (ed.) (1963) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of a Party Worker]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat.
12. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 556. List 22. File 475. Pages 63–65.
13. Gorlov, V.N. (2020) Pervyy ofitsial'nyy vizit glavy Sovetskogo Soyuz v SShA: shag na puti k vzaimoponimaniyu [The first official visit of the head of the Soviet Union to the United States: a step towards mutual understanding]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 4. pp. 124–132.
14. Il'in, V.S. & Il'in, I.V. (1998) Istoriya selektsii kukuruzy v Sibiri [History of corn breeding in Siberia]. In: *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 170-letiyu Sibirskoy agrarnoy nauki* [Collection of Research Papers Dedicated to the 170th Anniversary of Siberian Agrarian Science]. Vol. 2. Omsk: Fraktal. pp. 61–67.
15. Manyakin, S.O. (1985) *Sibir' dalekaya i blizkaya: Zapiski partiynogo rabotnika* [Siberia, Far and Near: Notes of a Party Worker]. Moscow: Politizdat.
16. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 52. List 1. File 252.
17. Milashchenko, N.Z. (2011) Pole nashey zhizni [The field of our life]. In: *Vremya Manyakina. Vospominaniya* [Manyakin's Time. Memories]. Moscow: Omskoe zemlyachestvo v Moskve. pp. 211–220.
18. *Sel'skoe khozyaystvo*. (1959) 1 December.
19. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 52. List 1. File 381.
20. Neklyudov, A.F. (1998) Razvitiye nauchnykh osnov sevooborotov v Zapadnoy Sibiri [Development of the scientific foundations of crop rotation in Western Siberia]. In: *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 170-letiyu Sibirskoy agrarnoy nauki* [Collection of Research Papers Dedicated to the 170th Anniversary of Siberian Agrarian Science]. Vol. 1. Omsk: Fraktal. pp. 62–70.
21. *Sel'skoe khozyaystvo*. (1958) 4 September.
22. Kashtanov, A.N. (2011) Nas podruzhila omskaya zemlya [The Omsk land made us friends]. In: *Vremya Manyakina. Vospominaniya* [Manyakin's Time. Memories]. Moscow: Omskoe zemlyachestvo v Moskve. pp. 129–140.

Информация об авторе:

Рычков А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Rychkov, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 12.12.2024;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/517/19

Государственно-идеологические воздействия на топонимическую систему Притомья в 20–80-е гг. XX в.*

Анатолий Андреевич Тухель¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются последствия государственно-идеологических воздействий на топонимику. Выделены качественные этапы функционирования указанной топонимической системы и определены связанные с их сменой трансформации топонимики, в том числе в количественном отношении, а также выявлены деструктивные тенденции и процессы внутри топонимической системы. В качестве подтверждения приводятся численные показатели изменения топонимики в результате реорганизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: топонимическая система, государственно-идеологические воздействия, Притомье, коллективизация, ликвидация неперспективных деревень, топоним, ойконим, микропоним

Для цитирования: Тухель А.А. Государственно-идеологические воздействия на топонимическую систему Притомья в 20–80-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 171–177. doi: 10.17223/15617793/517/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/19

State-ideological influences on the toponymic system of Pritom'e in the 1920s–1980s

Anatoly A. Tukhel¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Abstract. The article examines the state-ideological influences on the toponymic system of Pritom'e (the Tom River Region) from the 1920s to the 1980s and serves as an "ideological continuation" of the author's previous work on an earlier period (the second half of the 19th century to the first quarter of the 20th century). The issue of state-ideological influence on socio-cultural processes, which are directly reflected in the toponymic system, is of particular relevance today. This is because, within the current political context of building a new state model on the ruins of the Soviet system and the reorientation of the Russian state from the "West" to the "East," questions regarding the effectiveness, safety, and adequacy of measures applied to the population, social institutions, various spheres of societal life, and other states are more pressing than ever. Toponymy (in this case, the toponymic system of Pritom'e) serves as the primary instrument, source of information, and indicator of the nature of socio-cultural processes, and is therefore the main subject of this research. Regional trends in the transformation of toponymic systems and their degradation during the Soviet period were largely similar. Consequently, the experience of one system – its qualitative and quantitative data and their dynamics – can be correlated and extrapolated to other toponymic systems, and even to a global, all-Russian level. This necessitates the application of comparative-historical, historical-genetic, structural-diachronic, and systemic methods, as well as content analysis, since toponymy has constantly evolved throughout historical retrospect. There are numerous toponymic systems, ranging from regional to global, and they all differ from one another. The toponymic system of Pritom'e is, first and foremost, a system with its own organizational principles and constituent elements. At different chronological stages, the toponymic system undergoes significant qualitative (e.g., lexical/linguistic composition) and quantitative transformations, making the documentation of such changes essential. As a result of this research, conclusions have been drawn regarding the qualitative stages in the transformation of the key organizational principle of the toponymic system. An analysis of factual material containing information on settlements – their establishment, transformation, and disappearance – has been conducted. Specific examples are provided to illustrate how the toponymic system evolved over time under the influence of socio-cultural processes driven by pronounced state-ideological influence from the 1920s to the 1980s.

Keywords: toponymic system, state-ideological influences, Pritom'e, collectivisation, liquidation of unpromising villages, toponym, oikonym, microtoponym

For citation: Tukhel, A.A. (2025) State-ideological Influences on the toponymic system of Pritom'e in the 1920s–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 171–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/19

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Данную статью можно считать по сути своей продолжением предыдущей работы автора, которая была посвящена государственно-идеологическим воздействиям на топонимику в более ранний период – во второй половине XIX – начале XX века.

Согласно выводам автора, государственно-идеологические воздействия в первую очередь стали катализатором активизации и интенсификации социокультурных процессов в исследуемом регионе и в значительной степени выразились в существенном увеличении численности населения Томской губернии, Томского и Кузнецкого уездов в частности, благодаря активизации миграции населения, в том числе в период проведения Столыпинской аграрной реформы, увеличению его плотности и рождаемости, снижению смертности, усилению межэтнических контактов и активному развитию инфраструктуры [1. С. 97–104]. В результате топонимическая система Притомья подверглась значительным качественным и количественным изменениям (образование новых населенных пунктов и их наименований, видоизменение существующих, появление топонимов-конструктов и т.п.).

Данная же статья посвящена трансформациям в топонимической системе Притомья в результате активных государственно-идеологических воздействий в 20–80-е годы XX века. Но топонимическая система Притомья в указанный период (советская топонимика) примерно на 3/4 представлена дореволюционными наименованиями географических объектов. «Значительно обогатилась топонимия после Октябрьской революции... несмотря на пополнение топонимической лексики новыми словами, большая ее часть представляет собой в сущности словарь отдаленных от нас времен» [2. С. 59]. Поэтому, прежде чем приступить к раскрытию основной темы, анализу факторов, в значительной степени повлиявших на топонимику исследуемого региона, необходимо, насколько это возможно, кратко **обратиться к исходным данным, результатам предыдущей статьи**, о которой было сказано выше. Эти данные – чекпоинт, водораздел, точка невозврата/бифуркация, с которой начались существенные изменения в топонимике, после которой последняя практически полностью утратила самостоятельность, утратила принцип самоорганизации, в значительной степени пострадала и начала разрушаться.

Топонимическая система Притомья во второй половине XIX – начале XX в. представлена подсистемами Южной части Томского и Кузнецкого уездов. На территории Томского уезда (по преимуществу южной его части), по данным памятной книжки Томской губернии 1904 г., в 10-е годы XX века имели место быть 912 ойконимов и 245 гидронимов (1 158 топонимов в общей сложности) [3. С. 5–155]. На территории Кузнецкого уезда – 559 ойконимов и 170 гидронимов (729 топонимов всего) [3. С. 447–551]. До середины 1920-х годов количество зафиксированных наименований географических объектов (ойконимов и гидронимов в основе своей), на основании данных из словаря В.М. Шабалина, увеличилось до 2 503 [4. С. 1–225]. Из них 1 503 – аборигеноязычные топонимы, в основном тюркские. «...Топонимия постепенно обогащалась и становилась более разнообразной. Вместе с ростом

числа поселений на разных уровнях (подсистемном и системном. – А.Т.) происходил и количественный рост названий» [2. С. 59].

Топонимическая система Притомья представлена по преимуществу русскоязычными и тюркоязычными наименованиями – две эти группы преобладают в значительной степени, реже встречаются южносамодийскоязычные и кетоязычные. Русскоязычных топонимов больше, чем топонимов из каждой группы, но на локальном уровне они не всегда довлеют над ними. «Хотя в настоящее время абсолютное большинство жителей ее (Кемеровской области. – А.Т.) является русскоязычным населением, географические названия русского происхождения малочисленнее тех, которые были даны коренным населением» [4. С. 3]. Скажем, на территории Горной Шории тюркоязычных топонимов значительно больше русских, тогда как на севере Кузбасса – наоборот. Благодаря активизации межэтнических контактов на территории региона, высокой интенсивности социокультурных процессов и, самое главное, по преимуществу мирному их характеру, в топонимике все чаще начинают встречаться топонимы-конструкты как на системном, так и на подсистемном уровнях. На территории региона сформировалось около 240 топонимов-конструктов, что сопоставимо в процентном соотношении с численностью аборигеного населения (7,25% от общего числа топонимов и 7,94% численности инородцев от общего числа населения на территории, например, Томского уезда) [1. С. 101–102; 5. С. 49].

В начале XX в., по преимуществу в период проведения Столыпинской аграрной реформы, появилось 126 новых ойконимов, 137 ойконимов видоизменились/были заменены другими наименованиями [5. С. 49]. В Притомье сохраняется на тот момент социокультурное единство большого количества этнических групп, несмотря на активную реформаторскую деятельность и значительное вливание русскоязычного населения и его культуры в регион. «В южной и средней части Западной Сибири имеется замкнутый ареал топонимов...» [6. С. 293], что, безусловно, свидетельствует о самоорганизации и существенной «независимости» топонимической системы Притомья от внешних, казалось бы, деструктивных факторов.

Автор считает, что основными условиями сохранения устойчивости топонимической системы Притомья до начала советских преобразований в XX в. являются: отсутствие прямого и ограниченно косвенное влияние на самоорганизацию и саморегуляцию топонимики; принцип невмешательства в дела аборигенного населения, в том числе Притомья (до аграрно-административной реформы конца XIX в.) [7. С. 503–505; 8. С. 556–566]; самостоятельность в выборе места для поселения до второй половины XIX в.; развитие инфраструктуры в регионе.

С 1900 по 1913 г. увеличилось примерно в 2 раза количество медицинских пунктов [5. С. 43], было построено более двух тысяч верст дорог, что так или иначе способствовало переселенческому процессу и его всестороннему обеспечению (это, безусловно, способствовало сохранению населенных пунктов).

К слову сказать, одной из основных причин самостоятельного/вынужденного переселения сельского населения в другие населенные пункты и города в 60–70-е годы XX века стало отсутствие необходимой инфраструктуры (моста – Асаново-на-Томи, электричества – Ленинка).

Топонимика до начала советских преобразований сохраняла свою устойчивость, представляла собой самоорганизующуюся, независимую систему, которая активно развивалась, которая как живой организм сохраняла в себе самое важное, отторгая естественным образом то, что не могло прижиться или же было для нее слишком чуждым. Она вмещала в себя и аборигенные, и русские топонимы, их комбинацию в виде топонимов-конструктов. В ней сохранялись замкнутые ареалы, на которые по логике вещей должны были, но не воздействовали ни миграция русскоязычных крестьян и их расселение, в том числе императивное, ни потеря аборигенами этнической идентичности в той или иной степени и особого статуса инородческого сословия [5. С. 44; 9. С. 394–416]. «Этот постоянный прилив переселенцев, обновляя сибирское население, вливая новые соки и прибавляя новые черты, составляет пеструю амальгаму жизни!» [10. С. 84]. Топонимика адаптировалась к изменениям и продолжала жить, как и люди, населяющие регион, как и большинство топонимов, которые эти самые люди и создали.

В результате активных межэтнических контактов происходило взаимообогащение культуры как аборигенного, так и русскоязычного населения. Обогащалась и топонимическая система, неотъемлемой частью которой является народонаселение и которая напрямую отражает его культуру через ее главное вместилище – язык. Автором, безусловно, учитывается опыт проведения аграрной реформы Столыпина в начале XX в. и ее значительное воздействие (внешнее с точки зрения системы) на топонимику Притомья, вызванное существенным ростом населения Томской губернии, Томского и Кузнецкого уездов в том числе, интенсификацией социокультурных процессов.

После смены власти в стране в ходе Великой Октябрьской революции, изменения политического режима, государственной идеологии и в результате проведения новой советской администрацией мероприятий, по преимуществу своему, в области реструктуризации сельского хозяйства, саморегуляция и самоорганизация топонимической системы Притомья, как и других подобных региональных топонимических систем, прекратилась. Внесенные властными структурами изменения в сельское хозяйство, начало колхозного строительства, политика укрупнения колхозов и последующие шаги в государственном регулировании аграрного сектора экономики, в том числе ликвидация перспективных населенных пунктов, привели к утрате топонимикой устойчивости и впоследствии к постепенному ее разрушению, которое продолжается до настоящего времени. Следует отметить, что «искусственная» в какой-то мере регуляция топонимики была естественной для текущего уровня развития государства. Внешняя среда топонимической системы стала

воздействовать на последнюю значительно сильнее, чем внутренняя.

Государственная идеология постепенно стала одним из основных инструментов, изменявших топонимическую систему. Появляется дополнительный факт дестабилизации топонимической системы – прямое государственно-идеологическое вмешательство в устройство топонимической системы: переименование, идеологическая обработка. Автор предполагает, что такой обработке были подвергнуты все без исключения наименования географических объектов. Так или иначе, все топонимы проверялись на соответствие советским стандартам или, по крайней мере, на непротиворечие им.

Прямое воздействие на топонимику, зачастую обусловленное, с одной стороны, необходимостью утверждения идеологии, с другой – необходимостью ее поддержания, увековечивания «советской атмосферы», приводит к появлению топонимов-советизмов как инициативы «снизу» или (в большей степени) навязанной «сверху». В период с 1917 по 1925 г. на территории Притомья образуются семнадцать населенных пунктов с подобными названиями; еще четыре населенных пункта переименовываются в идеологическом ключе. Из 126 образованных в первой четверти XX века всего 17 носили «социалистический характер» (Краснинск, Ленино, Октябрьский (шесть одинаковых названий населенных пунктов), Калининский и др.), казалось бы, не так уж и много.

Но топонимическая система, которая по сути является отражением социокультурных процессов и индикатором их характера, стала «заложником» государственного регулирования в том смысле, что политика была направлена на одно (скажем, создание колхозов), но при этом вызывало и совершенно другое – появление/исчезновение, переименование населенных пунктов, каковой цели изначально не ставилось. «На высшей ступени развития общественного производства установление имён и наименование объектов определяются специальными правительственными актами и декретами» [2. С. 57]. Практически повсеместно на фоне реорганизации аграрного сектора постепенно образуются советизированные наименования, которые мы можем зафиксировать в названиях промышленных поселков, колхозов, которые постепенно сливались с названиями населенных пунктов, не повсеместно, но зачастую. Опять же, следует сказать, что сама возможность появления топонима, его видоизменения имеет место быть только в том случае, если есть, что им обозначать. «Советизмы» – неустойчивые ойконимы (Совхоз № 2 НКВД (Совхоз МВД) ликвидирован в 1950-е, Заготскот (Поселок Скотобаза) ликвидирован в 1960-е., Советский ликвидирован в 1970-е).

Возможность их сохранения, по предположению автора, связана с постепенным привыканием к ним советских граждан и идеологической приверженностью последних; наличием «селообразующих предприятий» – колхозов, например, что также определяет и третье условие – государственное регулирование и обеспечение, что выражается в поддержании жизнеспособности

населенных пунктов (развитии инфраструктуры, в частности).

К концу хронологического периода советизированных топонимов (из образованных или переименованных) сохранилось лишь незначительное количество относительно досоветских. При этом топонимы досоветские зачастую имели за собой многовековую историю, что косвенно свидетельствует о правомерности выводов о стабильности и саморегулируемости топонимики Притомья. И то, что веками наращивалось и органически вписывалось вопреки всем сложностям, пустило корни гораздо глубже, чем новодел.

Основной причиной **дестабилизации** и разрушения топонимической системы Притомья в советский период является проводимое советской администрацией регулирование хозяйственной деятельности сельского населения (создание колхозов, их укрупнение, «совхозовизация», ликвидация неперспективных деревень и т.д.). Это является ключевым фактором в изменении топонимики (например, на территории Кемеровской области в 1970-е годы как неперспективные были ликвидированы или исчезли 153 населенных пункта – на 10 больше, чем появилось за предшествующие полвека; к слову сказать, за конец XIX – первую четверть XX века исчезло всего 8) [5. С. 71].

С 1930-х по 1980-е годы из практически 600 населенных пунктов, расположенных на территориях Шегарского, Томского, Кривошеинского, Зырянского и Асиновского районов Томской области, осталось около 280, т.е. чуть меньше половины. Исчезновение этих населенных пунктов напрямую связано с вышеуказанными мероприятиями в области сельского хозяйства [5. С. 77].

Более детально можно проследить динамику трансформации топонимической системы Притомья на примере Молчановского и Кожевниковского районов Томской области. Тенденции общие для всего региона. Ниже приводятся данные за период с 1939 по 1989 г.

Молчановский район [11. С. 1–224; 12. С. 61–64; 13. Л. 1–6; 14. Л. 12; 15. Л. 1].

Согласно полученным данным, на территории Молчановского района в период с 1939 по 1989 г. было **136** уникальных ойконимов. Эти ойконимы соответствуют **118** населенным пунктам. Причиной такого разночтения является наличие у некоторых населенных пунктов двойных, а то и тройных вариантов названия.

На территории административной единицы было зафиксировано **3** заимки, **9** хуторов и **27** малых населенных пунктов, численность которых за весь период с 1939 по 1989 г. не превышала 40–50 человек. Всего таких населенных пунктов, которые можно отнести к «нестабильным» или «неустойчивым», было **39**. При этом следует отметить, что хутора в данном случае по численности были достаточно значительными (например, хутора Троицкие – в 1939 г. – 137 человек, Петропавловка в том же году – 251 человек; для сравнения – деревни Романовка, Базановка – 83 и 67 соответственно).

На территории также зафиксировано **7** топонимов-конструктов, что составляет в общей сложности **5,1%** от общего количества топонимов.

Населенный пункт Луговое **вошел в состав** населенного пункта Игреково в конце 1960-х гг., а также населенный пункт Левый берег Оби **вошел в состав** Знаменки (Нарги) – вот как раз пример двойных названий, о которых речь шла двумя абзацами выше.

Населенные пункты исчезли из-за колхозного строительства, укрупнения колхозов, «совхозизации» или были ликвидированы как неперспективные.

В 1930–1940-е гг.: населенные пункты Малый Та-тош, Антиповка, Киприяновка, Кирпичный завод, Пионерлагерь, Пристань Миронова, Выщлан, Километр 6-й, Нагорный, Таганцевка, Макаровка, Фадеева кривуля, Верх-Старица, Вяткино, Кымова, Наша воля, Нижняя Старица, Смирькино, Филиппова, Дурной-Полой, Ивановка, Старица, Усть-Ярма.

1950-е гг.: населенные пункты Левый берег Оби, Захаровка, Междугранный, Рождественка, Савельевка, Титовка, Шагаловка, Пивоваровка, Варфоломеевка, Каракалы-Аксаринск, Кузнецовка, Максимовка, Федосеевка, Чебаново (Чебанская), Бояркино, Верх-Таткино, Туделеково, Чугайка, МТС, Лесоперевалочная база.

1960-е гг.: населенные пункты Верхний Сор, Канигина (Камангино), Березовка, Троицкие, Трудовик, Большая Корта, Чебаново, поселок Крахмального завода, Мадого (Мадуга), Романовка, Базановка, Десятова (Десятое), Ель-речка, Мундрин (Мудрино), Мандраково, Нижнее Таткино (Таткино), Драничино, Нижняя Пуданга, Новая река, Панчино, Кутузовский, Шагаровка (Шегаровка), заимка Ивановская старица, Колоберга, заимка бакен Куксанко, Малая Анга, Мирный, Луговое, Нижне-Салтыково, заимка Черкесовская станица, Боровое.

1970-е гг.: населенные пункты Волок (Большой Волок), Амбарцево, Былино, Нижний Сор, Афанасьевка, Петропавловка, Анга, Орловка, Ново-Игреково (Хар), Корегода, Усть-Чулым.

1980-е гг.: населенные пункты Золотое (Золотой), Самоседовка, Прогресс, Смолокуровка, Харск, Фоминка, Знаменка (Нарга), Пригородное, Верхне-Салтыково, Орловка, Стрежное, Черкесово.

В разные годы исчезло **100** населенных пунктов (**85%** от общего количества). Из **39** населенных пунктов, не представлявших собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка) исчезло **38**, все хутора и заимки в том числе, что составляет примерно **32,5%** от общего количества или примерно **38%** от исчезнувших. При этом на территории Молчановского района из 136 ойконимов осталось только **29**, или **21,3%**.

Кожевниковский район [11. С. 1–224; 12. С. 61–64; 16. Л. 1–6; 17. Л. 1; 18. Л. 105; 19. Л. 149].

Согласно полученным данным, на территории Кожевниковского района в период с 1939 по 1989 г. было **133** уникальных ойконима. Эти ойконимы соответствуют **104** населенным пунктам. Опять же, причиной такого разночтения является наличие у некоторых населенных дополнительных вариантов наименования.

На территории административной единицы было зафиксировано **5** хуторов и **14** малых населенных

пунктов, численность которых за весь период с 1939 по 1989 г. не превышала 40–50 человек. Всего таких населенных пунктов, которые можно отнести к «нестабильным» или «неустойчивым», было 19.

На территории также зафиксировано 7 топонимов-конструктов, что составляет в общей сложности 5,2% от общего количества топонимов.

Населенный пункт Малая Муллова **вошел в состав** Шегарского района в 1951 г. Населенные пункты Десятово, Майгано, Старковка **вошли в состав** Кожевниковского района в 1960-е гг.

Населенные пункты исчезли из-за колхозного строительства, укрупнения колхозов, «совхозизации» или были ликвидированы как неперспективные.

В 1930–1940-е гг.: населенные пункты Евсеевка, Чулымчик (Яуш), Бараки Леспромхоза, Усть-Таган (Таганские юрты), Александровка, Демьяновка, Ильинка (Фомихинский), хутор Беговой плесы (Беговой Плех), Голубинка, Круглый Омут, Кобзево, Малая Ромашевка (Вторая Ромашевка), Никифоровка, Северная Ромашевка, Компорово, Заобской.

1950-е гг.: населенные пункты Красный пахарь, Мячено (Мячино), Большая Евтюшина (Евтюшино), Большая Ромашовка, Саратовка.

1960-е гг.: населенные пункты Посинье, Борики, Малый Елгайчик (Малый Елгай), Канаево, Пономарево (Спиртопорошковый завод), Табор, Шайтан, Королевка, Казанский (Малая Кудиновка), Тека (Тека 1, Льва Толстова), Карпово, Бочкаревка, Цветковка.

1970-е гг.: населенные пункты Ивохино (Евохинский, Голый Чегин), Иринский борик (Иринский бор, Борики), Кирева, поселок Заготскот (Нагорный), Сарай (Сарайная), Береговая Плесо (Беговая Плесо), Майганы, Старковка, Крыловка, Пичугино, Кушлова (Кумлова), Елигечево, Летяжье.

1980-е гг.: населенные пункты Красный Яр, Каштаково, Сознание (Свободная жизнь), Поперечная, Астраханцево, Молчаново, Карлюки, Кудиновка, Ново-Ивановка (Вальковский), Волкодаевка, Журиловка, Начало, Могильники, Никольский Борик, Ново-Александровка.

В разные годы исчезло 62 населенных пункта (примерно 60% от общего количества). Из 19 населенных пунктов, не представлявших собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), исчезли абсолютно все хутора и заимки в том числе, что составляет примерно 18,3% от общего количества населенных пунктов или примерно 31% от исчезнувших. При этом на территории Кожевниковского района из 133 ойконимов осталось только 48, или 36%.

Исчезновение населенного пункта, его наименования и, самое главное, его населения, которое является (являлось) живым свидетелем, носителем информации о существующих (а они в большинстве своем остаются) или существовавших поблизости от населенного пункта микротопонимах, формирует проблему микротопонимики и ее «учета». Деструктивные тенденции в топонимике (ее разрушение в основе своей) приобретают больший масштаб в случае, если рассматривать

вместе с исчезновением населенных пунктов (ойконимов) исчезновение и микротопонимов (гидронимов, дринонимов, оронимов, зачастую не указанных на картах), о существовании которых известно исследователю непосредственно или опосредованно через знания местного населения. Косвенным подтверждением данного тезиса является тот факт, что при исчезновении населенного пункта вместе с ним исчезает и его название, но таких уникальных названий иногда бывает больше, чем самих населенных пунктов. Бесспорно также, что в каждом населенном пункте есть как минимум одно название улицы, что также по сути своей является топонимом (годонимом).

Например, на территории Мальцевского сельского поселения (с. Мальцево) Юргинского муниципального округа по данным, полученным в ходе проведения интервью с так называемыми «старожилами», имеют место быть следующие микротопонимы: Домнина гора, Косогоры, лог Бикет, Чернышев лог, Сидоркино озеро, Военный городок, Дунай-ручей, Старина (изначально месторасположение населенного пункта), Даль, озера Первое, Второе, Третье и др. Все они, очевидно, исчезнут вместе с селом и его жителями (потенциально).

Таким образом, мы видим перед собой два качественных этапа функционирования топонимической системы – самоорганизацию и прямую и значительную зависимость от деятельности властей. Мы видим две аграрные реформы и конкретные результаты их проведения, измеряемые вполне конкретными показателями в виде появления, переименования, ликвидации/исчезновения населенных пунктов. Почему именно этот критерий важен более остальных? Потому что аграрная сфера напрямую связана с сельским населением. Деревня, село – это источник сельскохозяйственной продукции, залог успеха аграрного сектора – высокий уровень жизни, оснащенности сельского населения, вообще его существования. Если в Столыпинскую реформу сельская переселенческая сеть **прирастает**, то колхозное строительство и последующие мероприятия советской власти эту сеть разрушают, не дают ей **самостоятельно** развиваться. Мы видим совершенно несоизмеримые «цифры потерь» среди населенных пунктов до революции и после, в основном начиная с конца 20-х годов XX века.

Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики СССР, безусловно, не была единственным фактором трансформации топонимических систем, в том числе Притомья. Автор выделяет, помимо всего прочего, инерцию переселенческого процесса, заложенного Столыпинской аграрной реформой, ограниченные внутренние миграции аборигенного населения, переселение из европейской России из-за голода, например, спецпереселения и прочее. Однако она стала определяющей.

Экстраординарное снижение численности населения в ходе Великой Отечественной войны, утрата работоспособности значительной частью трудоспособного населения, в том числе в результате увечий, само собой разумеется, привели к деградации колхозов, совхозов, их «вымиранию» и, соответственно, вынудили советскую администрацию пойти на определенные

шаги, выраженные в «оптимизации» аграрного сектора. Количество населенных пунктов сокращалось, поддержка инфраструктуры ограничивалась в силу огромных, необоснованных в данный период, с точки зрения государства, на это затрат. Автор понимает необходимость проводимых советской властью мероприятий, осознает их целесообразность. Однако, так или иначе, это не отменяет того факта, что топонимика как таковая была подвержена в значительной степени негативным факторам, что привело к ее постепенному разрушению, стиранию культурных следов, отраженных в топонимах.

Обусловленная вызовами времени реструктуризация аграрного сектора экономики, коллективизация, укрупнение колхозов, создание совхозов, ликвидация неперспективных деревень оказали решающее значение в трансформации топонимической системы Притомья в 20–80-е годы XX века. Они же сказались на социокультурной составляющей, поскольку топонимика по сути своей является отражением всех изменений последней. Топонимика реагирует на социокультурные

процессы, в данном случае – активным своим изменением, разрушением в большей степени. Если **представить**, сколько топонимов исчезло в результате указанных мероприятий советской администрации, которые являются качественными этапами непрерывного процесса преобразования сельского хозяйства, то сколько же топонимов исчезло, видоизменилось, появилось в результате других мероприятий, преобразований, например спецпереселений?

Проблема микротопонимов и масштабности трансформации топонимики за счет их (микротопонимов) исчезновения вместе с ойконимами требует дальнейшего исследования и тщательной проработки. Вопрос остается открытым и обозначает дальнейшую перспективу и возможное направление исследования. Кроме того, данная проблема представляется актуальной с точки зрения научного знания и его преумножения и обладает социальной значимостью в области сохранения культурного наследия как аборигенного, так теперь уже и русскоязычного, т.е. всего российского населения.

Список источников

1. Тухель А.А. Трансформация топонимики Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века: государственно-идеологические воздействия // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 97–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
2. Жучкевич В.А. Общая топонимика. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
3. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томский статистический комитет. Томск : Товарищество С.П. Яковлева, 1904. 663 с.
4. Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой : краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск : Наука, 1994. 225 с.
5. Тухель А.А. Социокультурные процессы на территории Верхнего Притомья в 20–70-е годы XX века и их отражение в топонимической системе : магистерская диссертация. Томск, 2023. С. 1–94.
6. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 289–296.
7. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собр. 3 (1881–1913). Т. 16. С. 503–505.
8. «Главнейшие основания поземельного устройства крестьян и инородцев» от 31 мая 1899 г. Положение // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собр. 3 (1881–1913). Т. 19. С. 556–566.
9. «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Устав // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1 (1649–1825). Т. 38. С. 394–416.
10. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
11. Список населенных мест Сибирского края : в 2 т. Новосибирск, 1929. Т. 2. 224 с.
12. Численность населения по каждому населенному пункту Томской области по итогам ежегодного учета и Всесоюзных переписей населения за период с 1959 по 1989 г. Томск, 1990. 95 с.
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 166.
14. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 31.
15. ГАТО. Ф. Р-1700. Оп. 5. Д. 16. Приложение.
16. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 162.
17. ГАТО. Ф. Р-1700. Оп. 5. Д. 24. Приложение.
18. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 31.
19. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 207.

References

1. Tukhel', A.A. (2021) Transformatsiya toponimiki Verkhnego Pritom'ya vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX veka: gosudarstvenno-ideologicheskie vozdeystviya [Transformation of the toponymy of the Upper Tom region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th century: state and ideological influences]. *Istoricheskiy kur'er*. 6 (20). pp. 97–104. [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf>. (Accessed: 28.08.2024).
2. Zhuchkevich, V.A. (1968) *Obshchaya toponimika* [General Toponymy]. 2nd ed. Minsk: Vysheishaya shkola.
3. Tomskiy gubernskiy statisticheskiy komitet [Tomsk Provincial Statistical Committee]. (1904) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1904 god* [Commemorative Book of Tomsk Province for 1904]. Tomsk: Tovarishestvo S.P. Yakovleva.
4. Shabalin, V.M. (1994) *Tayny imen zemli Kuznetskoy: kratkiy toponimicheskii slovar' Kemeroovskoy oblasti* [Secrets of the Names of the Kuznetsk Land: A Brief Toponymic Dictionary of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: Nauka.
5. Tukhel', A.A. (2023) *Sotsiokul'turnye protsessy na territorii Verkhnego Pritom'ya v 20–70-e gody XX veka i ikh otrazhenie v toponimicheskoy sisteme* [Sociocultural processes in the Upper Tomsk region in the 1920s–1970s and their reflection in the toponymic system]. Master's Thesis. Tomsk.
6. Dul'zon, A.P. (1960) [Ethnic composition of the ancient population of Western Siberia based on toponymy]. *Proceedings of the 25th International Congress*. Moscow. 9–16 August 1960. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. pp. 289–296. (In Russian).
7. Russian Empire. (1896) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3 (1881–1913)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 16. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. pp. 503–505.

8. Russian Empire. (1899) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3 (1881–1913)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 19. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. pp. 556–566.
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1 (1649–1825)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (1649–1825)]. Vol. 38. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 394–416.
10. Yadrintsev, N.M. (1889) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a Colony]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
11. Sibirskiy kraevoy ispolnitel'nyy komitet [Siberian Regional Executive Committee]. (1929) *Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya* [List of Populated Areas of the Siberian Region]. Vol. 2. Novosibirsk: [s.n.].
12. Tomskstat. (1990) *Chislennost' naseleniya po kazhdomu naselennomu punktu Tomskoy oblasti po itogam ezhegodnogo ucheta i Vsesoyuznykh perepisey naseleniya za period s 1959 po 1989 g.* [Population Size for Each Populated Locality in Tomsk Oblast Based on the Results of the Annual Census and All-Union Population Censuses for the Period from 1959 to 1989]. Tomsk: Tomskstat.
13. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-591. List 1. File 166.
14. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1085. List 3. File 31.
15. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1700. List 5. File 16. Appendix.
16. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-591. List 1. File 162.
17. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1700. List 5. File 24. Appendix.
18. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1085. List 3. File 31.
19. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-829. List 3. File 207.

Информация об авторе:

Тухель А.А. – аспирант факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Tukhel, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 15.11.2024;
approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/517/20

Моделирование системы развития глобальных компетенций студентов в вузе

*Кулжанат Нурымжановна Булатбаева^{1, 2}, Гузалия Жевдятовна Фахрутдинова³,
Альбина Тагировна Галияхметова⁴*

¹ Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

² Национальная Академия образования имени И. Алтынсарина, Астана, Казахстан

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

⁴ Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

^{1, 2} kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru

³ gdautova@mail.ru

⁴ albinagal2601@mail.ru

Аннотация. Актуализирована проблема отсутствия системного подхода к формированию глобальных компетенций студентов в российских и казахстанских вузах. Обоснованы научные механизмы моделирования системы развития глобальных компетенций у обучаемых с учетом результатов исследований и практического опыта зарубежных педагогов-исследователей, изучения состояния вопроса в российских и казахстанских вузах. Описаны этапы и разработка модели вузовской системы развития глобальных компетенций студентов. Определены педагогические условия реализации модели и структура методической системы формирования глобальных компетенций в вузе.

Ключевые слова: глобальные компетенции, модель системы развития глобальных компетенций, студенты, университеты, методическая система

Для цитирования: Булатбаева К.Н., Фахрутдинова Г.Ж., Галияхметова А.Т. Моделирование системы развития глобальных компетенций студентов в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 178–187. doi: 10.17223/15617793/517/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/20

Modeling a system for developing global competencies in university students

Kulzhanat N. Bulatbayeva^{1, 2}, Guzaliya Zh. Fahrutdinova³, Albina T. Galiakhmetova⁴

¹ Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

² National Academy of Education named after Y. Altynsarin, Astana, Kazakhstan

³ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

⁴ Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

^{1, 2} kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru

³ gdautova@mail.ru

⁴ albinagal2601@mail.ru

Abstract. The experience of foreign universities in the USA, England, and Germany on the research topic has been studied and described. Based on this, key thematic blocks were identified, and a survey among university faculty members was conducted. The concept of "global competency" is defined as an aggregate of three aspects: cognitive; positive-emotional social orientation; civic responsibility. Global competencies are presented as an integral part of preparing students for successful life and professional activity in the modern world. The development of global competencies among university students is currently an important innovative direction in Russian and Kazakhstani education. An analysis of works addressing the development and implementation of theories and practices related to global competencies suggests that this activity remains at a relatively low level within the Russian and Kazakhstani educational systems. The study highlights the lack of systematic development of global competencies among students and identifies unresolved issues in fostering these competencies in Russian and Kazakhstani universities. It is noted that universities lack an effective system for developing global competencies as a component of future specialists' functional literacy. Based on the results of the survey of university faculty members, a list of aspects requiring systematic solutions is presented. These include: the absence of a strategic direction for developing global competencies at the university level; the lack of standardized, minimized educational content for fostering global competencies; a fragmented approach to addressing the development of global competencies; the absence of a systematic technological solution to the issue; the underdevelopment of assessment tools for determining the level of students' global competence

formation; the lack of methodological requirements for incorporating the global competence component into curricula. Scientific mechanisms for modeling a system to develop global competencies in students are substantiated, taking into account research results and the practical experience of foreign educators and researchers, as well as the current state of the issue in Russian and Kazakhstani universities. A model for a system of developing global competencies in university students is presented. The model includes the following components: faculty acquisition of conceptual foundations in global competencies; standardized content for assessing students' global competencies; standardized content for fostering global competencies in students; a methodological system for developing global competencies in students (including technological solutions); requirements for faculty readiness to foster global competencies in students; the content of a comprehensive evaluation of the university's activities in developing students' global competencies. The results of pilot testing for individual fragments of the model in Russian and Kazakhstani universities are described, and the effectiveness of the proposed model is demonstrated.

Keywords: global competencies, model of global competencies development system, students, universities, methodological system

For citation: Bulatbayeva, K.N., Fahrutdinova, G.Zh. & Galiakhmetova, A.T. (2025) Modeling a system for developing global competencies in university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 178–187. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/20

Введение

Современный мир сегодня в условиях существующих рисков глобального масштаба требует рассмотрения многих факторов, объединяющих человечество в единый целостный организм, способный противостоять всевозможным вызовам и формирующий у каждого человека на этой Земле глобальные компетенции. Объединение усилий людей всего мира возможно на основе решения общих проблем человечества, связанных с изменением климата, сокращением питьевых водных ресурсов, исчезновением некоторых видов растительного и животного мира, сокращением продолжительности жизни, угрозами техногенного характера и т.д.

Система образования является той областью, которая проникает в духовный и когнитивный мир каждого человека на определенных этапах его жизни. Следовательно, эта система должна максимально реализовать весь имеющийся потенциал в формировании глобальных компетенций у представителей молодого поколения.

Недостаточное осознание глобальных проблем человечества препятствует объединению усилий по совершенствованию содержания образования в нескольких направлениях. Комплексный подход к решению проблемы требует прежде всего разработки единой модели системы развития глобальных компетенций обучающихся.

В настоящей статье будет рассмотрена проблема развития глобальных компетенций у студентов в вузе, так как высшее образование охватывает все сферы социальной, экономической и политической жизни общества. Разработка единого механизма позволит всем вузам без ограничения руководствоваться общим подходом, интегрировать компонент по глобальным компетенциям в содержание профессионального образования.

Отсутствие единой установки к реализации процесса формирования глобальных компетенций в вузе сказывается на недостаточной работе по этому направлению. На сегодняшнем этапе образовательные программы не содержат необходимого и достаточного компонента по глобальным компетенциям. Отсутствует научно обоснованная система оценивания сформированности глобальных компетенций. Нет типового

содержания по формированию глобальных компетенций по разным специальностям.

Оставаясь приоритетной задачей современного образования, глобальные компетенции должны стать неотъемлемой частью подготовки студентов к успешной жизни и профессиональной деятельности в условиях глобализации. В этом плане важно разработать механизмы комплексного подхода к решению проблемы образования в аспекте формирования глобальных компетенций у обучающихся через теоретические знания, практические навыки и ценностные установки, обеспечивающие устойчивое развитие современного мира.

Методы исследования

Исследование опирается на анализ психолого-педагогической литературы, а также опыт зарубежных вузов по формированию и развитию у студентов вузов глобальных компетенций. Проведен опрос 125 преподавателей Казанского федерального университета, Казанского государственного энергетического университета, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Казахского национального педагогического университета имени Абая. В исследовании реализован теоретический анализ и обобщен научный и практический опыт российских и зарубежных вузов, что позволило сделать выводы о возможности построения эффективной системы развития глобальной компетентности студентов; кроме того, использовано педагогическое моделирование для разработки модельного представления системы развития глобальных компетенций студентов в вузе.

Глобальные компетенции представляют собой совокупность знаний, навыков, установок и ценностей, которые позволяют человеку эффективно функционировать в условиях глобализованного мира, взаимодействовать с представителями различных культур, решать сложные междисциплинарные проблемы и адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Эти компетенции становятся всё более востребованными в современном обществе, где границы между странами и культурами всё более прозрачны, а вызовы, с которыми сталкивается человечество, носят глобальный характер [1].

Глобальные компетенции рассматриваются как компонент функциональной грамотности, в котором представлены следующие аспекты:

а) когнитивный: способность анализировать глобальные проблемы, понимать их причины и последствия, а также находить возможные решения (это требует критического мышления, умения работать с большими объёмами информации и способности видеть взаимосвязи между различными явлениями);

б) положительно-эмоциональная ориентированность на запросы и правила общества (проявление уважения к представителям любой социальной группы и готовность к работе в команде) [2];

в) гражданская ответственность за устойчивое развитие, готовность к внесению посильного вклада в решение глобальных проблем современности (экологических, культурных, социально-экономических, социально-политических и др.).

Глобальные компетенции, на которые ориентируют задания PISA, включают:

1) осведомленность о глобальных проблемах человечества и причастность к решению их в рамках своего личностного потенциала;

2) кросс-культурная грамотность (способность понимать и уважать культурные различия, а также эффективно коммуницировать с представителями других культур, знание языков, традиций, ценностей и норм поведения в разных социальных группах);

3) критическое мышление и рефлексия (умение анализировать информацию, оценивать её достоверность, выявлять предвзятость и формировать собственное мнение на основе фактов, а также способность к саморефлексии и осознанию своих собственных ценностей и убеждений);

4) готовность к действию (стремление активно участвовать в решении глобальных проблем на локальном, национальном или международном уровне) [3].

Опыт зарубежных вузов

Развитие глобальных компетенций является важным аспектом образовательной политики зарубежных вузов, особенно в условиях глобализации и увеличения мобильности студентов и специалистов. В [4] рассмотрено содержание деятельности американских и европейских вузов, направленной на успешную работу их выпускников в международной среде.

Американские университеты нацелены на реализацию междисциплинарности, обеспечение культурного многообразия и практико-ориентированного обучения. Для этого активно практикуют международные программы по обмену студентами (Fulbright или Erasmus+), это способствует достижению компетенции обучающихся по межкультурной коммуникации. Особенно значимы глобальные международные курсы, направленные на освоение знаний о международных отношениях, глобальной экономике, межкультурной коммуникации, устойчивом развитии. Американские вузы делают акцент на проектно-исследовательскую деятельность студентов в условиях международного сотрудничества, благодаря чему развиваются навыки

мультикультурной научной коммуникации. Также в американской системе высшего образования активно организовываются курсы полиязыковой подготовки, поощряются интернациональные молодежные студенческие клубы, созданные на общих интересах по решению глобальных проблем современности, формированию лидерских качеств (например, Гарвардский университет, Стэнфорд).

Британские вузы вышеназванные задачи образования решают через совершенствование содержания профессиональной подготовки. Для этого интегрируют глобальные компетенции в учебные программы, системно вводят задания на развитие критического мышления. Позитивным решением считается также активизация международного партнерства британских вузов с другими зарубежными вузами в аспекте совместных программ дублированного образования. Заслуживают внимания курсы британских университетов по изучению глобальных проблем (изменение климата, вопросы миграции, социальное неравенство) [5]. Также в системе профессионального образования Англии активно практикуется создание мультикультурной среды через заселение в кампусы представителей из разных стран, что позволяет студентам осваивать правила межкультурного общения, получать различную информацию о культуре, традициях, экономике и т.д. народов из разных точек планеты. Британские вузы также практикуют общедоступные для студентов всего мира дистанционные курсы MOOCs (Massive Open Online Courses) по глобальным проблемам здравоохранения, международного права и устойчивого развития в целом (университеты Оксфорд и Кембридж).

Германия находится в лидерской позиции по обеспечению университетами практико-ориентированного обучения и исследовательской базы. Все четыре позиции, отмеченные при описании опыта американских и британских вузов, реализуются в немецкой системе образования: программа DAAD занимается вопросами академического обмена и стажировок на международном уровне; интернациональная студенческая среда развивается через расселение представителей разных стран в кампусах университетов; активизация дублированного обучения; участие студентов, магистрантов и докторантов немецких вузов в международных исследованиях; развитие разных форм интернациональной среды в общественной и учебной деятельности студентов (Технический университет Мюнхена и Гейдельбергский университет и др.), также особого внимания удостоивается методика качественного и количественного оценивания сформированности межкультурной компетенции [6, 7].

Особенность французских вузов в формировании глобальных компетенций студентов проявляется через гуманитарные науки и международное сотрудничество, создание международных университетских сетей (Университет Париж-Сакле), международные программы по академической мобильности и международные стажировки (Erasmus+ и Campus France), участие в международных проектах по глобальным проблемам мира в области здравоохранения, международного права, международному бизнесу (Сорбонна и HEC Paris) [8].

В течение последних пяти лет вузы и научно-исследовательские институты России и Казахстана (в частности, Казанский (Приволжский) федеральный университет и Национальная академия образования им. Ы. Алтынсарина, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева) тесно сотрудничают в аспекте формирования и развития профессиональных компетенций педагогов. Проблема формирования глобальных компетенций является реакцией педагогов-исследователей на глобальные вызовы современности, что требует интеграции деятельности вузов различных регионов. Российские центральные и региональные университеты в последние десятилетия значительно расширили работу по реализации международных программ, по обмену студентами и партнерству по глобальным компетенциям. В Казахстане международным обменом студентов и приглашением зарубежных лекторов-преподавателей активно занимаются ведущие вузы: Назарбаев университет, Казахстанский национальный педагогический университет им. Абая, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

Однако уровень владения иностранными языками и опыт международного взаимодействия у студентов остаются недостаточными, особенно в регионах.

В учебные программы все чаще включаются курсы по межкультурной коммуникации, глобальным проблемам и устойчивому развитию, но их качество и охват могут варьироваться.

В связи с этим в российских и казахстанских вузах, особенно в регионах, в настоящее время особенно актуально:

- усилить языковую подготовку студентов;
- расширить возможности для участия в международных программах и проектах;
- внедрить междисциплинарные курсы, посвященные глобальным проблемам;
- развивать онлайн-платформы для международного сотрудничества и обмена опытом.

Таким образом, проблема развития глобальных компетенций у студентов российских и казахстанских вузов требует системного подхода к ее решению, включающего как образовательные, так и практические аспекты.

Для построения в вузах эффективной системы развития у студентов глобальных компетенций целесообразно на начальном этапе построить модель этой системы.

Моделирование вузовской системы развития у студентов глобальных компетенций – это сложный процесс, который требует учета множества факторов, включая цели образования, современные вызовы глобализации, потребности студентов и возможности образовательной системы преподавателей.

1. Основные этапы и компоненты этой системы

1) Диагностический блок:

- анализ текущего уровня развития глобальных компетенций студентов;

- изучение потребностей работодателей в глобально компетентных специалистах;
- оценка готовности преподавателей к работе в условиях глобализации.

2) Содержательный блок:

- разработка образовательных программ, направленных на развитие глобальных компетенций;
- внедрение междисциплинарных курсов (например, по устойчивому развитию, межкультурной коммуникации, глобальной экономике);
- использование современных технологий (онлайн-курсы, виртуальные обмены, симуляции).

3) Научно-методический блок:

- обучение преподавателей современным методам преподавания (проектное обучение, проблемно-ориентированное обучение, геймификация);
- разработка методических рекомендаций по интеграции глобальных компетенций в учебный процесс;
- внедрение интерактивных форм обучения (дебаты, кейс-стади, международные проекты).

4) Организационный блок:

- создание Центров или кафедр, ответственных за развитие глобальных компетенций;
- организация международных конференций, семинаров и стажировок для преподавателей и студентов;
- установление партнерских отношений с зарубежными вузами и организациями.

5) Оценочный блок:

- разработка критериев оценки уровня развития глобальных компетенций у студентов;
- проведение регулярного мониторинга и анализа результатов;
- корректировка образовательных программ на основе полученных данных.

2. Стратегия инновационной модели системы развития глобальных компетенций студентов в вузе

Основная цель: разработка для вуза комплекса мер по системному и планомерному формированию у студентов глобальных компетенций, обеспечивающих им функциональную грамотность, межкультурную коммуникацию, критическое мышление, устойчивое развитие, цифровую грамотность и готовность к работе в международной среде.

Для достижения поставленной цели важно определить перечень задач:

- определение методологических основ развития глобальных компетенций;
- выявление содержательного потенциала и тайм-возможностей учебных программ по внедрению компонентов глобальных компетенций и обновление программ;
- ориентация педагогов к системной работе по формированию глобальных компетенций в условиях глобализации и формирование их методической и технической готовности к учебному процессу по обновленному содержанию;
- описание модели вузовской готовности к созданию необходимых условий для международного сотрудничества и обмена опытом.

3. Этапы моделирования инновационной модели системы развития глобальных компетенций студентов в вузе

1) Начальный этап:

- определение ключевых теоретических положений по развитию глобальных компетенций и разработка соответствующей методологической базы;
- организация социального мониторинга по владению знаниями о глобальных компетенциях среди студентов и педагогов;

2) Этап проектирования:

- определение содержания системной научно-педагогической деятельности по формированию глобальных компетенций;
- разработка учебных планов и программ по внедрению компонента по формированию глобальных компетенций.

3) Этап реализации:

- внедрение инновационной модели системы развития глобальных компетенций студентов в образовательный процесс вуза;
- проведение тренингов и семинаров для преподавателей;
- обеспечение готовности преподавателей к работе с новыми программами через их повышение квалификации (курсы и семинары).

4) Контрольно-оценочный этап:

- оценка эффективности системы;
- внесение корректировок.

4. Принципы инновационной системы:

- интеграция (соединение глобальных компетенций с профессиональными и общекультурными) [9–11];
- инновационность (использование современных технологий и методов обучения);
- гибкость (возможность адаптации системы к изменяющимся условиям);
- международное сотрудничество (активное взаимодействие с зарубежными партнерами).

5. Ожидаемые результаты:

- повышение уровня глобальных компетенций у студентов;
- укрепление международного имиджа вуза;
- рост профессиональной компетентности преподавателей;
- увеличение числа студентов, участвующих в международных программах [12].

Такая модель требует системного подхода и активного участия всех стейкхолдеров в системе высшего образования (студентов, преподавателей, администрации вуза, работодателей). Ее успешная реализация способствует подготовке конкурентоспособных специалистов, готовых к работе в условиях глобализации.

Развитие глобальных компетенций в вузах становится важным аспектом современного образования, так как оно помогает студентам и преподавателям адаптироваться к вызовам глобализованного мира.

Поддерживающими условиями для реализации идеи системного формирования глобальных компетенций студентов являются заинтересованность преподавателей в профессиональном развитии, расширении

горизонтов деятельности, повышении качества образования, осознании личного вклада в развитие вузовского образования, многоаспектной исследовательской деятельности и материальном стимулировании в различных международных проектах. Эти факторы следует считать благоприятными для реализации идеи, представляемой в настоящей работе, во всех вузах.

Профессиональное развитие достигается через стремление преподавателей находиться в курсе современных тенденций в образовании и науке, что требует развития глобальных компетенций через возможность повышать профессиональный статус посредством участия в международных проектах, конференциях и публикациях [13].

Расширение горизонтов профессиональной деятельности преподавателей происходит на основе работы в международной среде, позволяющей им обмениваться опытом с коллегами из других стран, что обогащает их педагогические методы.

Повышение качества образования видится в том, что развитие глобальных компетенций помогает преподавателям готовить студентов к работе в международной среде, это, в свою очередь, повышает востребованность выпускников [14].

Осознание преподавателями личного вклада в общее дело качественной подготовки кадров происходит на основе того, что их достижения высокого и достаточного уровней глобальной ориентированности будут обобщаться в виде научных публикаций, доказывающих личную причастность к общему делу, будут отмечены в отчетных материалах разных уровней (личный отчет, отчет кафедры, отчет вуза).

Естественная мотивация преподавателей возникает через многоаспектную осведомленность по исследуемой проблеме и материальное стимулирование: участие в исследованиях международного уровня расширяет научный кругозор и обеспечивает информацией по решаемой проблеме без географического ограничения, также зачастую имеет финансовое сопровождение за выполненные исследовательские работы [15].

Заинтересованность студентов в овладении глобальными компетенциями достигается через представление им следующих перспектив:

- предоставляется максимум возможностей для повышения конкурентоспособности на рынке труда: способность к иноязычной профессиональной коммуникации; готовность к межкультурной коммуникации по вопросам глобальных проблем человечества; владение эффективными механизмами решения производственных задач с учетом международного опыта выделяет специалиста на фоне других конкурентов;
- международные тенденции формирования способности к критическому мышлению, формирования толерантного отношения ко всем адекватным членам любого общества позволяют студентам на этапе профессионального обучения стать адаптивными в интернациональной среде;
- прохождение программ зарубежной стажировки, академической мобильности повышает личностный, культурный, научный потенциал студентов;

– установленные в ходе международного обмена связи будут полезны в дальнейшей профессиональной жизни студентов [16].

При введении системы развития глобальных компетенций у студентов вузов повысится социальная и гражданская ответственность. В любом вопросе они будут способны рассматривать проблему не как частную, а прежде всего с позиции полезности решения для общества. Мотивация к развитию глобальных компетенций в вузах основана на стремлении к личному и профессиональному росту, а также на осознании важности глобальных проблем и необходимости их решения.

Педагогическими условиями для формирования глобальных компетенций являются:

– актуализация в образовательном процессе глобальных вызовов – обращение к изменениям климата, выявление имеющихся тенденций в миграции населения мира, технологические революции и их отражение в социально-экономической жизни общества и др.;

– образовательная, социальная, культурная, материальная поддержка со стороны вуза через конкурсы на гранты в аспекте исследования глобальных проблем;

– создание открытой образовательной среды, способствующей участию в конкурсах на получение разрешения на академическую мобильность, международной стажировки преподавателей в зарубежных вузах.

Профессиональная подготовка преподавателей в области моделирования системы развития у студентов глобальных компетенций является важным аспектом современного образования. Глобальные компетенции включают способность понимать и анализировать глобальные проблемы, взаимодействовать с представителями разных культур, критически мыслить и решать сложные задачи в условиях неопределенности, активно использовать цифровые платформы и другие различные цифровые ресурсы. Все эти аспекты должны найти отражение в учебных программах вузов [17, 18].

В ходе проведения исследования были определены аспекты, которые выделены самими преподавателями вуза [19–21] (табл. 1). Так, из 125 опрошенных преподавателей разных вузов 111 отмечают *необходимость овладения ими теоретическими основами* по формированию глобальных компетенций (88,8%). Об этом свидетельствуют ответы на другие конкретизирующие вопросы, которые можно сгруппировать в следующие проблемы: многие преподаватели вуза недостаточно владеют системной информацией по глобальным компетенциям (72 преподавателя, что составляет 57,6%); не осознают серьезности имеющихся проблем в мировом пространстве (42 респондента/33,6%); системно не включают в учебный процесс проблемных вопросов для развития критического мышления (105 преподавателей/84%); не формируют из своих студентов прежде всего граждан мира и граждан своего отечества, готовых к реализации мер по

устойчивому развитию (91 респондент/72,8%). Не ознакомлены с содержанием аналитических отчетов по PISA (глобальные компетенции), UNESCO Education 2030 и др., с содержанием типовых задач более 90% (113 преподавателей).

Таблица 1

Проблемные аспекты в подготовке преподавателей вузов по формированию глобальных компетенций

№	Проблемный аспект	Из общего количества (125) преподавателей	Доля, %
1	Понимание необходимости овладения теоретическими основами формирования глобальных компетенций	111	88,8
2	Недостаточное владение системной информацией о глобальных компетенциях	72	57,6
3	Неосознание серьезности глобальных проблем	42	33,6
4	Отсутствие системного включения проблемных вопросов в процесс обучения (для развития критического мышления)	105	84,0
5	Недостаточное формирование у студентов гражданской ответственности и ориентации на устойчивое развитие	91	72,8
6	Неосведомленность об аналитических отчетах (PISA, UNESCO Education 2030 и др.) и типовых задачах по формированию глобальных компетенций	113	90,4

Требует масштабного совершенствования *методическая система вузовского преподавания*. Так, при проектировании образовательных программ привлекаются разные специалисты с разным уровнем готовности к отражению компонента по формированию глобальных компетенций студентов. Неразработанность принципов отбора материала по глобальным компетенциям сказывается и на разной степени отражения в действующих программах. Просмотр более двух десятков действующих программ для разных специальностей вуза свидетельствует о том, что компонент по глобальным компетенциям наличествует в ограниченном количестве как случайное отражение в темах (охват 1–10% тем). Опрос преподавателей по использованию интерактивных методов (дебаты, доклады, разные форматы обсуждения в аудитории) показывает высокий процент (89,6%), однако целенаправленность организации этих обсуждений по глобальным компетенциям свидетельствует о низком уровне готовности преподавателей внедрять задания по формированию глобальных компетенций: 13,8% – 11 преподавателей подтвердили системность использования заданий. В аспекте формирования способности к межкультурной коммуникации по глобальным проблемам современности (осуществление выхода за пределы учебной аудитории, вовлечение студентов к внешним международным связям) осуществляют три преподавателя, которые организовали экологическое движение, связаны с фондом Вернадского (г. Москва), участвовали коллективно на конференциях. Такое состояние вопроса

требует разработки специальных методических рекомендаций по включению в рейтинг преподавателя критерия оценивания работы по глобальным компетенциям.

Преподаватели (более 60% – 75 преподавателей) затрудняются в разработке учебных дидактических материалов по глобальным компетенциям. Ими отмечены отсутствие конкретных установок по включению материала по глобальным компетенциям, ранжированных типов заданий, составляющих систему последовательного формирования у студентов глобальных компетенций (от знания к применению, от применения к творческому применению, от креативного применения к научному обобщению). У преподавателей отсутствует стремление к организации международного сотрудничества (это остается прерогативой отдела международных связей в вузе). Преподаватели не готовы стимулировать деятельность студентов в установлении межкультурных связей, их сотрудничество в вопросах содействия к решению глобальных проблем (причина этого, по мнению респондентов, отсутствие времени, большая нагрузка по подготовке разных отчетов по кафедре, по сбору и загрузке доказательных документов к отчетам, что отрывает их от живого учебного процесса и аудиторного и внеаудиторного общения по вопросам глобальных проблем современности, языковой барьер в коммуникации с зарубежными коллегами). Недостаточно развита и исследовательская деятельность студентов. Ключевым механизмом к решению этой проблемы следует признать обеспечение преподавателей вузов системой оценивания глобальных компетенций. Все дидактические материалы по формированию глобальных компетенций должны базироваться на разработке критериев оценивания. Поэтому методическая система формирования глобальных компетенций студентов должна быть структурно перестроена: сначала – типовая система оценивания уровня сформированности глобальных компетенций, конкретизированная в содержании различных учебных дисциплин, затем – компонент по глобальным компетенциям в типовом содержании учебной дисциплины, в завершение – методическая система формирования глобальных компетенций с механизмом контроля валидности. Такой подход обеспечивает целенаправленную последовательную работу по формированию и развитию глобальных компетенций у студентов с ориентацией на конкретное оценивание его определенного вида на соответствующем этапе.

Не менее важным аспектом по достижению эффективности формирования и развития глобальных компетенций является технологическая подготовка преподавателей. После определения содержания оценивания, содержания учебного материала и типовой методической системы и ознакомления с ними профессорско-преподавательского состава кафедры необходимо организовать работу по овладению навыками использования цифровых платформ и разных цифровых ресурсов. Дистанционное обучение глобальным компетенциям, позволяющее включение субъектов международного уровня (ученые-исследователи проблемы,

участники волонтерского движения, члены международного клуба и др.), должно стать нормой в вузовской образовательной системе.

Вузу рекомендуется активно работать в аспекте развития у преподавателей способности к межкультурной коммуникации, стимулировать их участие в международных мероприятиях по проблемам глобальных компетенций [20, 21]. Когда преподаватель постоянно находится в творческой атмосфере международного сотрудничества по проблемам глобальных компетенций, то он способен активно вовлекать студентов в межкультурную коммуникацию. Это естественный процесс обрращения «снежного кома». Личностное развитие преподавателя должно стать плановой работой института повышения квалификации и самого преподавателя. В содержании оценивания деятельности преподавателей и кафедры в целом обязательно наличие ранжированного критерия оценивания вклада каждого из них в работу со студентами по формированию глобальных компетенций.

Преподаватель вуза должен стремиться собирать полную информацию о существующих международных организациях по глобальным проблемам современности, о текущих мероприятиях по ним, изучать требования к членам разных международных сообществ и т.д. Это станет основанием для участия в таких программах, как Erasmus+, Horizon Europe и другие, для прохождения стажировок.

Оценивание деятельности преподавателей по формированию глобальных компетенций – важный аспект достижения результатов обучения. Однако в целях организации системной работы важно оценивать учебные программы и методические системы, используемые в вузовской подготовке. Вузу рекомендуется объединять все кафедры, факультеты на основе стратегии развития глобальных компетенций у студентов. В этом аспекте необходимо взаимодействие всех структур вуза в совершенствовании образовательного процесса. Системная работа по подготовке преподавателей по формированию глобальных компетенций студентов включает модули:

- Теоретические основы глобальных компетенций (понятийный аппарат, концептуальные составляющие по глобальным компетенциям, содержание глобальных компетенций).

- Методические основы глобальных компетенций (оценивание глобальных компетенций, принципы отбора глобальных компетенций, содержание образования по глобальным компетенциям, методическая система формирования глобальных компетенций, в том числе технологии).

- Образовательные ресурсы по формированию глобальных компетенций (учебные программы, учебные пособия, образовательные электронные платформы, цифровые ресурсы).

- Осуществление международного сотрудничества в аспекте формирования глобальных компетенций.

- Мотивация субъектов образовательного процесса в процессе формирования глобальных компетенций.

– Механизм экспертного оценивания методической системы по формированию и развитию глобальных компетенций у студентов в целях ее совершенствования.

Общая модель системы развития глобальных компетенций студентов в вузе содержит следующие компоненты: овладение ППС концептуальными основами по глобальным компетенциям; типовое содержание оценивания глобальных компетенций обучающихся; типовое содержание формирования глобальных компетенций студентов; методическая система формирования глобальных компетенций студентов (с технологическими решениями) (рис. 1); требования к ППС по готовности к формированию глобальных компетенций обучающихся; содержание комплексной экспертизы деятельности вуза по формированию глобальных компетенций обучающихся в вузе.

Разработанная модель развития глобальных компетенций студентов вузов была экспериментально проверена в образовательной деятельности ряда вузов Российской Федерации и Республики Казахстан, в том числе Казанского федерального университета, Казанского государственного энергетического университета, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Казахского национального педагогического университета им. Абая. Реализация данной модели оказала положительное влияние на развитие глобальных компетенций студентов вуза, а также в целом – на повышение качества образования в вузе (количество студентов экспериментальных групп, выдержавших экзамены на «4» и «5», с 37,4% увеличилось до 54,5% в названных российских вузах). В Казахском национальном педагогическом университете им. Абая формирование глобальных компетенций у студентов

проверялось по конечному результату обучения – вовлеченности студентов в исследовательский процесс по глобальным компетенциям. Студенты первого курса продемонстрировали вовлеченность в глобальные проблемы через активное участие в студенческой научной конференции. В их докладах рассматривались глобальные проблемы здравоохранения, охраны природы (водных и растительных ресурсов), изменения климата и др., а также их отражение в образовательной деятельности школ. Для этого на практических курсах языковых дисциплин (казахского языка (Я2), русского языка (Я2), иностранного языка) в рамках речевых тем шла активная работа по обсуждению глобальных проблем современности (1–2 семестры). Итоговым мероприятием можно считать День науки (12.04.2025 г.), когда студенты смогли выступить с научными докладами на конференции (из 86 заявленных в программе конференции студенческих докладов – 32 доклада были посвящены вопросам глобальных проблем современности). Экспертами конференции были отмечены критический взгляд на состояние вопроса, креативность, нестандартность в представлении путей решения глобальных проблем, эмпатичность к судьбе человечества в целом, толерантность студенческих воззрений. В Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева студенты активно работали над проблемами экологии в рамках образовательных программ, раскрывая потенциал учебных тем, усвоили методику планирования уроков по когнитивно-коммуникативной технологии обучения, где на этапах формирования умений активной коммуникации вводились глобальные проблемы общества и мира в целом.

Рис. 1. Структура методической системы формирования глобальных компетенций студентов в вузе

Заключение

Развитие глобальных компетенций у студентов вузов в настоящее время является важным инновационным направлением российского и казахстанского образования. Анализ работ по проблеме разработки и реализации теории и практики развития глобальных компетенций позволяет заключить, что данная деятельность в российской и казахстанской образовательных системах остается на невысоком уровне. Она требует дальнейшего осмысления, значительных вложений и системного подхода к

ее решению. Важным средством решения этой проблемы является моделирование эффективной системы развития глобальных компетенций студентов вузов.

Нами доказано, что специальная целенаправленная работа введения компонента по формированию глобальных компетенций может найти место в любой теме разных учебных дисциплин, нужны лишь мотивированная готовность преподавателя вуза осуществлять эту необходимую для всего человечества миссию, а также выдвижение администрации вуза этой стратегической задачи в качестве ведущей.

Список источников

1. Brown S., Jones E. Introduction: values, valuing and value in an internationalised Higher Education context // *Internationalising Higher Education* / ed. by E. Jones, S. Brown. London : Routledge, 2007. P. 1–6.
2. Priyanto R., Destyara I. The impact of international mobility on intercultural competency among University students // *International Journal of Studies in International Education*. 2024. № 1 (1). P. 28–34.
3. Deardorff D.K. Global competence in Higher Education: A framework for assessment // *Journal of Global Education and Research*. 2021. № 2 (4). P. 68–72.
4. Коваль Т.В., Дюкова С.Е. Как оценивать умения учащихся в сфере глобальных компетенций // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 208–217.
5. Chen G.-M., Starosta W.J. Intercultural communication competence: A synthesis // *Communication Yearbook*. 1996. № 19. P. 353–384.
6. Arasaratnam L.A., Doerfel M.L. Intercultural communication competence: Identifying key components from multicultural perspectives // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. № 29 (2). P. 137–163. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.04.001
7. Deardorff D.K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // *Journal of Studies in International Education*. 2006. № 10 (3). P. 241–266. doi: 10.1177/1028315306287002
8. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence // *Clevedon: Multilingual Matters*. 1997. № 11-2. P. 119–124.
9. Fantini A.E. Assessing intercultural competence: Issues and tools // *The SAGE Handbook of Intercultural Competence* / ed. by D.K. Deardorff. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2009. P. 456–476.
10. Королькова С.А. Компетентностный подход в профессиональном обучении // *Вестник ВолГУ*. 2008. Серия 6. Вып. 11. С. 29–33.
11. García O., Wei L. Language, bilingualism and education // *Language, Bilingualism and Education in Translanguaging*. Palgrave Macmillan, 2014. P. 46–62. doi: 10.1057/9781137385765_4
12. Albareda-Tiana S., Vidal-Raméñol S., Fernández-Morilla M. Implementing the sustainable development goals at University level // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2018. № 19 (3). P. 473–497. doi: 10.1108/IJSHE-05-2017-0065
13. Миханова О.П. Формирование универсальных компетенций: от теории к практике // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2009. № 4 (12). С. 145–151.
14. Hunter B., White G. P., Godbey G.C. What does it mean to be globally competent // *Journal of Studies in International Education*. 2006. № 10 (3). P. 267–285. doi: 10.1177/1028315306286930
15. Коваль Т.В., Дюкова С.Е. Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 112–123.
16. Vande Berg M., Connor-Linton J., Paige R.M. The Georgetown Consortium Project: Interventions for student learning abroad. *Frontiers // The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2009. № 18. P. 1–75. doi: 10.36366/frontiers.v18i1.251
17. Spante M., Hashemi S.S., Lundin M., Algers A. Digital competence and digital literacy in higher education research: Systematic review of concept use // *Cogent Education*. 2018. Vol. 5, Art. No. 1519143. doi: 10.1080/2331186X.2018.1519143
18. Kehm B.M., Teichler U. Research on internationalisation in Higher Education // *Journal of Studies in International Education*. 2007. № 11. P. 260–273. doi: 10.1177/1028315307303534
19. Мурзалинова А.Ж., Булатбаева К.Н., Альмагамбетова Л.С., Иманов А.К. Непрерывное профессиональное развитие педагогов в условиях сдвига образовательной парадигмы // *Сибирский педагогический журнал*. 2023. № 1. С. 49–60. doi: 10.15293/1813-4718.2301.05
20. Абакумова Н.Н., Фахрутдинова А.В., Цзюй Ч., Лэй Г. Педагогический мониторинг инновационных изменений в высшем образовании. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. 244 с.
21. Minzaripov R.G., Fakhrutdinova A.V., Abakumova N.N., Xu S., Terentyev I.V. Scientific / Educational communication and leadership ARWU Versus MosIUR // *Política e Gestão Educacional*. 2021. Vol. 25, № S1. P. 557–566.

References

1. Brown, S. & Jones, E. (2007) Introduction: values, valuing and value in an internationalised Higher Education context. In: Jones, E. & Brown, S. (eds) *Internationalising Higher Education*. London: Routledge. pp. 1–6.
2. Priyanto, R. & Destyara, I. (2024) The impact of international mobility on intercultural competency among university students. *International Journal of Studies in International Education*. 1 (1). pp. 28–34.
3. Deardorff, D.K. (2021) Global competence in higher education: a framework for assessment. *Journal of Global Education and Research*. 2 (4). pp. 68–72.
4. Koval', T.V. & Dyukova, S.E. (2019) Kak otsenivat' umeniya uchashchikhsya v sfere global'nykh kompetentsiy [How to assess students' skills in the sphere of global competencies]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4-1 (61). pp. 208–217.
5. Chen, G.-M. & Starosta, W.J. (1996) Intercultural communication competence: A synthesis. *Communication Yearbook*. 19. pp. 353–384.
6. Arasaratnam, L.A. & Doerfel, M.L. (2005) Intercultural communication competence: Identifying key components from multicultural perspectives. *International Journal of Intercultural Relations*. 29 (2). pp. 137–163. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.04.001
7. Deardorff, D.K. (2006) Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal of Studies in International Education*. 10 (3). pp. 241–266. doi: 10.1177/1028315306287002
8. Byram, M. (1997) Teaching and assessing intercultural communicative competence. *Clevedon: Multilingual Matters*. 11-2. pp. 119–124.
9. Fantini, A.E. (2009) Assessing intercultural competence: issues and tools. In: Deardorff, D.K. (ed.) *The SAGE Handbook of Intercultural Competence*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. pp. 456–476.

10. Korol'kova, S.A. (2008) Kompetentnostnyy podkhod v professional'nom obuchenii [Competency-based approach in professional training]. *Vestnik VolGU. Seriya 6*. 11. pp. 29–33.
11. García, O. & Wei, L. (2014) Language, bilingualism and education. In: *Language, Bilingualism and Education in Translanguaging*. Palgrave Macmillan. pp. 46–62. doi: 10.1057/9781137385765_4
12. Albareda-Tiana, S., Vidal-Raméntol, S. & Fernández-Morilla, M. (2018) Implementing the sustainable development goals at university level. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 19 (3). pp. 473–497. doi: 10.1108/IJSHE-05-2017-0065
13. Mikhanova, O.P. (2009) Formirovanie universal'nykh kompetentsiy: ot teorii k praktike [Formation of universal competencies: from theory to practice]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 4 (12). pp. 145–151.
14. Hunter, B., White, G.P. & Godbey, G.C. (2006) What does it mean to be globally competent. *Journal of Studies in International Education*. 10 (3). pp. 267–285. doi: 10.1177/1028315306286930
15. Koval', T.V. & Dyukova, S.E. (2019) Global'nye kompetentsii – novyy komponent funktsional'noy gramotnosti [Global competencies – a new component of functional literacy]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4-1 (61). pp. 112–123.
16. Vande Berg, M., Connor-Linton, J. & Paige, R.M. (2009) The Georgetown Consortium Project: Interventions for student learning abroad. *Frontiers. The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 18. pp. 1–75. doi: 10.36366/frontiers.v18i1.251
17. Spante, M. et al. (2018) Digital competence and digital literacy in higher education research: Systematic review of concept use. *Cogent Education*. 5. Art. 1519143. doi: 10.1080/2331186X.2018.1519143
18. Kehm, B.M. & Teichler, U. (2007) Research on internationalisation in higher education. *Journal of Studies in International Education*. 11. pp. 260–273. doi: 10.1177/1028315307303534
19. Murzalinova, A.Zh. et al. (2023) Nepreryvnoe professional'noe razvitiye pedagogov v usloviyakh sdviga obrazovatel'noy paradigmy [Continuous professional development of teachers in the context of a shift in the educational paradigm]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 49–60. doi: 10.15293/1813-4718.2301.05
20. Abakumova, N.N. et al. (2024) *Pedagogicheskiy monitoring innovatsionnykh izmeneniy v vysshem obrazovanii* [Pedagogical Monitoring of Innovative Changes in Higher Education]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Minzaripov, R.G. et al. (2021) Scientific / Educational communication and leadership ARWU Versus MosIUR. *Política e Gestão Educacional*. S1 (25). pp. 557–566.

Информация об авторах:

Булатбаева К.Н. – д-р пед. наук, доцент Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан); главный научный сотрудник Национальной Академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7288-8120

Фахрутдинова Г.Ж. – д-р пед. наук, профессор кафедры методологии обучения и воспитания Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300

Галиахметова А.Т. – канд. пед. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия). E-mail: albinagal2601@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1477-9038

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.N. Bulatbayeva, Dr. Sci. (Pedagogics), associate professor, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan); National Academy of Education named after Y. Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7288-8120

G.Zh. Fahrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300

A.T. Galiakhmetova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation). E-mail: albinagal2601@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1477-9038

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.07.2025;
одобрена после рецензирования 13.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 24.07.2025;
approved after reviewing 13.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/517/21

На пути к трансфессионально ориентированному обучению иностранному языку в инженерных вузах

Мэри Георгиевна Евдокимова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»,
Москва, Россия, me49@mail.ru

Аннотация. Анализируются место и роль современных инженеров в жизни социума, а также содержание понятия «инженерная деятельность» с целью выявления новых требований к иноязычному образованию выпускников инженерных вузов. Установлено, что деятельность инженеров, во-первых, приобретает интегративный и инновационный характер, а во-вторых, превращается из профессиональной в трансфессиональную, что влечет за собой перестроение социального заказа к иноязычной коммуникативной подготовке инженера и расширительному толкованию его иноязычной коммуникативной компетентности. Автор предлагает возможные подходы к формированию иноязычных коммуникативных умений инженера в контексте современных потребностей его деятельности, претерпевающей существенные изменения.

Ключевые слова: инженерная деятельность, профессия, трансфессия, инженерный дискурс, профессиональный дискурс, иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция, иноязычная деловая коммуникативная компетенция, профессионально-деловой дискурс, иноязычная профессионально-деловая коммуникативная компетенция

Для цитирования: Евдокимова М.Г. На пути к трансфессионально ориентированному обучению иностранным языкам в инженерных вузах // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 188–194. doi: 10.17223/15617793/517/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/21

On the way to transfession-oriented teaching of foreign languages at engineering universities

Mary G. Evdokimova¹

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation, me49@mail.ru

Abstract. The article analyzes the place and role of modern engineers in the life of society, as well as the content of the concept of "engineering activity" in order to identify new requirements for foreign language education of engineering university graduates. It has been revealed that the activity of engineers, firstly, acquires an integrative and innovative character, and secondly, it turns from professional to transfessional one, which entails a reformatting of the social requirements for the foreign language communicative training of an engineer and an expanded interpretation of his foreign language communicative competence. The author suggests possible approaches to the formation of the engineers' foreign language communication skills in the context of the modern needs of their activity, which is undergoing significant changes. When transition from profession to transfession takes place, the requirements for the communicative skills of an engineer are naturally transformed. Project activity and project management are in increasing demand, which implies the formation of temporary teams involving various specialists in solving engineering problems. In this regard, the search for the most optimal ways of communication within project teams and the effectiveness of various models of organizing such communication are becoming relevant. Such groups and projects are often international in nature, and their participants, as a rule, communicate virtually. In particular, the agenda includes the tasks of teaching communication in international engineering companies, interdisciplinary, international project teams, where it is necessary to find coordinated engineering, economic, and organizational solutions, and identify factors that determine the nature and results of discussion of professional and business problems. Being included into the "man – technique – environment" system, dealing with socio-technical facilities, with the development, design, creation of new equipment and technology, new forms of production organization, the engineer is obliged to take into account the socio-humanitarian, ergonomic, psychological, ethical, environmental aspects of the functioning of modern technology and technology. In this regard, it is necessary to develop the communication skills necessary for a modern engineer to create groups; distribute functions in a group (initiator, critic, mediator, etc.); formulate problems, describe the conditions for their solution; find the necessary resources; identify and describe possible risks; manage the discussion; develop agreed solutions; participate in polemics (switching to another topic, evading an answer, partial agreement, agreement with clarification, objection, addition, generalization, summing up, etc.).

Keywords: engineering activity, profession, transfession, engineering discourse, professional discourse, foreign language professional communicative competency, foreign language business communicative competency, professional and business discourse, foreign language professional and business communicative competency

For citation: Evdokimova, M.G. (2025) On the way to transfession-oriented teaching of foreign languages at engineering universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 188–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/21

Введение

Обучение иностранным языкам в отечественных вузах неязыковых профилей подготовки всегда носило профессионально направленный характер [1–7], однако сущность и содержание профессиональной направленности понимались и понимаются по-разному [8–14]. С позиций современной лингводидактики принято говорить о трех разных трактовках профессионально ориентированного обучения иностранному языку: 1) ESP – English for Specific Purposes (иностраннй язык для специальных целей); 2) CLIL – Content and Language Integrated Learning (предметно-языковое интегрированное обучение); 3) EMI – English as Medium of Instruction (преподавание профильных дисциплин на иностранном языке).

Обучение иностранному языку для специальных целей (ESP) чаще всего обеспечивает потребности студентов в чтении специальной литературы в интересах специальности. Именно поэтому целью обучения выступает формирование языковой компетенции, овладение специальной лексикой (с особым вниманием к терминам), а также особенностями синтаксиса, характерного для текстов данной предметной области. В ракурс внимания программ обучения, как правило, не попадает профессиональное общение, поэтому используется преимущественно грамматико-переводной метод обучения [12].

Согласно Дэвиду Маршу, который предложил термин Content and Language Integrated Learning (CLIL), предметно-языковое интегрированное обучение реализуется тогда, когда та или иная специальная учебная дисциплина преподается на иностранном языке. При этом преследуются параллельно две цели – постижение предметной области и овладение иностранным языком в интересах специальности [2].

Что касается преподавания профильных дисциплин на иностранном языке (EMI), то его отличительной особенностью выступает то, что иностранный язык рассматривается не как цель, а как средство обучения.

В настоящее время в вузах России традиционно практикуются разные модификации ESP, в некоторых из них делаются попытки формировать не только языковую, но и другие составляющие иноязычной коммуникативной компетенции [8]. Параллельно с этим приобретают популярность разные варианты CLIL. Однако в большинстве случаев реализуется именно «классический» вариант ESP. Это особенно ярко проявляется в отношении таких элементов содержания обучения, как жанры и тематика текстов. Что касается EMI, то есть преподавание специальных дисциплин на иностранном языке, то оно используется в отдельных случаях и не может рассматриваться как полноценный способ обучения иностранному языку.

Поскольку дисциплина «Иностраннй язык» в российских вузах изучается, как правило, на 1 и 2 курсах бакалавриата, когда студенты еще не приступили к изучению специальных дисциплин, наметилась тенденция, согласно которой иностранный язык в некоторой степени берет на себя функции «введения в специальность». Напомним, что содержание обучения любому предмету может пониматься по-разному в зависимости от того, говорим ли мы о формировании специалиста или профессионала.

Если специальность подразумевает владение представлениями об объектах и процессах предметной области (специальности), без учета характера деятельности людей и их коммуникации, то профессия, напротив, в большей степени нацелена на учет ситуаций общения членов производственного коллектива, в которых они призваны решать производственные вопросы. Если владение специальностью – это владение определенной предметной областью, то профессия – это готовность осуществлять профессиональную деятельность, связанную с предметной областью (специальностью). Совершенно очевидно, что характер общения, цели, задачи и содержание обучения иностранным языкам при этом отличаются.

В связи с изменением требований рынка труда к профессиональным компетенциям инженера возникает необходимость расширительного толкования его коммуникативной компетенции. При этом возникает вопрос: правомерно ли оставлять студентов инженерных направлений подготовки в рамках обучения иностранному языку, при котором имеет место узкое понимание профессионально ориентированного общения, нацеленного на овладение специальностью (а именно это подразумевают как ESP, так и CLIL) и не вовлекающего их в широкий социокультурный контекст профессии? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным.

Очевидно, что профессионально направленное обучение иностранным языкам в инженерных вузах нуждается не столько в поисках путей усовершенствования методов, способов, приемов и средств обучения, поскольку этим вопросам исследователи и практики уделяют достаточное внимание (см., например, [15, 16]), сколько в уточнении целей иноязычного образования и выявлении соответствующего им содержания.

Подходы к решению данных вопросов требуют описания особенностей инженерного дискурса, причем если жанры письменного инженерного дискурса в определенной мере изучены, то вопросы, связанные со стратегиями и тактиками устной коммуникации современных инженеров, в должной степени не исследованы.

В дополнение к сказанному заметим, что традиционно усилия преподавателей иностранного языка в вузах инженерного профиля подготовки в лучшем случае направлены на формирование и развитие у студентов иноязычных речевых умений. В то же время у студентов отсутствуют сколько-нибудь целостные представления о стратегиях и тактиках общения, средствах и приемах реализации коммуникативных намерений в процессе осуществления профессиональной деятельности, в том числе на родном языке. Без заполнения этой лакуны иноязычная коммуникативная подготовка будущих инженеров не представляется возможной.

Направления трансформации современной инженерной деятельности: от профессии к трансфессии

В последнее время набирает силу процесс формирования нового социального заказа на подготовку выпускников высшей школы. Этот заказ с наибольшей эксплицитностью осознан именно в отношении подготовки современных инженеров. В связи с тем, что имеет

место значительное изменение характера инженерной деятельности и усиление ключевой роли инженера в жизни общества, во многих публикациях внимание исследователей сосредоточено на раскрытии сущности понятия «инженерная деятельность» и динамики ее трансформации в современных условиях. Все настойчивее звучит мысль о том, что на смену классической и системотехнической инженерной деятельности приходит так называемое социотехническое проектирование, в котором значительное место приобретает «человеческое измерение». По этой причине деятельность современного инженера выходит за рамки сугубо технической, приобретая многофункциональную, многомерную природу, требующую, в частности, владения компетенциями, свойственными специалистам в области управления и менеджмента. То есть инженер приобретает триединую сущность «инженер-управленец-менеджер» [17].

Кроме этого, основные тенденции изменения сущности инженерной деятельности, которые естественным образом влияют на характер их коммуникации, состоят в следующем.

Во-первых, эта деятельность становится инновационной, что требует усиления ее творческого характера [18, 19]. Это подразумевает способность осуществлять межпрофессиональную коммуникацию в команде с представителями других профессий и отраслей производства, ориентируясь на потребности рынка и непрерывно повышая конкурентоспособность товаров и услуг.

Во-вторых, деятельность инженеров превращается из профессиональной в трансфессиональную. Относительно недавно возникший термин «трансфессия» является следствием изменений социально-профессиональной среды и отражает рождение нового стиля трудовой деятельности, требующего владения профессиональными компетенциями, относящимися к различным специализированным областям. Трансфессия знаменует переход к новой трансдисциплинарной парадигме трудовой активности и требует интеграции профессиональных умений, относящихся к различным специальностям. Как полагают Э.Ф. Зеер и Э.Э. Сыманюк, «методологической основой трансфессий выступает многомерность, предполагающая трансдисциплинарный синтез знаний из разных наук: естественных, технических, социально-гуманитарных и философских» [20].

Указанные тенденции ставят перед лингводидактикой ряд вопросов, а именно:

- если профессия становится трансфессией, должно ли стать профессионально ориентированное обучение иностранным языкам трансфессионально ориентированным обучением иностранным языкам?
- должна ли профессиональная коммуникативная компетенция стать трансфессиональной коммуникативной компетенцией? В чем состоит их основное отличие?
- следует ли профессиональный контекст именовать трансфессиональным контекстом, а профессионально ориентированное содержание – трансфессионально ориентированным содержанием?
- можно ли вести речь о формировании трансфессионального дискурса?

Полагаем, что описанные выше тенденции дают веские основания ответить на эти вопросы утверди-

тельно. И если говорить о трансфессионально ориентированном обучении иностранным языкам, то необходимо рассмотреть, прежде всего, в каком направлении должны трансформироваться целевые и содержательные аспекты системы иноязычной подготовки выпускников инженерных вузов.

Специфика профессионального общения инженеров

Профессиональное общение инженеров в силу своего динамичного развития, определяемого впечатляющими успехами технологий, начинает привлекать внимание лингвистов, а у методистов заметно усилился интерес к поиску способов расширения и детализации представлений о коммуникативной компетенции инженера, что требует исследования новых контекстов общения инженеров в условиях трансформации характера инженерной деятельности.

Лингвисты, исследующие особенности профессиональной коммуникации, ввели в научный обиход понятие **профессионального дискурса**, под которым понимают «вербально опосредованную коммуникацию как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [21. С. 32]. Как отмечает Е.И. Голованова, профессиональный дискурс характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения. Ключевой задачей исследования профессионального дискурса является выявление значимых параметров ситуаций профессионального общения, таких как цель и мотивы общения; статусно-ролевые характеристики коммуникантов; модальность, или тональность, общения (официальное, нейтральное, дружеское); способ коммуникации (устный/письменный, контактный/дистантный).

Понятно, что цели общения в рамках профессиональной деятельности подчинены задачам самой профессиональной деятельности (создание, сохранение, обработка и переработка, трансляция информации, оптимальная организация взаимодействия в процессе деятельности, оценка деятельности для повышения ее эффективности, поддержание кооперативных и корпоративных характеристик деятельности) [21].

В работах последних лет ставится вопрос об обучении студентов **профессионально-деловому общению** на иностранном языке, которое определяется как устное и письменное коммуникативно-речевое взаимодействие между людьми, целью которого является решение профессиональных задач. При этом считается, что деловое общение шире профессионального общения. Можно сказать, что профессиональное общение включено в деловое общение, поскольку решение деловых проблем не обходится без обсуждения профессиональных (предметных) вопросов. Кроме того (что особенно важно в настоящее время), в деловом общении могут участвовать представители различных профессиональных групп, каждый из которых говорит на своем профессиональном языке, решает свои специфические задачи и вынужден контактировать с предста-

вителями других профессиональных групп для решения этих задач [22]. В контексте обсуждения проблем профессионально ориентированного обучения иностранным языкам возникло представление о **профессионально-деловом дискурсе**, который определяется как профессионально-деловое общение, осуществляемое в письменной или устной форме и рассмотренное а) в единстве лингвистических, когнитивных, социальных, социо- и этнокультурных характеристик и б) в контексте факторов (причин и условий), влияющих на его осуществление [23].

Необходимо подчеркнуть, что существуют определенные особенности инженерной коммуникации, которые позволяют говорить о ней как об отдельном виде профессионального дискурса, который не тождественен научному дискурсу, хотя долгое время эти два вида дискурсов отождествлялись [24]. Между тем, если цели научного дискурса сводятся к выработке «объективных, системно организованных и обоснованных знаний о действительности» [25. С. 877], то целью инженерной коммуникации следует считать решение производственных задач, оптимизацию технологий, их практическое применение и контроль производственных процессов, поскольку основной целью деятельности инженера является разработка, производство и обслуживание искусственных объектов, хотя и при помощи научных методов. Несмотря на указанные существующие различия, в теории и практике обучения инженеров иностранным языкам эти различия не принимались во внимание и общение инженеров, как правило, рассматривалось как научное общение.

В условиях перехода от профессии к трансфессии естественным образом трансформируются требования к коммуникативным умениям инженера. Все более востребована проектная деятельность, управление проектами, что подразумевает формирование временных коллективов, вовлекающих различных специалистов в решение инженерных задач. В связи с этим актуальность приобретает поиск наиболее оптимальных способов организации и осуществления коммуникации внутри проектных команд. Такого рода коллективы и проекты часто имеют международный характер [26], и их участники, как правило, общаются виртуально. В частности, на повестку дня встают задачи обучения общению в международных инженерных компаниях, междисциплинарных, международных проектных командах, где требуется поиск согласованных инженерных, экономических, организационных решений, выявление факторов, определяющих характер и результаты обсуждения профессионально-деловых проблем.

Будучи включенным в систему «человек – техника – среда», имея дело с социально-техническими объектами, с разработкой, проектированием, созданием новой техники и технологии, новых форм организации производства, инженер обязан учитывать социально-гуманитарные, эргономические, психологические, этические, экологические аспекты функционирования современной техники и технологии. В силу этого современному инженеру не обойтись без гуманитарной культуры, социально, гуманистически ориентированного мышления и социально-гуманитарного

знания [27]. Продолжая эту мысль, отметим, что гуманитарная культура инженера подразумевает владение культурой профессионально-делового общения.

Целевые и содержательные аспекты иноязычной подготовки инженера-трансфессионала

В научно-методических публикациях, касающихся целевых аспектов обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов, нет единства в трактовке таких терминов, как *деловое общение*, *профессиональное общение*, *научное общение*, *научно-техническое общение*, *профессионально-деловое общение*, *профессиональная коммуникативная компетентность* и пр. *Деловое и профессиональное общение* нередко отождествляются, а *профессиональная коммуникативная компетентность* рассматривается как способность решать коммуникативные задачи в определенных рамках множества деловых ситуаций [28].

В контексте определения целей иноязычной подготовки инженера-трансфессионала необходимо установить, как соотносятся термины «*профессиональная иноязычная коммуникация*» (и соответствующие ей компетенции), и «*деловая иноязычная коммуникация*». Отметим, что в тех сферах деятельности, где профессия традиционно подразумевает элементы деловой коммуникации (экономика, менеджмент, юриспруденция, журналистика и пр., то есть профессии типа «человек – человек»), формирование иноязычной коммуникативной компетенции в вузе включает овладение так называемым «деловым языком». Подразумевается, что профессиональное общение в этих случаях тождественно деловому, поскольку в данной профессиональной сфере профессия требует владения способностью осуществлять деловое общение. При этом деловое общение определяется как «процесс взаимодействия деловых партнеров, направленный на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной (профессиональной) деятельности» [29. С. 10] и характеризуется как «самый массовый вид общения людей в социуме, без него невозможно обойтись в сфере экономических, правовых, дипломатических, коммерческих, административных отношений» [30. С. 272].

До недавнего времени иначе обстояло дело с профессиями типа «человек – техника» и «человек – природа».

Но в условиях, когда профессия становится трансфессией, а профессиональное общение – трансфессиональным, общение представителей этих профессий также начинает приобретать деловой характер. Опираясь на изложенное, можно предположить, что иноязычная профессиональная коммуникация инженера трансформируется в **иноязычную трансфессиональную коммуникацию**, а **иноязычная трансфессионально ориентированная коммуникативная компетенция** инженера сближается по своей сути с иноязычной деловой коммуникативной компетенцией и может быть названа **иноязычной профессионально-деловой коммуникативной компетенцией**.

С учетом сказанного, переход от профессии к трансфессии требует отказа от различных моделей ESP и CLIL, при которой изучаются преимущественно темы и

проблемы специальности [7, 9–14] в отрыве от ситуаций делового общения. Целесообразно перейти от узкоспециальных (предметных) тем к проблематике широкого социокультурного контекста профессиональной/трансфессиональной деятельности, перешагнуть рамки предметности и выйти в широкое поле социальных смыслов профессии. При этом очевидно целесообразно сместить акцент с преимущественного изучения терминологии предметной области (овладение ею, кстати говоря, обычно не вызывает проблем у студентов и проходит достаточно легко и органично) на овладение общенаучной, общинженерной, межпрофессиональной, чаще всего абстрактной лексикой, которая требует от студентов значительно больших усилий.

Плодотворным видится внедрение в содержание обучения иностранным языкам таких тем, которые имеют трансфессиональный характер и одинаково релевантны для разных инженерных профессий. Это позволит выделить возможные проблемы для обсуждения и решения. По сути, речь идет о том, чтобы ввести в содержание обучения иностранным языкам те темы, вопросы и проблемы, которые служат формированию качеств, необходимых инженеру будущего для того, чтобы он мог реализовать себя как трансфессионал.

Как было показано выше, в современных условиях трансформации инженерной деятельности в ней все более востребованы умения управленческого характера. Особенно актуальными представляются умения так называемого управления проектами, которые подразумевают обсуждение различных точек зрения, принятие решений, обеспечение бесконфликтного продуктивного общения членов инженерных команд/групп, которые все чаще имеют междисциплинарную и интернациональную природу. Это требует выделения специальной группы иноязычных коммуникативных умений широкого характера, которые позволят ввести студентов инженерных направлений подготовки в проблематику, которая раньше относилась преимущественно к профессиям типа «человек – человек» – экономистов, менеджеров и т.п.

В связи со сказанным необходимо сформировать у инженера-трансфессионала коммуникативные умения, необходимые для создания групп; распределения функций в группе (инициатор, критик, медиатор и пр.); формулирования проблем, описания условий их решения; поиска необходимых ресурсов; выявления и описания возможных рисков; управления ходом обсуждения; выработки согласованных решений; участия в полемике (переключение на другую тему, уклонение от ответа, частичное согласие, согласие с уточнением, возражение, дополнение, обобщение, подведение итогов и др.). Очевидно, что трансфессионально ориентированное обучение иностранным языкам должно сопрягаться с формированием и развитием иноязычной профессионально-деловой коммуникативной компетенции студентов.

В свете вышеизложенного, возможно, будет целесообразно сосредоточить внимание на том, чтобы познакомить студентов с общими сценариями решения проблемных задач инженерного профессионально-делового (в широком смысле) характера. При этом особое внимание в обучении иностранному языку должно

быть направлено на формирование умений устного общения в группе из трех и более человек, поскольку именно овладение иноязычными умениями группового общения имеет решающее значение в современных условиях совместной работы.

От обучения диалогическому обмену репликами необходимо перейти к обучению полилогу, что требует специальных умений. В частности, можно выделить следующие умения в качестве составляющих **иноязычной профессионально-деловой коммуникативной компетенции** руководителя команды инженеров:

- ставить вопросы для группового обсуждения;
- распределять роли в группе;
- организовывать мозговой штурм для творческого и открытого порождения и обсуждения идей;
- удерживать дискуссию в рамках заданных временных рамок;
- регулировать порядок выступления участников обсуждения;
- конструктивно рассматривать и устранять разногласия;
- поощрять вклад участников группы;
- следить за сохранением основной линии обсуждения;
- обеспечить участие в процессе обсуждения всех членов группы;
- не допускать прерываний во время обсуждений;
- сохранить позитивный и конструктивный настрой в обсуждениях;
- вести группу к согласованному решению.

Указанные умения необходимо обеспечить иноязычными речевыми средствами, которые требуют отбора и соответствующих приемов овладения ими.

С точки зрения организации обучения, гипотетически, можно предложить практику периодического проведения занятий в объединенных смешанных группах, в которые войдут студенты разных направлений инженерной (и не только инженерной) подготовки. Это позволит предлагать студентам проекты трансфессионального характера, в которых будут осваиваться умения межпрофессионального взаимодействия.

Заключение

Таким образом, дисциплина «Иностранный язык» в неязыковых вузах расширяет сферу своего влияния, свой потенциал в отношении ее вклада в формирование современного профессионала/трансфессионала. Если до недавнего времени ее функции ограничивались в лучшем случае формированием иноязычных речевых умений, то в настоящее время все в большей степени ее интересы охватывают обеспечение различных граней общения в процессе профессиональной деятельности.

Современные контексты профессиональной/трансфессиональной деятельности современных инженеров постоянно и динамично развиваются, требуя от лингводидактики непрерывного их творческого переосмысления.

Задачей иноязычного образования в инженерных вузах является выявление новых «измерений» профессиональной деятельности инженера-трансфессионала,

уточнения целей и содержания обучения иностранным языкам за счет более глубокого и тонкого видения будущей профессиональной деятельности выпускников.

Профилизация обучения иностранным языкам должна быть реализована за счет включения в содержание обучения всего диапазона видов профессиональной

активности с учетом не только предметных, онтологических аспектов, но и социальных, коммуникативных, организационных, гносеологических ракурсов.

Содержание обучения иностранным языкам стремится вобрать в себя профессиональную деятельность специалиста как многомерный феномен.

Список источников

- Huntinton T., Waters A. English for specific purposes. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
- Marsh D. Bilingual education and content and language integrated learning. Paris : International Association for Cross-cultural Communication, Language Teaching in the Member State of the European Union (Lingua), University of Sorbonne, 1994.
- Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел : ОГУ, 2005. 114 с.
- Малетина Л.В., Матвеев И.А., Сипайлова Н.Ю. Иноязычное образование в неязыковом вузе – развитие, проблемы, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 3. С. 236–240.
- Каменская Л.С. Профессиональная направленность обучения иностранному языку в неязыковом вузе как методическая проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 12 (672). С. 9–20.
- Евдокимова М.Г. Инновационные векторы развития системы профессионально ориентированного обучения иностранным языкам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 14 (753). С. 22–33.
- Коряковцева Н.Ф. Современная парадигма профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 14 (753). С. 9–21.
- Поляков О.Г. Английский язык для специальных целей. М. : Тезаурус, 2003. 188 с.
- Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Халяпина Л.П. Педагогические подходы и модели интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в зарубежной и российской лингводидактике // Язык и культура. 2017. № 39. С. 116–134. doi: 10.17223/19996195/39/8
- Салехова Л.Л., Якаева Т.И. Интегрированное обучение дисциплине и иностранному языку: языковая поддержка и речевые стратегии // Инновации в образовании. 2017. № 10. С. 88–101.
- Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 173. С. 29–42.
- Сысоев П.В. Дискуссионные вопросы внедрения предметно-языкового интегрированного обучения студентов профессиональному общению в России // Язык и культура. 2019. № 48. С. 349–371. doi: 10.17223/19996195/48/22
- Сысоев П.В. Ключевые вопросы реализации предметно-языкового интегрированного обучения иностранному языку и профильным дисциплинам в российских вузах // Иностранные языки в школе. 2021. № 5. С. 10–19.
- Байдикова Т.В. Предметное содержание обучения иностранному языку в профессиональной сфере студентов направления подготовки «Агроинженерия» на основе интегрированного предметно-языкового обучения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 184. С. 65–74.
- Киченко А.А. Методика обучения профессионально-ориентированному иноязычному общению студентов посредством мультимедийных презентаций: английский язык, специальность «юриспруденция» : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 25 с.
- Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
- Юшкевич О.В. Особенности ролевого поведения иноязычной коммуникации выпускников инженерного профиля // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/11/74300> (дата обращения: 10.04.2025).
- Евдокимова М.Г., Красильщикова М.А. Развитие инновационного потенциала профессионала в курсе иностранного языка в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 1 (830). С. 32–46.
- Евдокимова М.Г. Ценностно-смысловые аспекты формирования инженера-инноватора // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог : Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 22–23 ноября 2019 г. / ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), С.В. Мышкин, В.П. Синячкин. М. : Агентство социально-гуманитарных технологий, 2019. С. 196–198.
- Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 8. С. 9–27.
- Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
- Куриленко В.Б. Инновации в обучении культуре письменной профессионально-деловой речи : учеб. пособие. М. : РУДН, 2008. 247 с.
- Куркан Н.В., Фадеева Н.В., Мишанкина Н.А. Дискурсивная специфика инженерной коммуникации в русском социокультурном пространстве // Вестник ТГПУ. 2020. № 2 (208). С. 92–102.
- Авдеева И.Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). М. : Изд-во МГТУ, 2005. 366 с.
- Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1988. 1600 с.
- Кондратьев В.В. Подготовка будущих инженеров для работы в междисциплинарных командах и проектах // Инженерное образование. 2016. № 20. С. 98–103.
- Орешников И.М. Культурно-гуманистическая парадигма инженернотехнического образования // История и педагогика естествознания. 2015. № 4. С. 9–12.
- Корепанова В.В. Сущность и содержание понятия «профессионально-деловое общение» // Вестник КГУ. 2012. № 4. С. 113–114.
- Казакова О.А., Серебренникова А.Н., Филиппова Е.М. Деловая коммуникация : учебное пособие. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 132 с.
- Агеева М.Г., Лапекина Ю.Ю. Педагогическая технология формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов-юристов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6, вып. 2. С. 272–278.

References

- Huntinton, T. & Waters, A. (1987) *English for Specific Purposes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marsh, D. (1994) *Bilingual Education and Content and Language Integrated Learning*. Paris: International Association for Cross-cultural Communication, Language Teaching in the Member State of the European Union (Lingua), University of Sorbonne.
- Obraztsov, P.I. & Ivanova, O.Yu. (2005) *Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov* [Professionally Oriented Foreign Language Teaching in Non-Linguistic Faculties of Universities]. Orel: Orel State University.
- Maletina, L.V., Matveenko, I.A. & Sipaylova, N.Yu. (2006) *Inoyazychnoe obrazovanie v neyazykovom vuze – razvitiye, problemy, perspektivy* [Foreign language education in a non-linguistic university – development, problems, prospects]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 3 (309). pp. 236–240.
- Kamenskaya, L.S. (2013) *Professional'naya napravlennost' obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze kak metodicheskaya problema* [Professional focus of teaching a foreign language in a non-linguistic university as a methodological problem]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 12 (672). pp. 9–20.

6. Evdokimova, M.G. (2016) Innovatsionnye vektory razvitiya sistemy professional'no orientirovannogo obucheniya inostrannym yazykam [Innovative vectors of development of the system of professionally oriented teaching foreign languages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 14 (753). pp. 22–33.
7. Koryakovtseva, N.F. (2016) Sovremennaya paradigma professional'no orientirovannogo obucheniya inostrannym yazykam v neyazykovom vuze [Modern paradigm of professionally oriented teaching foreign languages in a non-linguistic university]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 14 (753). pp. 9–21.
8. Polyakov, O.G. (2003) *Angliyskiy yazyk dlya spetsial'nykh tseyel* [English for Specific Purposes]. Moscow: Tezaurus.
9. Almazova, N.I., Baranova, T.A. & Khalyapina, L.P. (2017) Pedagogical approaches and models of integrated foreign languages and professional disciplines teaching in foreign and Russian linguistics. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 39. pp. 116–134. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/39/8
10. Salekhova, L.L. & Yakaeva, T.I. (2017) Integrirovannoe obuchenie distsipline i inostrannomu yazyku: yazykovaya podderzhka i rechevye strategii [Integrated teaching of discipline and foreign language: language support and speech strategies]. *Innovatsii v obrazovanii*. 10. pp. 88–101.
11. Popova, N.V., Kogan, M.S. & Vdovina, E.K. (2018) Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie (CLIL) kak metodologiya aktualizatsii mezhdistsiplinarnykh svyazey v tekhnicheskoy vuzovskoy sredy [Subject-language integrated learning (CLIL) as a methodology for actualizing interdisciplinary links in a technical university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 173 (23). pp. 29–42.
12. Sysoev, P.V. (2019) Controversial issues of the introduction of content and language integrated learning approach to teaching foreign language professional communication in Russia. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 48. pp. 349–371. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/48/22
13. Sysoev, P.V. (2021) Klyuchevye voprosy realizatsii predmetno-yazykovogo integrirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku i profil'nykh distsiplin v rossiyskikh vuzakh [Key issues of implementing subject-language integrated teaching of foreign languages and related disciplines in Russian universities]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 5. pp. 10–19.
14. Baydikova, T.V. (2020) Predmetnoe sodержanie obucheniya inostrannomu yazyku v professional'noy sfere studentov napravleniya podgotovki "Agroinzheneriya" na osnove integrirovannogo predmetno-yazykovogo obucheniya [Subject content of teaching a foreign language in the professional sphere of students majoring in Agricultural Engineering based on integrated subject-language learning]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 184 (25). pp. 65–74.
15. Kichenko, A.A. (2010) *Metodika obucheniya professional'no-orientirovannomu inoyazychnomu obshcheniyu studentov posredstvom multimedийnykh prezentatsiy: angliyskiy yazyk, spetsial'nost' "yurisprudentsiya"* [Methodology for teaching professionally oriented foreign language communication of students through multimedia presentations: English, majoring in Jurisprudence]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
16. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
17. Yushkevich, O.V. (2016) Osobennosti rolevogo povedeniya inoyazychnoy kommunikatsii vypusknikov inzhenerenogo profilya [Features of role behavior in foreign language communication of engineering graduates]. *Sovremennyye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 11. [Online] Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2016/11/74300>. (Accessed: 10.04.2025).
18. Evdokimova, M.G. & Krasil'shchikova, M.A. (2019) Razvitie innovatsionnogo potentsiala professionala v kurse inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze [Developing the innovative potential of a professional in a foreign language course at a non-linguistic university]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 1 (830). pp. 32–46.
19. Evdokimova, M.G. (2019) [Value-semantic aspects of the formation of an engineer-innovator]. *Professional'naya kartina mira: kross-kul'turnyy dialog* [Professional Picture of the World: Cross-cultural dialogue]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 22–23 November 2019. Moscow: Agentstvo sotsial'no-gumanitarnykh tekhnologiy. pp. 196–198. (In Russian).
20. Zeer, E.F. & Symanyuk, E.E. (2017) Metodologicheskie orientiry razvitiya transprofessionalizma pedagogov professional'nogo obrazovaniya [Methodological guidelines for the development of transprofessionalism of teachers of vocational education]. *Obrazovanie i nauka*. 8 (19). pp. 9–27.
21. Golovanova, E.I. (2013) Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: sootnoshenie ponyatiy [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: the relationship of concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (292). Filologiya. Iskuststvovedenie. 73. pp. 32–35.
22. Kurilenko, V.B. (2008) *Innovatsii v obuchenii kul'ture pis'mennoy professional'no-delovoy rechi* [Innovations in Teaching the Culture of Written Professional and Business Speech]. Moscow: RUDN University.
23. Kurkan, N.V., Fadeeva, N.V. & Mishankina, N.A. (2020) Diskursinaya spetsifika inzhenerenoy kommunikatsii v russkom sotsiokul'turnom prostranstve [Discursive specificity of engineering communication in the Russian sociocultural space]. *Vestnik TGPU*. 2 (208). pp. 92–102.
24. Avdeeva, I.B. (2005) *Inzhenernaya kommunikatsiya kak samostoyatel'naya rechevaya kul'tura: kognitivnyy, professional'nyy i lingvisticheskiy aspekty (teoriya i metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu)* [Engineering Communication as an Independent Speech Culture: Cognitive, Professional, and Linguistic Aspects (Theory and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language)]. Moscow: Bauman Moscow State Technical University.
25. Prokhorov, A.M. (ed.) (1988) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. 4th ed. Moscow: Sov. entsiklopediya.
26. Kondrat'ev, V.V. (2016) Podgotovka budushchikh inzhenerov dlya raboty v mezhdistsiplinarnykh komandakh i proektakh [Training future engineers for work in interdisciplinary teams and projects]. *Inzhenernoe obrazovanie*. 20. pp. 98–103.
27. Oreshnikov, I.M. (2015) Kul'turno-gumannitskaya paradigma inzhenernotekhnicheskogo obrazovaniya [Cultural and humanitarian paradigm of engineering and technical education]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*. 4. pp. 9–12.
28. Korepanova, V.V. (2012) Sushchnost' i sodержanie ponyatiya "professional'no-delovoe obshchenie" [The essence and content of the concept of "professional and business communication"]. *Vestnik KGU*. 4. pp. 113–114.
29. Kazakova, O.A., Serebrennikova, A.N. & Filippova, E.M. (2013) *Delovaya kommunikatsiya* [Business Communication]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
30. Ageeva, M.G. & Lapekina, Yu.Yu. (2021) Pedagogicheskaya tekhnologiya formirovaniya professional'no orientirovannoy inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov-yuristov [Pedagogical technology of forming professionally oriented foreign language communicative competence of law students]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 2 (6). pp. 272–278.

Информация об авторе:

Евдокимова М.Г. – д-р пед. наук, директор Института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (Москва, Россия). E-mail: me49@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.G. Evdokimova, Dr. Sci. (Pedagogics), director of the Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: me49@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 26.04.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 796/799 + 378.14.015.62
doi: 10.17223/15617793/517/22

Периодизация спортивной тренировки как способ комплексного развития физических качеств студентов военных учебных центров при вузах

Артём Андреевич Игнатов¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ignatooov@mail.ru

Аннотация. Для решения проблемы недостаточной физической подготовленности студентов военных учебных центров (ВУЦ при вузах) предлагается использовать принцип периодизации спортивной тренировки. Поскольку развитие таких профессионально значимых для военнослужащих физических качеств, как сила и выносливость, требует комплексного применения разнонаправленных тренирующих воздействий, для планирования тренировочных нагрузок в исследовании использовалась нелинейная волновая периодизация. В процессе опытно-экспериментальной работы доказана эффективность данного способа программирования для достижения уровня физической подготовленности студентов ВУЦ, который отвечает требованиям, предъявляемым военнослужащим офицерского состава.

Ключевые слова: физическое воспитание студентов, военный учебный центр, физическая подготовка военнослужащих, физические качества, периодизация спортивной тренировки, волновая периодизация

Для цитирования: Игнатов А.А. Периодизация спортивной тренировки как способ комплексного развития физических качеств студентов военных учебных центров при вузах // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 195–206. doi: 10.17223/15617793/517/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/22

Periodization of sports training as a method for complex development of students' physical abilities at university-based military training centers

Artem A. Ignatov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ignatooov@mail.ru

Abstract. The problem of concurrent training is not given sufficient attention in modern research. The simultaneous development of motor abilities, such as strength and endurance, is a complex process requiring a specific programming of different training loads (i.e. resistance and aerobic exercises). One of the areas where concurrent strength and aerobic training are considered crucial is military physical training. However, there are gaps in methodological base providing the necessary planning tools, especially in such institutions as university-based military training centers (or MTCs), where students undergo military training while studying their "civilian" profession to become career officer, meaning that they are commissioned as officers after graduation to continue their professional military service. One of the effective ways to combine various training stimuli is a principle of periodization initially developed by L.P. Matveev in the 1950s. His concept was consolidated in sports methodology as a "traditional" or "linear" periodization and introduced a new planning approach with a division of training process into such units as exercise, session, microcycle, mesocycle, periods and macrocycle. Since then the periodization theory has become an inherent tool in sports training. Soon the first critical remarks came from the theorist and methodologist community. The visible critics were Y.V. Verkhoshansky and V.B. Issurin, who claimed that traditional periodization was suboptimal and required reconsideration. Thus, the new concept of block periodization appeared. It involved a consecutive introduction into the training process of specialized blocks aimed at developing different motor abilities. However, both linear and block periodization principles were predominantly designed for use in sports training, but when it comes to military physical training, the effectiveness of the abovementioned methods is questionable. So, the compromise between traditional and block concepts may be found in another principle called non-linear or undulating periodization with two main iterations (weekly and daily). It implies a more frequent stimulus for different training components (strength and endurance) at lower levels of planning, such as micro- and mesocycles. In this way, to solve the problem of insufficient physical development of students at university-based military training centers, the article suggests using the principle of sports training periodization. Since the development of professionally relevant physical abilities, such as strength and endurance, requires a complex application of multidirectional training stimuli, the research implements non-linear undulating periodization as training load programming method. The experimental work proved effectiveness of the planning principle in question for achieving a level of physical fitness necessary to meet the requirements for commissioned officers.

Keywords: physical education of students, military training centers, military physical training, motor abilities, sports training periodization, non-linear undulating periodization

For citation: Ignatov, A.A. (2025) Periodization of sports training as a method for complex development of students' physical abilities at university-based military training centers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 195–206. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/22

Проблеме совместимости разнонаправленных тренирующих воздействий при синхронном развитии сразу нескольких физических качеств отечественными и зарубежными исследователями уделяется недостаточно внимания. На наш взгляд, основной причиной сложившейся ситуации является то, что исследователи в большей степени ориентировались на спортивную подготовку, где ввиду специфики конкретного вида спорта основное внимание уделяется развитию физических качеств, часто имеющих общую физиологическую основу. Так, например, в рамках метода сопряженных тренировок (с англ. *conjugate method*), который при этом не следует идентифицировать как метод сопряженного воздействия, отраженный в трудах Л.П. Матвеева (1987), В.П. Филина (1984) и В.И. Ляха (1999), американский теоретик и практик пауэрлифтинга Луи Симмонс сформулировал принципы совместного совершенствования силы и быстроты, а также их проявление в форме собственно силовых и скоростно-силовых способностей [1] на основе метода максимальных усилий и метода динамических усилий.

В массовом же спорте развитие такого направления, как кроссфит, актуализировало вопрос о том, как одновременно развивать разные двигательные способности, например скоростно-силовые способности или силовую выносливость. С одной стороны, попытка дать ответ на этот вопрос была предпринята еще в XX в., когда был разработан метод круговой тренировки [2]. А с другой – на основании одного отдельного метода невозможно выстроить полноценный тренировочный процесс, особенно в контексте спортивной подготовки. Поэтому кроссфит пока так и остается, по сути, лишь формой проведения соревнований, которая основана на круговом принципе и в настоящий момент лишена должной методологической базы.

В последнее время в физкультурно-спортивной деятельности обретает популярность так называемый «гибридный тренинг» (существуют и другие его наименования, как например, *конкурентный тренинг* – от англ. *concurrent training*), где внимание исследователей сосредоточено, как правило, на комплексном развитии силы и выносливости [3]. При этом по своей природе гибридный тренинг представляет собой одну из разновидностей общей физической подготовки (ОФП), где более акцентированное внимание уделяется развитию определенных физических качеств.

В контексте спортивной подготовки наиболее приближенными к гибриднему тренингу являются системы, применяемые в игровых видах спорта и единоборствах. Например, в США с недавнего времени применительно к ОФП в игровых видах спорта и единоборствах стала выделяться такая сторона подготовки спортсмена, как «силовая и кондиционная подготовка» (с англ. *strength and conditioning* или *S&C*). В основе данного элемента учебно-тренировочного процесса лежат общеизвестные методы развития основных физических качеств – прежде всего быстроты, силы и выносливости, а также их комплексных проявлений: силовой выносливости, скоростно-силовых способностей и т.д. Иногда в качестве формы кондиционной подготовки игроков и единоборцев используется в

том числе кроссфит, в частности, такие его элементы, как комплексы упражнений, выполняемые с помощью метода круговой тренировки.

Рассматривая проблему совместимости разнонаправленных тренирующих воздействий при комплексном развитии физических качеств, нельзя не обратиться к теории периодизации спортивной тренировки. В данном случае под периодизацией мы предполагаем последовательные (фазные) изменения параметров тренировочной нагрузки в течение микро-, мезо- и макроцикла [4].

Основы теории периодизации спортивной тренировки были заложены еще в 1950-е годы в СССР, а как научная концепция она была сформулирована в 1964 г. Л.П. Матвеевым и развита им в последующих работах [5, 6]. Предложенная им концепция периодизации [5, 6] закрепились в науке как «традиционная» или «линейная». В соответствии с ней, годичный цикл подразумевает разделение программы на компоненты тренировочного процесса (в порядке возрастания: тренировочное упражнение, тренировочное занятие, микроцикл, мезоцикл, тренировочный период, макроцикл). Теория периодизации составляла обязательную часть тренировочного планирования в спорте высших достижений. Тем не менее первые критические замечания появились в начале 1980-х годов, поскольку опыт работы тренеров высокого уровня продемонстрировал некоторые недостатки традиционной теории периодизации. Одним из наиболее известных ее критиков был Ю.В. Верхошанский. В своих трудах [7–9] он утверждал, что положения традиционной теории могут быть использованы только начинающими спортсменами и только в некоторых видах спорта.

Такого же мнения придерживался и В.Б. Иссурин. Он стал основоположником концепции, основанной на относительно коротких тренировочных циклах с высокой концентрацией специальных нагрузок, предполагающие многократный выход на пик спортивной формы. Так, в начале 1980-х годов в качестве альтернативы традиционной периодизации появилась так называемая концепция блоковой периодизации (далее – КБП). В своей книге, посвященной КБП [10], В.Б. Иссурин рассматривает как преимущества, так и недостатки традиционной теории. К безусловным преимуществам традиционной периодизации учебно-тренировочного процесса, которые актуальны и на сегодняшний день, автор относит иерархическую классификацию и терминологию тренировочных циклов, дифференцирование общей и специальной подготовки, сезонные тенденции в изменении объема и интенсивности физических упражнений, а также основные подходы к краткосрочному, среднесрочному и долгосрочному планированию.

Основные недостатки, из-за которых, по мнению В.Б. Иссурина, традиционная концепция периодизации требовала пересмотра, связаны с ограничениями, вызванными одновременным развитием нескольких двигательных качеств и совершенствованием технических элементов. Кроме того, традиционная периодизация не способна обеспечить мультипликативную подготовку, позволяющую демонстрировать высокие

Таблица 1

Структура тренировочного процесса на основе КБП (по В.Б. Иссурину, 2010)

№	Тип блока (мезоцикла)	Основное направление в развитии двигательных способностей		Интенсивность и характеристика нагрузки
1	Накопительные	Общая выносливость		Малая аэробная мощность
2				Средняя аэробная мощность
3		Силовые способности	Силовая выносливость	Анаэробно-аэробная и субмаксимальная анаэробная мощность
4			Собственно силовые способности	Максимальная анаэробная мощность
5	Трансформирующий		Скоростно-силовые способности	Околомаксимальная аэробная и анаэробно-аэробная мощность
6	Реализационный	Специальная выносливость		Околомаксимальная и максимальная аэробная мощность

результаты на протяжении всего соревновательного периода. И наконец, эффективность традиционной периодизации была ограничена чрезмерно длительными периодами смешанной многоцелевой подготовки.

Для решения данных проблем автором была разработана альтернативная тренировочная система. Поскольку высокоинтенсивные тренировочные нагрузки не способны обеспечить в полном объеме одновременное развитие нескольких физических качеств, ключевым элементом планирования стал тренировочный блок, как альтернатива широко распространенной практике синхронного развития нескольких качеств. Таким образом, при формировании «блоковой» концепции автор опирался на выводы о том, что спортивный результат в любом виде спорта, как правило, требует мастерства в проявлении многих физических качеств, которые могут развиваться только последовательно, а не одновременно. В качестве физиологического обоснования концепции блоковой периодизации приводятся данные о том, что процесс развития морфологических, органических и биохимических изменений требует достаточно длительного периода времени (около 2–6 недель). Такая продолжительность примерно соответствует мезоциклу в традиционной концепции, которым по своей сути и являются тренировочные блоки в КБП.

Также В.Б. Иссуриным была сформулирована, определенная последовательность введения в тренировочный процесс блоков (мезоциклов) различной направленности, которая в целом соответствует принципам, заложенным в традиционной концепции. Структура тренировочного процесса, построенного на этой основе, представлена в табл. 1.

Согласно определению, предложенному автором: 1) накопительные блоки – это мезоциклы, направленные на развитие базовых способностей; 2) трансформирующие – направленные на развитие специфических по виду спорта способностей; 3) реализационные – направленные на восстановление, предсоревновательную и соревновательную активность.

Эффективность концепции блоковой периодизации зависит от использования соответствующей последовательности адаптаций при воспитании физических качеств и правильного понимания физиологической связи между ними. При этом данный фактор основан на том, что по отдельности воспитание любого физического качества происходит линейно. То есть, как и в традиционной периодизации, фундаментом любого

тренировочного процесса является объем нагрузки, без предварительного планирования которого невозможно эффективно и рационально применять нагрузки высокой интенсивности. Концепция блоковой периодизации не является исключением в данном вопросе. Так, на примере табл. 1 можно проследить следующие закономерности:

- первые два мезоцикла направлены на развитие общей выносливости, что приводит к повышению физической работоспособности;
- в свою очередь физическая работоспособность является необходимым фундаментом для развития силовых способностей, в частности, силовой выносливости, развитие которой предполагает выполнение значительного объема тренировочной нагрузки);
- тренировочный процесс с преобладанием средств на развитие силовой выносливости, предполагает большое количество повторений и применение метода непредельных/малых усилий. И как следствие, отсутствие околомаксимальных и максимальных усилий дает возможность для адаптации мышечно-связочного аппарата к высокоинтенсивной работе в последующем мезоцикле, направленном на развитие силы;
- одним из проявлений силовых качеств являются скоростно-силовые способности, которые характеризуются возможностью производить усилия максимальной мощности в кратчайший промежуток времени;
- и наконец, способность поддерживать определенную мощность работы является одним из основных составляемых в развитии специальной выносливости (скоростной или силовой).

Использование такой последовательности блоков основывается в том числе на остаточном тренировочном эффекте и скорости утраты адаптаций после прекращения или сокращения тренирующего воздействия [11].

Так, например, в исследовании [12, 13] было продемонстрировано, что на протяжении 1–2 месяцев собственно силовые способности не утрачиваются даже при значительном снижении объема нагрузки (в 3 и более раз), что позволяет обеспечить восстановление организма, необходимое для более специализированного развития какого-то другого качества, работа над которым в предыдущем блоке осуществлялась лишь в поддерживающем режиме.

Теоретические положения как традиционной линейной, так и блоковой периодизации легли в основу концепции интегрирования двигательных способностей, сформулированной в трудах Т. Бомпы [14]. Под

интегрированием автор понимает процесс объединения в тренировочном процессе нагрузок, направленных на развитие разных двигательных способностей на уровне какого-либо цикла подготовки (например микро- или мезоцикла). В более узком понимании интегрирование трактуется как порядок включения (чередования или циклирования) в тренировочный план периодов, различающихся по характеру нагрузки. Так, например, интегрирование двигательных способностей, в зависимости от способа объединения тренирующих воздействий, делится на два типа, которые примерно соответствуют различным видам периодизации тренировочного процесса. Схематично принципы интегрирования двигательных способностей представлены в табл. 2.

Таким образом, выбор способа интегрирования может зависеть от следующих факторов:

1. Сфера применения:

- в физкультурно-спортивной деятельности возможно применение как параллельного, так и последовательного способов интегрирования, при этом параллельное интегрирование видится наиболее рациональным, поскольку для решения поставленных задач используются, как правило, менее интенсивные нагрузки, благодаря чему возможно эффективное сочетание разнонаправленных тренирующих воздействий;

- в профессионально-прикладной физической подготовке принципы интегрирования аналогичны физкультурно-спортивной деятельности в целом, однако выбор конкретного способа может зависеть от условий профессиональной среды, степени готовности контингента обучающихся, а также организационного аспекта (например структура учебного плана, графика-календаря прохождения учебной программы и т.д.);

- в спортивной подготовке более эффективно могут применяться принципы последовательного интегрирования, поскольку существует привязка к календарю соревнований (и, как следствие, необходимость выхода на пик), при этом использование параллельного интегрирования по-прежнему возможно, но зависит от уровня подготовленности атлета, а также конкретного вида спорта (например, сезонный принцип организации соревнований в игровых видах спорта предъявляет особые требования к планированию, поскольку так называемый «пик» спортсмена-игровика должен быть достаточно продолжительным).

2. Уровень подготовленности атлета. Чем сильнее развиты отдельные стороны общей физической подготовленности атлета, тем больший тренировочный стимул необходим для последующих адаптаций – данное правило определяет величины объема и интенсивности, которые будут использоваться при воспитании отдельных физических качеств. Если развитие определенных двигательных способностей требует применения достаточно концентрированной и специфичной нагрузки, то целесообразно выделять тренировку разных физических качеств в отдельные блоки, т.е. использовать последовательное интегрирование двигательных способностей. В случае, когда для развития достаточно даже небольшого стимула, то, по крайней мере, на первоначальном этапе параллельное интегрирование (т.е. одновременное развитие комплекса физических качеств) может быть достаточно эффективным способом построения тренировочного процесса.

При сравнении традиционной и блоковой концепций периодизации становится очевидным то, что они ориентированы прежде всего на спортивную подготовку, где отправной точкой для планирования является календарь соревнований. В зависимости от его содержания годичный тренировочный цикл может претерпевать некоторые изменения, состоять из одного или двух полугодичных макроциклов, быть мультициковым и т.п. В этой связи возникает вопрос: возможно ли эффективно применять отдельные положения теории периодизации в физическом воспитании военнослужащих либо в соответствующих системах профессионально-прикладной физической подготовки? Ведь с одной стороны, в отличие от спортивной подготовки, предполагающей выход на пик формы к периоду соревновательной деятельности, в Вооруженных Силах всё направлено на поддержание постоянной боевой готовности, что, в свою очередь, требует от военнослужащих высокого уровня физической подготовленности, основанного на развитии физических качеств и военно-прикладных навыков. А с другой стороны, в мирное время военнослужащие вовлечены в учебный процесс, который также привязан к определенному графику или календарю, поэтому и процесс физического воспитания может быть структурирован по принципу деления на циклы, этапы и периоды.

Частично ответ на этот вопрос уже был дан в ранее проведенных исследованиях. В качестве примера можно привести работу Л.Н. Евланникова [15], где в педагогическом эксперименте приняли участие курсанты военно-технического училища Федеральной службы охраны (ФСО) России. Несмотря на то, что данное силовое ведомство не относится к Министерству обороны, система физического воспитания решает аналогичные профессионально-прикладные задачи. В указанном исследовании учебно-тренировочный процесс был разделен на семестры, которые, в свою очередь, включали в себя по три учебно-тренировочных блока (цикла), имеющих разную направленность физических нагрузок. По результатам опытно-экспериментальной работы можно судить о том, что сопряженно-последовательная форма организации

Таблица 2

Сравнение способов интегрирования двигательных способностей

Характеристика	Способ интегрирования	
	Параллельный	Последовательный
Принцип объединения тренирующих воздействий	Одновременное развитие всего комплекса двигательных способностей	Чередование специализированных циклов, направленных на развитие разных двигательных способностей
Тип периодизации	Линейная или нелинейная	Блоковая
Способ планирования	Краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный	Среднесрочный и долгосрочный
Иерархический уровень	Микроцикл–мезоцикл	Мезоцикл–макроцикл

учебно-тренировочного процесса через блочный (цикловой) способ обеспечения физических нагрузок может служить эффективным способом для решения задач профессионально-прикладной физической подготовки.

Косвенно о перспективах применения периодизации говорится в коллективном исследовании И.А. Кузнецова, В.И. Тындык, В.А. Шершнёва, в котором дается характеристика особенностям самостоятельной физической тренировки военнослужащих. Так, в качестве одной из рекомендаций по ее организации авторы приводят в пример блоковую концепцию. По их мнению, индивидуальную физическую тренировку следует строить таким образом, чтобы циклы развития определенных физических качеств периодически сменяли друг друга; при этом в каждом периоде одни качества-мишени могли развиваться акцентированно, а другие – в поддерживающем режиме [16].

Для понимания того, каким образом принцип периодизации может быть использован при планировании физической подготовки в Вооруженных Силах, является иерархия компонентов тренировочного процесса, принятая в традиционной периодизации [17]. Несмотря на специфику физической подготовки военнослужащих и ее значительные отличия от целей и задач спортивной подготовки, в целом представляется возможным перенести значительную часть компонентов тренировочного процесса для реализации задач физического воспитания в Вооруженных силах – т.е. осуществить своеобразную конверсию методов спортивной подготовки в процесс профессионально-прикладной физической подготовки военнослужащих. Основным содержанием повседневной деятельности войск в мирное время является боевая подготовка, которая осуществляется в течение учебного года, состоящего из двух периодов обучения: зимнего (декабрь – апрель) и летнего (июнь – октябрь). В учебных заведениях, осуществляющих военную подготовку граждан прежде всего в вузах Министерства обороны и военных учебных центрах при «гражданских» вузах (т.е. относящихся к Министерству науки и высшего образования), учебный год делится на осенний и весенний семестры обучения.

Таким образом, система физического воспитания в различных структурах Министерства обороны позволяет применять компоненты и способы планирования спортивной подготовки, как минимум, в организационном аспекте – благодаря тому, что как в войсках, так и в учебных заведениях учебный процесс также делится на периоды. Так, например, при планировании процесса физической подготовки разрабатываются планы контрольных занятий или итоговой проверки уровня физической подготовленности военнослужащих, к которым может быть привязан тренировочный план. Однако это является нецелесообразным по двум причинам:

1. Сроки проведения проверок определяются не менее чем за 3 месяца до начала проверки, как следствие, невозможно осуществлять долгосрочное планирование тренировочного процесса [18].

2. Проверка состояния физической подготовки в Вооруженных Силах предполагает оценку текущего состояния физической подготовленности, а не максимальных физических возможностей. Как таковые результаты, продемонстрированные военнослужащими при выполнении контрольных упражнений в день проверки, не являются первостепенной целью физической подготовки, поскольку она является, в первую очередь, одним из средств повышения боеспособности. То есть, в отличие от спортивной подготовки, выход на пик физической формы не только нецелесообразен, но и может быть контрпродуктивным, поскольку первоочередной задачей физического воспитания военнослужащих является постоянное поддержание оптимального уровня развития необходимых двигательных способностей на протяжении всего периода службы.

Данные факторы ставят под сомнение рациональность применения как традиционной (линейной), так и блоковой периодизации в физическом воспитании военнослужащих, поскольку в них продолжительность заверщенного цикла составляет не менее полугод (макроцикл). В этой связи более целесообразным представляется применение периодизации, основанной на краткосрочных и среднесрочных циклах планирования (например, тренировочное занятие, микроцикл, мезоцикл) и комплексном, а не последовательном применении разнонаправленных тренирующих воздействий.

Другой аспект, требующий рассмотрения – это методическая целесообразность применения концепции периодизации в системах физического воспитания военнослужащих. Как уже было сказано выше, одной из особенностей военной сферы деятельности является значительная разнонаправленность физических нагрузок, которым подвергаются военнослужащие в повседневной и боевой деятельности. Оптимальная готовность к ним достигается за счет повышения уровня физической подготовленности, а также развития военно-прикладных двигательных навыков. Согласно НФП в ВС РФ, военнослужащий должен соответствовать установленным требованиям к уровню его физической подготовленности, который считается достигнутым, если военнослужащий по результатам тестирования оценен не ниже «удовлетворительно» [19]. Для проверки уровня физической подготовленности военнослужащие дифференцируются на 3 категории (в зависимости от особенностей военно-профессиональной деятельности), а также возрастные группы (10 групп). Оценка физической подготовленности военнослужащих проводится посредством тестирования, реализация которого осуществляется на основе использования специально разработанного для этой цели контрольно-проверочного комплекса (КПК), состоящего из физических упражнений двух видов: общие физические упражнения (ОФУ) – для оценки уровня развития физических качеств и специальные физические упражнения (СФУ) – для оценки военно-прикладных навыков.

Количество и перечень упражнений могут варьироваться, но для большинства категорий военнослужащих обязательной является проверка уровня развития силы и выносливости. При этом именно эти физиче-

ские качества являются полярными с точки зрения физиологических основ их развития. Поэтому, по мнению некоторых авторов [14, 20], сочетание упражнений, направленных на развитие выносливости и силовых упражнений, является наиболее неблагоприятным с точки зрения адаптационных возможностей нервной системы и энергообеспечения мышечной деятельности. Соответственно, в процессе физического воспитания студентов, проходящих военную подготовку, возникает необходимость оптимального планирования и эффективной реализации разнонаправленных тренирующих воздействий для достижения необходимого уровня развития вышеперечисленных физических качеств.

Таким образом, периодизация должна предполагать определенную степень варьирования видов тренировочной нагрузки, направленной на воспитание разных физических качеств и сопряженных с ними двигательных способностей. Можно выделить ряд факторов, которые необходимо учитывать при планировании разнонаправленных тренирующих воздействий.

1. Разнонаправленные нервно-мышечные адаптации. Как известно, нервно-мышечный аппарат представляет собой совокупность двигательных единиц, каждая из которых включает в себя мотонейрон, аксон и совокупность мышечных волокон [21]. Поскольку количество двигательных единиц у человека неизменно и в целом они слабо поддаются каким-либо изменениям в ходе тренировки [22], по мнению ряда авторов [20], данный фактор является основным, который следует учитывать при планировании разнонаправленных тренирующих воздействий.

Типы волокон скелетных мышц человека можно условно классифицировать на быстрые гликолитические и медленные окислительные [23]. При сокращении под действием нервного импульса быстрые мышечные волокна не только больше по размеру, чем медленные мышечные волокна, но и гораздо лучше отзываются на тяжелую силовую нагрузку. Таким образом, люди с преобладающими быстрыми волокнами, как правило, имеют более высокие перспективы в развитии силовых способностей. Также стоит отметить, что выделяют два подтипа быстрых волокон: собственно гликолитические и окислительно-гликолитические (*также называемые промежуточными*).

Медленные мышечные волокна под воздействием нервного импульса имеют более низкую скорость сокращения, производят меньше силы на единицу площади поперечного сечения. Они меньше в размере, чем быстрые волокна, и имеют меньший потенциал для гипертрофии. Но при этом они медленнее утомляются и, как следствие, больше приспособлены к длительным нагрузкам.

Проблема заключается в том, что упражнения, направленные на развитие выносливости, в большей степени, чем любые другие, имеют свойство менять характер работы мышц – с быстрого на медленный. При этом сам тип мышечных волокон не меняется, однако промежуточные волокна (*которые представляют собой сочетание быстрых и медленных волокон*) все больше начинают выполнять свою функцию по типу

медленных, нежели быстрых [20]. Такие изменения в характере работы мышц являются обратимыми, однако соответствующие адаптационные процессы могут занять несколько недель или месяцев. Так или иначе, аэробные тренировки снижают в долгосрочной перспективе способность мышц производить силу, что ставит под сомнение возможность эффективного интегрирования разнонаправленных тренирующих воздействий на краткосрочных уровнях планирования (*тренировочное занятие или микроцикл*), отдавая предпочтение целесообразности среднесрочного планирования (*мезоцикл или тренировочный период*).

2. Метаболический фактор. Данный фактор сводится к проблеме, связанной с воздействием на разные энергетические системы организма и адаптации их к нагрузкам. Разделение энергетических систем в организме происходит по принципу участия кислорода в процессе мышечной деятельности и, соответственно, способов ресинтеза АТФ. Глобально выделяют две системы: 1) аэробная – та, которая зависит от потребления кислорода, и 2) анаэробная – не зависящая от его потребления. Существуют еще различные подсистемы, количество и наименования которых могут варьироваться в классификациях разных авторов, но для целей исследования мы будем использовать вариант [24], где анаэробная система делится еще на две, и таким образом выделяются три системы:

а) Анаэробная алактатная система, также называемая фосфогенной, креатинфосфатной или аденозинтрифосфат-креатинфосфатной (АТФ-КФ), которая задействована при коротких нагрузках высокой интенсивности. Являясь основным источником энергии для всех процессов в организме, АТФ может храниться в мышечных клетках в достаточно ограниченном количестве и, как следствие, обеспечивает лишь первые несколько секунд мощной высокоинтенсивной мышечной работы. В ответ на истощение запасов АТФ в мышцах происходит распад креатинфосфата (КФ), также хранящегося в мышцах, на креатин и фосфат, которые используются для ресинтеза АТФ. Поскольку количество КФ тоже ограничено, анаэробная алактатная система (АТФ-КФ) может служить источником энергии только в течение очень короткого периода времени – до 8–10 секунд максимальной нагрузки, либо в течение чуть более продолжительного периода времени при субмаксимальных нагрузках (бег на короткие дистанции, тяжелая атлетика и пауэрлифтинг, метательные дисциплины легкой атлетики, хоккей, футбол и т.д.).

б) Анаэробная лактатная система (или анаэробный гликолиз) обеспечивает производство энергии за счет распада гликогена (*форма, в виде которой организм запасает глюкозу*), который хранится в мышечных клетках и клетках печени и используется для ресинтеза АТФ. В случае нехватки кислорода при распаде гликогена образуется побочный продукт, который называется лактатом. Он накапливается в большом количестве в процессе продолжительной высокоинтенсивной нагрузки, что вызывает утомление и способствует постепенному снижению уровня выработки энергии. Анаэробная лактатная система становится основным

источником энергии при достаточно интенсивных нагрузках продолжительностью 10–60 секунд (например, бег 200–400 м, силовые упражнения с большим количеством повторений и т.д.).

в) Аэробная система обеспечивает ресинтез АТФ только при наличии кислорода, что означает возможность производства энергии посредством расщепления гликогена, жиров и белков. Для протекания данного процесса необходима транспортировка достаточного количества кислорода к мышечным клеткам, что требует повышения сердечного ритма и учащения дыхания. Как и анаэробная лактатная система (анаэробный гликолиз), аэробная система (аэробный гликолиз) использует гликоген в качестве источника энергии для ресинтеза АТФ. Тем не менее, в отличие от анаэробной лактатной системы, аэробная система производит небольшое количество молочной кислоты или вовсе ее не производит, что позволяет, несмотря на утомление, выполнять продолжительную мышечную работу без значительного снижения производительности. Как правило, необходимо примерно 60–80 с, чтобы аэробная система начала производство энергии с целью ресинтеза АТФ. Как следствие, она используется главным образом в процессе низкоинтенсивных нагрузок длительностью от 1 мин до 3 ч.

Таким образом, учитывая метаболический характер обменных процессов, происходящих в организме после воздействия физических упражнений, и их разнонаправленность, необходимо обеспечить восстановление энергетических ресурсов после соответствующей нагрузки, в частности:

- не выполнять большой объем нагрузки, при которой в рамках тренировочного цикла в значительной степени задействуются более двух систем энергообеспечения, а при увеличении воздействия на одну из них необходимо снижать объем и интенсивность нагрузки на другую;

- дозировать нагрузку на анаэробную лактатную систему, поскольку именно она дает значительную степень утомления и влияет на восстановление других систем, так как является своего рода смежной с анаэробной алактатной и аэробной системами;

- синхронизировать нагрузки на анаэробную алактатную и аэробную системы – наиболее оптимальный вариант с точки зрения восстановления энергетических систем при краткосрочном планировании, поскольку корректное распределение интенсивности и объема нагрузки (особенно, если достаточно разнести по времени разные типы нагрузки – например, с интервалом в несколько дней) позволит максимально снизить негативный эффект, возникающий при сочетании силовых и аэробных упражнений.

3. Общее (системное) утомление. Очевидно, что при задействовании одной энергетической системы, другие включены в работу минимально и, как следствие, не перегружаются. С одной стороны, это дает нам основания планировать учебно-тренировочный процесс таким образом, что пока одна система восстанавливается после нагрузки, другая, ранее не задействованная система, может получать определенное тренирующее воздействие. Например, если в первый

день спортсмен выполнял силовые упражнения высокой интенсивности (*приседания с весом отягощения 2–5 ПМ*), задействуя главным образом анаэробную лактатную систему, то на следующий день вполне может быть запланирована низкоинтенсивная аэробная тренировка (*медленный бег*), поскольку в ней будет участвовать уже другая энергосистема и в большей степени другие типы мышечных волокон. Однако в результате такого планирования может увеличиться время восстановления мышц нижних конечностей после силовой нагрузки, а также возрастет системное (общее) утомление, которое затронет и готовность как нервной, так и всех энергетических систем. Именно поэтому системное утомление, возникающее в результате адаптаций к разнонаправленным тренирующим воздействиям, является важнейшим фактором, который следует учитывать при планировании параметров нагрузки, особенно – ее интенсивности.

В таком контексте некоторым компромиссом между традиционной и блоковой концепциями периодизации видится так называемая волновая периодизация. Она является разновидностью нелинейной периодизации и предполагает более частую смену акцентов на переменные тренировочного процесса или воздействие на разные физические качества на кратко- и среднесрочных уровнях планирования (например, в рамках мезо- или микроциклов и даже тренировочного занятия) [25]. В случае недельной волновой периодизации, исходя из названия, объем и интенсивность нагрузки меняются от недели к неделе. Соотношение, как правило, носит обратно-пропорциональный характер, т.е. при увеличении одной переменной, вторая снижается, и наоборот. В дневной волновой периодизации объем и интенсивность нагрузки варьируются обратно пропорционально, как и в недельной волновой периодизации, но уже чаще – на отдельных занятиях в течение одной тренировочной недели.

Ряд исследований [26–30] показывает эффективность волновой периодизации по сравнению с традиционной. Это объясняется прежде всего тем, что более частое варьирование параметров нагрузки позволяет развивать несколько качеств одновременно, причем непрерывно и в течение продолжительного времени. Кроме того, в отдельных видах спорта (в частности, скоростно-силовых) требуется более частый выход на относительно высокую интенсивность нагрузки, что не предусмотрено в линейной периодизации, где на протяжении нескольких месяцев высокоинтенсивные нагрузки могут отсутствовать.

В итоге на основе изучения основных положений и принципов теории периодизации был сделан вывод о том, что планирование разнонаправленных тренирующих воздействий в физическом воспитании студентов военных учебных центров должно осуществляться с применением нелинейной (волновой) периодизации физической нагрузки. Проверка эффективности данного принципа осуществлялась в ходе опытно-экспериментальной работы.

В ходе констатирующего эксперимента было проведено тестирование уровня физической подготовленности 30 студентов, обучающихся в военном учебном

центре при Национальном исследовательском Томском государственном университете по программе подготовки офицеров кадра («лингвистическое обеспечение военной деятельности»). В качестве тестов были использованы упражнения, направленные на развитие силы и выносливости, определенные в Наставлении по физической подготовке в Вооруженных силах Российской Федерации (далее – НФП), утвержденном Приказом Министра обороны РФ от 20.04.2023 № 230. Для удобства систематизации данных оценка результатов производилась путем подсчета среднего значения показателей теста в каждой из групп. Обработка нагрузки количественных результатов осуществлялась с помощью параметрического критерия Стьюдента (Т-критерий). В табл. 3 представлены результаты констатирующего эксперимента, проведенного в период в сентябре 2022 г.

Анализ данных табл. 3 показал, что значение P тестируемых показателей $>0,05$, что свидетельствует об отсутствии существенных различий между средними величинами показателей в контрольной и экспериментальной группах.

Согласно НФП, оценка уровня физической подготовленности производится в соответствии с балльными шкалами, которые различаются по гендерным, возрастным и весовым категориям. Поскольку по окончании обучения испытуемые обеих групп попадают в категорию военнослужащих по контракту 1-й возрастной группы (до 25 лет), оценка уровня их физической подготовленности производилась на основании соответствующих требований. Так, общий уровень физической подготовленности оценивался по трем упражнениям, направленным на развитие физических качеств: быстроты – бег 60 м; силы и выносливости – по тем упражнениям, где продемонстрирован наилучший результат.

Таблица 3

Показатели уровня физической подготовленности в контрольной и экспериментальной группах студентов ВУЦ на этапе констатирующего эксперимента

№	Тест	Ед. изм.	ЭГ	КГ	p -значение
			$x' \pm m$	$x' \pm m$	
1	Упражнение № 3. Подтягивание на перекладине	раз	$9,93 \pm 1,04$	$10,07 \pm 1,17$	0,93 ($\geq 0,05$)
2	Упражнение № 14. Жим лежа штанги 70 кг	раз	$7,67 \pm 1,01$	$7,40 \pm 0,80$	0,83 ($\geq 0,05$)
3	Упражнение № 15. Становая тяга со штангой 80 кг	раз	$10,07 \pm 1,18$	$7,93 \pm 0,88$	0,16 ($\geq 0,05$)
4	Упражнение № 16. Приседания со штангой 70 кг	раз	$7,21 \pm 0,76$	$7,53 \pm 0,87$	0,82 ($\geq 0,05$)
5	Упражнение № 17. Бег на 60 м	с	$8,60 \pm 0,12$	$8,51 \pm 0,14$	0,63 ($\geq 0,05$)
6	Упражнение № 24. Бег на 1 км	мин с	$4,33 \pm 0,18$	$4,38 \pm 0,18$	0,85 ($\geq 0,05$)
7	Упражнение № 26. Бег на 5 км	мин с	$26,28 \pm 0,71$	$27,02 \pm 0,72$	0,47 ($\geq 0,05$)

В процессе анализа данных тестирования было выявлено, что в контрольной группе уровень физической подготовленности лишь одного испытуемого оценивается на «отлично», при этом в экспериментальной группе это количество составляет 2 человека. Одинаковое число испытуемых (по 5 человек) в обеих группах оценивается на оценку «хорошо». Удовлетворительный уровень физической подготовленности был определен у 7 человек в контрольной группе и 5 – в экспериментальной. И наконец, 2 и 3 испытуемых в контрольной и экспериментальной группах соответственно получили оценку «неудовлетворительно». Таким образом, совокупность результатов констатирующего эксперимента позволяет утверждать об однородности обеих групп и перейти к следующему этапу опытно-экспериментальной работы.

Формирующий эксперимент проводился с целью внедрения и проверки эффективности разработанной технологии комплексного развития силовых способностей и выносливости, которая была внедрена в учебно-тренировочный процесс экспериментальной группы. Испытуемые данной группы занимались по плану, разработанному на основе принципов нелинейной (волновой) периодизации. Микроцикл (МЦ) продолжительностью 7 дней состоял из 4 учебно-тренировочных занятий (УТЗ) с еженедельным смещением акцентов в сторону одного из двух компонентов – силы и выносливости. Таким образом, в рамках 8-недельного мезоцикла был реализован принцип волнового изменения объема разнонаправленных тренирующих воздействий. Он представлен на рис. 1, где на оси ординат Y показано общее количество занятий в микроцикле, а абсцисс X отражает изменение соотношения между компонентами, определявшими содержание занятий.

На протяжении формирующего эксперимента данный мезоцикл повторялся 3 раза в период с октября 2022 г. по апрель 2023 г., и в совокупности образовал макроцикл продолжительностью до полугода (включая перерыв на зимний каникулярный отпуск). Интенсивность тренирующих воздействий возрастала линейно от начала к концу мезоцикла и определялась на основе концепции RPE (Rate of perceived exertion – показатель восприятия нагрузки, определяемый на основе субъективной оценки приложенного усилия).

Общее содержание учебно-тренировочных занятий в каждом из микроциклов представлено в табл. 4, где указана только последовательность учебно-тренировочных занятий, при этом время отдыха определялось ситуативно, в зависимости от расписания занятий по основной образовательной программе. Допускалось планирование не более двух тренировочных дней подряд, но с обязательным днем отдыха перед УТЗ с высокоинтенсивными тренирующими воздействиями.

В контрольной группе учебно-тренировочные занятия проводились в аналогичном объеме (4 раза в неделю – по 2 на каждый компонент), при этом периодизация в программировании нагрузок проявлялась лишь в линейном изменении интенсивности на уровне 4-недельного мезоцикла. Для планирования разнонаправленных тренирующих воздействий применялся принцип обратно-пропорционального соотношения интенсивности, который схематично представлен на рис. 2.

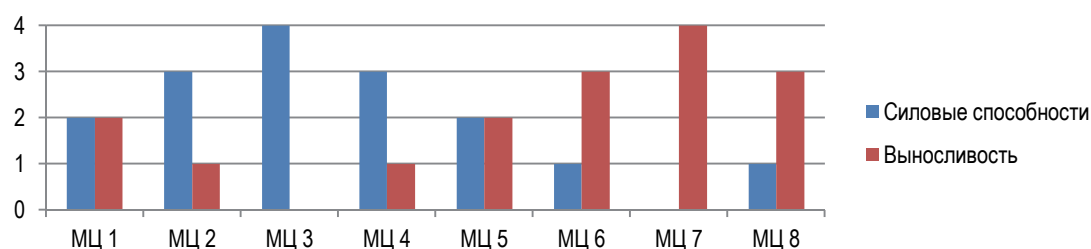

Рис. 1. Мезоцикл в ЭГ на основе волновой периодизации

Так, начало мезоцикла характеризуется использованием низкоинтенсивных, но высокообъемных силовых нагрузок (например, метод повторных непредельных усилий в атлетических и гимнастических упражнениях) при высокой интенсивности и низком объеме аэробных нагрузок (например, тренировка скоростных качеств повторным или интервальным методом). К концу мезоцикла происходит линейное изменение данных параметров в противоположную сторону: силовые упражнения отличаются высокой интенсивностью при низком объеме (например, метод околопредельных отягощений с использованием средств пауэрлиф-

тинга), а в аэробных нагрузках снижается интенсивность и увеличивается объем (например, равномерный непрерывный метод при длительном беге в медленном темпе). При этом каждый последующий мезоцикл начинается со снижения интенсивности до тех показателей, которые фиксировались ближе к середине предыдущего мезоцикла. Таким образом, на протяжении всего полугодового макроцикла присутствует ступенчатый рост интенсивности, как силовой, так и аэробной нагрузки. В табл. 5 приведено общее содержание учебно-тренировочных занятий в рамках мезоцикла в контрольной группе.

Таблица 4

Содержание учебно-тренировочных занятий в мезоцикле ЭГ

МЦ	УТЗ	Силовые способности	Выносливость (легкая атлетика)
1	1	Силовая подготовка (упражнения с отягощениями)	—
	2	—	Развивающий кросс средней интенсивности
	3	Атлетическая гимнастика методом повторных усилий	—
	4	—	Длительный низкоинтенсивный бег
2	1	Силовая подготовка (упражнения с отягощениями)	—
	2	Скоростно-силовая подготовка (спринт, прыжковые упражнения)	—
	3	Атлетическая гимнастика методом повторных усилий	—
	4	—	Длительный низкоинтенсивный бег
3	1	Силовая подготовка (упражнения с отягощениями)	—
	2	Скоростно-силовая подготовка (спринт, прыжковые упражнения)	—
	3	Атлетическая гимнастика методом повторных усилий	—
	4	Тренировка силовой выносливости (методом круговой тренировки)	—
4	Аналогично содержанию МЦ № 2		
5	Аналогично содержанию МЦ № 1		
6	1	—	Короткий низкоинтенсивный бег
	2	—	Развивающий кросс средней интенсивности
	3	—	Длительный низкоинтенсивный бег
	4	Силовая подготовка (упражнения с отягощениями)	—
7	1	—	Тренировка скоростной выносливости интервальным или переменным методом
	2	—	Короткий низкоинтенсивный бег
	3	—	Развивающий кросс средней интенсивности
	4	—	Длительный низкоинтенсивный бег
8	Аналогично содержанию МЦ № 6		

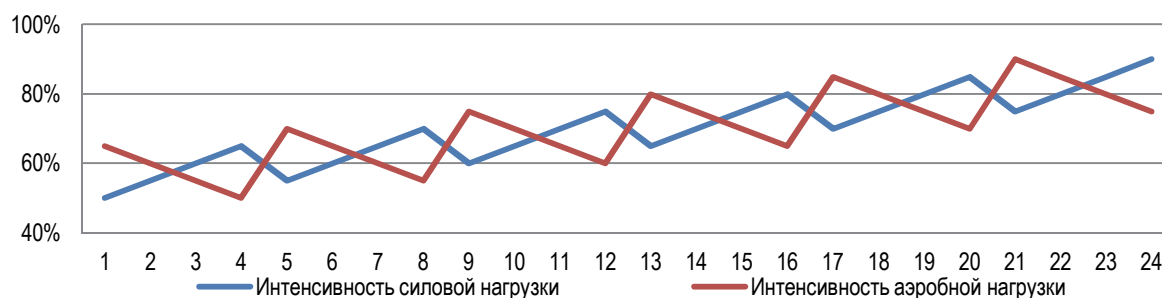

Рис. 2. Принцип обратного-пропорционального соотношения интенсивности при планировании разнонаправленных тренирующих воздействий

Таблица 5

Содержание учебно-тренировочных занятий в мезоцикле КГ

МЦ	УТЗ	Силовые способности	Выносливость (легкая атлетика)
1	1	Атлетическая гимнастика методом повторных усилий	–
	2	–	Тренировка скоростных качеств повторным или интервальным методом
	3	Тренировка силовой выносливости (методом круговой тренировки)	–
	4	–	Короткий низкоинтенсивный бег
2	1	Силовая подготовка на основе упражнений с отягощениями методом повторных усилий	–
	2	–	Тренировка скоростной выносливости интервальным или переменным методом
	3	Скоростно-силовая подготовка (метод динамических усилий, прыжковые упражнения)	–
	4	–	Короткий низкоинтенсивный бег
3	1	Силовая подготовка на основе упражнений с отягощениями методом повторных усилий	–
	2	–	Темповый бег сериями повторным или равномерным непрерывным методом
	3	Скоростно-силовая подготовка (метод динамических усилий, прыжковые упражнения)	–
	4	–	Развивающий кросс средней интенсивности
4	1	Силовая подготовка на основе упражнений с отягощениями методом повторных усилий	–
	2	–	Длительный низкоинтенсивный бег
	3	Силовая подготовка на основе упражнений с отягощениями методом околопредельных усилий	–
	4	–	Длительный низкоинтенсивный бег

Таблица 6

Сравнение показателей физической подготовленности в экспериментальной и контрольной группах до и после педагогического эксперимента

№	Тест	Ед. изм.	Этап	ЭГ (15 чел.)	КГ (15 чел.)	p-значение
				$\bar{x} \pm m$	$\bar{x} \pm m$	
1	Упражнение № 3. Подтягивание на перекладине	раз	До эксперимента	9,93±1,04	10,07±1,17	0,93 (≥ 0,05)
			После эксперимента	14,00±0,82	14,60±1,29	0,69 (≥ 0,05)
			<i>p</i>	0,005 (≤0,05)	0,015 (≤0,05)	
2	Упражнение № 14. Жим штанги 70 кг лежа	раз	До эксперимента	7,67±1,01	7,40±0,80	0,83 (≥ 0,05)
			После эксперимента	13,67±0,81	10,47±0,73	0,005 (≤0,05)
			<i>p</i>	0,0005 (≤0,05)	0,008 (≤0,05)	
3	Упражнение № 15. Становая тяга со штангой 80 кг	раз	До эксперимента	10,07±1,18	7,93±0,88	0,16 (≥ 0,05)
			После эксперимента	14,00±1,25	10,87±0,86	0,048 (≤0,05)
			<i>p</i>	0,03 (≤0,05)	0,024 (≤0,05)	
4	Упражнение № 16. Приседания со штангой 70 кг	раз	До эксперимента	7,27±0,76	7,53±0,87	0,82 (≥ 0,05)
			После эксперимента	12,73±0,87	10,13±0,84	0,04 (≤0,05)
			<i>p</i>	0,0006 (≤0,05)	0,011 (≤0,05)	
5	Упражнение № 17. Бег на 60 м	с	До эксперимента	8,60±0,12	8,51±0,14	0,63 (≥ 0,05)
			После эксперимента	8,33±0,11	8,21±0,10	0,43 (≥ 0,05)
			<i>p</i>	0,11 (≥ 0,05)	0,09 (≥ 0,05)	
6	Упражнение № 24. Бег на 1 км	мин с	До эксперимента	4,33±0,18	4,38±0,18	0,85 (≥ 0,05)
			После эксперимента	3,76±0,18	4,13±0,15	0,045 (≤0,05)
			<i>p</i>	0,026 (≤0,05)	0,29 (≥ 0,05)	
7	Упражнение № 26. Бег на 5 км	мин с	До эксперимента	26,28±0,71	27,02±0,72	0,47 (≥ 0,05)
			После эксперимента	24,11±0,50	25,76±0,60	0,043 (≤0,05)
			<i>p</i>	0,019 (≤0,05)	0,19 (≥ 0,05)	

Таким образом, интенсивность и общий объем тренировочной нагрузки в экспериментальной и контрольной группах не различались, а выбор средств зависел от целей и содержания конкретного занятия.

По результатам проведения формирующего эксперимента было проведено тестирование, направленное на определение уровня физической подготовленности испытуемых экспериментальной и контрольной групп.

Результаты тестирования были подвергнуты статистической обработке, и их сравнение с данными, полученными в ходе констатирующего эксперимента, представлено в табл. 6.

Анализ данных табл. 6 позволяет утверждать, что после проведения педагогического эксперимента большая часть показателей уровня физической подготовленности возросла в обеих группах испытуемых, за исключением результатов:

– в беге на 60 м, где по итогам тестирования между контрольной и экспериментальной группой не было выявлено статистически достоверных различий в развитии уровня быстроты по сравнению с показателями на этапе констатирующего эксперимента;

– в беге на 1 и на 5 км, где результаты тестирования продемонстрировали отсутствие достоверно значимого прироста показателей в контрольной группе.

Кроме того, при сравнении показателей физической подготовленности в экспериментальной и контрольной группах, зафиксированных по итогам проведения формирующего эксперимента, были выявлены статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$) в развитии силовых способностей и выносливости. В большинстве тестов результаты экспериментальной группы были значительно выше, чем в контрольной группе. Исключение составили упражнения: подтягивания на перекладине и бег на 60 м – статистически достоверные различия отсутствуют ($p \geq 0,05$).

По итогам проведенного педагогического эксперимента, на основании сравнения и анализа данных тестирования был зафиксирован статистически достоверный

прирост показателей физической подготовленности в экспериментальной группе ($p < 0,05$), по сравнению с контрольной в следующих упражнениях: «жим штанги лежа», «становая тяга со штангой», «приседания со штангой», «бег на 1 км» и «бег на 5 км». Рост показателей составил: 30, 28, 25, 9 и 6,5% соответственно. Исключение составили упражнения «подтягивания на перекладине» и «бег на 60 м», где статистически достоверные различия отсутствуют ($p \geq 0,05$).

Результаты исследования позволяют утверждать, что разработанный на основе принципа волновой периодизации алгоритм синхронного развития силовых способностей и выносливости может быть эффективно использован с целью комплексного развития физических качеств силы и выносливости.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что волновая периодизация является эффективным инструментом, позволяющим комплексно развивать профессионально значимые для военнослужащих физические качества.

Список источников

1. Simmons L. The conjugate method: Enhanced through the research of Westside Barbell. Westside Barbell, 2022. 122 p.
2. Шолых М. Круговая тренировка. М.: Физкультура и спорт, 1966. 174 с.
3. Viada A. The hybrid athlete. 2015. 239 p.
4. Baechle T.R., Earle R.W. NSCA's essentials of strength training and conditioning. 3rd ed. Chicago, IL: Human Kinetics, 2008. 641 p.
5. Матвеев Л.П. К теории построения спортивной тренировки // Теория и практика физической культуры. 1991. № 12. С. 11–20.
6. Матвеев Л.П. Заметки по поводу некоторых новаций во взглядах на теорию спортивной тренировки // Теория и практика физической культуры. 1995. № 12. С. 49–52.
7. Верхошанский Ю.В. Программирование и организация тренировочного процесса. М.: ФиС, 1985. 175 с.
8. Верхошанский Ю.В. Программирование тренировки и принципиальные модели системы ее построения в годичном цикле // Научно-спортивный вестник. 1983. № 2. С. 11–16.
9. Верхошанский Ю.В. Принципы организации тренировки спортсменов высшего класса в годичном цикле // Теория и практика физической культуры. 1991. № 2. С. 24–31.
10. Иссурин В.Б. Блоковая периодизация спортивной тренировки. М.: Советский спорт, 2010. 288 с.
11. Зиновьев Д.А., Старостин С.К., Якимов А.М. Ноу-хау в контроле за подготовленностью бегунов на средние и длинные дистанции // Год 2008-й: Науч. альм. МГАФК / ред.-сост. В.Б. Коренберг. Малаховка, 2008. Т. 9. С. 26–31.
12. Tavares L.D., de Souza E.O., Ugrinowitsch C., Laurentino G.C., Roschel H., Aihara A.Y., Cardoso F.N., Tricoli V. Effects of different strength training frequencies during reduced training period on strength and muscle cross-sectional area // European Journal of Sport Sciences. 2017. Vol. 17 (6). P. 665–672. doi: 10.1080/17461391.2017.1298673
13. Trappe S., Williamson D., Godard M. Maintenance of whole muscle strength and size following resistance training in older men // The Journals of Gerontology. Series A. Biological Sciences and Medical Sciences. 2002. Vol. 57 (4). P. B138–B143. doi: 10.1093/gerona/57.4.b138
14. Бомпа Т., Буццичелли К.А. Периодизация спортивной тренировки / пер. с англ. М. Прокопьевой. 3-е изд. М.: Спорт, 2016. 383 с.
15. Евланников Л.Н. Совершенствование базовой физической подготовки курсантов военно-технического училища федеральной службы охраны России: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2008. 139 с.
16. Кузнецов И.А., Тындык В.И., Шершнев В.А. Особенности самостоятельной физической тренировки военнослужащих // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 11. С. 126–129.
17. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретикометодические аспекты спорта и профессиональноприкладных форм физической культуры): учеб. для инс-тов физ. культуры. М.: Физкультура и спорт, 1991. 543 с.
18. Приказ Министра обороны РФ от 20.04.2023 г. № 230 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации».
19. Наставление по физической подготовке в Вооруженных силах (НФП-2009). М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2009. 200 с.
20. Israetel M., Hoffman J., Smith C.W. Scientific Principles of Strength Training: With Applications to Powerlifting. Publisher Review, 2015. 337 p.
21. Потемина А.М. Двигательные адаптации человека к сезонному действию холода: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Архангельск, 2014. 19 с.
22. Самсонова А.В. Гипертрофия скелетных мышц человека. СПб., 2011. 203 с.
23. Двурецова Е.А., Артемьева С.С., Попова И.Е. Структурно-функциональная организация скелетной мышечной ткани. Воронеж: ВГИФК, 2019. 175 с.
24. Селезнева И.С., Иванцова М.Н. Биохимические изменения при занятиях физкультурой и спортом: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 162 с.
25. Poliquin C. Five steps to increasing the effectiveness of your strength training program // NSCA Journal. 1988. Vol. 10. P. 34–39.
26. Buford T.W., Rossi S.J., Smith D.B., Warren A.J. A comparison of periodization models during 9 weeks with equated volume and intensity for strength // Journal of Strength and Conditioning Research. 2007. Vol. 21 (4). P. 1245–1250. doi: 10.1519/R-20446.1
27. Miranda F., Simão R., Rhea M., Bunker D., Prestes J., Leite R.D., Miranda H., de Salles B.F., Novaes J. Effects of linear vs. daily undulatory periodized resistance training on maximal and submaximal strength gains // Journal of Strength and Conditioning Research. 2011. Vol. 25 (7). P. 1824–1830. doi: 10.1519/JSC.0b013e3181e7f75
28. Prestes J., De Lima C., Frollini A.B., Donatto F.F., Conte M. Comparison of linear and reverse linear periodization effects on body composition and maximal strength // Journal of Strength and Conditioning Research. 2009. Vol. 23 (1). P. 266–274. doi: 10.1519/JSC.0b013e3181874bf3
29. Rhea M.R. Synthesizing strength and conditioning research: The Meta-analysis // Journal of Strength and Conditioning Research. 2004. Vol. 18 (4). P. 921–923. doi: 10.1519/14223.1

30. Simão R., Spinetti J., de Salles B.F., Matta T., Fernandes L., Fleck S.J., Rhea M.R., Strom-Olsen H.E. Comparison between linear and non-linear periodized resistance training: Hypertrophic and strength effects // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2012. Vol. 26 (5). P. 1389–1395. doi: 10.1519/JSC.0b013e318231a659

References

1. Simmons, L. (2022) *The Conjugate Method: Enhanced through the research of Westside Barbell*. Columbus, OH: Westside Barbell.
2. Sholikh, M. (1966) *Krugovaya trenirovka* [Circuit Training]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
3. Viada, A. (2015) *The Hybrid Athlete*. [S.l.]: Alex Viada & Juggernaut Training.
4. Baechle, T.R. & Earle, R.W. (2008) *NSCA'S Essentials of Strength Training and Conditioning*. 3rd ed. Chicago, IL: Human Kinetics.
5. Matveev, L.P. (1991) K teorii postroeniya sportivnoy trenirovki [Toward a theory of sports training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 11–20.
6. Matveev, L.P. (1995) Zametki po povodu nekotorykh novatsiy vo vzglyadakh na teoriyu sportivnoy trenirovki [Notes on some innovations in views on the theory of sports training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 49–52.
7. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1985) *Programmirovanie i organizatsiya trenirovochnogo protsessa* [Programming and Organization of the Training Process]. Moscow: FiS.
8. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1983) Programmirovanie trenirovki i printsipial'nye modeli sistemy ee postroeniya v godichnom tsikle [Programming training and fundamental models of its construction in the annual cycle]. *Nauchno-sportivnyy vestnik*. 2. pp. 11–16.
9. Verkhoshanskiy, Yu.V. (1991) Printsipy organizatsii trenirovki sportsmenov vysshego klassa v godichnom tsikle [Principles of organizing training for high-class athletes in the annual cycle]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2. pp. 24–31.
10. Issurin, L.B. (2010) *Blokovaya periodizatsiya sportivnoy trenirovki* [Block Periodization of Sports Training]. Moscow: Sovetskiy sport.
11. Zinov'ev, D.A., Starostin, S.K. & Yakimov, A.M. (2008) Nou-khau v kontrole za podgotovlennost'yu begunov na srednie i dlinnye distantsii [Know-how in monitoring the fitness of middle- and long-distance runners]. In: Korenberg, V.B. (ed.) *God 2008-y: Nauch. al'm. MGAFK* [Year 2008: Scientific Almanach of Moscow State Academy of Physical Culture]. Vol. 9. Malakhovka: Moscow State Academy of Physical Education. pp. 26–31.
12. Tavares, L.D. et al. (2017) Effects of different strength training frequencies during reduced training period on strength and muscle cross-sectional area. *European Journal of Sport Sciences*. 6 (17). pp. 665–672. doi: 10.1080/17461391.2017.1298673
13. Trappe, S., Williamson, D. & Godard, M. (2002) Maintenance of whole muscle strength and size following resistance training in older men. *The Journals of Gerontology. Series A. Biological Sciences and Medical Sciences*. 4 (57). pp. B138–B143. doi: 10.1093/gerona/57.4.b138
14. Bompá, T. & Buttsichelli, K.A. (2016) *Periodizatsiya sportivnoy trenirovki* [Periodization of Sports Training]. Translated from English by M. Prokop'eva. 3rd ed. Moscow: Sport.
15. Evlannikov, L.N. (2008) *Sovershenstvovanie bazovoy fizicheskoy podgotovki kursantov voenno-tehnicheskogo uchilishcha federal'noy sluzhby okhrany Rossii* [Improving the basic physical fitness of cadets of the military-technical school of the Federal Security Service of Russia]. Pedagogy Cand. Diss. Tambov.
16. Kuznetsov, I.A., Tyndyk, V.I. & Shershnev, V.A. (2011) Osobennosti samostoyatel'noy fizicheskoy trenirovki voennosluzhashchikh [Features of independent physical training of military personnel]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 11. pp. 126–129.
17. Matveev, L.P. (1991) *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury (obshchie osnovy teorii i metodiki fizicheskogo vospitaniya; teoretikometodicheskie aspekty sporta i professional'noprikladnykh form fizicheskoy kul'tury)* [Theory and Methodology of Physical Culture (General Foundations of the Theory and Methodology of Physical Education; Theoretical and Methodological Aspects of Sports and Professionally Applied Forms of Physical Culture)]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
18. Ministry of Defence (Minoborony). (2023) *Prikaz Ministra oborony RF ot 20.04.2023 g. № 230 "Ob utverzhdenii Nastavleniya po fizicheskoy podgotovke v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii"* [On Approval of the Manual on Physical Training in the Armed Forces of the Russian Federation. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 230 of April 20, 2023]. Moscow: Ministry of Defence (Minoborony).
19. Ministry of Defence (Minoborony). (2009) *Nastavleniye po fizicheskoy podgotovke v Vooruzhennykh silakh (NFP-2009)* [Manual on Physical Training in the Armed Forces (NFP-2009)]. Moscow: RITs GSh VS RF.
20. Israel, M., Hoffman, J. & Smith, C.W. (2015) *Scientific Principles of Strength Training: With Applications to Powerlifting*. [S.l.]: Publisher Review.
21. Potemina, A.M. (2014) *Dvigatel'nye adaptatsii cheloveka k sezonnomu deystviyu kholoda* [Human motor adaptations to seasonal exposure to cold]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Arkhangelsk.
22. Samsonova, A.V. (2011) *Gipertrofiya skeletnykh myshts cheloveka* [Hypertrophy of Human Skeletal Muscles]. Saint Petersburg: [s.n.].
23. Dvurekova, E.A., Artem'eva, S.S. & Popova, I.E. (2019) *Strukturno-funktsional'naya organizatsiya skeletnoy myshechnoy tkani* [Structural and Functional Organization of Skeletal Muscle Tissue]. Voronezh: Voronezh State Institute of Physical Education.
24. Selezneva, I.S. & Ivantsova, M.N. (2019) *Biokhimicheskie izmeneniya pri zanyatiyakh fizkul'turoy i sportom* [Biochemical Changes During Physical Education and Sports]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
25. Poliquin, C. (1988) Five steps to increasing the effectiveness of your strength training program. *NSCA Journal*. 10. pp. 34–39.
26. Buford, T.W. et al. (2007) A comparison of periodization models during 9 weeks with equated volume and intensity for strength. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 4 (21). pp. 1245–1250. doi: 10.1519/R-20446.1
27. Miranda, F. et al. (2011) Effects of linear vs. daily undulatory periodized resistance training on maximal and submaximal strength gains. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 7 (25). pp. 1824–1830. doi: 10.1519/JSC.0b013e3181e7ff75
28. Prestes, J. et al. (2009) Comparison of linear and reverse linear periodization effects on body composition and maximal strength. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 1 (23). pp. 266–274. doi: 10.1519/JSC.0b013e3181874bf3
29. Rhea, M.R. (2004) Synthesizing strength and conditioning research: The Meta-analysis. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 4 (18). pp. 921–923. doi: 10.1519/14223.1
30. Simão, R. et al. (2012) Comparison between linear and non-linear periodized resistance training: Hypertrophic and strength effects. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 5 (26). pp. 1389–1395. doi: 10.1519/JSC.0b013e318231a659

Информация об авторе:

Игнатов А.А. – начальник цикла – старший преподаватель Военного учебного центра при Национальном исследовательском Томском государственном университете (Томск, Россия). E-mail: ignatooov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Ignatov, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ignatooov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 23.08.2025;
принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 23.08.2025;
accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 37.012
doi: 10.17223/15617793/517/23

Особенности восприятия ценностно-ориентированного контента студентами университета

Евгения Юрьевна Ливенцова¹, Олеся Юрьевна Горчакова²,
Анастасия Вячеславовна Ларионова³, Мария Анатольевна Толстова⁴

^{1, 2, 3, 4} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ evg.liv@mail.ru

² avendus@mail.ru

³ anpavlar@mail.ru

⁴ neurotomsk@mail.tsu.ru

Аннотация. Анализируются особенности восприятия студентами ценностно-ориентированного контента как элемента воспитательной среды вуза. Теоретическая основа базируется на концепциях аксиологического подхода в образовании, нарративной педагогики и теории идентичности. Результаты анализа реакции студентов на визуальные стимулы демонстрируют различную эффективность цифровых педагогических технологий в зависимости от степени аутентичности, формата и контекста подачи.

Ключевые слова: ценности, университеты, высшее образование, цифровая среда, ценностно-ориентированный контент, воспитание, нарративная педагогика, идентификация студентов

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2023-0015.

Для цитирования: Ливенцова Е.Ю., Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Толстова М.А. Особенности восприятия ценностно-ориентированного контента студентами университета // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 207–214. doi: 10.17223/15617793/517/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/23

Peculiarities of university students' perception of value-oriented content

Evgeniya Yu. Liventsova¹, Olesya Yu. Gorchakova², Anastasia V. Larionova³, Maria A. Tolstova⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ evg.liv@mail.ru

² avendus@mail.ru

³ anpavlar@mail.ru

⁴ neurotomsk@mail.tsu.ru

Abstract. The problem of value formation and perception in the digital environment is becoming increasingly significant due to changes in the nature of educational and upbringing activities at universities. This research analyzes students' perception of value-oriented content as an element of the modern university upbringing environment. The theoretical foundation is based on the concepts of the axiological approach in education, narrative pedagogy, and identity theory. It is determined that the effectiveness of upbringing influence in the digital space is largely defined by the content format, the specifics of the digital environment itself, and that the perception of content is directly linked to the individual's pre-existing value system. Within the framework of a quasi-experimental study, the features of the emotional response of a youth audience to various formats of digital value transmission are examined. Visual stimuli were chosen as research materials: publications from the university's social networks and videos reflecting the most socially significant value in the youth environment—the value of family. The selected visual stimuli included a publication from the official social network of a Russian university, dedicated to the Day of Family, Love, and Fidelity, and two videos: a social advertisement also dedicated to the Day of Family, and an advertisement for the national "Demography" project. The selection criteria for the stimuli were: open access on the Internet; orientation towards a youth audience; emphasis on the value of family; and a visual-narrative character. Data collection was carried out using a feedback questionnaire that recorded the emotional experiences arising in respondents during the perception of each stimulus. The study involved 45 students (aged 17–28) from universities in Tomsk. The results of the study demonstrate that, for instance, the use of staged plots and straightforward moralizing is interpreted by students as a form of imposition and pressure, whereas contextual authenticity and the genuineness of characters enhance identification and foster stable emotional responses, especially in a narrative format. The analysis of students' reactions to visual stimuli

reveals varying effectiveness of digital pedagogical technologies depending on the degree of authenticity, format, and presentation context. The conclusions of the research allow for the following recommendations to enhance the effectiveness of value-oriented upbringing work in the university's digital environment: prioritize authentic narratives when choosing formats; strive to ensure identification and trust from the youth audience; focus on the dialogic and interactive nature of content; consider the negative (destructive) potential of social networks and the Internet environment.

Keywords: values, universities, higher education, digital environment, value-oriented content, education, narrative pedagogy, student identification

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2023-0015.

For citation: Liventsova, E.Yu., Gorchakova, O.Yu., Larionova, A.V. & Tolstova, M.A. (2025) Peculiarities of university students' perception of value-oriented content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 207–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/23

Введение

В настоящее время социализация молодых людей активно происходит в цифровой среде [1]. Исследование ВЦИОМ определяет, что среди молодежи 18–24 лет доля ежедневных пользователей социальных сетей и мессенджеров близка к абсолютной – 92% [2]. Благодаря процессу социализации усваиваются общественные нормы поведения, формируются ценностные ориентации. Актуальность исследования ценностных ориентаций современной молодежи определяется той значимой ролью, которую они играют как в регуляции поведения отдельно взятой личности, так и в координации деятельности больших и малых групп, культуры и нации в целом.

Сегодня значимая роль в выстраивании определенной структуры ценностей для молодого поколения отводится образованию (в том числе университетам), выступающим одним из ключевых социальных институтов современного общества. И именно образование (наряду с семьей и другими институтами) призвано обеспечить передачу знаний от поколения к поколению на основе ценностного базиса. Современная государственная политика в сфере образования ориентирована не только на подготовку востребованных специалистов, но и на воспитание граждан в духе уважения к традиционным ценностям [3, 4]. По итогам внесения поправок в закон «Об образовании в Российской Федерации» воспитание и обучение легли в одну плоскость на всех ступенях образования [5]. Важность воспитательной работы обозначена и в Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [6]. Усиление воспитательного компонента в работе вузов России происходит уже несколько лет: разработаны и приняты рабочие программы воспитания, введены обязательные должности проректоров по воспитательной деятельности и молодежной политике, созданы профильные структурные подразделения, введен обязательный курс «Основы российской государственности» и пр. Университеты выстраивают воспитательную работу с учетом решения федеральных задач по работе с молодежью, реализуют ряд общефедеральных проектов [7]. Однако стоит отметить, что университеты ведут работу по ценностно-ориентированному воспитанию студентов не только в очном формате, но и в рамках активного использования цифровой среды.

Во-первых, это обусловливается тем, что цифровая среда является привычной и предпочитаемой «средой обитания» молодежи [8], которая формирует ценностно-смысловые приоритеты и мировоззренческие установки современного поколения. Во-вторых, специфика цифрового пространства позволяет получать более аутентичные комментарии (обратную связь) со стороны молодежи на представляемый ценностный контент (эффект онлайн-раскрепощения) [9]. В данном случае речь идет о том, что в цифровой среде студенческая молодежь демонстрирует большую открытость, искренность и спонтанность в выражении своих взглядов и оценок, чем в формальных институционализированных (образовательных) практиках [10].

Проблема формирования и восприятия ценностей в цифровой среде приобретает всё большую значимость в связи с изменением характера образовательной и воспитательной деятельности университетов. Современные условия цифровой социализации порождают новые формы смыслообразования и трансляции ценностей, где традиционные педагогические подходы интегрируются с новыми цифровыми технологиями. В условиях этой интеграции особенно актуальной становится задача теоретического переосмысления педагогических основ восприятия ценностно-ориентированного контента, а также внедрения инновационных воспитательных технологий в цифровую образовательную среду.

В современной аксиологии образования ценности определяются новыми этическими и эстетическими идеалами, а также феноменами современного цифрового бытия и сознания. При этом онтологическим основанием для «аксиологического разворота» в образовании остаётся смещение фокуса на индивидуальные ценностные ориентации, где значимость явлений образовательной и социальной действительности определяется их способностью удовлетворять личностные потребности субъекта [11].

По мнению Т.Н. Носковой и О.В. Яковлевой (2023), уникальный аксиологический потенциал цифровой образовательной среды определяется такими её характеристиками как открытость, многообразие связей с внешней средой, инструментальность, возможность накопления цифровых следов и продуктов действий пользователей на соответствующих цифровых платформах [12]. В связи с этим воспитательный процесс

как элемент осознанной педагогической деятельности предполагает формирование у студентов устойчивой системы ценностно-смысловых ориентаций, в том числе с учётом специфических особенностей цифровой реальности.

Эффективность воспитательного воздействия в цифровом пространстве во многом определяется форматом контента. Теория двойного кодирования А. Раivio (2013) [13] и эффект визуального превосходства (picture superiority effect) доказывают, что визуальные формы подачи (видео, сторис, мемы) активируют как вербальные, так и образные каналы восприятия, обеспечивая более глубокое усвоение и эмоциональный отклик. Исследователями отмечается, что визуальные и интерактивные форматы (например, сторителлинг в формате Reels) создают более сильный эмоциональный отклик у пользователей, чем традиционные текстовые нарративы. В эксперименте R.E. Page, B. Thomas (2011) показано, что интерактивные истории на 40% чаще вызвали изменение мнения у пользовательской аудитории по сравнению со статичным текстом [14]. Исследования А.М. Барри (1997), D.L. Nelson et al. (1976), R.E. Page и B. Thomas (2011) подтверждают, что нарративные и интерактивные форматы вызывают устойчивую эмоциональную вовлеченность и формируют ценностные ассоциации [14–16]. Опираясь на научные данные, современная нарративная педагогика рассматривает цифровые истории как мощный дидактический инструмент понимания, конструирования и трансляции ценностных ориентаций [17, 18]. При этом важное значение уделяется нарративной рефлексии и нарративной идентичности, когда через повторяющиеся взаимодействия с другими нарративами истории о личном опыте обрабатываются, редактируются, переосмысливаются, пересказываются и подвергаются целому ряду социальных и дискурсивных влияний [19].

Современные педагогические исследования акцентируют внимание на необходимости учитывать «особую логику цифрового воспитания», где происходит трансформация способов смыслообразования [20]. Цифровая среда, как указывают С.В. Володенков и др. (2023), не является ценностно нейтральной: алгоритмы, механики и интерфейсы социальных сетей могут усиливать определенные мировоззренческие установки, формируя «эхо-камеры» и искажая восприятие ценностных посылов [21]. Например, алгоритмы социальных сетей для того, чтобы удержать внимание пользователя, усиливают поляризацию потребляемого контента, предлагая пользователям контент, который соответствует уже сформированным ценностям [22]. Анализируя цифровое поведение (каким постам поставлен лайк, сколько времени длится просмотр контента, какие темы игнорируются), социальная сеть предсказывает предпочтения и исключает контент, который не соответствует прошлым выборам. Таким образом, пользователь попадает в «эхо-камеру» – информационное пространство, где повторяются одни и те же идеи, а противоположные – блокируются. Кроме того, алгоритмы продвигают то, что вызывает сильные

реакции – гнев, возмущение, страх, восторг. В социальных сетях сложные ценностные конструкции, как правило, сводятся к упрощенной схеме, оценке («хорошо» или «плохо»), что задаёт примитивную бинарную логику восприятия у пользователя, унифицируют восприятие и снижают критичность. Использование цифровых технологий в воспитательном процессе требует учета феномена информационного капсулирования, который препятствует восприятию альтернативных точек зрения и способности критического осмысления информации.

Восприятие контента напрямую связано с уже сформированной системой ценностей обучающегося. При совпадении транслируемых и личных ценностей возникает эффект ценностного резонанса, усиливающий воспитательное воздействие. При несовпадении активируются механизмы ценностного сопротивления. Столкновение с информацией, противоречащей личным ценностям, вызывает психологический дискомфорт, который может проявляться в форме отторжения или даже агрессивной реакции [23]. И наоборот, позитивное восприятие ценностных посылов возникает при совпадении транслируемых ценностей с личной системой убеждений пользователя. В этом случае контент не только легко усваивается, но и усиливает существующие установки личности.

K.S. Chew (2025) обращает внимание на уникальную возможность пользователей в цифровой среде экспериментировать с иерархией ценностей посредством сохранения статуса «анонимный пользователь» [24]. В контексте социального многообразия и анонимности может происходить плюрализация и размывание ценностных ориентиров, что создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, цифровая среда расширяет возможности для ценностного самоопределения, с другой – способствует формированию ситуативных, фрагментарных идентичностей, лишенных устойчивой аксиологической основы. Подобная «гибкость» опасна тем, что может приводить к экзистенциальной неустойчивости и потере аутентичности в условиях избыточного информационного разнообразия [25].

Теоретический анализ позволяет утверждать, что ценностно-насыщенный цифровой контент – это важный компонент современных воспитательных технологий в контексте педагогического воздействия, выполняющий три взаимосвязанные функции:

- 1) аксиологическую – формирующую ценностные ориентиры субъектов через механизмы эмоционального вовлечения и когнитивного усвоения;
- 2) идентификационную – способствующую личностному самоопределению через нарративные практики и цифровые репрезентации;
- 3) социализирующую – опосредующую усвоение социальных норм в условиях цифровой реальности.

Особую значимость приобретает задача разработки методологического инструментария, позволяющего оценивать не только содержательную составляющую цифровых педагогических практик, но и их восприятие, эффективность, каналы идентификации и особенности эмоционального отклика.

Методы и выборка исследования

В 2025 г. на базе Центра когнитивных исследований и нейронаук ТГУ было проведено квазиэкспериментальное исследование, направленное на выявление особенностей восприятия студентами ценностно-ориентированного контента, транслирующего социально значимую для молодежи ценность семьи. В качестве материалов исследования были выбраны визуальные стимулы – публикации в социальных сетях университета и видеоролики, отражающие наиболее социально значимую ценность в молодежной среде – ценность семьи. Выбор данной ценности был обусловлен результатами более ранних исследований авторского коллектива. В 2023 г. научным коллективом был проанализирован контент 9 239 сообществ 674 российских вузов, охватывающих 145 городов, а также цифровые профили подписчиков (7 480 925) этих студенческих сообществ, который позволил выявить, что ценность семьи является лидирующей в общей иерархии ценностей, предлагаемой социальной сетью «ВКонтакте» [26].

В качестве визуальных стимулов были отобраны публикация в социальных сетях университета и видеоролики социальной рекламы. Публикация из официальной социальной сети одного из российских университетов, приуроченная ко Дню семьи, любви и верности. Два видеоролика: социальная реклама, также посвященная дню семьи и реклама национального проекта «Демография». Критериями отбора стимулов выступали: открытый доступ в сети Интернет; ориентация на молодежную аудиторию; акцент на ценности семьи; визуально-нарративный характер.

Сбор данных осуществлялся с помощью анкеты обратной связи, фиксирующей эмоциональные переживания, возникающие у респондентов при восприятии каждого из стимулов. В исследовании приняли участие 45 студентов (17–28 лет) из томских университетов.

Результаты исследования

Анализ обратной связи проводился методом контент-анализа с категоризацией реакций на три группы: положительные, отрицательные, нейтральные. Особое внимание было уделено феномену нарративной идентичности [19], а также механизму горизонтальной идентификации с героями нарратива, как ключевому фактору успешной трансляции смыслов в цифровой педагогике.

1. Публикация в официальной социальной сети одного из университетов, приуроченная ко Дню семьи, любви и верности. Пост содержал нарратив о молодой семейной паре – преподавателях данного вуза. По содержанию материал относится к категории пользовательского контента с элементами реалистического сторителлинга, обладающего высокой степенью контекстной достоверности и социальной репрезентативности.

Распределение эмоциональных реакций студентов на стимул 1:

– положительные реакции (56%): «удивление», «радость», «гордость», «любовь», «гармония»;

– нейтральные (24%): отсутствие эмоциональной реакции, типичный ответ – «никаких эмоций»;

– отрицательные (20%): «раздражение», «скучно», «формальность».

Положительные реакции на контент преобладают (56%), что говорит о включении механизма горизонтальной идентификации и интеграции нарратива в личные истории студентов. Студенты воспринимают героев поста как «своих» значимых персонажей их собственного жизненного сценария, что и определяет положительные эмоциональные реакции (симпатию, эмпатию, принятие).

Нейтральные реакции отражают отсутствие интереса и вовлеченности со стороны реципиентов. Это говорит о том, что нарратив не смог стать значимым элементом личностной истории и жизненного сценария – он не был ни отвергнут, ни включен в систему рефлексии/саморефлексии: сюжет остался внешним, неинтегрированным сюжетом.

Отрицательные отклики свидетельствуют о нарративном сопротивлении – активном неприятии предлагаемой истории как противоречащей ключевым компонентам личностной идентичности студентов. В концепции D.P. McAdams и K.C. McLean (2021) это можно интерпретировать как защиту целостности собственного жизненного нарратива от конкурирующих интерпретационных [19].

2. Видеоролик социальной рекламы, сюжетная линия которого построена на идее о неизменности ценности семьи независимо от поколения и времени. По формату видеоролик относится к категории профессионального, постановочного контента с участием актеров.

Распределение эмоциональных реакций студентов на стимул 2:

– положительные реакции (46%): «любовь», «радость», «понимание»;

– отрицательные (54%): «отвращение», «ирония», «раздражение», «смущение»;

– нейтральные – 0%.

Преобладание негативных реакций, возможно, обусловлено спецификой постановочного контента. Отсутствие реальных персонажей и избыточная насыщенность контента моральными императивами вызвали эффект аксиологического отчуждения. Возможно, студенты интерпретировали искусственность повествования и прямолинейное морализаторство как форму директивного воздействия (навязывания и давления). Постановочная природа повествовательной конструкции также снизила эффект идентификации, большинство реципиентов воспринимали героев как чуждых по отношению к их собственной социальной среде и актуальным жизненным сценариям. Эмоциональное неприятие также указывает на отсутствие механизма эмпатийной идентификации, который является ключевым элементом нарративной педагогики.

В соответствии с теорией когнитивного диссонанса Л. Фестингера (2017) [23], можно говорить о том, что у большинства реципиентов данный контент активировал защитные механизмы, что проявилось в ироничных, саркастических и агрессивных реакциях респондентов.

В данном случае отрицательные эффекты (превалирование отрицательных оценок над положительными), которые вызвал видеоролик у большинства студентов, указывает на противоречивый воспитательный потенциал контента.

3. Видеоролик рекламы национального проекта «Демография» представляет собой юмористическую зарисовку из жизни реальной многодетной семьи.

Распределение эмоциональных реакций студентов на стимул 3:

- положительные (56%): «тепло», «задор», «радость»;
- отрицательные (24%): «раздражение», «недоверие»;
- нейтральные (8%), пропуски ответов (12%).

Видеоролик вызвал преобладающее количество положительных реакций, несмотря на официальную направленность контента. Возможным объяснением этому является аутентичный нарратив, построенный на примере реальной семьи, где участники представляют собственную повседневность. Успех данного формата объясняется сочетанием реалистичности, юмора и естественного повествования, что формирует эмоциональное доверие и способствует ценностной идентификации [19].

Несмотря на то, что подавляющее большинство откликов носило положительный характер, четверть выборки вербализовала отрицательные реакции. При этом отрицательные реакции носили менее эмоционально заряженный характер, чем в случае постановочного ролика (2), и чаще были связаны с восприятием «неестественности» контента и недоверием к социальной рекламе как жанру. Также были зафиксированы случаи «ценностного сопротивления», когда ценность семьи и брачных отношений отрицалась и обесценивалась в контексте построения личного жизненного сценария.

Наличие нейтральных реакций (8%) и процент пропусков (12%) на ролик 3 показал, что для небольшой части студенческой выборки контент оказался невовлекающим и неинтересным. Не произошло погружения в нарратив, когда история личного опыта и история «другого» вступают в ценностно-смысловое взаимодействие. В данном случае это можно объяснить тем, что семейная тематика не входит в зону актуальных потребностей и интересов реципиентов, что и снижает эффект идентификации. Некоторые участники исследования отметили «неестественность» контента (постановочность), что говорит о том, что контент воспринимается как неаутентичный, не заслуживающий доверия.

Результаты эмпирического исследования позволили сформулировать следующие выводы: 1) аутентичность и реалистичность нарратива являются определяющими факторами для вовлечения студенческой аудитории; 2) истории, основанные на реальных событиях и представленные в естественной манере и с элементами юмора, способствуют включению механизмов горизонтальной идентификации, эмпатийного принятия, что повышает вероятность интериоризации транслируемых ценностей ценностно-ориентированного контента; 3) постановочный контент, лишенный

естественности и перенасыщенный морально-нравственными императивами, вызывает неприятие и приводит к аксиологическому отчуждению.

Обсуждение результатов и выводы

Представленные результаты эмпирического исследования позволяют концептуально расширить понимание механизмов восприятия ценностно-ориентированного контента студенческой молодежью в условиях цифровой среды, а также идентифицировать ключевые факторы, детерминирующие эффективность воспитательного воздействия. Полученные данные согласуются с современными эмпирическими и теоретическими разработками в области цифровой и нарративной психологии, аксиологии образования и нарративной педагогики, что открывает новые горизонты для оптимизации воспитательных стратегий в рамках университетской среды.

Результаты исследования показывают, что формат и способ трансляции ценностного контента играют ключевую в его восприятии и оценки студентами. Анализ показал, что наибольшее количество положительных реакций у студентов вызывает: 1) пользовательский контент с элементами реалистичного сторителлинга и высокой контекстной достоверностью (например, пост о семейной паре преподавателей); 2) юмористическая зарисовка, отражающая аспекты жизнедеятельности многодетной семьи (кейс с видеороликом «Демография»).

Постановочный характер сюжетной линии (ценности семьи в разных поколениях) получил наибольшее количество отрицательных реакций и был интерпретирован студентами как попытка давления и навязывания моральных императивов. Ролик вызвал противоположный эффект планируемому: вместо идентификации он вызвал эмоциональное отторжение и неприятие контента.

Результаты теоретического анализа и эмпирического исследования позволяют сформулировать следующие рекомендации для повышения эффективности ценностно-ориентированной воспитательной работы в цифровой среде университета:

1. Использование аутентичных и реалистичных нарративов. В качестве инструментов вовлеченности студенческой аудитории в процессы ценностной инкультурации в цифровой среде свою эффективность доказали нарративные и интерактивные форматы визуального контента. Использование реалистичных цифровых сторителлинговых стратегий (видеоролики, интервью, подкасты и тематические публикации), в основе которых лежат реальные истории, пережитые студентами, преподавателями и выпускниками, способствует усилению процессов идентификации и повышению уровня доверия к транслируемым социально значимым ценностям.

2. Усиление социальной идентификации и доверия посредством ориентации на актуальные запросы студенческой аудитории. В целях обеспечения устойчивой идентификации и формирования доверия к транс-

лируемым ценностям контент должен быть ориентирован на социальную и эмоциональную близость к запросам, интересам студенческой аудитории. Транслируемые образы и истории должны отражать актуальные потребности, проблемы, переживания и ценностные ориентиры представителей целевой группы.

3. Избегание постановочности и чрезмерного морализаторства. При подборе ценностно-ориентированного контента следует избегать постановочности и чрезмерного морализаторства, заменяя искусственные сценарии документальными форматами, а вместо прямых нравоучений использовать проблематизирующие вопросы.

4. Ориентация на диалогичность и интерактивность как факторы усиления интернализации ценностей. Создание условий для активного участия студентов в процессах генерации идей, производстве и обсуждении цифрового контента неизбежно усиливает процессы интериоризации транслируемых ценностей. Необходимо вводить новые форматы интерактивного и дискуссионного взаимодействия, которые стимулируют активность и самостоятельность студенческой молодежи в цифровой среде. Например, студенты самостоятельно создают контент, размещают на университетских пабликах и инициируют обсуждение проблемы с одноклассниками. Активность, самостоятельность и осмысленность деятельности в данном случае будет противопоставляться пассивному бездумному потреблению (некритичному, неосознанному) ценностного контента в рамках заданных и устоявшихся форм институализированного взаимодействия.

5. Ослабление деструктивного потенциала цифровой среды. Необходимо учитывать амбивалентный потенциал социальной цифровой среды, обуславливающий

деструктивное влияние на когнитивные и аффективные процессы личности. Рекомендуется разрабатывать специальные «буферные» форматы (короткие видео-размышления), которые позволяют студентам осмысленно взаимодействовать с разнообразным контентом (в том числе манипулятивным, деструктивным) без когнитивной перегрузки.

6. Необходимость комплексного подхода к использованию ценностно-ориентированного контента. Эффективное использование ценностно-ориентированного контента в цифровой среде в качестве педагогической технологии требует от специалистов не только креативного подхода и знания современных технологий, но и глубокого понимания психологических механизмов восприятия информации, этических принципов и специфики цифровых платформ.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что ценностно-насыщенный цифровой контент является важным компонентом современных воспитательных технологий, выполняющим три взаимосвязанные функции: аксиологическую, формирующую ценностные ориентиры через механизмы эмоционального вовлечения и когнитивного усвоения; идентификационную, способствующую личностному самоопределению через нарративные практики и цифровые репрезентации; и социализирующую, опосредующую усвоение социальных норм в условиях цифровой реальности. Таким образом, на основе теоретического анализа и эмпирического исследования, можно утверждать, что для повышения эффективности ценностно-ориентированной воспитательной работы в цифровой среде университета необходимо отдавать приоритет аутентичным нарративам и реалистичному цифровому сторителлингу.

Список источников

- Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
- Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 23.06.2025).
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505290010> (дата обращения: 26.06.2025).
- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090001> (дата обращения: 26.06.2025).
- Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212300048> (дата обращения: 26.06.2025).
- Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2022 г. № 3871-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211300039> (дата обращения: 26.06.2025).
- Сорокин С.Э. Воспитание как миссия современного российского университета // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 3 (55). С. 22–28.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017. 375 с.
- Suler J. The online disinhibition effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7, № 3. P. 321–326. doi: 10.1089/1094931041291295
- Tirocchi S. Generation Z, values, and media: From influencers to BeReal, between visibility and authenticity // Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 8, Art. No. 1304093. doi: 10.3389/fsoc.2023.1304093
- Яковлева И.В., Черных С.И., Косенко Т.С. «Аксиологический разворот» в российском образовании: позиция субъективизма // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 4. С. 113–127. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-113-127
- Носкова Т.Н., Яковлева О.В. Ценности образования в эпоху цифровизации и стратегии образовательной деятельности студентов // Человек и образование. 2023. № 3 (76). С. 49–57.
- Paivio A. Imagery and verbal processes. New York : Psychology Press, 2013. 680 p.
- New narratives: Stories and storytelling in the digital age / ed. by R.E. Page, B. Thomas. Lincoln : University of Nebraska Press, 2011. 296 p.
- Barry A.M. Visual intelligence: Perception, image, and manipulation in visual communication. Albany : State University of New York Press, 1997. 425 p.
- Nelson D.L., Reed V.S., Walling J.R. Pictorial superiority effect // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. 1976. Vol. 2. P. 523–528.

17. Утюганов А.А., Яницкий М.С., Серый А.В. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике // *Science for Education Today*. 2019. № 1. С. 76–92. doi: 10.15293/2658-6762.1901.05
18. Rodríguez C.L., García-Jiménez M., Massó-Guijarro B., Cruz-González C. Digital storytelling in education: A systematic review // *Review of European Studies*. 2021. Vol. 13, № 2. P. 13–25. doi: 10.5539/res.v13n2p13
19. McAdams D.P., McLean K.C. Narrative identity // *Handbook of Personality: Theory and Research* / ed. by O.P. John, R.W. Robins. 3rd ed. New York : Guilford Press, 2021. P. 122–141.
20. Шаронин Ю.В. «Цифровое воспитание» в современном образовании // *Вестник РМАТ*. 2023. № 1. С. 42–51.
21. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспертного исследования // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2023. Т. 19, № 1. С. 58–79.
22. Bucher T. If... then: Algorithmic power and politics. Oxford : Oxford University Press, 2018. doi: 10.1093/oso/9780190493028.001.0001
23. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М. : Эксмо, 2017. 340 с.
24. Chew K.S. Anonymity and engagement in online learning: An Asian perspective // *Education in Medicine Journal*. 2025. Vol. 17, № 2. P. 139–144. doi: 10.21315/eimj2025.17.2.11
25. Turkle S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York : Basic Books, 2011. 384 p.
26. Ливенцова Е.Ю., Басина П.А., Александрова Ю.К., Гойко В.Л., Дунбинский И.А. Репрезентация семейных ценностей студенческой молодежи в университетских сообществах социальной сети «ВКонтакте» // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 508. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/508/1

References

1. Kuznetsova, E.A. (2023) Tsifrovaya sotsializatsiya molodezhi [Digital socialization of youth]. *Sotsiologiya*. 3. pp. 59–66.
2. VTsIOM. (2023) Sotsial'nye seti i messendzhery: вовлеченност' i predpochteniya [Social networks and messengers: engagement and preferences]. *VTsIOM*. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vo-vlechnost-i-predpochtenija>. (Accessed: 23.06.2025).
3. Ministry of Labour and Social Protection. (2015) *Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda : Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 maya 2015 g. № 996-r* [Strategy for the Development of Education in the Russian Federation through 2025: Order of the Government of the Russian Federation No. 996-r of May 29, 2015]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505290010>. (Accessed: 26.06.2025).
4. Russian Federation. (2022) *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey : Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809* [On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090001>. (Accessed: 26.06.2025).
5. Russian Federation. (2012) *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ* [On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212300048>. (Accessed: 26.06.2025).
6. The Government of the Russian Federation. (2022) *Strategiya realizatsii molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda : Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30 noyabrya 2022 g. № 3871-r* [Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation through 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 3871-r of November 30, 2022]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211300039>. (Accessed: 26.06.2025).
7. Sorokin, S.E. (2024) Vospitanie kak missiya sovremennogo rossiyskogo universiteta [Education as a mission of a modern Russian university]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 3 (55). pp. 22–28.
8. Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. & Nestik, T.A. (2017) *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital Generation of Russia: Competence and Security]. Moscow: Smysl.
9. Suler, J. (2004) The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*. 3 (7). pp. 321–326. doi: 10.1089/1094931041291295
10. Tirocchi, S. (2024) Generation Z, values, and media: From influencers to BeReal, between visibility and authenticity. *Frontiers in Sociology*. 8. Art. 1304093. doi: 10.3389/fsoc.2023.1304093
11. Yakovleva, I.V., Chernykh, S.I. & Kosenko, T.S. (2022) "Aksiologicheskiy razvorot" v rossiyskom obrazovanii: pozitsiya sub"ektivizma ["Axiological Turn" in Russian Education: The Position of Subjectivism]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 4 (31). pp. 113–127. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-113-127
12. Noskova, T.N. & Yakovleva, O.V. (2023) Tsennosti obrazovaniya v epokhu tsifrovizatsii i strategii obrazovatel'noy deyatel'nosti studentov [Values of education in the era of digitalization and strategies for students' educational activities]. *Chelovek i obrazovanie*. 3 (76). pp. 49–57.
13. Paivio, A. (2013) *Imagery and Verbal Processes*. New York: Psychology Press.
14. Page, R.E. & Thomas, B. (eds) (2011) *New Narratives: Stories and storytelling in the digital age*. Lincoln: University of Nebraska Press.
15. Barry, A.M. (1997) *Visual Intelligence: Perception, image, and manipulation in visual communication*. Albany: State University of New York Press.
16. Nelson, D.L., Reed, V.S. & Walling, J.R. (1976) Pictorial superiority effect. *Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory*. 2. pp. 523–528.
17. Utyuganov, A.A., Yanitskiy, M.S. & Seryy, A.V. (2019) Narrativnye tekhnologii formirovaniya tsennostno-smyslovyykh orientatsiy lichnosti: psikhologicheskoe soderzhanie i primeneniye v obrazovatel'noy praktike [Narrative technologies for the formation of value-semantic orientations of the individual: psychological content and application in educational practice]. *Science for Education Today*. 1. pp. 76–92. doi: 10.15293/2658-6762.1901.05
18. Rodríguez, C.L. et al. (2021) Digital storytelling in education: A systematic review. *Review of European Studies*. 2 (13). pp. 13–25. doi: 10.5539/res.v13n2p13
19. McAdams, D.P. & McLean, K.C. (2021) Narrative identity. In: John, O.P. & Robins, R.W. (eds) *Handbook of Personality: Theory and Research*. 3rd ed. New York: Guilford Press. pp. 122–141.
20. Sharonin, Yu.V. (2023) "Tsifrovoe vospitanie" v sovremennom obrazovanii ["Digital Education" in Modern Education]. *Vestnik RMAТ*. 1. pp. 42–51.
21. Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. & Pechenkin, N.M. (2023) Vozmozhnosti i osobennosti formirovaniya mirovozzreniya v tsifrovoy kommunikatsionnoy srede: po materialam ekspertnogo issledovaniya [Possibilities and features of worldview formation in the digital communication environment: based on expert research]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 1 (19). pp. 58–79.
22. Bucher, T. (2018) *If... Then: Algorithmic power and politics*. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/oso/9780190493028.001.0001
23. Festinger, L. (2017) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [A Theory of Cognitive Dissonance]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
24. Chew, K.S. (2025) Anonymity and engagement in online learning: An Asian perspective. *Education in Medicine Journal*. 2 (17). pp. 139–144. doi: 10.21315/eimj2025.17.2.11

25. Turkle, S. (2011) *Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books.
26. Liventsova, E.Yu. et al. (2024) Representation of family values by students in university communities of the social network VKontakte. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 508. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/508/1

Информация об авторах:

Ливенцова Е.Ю. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: evg.liv@mail.ru

Горчакова О.Ю. – старший преподаватель кафедры организационной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avendus@mail.ru

Ларионова А.В. – канд. психол. наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anpavlar@mail.ru

Толстова М.А. – канд. филол. наук, директор Центра когнитивных исследований и нейронаук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: neurotomsk@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Liventsova, Cand. Sci. (Pedagogics). associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg.liv@mail.ru

O.Yu. Gorchakova, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avendus@mail.ru

A.V. Larionova, Cand. Sci. (Pedagogics). associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anpavlar@mail.ru

M.A. Tolstova, Cand. Sci. (Philology). director of the Center for Cognitive Research and Neuroscience, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: neurotomsk@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2025;
одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 15.07.2025;
approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 372:8:811.111
doi: 10.17223/15617793/517/24

Аксиологический аспект содержания подготовки учителя иностранных языков как медиатора поликультурного пространства

Наталья Дмитриевна Гальскова¹, Надежда Леонидовна Орешкова²,
Вероника Петровна Шабанова³, Ольга Геннадьевна Ефимова⁴

^{1, 2, 3} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

⁴ Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, Белгород, Россия

¹ galskova@mail.ru

² n1d33@yandex.ru

³ fakul-romgerm@eduprosvet.ru

⁴ olga.efimova17@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемной лакуны содержания подготовки учителя иностранных языков в аспекте его (учителя) способности и готовности к созданию, поддержке и развитию в поликультурном образовательном пространстве современной школы безопасной для всех субъектов образовательного процесса иноязычной коммуникативной среды. В связи с этим особое внимание уделяется анализу аксиологических аспектов содержания подготовки учителя иностранного языка в контексте реализации социального заказа многонационального российского общества на подготовку педагогических кадров, способных к осуществлению профессиональной деятельности в современной поликультурной школьной среде и выполнению функции медиатора.

Ключевые слова: медиация, идентичность, поликультурное образовательное пространство

Источник финансирования: работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта-победителя конкурса на получение гранта федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» в 2025 году.

Для цитирования: Гальскова Н.Д., Орешкова Н.Л., Шабанова В.П., Ефимова О.Г. Аксиологический аспект содержания подготовки учителя иностранных языков как медиатора поликультурного пространства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 215–224. doi: 10.17223/15617793/517/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/24

The axiological aspect of training the future foreign language teacher as a mediator of a polycultural space

Natalia D. Galskova¹, Nadezhda L. Oreshkova², Veronika P. Shabanova³, Olga G. Efimova⁴

^{1, 2, 3} Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

⁴ Belgorod State Agrarian University named after V. Gorin, Belgorod, Russian Federation

¹ galskova@mail.ru

² n1d33@yandex.ru

³ fakul-romgerm@eduprosvet.ru

⁴ olga.efimova17@yandex.ru

Abstract. The article investigates a critical gap in the content of foreign language teacher training, specifically concerning the teacher's ability and readiness to create, maintain, and develop a safe foreign language communicative environment within the multicultural educational space of the modern school, ensuring safety for all subjects of the educational process. In this regard, particular attention is paid to the analysis of the axiological aspects of foreign language teacher training content within the context of fulfilling the social mandate of multinational Russian society for training teaching staff capable of professional activity in the contemporary polycultural school environment and performing the function of a mediator. The aim of the research is to identify a range of problems associated with the modern polycultural school and to explore solutions, one of which is the value-based content of training for future foreign language teachers. The authors examine the concepts of mediation and pre-mediation as one of the most important components in forming a comfortable and safe educational environment. The article is based on a survey of one hundred and fifty future and current language education teachers from different regions of the Russian Federation. The ambiguous and not always positive responses prompted the authors to conduct an in-depth investigation into the axiological aspect of training content in professional linguistic education, leading to the substantiation of the new concept of "pre-mediation" in foreign language pedagogical activity. The authors attempt to examine the phenomenon

of mediation from three distinct scientific perspectives: linguistic, cultural, and methodological. The analysis concluded that the phenomenon is deeply interdisciplinary, which allows for strengthening axiological priorities within the orientation of professional linguistic education. It also facilitates the consideration of the "pre-mediation" phenomenon as a tool for the preemptive elimination of potential conflicts within the environment and for creating a safe educational communicative space in a multicultural school. This research enabled the identification and posing of important questions regarding the discrepancy between the methodological concept of "pre-mediation" and the actual situation in the training system for future foreign language teachers and in the practices of current specialists. One of the solutions to the identified problems is an emphasis on the axiological component in professional linguistic education and the training of future foreign language teachers as mediators of the polycultural space in the Russian school.

Keywords: mediation, identity, educational polycultural space

Financial support: The work was carried out as part of the research project that won the competition for a grant from the Federal State University of Education in 2025.

For citation: Galskova, N.D., Oreshkova, N.L., Shabanova, V.P. & Efimova, O.G. (2025) The axiological aspect of training the future foreign language teacher as a mediator of a polycultural space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 215–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/24

Теоретико-методологическая база исследования выстраивается на основных положениях аксиологизации процесса профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка для обучения иностранному языку в условиях поликультурной школы: а) безопасная иноязычная коммуникативная среда как ценностная доминанта профессиональной подготовки учителя иностранного языка; б) ценностно-ориентированное взаимодействие субъектов лингвообразовательного процесса с позиции самооценности человека и с учетом принципов аксиологического подхода в системе лингвистического образования; в) нацеленность на формирование способностей учителя иностранного языка, позволяющих ему быть успешным в работе в современной поликультурной образовательной организации.

Введение

Современное образовательное пространство российской школы неоднородно. Внутри него важно и необходимо выделять два вида образовательной среды. В первой из них коммуницируют языки, культуры и традиции народов России, во второй – языки, культуры и традиции разных стран, в том числе стран изучаемых иностранных языков. Каждый из этих видов представляет собой объемный и сложный для изучения объект, но в фокусе настоящего анализа находится преимущественно вторая среда, в которой взаимодействуют русский язык как государственный язык, родные и иностранные языки, различные (этно)культуры. Именно во второй образовательной среде процесс обучения иностранным языкам, имеющий концептуально выраженное межкультурное измерение, осуществляется в реальном контексте плюрилингвизма и поликультурности современного образования. Данный контекст есть следствие широкого миграционного потока, который, по данным Росстата, составляет ежегодно до полумиллиона граждан стран СНГ и дальнего зарубежья [1. С. 102]. Так, например, согласно докладу «Социально-экономическое положение России» [2. С. 185], в 2024 г. в этом потоке лидируют прибывшие из стран СНГ киргизы, таджики и узбеки. Сюда же включены граждане стран дальнего зарубежья

(около 100 тыс. чел.), в основном из Китая, Индии, Вьетнама, Турции и Германии.

Вместе с тем с сожалением следует признать, что «не в каждой образовательной организации созданы благоприятные условия для культурной и социальной адаптации тех обучающихся, которые прибывают не только из-за рубежа, но даже из других регионов страны» [3. С. 7]. И это несмотря на то, что государство традиционно уделяет данной проблеме большое внимание. Так, например, Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» в качестве приоритетной задачи в этой области ставил поддержку и развитие культурного и языкового многообразия [4. С. 7]. Указ Президента РФ № 809 о традиционных российских духовно-нравственных ценностях [5], принятый Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [6], Программа добровольного переселения [7] подтверждают, что поликультурное пространство многонациональной страны РФ не должно ограничиваться универсализацией и транслингвальностью. В связи с этим заметим, что наблюдаемый в мире глобализм, например, английского языка может угрожать в многонациональной стране «национальной идентичности и национальным языкам и культурам неанглоязычных стран и народов» [8. С. 31].

Как известно, современная школа отражает происходящие в обществе миграционные притоки, демонстрируя сложный поликультурный характер своей образовательной среды, в которой встречаются, взаимодействуют и подчас вступают в конфронтацию разные языки и культуры, традиции, жизненный опыт, накопленный поколениями различных этносов (народов). Именно в школе дети формируют и фиксируют свое поведение и реакцию на встречу с представителями разных лингвоэтносоциумов. Какое это будет поведение, во многом определяется профессионализмом учителя.

Этот профессионализм, как очевидно, складывается из системы профессионально значимых знаний и опыта осуществления учебно-воспитательной работы по иностранным языкам, его творческих и личностных качеств, позволяющих в своей совокупности эффективно управлять учебной, коммуникативной, познава-

тельной деятельностью школьников в процессе конструирования каждым из них, как подчеркивает Н.Ф. Коряковцева [9], собственного, личного знания, личного образовательного продукта на изучаемом языке.

Профессиональное и личностное развитие учителя – это взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга процессы. Можно сказать, что профессиональное становление педагога – это его личностное развитие, качественное преобразование его внутреннего мира, затрагивающее его мотивацию, систему его устремлений, ценностных ориентаций. И в этом профессионально-личностном развитии учителю важно осознавать, что в поликультурной образовательной среде его профессиональная деятельность не может ограничиваться созданием благоприятных условий только лишь для формирования у школьников способности употреблять изучаемый язык во всех его проявлениях в различных ситуациях общения с носителями этого языка. Наряду с этим сегодня ему важно уметь решать и другие задачи, которые обусловлены:

– во-первых, функциональной особенностью учебной дисциплины «иностранный язык» выступать в качестве своеобразного идеологического инструмента формирования средствами преподаваемого языка картины мира обучающегося, его системы ценностных отношений к себе, обществу, стране, народу-носителю изучаемого языка, миру, а также духовно-нравственных качеств, когнитивных и творческих, познавательных, социальных и созидательных способностей – тех качеств и способностей, владение которыми обеспечивает человеку успешное и бесконфликтное существование в современном мире «не-диалога культур» [10. С. 2262];

– во-вторых, продиктованной учителю поликультурной образовательной средой необходимостью не только активно проявлять свои ставшие уже общепризнанными качества «медиатора культур» [11. С. 22], позволяющие ему при сохранении собственной культурной идентичности «выходить» за пределы собственной культуры, но и экстраполировать свои медиаторские способности, формируемые сегодня в системе «родная лингвокультура – лингвокультура страны изучаемого языка», на более широкий поликультурный и плюрилингвальный образовательный контекст современной школы, создавая средствами иностранного языка безопасную коммуникативную среду как ценностную доминанту современного образования.

Успешность решения названных выше задач во многом зависит от грамотно выстроенного процесса школьной медиации, имеющей своей целью создание безопасной для всех участников образовательного процесса иноязычной коммуникативной среды.

Исследуемый материал и результаты

Как отмечалось выше, сегодня перед лингвистическим образованием стоят новые задачи в области развития личности средствами иностранного языка. Данное образование призвано способствовать освоению

гуманистических общечеловеческих ценностей как необходимого условия выживания современного общества, и уровень результативности образования как его качественной характеристики соотносится с уровнем развития ценностных отношений обучающихся и во многом определяется уровнем сформированности медиативных способностей учителя иностранного языка. Поэтому в рамках настоящего исследования было проведено анкетирование студентов и преподавателей иностранного языка с целью получения ответов на следующие вопросы:

1. Какие языки Вы регулярно изучаете и почему?
2. В каком регионе Вы осуществляете свою профессиональную деятельность?
3. Какой язык Вы преподаете или собираетесь использовать в профессиональной деятельности?
4. Что Вам известно о понятии «медиация»? Раскройте значение данного понятия своими словами.
5. С Вашей точки зрения, какой спецификой наполняется данный термин применительно к культурологии/лингвистике/методике?
6. Какими ценностными характеристиками должен обладать учитель иностранного языка в поликультурной школе современной России? Запишите их в порядке значимости (от наиболее значимых к менее значимым).
7. Как Вам видятся пути формирования и развития ценностной картины мира у будущего учителя иностранного языка?

В анкетировании приняли участие 150 человек, из них 50 студентов – будущих учителей иностранного языка и 100 действующих преподавателей таких регионов, как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Брянская, Курская, Липецкая, Белгородская и Свердловская обл., Ставропольский и Приморский край, Владимир, Нижний Новгород, Екатеринбург.

Результаты опроса работающих и будущих преподавателей иностранных языков оказались несколько неожиданными. Представим их кратко:

1. Несмотря на обширную географию анкетиремых (от Ленинградской области до Приморского края), в состав регулярно изучаемых ими языков не вошел ни один национальный язык, кроме русского. Причем причина изучения языков чаще всего связана с профессиональной необходимостью его преподавания. Это свидетельствует о низкой популярности языков многочисленных этносов, населяющих РФ, что подтверждает актуальность намеченных в Указе № 809 Президента РФ мер поддержки языков и культур малых народностей.

2. Большая часть опрошенных отметила два иностранных языка, среди которых лидирующее место занимает английский язык – 68%, второе место уверенно удерживает немецкий – 20%. Далее почти одинаково распределились приоритетные языки – французский и китайский. Причем почти все преподаватели поддерживают владение вторым языком, даже если его не преподают.

3. Из трети участвовавших в опросе студентов и преподавателей, признавших в незнании термина

«медиация», выразили в большинстве своем желание повысить свою квалификацию в этом вопросе. При этом большинство опрошенных (60%) отнесли этот концепт к сфере методики обучения иностранным языкам, однако ни одного определения этой категории, в том числе принятого в лингводидактике, обнаружить не удалось. Чаще всего встречаются трактовки медиации, принятые в культурологии – 25%, затем по убывающей – в лингвистике, психологии, общей педагогике и других науках. Медиацию чаще всего рассматривают как процесс/метод/результат урегулирования споров или посреднической деятельности. Были и любопытные мнения о том, что это лженаука/словоблудство и даже «очередная попытка переупаковать методические термины». По итогу «сложившейся картины» ясно лишь одно: концепт «медиация» требует дальнейшего исследования и осмысления в рамках лингводидактики.

4. Обращаясь к аксиологическому аспекту результатов опроса, следует с огорчением признать, что треть ответивших студентов, принявших участие в опросе, признались в безразличии к проблеме формирования и развития у будущего преподавателя иностранного языка ценностной картины мира, что дает основание судить о недооценке воспитательного компонента содержания профессиональной подготовки будущих педагогов. Что касается преподавателей, то около 70% из них отметили важность поиска путей формирования и развития ценностных ориентиров будущего преподавателя иностранного языка, предлагая использовать в этих целях проектные технологии и практические кейсы.

5. Из ценностных характеристик, которыми должен обладать преподаватель иностранного языка, чаще всего (80% респондентов) упоминались профессионализм и связанные с ним любовь к языкам, ученикам, саморазвитию и труду. Вторым по частоте в ответах звучали «уважение к своей и чужой культуре и языку, толерантность, терпимость». Не последнее место заняли нравственные качества: доброта, честность, порядочность, достоинство, свобода. Гибкость и способность адаптироваться, патриотизм и здоровье также стояли в ряду ценностей. Примечательно, что для отвечавших действующих преподавателей ценность профессионального мастерства оказалась важнее собственного здоровья (2%).

Итак, результаты проведенного опроса очевидно указывают на лауну в содержании лингвистического образования для будущих преподавателей иностранного языка именно в части аксиологического компонента, который, как известно, способствует созданию в образовательном пространстве безопасной иноязычной коммуникативной среды, формированию не только уважительного отношения к языкам и культурам, но и, что важнее всего – формированию лингвокультурной личности преподавателя.

Обсуждение полученных результатов

Безопасная иноязычная коммуникативная среда.
В отечественной лингводидактике не нова мысль

о том, что учитель иностранного языка знает о своих учениках порой гораздо больше, чем кто бы то ни был другой в школьной среде. Стать своеобразным свидетелем всему тому, что происходит в жизни каждого ученика, позволяет процесс развития у школьников иноязычных коммуникативных умений. В этом процессе иностранный язык в какой-то степени обладает эффектом «попутчика», позволяя учащимся смело раскрывать те сведения, о которых они не стали бы рассказывать на родном языке. С этой точки зрения иностранный язык выступает как инструмент создания «безопасной территории» взаимодействия учителя и ученика, а также учеников друг с другом, что дает основание утверждать о новых функциональных обязанностях учителя иностранного языка: в условиях поликультурного образовательного пространства он создает и развивает безопасную для всех его субъектов иноязычную коммуникативную среду, формулирует основные правила ее функционирования, культивирует условия их выполнения, определяет нормы и стиль поведения обучающихся в ней. И если учесть, что в одной учебной группе/классе за одним столом могут оказаться беженец и мигрант, представители разных этносов РФ, владеющие государственным русским языком в разной степени, именно на уроках иностранного языка может быть создана равноправная и безопасная для каждого из них среда, где дети не замыкаются, а раскрываются. Очевидно, что качество реализации этих новых функциональных задач во многом определяется профессионализмом, личностными свойствами и нравственно-ценностными ориентирами педагогических кадров, подготовка которых должна быть приоритетной в многонациональном государстве, которым является Российская Федерация.

Заметим, что, поскольку основная причина всех межнациональных и межэтнических конфликтов лежит в области страха перед незнакомым, чуждым, современный учитель иностранного языка как никогда ранее должен быть специалистом в области межкультурной коммуникации. Он должен быть способен даже в условиях присутствия в образовательном пространстве языков, культуры и традиций только народов России решать «вопросы раннего предупреждения противоречий и конфликтов», формировать у обучающихся чувство гражданской солидарности, основываясь при этом на культурную общность россиян разных национальностей и на культуру межэтнического [12] и межкультурного общения. Это может быть обеспечено в том числе такими одновременно протекающими в системе лингвообразования процессами, как: а) осмысление обучающимся языковой картины мира любого инофона (знания о мире, запечатленные в языковой форме) и концептуальной картины мира (описание иной социальной действительности) и б) владение им навыками и умениями использовать лингвокультурологические знания о своей стране и иных странах, прежде всего о стране изучаемого языка, знания о ценностях, традициях, обычаях, жизненных стандартах, страноведческие знания.

Очевидно признать, что безопасность и психологический комфорт языковой образовательной среды

необходимы для детей разного возраста и на разных образовательных этапах. Но в любом случае основу содержания обучения иностранному языку составляют русский язык и русская культура, которые исторически сформировали Россию как единую и многонациональную цивилизацию, обеспечивали на протяжении веков связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур, формируют гражданское и этническое самосознание обучающегося, воспитывают социально-ответственные нормы его поведения и уважительное отношение к культурному наследию своего народа и культур других стран/регионов, в том числе страны изучаемого неродного языка. Данное положение ориентирует учителей на обеспечение тесной взаимосвязи всех языков в школе (русского языка, иностранного и национального языков) и создание условий для открытия миров разных лингвокультур, познания богатства выразительных свойств каждого языка и уникальности каждой культуры и в ходе их сопоставления постигать «на практике связь языка с мышлением» [13. С. 26].

Обучение иностранному языку в поликультурной школе должно гармонично интегрировать глобальные подходы с национальными приоритетами, укрепляя как межкультурную компетенцию обучающегося, так и его гражданскую, культурно-историческую идентичность. Иными словами, поликультурная образовательная среда школы – это синтез общечеловеческих и национальных ценностей, приобщение к которым призвано сформировать у российских школьников национально-культурную идентичность, а также уважение к этническому разнообразию внутри страны и за ее пределами.

Таким образом, поликультурность в обучении иностранным языкам не противоречит традиционным ценностям РФ. Напротив, она требует переосмысления содержания учебного предмета «иностраный язык» в аспекте рассмотрения многонациональности страны как ее исторической особенности, а культурного разнообразия – как части российской идентичности. Наряду с этим поликультурность, делая самым естественным образом доминирующей проблему защиты суверенитета разных языков и культур, диктует необходимость не сводить изучение иностранных языков и чужих культур к подмене национальных ценностей. В поликультурной образовательной среде иностранные языки расцениваются как инструмент диалога культур, а не ассимиляции.

Из сказанного выше вытекает, что для российских школьников процесс изучения иностранных языков исключает отказ от их родной культуры и исключительное погружение в культуру страны изучаемого языка. Данный процесс имеет иной смысловой акцент, который заключается в овладении обучающимся иностранным языком как способе укрепления международного авторитета России, как инструменте формирования у граждан других стран представления о российских ценностях, как средстве «мягкой силы» России и одновременно адаптации иностранного опыта к российским условиям и жизненным обстоятельствам изучающего язык без утраты его идентичности.

Учитель иностранного языка, вне всяких сомнений, должен быть готов к подобной целевой ориентации учебной дисциплины, равно как и к предотвращению обусловленного поликультурным характером современного образовательного пространства конфликта идентичностей. Последнее находит свое решение через медиацию и через новую функцию, которую приобретает современный учитель иностранного языка – функцию медиатора.

Медиация в системе профессионального лингвистического образования. Как отмечалось выше, результаты анкетирования студентов педагогических направлений подготовки и преподавателей иностранных языков свидетельствуют о слабом их представлении о сущности медиации и ее роли в обучении иностранным языкам.

Вопросами медиации занимаются многие ученые, освещая данный феномен через призму конкретной науки. Но и до настоящего времени вокруг него господствует разномыслие в научном сообществе. Появившись впервые в конце 1970-х гг. в статьях немецкого исследователя Отто Каде [14], данный термин стал использоваться применительно к переводческой деятельности в понимании языкового посредничества, так как оно подразумевает любую деятельность по трансформации текста, когда «язык оригинала не понятен реципиенту» [15, 16]. И до настоящего времени медиация рассматривается как вербальная деятельность участника коммуникации по использованию языка не для выражения своих собственных мыслей, а для оказания коммуникативно-когнитивной помощи другим коммуникантам, которые не могут понять друг друга непосредственно, говоря на разных языках или на одном, но иностранном языке [17. С. 87]. Как видим, в данной трактовке превалирует лингвистическая доминанта, позволяющая выделять два вида медиации по критерию отношения к лингвистике: языковую и неязыковую медиацию [18. С. 93]. В лингвопрагматическом измерении медиация связана с такими категориями, как вежливость, агрессия в речи и др. [19], а в психолингвистическом она трактуется как взаимодействие в системе «ученики – родители – коллеги» [20. С. 2738]. Но медиация в лингвистике, как правило, предполагает реализацию на основе текстообразующей деятельности [21. С. 85] через следующие формы: в спорах, диалогах, переводах, в обзорах, при подведении итогов, пересказе, написании писем и др. [22].

Учитывая основополагающую роль медиации в интерпретации и моделировании дискурса, полученные в ходе проведенного нами исследования результаты играют ведущую роль в анализе вопросов интерактивной деятельности и прагматики академического речевого общения [23].

По-разному трактуется и содержание понятия «медиатор культур». Одни называют таким образом человека, который способствует процессу передачи концептуальной и культурологической информации, релевантной для данной ситуации общения [24, 25], другие трактуют его языковой личностью, познавшей посредством изучения языков особенности разных культур и особенности их (культур) взаимодействия [26. С. 7].

Особый интерес представляет точка зрения В.В. Сафоновой [27. С. 182], которая считает, что акцент внимания должен быть сделан на необходимости деятельности культурного медиатора в условиях возникновения коммуникативных сбоев и необходимости преодоления коммуникативных (в том числе социокультурных) барьеров, являющихся следствием социокультурных различий в ценностном мировидении, образе и стиле жизни. При этом она, вслед за европейскими учеными, обозначает виды медиативной деятельности человека как текстообразующую (*mediating a text*), понятийно-регулятивную (*mediating concepts*) и коммуникативно-регулятивную (*mediating communication*).

Таким образом, обобщая имеющиеся подходы к трактовке понятий «медиация» и «медиатор культур», следует признать, что при имеющихся между ними отличиях основными их базисными моментами являются:

- компетенция в области культур (родной и изучаемого языка);
- коммуникативно-когнитивная помощь коммуникантам;
- способность управлять лингвокультурным конфликтом;
- компонент дискурсивной компетенции;
- способность решать межкультурные конфликты;
- посредничество между языками и культурами в коммуникативном пространстве.

Кроме того, как показал проведенный анализ, наряду с употреблением исследуемого явления в качестве синонима языкового посредничества наиболее часто использование этой номинации в значении культурного/межкультурного посредничества. С культурологической точки зрения медиация предполагает обладание «общими знаниями о культуре народов, знаниями устойчивых элементов культур, национальных реалий и их значимости в иерархии ценностей, а также владение социально и общественно значимой информацией» [28. С. 140].

Как известно, медиацию редко относят учёные к какому-то одному конкретному направлению, чаще происходит слияние областей знаний: культурологии и лингвистики, лингвистики и методики. Полагаем, что такому видению способствует межпредметность медиации как социального инструмента. Универсальность медиации позволяет применять ее в практически любых областях человеческого взаимодействия. Поскольку образовательное учреждение, в частности школа, является определенным «макетом» взрослого социума, школьная медиация проявила себя как инструмент с высокой степенью эффективности.

Заметим, что одна из первых попыток научного обоснования обучения медиации в школе принадлежит А.А. Колесникову [29. С. 18; 30. С. 26], который характеризует медиативную компетенцию как особый компонент дискурсивной (речевой) компетенции и в ее структуре выделяет языковые навыки, экстралингвистические умения и способы деятельности в условиях языкового посредничества. Не случайно, Н.Ф. Коряковцева в качестве ключевой позиции в определении лингводидактического статуса медиации как вида коммуникативной деятельности выделяет связь медиации с

коммуникацией (общением) и изучением языка [31. С. 44–45].

В этом контексте делаются заявления о необходимости формирования у человека медиативных иноязычных умений [32], которые выступают в качестве элементов медиативной компетенции. Последняя получает свое определение как способность человека управлять лингвокультурным конфликтом, предвидеть моменты его возникновения и предотвращать или нивелировать последствия уже возникшей ситуации разногласий [33. С. 8].

Важно обозначить, что школьная медиация подразделяется на два самостоятельных вида: 1) медиация случившихся конфликтов, которые помогают устранять специалисты – медиаторы; 2) процесс медиации, который осуществляет учитель на уроках по своей дисциплине. И если первый вид вполне известен и приобретает на сегодняшний день все большую популярность, воплощаясь в школьные службы медиации, то второй вид медиации требует уточнения и прежде всего в контексте рассматриваемой проблемы: профессиональной лингвистической подготовки учителя иностранных языков.

С.Г. Тер-Минасова считая, что медиация – это сервис, ориентированный на решение межкультурных проблем [8], определяет роль преподавателя иностранных языков в образовательном процессе как «посредника между языками и культурами», обладающего лингвистическими и социокультурными умениями. Это дает основание говорить об учителе как медиаторе, который, создавая в классе и вне класса особое безопасное коммуникативное пространство, осуществляет медиацию между обучающимися, обучающимися и родителями, обучающимися и другими педагогами, обучающимися и администрацией учебного заведения, между коллегами.

Медиация, которая осуществляется учителем иностранного языка – это, скорее, действие превентивного характера, так как она, как правило, направлена на решение случившегося конфликта. Но действия по предотвращению истоков и предпосылок зарождения последнего требуют, на наш взгляд, введения нового термина – а именно, «премедиация». Данный термин близок к формированию компенсаторных умений [34], т.е. к стратегиям преодоления непонимания. Однако необходимо отметить, что термин «премедиация» вообрал в себя также понятие «педагогическая медиация», в рамках которой педагоги пытаются не только передавать знания, но и развивать умение критически мыслить, создавать творческую атмосферу на занятиях и управлять ею. Все вышеперечисленное направлено на формирование медиации взаимоотношений. Данный тип медиации способствует взаимопониманию и успешной коммуникации между обучающимися, которые могут продемонстрировать индивидуальные, социокультурные, социолингвистические или иные отличия. «Педагог-медиатор оказывает положительное воздействие как на взаимоотношения между обучающимися, так и на свои взаимоотношения с ними, проявляя эмпатию к мнениям коммуникантов и точно реагируя на их эмоциональное состояние» [35. С. 152].

Таким образом, премедиация – это действия учителя иностранного языка по формированию эффективной, безопасной коммуникативной монолингвальной (иноязычной), поликультурной среды, базирующейся на основных принципах современной аксиологической лингводидактики как научной области, исследующей ценностные объекты лингвистического образования и технологии воспитания у обучающихся средствами изучаемых лингвокультур системы ценностно-смысловых отношений и ценностно-смысловых ориентаций.

Аксиологический аспект подготовки учителя. Современная ситуация в методике обучения иностранным языкам сигнализирует о концептуальном диссонансе, выражающемся в переосмыслении и переоценке приоритетных принципов обучения ИЯ. Обозначенные Н.В. Барышниковым принципы неолингводидактики призваны сбалансировать «перекося в ценностных ориентирах обучающихся в процессе овладения ИЯ» [36. С. 8]. Наблюдаемый в настоящем исследовании генезис медиации претерпевает изменение фокуса внимания в силу рассматриваемых авторами аспектов. Кажется, предлагаемый нами концепт премедиации, основанный на убеждении, что изучение иностранных языков и культур не должно подрывать патриотизм или традиционные российские ценности, способен стать универсалией в школьном поликультурном образовании в РФ сегодня. Важно показать, как иностранные языки служат инструментом диалога, но не заменяют родную культуру. Обучение иностранным языкам, возможно, будет сочетаться с усиленным изучением русского языка и отечественной региональной культуры, чтобы сохранить баланс социально значимых знаний, умений и стратегий, обеспечивающих продуктивное равноправное общение, активную гражданскую позицию, социальную ответственность личности. Отсюда следует, что медиация, а точнее выражаясь, премедиация, в отечественном лингвистическом образовании представляет собой организованный и управляемый педагогом рефлексивный, творческий процесс познания системы ценностей изучаемой/ых культуры/р с опорой на ценности родной культуры, обеспечивающих опыт выявления интерсоциальных ценностей, общения и взаимодействия на их основе, развитие умений аргументации и когнитивных стратегий, стимулирующих познавательную, мыслительную деятельность и ценностное развитие личности. Ценностный анализ продуктов культуры и значимых явлений, решение диагностических, интерсоциально-поисковых проблемных задач, социально ориентированные дискуссии, межкультурные тренинги обеспечивают овладение нравственными нормами международных отношений, создают условия для проявления и развития творческих способностей, обучающихся на иностранном для всех школьников языке.

По аналогии с «преадаптацией» А.Г. Асмолова, формирующей предпосылки для адаптации к будущим изменениям через развитие универсальных компетенций (гибких когнитивных и поведенческих стратегий) [37], «премедиация» готовит к неопределённому будущему в условиях межкультурной коммуникации через

развитие «ментального иммунитета» к культурным шокам и коммуникативным сбоям, определяется как подготовка обучающихся к роли культурно-языковых посредников. Это не реакция на проблемы, а их предупреждение через:

- когнитивную гибкость (умение переключаться между культурными кодами);
- ресурсную избыточность (знание альтернативных стратегий медиации).

В обучении иностранным языкам премедиация представляет собой системный этап, направленный на развитие:

- когнитивных структур (знания о культуре, языке, коммуникативных конвенциях);
- стратегий медиации (перефразирование, адаптация информации, управление конфликтами);
- эмоционально-рефлексивных навыков (эмпатия, толерантность к неопределённости).

Развивая содержание понятия «безопасная образовательная коммуникативная среда и учитывая основные характеристики и роль медиации в ее создании, можно сформулировать цель премедиации применительно к профессиональному лингвистическому образованию как создание «безопасной буферной зоны» между родной/ыми и изучаемой/ыми культурами, позволяющей учащимся предвосхищать и преодолевать коммуникативно-культурные барьеры до их возникновения.

Следовательно, аксиосфера иноязычного образования должна включать не только систему ценностей родной и иноязычной изучаемых лингвокультур, но также универсальные нравственные, духовные ценности, которые лежат в основе межкультурного межличностного общения. Иноязычное образование связано со знаково-языковой деятельностью человека, с его способностью к самовыражению в иной языковой реальности, с нахождением взаимоотношений между значением и смыслом в рамках «иного» сознания, извлечения смыслов иной культуры [38]. Это способствует осознанию подлинных смыслов и ценностей своей культуры и тех интерсоциальных ценностей, которые могут лежать в основе единения людей, принадлежащих разным культурам, и обеспечивает творческое воссоздание современной многополярной картины мира.

Выводы

Анализ литературы и результатов проведенного анкетирования выявил существенную разницу в развитии методологического концепта медиации (премедиации) и существующей реальной ситуации в системе работы практикующих и будущих учителей иностранного языка. Заполнение выявленной проблемной лакуны в содержании профессионального лингвистического образования требует усиления его аксиологических доминант в контексте ориентации на премедиативную деятельность учителя иностранного языка и эффективного использования им иностранного языка как профессионального инструмента создания безопасного образовательного коммуникативного пространства в поликультурной школе.

Список источников

1. Российский статистический ежегодник. М., 2024. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/6570>
2. Социально-экономическое положение России. Январь 2025 года / М.: Росстат. 2025. 295 с. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2025.pdf>
3. Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. М.: ИЭА РАН, 2016. 297 с.
4. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf>
5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=mbckjkkzon137209857>
6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mbclm3emk551810352>
7. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--blaew.xn--plai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvum/compatriots?ysclid=mbcm5gsn3f617941539
8. Тер-Минасова С.Г. Роль факультета иностранных языков и регионоведения как флагмана языкового образования в России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 19–37.
9. Коряковцева Н.Ф. Теоретические основы организации изучения иностранного языка учащимися на базе развития продуктивной учебной деятельности (Общеобразовательная школа) : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 426 с.
10. Tareva E.G., Tarev B.V. Dialogue of culture vs non-dialogue of cultures in woke world: Case of foreign language teaching // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 17, № 11. P. 2256–2267.
11. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Союз, 2001. 292 с.
12. Тишков В.А., Степанов В.В., Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. № 87 (10). С. 879–890.
13. Методика обучения иностранным языкам в средней школе : учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролубов и др. М.: Высшая школа, 1982. 373 с.
14. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. 1978. С. 69–90.
15. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
16. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания : кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
17. Council of Europe. Council for Cultural Co-operation. Education Committee. Modern Languages Division. Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge University Press, 2001.
18. Вавилина Т.Ю., Привалова Е.В. Формирование медиативной компетенции на уроках иностранного языка у учащихся основной общей школы // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 89–96.
19. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 2. С. 245–258.
20. Абрамова Е.А. Невладение приемами и средствами медиации как педагогический дефицит в методике преподавания иностранного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 8. С. 2736–2740.
21. Титова С.В. Иерархия современных теорий, методов и подходов к обучению иностранным языкам // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 85–102.
22. Галагузов А.Н. Культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2010. 203 с.
23. Герасимова А.С., Кац Н.Г., Рубцова А.В. Роль медиации в обучении иноязычному академическому дискурсу студентов многопрофильного вуза // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 173–181. doi: 10.17223/15617793/501/20
24. Garzone G., Rudvin M. Domain-specific English and language mediation in professional and institutional settings. Milan : Arcipelago, 2003.
25. Zarate G., Gohard-Redenkovic A., Lussier D., Penz H. Cultural mediation in language learning and teaching. Council of Europe, 2004. 248 p.
26. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 050300 «Филол. образование». СПб.: КАРО, 2005. 352 с.
27. Сафонова В.В. Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сборник научных трудов. Вып. 2. М.: «КДУ», Университетская книга, 2018. С. 179–183.
28. Литвишко О.М., Черноусова Ю.А. Лингвокультурная медиация как компонент глобального подхода в обучении профессионально-ориентированному английскому языку (на примере направлений подготовки 38.03.02, 38.04.02 «Менеджмент», 40.03.01, 40.04.01 «Юриспруденция») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 139–143.
29. Колесников А.А., Денисов М.К. Языковое посредничество как особый вид речевой деятельности // Иностранные языки в школе. 2012. № 9. С. 16–25.
30. Колесников А.А. Профориентационное обучение иностранным языкам в школе и вузе: от теории к технологии. Рязань : Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2018. 400 с.
31. Коряковцева Н.Ф. Понятие «медиация иноязычного текста» в контексте профессиональной коммуникации и информационной деятельности специалиста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 1 (842). С. 43–48.
32. Горчакова А.В. Развитие медиативных умений учащихся старших классов на уроках английского языка // Молодой ученый. 2021. № 13 (355). С. 247–250.
33. Сергеева О.В. Особенности формирования лингвомедиативной компетенции при обучении иностранным языкам студентов инженерных направлений подготовки // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2024. № 18. С. 7–14. doi: 10.24412/2712-827X-2024-18-7-14
34. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АРКТИ, 2004.
35. Плеханова Ю.В. К вопросу о медиации в образовании // Проблемы управления качеством образования: сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции. Пенза : РИО ПГАУ, 2019. С. 150–154.
36. Барышников Н.В. Неолингводидактика: целевая доминанта, принципы, векторы развития // Новая лингводидактика : сборник статей по материалам научно-методического симпозиума «Неолингводидактика как веление времени: цель, принципы, стратегии обучения и векторы развития» (Лемпертовские чтения-XXV), Пятигорск, 18–20 мая 2023 г. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2023. С. 3–17.

37. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М. : Акрополь, 2018. 212 с.
38. Павлова Л.В. Ценностное развитие студентов в процессе иноязычного образования в вузе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Vedecko vydavateľské centrum Sociosfera-CZ sro, 2013. № 42. С. 118–122.

References

1. Gorobtsov, A.V. (ed.) (2024) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/6570>.
2. Rosstat. (2025) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar' 2025 goda* [Socio-Economic Situation in Russia. January 2025]. Moscow: Rosstat. [Online] Available from: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2025.pdf>.
3. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (2016) *Mezhetnicheskoe otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii* [Interethnic Relations and Ethnocultural Education in the Regions of Russia]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
4. President of Russia. (2012). Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 "O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" [On the Strategy of the State Nationalities Policy of the Russian Federation for the Period through 2025. Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012]. *President of Russia*. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf>.
5. Garant. (2024) *On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Period Up to 2036. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=mbckjkkzon137209857>. (In Russian).
6. Garant. (2022) *On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mbclm3emk551810352>. (In Russian).
7. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) Gosudarstvennaya programma po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [State program to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation]. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravleniya/guvm/compatriots?ysclid=mbcm5gsn3f617941539.
8. Ter-Minasova, S.G. (2019) Rol' fakulteta inostrannykh yazykov i regionovedeniya kak flagmana yazykovogo obrazovaniya v Rossii [The role of the faculty of foreign languages and regional studies as the flagship of language education in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 19–37.
9. Koryakovtseva, N.F. (2003) *Teoreticheskie osnovy organizatsii izucheniya inostrannogo yazyka uchashchimsya na baze razvitiya produktivnoy uchebnoy deyatel'nosti (Obshcheobrazovatel'naya shkola)* [Theoretical foundations of organizing the study of a foreign language by students based on the development of productive learning activities (comprehensive school)]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
10. Tareva, E.G. & Tarev, B.V. (2024) Dialogue of culture vs non-dialogue of cultures in woke world: Sase of foreign language teaching. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 11 (17). pp. 2256–2267.
11. Elizarova, G.V. (2001) *Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam* [Culture and Teaching Foreign Languages]. Saint Petersburg: Soyuz.
12. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (2017) Mezhetnicheskoe otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v Rossii [Interethnic relations and ethnocultural education in Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 87 (10). pp. 879–890.
13. Gez, N.I. et al. (1982) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole* [Methods of Teaching Foreign Languages in Secondary School]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Kade, O. (1978) Problemy perevoda v svete teorii kommunikatsii [Translation problems in light of communication theory]. In: Komissarov, V.N. (ed.) *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Translation Theory Issues in Foreign Linguistics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 69–90.
15. Komissarov, V.N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola.
16. Latyshev, L.K. (1988) *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya* [Translation: Problems of Theory, Practice, and Methods of Teaching]. Moscow: Prosveshchenie.
17. Council of Europe. (2001) *Council for Cultural Co-operation. Education Committee. Modern Languages Division. Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Vavilina, T.Yu. & Privalova, E.V. (2019) Formirovanie mediativnoy kompetentsii na urokakh inostrannogo yazyka u uchashchikhsya osnovnoy obshchey shkoly [Formation of mediation competence in foreign language lessons for students of basic general education schools]. *Evrayskiy gumanitarnyy zhurnal*. 3. pp. 89–96.
19. Kulikova, L.V. (2019) Diskurs mezhkul'turnoy meditsii: kontseptual'naya model' issledovaniya [Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 2. pp. 245–258.
20. Abramova, E.A. (2022) Nevladenie priemami i sredstvami meditsii kak pedagogicheskiy defitsit v metodike prepodavaniya inostrannogo yazyka [Lack of mastery of mediation techniques and means as a pedagogical deficit in foreign language teaching methods]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (15). pp. 2736–2740.
21. Titova, S.V. (2023) Ierarkhiya sovremennykh teorii, metodov i podkhodov k obucheniyu inostrannym yazykam [Hierarchy of modern theories, methods, and approaches to teaching foreign languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4. pp. 85–102.
22. Galaguzov, A.N. (2010) *Kul'turologicheskiy podkhod v professional'noy podgotovke spetsialistov sotsial'noy sfery* [Culturological Approach in the Professional Training of Social Sphere Specialists]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
23. Gerasimova, A.S., Kats, N.G. & Rubtsova, A.V. (2024) The role of mediation in teaching foreign language academic discourse: The case of postgraduate students of a multidisciplinary university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 173–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/20
24. Garzone, G. & Rudvin, M. (2003) *Domain-specific English and language mediation in professional and institutional settings*. Milan: Arcipelago.
25. Zarate, G. (2004) *Cultural Mediation in Language Learning and Teaching*. Strasbourg: Council of Europe.
26. Elizarova, G.V. (2005) *Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam* [Culture and Foreign Language Teaching]. Saint Petersburg: KARO.
27. Safonova, V.V. (2018) Lingvokul'turnaya meditsiya kak strategicheskoe obshcheevropeyskoe napravlenie v razvitiy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya [Linguocultural Mediation as a Strategic Pan-European Direction in the Development of Modern Language Education]. In: *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Vol. 2. Moscow: "KDU", Universitetskaya kniga. pp. 179–183.
28. Litvishko, O.M. & Chernousova, Yu.A. (2016) Lingvokul'turnaya meditsiya kak komponent global'nogo podkhoda v obuchenii professional'no-orientirovannomu angliyskomu yazyku (na primere napravleniy podgotovki 38.03.02, 38.04.02 "Menedzhment", 40.03.01, 40.04.01 "Yurisprudentsiya") [Linguocultural mediation as a component of the global approach to teaching professionally oriented English (based on training programs 38.03.02, 38.04.02 "Management", 40.03.01, 40.04.01 "Jurisprudence")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 139–143.

29. Kolesnikov, A.A. & Denisov, M.K. (2012) Yazykovoe posrednichestvo kak osobyiy vid rechevoy deyatel'nosti [Language mediation as a special type of speech activity]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 9. pp. 16–25.
30. Kolesnikov, A.A. (2018) *Proforientatsionnoe obuchenie inostrannym yazykam v shkole i vuze: ot teorii k tekhnologii* [Career Guidance Teaching Foreign Languages at School and University: From Theory to Technology]. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin.
31. Koryakovtseva, N.F. (2022) Ponyatie "mediatsiya inoyazychnogo teksta" v kontekste professional'noy kommunikatsii i informatsionnoy deyatel'nosti spetsialista [The concept of "mediation of a foreign language text" in the context of professional communication and information activities of a specialist]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 1 (842). pp. 43–48.
32. Gorchakova, A.V. (2021) Razvitie mediativnykh umeniy uchashchikhsya starshikh klassov na urokakh angliyskogo yazyka [Developing mediation skills of senior school students in English lessons]. *Molodoy uchenyy*. 13 (355). pp. 247–250.
33. Sergeeva, O.V. (2024) Osobennosti formirovaniya lingvomediativnoy kompetentsii pri obuchenii inostrannym yazykam studentov inzhenernykh napravleniy podgotovki [Features of forming linguemediative competence in teaching foreign languages to students of engineering majors]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya*. 18. pp. 7–14. doi: 10.24412/2712-827X-2024-18-7-14
34. Gal'skova, N.D. (2004) *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern Methods of Teaching Foreign Languages]. 3rd ed. Moscow: ARKTI.
35. Plekhanova, Yu.V. (2019) [On the issue of mediation in education]. *Problemy upravleniya kachestvom obrazovaniya* [Problems of Education Quality Management]. Proceedings of the 12th All-Russian Conference. Saint Petersburg. 29–31 March 2019. Penza: Penza State Agrarian University. pp. 150–154. (In Russian).
36. Baryshnikov, N.V. (2023) [Neolinguodidactics: Target dominant, principles, and development vectors]. *Novaya lingvodidaktika* [New Linguodidactics]. Proceedings of the 25th Symposium. Pyatigorsk. 18–20 May 2023. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. pp. 3–17. (In Russian).
37. Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. & Chernorizov, A.M. (2018) *Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Preadaptation to Uncertainty: Unpredictable Routes of Evolution]. Moscow: Akropol'.
38. Pavlova, L.V. (2013) Tsennostnoye razvitiye studentov v protsesse inoyazychnogo obrazovaniya v vuze [Value development of students in the process of foreign language education at the university]. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera. Vedecko vydavatel'ske centrum Sotsiosfera-CZ sro*. 42. pp. 118–122.

Информация об авторах:

Гальскова Н.Д. – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: galskova@mail.ru

Орешкова Н.Л. – канд. пед. наук, и.о. заведующего кафедрой методики преподавания иностранных языков Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: n1d33@yandex.ru

Шабанова В.П. – канд. филол. наук, декан факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: fakul-romgerm@eduprosvet.ru

Ефимова О.Г. – канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского государственного аграрного университета им. В.Я. Горина (Белгород, Россия). E-mail: olga.efimova17@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.D. Galskova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: galskova@mail.ru

N.L. Oreshkova, Cand. Sci. (Pedagogics), acting head of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: n1d33@yandex.ru

V.P. Shabanova, Cand. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Romance and Germanic Languages, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: fakul-romgerm@eduprosvet.ru

O.G. Efimova, Cand. Sci. (Pedagogics), senior lecturer, Belgorod State Agrarian University named after V. Gorin (Belgorod, Russian Federation). E-mail: olga.efimova17@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 12.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 316.61 + 378.1
doi: 10.17223/15617793/517/25

Адаптационные стратегии университетов в фокусе иноязычного образования в городах КНР

Ирина Александровна Савченко¹, Евгений Владимирович Кремнёв², Ольга Владимировна Кузнецова^{3, 4}

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

² Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

³ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

⁴ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

¹ teosmaco@rambler.ru

² kremnyov2005@yandex.ru

^{3, 4} kuznetsova1@mail.ru

Аннотация. Определены основные предпосылки затруднений, которые возникают в процессе транскультурной адаптации студентов из-за рубежа, получающих иноязычное образование в Китае. Выделены и описаны основные дихотомичные стратегии, применяющиеся для оптимизации этого процесса университетами КНР и другими вовлеченными акторами. Проанализирована роль транскультурной адаптации в системе социального управления и социального взаимодействия и возможности управления этим процессом. Сделан вывод о том, какую роль для адаптации играет соединение искусственной и естественной сред и какие результаты от нее ожидаются в Китае.

Ключевые слова: городской университет, города Китая, иноязычное образование, транслингвальная адаптация, социальное управление, региональная специфика, вертикальное взаимодействие, вторичная социализация, искусственная среда

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

Для цитирования: Савченко И.А., Кремнёв Е.В., Кузнецова О.В. Адаптационные стратегии университетов в фокусе иноязычного образования в городах КНР // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 225–232. doi: 10.17223/15617793/517/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/25

Adaptation strategies of universities in the focus of foreign language education in Chinese cities

Irina A. Savchenko¹, Evgeny V. Kremnev², Olga V. Kuznetsova^{3, 4}

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

³ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

⁴ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ teosmaco@rambler.ru

² kremnyov2005@yandex.ru

^{3, 4} kuznetsova1@mail.ru

Abstract. The authors have identified the main prerequisites of difficulties that arise in the process of transcultural adaptation of students from abroad receiving foreign language education in China. This kind of adaptation is considered as an element of the social management system, which is carried out through transcultural communication. The experience of transcultural adaptation of students from abroad in China, which is highly representative due to the vivid regional specifics, became the research material. The peculiarities of the social management system in China include its mixed type of vertical interaction, including strict administrative leadership at the highest levels of government, and soft dialogical forms of work with the population at the grassroots levels, as well as the widespread use of digital technologies by political and social elites. In such a model, at the level of vertical management, China's desire to integrate into global educational processes is observed and confirmed by government policy. Chinese experts recognize the significant difficulties in the adaptation of foreign students in China associated with the crisis of cultural identity. In order to overcome these problems, Chinese universities have developed and are implementing some dichotomous strategies for transcultural communication. These include overcoming the language barrier with the help of automated translation tools / by involving students in bilingual work practice, which is criticized for reducing motivation to learn a language, although solving the adaptation problems. The second strategy is the formation of social connections

through the use of communication applications and social networks / through offline communication, involving the active use of Internet applications at the first stage of adaptation and the subsequent combination of online and offline communication. An important strategy for transcultural adaptation is the involvement of students in the campus culture / urban community culture: at the first stage, the student will have to adapt more to the artificial space, at the second stage – to connect to the process of adaptation to the natural space. Last but not least strategy is integration into the Chinese cultural environment through cloud tourism and VR technologies / using study trips. Such trips instill a sense of belonging to Chinese culture and civilization thereby contributing to transcultural adaptation. At the same time, many universities set themselves the task of developing "cloud tourism" for those foreign students, who cannot participate in study trips. Thus, the process of transcultural adaptation is perceived by the Chinese participants of this process as controlled, purposeful and extremely necessary for creating a harmonious environment of coexistence between Chinese and foreigners. In modern conditions, it is considered as a combination of artificial and natural environments. The result of such adaptation is the integration of students from abroad into the local community, overcoming possible social isolation, which ensures safe and harmonious social interaction.

Keywords: urban university, cities of China, foreign language education, translanguaging communication, social management, regional specifics, vertical interaction, secondary socialization, artificial environment

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00288, Discursive Transformations of a Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

For citation: Savchenko, I.A., Kremnev, E.V. & Kuznetsova, O.V. (2025) Adaptation strategies of universities in the focus of foreign language education in Chinese cities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 225–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/25

Введение

Проблема транскультурной адаптации иностранных студентов, получающих иноязычное образование в Китае, исходит из нескольких предпосылок. Во-первых, речь идет о процессе социальной адаптации как необходимой составляющей социального взаимодействия в сообществах с большим количеством иностранцев. При этом, если под социальной адаптацией понимать, вслед за С.И. Капицей, «целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый процесс взаимодействия личности либо группы и социальной среды, в ходе которого формируются способности людей осмысленно ориентироваться в меняющейся ситуации, вырабатывать адекватные модели поведения, рационально использовать различные ресурсы для согласования самооценок и возможностей и наиболее полной реализации своих потребностей и притязаний» [1], то оказывается, что перед всеми акторами этого процесса (адаптирующимися и адаптирующими) стоит весьма сложная и комплексная задача. Во-вторых, указанная социальная адаптация происходит в первую очередь средствами транслингвальной коммуникации, которая предполагает не просто «переход границы» от одного лингвокультурного единства к другому, а наличие взаимообратной связи [2]. В-третьих, встает вопрос о возможностях и инструментах управления процессом транскультурной адаптации, поскольку от результатов этого процесса зависит дальнейшее гармоничное социальное взаимодействие. Этот особый тип управления в современных социальных науках обозначается как «социальное управление», представляющее собой разновидность «профессиональной управленческой деятельности, направленной на гармонизацию социальных процессов в обществе, больших и малых социальных группах и направленной на достижение целей, предполагающих координацию совместных действий» [3].

Такой подход к пониманию управления, как мы видим, не подразумевает строго административных методов регулирования социальных процессов, а, напротив, характеризуется диверсификацией инструментов

и субъектов управления [4]. Действительно, в рассматриваемом случае необходимо учитывать совокупность социальных, педагогических, культурных и иных методов, а субъектами становятся все вовлеченные в процесс адаптации участники, делающие свой осознанный вклад в создание среды и условий адаптации, в том числе сам адаптирующийся субъект. В этой связи интересным представляется опыт транскультурной адаптации студентов из-за рубежа в Китае из-за ярко выраженной региональной специфики китайской культуры, представляющей собой сложное пространство для адаптации [5] как с точки зрения культурного усвоения зарубежного опыта самими китайцами [6], так и с позиции встраивания иностранцев во внутренние процессы транслингвальной коммуникации [7].

Постановка проблемы

Целью статьи является выявление базовых стратегий транскультурной адаптации студентов, получающих иноязычное образование в Китае, при этом ключевая проблема, как нам представляется, заключается в том, как именно китайская региональная специфика влияет на адаптацию. При этом, если рассматривать этот процесс как часть системы социального управления, то следует учитывать три наиболее значимые регион-специфичные черты последнего. В первую очередь, китайская модель континентального социального управления, если походить к ней с точки зрения концепции выбора между административно-вертикальными и партиципациивно-горизонтальными методами, представляет собой смешанный тип – вертикального взаимодействия, поскольку включает и жесткое административное руководство на высших ступенях управления, и мягкие диалоговые формы работы с населением на низовых уровнях.

В такой модели управляемость процесса адаптации рассматривается как ее неотъемлемый атрибут и достижимый результат. Вторая черта этой модели состоит в том, что современные китайские управленческие элиты, как политические, так и социальные, во

всех сферах полагаются на цифровые технологии [8], не исключение и образовательные процессы, включая вопросы педагогики, методики и адаптации. Наконец, значимой регион-специфичной чертой китайского социального управления является поиск таких стратегий, которые могли бы совместить традиционное и новое, устоявшееся и инновационное.

В такой модели на уровне вертикального управления стремление Китая влиться в мировые образовательные процессы подтверждается государственной политикой: в 2016 г. Канцеляриями Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Госсовета КНР были опубликованы «Мнения об успешной работе по открытости образования внешнему миру в новый период (с 1978 г.)» [8]. В первую очередь, эта инициатива направлена на повышение качества подготовки специалистов для международного сотрудничества со странами инициативы «Один пояс, один путь», установления и укрепления политических, экономических, социальных, культурных и иных контактов [9]. Вместе с тем китайские специалисты признают значительные трудности в адаптации студентов из-за рубежа в Китае. Эти трудности связаны в первую очередь с кризисом культурной идентичности, который испытывает студент, находясь в иной культурно-языковой среде. После первоначальной эйфории от новых впечатлений, студент из-за границы, получающий иноязычное образование, вынужден искать способы приспособиться одновременно ко множеству регион-специфичных явлений: иным привычкам питания, способам выражения базовых идей и эмоций, внешнему виду, ценностным ориентациям и транслингвальным коммуникативным практикам. Пересмотр своего мироощущения и личностных ориентаций в процессе такого рода вторичной социализации личности нередко приводит к стрессу, повышенной тревожности, нарушению внутреннего психологического баланса. Согласно официальной статистике, процент обучающихся из разных регионов мира представлял собой в 2018 г. следующее соотношение: студенты из стран Азии составили 59,95%, из Африки – 16,57%, из Европы – 14,96%, из Океании – 1,27% [10]. Большой процент азиатских студентов может дать обманчивое впечатление по поводу возможных высоких темпов их адаптации, однако культурная негомогенность азиатского региона этому не способствует. Если говорить о типах трудностей при адаптации, то в соответствии с китайскими исследованиями проблема адаптации к повседневной жизни представляется студентам из-за рубежа наиболее преодолимой, тогда как второй по степени сложности они называют физическую и психологическую адаптацию, наиболее сложной – адаптацию академическую [11]. Вместе с тем представляется, что этот комплекс в единстве дает нам представление о транскультурной адаптации, которая охватывает все эти уровни. Преодоление описанных выше проблем возможно только на низовых уровнях управления, где и разрабатываются стратегии транскультурной адаптации, призванные смягчить культурные различия, с которыми сталкиваются иностранные студенты, которые

не всегда могут сами найти способ влиться в специфичную для них китайскую среду [12]. Попытка выявить указанные стратегии и стала основной целью нашей работы.

Методология

Изучение поставленной проблемы осуществлялось на основе дихотомического анализа [13], в том числе в его приложении к образовательным процессам [14], применялись также собственные теоретико-методологические наработки авторов исследования [15]. В данной работе указанный анализ проводился в рамках концепции региональной специфики, на основе подходов таких исследователей специфичных характеристик регионов, как А.И. Сухарев [16], Х. Ямамото [17, 18], Б. Стифтель и др. [19]. Применимость дихотомического анализа к изучаемым процессам исходит из того, что выявляемые стратегии адаптации студентов обладают выраженной дихотомичностью. Дихотомичный характер этих стратегий исходит из попытки совмещения в них разновекторных направлений адаптации, привычных и инновационных. Такое совмещение, как полагают китайские специалисты, позволяет найти определенную «золотую середину» процесса социального взаимодействия, а поиск так называемой «серединности» в любом социальном взаимодействии является одной из базовых регион-специфичных черт китайского общества [20]. Дихотомический анализ проводился с опорой на его следующие базовые положения: использование системно-параметрической версии системного подхода, применимость для анализа сложных объектов, обращение к научной редукции, учёт специфики главных дихотомий для конкретного объекта исследования, выбор оптимального типа разрешения основных противоречий, многомерность сущности исследуемого явления, применение элементов не одной, а целого класса логик [21].

Авторы были вдохновлены трудами отечественных специалистов в области методики преподавания иностранных языков, которые рассматривают данный процесс как транслингвальный коммуникативный тренинг [22]. Взгляды авторов сформировались под влиянием научных трудов по вопросам южно-азиатской специфики комплексного обеспечения иноязычного образования [23, 24].

В качестве эмпирического материала применялись данные, полученные путем включенного и невключенного наблюдения, которое осуществлялось в нескольких университетах КНР в период с марта 2024 г. по март 2025 г.

Исследование и результаты

С учетом изложенной выше китайской региональной специфики (ориентир на управляемость социальных процессов, опора на цифровые технологии и стремление к объединению нового и традиционного), анализ подходов китайских специалистов к решению рассматриваемой проблемы позволяет выделить не-

сколько наиболее приоритетных дихотомичных стратегий транскультурной адаптации студентов, комплексно внедряемых и применяемых китайскими университетами при реализации системы иноязычного образования.

К значимым стратегиям следует отнести следующие:

1) стратегия совмещения опосредованного и непосредственного преодоления языкового барьера (преодоление языкового барьера при помощи автоматизированных средств перевода или при помощи привлечения студентов к двуязычной трудовой практике);

2) стратегия совмещения онлайн и офлайн социальной среды (формирование социальных связей через использование приложений для общения и социальных сетей или через живое общение на изучаемом языке);

3) стратегия «кампус/город» (вовлечение студентов в культуру кампуса/городского сообщества);

4) стратегия совмещения «облачного» и реального туризма (интеграция в китайскую культурную среду при помощи «облачного туризма» и VR-технологий/с использованием учебных поездок).

Что касается языкового барьера, то на него указывается как на главный фактор дезадаптации в большинстве современных исследований данной проблемы [25]. Активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь китайцев вкупе с высокой сложностью китайского языка заставляет китайских специалистов в сфере адаптации студентов все чаще обращаться к *стратегии совмещения опосредованного и непосредственного преодоления языкового барьера*. Она предполагает работу с языковым барьером как при использовании автоматизированных средств перевода, так и через задействование студентов в двуязычной трудовой практике. Основной критикой первой части данной стратегии является аргумент, что использование подобных «костылей» скорее снижает мотивацию в освоении китайского языка как основного инструмента общения в среде, нежели повышает ее. Однако сторонники этого подхода настаивают, что социальная адаптация является более важной целью: овладение китайским может затянуться на долгое время и этот процесс индивидуален для каждого, тогда как задачи адаптации должны решаться как можно скорее. Что касается преодоления языкового барьера в долгосрочной перспективе, то для него требуется длительный опыт взаимодействия с носителями языка, которого иностранным студентам оказывается недостаточно: они жалуются, что китайские студенты реже нуждаются в общении, посвящают все свободное время учебе и не идут на активный контакт [26, 27]. Китайские специалисты предлагают для преодоления этой проблемы привлекать относительно продвинутых студентов из-за рубежа к двуязычной трудовой практике. К такой они относят все виды деятельности по установлению транслингвальной коммуникации между носителями китайского и их родного языка, еще не освоившими китайский язык на должном уровне. Студенты из-за рубежа могут на официальной основе через свой факультет привлекаться к индивидуальному репетиторству по иностранным языкам и проведению занятий

(параллельно решая проблему нехватки преподавателей, особенно малых языков, в колледжах и университетах), консультированию в сфере обслуживания на предприятиях и в организациях ближайших районов города, в том числе во время каникул (в фитнес-центрах, международных выставочных залах, отелях для иностранцев и т.п.) [28].

Второй дихотомичной стратегией транскультурной адаптации является *совмещение онлайн и офлайн социальной среды*. Она осуществляется через формирование социальных связей студента, получающего иноязычное формирование, на основе двух практик: использование приложений для общения и социальных сетей и через живое общение на изучаемом языке. Стратегия предполагает опору на интернет-приложения для решения проблем с адаптацией на первом этапе и последующее совмещение общения в соцсетях с живым общением. Как считают китайские специалисты, социальные сети помогут студенту из-за рубежа сформировать нужные ему социальные связи. С их помощью он может в любое время общаться с преподавателями и другими студентами, обращаться за помощью и консультациями по различным вопросам, присоединяться к онлайн-сообществам по интересам и с практическими целями. Социальные сети и интернет-приложения позволят ему принимать участие в тематических дискуссиях, участвовать в конкурсах, получать своевременную информацию и поддержку, знакомиться с особенностями социально-экономической и социально-политической системы Китая. Кроме того, это значимый инструмент для преодоления языкового барьера: степень использования китайского языка в приложениях выбирает сам студент, который может постепенно отказаться от использования онлайн-переводчика и перейти на полноценное общение на китайском языке. Наиболее значимой стратегией использования социальных сетей и приложения для адаптации представляется для студентов, приезжающих в Китай на краткосрочные программы. Китайские специалисты отмечают, что современная молодежь все меньше интересуется современными СМИ, такими как телевидение и газеты, они стремятся получать информацию о внешней среде из интернета [12]. Кроме того, некоторые исследования выявляют гораздо более низкие показатели адаптации иностранных студентов в Китае у возрастной группы до 21 года, чем у групп более старшего возраста (21–30 и старше 30) [28], что может свидетельствовать о двух значимых факторах: еще не пройденном этапе вторичной социализации и привычке полагаться на онлайн-общение гораздо чаще, чем у других возрастных групп. Именно по этой причине вузами рекомендуется уделять внимание созданию специальных программ обучения по использованию социальных сетей для тех, кто только прибыл в Китай или находится на краткосрочном обучении: это поможет студентам получить поддержку, установить социальные контакты для живого общения, справиться с кросс-культурным давлением и адаптироваться к новой среде.

Важной стратегией транскультурной адаптации становится и *стратегия «кампус/город»*, т.е. параллельное вовлечение студентов в культуру кампуса и в

культуру городского сообщества. Дихотомичность данной стратегии не связана напрямую с онлайн/офлайн коммуникацией, как в первых двух, однако она имеет в своей основе сходное противопоставление: необходимость транслингвальной коммуникации в искусственном и естественном пространстве. Действительно, внутренняя культура университетского кампуса подобна социальным сетям и приложениям, поскольку искусственно создается под конкретный тип взаимодействия. В кампусе студент имеет возможность общаться с людьми, у которых общие с ним цели, задачи, ценности и жизненные ориентиры, он коммуницирует, как правило, на общенациональном языке путунхуа. За пределами кампуса, в городском сообществе, студент попадает в смешанную среду с диверсифицированными ценностями и жизненными целями, а общение может проходить как на путунхуа, так и на местном диалекте, а также их смешанных формах, он приобщается к региональной культуре [5]. Таким образом, студенту предстоит на первом этапе больше адаптироваться к искусственному пространству (культуре кампуса), на втором – подключиться к процессу адаптации к пространству естественному (культуре городского сообщества). В первом случае кроме стандартных занятий в международных группах у студента из-за рубежа должна быть возможность работать на занятиях с китайскими студентами, участвовать в дискуссиях, выполнять групповые задания. Кроме того, иностранные студенты должны привлекаться к участию в международных мероприятиях, работе культурных и научных обществ, выставках, спортивных и культурных мероприятиях, в том числе в качестве активных участников и организаторов. В качестве одной из работающих моделей социального управления транскультурной адаптацией в вузе китайские специалисты рекомендуют модель 1 + N, в которой к каждому иностранному студенту (1) прикрепляется некоторое количество китайских студентов (один и более, N) [12]. Они создают устойчивую группу, вместе участвуют в мероприятиях, китайские студенты помогают иностранцу адаптироваться в кампусе, а затем и за его пределами. На следующем этапе культура кампуса для студента из-за рубежа должна быть расширена до культуры городского сообщества. Этому, в том числе, способствуют различные формы практики: посещение начальных и средних школ, волонтерство в местных социальных службах, помощь фермерам, проведение исследовательской работы на предприятиях и т.п.

Наконец, еще одной стратегией, совмещающей искусственную и естественную среды, является *совмещение «облачного» и реального туризма*. При этом интеграция студента-иностранца в китайскую культурную среду проходит при помощи двух инструментов, снова искусственного и естественного характера: на основе «облачного туризма» и VR-технологий, с одной стороны, и с использованием реальных учебных поездок, с другой. Идея учебных поездок сама по себе не нова и практикуется как средство адаптации во всем мире. Однако китайские специалисты предлагают совместить ее с современными технологиями. Вузы Китая активно сотрудничают с туристическими агентствами для разработки учебных туров, в том числе смешанного

характера, для китайских и иностранных студентов. Такие поездки расширяют кругозор обучающихся, прививают им чувство сопричастности к китайской культуре и цивилизации, знакомству с повседневными практиками китайцев в различных регионах, тем самым способствуя транскультурной адаптации. Одновременно с этим многие вузы ставят перед собой задачу развития «облачного туризма» для тех студентов из-за рубежа, которые по объективным причинам не могут участвовать в учебных поездках. Толчок развитию этой индустрии, в том числе, придала пандемия COVID-19 [12]. Несмотря на очевидные недостатки «облачного туризма» перед обычным, он, тем не менее, позволяет, не покидая своего места, ознакомиться с наиболее значимыми достопримечательностями Китая, пообщаться на прямой связи с другими «путешественниками» и стимулирует обучающихся приобщиться к реальным учебным поездкам в будущем, повышает их мотивацию в изучении китайского языка и китайской культуры, что способствует преодолению проблем академической адаптации [11] и в конечном счете способствует транскультурной адаптации.

Постепенное внедрение данных стратегий ведется во многих вузах Китая, которые ставят своей целью развивать систему образования для иностранных студентов. Из включенного и невключенного наблюдения, проведенного в различных вузах Китая в период с марта 2024 г. по март 2025 г. можно указать на следующие примеры применения данных стратегий. Так, пока еще наименее востребованной продолжает оставаться стратегия «облачного туризма», получившая популярность во время пандемии, но при этом имеющая трудности повсеместного внедрения в связи с необходимостью повышения уровня технического оснащения, что доступно только ведущим университетам. Однако туристические поездки «вживую», как и прежде, востребованы во всех университетах. Стратегия совмещения опосредованного и непосредственного преодоления языкового барьера, как наиболее активно используемая, отмечается, в частности, в Восточно-Китайском педагогическом университете (г. Шанхай), Северо-Восточном педагогическом университете (г. Чанчунь) и Шэньянском технологическом университете (г. Шэньян), при этом в данных вузах наблюдается комплексный подход в реализации всех четырех стратегий. Упор на стратегию совмещения онлайн и офлайн социальной среды удалось зафиксировать в Цицикарском университете (г. Цицикар) и Тяньцзиньском педагогическом университете (г. Тяньцзинь), на стратегию «кампус/город» – в Пекинском технологическом университете (г. Пекин) и Аньшаньском педагогическом университете (г. Аньшань).

При этом большинством вузов декларируется необходимость комплексного подхода в адаптации и стремление к созданию условий для реализации всех указанных подходов.

Заключение

Анализ современных проблем в сфере транскультурной адаптации студентов из-за рубежа, получающих иноязычное образование в Китае, проявил необходимость их изучения на основе китайской модели

социального управления, в связи с тем, что процесс такой адаптации студентов рассматривается китайскими участниками этого процесса как управляемый, целенаправленный и крайне необходимый для создания гармоничной среды сосуществования китайцев и иностранцев. В ходе исследования были установлены и регион-специфичные черты китайской модели китайского социального управления, непосредственно влияющие на транскультурную адаптацию. Любопытно, что разные формы «триадности» сегодня концептуализируются как имманентное свойство этно-ориентированного иноязычного образования [29].

Охарактеризуем эти регион-специфичные черты. Первая – наличие в континентальном Китае смешанного типа управления – вертикального взаимодействия, при которой к решению социальных проблем привлекаются как административные методы, так и все формы низового социального участия, что накладывает ответственность за адаптацию на всех низовых участников процесса, т.е. не только на самого студента, но и на вузы, кампус, городское сообщество и т.п. Во всех формах социального участия «снизу» ведущую роль играет личная и коллективная инициатива [30].

Вторая специфичная черта – высокая степень включенности в социальные процессы цифровых технологий, позволяющих конструировать искусственные среды для адаптации. Модели межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации сегодня конструируются в образовательных системах многих стран [31], однако в Китае этот процесс идет особенно интенсивно.

Третья черта – поиск стратегий социального взаимодействия, совмещающих два разновекторных процесса, которыми характеризуется современное китайское общество: традиционализацию и модернизацию. Отметим, что в мировой лингводидактической науке вопрос интеграции традиции и инновации рассматривается одним из ключевых в иноязычном образовании [32].

На основе указанных положений авторами данной статьи был проведен дихотомический анализ наиболее

значимых стратегий транскультурной адаптации иностранных студентов в Китае. Он позволил выявить четыре стратегии, совмещающие в себе два вектора: совмещение искусственной и естественной сред для повышения эффективности адаптации. Данные стратегии можно сформулировать следующим образом: стратегия совмещения опосредованного и непосредственного преодоления языкового барьера (заключается в решении проблем изучения языка на основе последовательного внедрения в процесс адаптации автоматизированных средств перевода и реальной языковой практики); стратегия совмещения онлайн и офлайн социальной среды (предполагает помощь во вторичной социализации через онлайн общение и живое общение на китайском языке); стратегия «кампус/город» (ставит целью погружение студента как в искусственную среду кампуса, так и в естественную среду городского сообщества); стратегия совмещения «облачного» и реального туризма (одновременное использование виртуальных технологий и учебных поездок для повышения включенности студента в китайскую культурную и языковую среду). Предполагается, что данные стратегии показывают эффективность только при их комплексном и последовательном применении.

Таким образом, в современных условиях процесс транскультурной адаптации рассматривается как соединение искусственной и естественной сред, в котором на первом этапе создаются искусственные условия для адаптации, в том числе с применением информационных технологий, на втором предполагается управляемый выход студента в естественную среду. Результатом такой адаптации предполагается интеграция студента из-за рубежа в местное сообщество настолько, насколько это необходимо для преодоления возможной социальной изоляции и его комфортного сосуществования с сообществом, что в конечном счете рассматривается как фактор безопасного и гармоничного социального взаимодействия, которому система иноязычного образования может и должна способствовать в полной мере.

Список источников

- Капица С.И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 204–209.
- Шамне Н.Л. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник ВолГУ. 2003. № 3. С. 73–80.
- Калашникова И.В., Филиппова К.В. Социальное управление, социальный менеджмент: понятия и трактовки // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 1 (56). С. 65–70.
- Савченко И.А., Кремнёв Е.В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 113–125. doi: 10.17223/1998863X/74/11
- Fan X. Exploring the application of regional culture in international Chinese language education – Taking the regional culture of Xinxiang as an example : Master's thesis (Chinese language international education). Tangshan : North China University of Science and Technology, 2023. 52 p. (На китайском)
- Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Веселова Л.С. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 124–134.
- Du X., Wang A. The relationship between adult attachment and international students' university adaptation: the mediating role of interpersonal relationships // Chinese Journal of Health Psychology. 2024. P. 1–6. (На китайском)
- General Office of the Central Committee of the Communist Party of China, General Office of the State Council. Several Opinions on Doing a Good Job of Opening Up Education to the World in the New Period. 29.04.2016. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm (дата обращения: 17.01.2025). (На китайском)
- Sheng J. Research on transcultural adaptation of international students from the countries along the “Belt and Road” // Education and Teaching Forum. 2021. Vol. 13. P. 179–184. (На китайском)
- 2018 Statistics on Study in China // Ministry of Education of the People's Republic of China. 12.04.2019. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html. 2019-04-12 (дата обращения: 17.01.2025). (На китайском)
- Xu K., Luo Y. Research on cross-cultural adaptation problems and solving methods for international students coming to China // International Public Relations. 2024. Vol. 17. P. 141–144. (На китайском)

12. Zhang Y., Li H. Analysis of Strategies for Improving Transcultural Adaptation of International Students in Higher Education // *Border Economy and Culture*. 2024. Vol. 1 (241). P. 115–119. (На китайском)
13. Пасовец Ю.М. Дихотомия и двухчленная политомия в современной социологии // *Социологические исследования*. 2023. № 5. С. 47–58.
14. Безрукова В.С. Дихотомический подход к развитию педагогического знания // *Педагогика*. 2010. № 8. С. 19–29.
15. Савченко И.А. Дихотомия социокультурных практик и полипарадигмальность социальной науки // *Власть*. 2018. Т. 26, № 1. С. 146–149.
16. Сухарев А.И. Регионология и современная региональная политика в Российской Федерации // *Регионология*. 1992. № 1. С. 4–9.
17. Yamamoto H. Toward a new area studies // *Methodology of Area Studies*. 2012. Vol. 12 (2). P. 6–15.
18. Yamamoto H. Area studies methodology: "Local Knowledge" in response to the unexpected // *Area Studies*. 2012. Vol. 12 (2). P. 18–27.
19. Stiffler B., Watson V., Acselelad H. Global commonality and regional specificity // *Dialogues in Urban and Regional Planning*. London : Routledge, 2006. 384 p.
20. Малавин В.В. Экономика жизни. Менеджмент и стратегии бизнеса в Китае. М. : Феория, 2013. 400 с.
21. Барановский А.И., Ключков В.П., Кочемайкина Л.А., Зайцев А.В. Дихотомический подход к анализу сущности непрерывного образования // *Инновационное образование и экономика*. 2013. № 13. С. 27–35.
22. Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 488. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
23. Рагозина А.В., Обдалова О.А. Плурилингвальное обучение второму иностранному языку студентов из Юго-Восточной Азии // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 465. С. 164–171. doi: 10.17223/15617793/465/22
24. Liyuan L., Obdalova O.A. Analysis and research of methods of EFL-teaching in the context of intercultural communication in China // *Язык и культура : Сборник статей XXXIV Международной научной конференции*. Томск, 2024. С. 231–234.
25. Кузнецова О.В., Дерюгин П.П., Кремнёв Е.В. Социальная адаптация китайских студентов в России как управленческая проблема // *Научный результат. Социология и управление*. 2024. Т. 10, № 3. С. 150–167.
26. Ma J. Exploration of the development of education of international students in developed countries of Europe and America // *Comparative Educational Research*. 2016. Vol. 7. P. 58–63. (На китайском)
27. Ma J. A study of the experience of international students from the countries along the "Belt and Road" in China // *Comparative Educational Studies*. 2018. Vol. 4. P. 19–28. (На китайском)
28. Guo W., Tao M., Liu L. A study on the current situation of cross-cultural psychological adaptation and problems' solution for international students coming to China // *Psychology Monthly*. 2024. Vol. 20. P. 50–52. (На китайском)
29. Ragozina A.V., Obdalova O.A. Comparative analysis of the main characteristics of 'the language triad' in ethno-oriented teaching // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 72-2. С. 230–234.
30. Мадалак Т.В., Обдалова О.А. Понятие инициативности в устной иноязычной коммуникации и условия её развития // *Язык и культура : Сборник статей XXXIII Международной научной конференции*. Томск, 2024. С. 145–150.
31. Соболева А.В., Обдалова О.А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 497. С. 193–202. doi: 10.17223/15617793/497/20
32. Обдалова О.А., Соболева А.В., Минакова Л.Ю. Модернизация иноязычного образования в эпоху социальных вызовов и технологических трансформаций: кейс-исследование трансформации образовательной программы магистратуры // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 2 (62). С. 102–124.

References

1. Kapitsa, S.I. (2009) Ponyatie sotsial'noy adaptatsii v sotsiologii [The concept of social adaptation in sociology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 204–209.
2. Shamne, N.L. (2003) Mezskul'turnaya i transkul'turnaya kommunikatsiya: k opredeleniyu ponyatiy [Intercultural and transcultural communication: towards the definition of concepts]. *Vestnik VolGU*. 3. pp. 73–80.
3. Kalashnikova, I.V. & Filippova, K.V. (2020) Sotsial'noe upravlenie, sotsial'nyy menedzhment: ponyatiya i traktovki [Social management, social governance: concepts and interpretations]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (56). pp. 65–70.
4. Savchenko, I.A. & Kremnev, E.V. (2023) Discursive trichotomy in urban studies: Models of social management in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 113–125. (In Russian). doi: 10.17223/1998863Kh/74/11
5. Fan, X. (2023) *Exploring the application of regional culture in international Chinese language education – Taking the regional culture of Xinxiang as an example*. Master's thesis. Tangshan. (In Chinese).
6. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A. & Veselova, L.S. (2018) Vektory stanovleniya kitayskoy sotsiologii: pragmaticheskaya napravlennost', sokhraneniye traditsii [Vectors of the formation of Chinese sociology: pragmatic focus, preservation of tradition]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7 (411). pp. 124–134.
7. Du, X. & Wang, A. (2024) The relationship between adult attachment and international students' university adaptation: the mediating role of interpersonal relationships. *Chinese Journal of Health Psychology*. pp. 1–6. (In Chinese).
8. General Office of the Central Committee of the Communist Party of China, General Office of the State Council. (2016) *Several Opinions on Doing a Good Job of Opening Up Education to the World in the New Period*. 29.04.2016. [Online] Available from: https://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm. (Accessed: 17.01.2025). (In Chinese).
9. Sheng, J. (2021) Research on transcultural adaptation of international students from the countries along the "Belt and Road". *Education and Teaching Forum*. 13. pp. 179–184. (In Chinese).
10. Ministry of Education of the People's Republic of China. (2019) *2018 Statistics on Study in China*. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html. 2019-04-12. (Accessed: 17.01.2025). (In Chinese).
11. Xu, K. & Luo, Y. (2024) Research on cross-cultural adaptation problems and solving methods for international students coming to China. *International Public Relations*. 17. pp. 141–144. (In Chinese).
12. Zhang, Y. & Li, H. (2024) Analysis of strategies for improving transcultural adaptation of international students in higher education. *Border Economy and Culture*. 1 (241). pp. 115–119. (In Chinese).
13. Pasovets, Yu.M. (2023) Dikhotomiya i dvukhchennaya politomiya v sovremennoy sotsiologii [Dichotomy and two-part polytomy in modern sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5. pp. 47–58.
14. Bezrukova, V.S. (2010) Dikhotomicheskiy podkhod k razvitiyu pedagogicheskogo znaniya [Dichotomous approach to the development of pedagogical knowledge]. *Pedagogika*. 8. pp. 19–29.
15. Savchenko, I.A. (2018) Dikhotomiya sotsiokul'turnykh praktik i poliparadigmal'nost' sotsial'noy nauki [Dichotomy of sociocultural practices and the polyparadigmatic nature of social science]. *Vlast'*. 1 (26). pp. 146–149.
16. Sukharev, A.I. (1992) Regionologiya i sovremennaya regional'naya politika v Rossiyskoy Federatsii [Regionology and modern regional policy in the Russian Federation]. *Regionologiya*. 1. pp. 4–9.
17. Yamamoto, H. (2012) Toward a new Area Studies. *Methodology of Area Studies*. 12 (2). pp. 6–15.
18. Yamamoto, H. (2012) Area studies methodology: "Local Knowledge" in response to the unexpected. *Area Studies*. 12 (2). pp. 18–27.

19. Stiftel, B., Watson, V. & Acselrad, H. (2006) Global commonality and regional specificity. In: *Dialogues in Urban and Regional Planning*. London: Routledge.
20. Malyavin, V.V. (2013) *Ekonomika zhizni. Menedzhment i strategii biznesa v Kitae* [Life Economy. Management and Business Strategies in China]. Moscow: Feoriya.
21. Baranovskiy, A.I. et al. (2013) Dikhotomicheskiy podkhod k analizu sushchnosti nepreryvnogo obrazovaniya [A dichotomous approach to the analysis of the essence of continuous education]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika*. 13. pp. 27–35.
22. Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/1
23. Ragozina, A.V. & Obdalova, O.A. (2021) Plurilingual teaching of a second foreign language for students from Southeast Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 465. pp. 164–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/465/22
24. Liyuan, L. & Obdalova, O.A. (2024) [Analysis and research of methods of EFL-teaching in the context of intercultural communication in China]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the 34th International Conference. Tomsk. 15–17 October 2024. Tomsk: Tomsk State University. pp. 231–234.
25. Kuznetsova, O.V., Deryugin, P.P. & Kremnev, E.V. (2024) Sotsial'naya adaptatsiya kitayskikh studentov v Rossii kak upravlencheskaya problema [Social adaptation of Chinese students in Russia as a management problem]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 3 (10). pp. 150–167.
26. Ma, J. (2016) Exploration of the development of education of international students in developed countries of Europe and America. *Comparative Educational Research*. 7. pp. 58–63. (In Chinese).
27. Ma, J. (2018) A study of the experience of international students from the countries along the "Belt and Road" in China. *Comparative Educational Studies*. 4. pp. 19–28. (In Chinese).
28. Guo, W., Tao, M. & Liu, L. (2024) A study on the current situation of cross-cultural psychological adaptation and problems' solution for international students coming to China. *Psychology Monthly*. 20. pp. 50–52. (In Chinese).
29. Ragozina, A.V. & Obdalova, O.A. (2021) Comparative analysis of the main characteristics of 'the language triad' in ethno-oriented teaching. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 72-2. pp. 230–234.
30. Matsalak, T.V. & Obdalova, O.A. (2024) [The concept of initiative in oral foreign language communication and the conditions for its development]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the 34th International Conference. Tomsk. 15–17 October 2024. Tomsk: Tomsk State University. pp. 145–150. (In Russian).
31. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2023) A model of intercultural speech interaction in digital environment in teaching foreign language communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 193–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/20
32. Obdalova, O.A., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Yu. (2023) Modernizatsiya inoyazychnogo obrazovaniya v epokhu sotsial'nykh vyzovov i tekhnologicheskikh transformatsiy: keys-issledovanie transformatsii obrazovatel'noy programmy magistratury [Modernization of foreign language education in the era of social challenges and technological transformations: a case study of the transformation of the master's degree educational program]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (62). pp. 102–124.

Информация об авторах:

Савченко И.А. – д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Кремнёв Е.В. – канд. социол. наук, доцент-исследователь Высшей школы лингвистики Образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: kremnyov2005@yandex.ru

Кузнецова О.В. – канд. филол. наук, декан факультета иностранных языков, зав. кафедрой регионоведения АТР Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kuznetsova1@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), leading research fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: teosmaco@rambler.ru

E.V. Kremnev, Cand. Sci. (Sociology), associate professor-researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: kremnyov2005@mail.ru

O.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Foreign Languages, head of the Department of Regional Studies of the Asia-Pacific Region, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); associate research fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kuznetsova1@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025;
одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 05.04.2025;
approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 29.08.2025.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.829
doi: 10.17223/15617793/517/26

Пробация в Германии

Алла Липаритовна Агабекян¹, Валерия Вадимовна Тихонова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ AllaAgabekyan@yandex.ru

² valeriya.vetlova@mail.ru

Аннотация. Анализируются нормативные правовые акты Германии, в которых содержатся нормы о применении probation. Исследуется статистика применения probationных мер, а также анализируется уровень рецидивной преступности «клиентов» probation. Анализируются полномочия органов probation, а также требования, предъявляемые к сотруднику probation. Приводится сопоставление германского типа probation с отечественным, а также характеризуются досудебная, исполнительная и постисполнительная виды probation в Германии.

Ключевые слова: probation, исполнительная probation, служба probation Германии, европейские стандарты, клиент probation

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

Для цитирования: Агабекян А.Л., Тихонова В.В. Пробация в Германии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 233–240. doi: 10.17223/15617793/517/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/26

Probation in Germany

Alla L. Agabekyan¹, Valeriia V. Tikhonova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ AllaAgabekyan@yandex.ru

² valeriya.vetlova@mail.ru

Abstract. The article examines the history and current state of the probation system in Germany. The study shows that probation measures were first enshrined in law in the 19th century, with the adoption of the German Criminal Code of 1872 (Strafgesetzbuch), and the development of the probation institution is associated with a gradual increase in attention to alternative punishment measures, also enshrined in international standards. An analysis of the legal framework reveals the key regulations governing probation issues: the Youth Courts Act of 1953 (Jugendgerichtsgesetz), the German Criminal Code of 1872 (Strafgesetzbuch), the Prison Act of 1976 (Strafvollzugsgesetz) and the German Code of Criminal Procedure (Strafprozeßordnung). Together, they form a comprehensive system for the application of probation to both minors and adult convicts. Particular attention is paid to the structure of the probation service in Germany – decentralized, consisting of more than 30 organizations operating within individual federal states. The absence of a centralized government agency is compensated for by uniform standards developed at the federal level and close interaction with the judicial system. The article contains an analysis of the requirements for probation service personnel, including the necessary qualifications, professional skills and personal qualities of employees. European standards for training and working with personnel are also presented, emphasizing the importance of a high level of qualification, non-discrimination and career opportunities. Based on statistical data, the indicators of the use of probation in Germany are considered, including the rate of parole, the ratio of men and women among probation "clients", the number of foreign citizens and minors included in the existing statistics. A comparison with Russian data allows us to identify differences in approaches to the appointment of probation measures. The key criterion for the effectiveness of the probation system is the level of recidivism, which in Germany shows a steady downward trend due to the use of probation measures. In conclusion, it is concluded that the probation system in Germany is based on historical traditions, complies with modern European standards and differs from a similar system in Russia in the legal nature, structure and content of probation activities.

Keywords: probation, executive probation, probation service of Germany, european standards, probation client

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project. No 24-78-10043, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10043/>

For citation: Agabekyan, A.L. & Tikhonova, V.V. (2025) Probation in Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 233–240. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/26

Активное применение пробационных мер ученые связывают, как правило, с тенденцией расширения назначения и исполнения альтернативных лишению свободы наказаний, нашедшей свое закрепление в международных стандартах конца XX в. [1]. Однако история возникновения probation в Германии началась задолго до этого, а именно в XIX в. Одним из первых нормативных правовых актов в этой области был Закон об уголовных наказаниях 1872 г. (Strafgesetzbuch) [2], в котором предусматривалось использование probation в отношении совершеннолетних правонарушителей. В период существования Веймарской республики первым был принят Закон о ювенальных судах (Jugendgerichtsgesetz) 16 февраля 1923 г. [3], который впервые дифференцировал совершеннолетних и несовершеннолетних правонарушителей, установив минимальный возраст уголовной ответственности, посредством определения понятия «подростки» (Jugendlichen). К таковым относились лица, совершившие преступления в возрасте от 14 до 18 лет. Закон также устанавливал возможность неприменения к несовершеннолетнему наказания, если на момент совершения деяния он был неспособен в силу своего умственного и нравственного развития осознавать противоправность совершаемых действий. Именно тогда была узаконена возможность для правонарушителя избежать реального наказания взамен на применение к нему мер воспитательного воздействия.

После Второй мировой войны при падении Великогерманского рейха и деления страны на Германскую Демократическую Республику и Федеративную Республику Германию законодательство в каждой из республик, в том числе и уголовно-исполнительное, стало отличаться. Так, 1 июня 1952 г. в силу вступил Закон об ювенальных судах ГДР, а 4 августа 1953 г. Закон об ювенальных судах ФРГ [4]. Оба закона все также говорили о морально-нравственном воздействии на несовершеннолетних правонарушителей. Примечательно только, что в ФРГ появилось особое понятие «подростающего поколения» (Heranwachsender) в возрасте от 18 до 21 года, к которым могли также применяться ювенальные нормы в случае установления ментальной незрелости лица в момент совершения преступления. Позже этот возрастной порог был снижен до 18 лет в 1975 г.

Однако уже в конце XX века произошло слияние правовых систем в связи подписанием 31 августа 1990 г. Договора об объединении Германии (Einigungsvertrag) [5], на основе которого сформировалась единая Федеративная Республика Германия. Правовой базой функционирования нового государства стало преимущественно законодательство бывшего ФРГ. Одним из нормативных правовых актов, регулирующих вопросы probation, стал Закон об ювенальных судах 1953 г. (Jugendgerichtsgesetz) (главы 5, 6, подглавы 4, 5, раздел 5).

Указанный нормативный правовой акт устанавливал требования, необходимые для назначения несовершеннолетнему probation (§ 27), период испытательного срока, назначаемого несовершеннолетнему (§ 28), вопросы надзора сотрудника службы probation

за несовершеннолетним (§ 29), возможности изменения приговора и назначения несовершеннолетнему реального наказания в случае неподобающего поведения в период действия испытательного срока (§ 30), а также определял круг полномочий суда и службы probation при исполнении наказания в виде условного осуждения (§ 23–26a) [4]. По смыслу этого закона под probation понимается не режим отбывания альтернативных наказаний, не меры по оказанию помощи осужденному, а своеобразный порядок отбывания условного осуждения с испытательным сроком. Кроме того, применение probation допускалось в отношении совершеннолетнего, который был условно-досрочно освобожден из мест лишения свободы с испытательным сроком. В законе описывались критерии, которым должен был соответствовать потенциальный кандидат на освобождение, главный среди них – готовность вести законопослушный образ жизни.

В настоящее время положения, касающиеся probation, содержатся в современной редакции Закона об уголовных наказаниях 1872 г. [2] в 3 главе 4 части (сначала идет глава «Abschnitt», потом часть «Teil»), это § 56–58, но не всегда указанный диапазон затрагивал исключительно вопросы probation. В 1975 г. была проведена реформа уголовного законодательства, в результате которой появилась новая часть закона, посвященная probation и условно-досрочному освобождению (Strafaußsetzung zur Bewährung). Именно этой частью закона в последней редакции 2024 г. руководствуются правоприменители в настоящее время.

Указанный закон регулирует вопросы назначения лишения свободы условно с установлением испытательного периода (§ 56), длительность испытательного срока (§ 56a), перечисляет круг обязанностей, возлагаемых на осужденного, на период действия испытательного срока (§ 56b), указывает перечень указаний, возможных к даче осужденному судом (§ 56c), делает ссылку на работу инспектора probation (§ 56d), вопросы отмены условного осуждения и назначения реального наказания (§ 56f), освобождения от наказания (§ 56g), а также вопросы условно-досрочного освобождения лица в период отбывания наказания в виде лишения свободы как на определенный срок (§ 57), так и пожизненно (§§ 57a, 57b) и наконец вопросы назначения условного наказания в случае совершения лицом нескольких преступных деяний (§ 58).

Вышеупомянутые законы об ювенальных судах и уголовных наказаниях касаются применения к лицу карательных санкций без изоляции от общества. Однако в Германии существует еще один законодательный акт, регулирующий вопросы ресоциализации лица на момент отбывания им наказания в местах лишения свободы. Это Закон об исполнении наказаний в виде лишения свободы и об обеспечении содержания под стражей 1976 г. (Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung) [6], сокращенно Закон об исполнении наказаний (Strafvollzugsgesetz).

Настоящий закон был принят вскоре после масштабной реформы уголовного права уже 16 марта

1976 г., т.е. практически сразу после появления в Законе об уголовных наказаниях раздела, посвященного пробационным мероприятиям, осуществляемым вне изоляции лица. Он содержит в себе положения, касающиеся вопросов исполнительской пробации, осуществляемой в период отбывания наказания в местах лишения свободы¹, и небольшую часть постисполнительской пробации, осуществляемой при условно-досрочном освобождении лица (§ 43). Также в Законе об исполнении наказаний сказано, что с выходом на свободу лицо получает денежное пособие на первые 4 недели после освобождения для восстановления связи с внешним миром. Это пособие начальник исправительного учреждения может передать сотруднику пробации, и деньги будут зачислены на счет организации пробации, где сотрудник уже решит, как, в каком объеме и в какое время в течение этих 4 недель выплатить их освобожденному (§ 51). Еще в Законе об исполнении наказаний есть § 104, посвященный дисциплинарным взысканиям, применяемым к заключенным на период отбывания наказания, с назначением внутри исправительного учреждения испытательного периода, возможно, это также можно считать отголоском пробации. Часть 3 посвящена внутренней структуре исправительных учреждений, § 154 гласит, что все организации, задействованные в пенитенциарной системе, должны тесно сотрудничать друг с другом во имя общей цели, упоминается и служба пробации.

Также положения о назначении пробации можно встретить в Уголовно-процессуальном законе (Strafprozeßordnung) [7], содержащем все те же положения, касающиеся назначения лицу наказания в виде лишения свободы условно и возможности изменения решения в дальнейшем при несоблюдении им предписанных пробационных мероприятий и/или совершения преступления на период реализации пробации (§ 268a, §§ 453–454a).

Таким образом, в современной Германии правовую основу применения пробации составляют Закон об ювенальных судах 1953 г. (Jugendgerichtsgesetz), Уголовный кодекс 1971 г. (Закон об уголовных наказаниях), Закон об исполнении наказаний 1976 г. (Strafvollzugsgesetz), Уголовно-процессуальный закон (Strafprozeßordnung). Примечательно, что, несмотря на длительную историю применения пробационных мер, в стране не принят самостоятельный закон о пробации или о службе пробации, как это сделано, например, в России в 2023 г. Хотя в других странах германского типа, например в Австрии, такой закон принят [8. С. 84].

Обратимся к статистике применения пробации в Германии. В соответствии с ежегодными отчетами ученых Лозаннского университета за последние 10 лет, Германия не предоставляет данные о численности «клиентов» пробации ввиду того, что на федеральном уровне не ведет статистический учет [9, 10], что усложняет процесс проведения исследований и установления эффективности применения пробации. Однако страны германского типа, как правило, характеризуются относительно высоким уровнем «пробационного населения» [8. С. 84] при низком уровне «тюремного населения», то есть численность «клиентов» пробации

варьируется в пределах от 100 до 200 человек на 100 000 населения. Отметим, что к «пробационному населению» относятся не только те, в отношении которых применялась пробация, но и те осужденные, которым были назначены наказания без изоляции от общества.

Однако официальная ежегодная статистика пробации все же велась в Германии до 2011 г. Теперь статистика считается 1 раз в 4 года, в течение которых лица, попавшие под пробацию, проходили испытательный срок. Последний статистический отчет был подготовлен исследовательской группой Геттингенского университета имени Георга Августа и Общества Макса Планка и опубликован весной 2024 г. (Göttinger Studien zu den Kriminalwissenschaften)². Он содержит сведения о лицах, проходивших пробацию в 2016–2019 гг. [11].

По состоянию на 2016 г. к краткосрочному лишению свободы на срок до 2 лет в ФРГ были приговорены 98 057 человек, 73 833 из них были освобождены условно-досрочно, что составляет 75% от общей численности. При этом наказания к лишению свободы на срок свыше 1 года в принципе назначаются довольно редко (в 71% случаев). И из этой группы освобожденных в среднем 44% были помещены под надзор служб пробации. Среди этой группы преобладали мужчины – 27 532 человека (86%) по отношению к женщинам – 4 620 (14%).

Для сравнения с российскими показателями обратимся к исследованию, проведенному по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043. При анкетировании 1 823 осужденных и освобожденных на территории 25 субъектов России, в отношении которых реализовывалась исполнительная пробация, было выявлено, что среди них 67% составляют мужчины, 33% – женщины. Несмотря на то, что критерии отнесения к числу «клиентов» пробации в России и Германии отличаются, к тому же исследование проведено в отношении только тех лиц, к которым применяется лишь исполнительная пробация, все же отметим, что в России наблюдается значительное по сравнению с Германией число женщин-«клиентов» пробации.

Изучив личные дела 193 российских «клиентов» исполнительной пробации, установлено, что среди них нет ни одного иностранного гражданина. При этом иностранцы обращались с заявлением о проведении пробационных мер, однако в отношении таких лиц было вынесено решение об отсутствии целесообразности применения пробации. Число освобожденных германцев было в 4 раза больше иностранных граждан.

Анкетирование 1 823 «клиентов» исполнительной пробации в России показало, что численность несовершеннолетних лиц, в отношении которых применялась пробация, составила всего 0,6% (11 человек). Из общих представленных данных в Германии несовершеннолетних правонарушителей было 8 775 человек, которые также приговорены к лишению свободы на срок до 2 лет, из них 5 979 (68%) были освобождены условно-досрочно. Из них также преобладали лица мужского пола (91%) и граждане Германии (72%). В дополнение к случаям условно-досрочного освобождения сюда же включаются лица, которым наказание в виде лишения свободы было назначено условно с испытательным

сроком. Условные приговоры, вынесенные после отсрочки тюремного заключения или оставшегося срока наказания, составляют 81% всех приговоров. 61% таких совершеннолетних осужденных находились под надзором сотрудников службы пробации и 19% несовершеннолетних.

Однако важнейшим критерием эффективности пробации является снижение рецидивной преступности. Подсчеты уровня рецидива в Германии также проводятся исследователями Геттингенского университета имени Георга Августа каждые 3 года, однако последние данные на их официальном сайте можно найти лишь за 2013 г. [12] под названием «База данных исследований рецидива в Германии» (Forschungsdatenbank Rückfall in Deutschland (FoRD)). Так, уровень рецидивной преступности среди осужденных к лишению свободы совершеннолетних и несовершеннолетних правонарушителей постепенно снижается, это можно отследить в диапазоне 2004–2013 гг. Ежегодное привлечение осужденных к пробации в количестве в среднем от 62 500 до 80 000 человек от общего числа привело к снижению уровня рецидива на 21,3%. Тенденция сокращения уровня рецидивной преступности «клиентов» пробации наблюдается также в России.

Еще одним важным аспектом исследования является анализ деятельности пробационных органов. В большинстве европейских государств органы пробации являются государственными, и при этом не исключается использование возможностей частных служб пробации. Международными стандартами, как правило, не устанавливается требование о том, чтобы профессиональные сотрудники становились государственными гражданскими служащими, ведь не во всех странах это уместно, например, в Германии.

Служба пробации Германии (Bewährungshilfedienst) [13] является частью уголовно-исполнительной системы страны. Однако, учитывая, что Германия является федеративным государством, структура службы пробации может немного отличаться в зависимости от федеральной земли, при этом в стране нет самостоятельной централизованной государственной службы на федеральном уровне. Ряд полномочий возложен на Федеральное министерство юстиции (Bundesministerium der Justiz), которое разрабатывает общие законодательные рамки для работы служб, которые содержатся в указанных выше нормативных правовых актах. Каждая из 16 земель устанавливает нормативные установки для функционирования служб пробации самостоятельно. При этом сами службы пробации существуют в количестве более 30 организаций на всей территории Германии, и некоторые из них осуществляют свою деятельность сразу в нескольких землях.

Сами по себе службы пробации представляют некоммерческие организации (Eingetragener Verein), преследующие цель – достижение общественно-полезного результата. Наличие у них статуса официально зарегистрированного юридического лица дает им право на налоговые льготы, предоставляемые некоммерческому предприятию. И хотя они не могут иметь своей основной целью извлечение выгоды, но они могут за-

ниматься экономической деятельностью в качестве дополнительной. Так, например, для полноценного существования служб пробации Баварии они добровольно объединены в большое сообщество сотрудников служб пробации Баварии (Arbeitsgemeinschaft Bewährungshilfe Bayern), участники которого вносят членские взносы по 10 евро.

Уже на уровне земель службы пробации могут подчиняться либо непосредственно судам, либо районным администрациям (Bezirksregierungen), либо Департаментам по делам молодежи (Jugendämtern), либо отдельно созданным учреждениям, также задействованным в ресоциализации осужденных. В целом иерархию служб пробации в рамках целого государства можно представить следующим образом: Федеральное министерство юстиции – Министерство юстиции федеральной земли – служба пробации, функционирующая в этой земле – сотрудники службы пробации. В случае принятия положительного решения по вопросу назначения осужденному пробации, служба, исполняющая эти мероприятия, определяется по географическому принципу и в соответствии со штатным составом, то есть реальной возможностью качественного осуществления пробации.

Для обеспечения высокого уровня оказания таких услуг европейскими стандартами утверждаются требования к персоналу, характеру их деятельности, особенностям взаимодействия с другими субъектами, а также правовой статус сотрудника. Общие принципы подбора, подготовки и обращения с сотрудниками пробации изложены в Рекомендации № R (97) 12 о персонале, исполняющем санкции и меры, а также в Европейских пенитенциарных правилах (Часть V), Правилах Совета Европы о пробации (правила 21, 30), Европейских правилах в отношении общинных санкций и мер 2017 г. (правила 77–84).

Рассмотрим некоторые положения Европейских правил в отношении общинных санкций и мер 2017 г. [14]. Персонал должен быть высококвалифицированным (п. 77), для этого должен быть организован качественный отбор сотрудников, а в последующем необходимо постоянно повышать их квалификацию (п. 83). При рекрутинге не допускается дискриминация по расовым, национальным и иным признакам (п. 80). При этом принцип недискриминации не должен препятствовать дифференцированному набору и отбору, чтобы эффективно решать проблемы конкретных категорий лиц.

Правила устанавливают, что перед поступлением на службу сотрудники должны пройти специальную и соответствующую первоначальную подготовку. После этого им должна быть предоставлена возможность улучшить свои знания и навыки посредством повышения квалификации. При обеих формах обучения необходимо особенно учитывать необходимость получения знаний, особенно полученных из социологии, социальной работы и криминологии, о различных практических аспектах работы, а также о профессиональных и этических требованиях. При дальнейшем обучении необходимо будет проводить практический экзамен и

оценку различных рабочих ситуаций в целях сохранения и развития профессиональной компетентности. Государства должны предоставить необходимые ресурсы для профессиональной подготовки, в частности, финансовые ресурсы. Для достижения наилучших результатов требуются не только способности персонала, орган тоже должен предоставлять организационные возможности, при которых эти способности могли бы быть использованы. Это включает в себя не только подготовку и надзор, но и достаточные ресурсы, а также возможности для развития карьеры (п. 83).

Наряду с этим, как уточняют комментарии к п. 78, должны существовать системы, позволяющие органам проводить мониторинг качества своей собственной деятельности и проверять ее соответствие требуемым профессиональным стандартам. Поскольку эффективность исполнения зависит в первую очередь от качества работы, проделанной персоналом, исполняющий орган должен использовать все полезные способы надзора за работой персонала и повышения качества их практической работы, в том числе применять поощрительные меры и обеспечить достойной заработной платой. Стабильность занятости и достойное вознаграждение имеют чрезвычайно важное значение в такой работе, где характер задачи является трудоемким и сложным, психологическое давление часто интенсивным, и в которой постоянно необходимо поддерживать частые, даже ежедневные, контакты с другими сотрудниками, работающими в пени-тенциарной системе.

В России сотрудник пробации выполняет свои профессиональные функции в составе территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний, являясь работником «в погонах». В Германии сотрудники службы пробации и условно-досрочного освобождения, работающие на постоянной основе, являются сотрудниками юстиции, при этом некоторые из них чиновники, а некоторые – обычные сотрудники «без погон» [15]. Организационно они закреплены за земельными судами. Надзор за исполнением их обязанностей возложен на соответствующего председателя земельного суда. За счет этого социально-активным гражданам также можно принимать участие в работе служб пробации на добровольных началах. Задача сотрудников службы пробации Германии заключается в оказании осужденным помощи и предотвращении совершения новых преступлений. Они также взаимодействуют с другими учреждениями и органами, которые участвуют в реинтеграции правонарушителей в общество. По согласованию с судом сотрудники службы пробации следят за выполнением требований и указаний, порученных осужденному судьей. Они сообщают о жизни осужденных через определенные судом промежутки времени. О грубых и постоянных нарушениях условий условно-досрочного освобождения они должны немедленно сообщать в суд. Интересно, что в рамках мероприятий по ресоциализации существуют судебные помощники (*Gerichtshelfer*), которые подчиняются либо прокурорам, либо судам земель. Они собирают данные о личности и окружении преступника, причинах и мотивах совершения преступления, а также

о перспективах и отправных точках для будущего упорядоченного образа жизни. Их участие рассматривается там, где использование средств социальной работы обещает быть особенно полезным и соразмерным важности дела. При этом сотрудником пробации де-юре такой помощник не является.

Чтобы стать сотрудником службы пробации в Германии, кандидат должен как минимум иметь степень бакалавра по направлению «Социальная работа» или окончить среднее профессиональное учебное заведение и получить диплом социального педагога, желательно также иметь практический опыт, связанный с работой сотрудника службы пробации. В данном случае речь идет о вспомогательных знаниях в области медицины, психологии, коммуникации, конфликт-менеджмента и права. Примечательно, что в Нижней Саксонии в качестве нормативной базы для формирования стандартов работы службы пробации используются международный «Этический кодекс» для профессии социальных работников/социальных педагогов [16], внутренние стандарты социальной работы, а также руководящие принципы в области условно-досрочного освобождения и концепция службы пробации в сфере занятости. Будущий сотрудник пробации в Германии должен иметь определенные социально важные навыки: опыт работы с девиантным поведением, умение работать с тяжелыми случаями токсической зависимости, иметь дополнительные знания в области предотвращения дискриминации, способов ликвидации безработицы, знания в области предотвращения насилия. Сотрудник службы пробации также должен иметь знания о методах ведения переговоров, обладать навыками ведения социальной групповой работы, уметь оценивать факторы риска, а также выстраивать стратегии перевоспитания лица при взаимодействии с другими учреждениями социального обслуживания.

Кроме того, в качестве обязательных требований предъявляется наличие гражданства Германии или Европейского союза, необходимость подтвердить свою приверженность положениям Конституции, быть не старше 45 лет, не иметь судимости, быть пригодным по состоянию здоровья (подтверждается медицинским заключением). Среди личностных компетенций сотрудника службы пробации можно перечислить: уверенный внешний вид, умение четко и выразительно излагать свою позицию, способность к рефлексии, наличие чувства долга, терпимость к разочарованиям, физическая и психологическая устойчивость. В области социальных навыков можно выделить умение работать в команде, креативность, готовность к конфликтным ситуациям и напористость, готовность к инновациям, а также организаторские способности, в том числе при самостоятельной организации труда. Среди прочих компетенций можно также назвать уверенное владение компьютером, готовность к повышению уровня квалификации и принятию участия в надзорных мероприятиях, знание иностранных языков, мобильность. Еще желательно иметь опыт социально-педагогической деятельности. Заявление о приеме на работу вместе со всеми документами кандидат в члены службы пробации подает напрямую Председателю суда федеральной

земли. Все контакты кандидатов можно найти на соответствующих сайтах Министерств юстиции земель. В случае если кандидаты в сотрудники службы пробации обладают одинаковыми практическими способностями и профессиональными качествами, то приоритет имеют те из них, у которых ограниченные возможности.

Несмотря на достаточно строгие требования к кандидатам на должность сотрудника пробации в Германии, те из них, которые еще пока не соответствуют всем критериям, предъявляемым к государственным служащим (квалификация, опыт, политическая благонадежность), могут быть наняты в качестве штатных сотрудников даже при отсутствии у них соответствующего образования и получать оплату за свою работу в соответствии с тарифами, установленными для служб социального обеспечения (TV-L S – Sozial- und Erziehungsdienst). Впоследствии возможен перевод таких сотрудников на государственные должности. Для этого им необходимо подтвердить свою квалификацию соответствующим документом об образовании и опытом работы не менее 2 лет, год из которых они обязаны отработать в учреждениях общественных услуг [17]. Далее при поступлении на госслужбу возможно продвижение по карьерной лестнице от социального инспектора до советника социальной службы, где также растет уровень заработной платы³.

Каждый суд федеральной земли назначает старшего сотрудника службы пробации, который является непосредственным руководителем сотрудников службы пробации и обслуживающего персонала в своем офисе. Он отвечает за структурную и профессиональную координацию работы службы пробации и необходимый обмен информацией внутри офиса, участвует в управлении персоналом, в частности, в процессе подбора персонала, подготовки аттестаций и проведения собеседований с персоналом. Такой руководитель отвечает не только за организацию подразделений службы пробации, но и за координацию с властями и руководством.

Переходя к содержанию пробационной деятельности в Германии, отметим, что реализуется она на различных этапах. Досудебная пробация заключается в том, что сотрудник пробации должен собрать сведения о правонарушителе, чтобы сформировать более

«объективную» оценку о нем и кратко изложить плюсы и минусы возможных наказаний [18]. Выше уже упоминалась фигура судебного помощника, отметим, что разница между полномочиями сотрудника службы пробации и судебным помощником в данной сфере заключается в том, что учет судом мнения первого носит опциональный характер и само участие сотрудника службы пробации в судебном процессе допустимо только в случаях, где возможно назначение лицу условного осуждения с последующим применением пробации. Несмотря на то, что сфера применения досудебных отчетов, подготовленных сотрудниками службы пробации, была ограничена, а сроки составления отчетов были сокращены в различных юрисдикциях, сотрудники службы пробации могут дать относительно независимую оценку, которая может в последующем быть учтена судом при вынесении решения. Указанный вид пробации в России отсутствует и вряд ли когда-либо появится [19. С. 50].

Сотрудники немецкой службы пробации оказывают осужденным (испытуемым) помощь в ресоциализации и социальной адаптации как на стадии исполнения наказаний, так и после освобождения лица из мест лишения свободы, включая, таким образом, в себя признаки исполнительной и постисполнительной пробации. Задача сотрудников на данном этапе состоит в том, чтобы помочь справиться с трудной жизненной ситуацией и не допустить совершения новых преступлений. Для этого сотрудники службы пробации также взаимодействуют с другими учреждениями и органами, действующими в целях реинтеграции правонарушителей в общество, они следят за соблюдением «клиентами» всех требований. В обязательном порядке сотрудник отчитывается о жизни осужденных и освобожденных перед судом. Если выявлены какие-либо грубые и постоянные нарушения, сотрудники обязаны немедленно сообщить о них в суд.

В заключение отметим, что пробация в Германии формировалась на основе приверженности историческим традициям оказания содействия в реинтеграции осужденного в общество, при этом деятельность службы пробации в основном соответствует положениям европейских стандартов, а виды германской пробации отличаются от российской.

Примечания

- ¹ В российском праве такой вид пробации называется пенитенциарной, т.к. она осуществляется в момент отбывания наказания в местах лишения свободы.
- ² Для назначения пробации срок лишения свободы должен составлять не более 1 года, в исключительных случаях – не более 2 лет (§ 56 StGB).
- ³ Всего 5 уровней: должность социального инспектора с уровнем оплаты A9, должность старшего социального инспектора с уровнем оплаты A10, должность сотрудника социальных служб с уровнем оплаты A11, должность советника социальных служб с уровнем оплаты A12, должность старшего советника социальных служб с уровнем оплаты A14. Тарифы оплаты также установлены законом.

Список источников

1. Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.
2. Закон об уголовных наказаниях 1872 г. (с последними правками от 07.11.2024) / «Strafgesetzbuch» // In der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S. 3322) zuletzt geändert durch Gesetz vom 07.11.2024 (BGBl. I S. 351) m.W.v. 13.11.2024. URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB> (дата обращения: 01.05.2025).
3. Morawetz Th. 16. Februar 1923: Eigenes Jugendstrafrecht in Deutschland // Bayerischer Rundfunk. 16.02.2012. URL: <https://www.br.de/radio/bayern2/sendungen/kalenderblatt/1602-jugendgerichtsgesetz-jugendstrafrecht-jugendkriminalitaet100.html> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Jugendgerichtsgesetz. In der Fassung der Bekanntmachung vom 11.12.1974 (BGBl. I S. 3427) zuletzt geändert durch Gesetz vom 25.06.2021 (BGBl. I S. 2099) m.W.v. 01.07.2021. Stand: 01.01.2023 aufgrund Gesetzes vom 04.05.2021 (BGBl. I S. 882). URL: <https://dejure.org/gesetze/JGG> (дата обращения: 01.05.2025).

5. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) : vom 31.08.1990 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz sowie des Bundesamts für Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/BJNR208890990.html> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Strafprozeßordnung. In der Fassung der Bekanntmachung vom 07.04.1987 (BGBl. I S. 1074, ber. S. 1319) zuletzt geändert durch Gesetz vom 07.11.2024 (BGBl. I S. 351) m.W.v. 13.11.2024. URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (дата обращения: 01.05.2025).
8. Агабекян А.Л. Непенитенциарные системы Европы. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2023. 176 с.
9. Aebi M.F., Molnar L. Persons under the supervision of probation agencies SPACE II – 2023. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2024/06/SPACE-II_2023_240618.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
10. Aebi M.F., Cocco E., Hashimoto Y.Z. Probation and Prisons in Europe, 2022: Key Findings of the SPACE reports. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2023/07/Key-Findings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2022_230705.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
11. Legalbewährung nach strafrechtlichen Sanktionen : Berichtszeitraum / Institut für Kriminalwissenschaften der Georg-August-Universität Göttingen. Göttingen : Universitätsverlag. doi: 10.17875/gup2024-2661
12. Forschungsdatenbank Rückfall in Deutschland (FoRD). URL: <https://dfglbu.as.wiwi.uni-goettingen.de/Grundtabelle> (дата обращения: 01.05.2025).
13. Ministerium der Justiz und für Digitalisierung (MdJD). URL: <https://mdjd.brandenburg.de/mdjd/de/justiz/soziale-dienste-der-justiz/bewahrungshilfe/#:~:text=Bewahrungshilfe%20ist%20eine%20Form%20der,Wiedereingliederung%20straffällig%20gewordener%20Menschen%20übernimmt> (дата обращения: 01.05.2025).
14. Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary) // The Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168070c09b> (дата обращения: 05.01.2025).
15. Bayerisches Staatsministerium der Justiz. Bewährungshelferinnen & Bewährungshelfer, Gerichtshelferinnen & Gerichtshelfer. URL: <https://www.justiz.bayern.de/berufe-und-stellen/bewahrungshelfer-gerichtshelfer/> (дата обращения: 11.05.2025).
16. Niedersächsisches Justizministerium. Standards der Bewährungshilfe / Nieders. Justizministerium. 3. überarb. Aufl. Hannover, 2003.
17. Art. 39 Abs. 1 und 3 Gesetz über die Leistungslaufbahn und die Fachlaufbahnen der bayerischen Beamten und Beamtinnen (Leistungslaufbahngesetz – LlbG) Vom 5. August 2010. URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayLlbG> (дата обращения: 01.05.2025).
18. Mair G. Welche Rolle spielt das Bewährungshilfe-Personal im Rahmen der richterlichen Beratung bei der Festlegung des Strafmaßes und der Unterstützung des Massnahmenvollzugs? URL: <https://www.cep-probation.org/probation-works-german/> (дата обращения: 01.05.2025).
19. Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1 (3). С. 45–50.

References

1. Utkin, V.A. (2016) O perspektivakh probatsii v Rossii [On the prospects of probation in Russia] *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 4. pp. 5–8.
2. Strafgesetzbuch. (2024) *In der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S. 3322) zuletzt geändert durch Gesetz vom 07.11.2024 (BGBl. I S. 351) m.W.v. 13.11.2024*. [Online] Available from: <https://dejure.org/gesetze/StGB>. (Accessed: 01.05.2025).
3. Morawetz, Th. (2012) 16. Februar 1923: Eigenes Jugendstrafrecht in Deutschland. *Bayerischer Rundfunk*. 16 February. [Online] Available from: <https://www.br.de/radio/bayern2/sendungen/kalenderblatt/1602-jugendgerichtsgesetz-jugendstrafrecht-jugendkriminalitaet100.html>. (Accessed: 01.05.2025).
4. Jugendgerichtsgesetz. (2023) *In der Fassung der Bekanntmachung vom 11.12.1974 (BGBl. I S. 3427) zuletzt geändert durch Gesetz vom 25.06.2021 (BGBl. I S. 2099) m.W.v. 01.07.2021. Stand: 01.01.2023 aufgrund Gesetzes vom 04.05.2021 (BGBl. I S. 882)*. [Online] Available from: <https://dejure.org/gesetze/JGG>. (Accessed: 01.05.2025).
5. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz sowie des Bundesamts für Justiz. (1990) *Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag): vom 31.08.1990*. [Online] Available from: <https://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/BJNR208890990.html>. (Accessed: 01.05.2025).
6. Bundesamt für Justiz. (n.d.) *Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung*. [Online] Available from: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/>. (Accessed: 01.05.2025).
7. Strafprozeßordnung. (2024) *In der Fassung der Bekanntmachung vom 07.04.1987 (BGBl. I S. 1074, ber. S. 1319) zuletzt geändert durch Gesetz vom 07.11.2024 (BGBl. I S. 351) m.W.v. 13.11.2024*. [Online] Available from: <https://dejure.org/gesetze/StPO>. (Accessed: 01.05.2025).
8. Agabekyan, A.L. (2023) *Nepenitentsiarnye sistemy Evropy* [Non-Penitentiary Systems of Europe]. Moscow: Izdatel'stvo "YurLitinform".
9. Aebi, M.F. & Molnar, L. (2023) *Persons under the supervision of probation agencies. SPACE II – 2023*. [Online] Available from: https://wp.unil.ch/space/files/2024/06/SPACE-II_2023_240618.pdf. (Accessed: 15.03.2025).
10. Aebi, M.F., Cocco, E. & Hashimoto, Y.Z. (2022) *Probation and Prisons in Europe, 2022: Key Findings of the SPACE reports*. [Online] Available from: https://wp.unil.ch/space/files/2023/07/Key-Findings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2022_230705.pdf. (Accessed: 15.03.2025).
11. Institut für Kriminalwissenschaften der Georg-August-Universität Göttingen. (n.d.) *Legalbewährung nach strafrechtlichen Sanktionen: Berichtszeitraum*. Göttingen: Universitätsverlag. doi: 10.17875/gup2024-2661
12. *Forschungsdatenbank Rückfall in Deutschland (FoRD)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dfglbu.as.wiwi.uni-goettingen.de/Grundtabelle>. (Accessed: 01.05.2025).
13. *Ministerium der Justiz und für Digitalisierung (MdJD)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://mdjd.brandenburg.de/mdjd/de/justiz/soziale-dienste-der-justiz/bewahrungshilfe/#:~:text=Bewahrungshilfe%20ist%20eine%20Form%20der,Wiedereingliederung%20straffällig%20gewordener%20Menschen%20übernimmt>. (Accessed: 01.05.2025).
14. The Council of Europe. (2017) *Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary)*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/168070c09b>. (Accessed: 05.01.2025).
15. Bayerisches Staatsministerium der Justiz. (n.d.) *Bewährungshelferinnen & Bewährungshelfer, Gerichtshelferinnen & Gerichtshelfer*. [Online] Available from: <https://www.justiz.bayern.de/berufe-und-stellen/bewahrungshelfer-gerichtshelfer/>. (Accessed: 11.05.2025).
16. Niedersächsisches Justizministerium. (2003) *Standards der Bewährungshilfe*. 3rd ed. Hannover: [s.n.].
17. Bayern.Recht. (2010) *Art. 39 Abs. 1 und 3 Gesetz über die Leistungslaufbahn und die Fachlaufbahnen der bayerischen Beamten und Beamtinnen (Leistungslaufbahngesetz – LlbG) Vom 5. August 2010*. [Online] Available from: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayLlbG>. (Accessed: 01.05.2025).
18. Mair, G. (2025) *Welche Rolle spielt das Bewährungshilfe-Personal im Rahmen der richterlichen Beratung bei der Festlegung des Strafmaßes und der Unterstützung des Massnahmenvollzugs?* [Online] Available from: <https://www.cep-probation.org/probation-works-german/>. (Accessed: 01.05.2025).
19. Utkin, V.A. (2012) European rules of probation and problems of their realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1 (3). pp. 45–50. (In Russian).

Информация об авторах:

Агабекян А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Тихонова В.В. – младший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valeriya.vetlova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Agabekyan, Cand. Sci. (Law), associate professor, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

V.V. Tikhonova, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valeriya.vetlova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.*

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/517/27

Тактические приемы назначения исследовательских следственных действий

Рамиль Лианарович Ахмедшин^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
^{1, 2} ramil_ahmedshin@mail.ru

Аннотация. Раскрывается комплекс проблем, связанных с тактико-криминалистической оптимизацией назначения исследовательских следственных действий. Выдвигается тезис о явной недостаточности тактических рекомендаций в области назначения рассматриваемой группы следственных действий. В статье проводится грань между научными тактическими приемами исследовательских следственных действий и техническими рекомендациями, построенными на бытовой логике. Основной акцент сделан на описании тактических приемов выбора лица, обладающего специальными познаниями.

Ключевые слова: экспертиза, эксперт, специалист, заключение, компетентность, тактика, назначение экспертизы

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л. Тактические приемы назначения исследовательских следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 241–248. doi: 10.17223/15617793/517/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/27

Tactical methods of assigning investigative actions

Ramil L. Akhmedshin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} ramil_ahmedshin@mail.ru

Abstract. The article reveals a set of problems associated with tactical and forensic optimization of assigning investigative actions. The range of problems affects the methodological, historical, forensic and psychological aspects. The subject of the study was a set of tactical and forensic methods for organizing the conduct of an examination and research of a specialist. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, system-structural. The following specific scientific methods were used in the study: experiment, included observation, modeling, expert assessment. The article received a number of the following conclusions. Today, forensic tactics are clearly lacking in tactical recommendations in the field of investigative actions. There is a distinction between scientific tactical methods of investigative actions and technical recommendations based on everyday logic. This division is based on the answer to the question "how to do it?" in tactical methods, or the answer to the question "what to do?" in recommendations based on everyday logic. Formulating questions for an expert and a specialist is not a tactical method, since the most effective way to formulate questions for an expert is to use special reference literature. A recommendation on the advisability of making a decision on the sufficiency of the volume of objects sent for examination is not a tactical method. The concept of sufficiency is difficult to formalize and, as a result, does not contribute to understanding the necessary volume of materials presented. In the group of tactical methods in the field of assigning examinations, the most promising is the development of tactical methods for choosing a person with special knowledge. We find it difficult to name the states that optimize the professional potential of a person as clearly as the circumstances that destabilize it. All the recommendations given in the article may not be relevant in a situation where the investigator does not have the opportunity to choose the person conducting the investigative actions. However, they remain relevant in any case when assessing the results of the investigative action. The said relevance stems from the context of the individual characteristics of the person with special knowledge. In general, the result of the study was a set of tactical recommendations aimed at optimizing the appointment of investigative actions.

Keywords: examination, expert, specialist, conclusion, competence, tactics, appointment of examination

For citation: Akhmedshin, R.L. (2025) Tactical methods of assigning investigative actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 241–248. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/27

Говоря о назначении исследовательских следственных действий (ИСД), вероятно, необходимо затронуть ряд рекомендаций, которые в силу простоты не являются в чистом виде тактическими приемами, базируясь на бытовой логике, однако они направлены на решение задачи назначения ИСД, а значит, их следует упомянуть, просто технически.

– «Этика обязывает следователя, судью приглашать в качестве экспертов компетентных, принципиальных, честных и не заинтересованных в исходе дела (гражданского, уголовного) лиц» [1. С. 117]. Хотя здесь, возможно, рациональнее говорить не об этике, а о здравом смысле.

– Следователь, дознаватель до вынесения постановления о назначении экспертизы должны: удостовериться в личности лица, которому поручается проведение экспертизы, выяснить его отношения с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и лицом, подвергаемым экспертизе, проверить наличие оснований для отвода эксперта.

– При назначении конкретного эксперта или экспертов рекомендуется учитывать обстоятельства, исключающие участие этих лиц в производстве по уголовному делу [2. С. 188].

– «При назначении комплексной экспертизы в постановлении отражаются вопросы, ответы на которые (или хотя бы на один из них) должны дать два и (или) более эксперта разных специальностей» [3. С. 59].

– Важно особое внимание уделять тактике подготовки материалов и получения сравнительных образцов.

Формулировка вопросов для эксперта и специалиста также не является тактическим приемом, так как наиболее эффективный способ формулировки вопросов эксперту – это задействовать специальную справочную литературу [4].

Также не стоит полагать тактическими рекомендациями следующие советы, построенные на бытовой логике и/или вытекающие из процессуальных правил, например:

– совет о целесообразности перед направлением объектов на экспертизу провести их предварительное исследование в целях определения круга вопросов;

– совет о контрпродуктивности постановки перед экспертом вопросов, имеющих правовую природу и/или выходящих за пределы его компетенции;

– рекомендация о том, что направляемые на экспертизу вещественные доказательства и сравнительные образцы должны быть доброкачественными, четко обозначены и описаны в постановлении о назначении экспертизы;

– рекомендация о том, что все образцы, направляемые на экспертизу, должны отвечать требованиям достоверности происхождения, сравнимости (свойство, определяющее возможность использования образцов для сравнения), воспроизводимости (свойство полного и точного отображения идентификационных признаков в образцах), неизменности (свойство стабильности отображенных признаков длительное время).

Не является тактическим приемом рекомендация о целесообразности принятия решения о достаточности объема объектов, направляемых на экспертизу.

Понятие достаточности трудно формализуемо и, как следствие, не способствует пониманию необходимого объема представляемых материалов. Не является тактическим приемом предостережение о нецелесообразности направления на исследование излишнего количества объектов, особенно если оно сопутствует формулировке вопросов по отношению к каждому из объектов независимо от связи с делом. Без сомнения, рациональное зерно в этой рекомендации есть, но оно не детализируется на уровне «как?», а значит, тактическим приемом не является. Сказанное относится и к рекомендации при назначении экспертизы предусмотреть возможность и границы экспертной инициативы. Да, и одна из главных рекомендаций в области назначения экспертиз, а именно рекомендация о необходимости выраженной «целесообразности» принятия решения о проведении судебной экспертизы, также скорее добрый совет на уровне бытовой логики, так как в силу общности слабо формализуема.

Из всех «общих» рекомендаций следует выделить, пожалуй, только ту, которая плохо встраивается в систему профессиональных воззрений лица с юридическим образованием и/или иерархическим мышлением. Речь идет о целесообразности в постоянном консультировании со сведущими лицами на предмет получения информации, которая доказательством пусть и не станет, но позволит более эффективно получать доказательственную информацию. Речь идет о перманентности консультирования со специалистами в отношении назначения и оценки результатов ИСД.

Следователю, прокурору, судье трудно признать, что понимание проведенного специалистом или экспертом исследования, скорее всего, выходит за пределы их познаний и даже представлений. Особенно это характерно для естественных и точных наук, но и гуманитарные науки (кроме правовых и философских) сегодня достаточно математизированы.

У работников правоохранительных и судебных органов часто создается ложное впечатление, что если они поняли логику выводов экспертного заключения, то они понимают и процесс, в ходе которого эти выводы получены. Это категорически не так. Выводы экспертом и специалистом формулируются в простой и даже примитивной форме, доступной для последующей оценки несведущим лицом. Логика исследования намного сложнее, хотя бы из-за комплекса понятий, имеющих различную содержательную нагрузку, например, в разных научных областях или даже направлениях. Вспомним ранее описанное идентичное понимание содержания понятия «компетентность» в академической криминалистике и понятия «компетенция» в сфере администрирования образовательных стандартов.

Любой шаг, направленный на прямое или косвенное взаимодействие со специалистом или, тем более экспертом, должен осуществляться после консультаций со сведущими лицами/лицом, специалистами не в процессуальном смысле этого термина. Крайне желательно, чтобы одно из этих лиц имело глубокие профессиональные познания в данной сфере, а второе имело бы достаточный опыт в привлечении данного знания в процесс расследования.

Таким образом ситуация с «арсеналом» тактических приемов, направленных на тактико-криминалистическую оптимизацию ИСД, еще более проблемна, чем кажется на первый взгляд. Однако говорить о незначительности тактического потенциала назначения ИСД все-таки не стоит.

Системообразующая при назначении ИСД тактико-криминалистическая рекомендация была в свое время сформулирована основателем криминалистической науки и касалась объема представляемой исследователю информации.

«Часто приходится встречать утверждения, что эксперти нет дела ни до чего, кроме исследуемого им предмета: например, предъявляя ему рану, требуют, чтобы он высказал заключение своё не только о свойстве повреждения, последствиях его и времени извлечения, но и об орудии, которым она была нанесена, о положении обвиняемого при нанесении и о способе нанесения. Эти лица забывают, какие трудности представляют подобные случаи и упускают из виду, что самые разнообразные причины часто сопровождаются одинаковыми последствиями. Когда же научно образованный эксперт ознакомлен со всеми сопровождавшими события преступления обстоятельствами, прочёл показания свидетелей, видел предполагаемое орудие преступления, ... взвесив всевозможные комбинации, имея перед собой полную картину событий, он выскажет суждение своё смелее, совершеннее и, что важнее всегда – кратко, без лишних слов.» [5. С. 185–186].

Именно в рамках реализации данной рекомендации тактически целесообразно формулировать дополнительный вопрос лицу, проводящему ИСД, безотнositельно вида (предмета) исследования: имеется ли среди представленных материалов информация, противоречащая выводу эксперта, и как это объясняется экспертом? Кстати, этот вопрос не является ловушкой для эксперта, ведь известно, что «факты и фактические данные, которые исследуются экспертом с целью установления новых фактов, не представляют собой однородную структуру» [6. С. 24–25]. Скорее, для следователя получение ответа на данный вопрос – это повод усилить доказательственную базу в отношении спорного трактующего обстоятельства.

При назначении экспертизы необходимо просчитать тактическую целесообразность присутствия на проводимом ИСД третьих лиц. Следователь решает этот вопрос исходя из двух положений:

– Имеется ли доступ во время производства экспертизы на место проведения для третьих лиц, безопасно ли там их присутствие?

– Не осложнит ли присутствие третьего лица саму возможность проведения экспертного исследования? Так, при проведении судебно-психологической экспертизы по делам о разводе и определении места жительства ребенка при раздельно проживающих родителях присутствие третьего лица достижению психологического контакта с ребенком точно будет препятствовать, что сделает невозможной проведение экспертизы.

– Не противоречит ли присутствие третьего лица сохранению врачебной тайны? Скорее всего, врачебная тайна будет нарушена при присутствии третьего

лица на исследовании в процессе проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Имеет смысл тактическая рекомендация предоставлять на экспертное исследование не весь имеющийся объем объектов, а примерно две трети от него (естественно, если подобное деление возможно). Оставшуюся часть целесообразно зарезервировать для проведения повторной или дополнительной экспертизы.

Вышеприведенные примеры, конечно, имеют выраженную тактико-криминалистическую природу и, что более важно, ценность, однако основная доля тактико-криминалистической оптимизации лежит в области тактических приемов выбора эксперта/специалиста.

Уже говорилось, что фигура эксперта в рамках современной парадигмы сведена к его функции, что абсолютно неверно. Нельзя развести личностную и профессиональную составляющую, не говоря уже о составляющей ситуационной. Исходя из перечисленных структур, характеризующих личность носителя специальных знаний, рассмотрим содержание тактических приемов выбора эксперта. Отметим, что до тех пор, пока результат академических дискуссий о «компетенции» эксперта не реализуется в централизованных базах данных, «риск» выбора носителя специальных познаний будет на следователе. Впрочем, если следователь способен системно изучить информацию о подследственном, обычно ему активно противостоящем, то информацию о носителе специальных знаний он получит с меньшими затратами усилий. Для уменьшения степени этого риска рассмотрим содержание отдельных структурных составляющих личности носителя специальных знаний.

Компетентностно-составляющая структура личности носителя специальных знаний

Анализируя источники знаний и навыков лица со специальными познаниями, необходима некоторая иерархизация рассматриваемых категорий. Прежде всего, не стоит переоценивать фактор образования, во всяком случае высшего. Образование – фактор спорный, выступающий, скорее, не критерием осведомленности, а точкой начала суждений о носителе специальных познаний. Сказанное касается как высшего образования, так и наличия ученых степеней и званий.

Первым признаком достаточной компетентности выступает отсутствие узкой исследовательской специализации человека. Позволим обратиться к идеям Д. Даймонда о том, что видовые признаки человека – умение пользоваться огнем, изготавливать орудия труда, обучаться в зрелом возрасте, самостоятельно создавать себе среду обитания [7]. В контексте рассматриваемой темы способность к обучению в зрелом возрасте выступает, пожалуй, самой энергозатратной и малокультивируемой. Гомеостаз как потребность психики находится в энергоэкономном состоянии приводит к нежеланию значительного количества людей обучаться новому в зрелом возрасте, следовательно, обладание человеком компетентностью в нескольких сферах свидетельствует о его высоком профессионализме.

К тому же «ученые констатируют, что на современном этапе возникла потребность во владении экспертами не какой-то одной специальностью, но и основами смежных отраслей, необходимых для проведения конкретного вида исследования» [8. С. 75]. При выборе эксперта следователю целесообразно присмотреться к фактам профессиональной переподготовки, как выраженности профессионального развития.

Способность к обучению в зрелом возрасте может быть направлена не только вширь, но и в глубину. Неудивительно, что одним из критериев профессионализма выступает периодическое обновление знаний и навыков в процессе профессиональной подготовки. Следует, однако, отметить, что практика повышения квалификации работников в государственных учреждениях часто идет по предельно лицемерному пути, ставящему целью получение сертификата о повышении квалификации, а не повышение компетентности. Конечно, любое новое знание не дает «заснуть» мозгу, однако далеко не всегда предопределяет его развитие. С учетом сказанного необходимо понимать, что повышение квалификации работника только тогда свидетельствует о его профессиональном росте, когда оно напрямую относится к достаточно узкой области исполняемых обязанностей. Например, эксперт в области судебного почерковедения, без сомнения, станет более компетентным, прослушав медицинские курсы об атрофии мышц или о нарушении психических процессов, которые предопределяют деавтоматизацию почерка. Хотя, конечно, для такого эксперта курсы повышения квалификации, на которых происходит обмен опытом, более целесообразны.

Свидетельством непрерывающегося роста профессионализма, конечно, выступают научные публикации. Однако, учитывая негативный опыт академического сообщества, в котором часто практикуется публикация ради публикации, чтобы отчитаться по наукометрическим показателям, для практикующих работников алгоритм оценки публикации несколько иной. Публикационная активность практического работника должна оцениваться по следующим критериям:

- Наличие в публикации анализа эмпирических данных, конкретного случая или предметных рационализаторских предложений, направленных на решение прикладной задачи.

- Наличие в публикации оформленного вывода о целесообразности того или иного способа решения проблемы.

- Публикация в соавторстве должна оцениваться через призму обратно пропорциональному статусу автора – чем ниже статус (прежде всего должностной), тем больший вклад в публикацию презюмируется. Объясняется это практикой ведомственных, в большей степени, и академических, в меньшей степени, исследователей брать в соавторство (нагрузку) «начальство».

- Наличие общего исследовательского (тематического) вектора, достаточно незначительно варьирующегося в публикациях, разделенных небольшим временным промежутком.

Может показаться, что к практическим работникам предъявляются более высокие требования, чем к академическим исследователям. Вероятно, это не так.

Современный работник вуза – это, скорее, преподаватель, который часто не имеет времени для набора эмпирического материала, а следовательно, вынужденный писать о «вообще», рассуждая о природе и сущности явления и формируя «академический шум». Практический работник, если это не офисный деятель, в своей практической деятельности объективно формирует индивидуальную эмпирическую базу, которую, если он является профессионалом, он способен проанализировать в научном сообщении.

Естественно, не все практические работники, являющиеся носителями специальных познаний, характеризуются публикационной активностью, но те, которые ею характеризуются, предположительно имеют более высокий уровень профессионального понимания и мастерства. Причины отказа от публикационной активности у практических работников кроются не только в лени, но и в нерешительности перед новой деятельностью, ну и конечно в недостаточности профессионализма, а именно в невыраженной способности анализировать полученный практический опыт.

Вероятно, правильному выбору следователем эксперта также может способствовать его профессиональная репутация. Однако и здесь все не так просто. При оценке профессиональной репутации необходимо помнить, что в современной культуре существует одно из системообразующих правил, получившее название «правило Матфея», открытое Л. и М. Физерами в 1944 году и приписываемое Р. Мертону. В современной социологии оно известно как «эффект Матфея». «...Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф.25:29).

Эффект Матфея – феномен неравномерного распределения преимуществ, при котором сторона, уже ими обладающая, продолжает их накапливать и приумножать, а другая, изначально ограниченная, оказывается обделена ещё сильнее и имеет меньшие шансы на дальнейший успех. Если говорить простыми словами, то это естественное приписывание части успеха тем, кто уже добился успеха. Поэтому высокорепутационные личности переоцениваются, а некоторые низкорепутационные выраженно недооцениваются. Таким образом, согласно «эффекту Матфея», анализ профессиональной репутации как достойной более оптимален если репутация медианальна и не тяготеет к экстремумам.

С высокой степенью вероятности можно оценить эксперта по результатам ранее проведенных им экспертиз. Данную информацию следователю легко получить от коллег. Естественно, неструктурированная оценка, полученная даже от коллег-профессионалов, не обладает высокой ценностью. Поэтому предлагается алгоритм, который позволит оперативно оценить профессиональные качества носителя специальных познаний третьими лицами, которые сталкивались с оцениваемым в своей профессиональной деятельности.

Мы выделили пять структурных элементов деятельности носителя специальных познаний, находящих отражение в процессе проведения ИСД:

– Категоричность. Категоричность выводов в проведенном ИСД – это не столько характеристика достаточного объема представленных на исследование материалов и качества научно-методического обеспечения, сколько личностная особенность, свойственная лицам решительным, уверенным в себе, полагающим, что они справятся с комплексом негативных последствий своего поведения, если таковые наступят. Личностный фактор здесь может победить фактор среды, и тогда даже эксперт-медик может сформулировать категорический ответ в неоднозначной ситуации, несмотря на свойственную этой профессии конформность и опаску перед принятием нестандартного решения.

– Полнота. Способность к полному и всестороннему исследованию в рамках ИСД говорит о трудолюбии носителя специальных познаний в первую очередь и о его общей компетентности во вторую. Как правило, одно вытекает из другого, поэтому лица, склонные к объемному исследованию, легко вычисляются посредством подсчета среднего объема (в страницах) экспертного заключения или заключения специалиста. Как правило, концепции «лучше меньше, но лучше», «в природе буквально ничего не цветет круглый год, поэтому не требуй от себя того же», «пусть трактор работает, он железный» отстаивают не склонные к трудолюбию лица, формируя простейшую генерализацию (неосознанное выдвижение ложной аргументации с целью не допустить анализа своей личностной проблемой составляющей).

– Оперативность. На первый взгляд лицо со специальными познаниями, способное быстро провести ИСД, окружающими характеризуется повышенной экстравертностью. Считается, что быстрота в проведении ИСД – это скорее черта личности, которая сводится к способности активной, но непродуктивной деятельности. Как правило, такая оценка лицу дается более «медленными» окружающими. На самом деле в практической деятельности оперативность – это проявление способности к планированию и эффективному использованию ресурсов, прежде всего временных. Часть практических работников (в любой сфере), дойдя до достаточно высокого уровня профессионализма, перегорают или переходят на неторопливый и, по их мнению, «качественный» профессиональный ритм, который характеризуется прежде всего энергоэкономичностью. Другая часть, не избежав потребности в энергоэкономичности, переводит свою деятельность (осознанно или нет) на уровень эффективных алгоритмов, которые нами ранее описаны, например, применительно к тактическим приемам планирования на базе достижений современного менеджмента. Именно вторая группа, как правило, и оценивается по результатам своей деятельности, как обладающая свойством оперативности.

– Креативность. Под креативностью понимают умение человека отступать от стандартных идей, пра-

вил и шаблонов. На первый взгляд, ИСД, ориентированные на формализованное исследование в рамках методического инструментария, которое сложилось в экспертной практике, не предполагают актуальность обладания креативностью лицом, имеющим специальные познания. Однако это не так. Конечно, в большинстве случаев нецелесообразно отказываться от методического инструментария, подтвержденного временем. Хотя это тоже спорное утверждение. Так, в практике проведения судебно-психологической экспертизы подавляющее большинство психодиагностических средств на современной российской выборке адаптацию не проходили, поэтому их ценность крайне спорна. А если копнуть глубже и выяснить, что часть из них адаптирована лишь к определенной возрастной группе, к определенной социокультурной группе, то их ценность становится скорее отрицательной. А ведь основанием для проведения дополнительной экспертизы является именно невозможность уяснения методики исследования, а для повторной экспертизы – случаи, в которых не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования (п. 13 и 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»). Никто не может помешать исследователю в процессе проведения ИСД вместе с рекомендуемыми методиками использовать новые. Это и выражает креативность носителя специальных познаний, а также выступает индикатором его потребности в профессиональном совершенствовании. Если же этого не происходит, то трудно не диагностировать «профессиональную усталость», а может быть, и «профессиональную ригидность» обладателя специальных познаний и навыков их использования.

– Иллюстративность. Краткость результатов ИСД – это, скорее, показатель «профессиональной усталости», а не некомпетентности лица. Совсем иную природу имеет уровень иллюстративности проведенного ИСД. В системе высшего образования наблюдается картина нежелания значительного количества преподавателей переходить на новые технические средства демонстрации представляемого студентам материала. Обычно это списывается на техническую косность психики пожилых лиц. Однако даже поверхностное исследование показывает, что подобное демонстрируют и многие молодые преподаватели. Причина в том, что, несмотря на профессиональные стандарты, многим преподавателям достаточно осознания, что в подаваемом материале они не видят неполноты и фрагментарности, а мысль о том, что необходимо взглянуть на подаваемый материал с позиции его получателя, им труднопринимается. Этот же феномен наблюдается часто и в практике производства ИСД, где эксперт излагает материал исходя из своего уровня познаний, который не предполагает детализацию проводимых действий и получаемых результатов с позиции получателя. Иллюстративность, как отображение письменной речи в неразрывном единстве с образным восприятием в виде рисунков, схем, таблиц, диаграмм и схем – это умение носителя специальных познаний довести до ад-

ресата содержание проведенного исследования не формально, а реально. Иллюстративность проведенного ИСД – это один из факторов профессионализма, который без сомнения говорит о компетентности лица в области проводимых исследований. Наличие у лица со специальными познаниями рассматриваемой способности легко установить, так как на фоне основной части лиц, привлекаемых к проведению ИСД, лица с этой выраженной способностью хорошо запоминаются теми, кто имел опыт работы с ними.

Без сомнения, все описанные структурные элементы системы «компетентность лица со специальными познаниями» могут найти выражение в иной мотивацией, однако, как бы неприятно это ни звучало, психологическая основа каждого из рассмотренных элементов часто достаточно примитивна и мономотивирована.

Индивидуально-психологическая структура личности носителя специальных знаний

Сразу оговоримся, что психотипологические особенности личности в рассматриваемой системе мы не затрагиваем, так как они будут описаны в отдельной работе. Индивидуально-психологические особенности личности, обладающей специальными познаниями для криминалистов, актуальны и как в аспекте внутреннего убеждения эксперта [9. С. 331], так и в аспекте результативности исследовательской деятельности. В отношении второго аспекта отмечалось, что два исследователя из одного факта могут сделать разные выводы, что объясняется различным фоном исследования, под которым понимаются факты эвристического процесса, связанные как с опытом конкретного исследователя, так и с особенностью психического склада его личности [10. С. 369].

Что же еще входит в структуру тактико-криминалистических особенностей лица-носителя специальных познаний, помимо его характерологических особенностей, выраженных в его типе личности? Речь идет об обстоятельствах, проистекающих из социализации личности в различных сферах, т.е. факторов, модифицирующих (усиливающих или ослабляющих) типологические особенности личности.

Как ни странно, много об эффективности профессиональной деятельности человека говорит его семейный статус. Несмотря на то, что гиперреализации в избранной сфере на уровне исторических фигур добивались, как правило, лица, имеющие проблемы в семейных отношениях, данный факт критерием объективного не является, так как в большинстве случаев так называемые исторические фигуры по структуре своей личности близки к личностям выражено психопатичным. Мы не будем аргументировать данное положение и ссылаться на толпы великих, просто присоединимся к мнению К. Ясперса [11]. У нормально развитой личности, в рамках которой не актуально решать вопрос о корреляции между симптомами шизотипического расстройства личности и её креативностью, дело обстоит с точностью до наоборот.

Адаптация человека в трудовом коллективе – процесс непростой, но доступный нормальной личности и, вероятно, представляет проблему либо в случае дефектности самого коллектива, либо в силу социопатичности личности адаптирующегося. В трудовом коллективе приоритетна реализация трудовой функции, поэтому в плане личностных особенностей коллектив можно ввести в заблуждение. Создать же адаптивную, но фальшивую роль в семейных отношениях доступно ничтожному меньшинству. Подавляющее большинство людей в рамках семьи понижают планку волевого контроля, а значит, отыгрывать искусственную личность не могут. Притворяться в семье долго невозможно.

Следовательно, реализующийся семейный статус – это показатель способности человека к интегрированности в малую группу, способности предельно примитивной, исходя из человеческой природы (если, конечно, опираться на эволюционную теорию). И это мы еще не говорим о том, что семейное взаимодействие усиливает способности волевого контроля и ролевого поведения в межличностных отношениях. Человек, неспособный или малоспособный к интеграции в малую группу (в нашем случае – семью), по умолчанию не обладает стабильной психикой, а значит, его эффективная реализация в профессиональной деятельности также потенциально невысока. Еще раз оговоримся: речь не идет о лицах с выраженными симптомами шизотипического расстройства личности как следствии её креативности.

Сегодня в нашей стране, несмотря на эффективные препоны со стороны государства (признание сообществ экстремистскими), многими сообществами активно ведется пропаганда антисемейных ценностей. Конечно, нельзя сказать, что все источники подобной пропаганды принадлежат пропагандистской машине парафилического движения, ведь среди авторов постов, роликов и стримов встречаются просто инфантильные личности или личности, генерализирующие свой неудачный сексуальный или семейный опыт. Тем не менее пропаганда антисемейных ценностей, как правило, имеет выражено парафилическую природу. В целом брак – это своеобразный тест на инфантилизм.

Индустриальное общество всегда предпочитало семейного человека одиночке не только потому, что на семейного человека можно оказать усиленное давление со стороны властных или провластных структур, но и потому, что как производящая единица семейный человек более эффективен. Несемейный человек в меньшей степени склонен контролировать свою деятельность не на уровне поведения, а на уровне установок, выраженных в ценностях, отношениях и притязаниях. Все сказанное естественно относится к носителю специальных познаний. Дискуссионен, пожалуй, только тезис: в той ли степени не нахождение в браке понижает компетентность специалиста, так же как и любого другого человека, или же у носителя более развитой психики, у носителя специальных познаний это выражено сильнее. Сказанное становится тем актуальнее, чем больше возраст человека.

Пусть и неоднозначно, но справедливо утверждение, что отношение человека с детьми (особенно возрастными) есть показатель пластичности его психики, гибкости его мировосприятия и повышенной способности к волевому контролю. Дети, в силу различий в мировосприятии разных поколений и небольшого жизненного опыта, не склонны к реальным компромиссам в отношениях с взрослыми родителями. Следовательно, хорошие отношения человека со своими детьми есть показатель его выраженных способностей к описанному реальным компромиссам, показатель гибкости его психики. Носитель же специальных познаний, не обладающий гибкой психикой, крайне ненадежен, если приходится принять нестандартное, рискованное решение или решение, основанное на небольшом количестве фактов – это предельно значимо для лица, проводящего ИСД.

При выборе эксперта, обладающего специальными знаниями, в контексте подготовки к проведению ИСД, необходимо применительно к выбранному кандидату выяснить наличие у него профессиональных конкурентов, которые, как правило, характеризуются достаточно высоким уровнем недоброжелательности. Вполне возможно, будет целесообразно привлечь их в качестве экспертов для оценки результатов проведенного ИСД, а в идеале – его исследовательских этапов. Уже на рассматриваемой стадии необходимо выяснить у компетентных в этом лиц (в контексте проводимого ИСД): наличие в регионе научных школ, факты их конкуренции за исследовательские гранты, принадлежность к одним или различным профессиональным сообществам (ассоциациям, коллегиям, университетским исследовательским коллективам). Представителей различных школ также можно будет впоследствии привлечь в качестве сторонней оценки результатов ИСД.

Индикатором профессионального мастерства нередко выступают слухи, которые ходят о лице-носителе специальных познаний. Анализировать слухи необходимо через призму понимания того, что социальная конкуренция формирует значительное количество слухов в отношении лиц, которым завидует их окружение, и формирует незначительное количество слухов о социальных аутсайдерах. Конечно, нужно учитывать, что слухи формируются прежде всего из-за роли лица в социально-групповой иерархии и только во вторую очередь из зависти к профессиональным навыкам лица. Хотя на сегодняшний день рыночные отношения в индустриальных государствах объективно генерируют культуру невысокого уровня профессионализма работников, поэтому баланс роли и навыков, скорее, приближается к паритету.

Также об успешности человека свидетельствуют написанные на него доносы, особенно анонимные. Добавим к ранее сказанному о доносах, что доносы, имеющие авторство, говорят, скорее, о зависти к человеку со стороны среднего и высшего уровня той структуры, в которой он работает, а анонимные доносы, как правило, свидетельствуют о зависти к работнику со стороны его подчиненных. Сказанное объясняется потребностью в безопасности для доносчика с низким

статусом и неактуальностью этого для доносчиков со средним и высоким статусом.

Ситуационно-поведенческая структура личности носителя специальных знаний

При выборе лица, обладающего специальными познаниями, необходимо принимать во внимание не только личностные особенности, проявляющиеся стабильно, но и такие модели поведения, которые предопределяются ситуационной составляющей. Таким образом, при выборе эксперта и специалиста необходимо принимать во внимание громадное количество факторов, среди которых, на наш взгляд, наиболее значимы следующие:

- Состояние депрессии (психическое состояние, основными признаками которого являются тревожное или безразличное настроение и снижение или утрата способности получать удовольствие).

- Состояние дипсомании (состояние, возникшее в силу длительного употребления спиртных напитков, характеризующееся непреодолимой тягой к спиртному).

- Состояние перевозбуждения (состояние, в котором реакции возбуждения превышают средние показатели по интенсивности, продолжительности и частоте). Состояние перевозбуждения может происходить не только из негативной составляющей стрессора (прежде всего, конфликтов), но и из его позитивной составляющей. К примеру, в ожидании отпуска, переезда или повышения по служебной лестнице человек склонен формально относиться к завершаемым проектам.

- Состояние утомления (состояние, возникающее в результате интенсивной или продолжительной работы и сопровождающееся снижением физической работоспособности). Причиной состояния утомления часто выступает избыточная загруженность лица, о которой можно легко узнать от его окружающих.

- Состояние болезни или периода, в котором происходит восстановление после болезни.

Вышеперечисленные состояния мы попытались ранжировать по степени декомпетентизации, то есть потенциального понижения компетентности в силу внешних факторов стрессовой природы. К сожалению, назвать состояния, которые оптимизируют профессиональный потенциал личности, так же однозначно, как и обстоятельства, ее дестабилизирующие, мы затрудняемся.

Мы были вынуждены, порой, делать выводы из материи, традиционно не относящейся к криминалистике, но в случаях, когда оценивается личностный фактор, не может быть неактуальной информация о личности, независимо от науки, изучающей данную особенность.

В качестве вывода заметим, что все приведенные выше рекомендации могут быть неактуальны в ситуации, когда у следователя нет возможности выбора лица, проводящего ИСД, но они в любом случае остаются актуальными при оценке результатов проведенного ИСД в контексте индивидуальных особенностей лица, имеющего специальные познания.

Список источников

1. Червонцева К.Б. Нравственные основы судебно-экспертной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 166 с.
2. Мань Ч.В. Тактика назначения судебно-почерковедческой экспертизы в Социалистической Республике Вьетнам // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 186–189.
3. Орехова Е.П. К вопросу о тактике назначения комплексных экспертиз // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики. Минск : БГУ, 2017. С. 59–60.
4. Экспертизы на предварительном следствии : краткий справочник / под общ. ред. В.В. Мозякова. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2002. 120 с.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
6. Седнев В.В. Гносеологический анализ независимости и объективности судебного эксперта // Криміналістичний вісник : наук.-практ. зб. Київ : ЕлітПрінт, 2010. № 1 (13). С. 19–28.
7. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М. : АСТ, 2024. 768 с.
8. Горошко Е.Ю. К вопросу о компетентности экспертов при проведении комплексных исследований // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 9-1. Барнаул : БЮИ МВД РФ, 2009. С. 75–76.
9. Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 512 с.
10. Поля Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 535 с.
11. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. М. : Академический проект, 1999. 240 с.

References

1. Chervontseva, K.B. (2011) *Nravstvennyye osnovy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti* [Moral foundations of forensic activity]. Law Dr. Diss. Moscow.
2. Man', Ch.V. (2022) *Taktika naznacheniya sudebno-pocherkovedcheskoy ekspertizy v Sotsialisticheskoy Respublike V'etnam* [Tactics of appointing a forensic handwriting examination in the Socialist Republic of Vietnam]. *Kriminalisticheskiy zhurnal*. 4. pp. 186–189.
3. Orekhova, E.P. (2017) *K voprosu o taktike naznacheniya kompleksnykh ekspertiz* [On the tactics of appointing comprehensive examinations]. In: *Traditsii i perspektivy razvitiya kriminalisticheskoy taktiki* [Traditions and Prospects for the Development of Forensic Tactics]. Minsk: Belarusian State University. pp. 59–60.
4. Mozyakov, V.V. (2002) *Ekspertizy na predvaritel'nom sledstvii* [Examinations during Preliminary Investigation]. Moscow: GU EKTs MVD Rossii.
5. Gross, G. (2002) *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki* [Handbook for Forensic Investigators as a System of Forensic Science]. Moscow: LeksEst.
6. Sednev, V.V. (2010) *Gnoseologicheskii analiz nezavisimosti i ob'ektivnosti sudebnogo eksperta* [Epistemological analysis of the independence and objectivity of a forensic expert]. *Kriminalistichnyi visnik*. 1 (13). pp. 19–28.
7. Daymond, D. (2024) *Ruzh'ya, mikroby i stal': istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The History of Human Communities]. Moscow: AST.
8. Goroshko, E.Yu. (2009) *K voprosu o kompetentnosti ekspertov pri provedenii kompleksnykh issledovaniy* [On the issue of expert competence in conducting complex research]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 9-1. pp. 75–76.
9. Aubakirova, A.A. (2010) *Sledstvennye i ekspertnye oshibki pri formirovaniy vnutrennego ubezhdeniya* [Investigative and expert errors in the formation of inner conviction]. Law Dr. Diss. Chelyabinsk.
10. Polia, D. (1957) *Matematika i pravdopodobnye rassuzhdeniya* [Mathematics and Plausible Reasoning]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
11. Yaspers, K. (1999) *Strindberg i Van Gogh* [Strindberg and Van Gogh]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Информация об авторе:

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025;
одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 24.06.2025;
approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 343.54
doi: 10.17223/15617793/517/28

Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде

Мария Ивановна Синяева¹

¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, mari_sinyayeva@mail.ru

Аннотация. Обоснована необходимость совершенствования правового инструментария для квалификации и расследования речевой агрессии молодежи в сетевой среде, включая моббинг и кибербуллинг. Проведен анализ уголовно-правовых и административных норм, судебной практики и статистики цифровых платформ, дополненный сравнительно-правовым сопоставлением зарубежных подходов. Предложены легальные дефиниции «цифровой агрессии», «публичного распространения» и «поликодового сообщения». Намечены направления интеграции указанных понятий и процедур в практику правоохранительных органов для эффективного противодействия деструктивным коммуникациям в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: речевая агрессия, буллинг, моббинг, кибербуллинг, молодежь, цифровая среда, публичный характер, коммуникация

Источник финансирования: работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет2030».

Для цитирования: Синяева М.И. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 249–255. doi: 10.17223/15617793/517/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/28

Some problems of criminal-legal qualification of speech aggression of young people in the digital environment

Mariya I. Sinyayeva¹

¹ Southwest State University, Kursk, Russian Federation, mari_sinyayeva@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the contentious issues of criminal law qualification of youth verbal aggression in the digital environment, including such forms of destructive communicative behavior as mobbing and cyberbullying. The primary emphasis is placed on normative gaps in qualifying these acts, given the increasing relevance of the problem in recent years against the backdrop of the rapid development of digital communication platforms. The research is based on an analysis of current criminal legislation (in particular, Articles 128.1, 280, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation), administrative law norms, as well as judicial and investigative practice regarding cases of verbal aggression in the digital environment. The theoretical foundation consists of scientific concepts of verbal aggression presented in the works of Yu.V. Shcherbinina, K.F. Sedov, T.A. Vorontsova, L.V. Enina, alongside empirical data on the prevalence of various forms of cyberbullying and mobbing on modern digital platforms. In the course of the research, the following methods were used: formal and dialectical logic; analysis of statistical data from digital platforms (TGStat, VK Tech Report, TikTok), revealing the actual scale of aggressive content dissemination; the comparative legal method, enabling the comparison of qualification approaches for similar acts in different jurisdictions; and structural-functional analysis to identify the features of the digital communication environment and its influence on the legal qualification of acts. Based on the findings, the author concludes that there is no unified legal regime for qualifying verbal aggression in the digital environment. Three key problems have been identified: 1. The problem of qualifying the feature of "public nature" in the context of online communications, where a dynamic blending of private and public content status occurs, and traditional categories of public nature ("mass media," "public speeches," "printed publications") do not align with the specifics of digital platforms. 2. The problem of establishing the subjective aspect (*mens rea*) of verbal aggression within the context of youth digital subculture, where direct intent is often masked as a "joke" or "irony," realized through specific polycode means (emojis, memes, slang expressions). 3. The problem of procedural fixation and proof of instances of verbal aggression in the digital environment, including the lack of unified approaches to the collection and procedural legitimization of digital evidence. The author acknowledges that the complete eradication of verbal aggression in digital space is likely impossible; however, it is necessary to develop effective legal mechanisms for its regulation and control.

Keywords: speech aggression, bullying, mobbing, cyberbullying, youth, digital environment, public character, communication

Financial support: The work was carried out within the framework of the Southwestern State University Development Program of the Priority-2030 project.

For citation: Sinyayeva, M.I. (2025) Some problems of criminal-legal qualification of speech aggression of young people in the digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 249–255. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/28

Введение

Актуальность исследования, посвящённого уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодёжи в цифровой среде, определяется совокупностью криминологических и правоприменительных вызовов.

Во-первых, именно молодёжные возрастные социальные группы (14–35 лет) формируют ядро активных пользователей сетевых платформ [1. С. 29], где коммуникативные форматы (стримы, сторис, меметика, короткие видео) обладают предельной скоростью тиражирования и практически не поддаются традиционным механизмам редакторского или общественного контроля. В результате агрессивные вербальные практики – оскорбления, угрозы, призывы к насилию или разжиганию розни – приобретают массовый характер, трансформируясь из индивидуальных деликтов в фактический инструмент группового давления, что повышает уровень латентности и общественной опасности деяний.

Во-вторых, уголовное законодательство ориентировано на классические каналы публичности («СМИ», «массовые акции», «печатные издания»), тогда как цифровая среда молодёжного общения характеризуется смешением частного и публичного статусов: сообщения могут оперативно перемещаться из закрытых чатов в открытые каналы, а удаление контента не исключает его последующего репоста. Отсюда возникают трудности квалификации по ст. 128.1, 280, 282 УК РФ и разграничения с административными составами; отсутствуют чёткие критерии момента окончания преступления и объёма аудитории, достаточного для признания высказывания «публичным».

В-третьих, специфика молодёжного сленга, иронии, использования эмодзи и мультимедийных вставок осложняет выявление субъективной стороны: прямой умысел нередко маскируется под «шутку», а сами высказывания распространяются с помощью инструментов автоматической модерации и алгоритмических рекомендаций, что требует новых методик экспертной лингвистической оценки. При этом судебно-следственная практика демонстрирует фрагментарность подходов к установлению авторства и неизменности цифровых следов (лог-файлов, метаданных, скриншотов), без чего невозможно достоверно установить состав преступления.

В-четвёртых, существующие профилактические и карательные меры ориентированы преимущественно на защиту несовершеннолетних, что оставляет вне фокуса значительный сегмент молодёжи, юридически совершеннолетней, но социально уязвимой к речевому давлению и вовлечению в деструктивные сообщества.

Таким образом, комплексное исследование проблем квалификации речевой агрессии среди молодёжи в цифровой среде необходимо для:

- 1) уточнения объективных и субъективных признаков соответствующих преступлений;
- 2) разработки критериев разграничения уголовной и административной ответственности;
- 3) совершенствования доказательственной базы в условиях электронного документооборота.

Основные результаты

Формирование понятийно-категориального аппарата настоящего исследования требует разграничения терминов, описывающих речевое взаимодействие молодёжи в цифровой среде.

Ю.В. Щербинина относит феномен речевой агрессии преимущественно к ювенальной коммуникативной среде и сфере педагогического взаимодействия. Под речевой агрессией, в её интерпретации, следует понимать вербальное воздействие, направленное на умаление коммуникативного партнёра через эксплицитное выражение негативных эмоций, мотивов или намерений в форме, выходящей за пределы социально приемлемого речевого протокола [2. С. 181]. К числу характерных вербальных актов относятся публичное или частное оскорбление, угроза причинения вреда, императивное грубое требование, демонстративный отказ, обвинительное высказывание, а равно насмешка, высмеивающая или дискредитирующая адресата.

По К.Ф. Седову, речевая агрессия представляет собой преднамеренный коммуникативный акт, конечной целью которого является индукция у адресата негативного эмоционально-психологического состояния, то есть сознательное провоцирование дискомфорта, тревоги либо раздражения у объекта речевого воздействия [3. С. 92].

Т.А. Воронцова квалифицирует данный феномен как конфликтогенное речевое поведение, основанное на субъектно-объектной модели коммуникации, при которой говорящий рассматривает собеседника не как равноправного участника диалога, а как объект для манипулятивного воздействия, вызывающего негативные эмоциональные переживания [4. С. 113].

Л.В. Енина интерпретирует речевую агрессию через призму психологической мотивации: это часть речевого поведения, обусловленная актуализацией агрессивного состояния говорящего, то есть внутренне детерминированной готовностью к вербальной экспансии [5. С. 256].

В цифровой коммуникационной среде речевая агрессия проявляется преимущественно в двух формах – моббинге и кибербуллинге. Моббинг в онлайн-пространстве представляет собой тщательно координированное «групповое давление», когда несколько участников единого чата, форума или стрим-ленты синхронно атакуют адресата, стремясь обнулить его

статус и выбить из комфортного эмоционального равновесия. Психолингвистически это выражается употреблением пейоративной лексики, обценных эскапад, стигматизирующих ярлыков, а также визуальных триггеров – агрессивных мемов, эмодзи-оскорблений, «капса» и иных графических приёмов усиления экспрессии. К дискурсивным практикам относятся ярлыкование, дезинформация, публичный «слив» частных данных, виртуальный бойкот и демонстративное игнорирование, формирующие у «таргета» ощущение непрерывного, пусть и дистанционного, контроля со стороны «толпы» [6. С. 24].

Кибербуллинг, напротив, чаще инициируется одним или несколькими «хейтерами», но быстро обрывает дополнительные подписчики за счёт алгоритмического «разгона» контента. Его ключевые свойства – высокая медиавирусность (объект нападения мгновенно становится «трендом»), круглосуточная асинхронность (атака не прекращается даже в периоды офлайн-отключения жертвы) и маскирующая анонимность агрессора, повышающая субъективное чувство безнаказанности. Конфигурация «хейтеры – жертва» маркирует жёсткий дисбаланс цифрового капитала и символической власти внутри молодёжной субкультуры, где «рейтинги» и «подписчики» приравняются к реальной силе воздействия [7. С. 179].

Моббинг и кибербуллинг сходны по трём фундаментальным признакам. Во-первых, обе формы преследования направлены на разрушение социального статуса адресата путём длительного психологического давления. Во-вторых, в обоих случаях используется идентичный лингвистический инструментарий: пейоративная лексика, стигматизирующие ярлыки, обценные конструкции и визуально-вербальные маркёры (мемы, эмодзи-оскорбления), превращающие коммуникацию в механизм дегуманизации. В-третьих, последствия для жертвы унифицируются в виде хронического дистресса, чувства социальной изоляции и эрозии личной идентичности.

Одновременно фиксируются и существенные различия. Моббинг первоначально организуется группой офлайн-участников одного коллектива и действует синхронно: давление оказывается «единым фронтом» в пределах учебной или рабочей среды. Кибербуллинг, напротив, часто начинается с одиночной атаки и приобретает массовый характер за счёт сетевой вариативности, когда к агрессии спонтанно подключаются новые пользователи. Далее, моббинг локализуется во времени и пространстве (уроки, смены, репетиции), тогда как кибербуллинг децентрализован и сопровождает жертву круглосуточно, распространяясь по различным цифровым платформам. Наконец, при моббинге личности преследователей обычно известны, их статус социально закреплён, тогда как кибербуллинг функционирует под защитой анонимных никнеймов, временных аккаунтов и технических прокси, что усиливает субъективное чувство безнаказанности агрессоров.

Современная типология выделяет ряд устойчивых сценариев: «флейм» – эмоционально нагретые баттлы с обценной лексикой; «хейт-спам» – серийные оскорбительные рассылки; «слив репутации» – дистрибуция

фейков, дипфейков и фотожаб; «фейк-аккаунт» – публикация токсичного контента от имени жертвы; «докс» – обнародование частных данных; «диджитал-бойкот» – искусственное исключение из групповых чатов; «сталкинг» – навязчивое отслеживание онлайн-активности. Эскалацию подпитывают «эхо-камеры» рекомендаций, мгновенные репосты и геймифицированная система лайков, превращающая травлю в квази-ритуал, где каждая новая атака повышает символический статус агрессора.

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым поэтапно проанализировать несколько узловых проблем, препятствующих адекватной уголовно-правовой реакции на описанные явления.

1. Проблема квалификации признака публичности в контексте сетевых коммуникаций

Действующее уголовное законодательство оперирует традиционными категориями публичности («средства массовой информации», «публичные выступления», «печатные издания»), которые не соответствуют специфике цифровых платформ, используемых молодежью. Современная цифровая коммуникация характеризуется динамичным смешением частного и публичного статусов контента: высказывания могут мгновенно перемещаться из закрытых чатов в общедоступное пространство посредством репостов, скриншотов и автоматических рекомендаций. Отсутствуют легитимные критерии определения момента окончания преступления и количественных параметров аудиторией, достаточной для квалификации высказывания как «публичного» в контексте составов, предусмотренных ст. 128.1, 280, 282 УК РФ. При этом удаление первоначального контента не исключает его дальнейшего распространения в сетевом пространстве, что создает эффект пролонгированной публичности и затрудняет определение временных границ деяния.

Практика подтверждает данный изъян нормативной конструкции. Так, по сведениям сервиса TGStat, в I квартале 2024 г. 31% сообщений, первоначально опубликованных в телеграмм-чатах численностью до 50 участников, впоследствии набрали свыше 10 000 просмотров исключительно за счёт функции «переслать» [8. С. 190]. Классический иллюстративный кейс – уголовное дело «Д. П.», возбужденное по признакам ч. 2 ст. 280 УК РФ: призывы, высказанные в локальном чате студсовета (23 адресата), были скрин-капчером вынесены в публичный канал «N» (≈180 000 подписчиков); к моменту удаления первоисточника репост уже набрал свыше 90 000 просмотров и более 2 400 перепубликаций, что послужило основанием для квалификации как публичного распространения экстремистских материалов.

Схожие коллизии фиксируются и во «ВКонтакте». Отчёт самой площадки (VK Tech Report, 2024) показывает, что порядка 42% записей в индивидуальной ленте пользователей формируется алгоритмом «Рекомендации» из контента сообщений, на которые пользователь не подписан [9. С. 7]. Именно посредством такого механизма сатирический мем 16-летней N, изначально размещённый в режиме «друзья» (55 адресатов), достиг 68 000 просмотров и стал предметом уголовного преследования по ст. 282 УК РФ.

Наконец, видео-платформы демонстрируют ещё более выраженный эффект тиражирования. Открытая статистика TikTok за 2023 г. свидетельствует: более 60% суммарных просмотров формирует лента «For You», основанная на выборке популярного контента [10]. Через такой канал «вирусного» распространения клип-пародия блогера N с клеветническими утверждениями о преподавателе вуза – записанный в режиме прямого эфира для аудитории около 300 зрителей – за 48 часов собрал свыше 1,2 млн просмотров. По факту была возбуждена проверка по ст. 128.1 УК РФ. Следствие столкнулось с необходимостью учитывать сохранённые «дзеты», ремиксы и зеркальные копии, зафиксированные экспертами на 27 сторонних ресурсах, что объективно затруднило определение момента окончания противоправного распространения.

Таким образом, эмпирические данные демонстрируют несоответствие классического признака публичности особенностям цифровой среды. Это несоответствие усложняет реализацию принципа законности (ст. 3 УК РФ) и требует доктринального пересмотра критериев публичного распространения информации, а также институализации процессуальных правил фиксации момента окончания соответствующих преступлений.

Для нивелирования описанной проблемы необходимо предпринять следующие меры.

Первостепенной задачей законодательного вмешательства является конкретизация объективных признаков составов, предусмотренных ст. 128.1, 280 и 282 УК РФ, с учётом технологической природы сетевого распространения информации. Целесообразно дополнить указанные нормы легальным определением «публичного распространения в информационно-телекоммуникационных сетях», под которым следует понимать размещение сообщения в сегменте сервиса, функционально обеспечивающем доступ либо неопределённому кругу лиц, либо аудитории численностью свыше 500 уникальных пользователей в течение 24 часов. Наряду с этим предлагается перечислить цифровые способы доведения сведений до адресатов (репост, автоматическая рекомендация, скрин-капчер), тем самым устранив пробел, выявленный в правоприменительной практике.

Субъективная сторона подлежит уточнению посредством установления презумпции осведомлённости лица о публичном характере размещаемого контента, если оно приняло пользовательское соглашение, содержащее уведомление о потенциальном тиражировании публикаций алгоритмами площадки. Опровержение данной презумпции допустимо только при доказанном наличии технической ошибки, злоумышленных действий третьих лиц или иных обстоятельств, исключающих возможность контроля над распространением. Подобное решение позволит обеспечить баланс между принципом вины (ст. 5 УК РФ) и объективной опасностью цифровых коммуникаций.

Для разграничения уголовной и административной ответственности предлагается внести в КоАП РФ новую статью «Неправомерное распространение ограни-

ченного по охвату противоправного контента», предусматривающую административную санкцию, когда охват аудитории не превышает 500 уникальных пользователей, деяние носит однократный характер и не причинило существенного вреда охраняемым публичным интересам. Параллельно в Постановление Пленума Верховного Суда РФ целесообразно включить разъяснение, согласно которому наличие квалифицирующих обстоятельств – использования инструментов массового тиражирования, рецидива либо наступления тяжких последствий – трансформирует деяние в преступление. Указанная дифференциация обеспечит единообразие правоприменения и исключит дискрецию, противоречащую принципу справедливости.

Совершенствование доказательственной базы предполагает утверждение федерального стандарта «Единого электронного протокола осмотра сетевого контента», предусматривающего обязательное формирование хеш-слепок объекта с использованием алгоритма SHA-3, заверение квалифицированной электронной подписью следователя и хронометраж посредством доверенного сертифицированного сервиса меток времени. Дополнительно операторы информационных ресурсов с суточной аудиторией свыше 100 тыс. пользователей должны быть обязаны хранить логи событий не менее одного года и предоставлять их по мотивированному запросу органов дознания или суда. В целях процессуальной экономии следует институционализировать процедуру удалённого удостоверения факта публикации нотариусом с созданием централизованного депозитария цифровых доказательств при Минцифры России.

2. Проблема установления субъективной стороны речевой агрессии в условиях молодежной цифровой субкультуры

Судебно-следственная практика испытывает существенные затруднения при определении содержания субъективной стороны преступлений, связанных с речевой агрессией в молодежной цифровой среде. Прямой умысел на унижение достоинства, распространение заведомо ложных сведений или возбуждение ненависти часто маскируется под «шутку», «иронию» или «сатиру», реализуемые посредством специфических лингвистических и паралингвистических средств (эмодзи, мемы, сленговые выражения, визуальные триггеры). Современная молодежная коммуникация предполагает высокую степень амбивалентности смыслов, когда идентичные лексические единицы могут приобретать противоположное значение в зависимости от контекста. Существующие методики судебной лингвистической экспертизы не адаптированы к оценке поликодовых текстов, включающих аудиовизуальные элементы, эмодзи-комплексы и метатекстовые связи, что усложняет юридическую квалификацию деяния по субъективной стороне.

Рассмотрим обезличенные примеры из практики правоохранительных органов.

Так, в уголовном деле блогера N. предметом расследования стал видеоролик в сети TikTok, в котором фигурант использовал мем-шаблон «Pepe the Frog» с наложением эмодзи 🤩 и текстом «возьмёмся за руки,

братья, чтобы...», завершённым уничижительной характеристикой в адрес группы лиц по национальному признаку. Защита настаивала на том, что публикация представляет собой «чёрный юмор» и фольклорную иронию, однако эксперты-лингвисты не смогли дать однозначного ответа о совокупном воздействии графики, текста и музыкального сопровождения, что вынудило назначить повторное комплексное исследование уже с участием специалистов по аудиовизуальным коммуникациям.

Показателен пример, связанный с закрытым Telegram-чатом студентов, размещавших цифровые фотоколлажи с визуальными эффектами и эмодзи 🤪🤪🤪, высмеивавшие преподавателей по признаку пола и религиозной принадлежности. Первоначально производство велось по ст. 128.1 УК РФ (клевета), но после экспертного заключения о наличии «социально-дискриминационных триггеров» дело было переквалифицировано на ч. 1 ст. 282 УК РФ. Суд возвратил материалы прокурору именно ввиду неопределённости умысла: было неясно, стремились ли участники к возбуждению ненависти или ограничивались сатирой в узком кругу.

Наконец, в административном деле о публичном оскорблении (ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ) в отношении несовершеннолетнего Н. фигурировал аудио-мем, распространённый через функцию «дзэт» в TikTok. Школьник заменил текст популярного трека фразой «какие вы кривые, старпёры», дополнив её звуками собачьего лая. Эксперты не смогли договориться, выступает ли «лай» в данном контексте метафорой, унижающей достоинство людей старшего возраста или служит нейтральным звуковым фоном.

Объективное наблюдение за современной судебной следственной практикой демонстрирует устойчивую тенденцию к затруднению установления формы вины при правонарушениях, совершаемых посредством поликодовой речевой агрессии в интернет-среде. Отсутствие в уголовно-правовых и административно-правовых нормах единых дефиниций «цифрового коммуникационного продукта» и «поликодового знака» (комбинация текста, эмодзи, аудио- и видеосоставляющих) препятствует точной квалификации деяний, поскольку традиционные лингвистические методики основаны преимущественно на анализе вербального компонента. В целях устранения указанного пробела целесообразно дополнить примечания к статьям 128.1, 280 и 282 УК РФ легальным понятием поликодового сообщения, а также утвердить на уровне методических рекомендаций Верховного Суда перечень объективных индикаторов речевой агрессии (повторяемость оскорбительных паттернов, наличие уничижительных хештегов, тематическая последовательность публикаций).

Уточнение субъективной стороны предполагает регламентацию признаков прямого умысла в цифровой коммуникации. Проектируемая «Методика комплексного психолого-лингвистического исследования поликодовых текстов», подлежащая утверждению Минюстом, должна включать:

а) уровневый анализ вербального, графического и аудиовизуального слоёв;

б) учёт площадки распространения (публичная, полузакрытая, закрытая);

в) оценку статуса субъекта (лидер мнения, администратор группы, рядовой пользователь). Фиксация мотивирующих факторов (социальная неприязнь, корыстное желание повысить трафик) и целеполагания (возбуждение ненависти, распространение порочащих сведений) позволит надёжно воспроизвести внутреннюю сторону деяния в доказательственном пространстве уголовного процесса.

Разграничение между уголовной и административной ответственностью следует осуществлять на основе четырёх критериев, формализуемых в постановлении Пленума Верховного Суда. Во-первых, масштаб распространения: охват аудитории свыше 500 уникальных пользователей или использование алгоритмических рекомендательных лент образует повышенную общественную опасность, что обоснованно переводит деяние в сферу уголовного права. Во-вторых, защищаемый объект: посягательство на конституционные гарантии равенства групп, выделяемых по расовому, национальному или религиозному признаку, подлежит уголовно-правовой охране; оскорбление неидентифицированных возрастных либо профессиональных сообществ – административно-правовой. В-третьих, интенсивность воздействия: публичные призывы к насилию и распространение заведомо ложных фактов свидетельствуют о большей общественной опасности. В-четвёртых, повторность: систематическое размещение аналогичных материалов (не менее трёх эпизодов в течение месяца) квалифицируется как преступление независимо от аудитории.

Совершенствование доказательственной базы в условиях электронного документооборота возможно через внедрение сквозной цифровой цепочки хранения электронных доказательств. АИС МВД целесообразно дополнить модулем, автоматически формирующим криптографический хеш-идентификатор каждого фиксационного файла (скриншот, видеозапись, аудиофайл) с привязкой к серверному времени, что обеспечит доказательственную непрерывность при последующем удалении контента пользователем. Необходимо также нормативно закрепить 24-часовой срок предоставления администраторами платформ логов доступа, IP-адресов и метаданных по электронному запросу, подписанному усиленной квалифицированной электронной подписью должностного лица. При Экспертно-криминалистическом центре МВД следует сформировать федеральный «Реестр мемов и эмодзи», содержащий экспертное толкование визуальных символов и их оценочно-социальную нагрузку, что минимизирует субъективизм при проведении экспертиз.

3. Проблема процессуальной фиксации и доказывания фактов речевой агрессии в цифровой среде

Текущая следственная практика демонстрирует отсутствие унифицированных подходов к сбору, фиксации и процессуальной легитимации цифровых доказательств речевой агрессии. Проблематичным остается достоверное установление авторства и неизменности цифровых следов (лог-файлов, метаданных, скриншо-

тов), без которых невозможно сформировать надлежащую доказательственную базу по делам о кибербуллинге и моббинге.

Сложность идентификации реальных лиц за анонимными аккаунтами, временными регистрациями и прокси-сервисами создает существенные препятствия для правоприменения. Особую сложность представляет процессуальная фиксация эфемерного контента (сторис, временных сообщений), который автоматически удаляется через определенные интервалы времени, но может оказывать деструктивное психологическое воздействие. При этом объемная информационная среда молодежной коммуникации требует специализированных компетенций для отграничения юридически значимых фрагментов от общего контекста взаимодействия.

Системная профилактика кибербуллинга и моббинга невозможна без нормативного уточнения объективных и субъективных признаков соответствующих деяний. Предлагается легализовать в примечаниях к ст. 128.1, 280 и 282 УК РФ, а также к ст. 5.61 и 20.1 КоАП РФ термин «цифровая агрессия» как совокупность неоднократных (не менее трёх в течение 30 календарных дней) коммуникационных актов, осуществляемых через информационно-телекоммуникационные сети и направленных на унижение чести и достоинства потерпевшего либо группы лиц. В качестве объективных индикаторов прямого умысла подлежат фиксации: таргетированное упоминание жертвы, устойчивые уничижительные хештеги, мем-шаблоны или эмодзи, а также применение средств анонимизации (VPN, проху, disposable-аккаунты). Субъективную сторону предлагается презюмировать как прямой умысел, если установлено намеренное удаление агрессором контента или активация функций автоудаления, что свидетельствует о предвидении общественно опасных последствий и желании избежать ответственности.

Разграничение уголовной и административной юрисдикции целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда на основе трёх совокупных критериев. Во-первых, масштаб распространения: достижение контента аудитории свыше 500 уникальных пользователей либо использование алгоритмических рекомендательных лент образует повышенную общественную опасность, требующую уголовно-правового преследования. Во-вторых, тяжесть последствий: причинение тяжкого вреда здоровью, суицидальная попытка или заключение специализированного врача о стойком расстройстве адаптации квалифицируются как преступление. В-третьих, социальная уязвимость потерпевшего: несовершеннолетие, инвалидность, принадлежность к расовой, национальной, религиозной или гендерной группе является квалифицирующим обстоятельством и исключает применение административной нормы независимо от охвата аудитории и характера последствий.

Повышение доказательственной состоятельности расследований требует законодательного закрепления «сквозной цифровой цепочки» хранения электронных

доказательств: каждому артефакту (скриншот, видеофайл, html-дамп) присваивается криптографический хэш с отметкой времени, синхронизированной по государственному эталону, и он подлежит обязательному помещению в депозитарий электронных доказательств. Владельцы платформ обязаны в течение 24 часов с момента получения мотивированного процессуального запроса предоставить неизменённые лог-файлы, резервные копии эфемерного контента и метаданные в формате WORM-реплик, заверенных квалифицированной электронной подписью. Дополнительно вводится институт «цифрового нотариата», предусматривающий процессуальную фиксацию исчезающего контента через API площадок путём формирования пакета «скрин-протокол» (изображение экрана, исходный код, PCAP-трафик), стандартизованного ГОСТ «Digital-Evid-2024».

Вывод

Исследование проблем уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде позволяет констатировать наличие существенных пробелов в нормативно-правовом регулировании и правоприменительной практике. Действующие уголовно-правовые конструкции характеризуются нормативной архаичностью в контексте квалификации признака публичности, недостаточной адаптированностью к поликодовым коммуникациям, а также процессуальной неопределенностью фиксации цифровых доказательств, что создает предпосылки для формирования контрпродуктивной дискреции при правоприменении. Отсутствие легальных дефиниций «цифровой агрессии», «поликодового сообщения» и «публичного распространения в информационно-телекоммуникационных сетях» существенно затрудняет квалификацию деяний по ст. 128.1, 280 и 282 УК РФ в условиях динамичного смещения частного и публичного статусов контента.

Результаты проведенного исследования обуславливают необходимость комплексного совершенствования материально-правовых и процессуальных норм в рассматриваемой сфере. Приоритетными направлениями модернизации выступают: во-первых, институционализация криминообразующих признаков цифровой речевой агрессии с учетом технологической природы сетевого распространения информации; во-вторых, разработка и нормативное закрепление методики комплексного психолого-лингвистического исследования поликодовых текстов, учитывающей вербальный, графический и аудиовизуальный компоненты; в-третьих, формирование процессуального института «цифрового нотариата» и системы депозитария электронных доказательств с обязательным присвоением криптографического хеш-идентификатора каждому фиксационному файлу. Имплементация указанных мер позволит нивелировать выявленные правоприменительные коллизии и обеспечить эффективное противодействие деструктивным коммуникативным практикам в молодежной цифровой среде.

Список источников

1. Немировская Е.П., Алексеева В.С. Особенности медиапотребления поколения Z в социальных сетях. М. : Директ-Медиа, 2024. 160 с.
2. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 300 с.
3. Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. № 6. С. 87–103.
4. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26, № 2. С. 109–116.
5. Енина Л.М. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002. С. 254–259.
6. Кузовлев В.П., Кузовлева Н.В., Пачина Н.Н., Черных Л.А. Некоторые причины деструктивного поведения и особенности психологического террора детей и молодежи при работе в интернете // Управление образованием: теория и практика. 2017. № 3 (27). С. 20–32.
7. Аллаярова Н.И. Кибербуллинг в киберпространстве // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. 2020. № 4 (56). С. 176–180.
8. Кузьминов С.К. Технологии маркетинга в интернет-среде // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 8, № 3 (156). С. 188–193.
9. Самохвалова О.С., Уляшев К.Д. Разработка приложения для построения рекомендаций сообществ социальной сети ВКонтакте // Программные продукты, системы и алгоритмы. 2018. № 3. С. 5–9.
10. TikTok запускает кнопку сброса фиды For You. URL: <https://applepro.news/tiktok-zapuskayet-knopku-sbrosa-fida-for-you/> (дата обращения: 01.06.2025).

References

1. Nemirovskaya, E.P. & Alekseeva, V.S. (2024) *Osobennosti mediapotrebleniya pokoleniya Z v sotsial'nykh setyakh* [Features of Generation Z Media Consumption on Social Networks]. Moscow: Direkt-Media.
2. Shcherbinina, Yu.V. (2001) *Verbal'naya agressiya v shkol'noy rechevoy srede* [Verbal aggression in the school speech environment]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
3. Sedov, K.F. (2005) *Agressiya i manipulyatsiya v povsednevnoy kommunikatsii* [Aggression and manipulation in everyday communication]. *Yurilingvistika*. 6. pp. 87–103.
4. Vorontsova, T.A. (2016) *Trolling i fleyming: rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii* [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2 (26). pp. 109–116.
5. Enina, L.M. (2002) *Rechevaya agressiya i rechevaya tolerantnost' v sredstvakh massovoy informatsii* [Speech aggression and speech tolerance in the media]. In: *Rossiyskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedeniya* [Russian Press in a Multicultural Society: Tolerance and multiculturalism as guidelines for professional behavior]. Moscow: Nezavisimyy institut kommunikativistiki. pp. 254–259.
6. Kuzovlev, V.P. et al. (2017) *Nekotorye prichiny destruktivnogo povedeniya i osobennosti psikhologicheskogo terrora detey i molodezhi pri rabote v internete* [Some causes of destructive behavior and features of psychological terror of children and young people when working on the Internet]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 3 (27). pp. 20–32.
7. Allayarova, N.I. (2020) *Kiberbullying v kiberprostranstve* [Cyberbullying in cyberspace]. *Nauchnye trudy YuKGU im. M. Auezova*. 4 (56). pp. 176–180.
8. Kuz'minov, S.K. (2025) *Tekhnologii marketinga v internet-srede* [Marketing technologies in the Internet environment]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 3-8 (156). pp. 188–193.
9. Samokhvalova, O.S. & Ulyashev, K.D. (2018) *Razrabotka prilozheniya dlya postroeniya rekomendatsiy soobshchestv sotsial'noy seti VKontakte* [Developing an application for building recommendations for VKontakte social network communities]. *Programmnye produkty, sistemy i algoritmy*. 3. pp. 5–9.
10. Applepro.news. (2025) *TikTok zapuskayet knopku sbrosa fida For You* [TikTok launches a For You feed reset button]. *Applepro.news*. [Online] Available from: <https://applepro.news/tiktok-zapuskayet-knopku-sbrosa-fida-for-you/> (Accessed: 01.06.2025).

Информация об авторе:

Синяева М.И. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: mari_sinyayeva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.I. Sinyayeva, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: mari_sinyayeva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 19.06.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Научная статья
УДК 343.5
doi: 10.17223/15617793/517/29

Защищённые лица как субъекты уголовно-правовой охраны

Антон Вячеславович Сынтин¹

¹ Сибирский юридический университет, Омск, Россия, anton@syntin.ru

Аннотация. Рассматривается проблема дополнительной защиты уголовно-правовыми мерами лиц, которые не в полной мере могут осознавать характер совершаемых с ними действий, в частности использования в отношении них запрещённых в спорте субстанций и/или методов. В нормативных актах международных и национальных спортивных организаций и ассоциаций такие лица обобщаются термином «защищённые лица» (protected person). Автор рассматривает общие основания введения такого статуса, гарантии для таких лиц на уровне нормативных актов в сфере спорта, проблемы уголовно-правовой защиты «защищённых лиц», предлагает изменения в уголовное законодательство.

Ключевые слова: допинг, нарушение антидопинговых правил, защищённые лица, уголовная ответственность, склонение, использование

Для цитирования: Сынтин А.В. Защищённые лица как субъекты уголовно-правовой охраны // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 256–264. doi: 10.17223/15617793/517/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/29

Protected persons as subjects of criminal law protection

Anton V. Syntin¹

¹ Siberian Law University, Omsk, Russian Federation, anton@syntin.ru

Abstract. The present research addresses the problem of insufficient protection of vulnerable athletes by means of criminal law. Consequently, the study aims to define the categories of athletes for whom offenses against them should be punished more severely compared to crimes against other athletes ("protected persons") and the specific acts for which criminal liability should be established concerning these protected persons. The study draws upon the works of both domestic and foreign scholars specializing in criminal law, sports law, medicine, and sports theory, as well as normative legal acts and media sources. To achieve the research aims, both general scientific and specific scientific methods were used: formal-logical, comparative-legal, formal-juridical, and the method of legal forecasting. Based on the results of the research, the author arrived at the following conclusions. The criminalization of incitement to use substances and/or methods prohibited in sport, and the use of such substances and/or methods irrespective of the athlete's consent, has not led to the expected enhancement of counteraction against anti-doping rule violations. This is particularly true concerning the protection of vulnerable groups of athletes, who in criminal legislation are limited solely to minors. In the composition of the offense of using prohibited substances and/or methods, the commission of a crime against minors or any other vulnerable persons is entirely absent. The category of "protected persons," established by the World Anti-Doping Code and other documents, only partially covers vulnerable athletes, including most minors, incompetent athletes, or athletes with limited legal capacity. However, this category does not include blind individuals, persons with locomotor disabilities, etc. To increase the effectiveness of criminal law in countering anti-doping rule violations, it is necessary to include not only minors, but all protected persons, considering the need to expand this concept within the World Anti-Doping Code, while accounting for the specifics of classifying minors within this category. The criminally punishable act concerning these individuals should be the use of prohibited substances and/or methods, as a fundamental anti-doping rule violation, since such an athlete is relatively helpless and may be unable to comprehend the prohibitions established in sport.

Keywords: doping, violation of anti-doping rules, protected persons, criminal liability, inducement, use

For citation: Syntin, A.V. (2025) Protected persons as subjects of criminal law protection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 256–264. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/29

Введение

Как российский, так и общемировой спорт имеют глубокие проблемы, касающиеся невозможности существенно минимизировать количество нарушений

антидопинговых правил, создать эффективную систему противодействия таким нарушениям.

Деяния с различными стимулирующими веществами в спорте, а также иные нарушения в этой сфере не являются новым феноменом.

Считается, что вещества для повышения производительности употреблялись с момента появления спорта. Но их использование, равно как и иные незаконные действия, косвенно связанные с последним, нарушают базовые принципы спорта.

Международная система противодействия допингу начала развиваться уже с середины XX в., включая введение ответственности за нарушения антидопинговых правил [1. С. 43]. Обычно это связывают со смертью К.Э. Иенсена (Рим, 1960) и Т. Симпсона (Тур де Франс, 1967). Д. Моттрэм указывает, что первый список запрещённых субстанций был составлен МОК в 1967 г. [2]. Именно 60-е годы XX века отметились усилением контроля над здоровьем спортсменов. В 1999 г. создано Всемирное антидопинговое агентство (далее – ВАДА, Агентство) в соответствии с Лозаннской декларацией, которое стало ведущей организацией по искоренению допинга в спорте.

Это произошло в связи с тем, что допинг-скандалы в спорте не прекращались (дело Фестины, дело ФК «Ювентус» и т.п.), а единого органа международного уровня не существовало. При этом, даже с учётом более чем полувекового развития на международном уровне, не удалось создать эффективную систему противодействия допингу. Крупные скандалы, существование «культуры» потребления запрещённых субстанций и/или методов лишь подтверждают последний тезис.

Поэтому во многих государствах, в том числе в России приняты собственные меры административной и уголовной ответственности за те или иные нарушения антидопинговых правил. В настоящей работе мы сконцентрируемся на уголовно-правовых мерах, которые на данный момент фактически являются «мёртвыми» нормами, так как российский законодатель избрал достаточно специфическую модель уголовно-правового противодействия нарушениям антидопинговых правил. Он включил в Уголовный кодекс только составы склонения к использованию запрещённых в спорте субстанций и (или) методов (ст. 230¹ Уголовного кодекса, далее по тексту – Склонение), использования в отношении спортсмена вне зависимости от его согласия таких субстанций и/или методов (ст. 230² Уголовного кодекса, далее по тексту – Использование). За период существования в уголовном законодательстве эти нормы практически не применялись.

При таком состоянии правоприменительной практики конструкции составов Склонения и Использования имеют существенные ошибки и недостатки ещё и с точки зрения науки. В частности, это касается объекта [3], субъекта преступления [4] и т.д. Есть вопросы к квалифицирующим признакам [5].

Мы остановимся на проблеме определения тех лиц в спорте, которые совершили преступления, связанные с допингом, в отношении которых необходимо наказывать строже. Иными словами, задачи исследования заключаются в определении *de lege ferenda* тех категорий спортсменов, совершение преступлений в отношении которых должно наказываться более строго, а также в определении тех деяний в отношении этой категории, за которые вообще должна наступать уголовная ответственность.

Постановка проблемы охраны уязвимых спортсменов в уголовном законодательстве

Защита тех лиц, которые самостоятельно не могут должным образом отстаивать свои права, либо не могут осознавать, понимать, какие действия совершает виновное лицо в отношении него, имеет особое значение. Уголовное законодательство к таким лицам относит, как правило, несовершеннолетних, в том числе малолетних лиц, находящихся в беспомощном состоянии. Зачастую за совершение преступлений в отношении них законодатель предусматривает более строгие наказания. Например, п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, п. «б» ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 230 Уголовного кодекса и т.п.).

В исследуемых составах в качестве потерпевшего закреплён спортсмен, то есть лицо, которое занимается выбранным видом или видами спорта и выступает на спортивных соревнованиях. Отдельно в п. «б» ч. 2 ст. 230¹ Уголовного кодекса выделено совершение преступления в отношении несовершеннолетнего спортсмена (как квалифицирующий признак).

Проблема использования в отношении несовершеннолетнего спортсмена запрещённых субстанций и/или методов не нова.

Одной из первых известных пострадавших от допинга была немецкая спортсменка из ГДР Хайди Кригер. Попав в большой спорт ещё несовершеннолетней, она не осознавала, что помимо витаминов ей дают также «поддерживающие препараты», которые оказываются стероидами, и что будут последствия от их приёма. В итоге это привело к завершению карьеры, проблемам со здоровьем, смене пола. В Германии (точнее в ГДР) на то время было несколько скандалов, связанных с навязыванием спортсменам, в том числе несовершеннолетним, запрещённых субстанций [6]. Среди всех случаев показателен также пример Рики Райниш, которая вследствие использования в отношении неё запрещённых субстанций завершила карьеру в 16 лет [7].

Эти случаи происходили до создания единого Агентства, принятия Кодекса, однако уже в период становления антидопинговой системы.

Кроме этого, и в настоящее время есть случаи использования в отношении несовершеннолетних спортсменов запрещённых субстанций и/или методов. В этом плане показательно дело о допинге в молодёжном хоккейном клубе «Толпар», где у большого количества спортсменов обнаружили наличие мельдония. В итоге самих спортсменов дисквалифицировали на год, а в отношении тренера возбудили уголовное дело по ст. 230² Уголовного кодекса (окончательный приговор пока не вынесен – *прим. автора*). При этом сами спортсмены были инициаторами проведения расследования.

В. Герман (начальник отдела по обработке результатов Российского антидопингового агентства – РУСАДА) считает, что в 80% случаев положительных результатов при тестировании несовершеннолетних спортсменов виноваты родители и ближайшие родственники. К этому можно добавить также действия

тренеров и персонала спортсмена. Наиболее эффективные профилактические меры при этом – образование и информирование [8].

При этом участие в международных спортивных соревнованиях несовершеннолетних – явление не редкое. Минимальный возраст спортсмена на прошедших в 2024 г. Олимпийских играх (Париж) составлял 11 лет (Джэн Хаохао в женском скейтбординге). Достаточно много спортсменов выступало в возрасте 15–17 лет.

Некоторые организации устанавливают минимальный возраст участия в спортивных соревнованиях, хотя от воздействий со стороны тренера и иного персонала это не спасает. Последствия сдачи положительных проб несовершеннолетними спортсменами подробно описаны в докладе «Operation Refuge»: стигматизация, бойкот, разочарование, стресс, депрессивные состояния и т.д. [9].

При этом без какого-либо логического объяснения в ст. 230² Уголовного кодекса такой квалифицирующий признак не содержится. При этом оба деяния сходны между собой, а в ряде случаев конкурируют (например, в части предоставления спортсмену запрещённых субстанций и/или методов с одновременным их введением).

В толковых словарях глагол «использовать» означает «употребить в какое-нибудь дело, найти применение кому-чему-нибудь с целью извлечения пользы, воспользоваться кем-чем-нибудь для чего-нибудь» [10]. В толковом словаре Ожегова дано практически аналогичное определение: «Воспользоваться (пользоваться) кем-чем-н., употребить (-реблять) с пользой» [11].

В целом использование предполагает, что тренер, специалист по спортивной медицине или иной специалист по физической культуре и спорту сами вводят спортсмену запрещённую субстанцию, применяют запрещённый метод. По сути это можно рассматривать как «пособничество» к неправомерному поведению (административному правонарушению).

Какие-либо аргументы, доказывающие равнозначность использования в отношении несовершеннолетнего спортсмена и взрослого спортсмена запрещённых субстанций и/или методов, отсутствуют. В особенности, если в смежном составе преступления несовершеннолетие потерпевшего рассматривается как квалифицирующий признак.

Основным нарушением остаётся использование или попытка использования запрещённых субстанций и методов. Такое нарушение может быть совершено только спортсменом, который является основным субъектом в спорте. Кодекс, а равно и все остальные нормативные акты устанавливают обязанность каждого спортсмена следить за непопаданием в его тело запрещённых субстанций или использование в отношении него методов. При этом не имеет значения вина спортсмена, в том числе нет необходимости доказывать умысел. Любые другие нарушения вторичны по отношению к использованию. Так как Склонение и Использование также акцессорны по отношению к использованию спортсменом запрещённых субстанций и/или методов.

Таким образом, что Склонение, что Использование должны содержать одинаковые квалифицирующие признаки, отражающие более уязвимую группу спортсменов по сравнению с остальными. De lege lata в уголовном законодательстве это только несовершеннолетние (без какой-либо дифференциации).

Вместе с тем, помимо несовершеннолетних, есть ряд иных лиц (недееспособные, не выступавшие ранее на спортивных соревнованиях, лица, имеющие инвалидность), которые в рамках спортивного права имеют дополнительные гарантии при использовании ими или в отношении них запрещённых субстанций и (или) методов. Такие лица не закрепляются в исследуемых составах преступлений, то есть Склонение в отношении них будет наказываться так же, как и в отношении совершеннолетних психически и физически здоровых спортсменов.

Так, А.А. Фазлиев в своей работе вполне справедливо выносит эту проблему на обсуждение. Учёный считает, что необходимо дополнить п. «б» ч. 2 ст. 230¹ УК РФ признаком «в отношении спортсмена с ограниченными возможностями здоровья» [12. С. 12]. Однако сам термин «лица с ограниченными возможностями здоровья» слишком широкий. Легальное понятие «лицо, с ограниченными возможностями здоровья» отсутствует. Мы можем его вывести из двух понятий: инвалид и обучающийся с ограниченными возможностями здоровья.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» под обучающимся с ограниченными возможностями здоровья понимается «физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий». Инвалид имеет более узкое значение – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Применительно к уголовному законодательству, названные термины не отражали бы действительную цель повышенного внимания к определённым группам спортсменов, которые не всегда полноценно осознают все антидопинговые запреты, так как охватывают чрезвычайно широкий круг лиц.

Таким образом, существуют две проблемы выделения специальных потерпевших в исследуемых составах:

1. Отсутствие указаний на иных специальных потерпевших, кроме несовершеннолетних спортсменов;
2. Отсутствие в ст. 320² Уголовного кодекса квалифицирующих признаков, указывающих на уязвимых лиц среди спортсменов.

Вторая проблема разрешается, как мы уже отмечали, необходимостью включить в ст. 230² Уголовного кодекса эти признаки. Для решения первой проблемы необходимо обратиться к положениям спортивного права и выявить тех, кто обладает дополнительными гарантиями в силу своей уязвимости.

Для обособления такой группы спортсменов ВАДА ввело во Всемирный антидопинговый кодекс (далее – Кодекс) понятие «защищённое лицо», которое охватывает тех спортсменов, которые не могут осознавать запреты, то есть полноценно понять и оценить их в силу умственных способностей или возрастных особенностей.

Статус защищённых лиц в спорте

Кодекс описывает защищённых лиц как спортсменов или иных лиц, которые на момент нарушения антидопингового правила либо не достигли возраста шестнадцати лет, либо не достигли возраста восемнадцати лет, не были включены в какой-либо регистрируемый пул тестирования и никогда не принимали участия в каком-либо международном спортивном мероприятии в открытой категории, а также по причинам, не связанным с возрастом, являются недееспособными или ограниченно дееспособными, согласно применению национальному законодательству.

В науке практически полностью поддерживается необходимость особой защиты несовершеннолетних спортсменов. Так, исследование, проведённое К. Эрикссон и С. Бэкхаус, показало, что именно родители ответственны за формирование отношения спортсменов к допингу в силу наиболее близких родственных связей между ними [13].

Поэтому, так как для несовершеннолетнего спортсмена важно формирование такого качества, как соблюдение этических норм, то, учитывая большую возможность быть вовлечённым в употребление запрещённых субстанций или методов, чем у взрослых, выделение несовершеннолетия спортсмена как квалифицирующего признака обосновано. Примерно к таким же выводам пришла С. Титцель: «обращение с детьми-спортсменами является одним из наиболее актуальных проблем в спорте. Вне спорта дети считаются уязвимой группой населения, требующей заботы и внимания для обеспечения их защиты от вреда. Тем не менее значительное количество молодых спортсменов поднялись на вершину в своих видах спорта и добились замечательных успехов довольно рано в своей жизни и карьере» [14].

В связи с этим учёные выделяют принципы работы с несовершеннолетними спортсменами: приоритетное обеспечение наилучших интересов ребёнка, его всестороннее развитие, запрет на эксплуатацию несовершеннолетнего спортсмена, обеспечение получения надлежащего образования, безопасности [15. С. 69]. Эти принципы отражают необходимость повышенного внимания к процессу становления ребёнка в профессионального спортсмена.

Таким образом, в целом к необходимости особого отношения к несовершеннолетним спортсменам в рамках антидопинговой системы каких-либо возражений нет. Несмотря на то, что обоснование включения в исследуемую категорию несовершеннолетних не требует серьёзного анализа, так как из самой сущности всех нормативных правовых актов исходит аксиома об уяз-

вимом положении несовершеннолетних, между нормами российского уголовного права, с одной стороны, и Кодексом, Общероссийскими антидопинговыми правилами, а также иными нормативными актами *lex sportiva*, существует «дихотомия» статусов лиц, не достигших возраста 18 лет, но достигших возраста 16 лет, и не достигших возраста 16 лет.

Несовершеннолетние (от 16 лет) спортсмены, участвовавшие в международных спортивных соревнованиях, несут ответственность наравне с взрослыми спортсменами. То есть в Кодексе все несовершеннолетние спортсмены не сводятся в одну группу «неспособных понимать запреты», так как предполагается, что это противоречит особенностям статуса спортсмена, в частности из-за обязанности не допускать попадания запрещённой субстанции и/или запрещённого метода в организм, не использовать такие субстанции и/или методы. Кроме этого, большое число спортсменов, достигая 16 лет, уже участвует в международных соревнованиях высокого уровня, проходят процедуры допинг-контроля, способны ориентироваться в запретах.

Проблему составляет включение категорий «недееспособный» или «ограниченно дееспособный». В России это означает признание лица недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда.

В соответствии со ст. 29 Гражданского кодекса для признания гражданина недееспособным необходимо наличие психического расстройства, когда лицо не может понимать значения своих действий или руководить ими. Конституционный Суд РФ разъяснил, что установление недееспособности возможно как при наличии обоих признаков психического расстройства, так и при наличии одного из них [16].

Ограниченная дееспособность также устанавливается судом в случае, если лицо страдает лудоманией, наркоманией и алкоголизмом. Хотя стоит отметить, что эти заболевания не распространены среди спортсменов, точнее практически не встречаются. Поэтому наиболее вероятно спортсмен будет ограничен судом в дееспособности, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Это не даёт возможности охватить психически здоровых, но имеющих недостатки, которые не позволяют полноценно исполнять обязанность по непопаданию в организм запрещённых субстанций и/или методов.

В понятие защищённые лица включаются только такие лица, страдающие психическим расстройством или иными заболеваниями, которые имеют подтверждённый судом статус. Общероссийские антидопинговые правила в этой части дословно воспроизводят кодекс ВАДА, то есть также ограничивают круг охраняемых лиц только теми, кто по решению суда признан недееспособным или ограниченно дееспособным.

Дополнительное условие о признании статуса недееспособных через суд, как ни странно, даёт больше гарантий для защиты действительно уязвимых. Так, в 2000 году из 12 членов команды по баскетболу из Ис-

паний 10 не имели нарушений интеллекта, хотя выступали в «Классификации 11: Спортсмены с интеллектуальными нарушениями» [17].

Не так давно индийский легкоатлет Винод Кумар был дисквалифицирован на 2 года за обман относительно тяжести заболевания [18]. Признание национальным судом недееспособности или ограниченной дееспособности может отграничить защищённых лиц среди паралимпийцев от иных спортсменов.

Вместе с тем ВАДА и национальные антидопинговые организации упускают ряд моментов.

Не только недееспособным или ограниченно дееспособным сложно осознать запреты, тем более, когда в отношении них нарушаются антидопинговые правила со стороны их ближайшего окружения. Вопреки нормативному регулированию ВАДА, требовать от паралимпийцев, которые страдают умственной отсталостью, слепотой, вынуждены принимать большой объём препаратов полноценно соблюдать все запреты и применять достаточно жёсткие санкции, привлекать к ответственности наравне с иными спортсменами тоже своего рода аморально. В меньшей степени это относится к спортсменам с серьёзными нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Внимание здесь необходимо обратить на ближайшее окружение, которое с большей вероятностью будет ответственно за использование запрещённых субстанций и/или методов. Кроме этого, в каждом государстве свои условия признания лиц недееспособными и ограниченно дееспособными [19]. Поэтому также необходимо учесть разницу в национальных законодательствах и уточнить перечень спортсменов, которые должны относиться к защищённым лицам.

В целом выявление допинга на спортивных соревнованиях между лицами с ограниченными возможностями низко, однако статистика не является нулевой. Исследование, проведённое К. Бланк и др., отмечает, что между паралимпийским и олимпийским видами спорта существуют сходства в допинге (например, распространённость, спортивные дисциплины) и антидопинге (образование, знания, восприятие) [20].

Таким образом, термин «защищённое лицо» лишь частично охватывает категорию «несовершеннолетний», одновременно включая и иных лиц, перечень которых также не полон.

Введение такого статуса – попытка Агентства ответить на злоупотребления в отношении несовершеннолетних и иных спортсменов. Это не решило проблемы одного из самых аморальных деяний в спорте – нарушение антидопинговых правил в отношении лиц, которые не до конца понимают запреты, связанные с допингом.

Такая мера рассматривается некоторыми авторами довольно запоздалой и не совсем проработанной. Так, М. Кампос считает, что концептуально это не соответствует требованию адекватности, так как «новый политический термин добавляется к старой небрежной политике» [21]. И.А. Васильев указывает на недоработки в части процедур и процесса в отношении исследуемой категории (в том числе правил доказывания) [22].

С другой стороны, по мнению Э. Клейдерман, предлагая использовать термин «защищённые лица», ВАДА расширяет рамки за пределы признания требующими повышенного внимания и повышенных гарантий только несовершеннолетних, включая в него лиц с когнитивными нарушениями [23].

Как и у любой новеллы законодательства, добавление категории защищённых лиц содержит как отрицательные, так и положительные стороны.

Положительные стороны заключаются в том, что в спорте наконец-то обратили внимание на гарантии особой группы спортсменов, несколько облегчив последствия уличения таких лиц в использовании запрещённых субстанций и/или методов.

Так, во-первых, в соответствии с п. 10.6.1.3 Кодекса защищённые лица и спортсмены-любители при незначительной вине и халатности снижается срок дисквалификации (максимум – два года), либо она вообще может отсутствовать (предупреждение).

Во-вторых, в соответствии с п. 14.3.7 Кодекса требование об обязательном публичном обнародовании в отношении защищённого лица (как и всех несовершеннолетних) не применяется.

Наконец, если лицо распространяет или пытается распространить запрещённую субстанцию и (или) метод, не относящиеся к особым, либо назначает или пытается назначить такую субстанцию или метод в отношении защищённого лица, то оно подлежит пожизненной дисквалификации.

Также стоит отметить, что в соответствии с п. 20.5.12 Кодекса национальные антидопинговые организации автоматически проводят расследования в отношении персонала спортсмена в случае любого нарушения антидопинговых правил защищённым лицом.

Отрицательные же стороны заключаются в том, что в любом случае такие лица будут нести ответственность, хотя и, возможно, без дисквалификации. Сами названные гарантии действуют в ограниченном числе случаев, полноценно права не защищают. В частности, не учитывается положение таких лиц – их возможности самостоятельно принимать решения ограничиваются родителями, тренером, специалистом по спортивной медицине, иным персоналом спортсмена.

Поэтому, даже при наличии сомнений в виновности такого лица, это не означает отказ от применения к нему мер ответственности.

Самое известное дело современности после введения в Кодекс понятия «защищённое лицо» является дело К. Валиевой, которую привлекли к ответственности (дисквалификация на 4 года) вследствие выявления факта употребления запрещённой субстанции – триметазидина.

Спортивный арбитражный суд в г. Лозанне подчеркнул, что если защищённое лицо не может исполнить бремя доказывания, которое в соответствии с Общероссийским антидопинговыми правилами возлагается на спортсмена – доказать отсутствие вины, правила не дают оснований относиться к ним иначе, чем к взрослым спортсменам [24].

То есть, с одной стороны, ВАДА провозглашает то, что такие лица не могут в полной мере осознавать все запреты, а с другой стороны, позволяет их наказывать, хотя и менее строго. При этом вполне разумно утверждать, что такие лица действовали не по своей воле. Агентство не учитывает, что с момента начала полноценной борьбы с допингом, так или иначе, возникали скандалы, связанные с использованием в отношении несовершеннолетних спортсменов или иных лиц запрещённых субстанций и/или методов, которые свидетельствовали о подчинённости таких спортсменов. Например, австралийского спортсмена Джеррарда Госсенса (паратриатлон) дисквалифицировали из-за того, что запрещённый эритропозтин нашли у его проводника – профессионального спортсмена Стивена Томпсона. Д. Госсенс слепой, и проводник подсказывает только направление, никак не помогая в самом состязании [25].

В связи с этим возникает вопрос, почему ВАДА не включает в категорию «защищённые лица» слепых, а также иных лиц, которые не имеют психических расстройств, но не могут полноценно исполнять обязанности в силу какого-либо физического заболевания. Влияние запрещённых субстанций или методов на здоровье и судьбу таких спортсменов также предопределяет необходимость более строгой ответственности за действия, лишаящие или игнорирующие их волю. С другой стороны, «привилегии» защищённых спортсменов не позволяют им действительно быть «защищёнными».

Поэтому мы согласны с утверждением М. Кампоса о том, что Агентство превращает несовершеннолетних и иных защищённых лиц из жертв в подозреваемых и не предлагает морального оправдания для этого [21]. Выделение таких субъектов можно считать частично обоснованным, но гарантии фактически нивелированы равным отношением к таким лицам и взрослым спортсменам.

Модель изменения уголовного законодательства для повышения эффективности защиты уязвимых спортсменов

Так как политика ВАДА в отношении защиты таких спортсменов противоречива, российский законодатель может и должен действовать более последовательно.

Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте закрепляет обязанность государств-участников принимать на национальном и международном уровнях надлежащие меры, соответствующие принципам Кодекса. То есть на такие меры должны распространяться требования о дифференциации ответственности в зависимости от категории спортсмена.

Любой национальный законодатель, в том числе российский, не вправе самостоятельно определять категории привлекаемых лиц в рамках спортивной ответственности. В п. 23.2.2. Кодекса установлено, что антидопинговые организации должны включать большинство норм без существенных изменений.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: «предотвращение допинга в спорте и борьба с ним осуществляются в соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом, антидопинговыми правилами, утвержденными международными антидопинговыми организациями, и разработанными с учетом указанных кодекса и правил общероссийскими антидопинговыми правилами».

Иными словами, сами по себе антидопинговые правила, в том числе нормы об ответственности, унифицированы, но национальный законодатель свободен в выборе иных мер ответственности. Поэтому у него больше возможностей разработать и применить эффективные меры не только для наказания виновных, но и в целом для более качественного противодействия допингу в зависимости от масштаба проблемы с ним в стране.

Поэтому в силу несовершенства спортивного законодательства, а именно отсутствия гарантий полноценного противодействия нарушениям в отношении защищённых лиц, полноценного наказания для лиц, вовлекающих защищённых лиц в использование запрещённых субстанций и/или методов, российский законодатель должен предусмотреть внутренние эффективные меры ответственности. В связи с этим задачей законодателя в уголовной сфере должно являться выявление наиболее негативных, противоправных деяний в сфере спорта (в части допинга), их криминализация.

Российский законодатель не воспользовался этой возможностью. Его выбор можно оспорить – фактически им криминализированы крайне редкие и акцессорные по отношению к использованию самим спортсменом запрещённых субстанций и/или методов деяния. Более того, несовершеннолетних и иных социально уязвимых лиц законодатель и вовсе обошёл стороной в Исполнении. Хотя Исполнение без ведома спортсмена нам представляется несколько более общественно опасным по сравнению со Склонением, так как не оставляет вообще никакого права выбора спортсмену относительно приёма запрещённых субстанций и/или методов.

Как мы уже отмечали, одни из самых аморальных и опасных деяний в спорте – деяния в отношении лиц, которые не в полной мере могут осознать все запреты в силу возраста или умственных способностей. Обоснование аморальности кроется в самой сущности спорта: если сам допинг в корне противоречит духу спорта, то в отношении несовершеннолетних или иных социально уязвимых лиц, это деяние ещё более противно основам спорта. В связи с этим возводить в степень преступлений необходимо те нарушения, которые совершаются не только в отношении несовершеннолетних, но и всех социально уязвимых лиц, иными словами, защищённых лиц, круг которых определяется Кодексом, Общероссийским антидопинговыми правилами, иными актами *lex sportiva*.

С точки зрения ВАДА не все несовершеннолетние являются защищёнными лицами, потому что уже

участвовали в международных спортивных соревнованиях, то есть уже доказали возможность понимать все запреты.

Участие в международных спортивных соревнованиях предполагает прохождение наиболее строгого контроля. На этом этапе сам спортсмен должен понимать все воздействия, оказываемые на него, своевременно сообщать о недобросовестном поведении тренера, персонала спортсмена.

В этой части дифференциации несовершеннолетних на лиц, которые в любом случае будут относиться к «защищённым» (не достигли 16 лет), и лиц, которые по достижению названного возраста уже участвовали или начали принимать участие в международных спортивных соревнованиях, то есть явно осознают запреты, проходили все процедуры допинг-контроля, Кодекс более логичен. По сути, он устанавливает плавный переход, фактически учитывая возможность/невозможность осознания потерпевшим действий с ним. Такой подход менее формален. В уголовном законодательстве также необходимо учитывать статус спортсменов для того, чтобы избежать их излишней виктимизации. В этой части уголовное законодательство должно учитывать особенности регулирования в рамках спортивного законодательства.

Недееспособные и ограниченно дееспособные лица также являются уязвимой группой, деяния в отношении них также требуют более строгого наказания. Однако также уязвимыми будут те спортсмены, которые хотя и не признаны национальным судом недееспособными или ограниченно дееспособными, но в силу ряда причин не могут полноценно исполнять основную обязанность по недопущению попадания запрещённых субстанций и/или методов. В этой части необходимо изменить подход ВАДА и иных антидопинговых организаций в расширении категории «защищённые лица».

Что касается деяний в отношении «защищённых лиц», которые должны быть запрещены уголовно-правовыми мерами, следует учитывать, что уголовная ответственность может быть только за умышленные нарушения антидопинговых правил, непосредственно связанные с введением или попыткой введения в организм спортсмена запрещённых субстанций, либо применением или попыткой применения запрещённых методов. Иные нарушения не наносят существенного вреда тем ценностям, на которых основан спорт, в достаточной мере наказание должно происходить в рамках спортивной ответственности.

Например, тренер без ведома спортсмена, применил к нему запрещённую субстанцию, подмешав её в еду, или назначил под видом витаминов. В таких условиях ни субъекты спортивной сферы, ни зрители не могут достоверно знать, «чистая» ли была победа спортсмена. Более того, при отсутствии согласия над спортсменом проводится что-то вроде эксперимента, когда и другие спортсмены, и он введены в заблуждение относительно его чистоты. В этой ситуации никто не может гарантировать «чистоту» проведения спортивных соревнований.

Если с этим сталкивается спортсмен, который в силу возраста, психического или физического состояния не

способен понять действия в отношении него, это нельзя назвать склонением. Это должно рассматриваться как использование в отношении него запрещённых субстанций и/или методов, так как такой спортсмен не всегда может осознавать запреты, поскольку беспомощен и не может адекватно противостоять совершению в отношении него нарушений антидопинговых правил.

В связи с этим необходимо отдельно криминализировать использование в отношении защищённого спортсмена запрещённых в спорте субстанций и/или методов с одновременным расширением категории защищённых лиц в Кодексе и соответственно иных антидопинговых актах (в частности, Общероссийских антидопинговых правилах).

При этом наказуемость такого использования не должна зависеть от наличия или отсутствия согласия самих спортсменов, так как они полноценно не смогут выразить свою волю.

С учётом того, что сам термин «защищённые лица» в Кодексе и иных нормативных актах не охватывает всех категорий уязвимых лиц, стоит добавить его определение в качестве примечания к соответствующей статье Уголовного кодекса до момента изменения бланкетной нормы.

Заключение

В заключении стоит отметить, что категория «защищённые лица» появилась в Кодексе вследствие того, что любое национальное законодательство закрепляет несовершеннолетним, недееспособным, ограниченно дееспособным некоторые преференции. В части спорта это касается более мягких наказаний в ряде случаев, но не отказа от них полностью даже в случае незначительной вины или халатности. В Уголовном кодексе более строго наказываются только действия в отношении несовершеннолетних спортсменов. Сами спортсмены не являются субъектами Склонения и Использования.

То есть в Кодексе спортсмен поставлен в очень невыгодное для себя положение, практически не имея возможности избежать дисквалификации, то в российском уголовном законодательстве избран излишне гуманный подход, в соответствии с которым спортсмены исключены как субъекты в составах Склонения и Использования, однако категория специальных потерпевших в рамках квалифицированного состава Склонения включает всех несовершеннолетних.

При этом нормы спортивного права дифференцируют несовершеннолетних. Если до шестнадцати лет любое лицо считается защищённым, то с шестнадцати до восемнадцати лет лицо будет считаться защищённым, только если до этого не соревновалось в международном спортивном соревновании (под эгидой Международного олимпийского комитета, крупного организатора спортивных соревнований и т.п.). В этой части Кодекс обеспечивает более плавный переход, учитывая возраст вступления в профессиональный спорт. Однако в то же время в Кодексе упускается ряд спортсменов, которые по национальному законодательству не всегда могут быть признаны недееспособными или

ограниченно дееспособными, но не могут полноценно исполнять обязанность по недопущению попадания в организм спортсмена запрещённых субстанций и/или методов, отслеживать действия иных спортсменов, тренеров, персонала спортсмена.

Первичное регулирование отношений – *lex sportiva*, т.е. не учитывать особенности статуса определённых спортсменов, является упущением законодателя, так как не только несовершеннолетние спортсмены подвергнуты большому влиянию со стороны иных лиц. Так, ряд заболеваний спортсменов, связанных с когнитивными нарушениями (паралимпийцев), не позволяет им полноценно понимать манипуляции с запрещёнными субстанциями и(или) методами со стороны тренера или спортивного врача.

Таким образом, для более эффективного противодействия нарушениям антидопинговых правил уголовно-правовыми мерами необходимо применительно к использованию в отношении спортсменов запрещённых субстанций и/или методов расширить перечень квалифицирующих признаков, установив ответственность за неправомерные действия в отношении не только несовершеннолетних спортсменов, но и всех защищённых лиц.

При этом необходимо, безусловно, учитывать необходимость расширения самой категории «защищённые лица». Для того чтобы не ожидать внесения изменений в бланкетное законодательство, необходимо определить такое понятие в примечании к ст. 230² Уголовного кодекса.

Список источников

1. Брусникина О.А., Песков А.Н. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 31. С. 41–54.
2. Mottram D. Banned drugs in sport. Does the International Olympic Committee (IOC) list need updating? // Sports medicine. Auckland, N.Z., 1999. № 27. Р. 1–10.
3. Титлова Д.В. Сущность объекта уголовно-правовой охраны составов допинговых преступлений // Вестник ЮГУ. 2021. № 2 (61). С. 23–30.
4. Чеботарев А.В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 76–97.
5. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта / Д.А. Безбородов, А.Н. Берестовой, М.Х. Гельдибасов, С.У. Дикаев, И.М. Клейменов, Е.В. Топильская, Е.Н. Рахманова, П.В. Цветков, Н.Ю. Филатова ; под ред. Е.Н. Рахмановой. СПб., 2022. 298 с.
6. Андреас Кригер Хайди: самый дальний бросок. URL: <https://www.andreas-krieger-story.org/ru/> (дата обращения: 18.04.2025).
7. The prodigy whose body lasted two years // The Guardian. 01.11.2005. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2005/nov/01/athletics.comment> (дата обращения: 18.04.2025).
8. Герман: в 80% всех нарушений антидопинговых правил юными спортсменами виноваты родители // ТАСС. 12.04.2025. URL: <https://tass.ru/sport/23666723?ysclid=ma0vmj7fzh453152321> (дата обращения 29.04.2025).
9. Operation Refuge (An Examination of Doping Among Minors). URL: <https://www.wada-ama.org> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения 20.04.2025).
11. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения 20.04.2025).
12. Фазлиев А.А. Нарушение антидопинговых правил: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 285 с.
13. Erickson K., Backhouse S.H., Carless D. Doping in Sport: Do Parents Matter? // Sport, Exercise, and Performance Psychology. 2017. № 6 (2). Р. 115–128.
14. Teetzel S. Philosophical Perspectives on Doping Sanctions and Young Athletes // Frontiers in Sports and Active Living. 2022. № 4. doi: 10.3389/fspor.2022.841033
15. Понкин И.В., Шевченко О.А., Рогачев Д.И., Редькина А.И. Особенности правовой защиты несовершеннолетних спортсменов при организации и проведении спортивных соревнований // Право и государство: теория и практика. 2017. № 7 (151). С. 67–70.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.
17. Why would you DO that? Faking disability at the Paralympics // The Conversation. 05.09.2012. URL: <https://theconversation.com/why-would-you-do-that-faking-disability-at-the-paralympics-8682>
18. Board of appeal of classification Decisions. URL: <https://www.paralympic.org/athletics/classification/bac-decisions>
19. Скоробогатова В.В. Признание недееспособным или ограниченно дееспособным несовершеннолетнего лица: сравнительно-правовой аспект // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 4. doi: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).29
20. Blank C., Weber K., Boardley I.D., Abel T., Schobersberger W., Patterson L.B. Doping in Paralympic sport: perceptions, responsibility and anti-doping education experiences from the perspective of Paralympic athletes and parasport coaches // Frontiers Sports in active Living. 2023. № 5. doi: 10.3389/fspor.2023.1166139
21. Campos M., Parry J., Martinková I. WADA's Concept of the «Protected Person» – and Why it is No Protection for Minors // Sport, Ethics and Philosophy. 2022. № 17 (1). Р. 58–69.
22. Vasilyev I.A. Contaminated product and lifting a mandatory provisional suspension: Is there a new standard of proof in case of the All-Russian Anti-Doping Rules? // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2022. № 3. С. 804–809.
23. Kleiderman E., Thompson R., Borry P., Boily A., Knoppers B. Doping controls and the «Mature Minor» elite athlete: Towards clarification? // International Journal of Sport Policy and Politics. 2019. № 12. Р. 1–9.
24. Kamila Valieva is found to have committed an anti-doping rule violation and sanctioned with a four-year period of ineligibility commencing on 25 December 2021. URL: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/news-detail/article/kamila-valieva-is-found-to-have-committed-an-anti-doping-rule-violation-and-sanctioned-with-a-four-year/> (дата обращения: 18.04.2025).
25. Blind Paralympian banned from competing after his guide tested positive for banned substance. URL: <https://www.news.com.au/sport/olympics/athletics/blind-paralympian-banned-from-competing-after-his-guide-tested-positive-for-banned-substance/news-story/b88eebde3ef826229f7ecab20c06a893> (дата обращения: 20.05.2025).

References

1. Brusnikina, O.A. (2014) Praktika primeneniya dopinga v professional'nom sporte i posledstviya dlya zdorov'ya sportsmenov [Doping practice in professional sports and health consequences for athletes]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 31. pp. 41–54.
2. Mottram, D. (1999) Banned drugs in sport. Does the International Olympic Committee (IOC) list need updating? *Sports medicine*. 27. pp. 1–10.
3. Titlova, D.V. (2021) Sushchnost' ob"ekta ugovolno-pravovoy okhrany sostavov dopingovykh prestupleniy [The essence of the object of criminal law protection of doping offenses]. *Vestnik YuGU*. 2 (61). pp. 23–30.
4. Chebotarev, A.V. (2019) Yuridicheskaya otvetstvennost' za narushenie antidopingovykh pravil v Rossii: problemy i perspektivy [Legal liability for anti-doping rule violation in Russia: problems and prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 76–97.
5. Rakhmanova, E.N. (ed.) (2022) *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy protivodeystviya prestupnosti v sfere sporta* [Criminal and Criminological Issues of Combating Crime in the Field of Sports]. Saint Petersburg: Asterion.
6. Gemeinsam gegen Doping. (2025) *Andreas Kriger Khaydi: samyy dal'nij broсок* [Andreas Krieger Heidi: The Longest Throw Ever]. [Online] Available from: <https://www.andreas-krieger-story.org/ru/>. (Accessed: 18.04.2025).
7. The Guardian. (2005) The prodigy whose body lasted two years. *The Guardian*. 1 November. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/sport/2005/nov/01/athletics.comment>. (Accessed: 18.04.2025).
8. TASS. (2025) German: v 80% vsekh narusheniy antidopingovykh pravil yunymi sportsmenami vinovaty roditeli [Parents are to blame for 80% of all anti-doping rule violations committed by young athletes]. *TASS*. 12 April [Online] Available from: <https://tass.ru/sport/23666723?ysclid=ma0vmj7fzh453152321>. (Accessed: 29.04.2025).
9. World Anti-Doping Agency. (2025) Operation Refuge (An Examination of Doping Among Minors). *WADA*. [Online] Available from: <https://www.wada-ama.org>. (Accessed: 25.04.2025).
10. Academic.ru. (2025) Tolkovyy slovar' Ushakova [Ushakov's Explanatory Dictionary]. *Academic.ru*. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>. (Accessed: 20.04.2025).
11. Academic.ru. (2025) Tolkovyy slovar' Ozhegova [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. *Academic.ru*. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>. (Accessed: 20.04.2025).
12. Fazliev, A.A. (2023) *Narushenie antidopingovykh pravil: ugovolno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty* [Anti-doping rule violation: criminal-law and criminological aspects]. Law Cand. Diss. Kazan.
13. Erickson, K., Backhouse, S.H. & Carless, D. (2017) Doping in sport: do parents matter? *Sport, Exercise, and Performance Psychology*. 6 (2). pp. 115–128.
14. Teetzel, S. (2022) Philosophical perspectives on doping sanctions and young athletes. *Frontiers in Sports and Active Living*. 4. doi: 10.3389/fspor.2022.841033
15. Ponkin, I.V. et al. (2017) Osobennosti pravovoy zashchity nesovershennoletnikh sportsmenov pri organizatsii i provedenii sportivnykh sorevnovaniy [Features of the legal protection of minor athletes in the organization and holding of sports competitions]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 7 (151). pp. 67–70.
16. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. (2012) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.06.2012 № 15-P "Po delu o provere konstitutsionnosti punktov 1 i 2 stat'i 29, punkta 2 stat'i 31 i stat'i 32 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki I.B. Delovoy" [On the Case Concerning the Review of the Constitutional Validity of Clauses 1 and 2 of Article 29, Clause 2 of Article 31, and Article 32 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen I.B. Delovaya. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P of June 27, 2012]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 5.
17. The Conversation. (2012) Why would you DO that? Faking disability at the Paralympics. *The Conversation*. 5 September. [Online] Available from: <https://theconversation.com/why-would-you-do-that-faking-disability-at-the-paralympics-8682>.
18. World Para Athletics. (2025) Board of appeal of classification decisions. *World Para Athletics*. [Online] Available from: <https://www.paralympic.org/athletics/classification/bac-decisions>.
19. Skorobogatova, V.V. (2017) Priznanie nedeеспособным ili ogranichenno deеспособным nesovershennoletnego litsa: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Recognition of a minor as incompetent or with limited legal capacity: a comparative legal aspect]. *Baikal Research Journal*. 4 (8). doi: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).29
20. Blank, C., Weber, K., Boardley, I.D., Abel, T., 20. Schobersberger, W. & Patterson, L.B. (2023) Doping in Paralympic sport: perceptions, responsibility and anti-doping education experiences from the perspective of Paralympic athletes and parasport coaches. *Frontiers Sports in Active Living*. 5. doi: 10.3389/fspor.2023.1166139
21. Campos, M., Parry, J. & Martinková, I. (2022) WADA's concept of the "protected person" – and why it is no protection for minors. *Sport, Ethics and Philosophy*. 17 (1). pp. 58–69.
22. Vasilyev, I.A. (2022) Contaminated product and lifting a mandatory provisional suspension: Is there a new standard of proof in case of the All-Russian Anti-Doping Rules? *Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo*. 3. pp. 804–809.
23. Kleiderman, E. et al. (2019) Doping controls and the "Mature Minor" elite athlete: Towards clarification? *International Journal of Sport Policy and Politics*. 12. pp. 1–9.
24. Court of Arbitration for Sport. (2025) Kamila Valieva is found to have committed an anti-doping rule violation and sanctioned with a four-year period of ineligibility commencing on 25 December 2021. *Court of Arbitration for Sport*. [Online] Available from: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/news-detail/article/kamila-valieva-is-found-to-have-committed-an-anti-doping-rule-violation-and-sanctioned-with-a-four-y/>. (Accessed: 18.04.2025).
25. News.co.au. (2025) Blind Paralympian banned from competing after his guide tested positive for banned substance. *News.co.au*. [Online] Available from: <https://www.news.com.au/sport/olympics/athletics/blind-paralympian-banned-from-competing-after-his-guide-tested-positive-for-banned-substance/news-story/b88eebde3ef826229f7ecab20c06a893>. (Accessed: 20.05.2025).

Информация об авторе:

Сынтин А.В. – преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (Омск, Россия). E-mail: anton@syntin.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Syntin, lecturer, Siberian Law University (Omsk, Russian Federation). E-mail: anton@syntin.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 14.06.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.